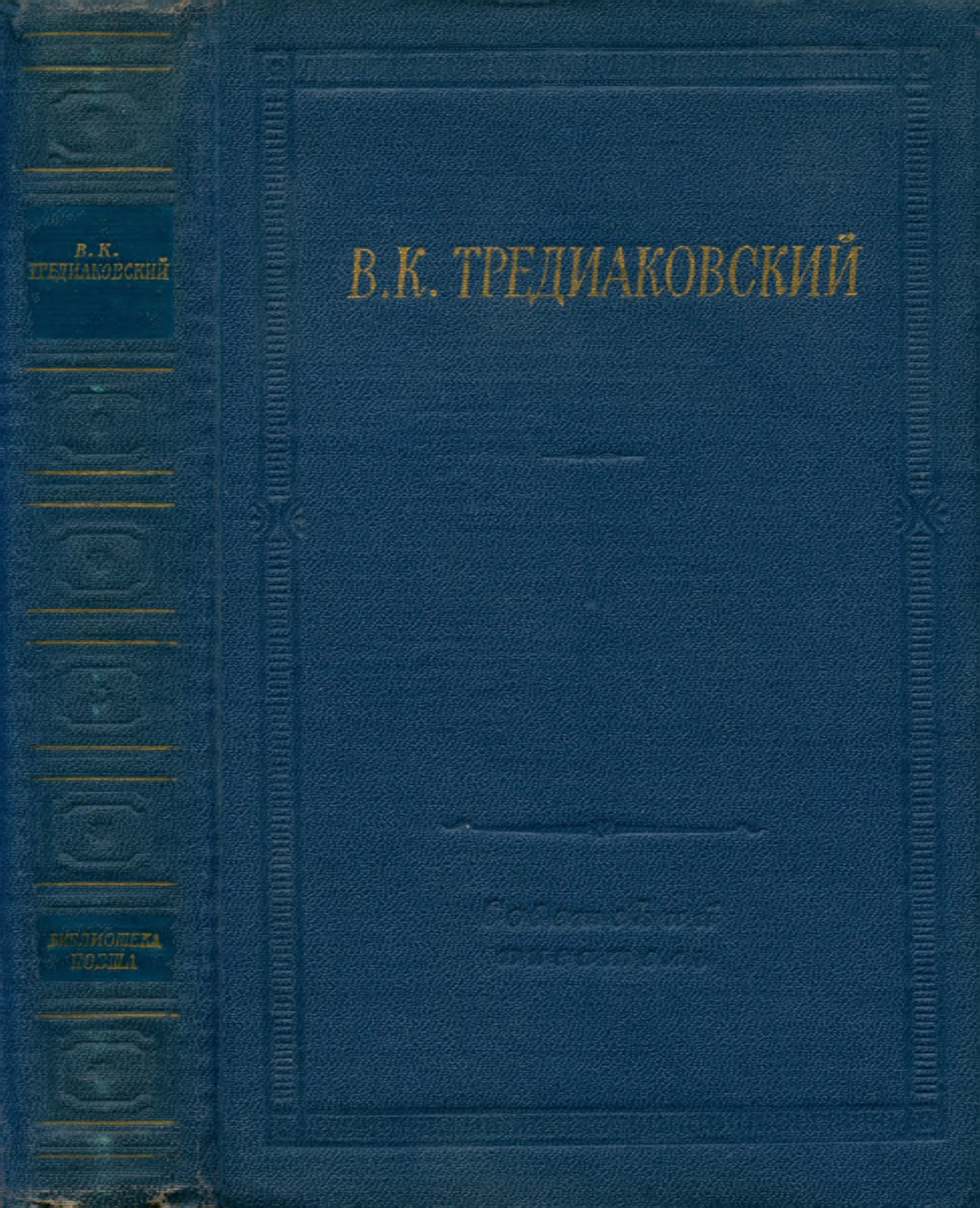
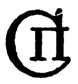

В. К.
ТРЕДИАКОВСКИЙ
БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА
В.К. ТРЕДИАКОВСКИЙ



БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья и подготовка текста
Л. И. Тимофеева

Примечания Я. М. Строчкова

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД · 1963

Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1769) — один из зачинателей русской поэзии, реформатор стихотворного языка и выдающийся теоретик поэзии — оставил после себя обширное наследие. Его стихи своеобразны и, несмотря на отдаленность эпохи, в которую они были созданы, не лишены поэтической силы и очарования. Произведения В. К. Тредиаковского издавались в очень ограниченном объеме. Настоящий сборник является наиболее полным советским изданием стихотворений поэта. В книгу вошли также основные статьи В. К. Тредиаковского, посвященные реформе русского стихосложения.

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА ПОЭМЫ «ФЕОПТИЯ»
И ПРИМЕЧАНИЯ К НЕЙ
И. З. СЕРМАНА

ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ ТРЕДИАКОВСКИЙ
(1703—1769)

1

И жизнь, и творческая деятельность, и посмертная литературная судьба В. К. Тредиаковского богаты странностями, злоключениями, противоречиями. Необычно его детство. Сын астраханского священника, он получил образование в школе католических монахов капуцинского ордена (где обучение велось на латинском языке). Необычно прошли и его юность и годы учения. Он бежал из Астрахани в Москву, из Москвы, где стал учиться в Московской Славяно-греко-латинской академии, бежал снова, на этот раз в Голландию, а оттуда перебрался в Париж, «шедши пеш за крайнею уже своею бедностию».[1] В Париже Тредиаковский обучался в Сорбонне математическим, философским и богословским наукам, и вернулся на родину в 1730 году.

Но и после возвращения судьба его была и сложна и трудна. Первые годы на родине для Тредиаковского — это годы славы и почета: он — придворный поэт, профессор Академии наук («сие ученое достоинство... первый он из россиян имел счастие получить»[2]). А уже в 50-е годы Тредиаковский так писал о своем состоянии: «Ненавидимый в лице, презираемый в словах, уничтожае-

[1] «Записки имп. Академии наук», т. 7, кн. 2. СПб., 1865, Приложение № 4, стр. 30.

[2] «Краткое описание жизни и ученых трудов сочинителя сия трагедии». — В. К. Тредиаковский. Деидамия. М., 1775, стр. 2—3.

мый в делах, осуждаемый в искусстве, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищем, еще и во нравах (что сего бессовестнее?) оглашаемый... всеконечно уже изнемог я в силах к бодрствованию: чего ради и настала мне нужда уединиться...»[1]

Выпущенная им в 1766 году «Тилемахида» — итог огромного многолетнего труда, более шестнадцати тысяч строк гекзаметра — была осмеяна сразу же после выхода: «При императрице Екатерине II в Эрмитаже установлено было шуточное наказание за легкую вину: выпить стакан холодной воды и прочесть из «Тилемахиды» страницу, а за важнейшую выучить из оной шесть строк».[2]

Судьба была к нему сурова и после смерти. И. Лажечников в романе «Ледяной дом» (1835) так писал о Тредиаковском: «О! По самодовольству, глубоко протоптавшему на лице слово *«педант!»* — по этой бандероле, развевающейся на лбу каждого бездарного труженика учености, по бородавке на щеке вы угадали бы сейчас будущего профессора элоквенции Василия Кирилловича Тредьяковского. Он нес огромный фолиант под мышкой. И тут разгадать нетрудно, что он нес — то, что составляло с ним: *я* и *он, он* и *я* Монтаня, свое имя, свою славу, шумящую над вами совиными крыльями, как скоро это имя произносишь, власяницу бездарности, вериги для терпения, орудие насмешки для всех возрастов, для глупца и умного. Одним словом, он нес „Телемахиду“».

Воспринял эту традицию и Белинский: «Тредьяковский, — писал он, — с его бесплодною ученостию, с его бездарным трудолюбием, с его схоластическим педантизмом, с его неудачными попытками усвоить русскому стихотворству правильные тонические размеры и древние гекзаметры, с его варварскими виршами и варварским двоекратным переложением Роллена... все, что было сделано Тредьяковским, оказалось неудачным, — даже его попытки ввести в русское стихотворство правильные тонические метры...»[3]

Однако звучали и другие голоса. Характерно предисловие (без подписи) к изданной после смерти Тредиаковского (в 1775 году) трагедии «Деидамия»: «Сей муж многими своими в пользу соотчичей трудами приобрел бессмертную память и славу. Он первый издал правила российского нового стихосложения, коим следовали

---

[1] «Записки имп. Академии наук», т. 9, кн. 1. СПб., 1866, стр. 179.

[2] Митрополит Евгений. Словарь светских писателей, т. 2. М., 1845, стр. 221.

[3] «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Полн. собр. соч., т. 10. М., 1956, стр. 8.

и ныне следуют все почти российские стихотворцы. Он сочинил много прозаических и стихотворных книг, а перевел и того больше, да и столь много, что кажется невозможным, чтобы одного человека достало к тому столько сил... он первый открыл в России путь к правильному стихотворству... Достодолжная ему хвала... представляется в сочиненных стихах к его портрету, в 1766 году писанному...

Стих начавшего стопой прежде всех в России,
Взор художеством черты представляют сии:
Он есть Тредьяковский, трудолюбный филолог,
Как то уверяет с мерой и без меры слог;
Почести лишить его страсть сколь ни кипела,
Но воздать ему венок правда предуспела». [1]

Поучительно и предисловие ко второму изданию «Езды в остров Любви» (1778): «Сия трудов славного российского писателя г. Тредиаковского книжка хотя уже и обращалась в публике, но поелику от ее издания немало времени протекло, то и рассуждено за благо оную, яко забавную, а притом и изъявляющую разверзающееся дарование и природную способность сего трудолюбивого мужа, для любящих его переводы и сочинения, вторично, и точно в таком порядке, напечатать, в каком она прежде была напечатана». [2]

Все это очевидные доказательства того, что для известного круга современников Тредиаковский представлял вполне реальную и незаурядную поэтическую величину. Примечательно и другое. Если Екатерина и близкие ей литераторы по сути дела стремились вытеснить Тредиаковского из литературы, то передовые писатели того времени оценивали его совершенно иначе.

Н. И. Новиков в своем «Опыте исторического словаря о русских писателях» [3] говорит о Тредиаковском: «Сей муж был великого разума, многого учения, обширного знания и беспримерного трудолюбия; весьма знающ в латинском, греческом, французском, итальянском и в своем природном языке; также в философии, богословии, красноречии и в других науках. Полезными своими трудами приобрел себе бессмертную славу...» Выступал в защиту Тредиаковского Н. И. Новиков и в своем журнале «Трутень».

---

[1] «Деидамия». М., 1775, стр. 3—4, 10.
[2] «Езда в остров любви». СПб., 1778.
[3] СПб., 1772, стр. 218.

Столь же решительными были и слова Радищева: «Тредиаковского выроют из поросшей мхом забвения могилы, в «Тилемахиде» найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы».[1]

В 1841 году в посмертном собрании сочинений Пушкина была опубликована его статья о книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». В статье Пушкин говорил и о Тредиаковском: «Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел в русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывают необыкновенное чувство изящного. В «Тилемахиде» находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о них целую статью... Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского...»[2]

В 1856 году было опубликовано письмо Пушкина И. Лажечникову, где, говоря о «Ледяном доме», Пушкин замечал: «За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей».[3]

В конце 1840-х годов выход сразу двух изданий Тредиаковского послужил сигналом к серьезному пересмотру и переоценке научной и литературной деятельности поэта.[4]

В настоящее время советское литературоведение высоко оценивает Тредиаковского и как ученого и как поэта. «Несмотря на значительный успех сатир Кантемира, — писал Г. А. Гуковский еще в 1926 году, — истинным начинателем новой русской поэзии следует, по-видимому, считать его ближайшего преемника, Тредиаков-

---

[1] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1. М.—Л., 1938, стр. 353. См. также его «Памятник дактилохореическому витязю». Полн. собр. соч., т. 2, 1941.

[2] Пушкин. Полн. собр. соч., т. 11. М.—Л., 1949, стр. 253—254. См.: Е. В. Матвеева. Пушкин и Тредиаковский. — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена», 1949, т. 76.

[3] Пушкин. Полн. собр. соч., т. 16. М.—Л., 1949, стр. 62.

[4] Сочинения Тредиаковского, тт. 1—3. СПб., 1849, и Избранные сочинения В. К. Тредиаковского. М., 1849. См. вступительную статью П. Перевлесского к Избранным сочинениям, стр. XXXIX—XL, а также статьи Ир. Введенского («Северное обозрение», 1849, ноябрь, стр. 449, 428), М. Погодина («Москвитянин», 1851, № 11, стр. 227), В. Варенцова («Московские ведомости», 1860, 16 февраля, стр. 275).

ского. Этот замечательный человек, в свое время недооцененный, отличался силой теоретического мышления еще в большей степени, чем даром самостоятельного создания новых поэтических форм... Опыты первой поры творчества Тредиаковского решительно отразились на ходе поэзии ближайших десятилетий». [1]

Конечно, многое в оценке деятельности Тредиаковского остается спорным, многое в его творчестве — еще не изученным, но положительное значение, которое имел Тредиаковский как новатор и в области филологии и в области поэзии, сейчас уже не вызывает сомнений.

Естественно, встает вопрос, чем же объясняется близорукость тех, кто так упорно отказывал Тредиаковскому в признании, да и близорукость ли это на самом деле.

Несомненно, что вокруг Тредиаковского шла явная идейная борьба. В той или иной оценке его деятельности был заключен определенный общественный смысл, отнюдь не сводившийся к узколитературной трактовке, скажем, качества его гекзаметров.

Весьма существенны соображения академика А. С. Орлова о том, что «в «Тилемахиде» не нравилось Екатерине не форма, а содержание...» [2]

Не случайно, что две самые большие работы Тредиаковского посвящены переводу западных утопистов и отчасти сатириков — Барклая («Аргенида») и Фенелона («Тилемахида»). В «Аргениде» Барклай, давая сатирическое изображение нравов французского двора, поучал государей, как следует править. Книгу Фенелона «Приключения Телемака» (в переводе Тредиаковского — «Тилемахиду») признали в свое время настолько зловредной, что папа Иннокентий XII произнес ей «отречение»; и в ней современники справедливо усматривали резкую критику французского двора и короля. Обе эти книги в применении к русской действительности давали материал для очень рискованных и острых сопоставлений.

В 1762 году вступила на престол после убийства Петра III Екатерина II. Обстоятельства ее воцарения были у всех на глазах,

---

[1] Григорий Гуковский. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927, стр. 12—13.

[2] А. С. Орлов. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского. — Сборник «XVIII век». М. — Л., 1935, стр. 23—25, 33. Эту же мысль высказал Ю. Тынянов в письме к М. Горькому 14 декабря 1931 года, говоря о Тредиаковском, «неприемлемом в его время социально и отчасти политически и поэтому захаянном свыше меры Екатериной» (Архив А. М. Горького).

предания о них были еще так свежи, а нравы Екатерины и ее двора настолько развращены, что следующий, например, эпизод «Тилемахиды», вышедшей в 1766 году, попадал, конечно, не в бровь, а в глаз: в 3-й и 8-й книгах «Тилемахиды» рассказана история царя Пигмалиона и его наложницы Астарвеи:

Та Астарвея жена была, как богиня, преслична,
В теле прелестном она имела разум прекрасный...

но

...Лютое сердце кипело в ней и наполнено злости;
Ум однак скрывал худую чувственность хитро.

Царя она не любила. После встречи с неким «дивно пригожим» юношей и других событий Астарвея решила убить Пигмалиона и захватить власть.

Народ, однако, восстал против нее. Ее схватили:

Начали ту уже́ по грязи влачить за космыни...
Стражею тотчас она в темницу вергнута мрачну.

Кончилось все тем, что Астарвея отравилась:

Вот, наконец, издохла она, оставивши в страхе
Всех, которы при ней издыхающей там находились.[1]

Существенно отметить и то, что Тредиаковский в «Тилемахиде» выступал отнюдь не как переводчик в обычном смысле этого слова. Он переводит прозу Фенелона стихами — гекзаметром, вводит в текст Фенелона собственное вступление и существенно перерабатывает и самый стиль оригинала. Понятно, что на протяжении более чем шестнадцати тысяч строк гекзаметра, составляющих собою «Тилемахиду» Тредиаковского, эта широкая переработка не могла не превратить его по сути дела в соавтора Фенелона.

Зная и о репутации, и о судьбе Барклая и Фенелона, Тредиаковский настойчиво и смело говорил о достоинствах их произведений.

«Тилемахида» решительно не подходила к обстановке екатерининского двора. С ней и с ее автором приходилось бороться. Несколько позднее Екатерина — на примерах хотя бы Новикова и

---

[1] «Тилемахида», т. 1. СПб., 1766, стр. 52 и 130—135.

Радищева — показала, как она умеет это делать, но в 60-е годы можно еще было быть мягче. И с Тредиаковским боролись тоньше: его выключили из общественного внимания, против него применили очень злое оружие — смех. Если его стихи рекомендовали как лучшее средство от бессонницы, это значило, что его исключали из числа писателей, «лишали огня и воды» (согласно римской формуле изгнания) в литературе.

Это было тем более существенно, что поэзия Тредиаковского была широко известна: «Когда Екатерина II изощряла свое остроумие над «Тилемахидой», — говорит исследователь русской музыкальной культуры Т. Ливанова, — стихи Тредиаковского были широко распространены как песни, любовно записывались и переписывались вместе с музыкой в сборниках кантов, бытуя без имени автора. . .» [1]

Не ограничиваясь художественными литературными источниками, Тредиаковский знакомил своих современников и с западноевропейской философией. Двенадцать из шестнадцати томов переведенной им «Римской истории» Ролленя, печатавшихся с 1761 по 1767 годы, содержат обширные «Предуведомления от трудившегося в переводе», в которых широко излагается учение знаменитого юриста и историка Самуила Пуфендорфа о естественном праве и его «Практическая философия».

Переводы «Древней» и «Римской истории» Ролленя, а также «Истории об императорах» ученика Ролленя — Кревиера (Кревье), над которыми Тредиаковский трудился в общей сложности тридцать лет, точно так же примыкают по своей идейной направленности к тому циклу литературных выступлений Тредиаковского, которые вводили в кругозор русских читателей значительные явления прогрессивной западноевропейской культуры. [2] Наконец, недавно найденная И. Серманом рукопись «Феоптии» свидетельствует о большом интересе В. Тредиаковского к западноевропейской философии и науке.

Очевидно, таким образом, что Тредиаковский занимал определенное и своеобразное место в идейной жизни своего времени. Стирая с его облика чернящие краски, произвольно нанесенные

---

[1] Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом, т. 1. М., 1952, стр. 47.

[2] Известный мемуарист А. Болотов вспоминал: «„Аргениду“. . . читал. . . не выпуская из рук». В свою очередь Болотов узнал об «Аргениде» от читателя, который «сию книгу превозносил бесчисленными похвалами». — «Записки», т. 1. СПб., 1870, стр. 327 и 259.

идейными противниками, мы видим, что за ними проступает значительная и яркая фигура выдающегося деятеля русской культуры и литературы XVIII века.

Не следует, конечно, и приукрашивать Тредиаковского.

«Безбожник и ханжа» — так охарактеризовал Ломоносов Тредиаковского, и в этом определении были очень четко схвачены противоречивые черты деятельности автора «Тилемахиды» и «Феоптии». Если вскоре по приезде из-за границы Тредиаковский вызывал даже подозрения в атеизме, то позднее он написал «Феоптию», в предисловии к которой резко нападал на «умозрительных атеистов», и в особенности на «проклятого Спинозу», а на Сумарокова он написал прямой донос, обвиняя его в нарушении церковных догматов.

Тредиаковский жил в трудное, тревожное и противоречивое время, когда и в быту, и в идеологии, и в общественно-политической обстановке сталкивались и перекрещивались самые разноречивые тенденции. В Заиконоспасской академии еще всерьез занимались вопросами о том, как сообщают ангелы друг другу мысли, росла ли в раю роза без шипов и т. д., когда Ломоносов уже стоял на пороге открытия закона сохранения вещества. Знакомство с передовыми идеями западноевропейской общественной мысли совмещалось с библейскими представлениями о сотворении мира и с нелепыми и жестокими забавами вроде постройки Ледяного дома. Бесправие и произвол, аресты и ссылки, когда, по выражению Ключевского, дворец и крепость непрерывно менялись своими обитателями и едущий в Сибирь Бирон встречался на пути с возвращающимся оттуда Минихом, куда сам же Бирон его и отправил, доносы и казни — это устойчивые черты эпохи, которых не выдерживали и не такие характеры, как у Тредиаковского, испытавшего в своей литературной деятельности все жанры — от панегирика до доноса. «Мы друг друга едим и с того сыты бываем» — такова была распространенная поговорка первой половины XVIII века. Эта формула многое объясняет нам и в жизни и в деятельности Тредиаковского.

В 1735 году в тайной канцелярии рассматривалось, например, дело о песне Тредиаковского по случаю коронации Анны Иоанновны. Песня начиналась словами: «Да здравствует днесь императрикс Анна». Ее нашли в списке у нерехтинского дьякона Савельева и костромского священника Васильева. Возникло подозрение, что слово «императрикс» роняет высочайший титул ее императорского величества. Васильев и Савельев были арестованы, а перепуганному Тредиаковскому пришлось написать подробные объяснения. Чрезвычайно драматичны были и события, которые произошли с Тре-

диаковским в 1740 году. Они столь ярко характеризуют как тогдашние нравы, так и отношение к литературе, что на них следует остановиться подробнее. В феврале этого года для развлечения императрицы Анны в Петербурге строился знаменитый Ледяной дом и готовился грандиозный «маскарад» для шутовской свадьбы. Для маскарада понадобились стихи, и министр Волынский, готовивший маскарад, послал за Тредиаковским. Посланный кадет объявил Тредиаковскому, что везет его в «Кабинет ее императорского величества». Уже одно это приглашение привело Тредиаковского «в великий страх» и «в великое трепетание». Узнав по дороге, что его везут не в Кабинет, а только к министру, Тредиаковский рискнул выразить кадету свое неудовольствие, сказав, что тот худо с ним поступил, объявив, что везет его в Кабинет, «для того что он таким объявлением может человека вскоре жизни лишить или, по крайней мере, в беспамятствие привести».[1] Кадет по приезде пожаловался Волынскому, который «сейчас же начал, — пишет Тредиаковский в своем «Рапорте» Академии 10 февраля 1740 года, — меня бить пред всеми толь немилостиво... что правое мое ухо оглушил, а левый глаз подбил, что он изволил чинить в три или четыре приема», а потом «повелел и оному кадету бить меня по обеим же щекам публично». После этого избиения Тредиаковскому дали «на письме самую краткую материю, с которой должно было ему «сочинить приличные стихи», и отпустили. Тредиаковский понес жалобу Бирону, но в приемной у Бирона его увидел Волынский, который схватил его и отправил под караул, где, пишет Тредиаковский, «браня меня всячески, велел... бить палкою по голой спине столь жестоко и немилостиво... дано мне с семьдесят ударов...», потом «паки велел меня бросить на землю и бить еще тою же палкою, так что дано мне и тогда с тридцать разов». Утром Волынский, приказав караулу бить Тредиаковского «еще палкою десять раз, что и учинено», отпустил его «с угрозами» домой.[2] Когда позднее Бирон вступил в борьбу с Волынским и подал на него жалобу, он указал и на избиение Тредиаковского, однако в вину Волынскому ставилось не то, что он его избил, а то, что он совершил это в покоях Бирона.

Тредиаковский не обладал «благородной упрямкой» Ломоносова, позволившей тому заявить И. И. Шувалову: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господа бога, который мне дал смысл,

---

[1] «Москвитянин», 1845, № 2, отдел «Материалы», стр. 44.
[2] Там же, стр. 43—46.

пока разве отнимет».[1] Причудливое сочетание ничтожного и значительного в облике Тредиаковского, смешного и трагического в его судьбе, консерватизма и новаторства в его деятельности — все это было в духе этого переходного времени в истории русской культуры.

Но при всей неразберихе и сумятице, которые характеризовали перевороченную Петром Первым Россию первой трети XVIII века, в ней явственно проступали основные силовые линии, которые определяли развитие новой культуры и новых общественных отношений. С ними и были связаны как творчество, так и научная деятельность Тредиаковского.

2

Первым значительным выступлением Тредиаковского после возвращения в Россию, в 1730 году, было издание перевода романа Поля Тальмана «Езда в остров Любви». Первая часть книги включала в себя перевод романа, а следующая часть книги открывалась «Известием читателю»:

«По совету моих приятелей осмелился я здесь приложить несколько стихов моей работы — русских, французских и латинскую эпиграмму, хотя и не весьма сей книге некоторые из них находятся приличны. Но ежели б оным здесь не быть, то бы им надлежало в вечном безызвестии пропасть. . .»[2]

Судя по переписке Тредиаковского (на французском языке) с всесильным в те годы в Академии наук академическим советником Шумахером, книга имела большой успех. «Я могу, — говорит Тредиаковский, — сказать по правде, что моя книга входит здесь в моду и, к несчастью или к счастью, я также вместе с ней. Честное слово, мсье, я не знаю, что делать: меня ищут со всех сторон, повсюду просят мою книгу. . .»[3]

Особенно характерно письмо, в котором Тредиаковский рассказывает об откликах на свою книгу. Оно интересно не столько смелостью и даже заносчивостью суждений молодого Тредиаковского, сколько новизной всего его тона, передававшего настроения русской молодежи, стремившейся «в просвещении быть с веком наравне»:

---

[1] М. В. Ломоносов. Собр. соч., т. 8. М. — Л., 1948, стр. 229.
[2] «Езда в остров Любви». СПб., 1730, стр. 150.
[3] А. Малеин. Новые данные для биографии В. К. Тредиаковского. — Сборник ОРЯС, т. CI, № 3. Л., 1928, стр. 432.

«Суждения о ней (книге. — *Л. Т.*) различны согласно различию лиц, их профессий и их вкусов. Придворные ею вполне довольны. Среди принадлежащих к духовенству есть такие, кто благожелательны ко мне; другие, которые обвиняют меня, как некогда обвиняли Овидия за его прекрасную книгу, где он рассуждает об искусстве любить, говорят, что я первый развратитель русской молодежи, тем более, что до меня она совершенно не знала прелести и сладкой тирании, которую причиняет любовь.

Что вы, сударь, думаете о ссоре, которую затевают со мною эти ханжи? Неужели они не знают, что сама природа, эта прекрасная и неутомимая владычица, заботится о том, чтобы научить все юношество, что такое любовь. Ведь, наконец, наши отроки созданы так же, как и другие, и они не являются статуями, изваянными из мрамора и лишенными всякой чувствительности; наоборот, они обладают всеми средствами, которые возбуждают у них эту страсть, они читают ее в прекрасной книге, которую составляют русские красавицы, такие, какие очень редки в других местах.

Но оставим этим Тартюфам их суеверное бешенство; они не принадлежат к числу тех, кто может мне вредить. Ведь это — сволочь, которую в просторечии называют попами.

Что касается людей светских, то некоторые из них мне рукоплещут, составляя мне похвалы в стихах, другие очень рады видеть меня лично и балуют меня. Есть, однако, и такие, кто меня порицает.

Эти господа разделяются на два разряда. Одни называют меня тщеславным, так как я заставил этим трубить о себе... Но посмотрите, сударь, на бесстыдство последних; оно, несомненно, поразит вас. Ведь они винят меня в нечестии, в нерелигиозности, в деизме, в атеизме, наконец во всякого рода ереси.

Клянусь честью, сударь, будь вы в тысячу раз строже Катона, вы не могли бы остаться здесь твердым и не разразиться грандиознейшими раскатами смеха.

Да не прогневаются эти невежи, но мне наплевать на них, тем более что они люди очень незначительные...» [1]

Тредиаковского представили императрице; он стал придворным поэтом, приобрел явный общественный вес. Когда в декабре 1732 года Тредиаковский прислал в подарок графу С. А. Салтыкову свою книгу «Панегирик, или Слово похвальное императрице Анне Иоанновне», то Салтыков не только написал ему благодарственное письмо, но в письме к сыну спрашивал: «Когда он, Тредьяковский,

---

[1] А. Малеин, стр. 431—432.

такие ж книжки подавал тамошним кавалерам, то дарили ль его чем или нет, и буде дарили то, что надлежит, — и ты его подари что надобно».[1]

Но в столице звезда Тредиаковского быстро клонилась к упадку. Тот же Салтыков уже в 1740 году, выражая сочувствие Тредиаковскому по поводу его столкновения с Волынским, писал: «Я ведаю, что друзей вам почти нет и никто с добродетелью об имени вашем и упомянуть не захочет».[2]

Не все ясно в этом изменении судьбы Тредиаковского. Сказалась здесь, очевидно, и вражда тех, которых он определил в своем письме как «сволочь, которую в просторечии называют попами», и которые обвиняли его в атеизме. По словам архимандрита Платона Малиновского, он в разговоре с Тредиаковским выяснил, что его «философия сама атеистическая, якобы и бога нет».[3] В другом разговоре Малиновский прямо угрожал Тредиаковскому: «Прольется ваша еретическая кровь».[3]

Сказалась, очевидно, и борьба различных групп, сталкивавшихся тогда в Академии наук, куда Тредиаковский вошел в 1733 году. Характерен эпизод, который в 1775 году разыгрался в журнале «Ежемесячные сочинения», выходившем под редакцией академика Г. Ф. Миллера, упорно отказывавшего Тредиаковскому в помещении его произведений. Лишь когда Тредиаковский прислал Г. Ф. Миллеру свою оду, скрыв свое авторство и зашифровав свои инициалы в ее названии (ода называлась «Вешнее Тепло»), Миллер ее напечатал. Это еще более огорчило Тредиаковского: «Хотя ж мне и посчастливилось в подставе чужого автора, однако сей самый успех низверг меня почитай в отчаяние: ибо увидел подлинно, что презрение стремится токмо на меня, а не на труды мои».[4]

Можно предположить, что злоключения Тредиаковского были в какой-то мере связаны и с тем, что после воцарения Елизаветы его излишняя близость ко двору Анны, и в частности к Бирону,

---

[1] «Библиографические записки», 1858, № 18, стлб. 556.

[2] В. Варенцов. Тредиаковский и характер нашей общественной жизни в первой половине XVIII столетия. — «Московские ведомости», 1860, 18 февраля, стр. 284.

[3] И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 384 и 385.

[4] «Записки имп. Академии наук», т. 9, кн. 1. СПб., 1866, стр. 178; см. также письмо Тредиаковского к Миллеру от 7 августа 1757 года: «Неизвестное письмо В. К. Тредиаковского». Публикация А. В. Разореновой в сб. «Из истории русской журналистики», М., 1959.

не могла не бросать на него тень в глазах современников. Он был придворным поэтом Анны. Он имел — хотя, конечно, и крайне незначительное — отношение к падению и гибели Волынского, и это, конечно, не могло быть забыто и прощено. Нападавший на Тредиаковского архимандрит Платон Малиновский, которого Анна в 1732 году сослала в Сибирь, в числе многих тысяч амнистированных Елизаветой, вернулся и стал уже московским архиепископом. Да и других свидетелей успехов Тредиаковского при Анне и Бироне было немало, и они имели достаточный вес. Так или иначе, жить ему становилось все труднее. В многочисленных жалобах и доношениях Тредиаковского в Академию наук и даже в его литературных трудах все чаще говорится о болезнях, лишениях, о «некотором упадке в силах... по причине состаревающихся моих лет и не весьма веселящегося сердца от обыкновенных человеческих злоключений...» [1]

Характерно его обращение к Сумарокову в 1755 году, заключающее полемику с ним о сафической и горацианской строфах: «Оставьте человека, возлюбившего уединение, тишину и спокойствие своего духа. Дайте мне препровождать безмятежно остаточные мои дни в некоторую пользу общества... Сжальтесь обо мне, умилитесь надо мною, извергните из мыслей меня... Я сие самое вам пишу истинно не без плачущия горести... Оставьте меня отныне в покое». [2]

Но при всех этих условиях Тредиаковский с поразительной настойчивостью продолжал свою работу. Его стихотворные произведения исчисляются десятками тысяч строк, его переводы — десятками томов. Работоспособность его была поразительна. В 1747 году пожар уничтожил девять переведенных им томов «Древней истории» Ролленя. Он перевел их заново и с 1749 до 1762 года выпустил десять томов этой истории. Перевод шестнадцатитомной «Римской истории» Ролленя он напечатал за семь лет. Обе эти истории с обширными «Предуведомлениями от трудившегося в переводе» занимают около двенадцати тысяч страниц. При этом печатал свои труды он главным образом на свой счет, испытывая, по его словам, «крайности голода и холода с женою и детьми... у меня нет ни полушки в доме, ни сухаря хлеба, ни дров полена». [3]

В 1759 году он был по неясным причинам уволен из Академии, но это не сказалось на его исключительном трудолюбии: в течение

---

[1] Роллень. Римская история, т. I. СПб., 1761, стр. КИ <28>. Предуведомление.

[2] П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. 2. СПб., 1873, стр. 256—257.

[3] «Записки имп. Академии наук», т. 9, кн. 1, стр. 182—183.

60-х годов он печатает с большими трудностями (хотя и при некоторой поддержке Академии) все шестнадцать томов «Римской истории» Ролленя и «Историю о римских императорах» Кревьи, «Тилемахиду», «Опыт исторический» Бурдильона. В переписке по поводу издания этой книги он сообщил и последние о себе сведения: «Я, упадая еще с самого начала года сего из болезни в болезнь, как от Харибд в Сциллы, во все ж тяжкие и опасные, лишился между тем употребления ног: так что ни по хижине моей не могу пробресть без заемныя помощи, имея, однако, еще несколько действительны голову, глаза и руки». [1]

Письмо это было написано в апреле 1768 года. Через год с небольшим — 6 августа 1769 года — Тредиаковский скончался в Петербурге.

Вытесненный и из литературной (издевательства над «Тилемахидой» при дворе Екатерины II), и из научной (уход из Академии) жизни в последнем периоде своей деятельности, Тредиаковский, казалось бы, стоял перед угрозой полного забвения. Но мы уже говорили, что даже в самые тяжкие для его репутации годы имя его, хотя и у немногих, вызывало интерес и уважение.

Почести лишить его страсть сколь ни кипела,
Но воздать ему венок правда преуспела...

3

В 30-е годы XVIII века по сути дела начался новый период в развитии русской литературы. В узком историко-литературном плане его можно рассматривать как начало русского классицизма, но общее значение того процесса, который совершался в литературе 30-х годов, далеко выходило за пределы классицизма и оказывало существенное влияние на развитие русской литературы XVIII века, шире говоря — литературы допушкинского периода в целом. Именно в эти годы в литературу входили новые идеи, в ней возникали поиски новых художественных образов, типов, характеров, закладывались основы литературного языка, создавалось новое стихосложение.

И именно Тредиаковскому выпало на долю первым, хотя еще в смутной, а иногда и косноязычной форме, уловить и выразить то новое, что должно было определить пути литературного развития. То, что в 40-е годы было уже ярко и отчетливо сформулировано Ло-

[1] П. Пекарский, т. 2, стр. 229.

моносовым и Сумароковым, в неравной борьбе с которыми отстаивал свой приоритет Тредиаковский, то в 30-е годы было все же произнесено впервые именно им.

Конечно, Тредиаковского ни в какой мере нельзя противопоставлять литературной традиции первых десятилетий XVIII века и даже более ранней.[1] Перелом, который произошел в то время в политической, общественной, культурной, бытовой жизни России, определял, естественно, и возникновение принципиально новых явлений в литературном процессе, основное содержание которого составляет утверждение новой культуры, -еще только оформляющейся в борьбе со старым укладом жизни. И драма, и повесть, и лирика петровского времени развиваются именно в этом направлении.

Новые формы быта, пробуждение личности, раскрепощение женщины (естественно, еще весьма относительное) — все это создавало предпосылки для развития поэзии, обращенной к интимному миру человеческих переживаний, и прежде всего — к любовной лирике, составлявшей в значительной мере содержание безымянных народно-бытовых песен — кантов.

Стихотворство в эти десятилетия уже широко распространено. Деятельность Сильвестра Медведева, Федора Поликарпова, Кариона Истомина и других во многом связана с традициями церковно-дидактической поэзии, но вместе с тем она, несомненно, оказывала влияние и на общее развитие поэтической культуры. В письме к Марковичу, датированном 1717 годом, Феофан Прокопович восклицал: «Все начали стихотворствовать до тошноты. . .».[2] В этом, хоть и скептическом, замечании отражен тот подъем стихотворной культуры, который характерен для начала века. Он создавал весьма существенные предпосылки для развития литературы нового типа, отвечавшей характеру новой исторической эпохи русской жизни.

Но все же это были еще только предпосылки. Любовная лирика еще только, так сказать, отслаивалась от быта, представляя собой зачастую лишь выражение индивидуального любовного пережива-

---

[1] Еще А. И. Соболевский в статье «Когда начался у нас ложноклассицизм?» указывал на связь панегириков украинских поэтов Киевской школы конца XVII века с одическим творчеством русских поэтов 30—40-х годов XVIII века. — «Библиограф», 1890, № 1, стр. 1—6. Близость некоторых произведений Тредиаковского к русской панегирической песне отмечена А. В. Позднеевым: «Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII века». — «Исследования и материалы по древней русской литературе». М., 1961.

[2] И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 39.

ния, вроде стихов Виллима Монса.[1] Не случайно, что в развитии русской поэзии в эти годы участвуют иноземцы — Эрнст Глюк, Иоганн Паус, Виллим Монс. Связь их с разработанными литературными традициями западной поэзии помогала им откликаться на новые запросы русской жизни, на интересы пробуждающейся личности. Точно так же еще только эмбриональный характер имела и торжественная панегирическая лирика типа «Епиникиона» Ф. Прокоповича, во многом еще не отошедшего от тяжеловесного аллегоризма и от витиеватости поэтов Киевской школы.

Утверждение нового, передового в этом периоде наиболее полно и художественно убедительно осуществлялось в области сатиры, разоблачавшей старый уклад с точки зрения новых, возникавших общественных идеалов. Именно сатира воспроизводила материал реальной действительности и в то же время вступала на путь его художественного обобщения. И не случайно сатира Антиоха Кантемира является наиболее значительным литературным памятником конца 20-х — начала 30-х годов. Первый период становления новой русской литературы конца XVII — начала XVIII века мог полнее всего выразить себя именно в сатире. Именно в ней натурализму в широком смысле слова, присущему литературе этих лет (в которой и любовная лирика, и политический панегирик, и драматургическое действие были еще неразрывно связаны с тем или иным данным, конкретным фактом действительности), шла на смену уже определенная культура художественного обобщения, создание, хотя бы еще и в самой схематической форме, образов, несших в себе элемент типического (как Филарет и Евгений из II сатиры Антиоха Кантемира). И Белинский был глубоко прав, говоря именно о Кантемире как о зачинателе истории новой русской литературы, как о человеке, который «по какому-то счастливому инстинкту первый на Руси свел поэзию с жизнью».[2]

К 30-м годам XVIII века положение существенно меняется. Черты новой культуры в достаточной мере полно определились и в общественно-политической, и в культурно-бытовой сфере. Правда, определились при весьма драматических обстоятельствах, связан-

---

[1] А. В. Позднеев полагает, что Монса следует считать не автором, а лишь любителем, записавшим песни неизвестной поэтессы (А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. — «Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института», т. 1. М., 1958, стр. 79—85). Но существа дела это не меняет.

[2] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1955, стр. 614.

ных в те годы с борьбой за власть, с бироновщиной и т. п. Все эти обстоятельства осложняли развитие новой культуры, но не могли ни остановить, ни существенно изменить этот процесс. Если для литературы конца 1720-х — начала 1730-х годов жанром, наиболее полно отвечающим смыслу и характеру общественного процесса, была сатира, в которой выразилась именно борьба за становление новой культуры, то в конце 1730-х — 1740-е годы таким же определяющим, характеристичным жанром является ода. Конечно, она вовсе не отменяет сатиру, для развития которой в течение всего XVIII века, как и в дальнейшем, в русской жизни сохраняются в достаточной мере веские основания. Но все же именно возникновение и развитие оды дает нам ключ к пониманию нового этапа литературного процесса.

Д. Благой справедливо заметил, что отмеченное еще Белинским движение русской литературы от сатиры к оде «было теснейшим образом связано с конкретной исторической русской обстановкой и потому никак не произвольно, а вполне закономерно... По своей литературно-общественной функции оды Ломоносова и сатира Кантемира очень близки между собою, выполняя одну и ту же задачу — апологию новых преобразовательных начал. Только Ломоносов осуществляет это прямо, а Кантемир, так сказать, „от противного"».[1] Д. Благой берет здесь наиболее яркие образцы оды — оды Ломоносова. Но между Кантемиром и Ломоносовым как раз и стоял Тредиаковский. Если в сатире Кантемира положительный герой не изображался непосредственно, а возникал по контрасту, как бы выводился из тех отрицательных человеческих качеств, которые разоблачались сатириком, то в оде речь уже шла о другом, о непосредственном изображении положительного героя, носителя утверждающейся новой культуры, естественно — прежде всего культуры придворной. Образы просвещенных монархов, победоносных полководцев, воплощающих силу и мощь новой Российской империи, должны были появиться в литературе. Понятно — и это давно уже отмечено, — что и Тредиаковский и в особенности Ломоносов в своих одах не столько говорили о реальных лицах, сколько рисовали идеальные образы монархов, воплощавшие их представления о задачах и целях развития России.

Еще не было, конечно, ни достаточного опыта, ни — что еще важнее — достаточной жизненной основы, чтобы черты нового об-

---

[1] Д. Д. Благой. Литература и действительность. М., 1959, стр. 24—26.

щественного строя получили широкое эпическое изображение. Как и обычно в истории литературы, формирование новых художественных принципов осуществлялось в первую очередь в области лирики. Развернутым образам эпических героев предшествовал образ героя лирического. Если в панегириках начала века центр тяжести лежит прежде всего в изображении данного события — Полтавской победы или Ништадтского мира при взятии Нарвы,[1] то в оде конца 1740-х годов центр тяжести заключен в изображении лирического героя, переживающего это событие. В лирическом герое оды раскрывается новый положительный образ человека, потрясенного и восхищенного величием и успехами своей страны.

Тредиаковский и явился автором первых в истории русской поэзии оригинальных (в том смысле, в каком этот жанр понимался классицизмом) од. В январе 1733 года он написал «Оду приветственную всемилостивейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне», в 1734 году — «Оду торжественную о сдаче города Гданска».

Если современники в свое время противопоставляли «громкого» Ломоносова и «нежного» Сумарокова, в которых находили свое развитие две отнюдь не исключающие друг друга тенденции русского классицизма, то в первичной форме обе эти традиции были намечены именно Тредиаковским. Он не только стремился к созданию нового типа лирического героя, но вместе с тем показывал его в различных ракурсах — и торжественном и интимном.

Первая книга Тредиаковского, «Езда в остров Любви», состояла из двух частей. В первой части был дан перевод книги французского писателя Поля Тальмана — характерного произведения французской прециозной литературы второй половины XVII века. Содержанием книги Тальмана являлась история любовных отношений Тирсиса и Аминты, изложенная в чрезвычайно манерной форме прозой и стихами. Выступление Тредиаковского с переводом этой книги было по тем временам чрезвычайно смелым и новым. «Уже один выбор самой книги, где все содержание заключается в описании различных степеней любви к женщине, к которой обращаются там почтительно, ищут случая обратить на себя внимание ее

---

[1] По наблюдениям А. В. Позднеева, из шестидесяти панегирических песен петровского времени 19 связано с Полтавской битвой, 8 — с Ништадтским миром, 7 — со смертью Петра, остальные — с другими конкретными политическими событиями первой четверти века (А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. — «Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института», т. 1. М., 1958, стр. 39).

и заслужить, наконец, разными пожертвованиями благосклонности ее, — все это не могло не казаться новостью для русского читателя тех времен, когда в наиболее любимых и распространенных сборниках не обходилось без статьи, в которой любовь к женщине не называлась бы бесовским наваждением и самая женщина не считалась бы орудием сатаны, созданным для соблазна человека, когда правила, преподанные в Домострое об обращении с женщиною, были в полной силе...»[1]

В книге Тальмана содержалось большое количество стихотворений любовного характера. Почти все они стали русскими кантами и вошли в рукописные сборники, будучи записанными вместе с музыкой.[2] Но основной интерес книги определяется, конечно, включенными в нее стихами самого Тредиаковского. Впервые в истории русской поэзии появился печатный сборник стихов, принадлежавший определенному поэту, обращавшемуся к читателям с предисловием от своего имени и с определенной поэтической платформой. Примечательно было и то, что шестнадцать стихотворений из тридцати двух, включенных в сборник, было написано на французском языке и одно на латинском, что характеризовало автора именно как представителя нового типа русской культуры, свободно и с полным знанием дела соотносившегося с культурой зарубежной.

И наконец, наиболее существенным в первом сборнике стихов Тредиаковского было именно то, что в нем, опять-таки впервые, в поэзию вступал новый тип лирического героя. Облик его определялся свободным и смелым раскрытием его внутреннего мира, стремлением к многомерному изображению человеческой личности. Это проявлялось прежде всего в области любовной лирики («Песенка любовна», «Стихи о силе любви»», «Плач одного любовника, разлучившегося со своей милой, которую он видел во сне», «Тоска любовника в разлучении с любовницею», «Прошение любве» и др.). На фоне предшествовавшей поэтической традиции стихи эти звучали и смело и ново:

Покинь, Купидо, стрелы:
Уже мы все не целы,
Но сладко уязвлены
Любовною стрелою
Твоею золотою;
Все любви покорены:

---

[1] П. Пекарский, т. 2, стр. 21.
[2] Т. Ливанова, т. 1, стр. 49.

К чему нас ранить больше?
Себя лишь мучишь дольше.
Кто любовью не дышит?
Любовь всем нам не скучит,
Хоть нас тая и мучит.
Ах, сей огнь сладко пышет!

Они непосредственно откликались на душевные запросы человека нового времени: «Самая нежная любовь, толико подкрепляемая нежными и любовными и в порядочных стихах сочиненными песенками, тогда получала первое только над молодыми людьми свое господствие... но оне были в превеликую еще диковинку, и буде где какая проявится, то молодыми боярынями и девушками с языка была неспускаема», — вспоминал Болотов в своих мемуарах, говоря даже о несколько более позднем времени.[1] И эти стихи Тредиаковского сразу же стали песнями, вплоть до помещенной в конце сборника песенки с оговоркой, что она сочинена им «еще будучи в Московских школах на мой выезд в чужие края» (т. е. в 1726 году): «Весна катит...»

Т. Ливанова очень верно заметила, что «над песенкой Тредиаковского немало потешались, но никто, кажется, не подчеркнул со всей силой, что рядом со стихами «в предражайшей любви егда две персоны бывают» строки «канат рвется, якорь бьется», «кличет щеглик, свищут дрозды» были подлинной находкой новой поэзии».[2]

Но любовными переживаниями отнюдь не ограничивался в своих первых стихотворениях Тредиаковский. Это были именно «стихи на разные случаи», как они и были им названы. «Описание грозы бывшия в Гаге», «Стихи похвальные Парижу» («Красное место! Драгой берег сенски! ..») — вот примеры пейзажной лирики сборника. А «Стихи похвальные России» начинают традицию русской патриотической лирики:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее доброты
Мыслить умом есть много охоты...
...Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
И россияне коль громко плещут:
Виват Россия! Виват драгая!

---

[1] А. Т. Болотов. Записки, т. 1. СПб., 1870, стр. 179.
[2] Т. Ливанова, т. 1, стр. 488.

Виват надежда! Виват благая.
Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне языков надобно б было
Прославить всё то, что в тебе мило.

И наконец, начинался сборник Тредиаковского стихами, в которых «пиит говорил... в восхищении некоем» («Песнь, сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации ее величества государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийския» и «Элегия о смерти Петра Великого»). К ним примыкают и «Стихи похвальные России».

Безотносительно к конкретной эмоциональной окраске этих стихотворений («всюду плач» в «Элегии»; «стихи печальны» в «Стихах о России») все эти стихотворения объединены высоким утверждающим пафосом величия и торжества новой России:

Торжествуйте все российски народы:
У нас идут златые годы.

Это уже переход от панегирических и приветственных стихов на события конца XVII — начала XVIII века к оде, т. е. к целостному образу лирического героя, через переживания которого отражаются важнейшие события эпохи. Понятно, что, говоря о первом сборнике Тредиаковского, мы имеем в виду не столько его реальные поэтические свершения, сколько самую тенденцию творческого развития, то, что уже в первых своих стихах он выходит на подступы к созданию образа, служащего запросам эпохи, — лирического героя, прославляющего подвиги и победы, «чтоб изъявить разум свой, как будто б он был вне себя»,[1] и новых жанров (прежде всего оды), отвечающих ему своим выразительным строем.

В 1734 году ода как новый жанр определяется и формально: Тредиаковский пишет и в 1735 году публикует «Оду торжественную о сдаче города Гданска». Примером и образцом для Тредиаковского, по его словам, была ода Буало о взятии Намюра.

К оде было приложено и теоретическое обоснование — «Рассуждение об оде вообще». Принципиально это было очень важным и безусловно новаторским шагом в развитии тогдашней поэзии, но шагом, естественно, самым первоначальным, робким и неуверен-

[1] Сочинения и переводы, т. 2. СПб., 1752, стр. 31—32.

ным. Неуверенным потому, что новизне характера лирического героя и жанра оды еще не отвечали ни стилистика, ни, главное, ритмика, оставшиеся в пределах силлабической традиции:

Кое трезвое мне пианство
Слово дает к славной причине?
Чистое Парнаса убранство.
Музы! не вас ли вижу ныне?
И звон ваших струн сладкогласных,
И силу ликов слышу красных;
Всё чинит во мне речь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые ветры! молчите:
Храбру прославлять хощу Анну.

Таким образом, к началу 30-х годов в творчестве Тредиаковского ясно определяется и новый тип лирического героя, и соответствующие ему жанры — от любовной до политической лирики (ода), и вместе с тем ясно ощущается противоречие между этим образом лирического героя и словесным и ритмическим строем стиха.

4

Новизна образа лирического героя необходимо предполагала и решение вопроса о новой системе выразительных средств, которая была необходима для воплощения этого образа и связанных с ним и новых идей и новых жанров.

В первую очередь это выражалось в поисках нового языка, с одной стороны — более близкого к жизни, а с другой — и более эмоционально приподнятого сравнительно с тем языком, который отвечал задачам, решавшимся поэзией предшествующего времени. И эта проблема с чрезвычайной остротой была поставлена в первом же выступлении Тредиаковского, в его обращении к читателю, открывавшем «Езду в остров Любви»:

«На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенский у нас есть язык церковный; а сия книга мирская. Другая: язык славенский в нынешнем веке у нас очень темен, и многие его наши, читая, не разумеют; а

сия книга есть *сладкия любви,* того ради всем должна быть вразумительна. Третия: которая вам покажется, может быть, самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть, что язык славенский ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми: но за то у всех я прошу прощения, при которых я с глупословием моим славенским особым *речеточцем* хотел себя показывать.

Ежели вам, *доброжелательный читателю,* покажется, что я еще здесь в свойство нашего природного языка не уметил, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотение имел, дабы то учинить; а коли же не учинил, то бессилие меня к тому не допустило, и сего, видится мне, довольно есть к моему оправданию». [1]

Это стремление Тредиаковского писать «почти самым простым русским словом» отвечало требованиям самой жизни, содействовало развитию языка вообще и языка художественной литературы в особенности.

Характерно, что еще в 1717 году граф Мусин-Пушкин писал Федору Поликарпову, исходя из мнения самого Петра: «Посылаю к тебе и географию переводу твоего, которая за неискусством либо каким переведена гораздо плохо: того ради исправь хорошенько не высокими словами славенскими, но простым русским языком... Со всем усердием трудися и высоких слов славенских класть не надобясь, но посольского приказу употреби слова». [2]

Таким образом, стремление к «простому русскому языку» чувствовалось в самых различных областях складывавшейся тогда языковой культуры, и роль Тредиаковского в этом отношении была в достаточной степени велика. Он писал в Сенат, что первая его задача в Академии наук состоит в том, чтобы ему «по возможности стараться о чистом слоге на нашем языке как простым, так и стихотворным сочинением». [3]

Современники высоко оценивали его в этом отношении. Интерес к языку — характернейшая черта деятельности Тредиаковского. Помимо специально языковедческих трудов («Разговор... об орфографии...», 1748), Тредиаковский почти в каждой своей работе стремился осветить различные вопросы языкознания и в ряде случаев выдвигал существенные и интересные проблемы. Характерно его стремление приблизить русское правописание к его фонетической основе: «Так писать надлежит, — говорил он, — как звон

---

[1] «Езда в остров Любви». СПб., 1730. К читателю.
[2] «Русский архив», 1868, № 7—8, стлб. 1054—1055.
[3] «Москвитянин», 1851, № 11, стр. 228.

требует».[1] На этой же мысли он настаивал спустя четырнадцать лет: «Орфография моя большею частию есть по изглашению для слуха, а не по произведению ради ока...»[2] Весьма интересно его стремление в период бурного вторжения в русский язык иностранной лексики сохранить чистоту русского языка. В предисловии к «Аргениде» он пишет: «Почитай ни одного от меня в сем... переводе не употреблено чужестранного слова, сколько б которые у нас ныне в употреблении ни были, но все возможные изобразил нарочно, кроме мифологических, славено-российскими равномерными речами».[3] Первым отметил Тредиаковский явление так называемой народной этимологии — осмысление иностранного слова, по его выражению, «по толковании своего языка»: «Солдатство наше из *расттаг*, немецкого слова, значащего отдохновения день, сделало по-нашему *роздых*... или как простолюдины наши *читаделлу*, итальянское слово, называют по-своему *чудоделом* для сходства ж в звоне».[4] Для характеристики интонационного чутья Тредиаковского интересна его попытка ввести «единитные палочки», обозначающие слитное произношение слов, объединенных общей интонацией. Язык Тредиаковского богат разнообразными неологизмами: «вышемерствовать», «пустынствовать», «прозаичествовать», «всенародие» и т. п., свидетельствующими опять-таки о незаурядном чутье языка. Но вместе с тем в работах Тредиаковского о языке имеются и характерные для его времени совершенно произвольные домыслы. Любопытным примером в этом отношении являются его попытки найти славянские корни в иностранных словах. Они опять-таки свидетельствуют об изобретательности Тредиаковского и умении улавливать в языке звуковые соответствия. Но сами по себе они лишены каких бы то ни было лингвистических обоснований: «Аллемания» — «Холмания» (в ней много холмов), «Саксония» — «Сажония» (в ней много садов), «Балтийское море» от «балда» (овальная фигура), «турки» — «юрки (т. е. вольноходцы)», «Кельты» — «желты (т. е. светлорусы)». Впрочем, подобного рода словотолкование

---

[1] «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи», стр. 190.

[2] Роллень. Римская история, т. 1. СПб., 1761, стр. КИ <28>.

[3] «Аргенида», ч. 1, стр. X—XI. О работе Тредиаковского как переводчика см.: И. В. Шаль. К вопросу о языковых средствах переводчиков XVIII столетия. — «Труды Кубанского педагогического института», 1929, № 2-3.

[4] «Три рассуждения о трех главных древностях российских», СПб., 1773, стр. 8—9.

имело место в то время и в работах других ученых (например, у академика Байера в его «Истории Скифии», с которой полемизировал Тредиаковский).

Наиболее значительным лингвистическим трудом Тредиаковского был изданный им в 1748 году на средства его друзей, собравших деньги для издания книги, «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи». Характеризуя эту работу Тредиаковского, Г. О. Винокур отметил, что «большинство его положений, касающихся фонетики, оказывается соответствующим действительности, причем надо непременно иметь в виду то, что в установлении этих положений Тредиаковский не имел предшественников и был подлинным пионером науки... Несомненен его научный приоритет в истории русской фонетики по целому ряду пунктов... Тредиаковский предстает перед нами как пионер русской фонетики, стоящий намного выше всех своих современников». [1]

Но главным в работе над языком было именно стремление Тредиаковского сблизить его и с новыми требованиями жизни, и с новыми задачами литературы, хотя осуществлял он эти идеи непоследовательно и противоречиво. Д. Благой очень верно отметил, что, когда «от первоначальной любовной тематики Тредиаковский перешел к «высоким» героическим жанрам (оды, «ироической пиимы»), он снова впал в «глубокословную славенщизну», беспорядочно смешивая ее с просторечием». [2] Поэтому вряд ли верна распространенная в нашем литературоведении точка зрения на то, что Тредиаковский вообще со временем отошел постепенно от своих прогрессивных взглядов на русский язык. Вряд ли можно видеть в этом отношении столь закономерную эволюцию, которую в крайнем пылу полемики с Тредиаковским пытался установить еще А. П. Сумароков, считавший, что тот «в молодости своей старался наше правописание испортить простонародным наречием, по которому он и свое правописание располагал, а в старости глубокою и еще учиненною самим собою глубочайшею славенщизною: тако пременяется молодых людей неверие в суеверие; но истина никакая крайности не причастна». [3] Очевидна крайняя полемичность заявления Сумарокова.

---

[1] Г. О. Винокур. Орфографическая теория Тредиаковского. — «Известия АН СССР. ОЛЯ», т. 7, вып. 2. М. — Л., 1948, стр. 157, 155, 152.

[2] Д. Благой, стр. 49.

[3] А. П. Сумароков. Полн. собр. всех сочинений, ч. 10. М., 1787, стр. 15.

Достаточно сравнить стихотворения, переработанные Тредиаковским в издании 1752 года, с их ранними редакциями, чтобы убедиться в том, что и в это время Тредиаковский, по сути дела, продолжал отход от «славенщизны». Против «старины глубокия» в языке он выступил в 1751 году в Предуведомлении к «Аргениде». Отнюдь не всегда «глубочайшая славенщизна» присуща даже и «Тилемахиде»

Бойся богов, о мой Тилемах! Сей страх — есть начало
Всякого блага и есть вседражайше сокровище сердца:
С ним прийдут к тебе и мудрость, и правда, и радость,
Мир и веселие, сладость чистейша, истинна вольность,
Многообилие и прославление пребеспорочно.
Я оставляю тебя, о мило Одиссово чадо!
Но премудрость моя никогда тебя не оставит... [1]

Конечно, в «Тилемахиде» богато представлена и «славенщизна», но самое понимание Тредиаковским жанра героической поэмы предполагало стремление к многообразию в повествовании, переходящем «от громкого голоса к тихому, от высокого к нежному, от умиленного к ироическому, а от приятного к твердому, суровому, и некак свирепому». [2]

Известная противоречивость трактовки В. Тредиаковским этого вопроса была связана и с недоброжелательным отношением в придворных сферах к различным формам того, что мы теперь назвали бы проявлением народности в языке.

Характерно, что еще в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755) Тредиаковскому приходилось отбиваться от нападок, связанных с тем, что в его «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735) он обращался к примерам из народного творчества.

Однако основной причиной этой двойственности является своеобразие той общей литературной позиции, которую занимал Тредиаковский как представитель и в значительной мере зачинатель русского классицизма. Характерной чертой русского классицизма было противоречие двух пересекающихся в нем начал — сословного и демократического. С одной стороны, он был чрезвычайно ярким выразителем именно придворной культуры, резко отгораживавшей себя от всех других сословий и не допускавшей отражения их в

[1] «Тилемахида», т. 2, стр. 222.
[2] «Тилемахида», т. 1, стр. IX. Предызъяснение.

литературе, вплоть до прямого нарушения элементарного правдоподобия, как это было, например, в комедиях Сумарокова, где дворовые слуги выступали в париках и со шпагами и носили французские имена. Но вместе с тем уже у ранних представителей классицизма объективное содержание творчества выходило за пределы тех субъективных тенденций, которые подсказывались сословными симпатиями классицизма. Широта национальной проблематики Ломоносова, резкость сатиры Сумарокова, интерес к радикальной политической мысли у Тредиаковского — все это определяло значительно более глубокое идейно-художественное содержание русского классицизма сравнительно с его отправными сословно-дворянскими позициями.

Не случайно поэтому русская радикальная мысль последней трети XVIII века отнюдь не чуждалась классицизма и находила в нем живое содержание и для себя. Слова Сумарокова: «они работают, а вы их хлеб ядите» — были взяты Новиковым в качестве эпиграфа к его «Трутню», а строка из «Тилемахиды» Тредиаковского о чудище огромном и стозевном стояла в качестве эпиграфа на «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева, который дважды — и в «Путешествии» (глава «Тверь»), и в «Памятнике дактило-хореическому витязю» — выражал интерес и симпатию к Тредиаковскому.

Характерно, что сам Тредиаковский на первой же странице своего «Предуведомления от трудившегося в переводе» в первом томе «Римской истории» (1761) Ролленя провозгласил, что «разум и добродетель есть жребий всего человеческого рода, а не человеков токмо породных...»

Не лишен значения и тот факт, что деятели нашего раннего классицизма хотя, естественно, и создавали свои произведения в нормах господствовавшей идеологии, но все же прямо и непосредственно — сын священника Тредиаковский, крестьянский сын Ломоносов, дворянин средней руки Сумароков — не были связаны с той придворной знатью, достоинства которой они столь пылко утверждали в своих одах и трагедиях. Вот почему и в творчестве Тредиаковского, в частности и в области языка, дают себя знать то с большей, то с меньшей силой определенные противоречия. Вот почему в размышлениях Тредиаковского о языке мы находим и ярко сословные формулировки: «Не думаете ли вы, что наш язык в состоянии не находится быть украшаем?.. Украсит оной в нас двор ее величества в слове наиучтивейший и богатством наивеликолепнейший. Научат нас искусно им говорить благоразумнейшие ее министры и премудрейшие священноначальники... Научат нас и знат-

нейшее и искуснейшее дворянство. Утвердит оной нам и собственное о нем рассуждение и восприятое от всех разумных употребление». И в языке он стремится «иметь, хотя малое, средство к прославлению дел и добродетелей государыни нашей». [1]

При всей противоречивости и сословной ограниченности классицизма, в тогдашнюю литературу входило и глубокое творческое содержание, и глубокое понимание задач литературного творчества. Поэзия для Тредиаковского — «подражание естеству и... истине подобие». [2]

Таким образом, позиция Тредиаковского в отношении языка, при всей ее непоследовательности, была связана с общим широким пониманием задач литературного творчества и новым кругом образов и жанров, которые он вводил в литературу.

Одной из наиболее существенных сторон его новаторства в области литературного языка была разработка нового принципа организации стихотворного ритма.

5

На долю Тредиаковского выпала честь стать реформатором ритмики русского стиха. Он первый сумел и уловить как поэт, и сформулировать как теоретик новый тип ритмической организации стиха, который впоследствии получил название силлабо-тонического и который сам он именовал то́ническим, — стиха, основные ритмические особенности которого оказались настолько жизненными, что полностью сохранились и в поэзии нашего времени. С законной гордостью он писал: «Российское стихотворение и новым изобретением, по званию академика, первым в правильнейший порядок привел и правила печатные издал, которые уже подали причину искусным людям о совершенстве науки сея стараться; о чем прежде меня никто и не мыслил, довольствуяся токмо весьма неправильным старинным способом». [3]

Первое его силлабо-тоническое стихотворение было написано в сентябре 1734 года. Оно было посвящено президенту Академии наук барону И. А. Корфу.

---

[1] Речь... к членам российского собрания... марта 14 дня 1735 года. — А. Куник. Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке, ч. 1. СПб., 1865, стр. 11, 13—1[illegible].

[2] «О древнем, среднем и новом стихотворении российском». — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755, июнь, стр. 467.

[3] «Москвитянин», 1851, № 11, стр. 229.

К этому же времени, очевидно, была закончена и теоретическая работа Тредиаковского над обоснованием нового типа ритмики. В марте 1735 года в «Речи о чистоте российского языка» Тредиаковский говорил: «Сложение стихов неправильностию своею утрудить вас может; но и то, мои господа, преодолеть возможно и привесть в порядок: способов не нет, некоторые же и я имею».[1]

20 октября 1735 года барон Корф отдал распоряжение наборщику Кевицу «немедленно набирать сочинение Тредиаковского «Новый способ русского стихосложения», чтобы оно скорее могло быть напечатано. . .»[2] В конце 1735 года вышел «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий чрез Василья Тредиаковского С. Петербургския императорския Академии наук секретаря».

С формальной точки зрения, суть нового способа состояла в том, что он вводил членение стихотворной строки на стопы (используя античную и западноевропейскую терминологию) хорея и ямба, — оговаривая, впрочем, преимущества хорея перед ямбом. Примечательно вместе с тем, что Тредиаковский сослался на то, что он исходил в своей реформе и из народного стихосложения: «Буде желается знать, но мне надлежит объявить, то поэзия нашего простого народа к сему меня довела. Даром, что слог ее весьма не красный, от неискусства слагающих, но сладчайшее, приятнейшее и правильнейшее разнообразных ее стоп, нежели иногда греческих и латинских, падение подало мне непогрешительное руководство к введению в новый мой эксаметр и пентаметр оных выше объявленных двухсложных тонических стоп. Подлинно, почти все звания, при стихе употребляемые, занял я у французской версификации; но самое дело у самой нашей природной, наидревнейшей оной простых людей поэзии. . . Я французской версификации должен мешком, а старинной российской поэзии всеми тысячью рублями».[3]

И позднее, в «Мнении о начале поэзии и стихов вообще» Тредиаковский, правда с извинениями («Прошу читателя не зазрить меня и извинить, что сообщаю здесь несколько отрывченков от наших подлых, но коренных стихов: делаю я сие токмо в показание примера»), дал несколько примеров русских народных стихов с точки зрения своей теории.

В стиховедческой литературе вопрос о роли Тредиаковского в создании нового стихосложения до сих пор не нашел единодушного

---

[1] А. Куник, ч. 1, стр. 14.
[2] П. Пекарский, т. 2, стр. 54. Примечание.
[3] «Новый и краткий способ. . .» (см. стр. 338—384).

решения. Стих Тредиаковского трактовался и как переходный стих, «полуреформа», «эпилог»,[1] и как подлинное открытие.[2] Между тем, если рассматривать позицию Тредиаковского в реальной исторической обстановке, в процессе развития ритмики русского стиха, можно понять и то новое, что вносил Тредиаковский в русское стихосложение, и те противоречия, которые, естественно, давали себя знать в первом издании его «Способа», на стыке, так сказать, силлабического и силлабо-тонического стиха.

Выйти из власти уже сложившегося в поэзии ритма, заставить стих звучать в новом ритмическом ключе чрезвычайно трудно, и то, что Тредиаковский сумел это сделать, — свидетельство подлинного новаторства.

Вот почему с такой гордостью и настойчивостью отстаивал Тредиаковский свои права как основоположника нового русского стиха: «Мы ныне снабдены таким стихотворением, — писал он, — в котором многие роды стихов находятся и быть могут, а именно хореических, иамбических, дактило-хореических и анапесто-иамбических с рифмами и без рифм. Количество слогов в стопах тоническое, мною введенное и всеми уже лучшими нашими пиитами и стихотворцами употребляемое, есть ко всему тому удобно, для того что оно на точной природе нашего ударения основано».[3]

Это настойчивое стремление Тредиаковского подчеркнуть свои заслуги в особенности понятно, поскольку он столкнулся с мощным соперником, грозившим (и грозящим до наших дней) лишить его этой славы. В 1736 году, уезжая за границу, Ломоносов взял с собой «Способ» Тредиаковского и внимательно изучал его, что показывает ряд заметок, покрывающих его страницы.[4] Пометки эти имеют явно недоброжелательный характер и касаются частностей. Ломоносов отмечает неудачные обороты, плеоназмы, ошибки и т. д.. А в 1739 году Ломоносов прислал в Академию наук письмо «О правилах российского стихотворства», в котором обосновывалась та же по сути дела система стихосложения и ни звука не говорилось

---

[1] Г. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 64 и 72.

[2] Тредиаковский. Стихотворения. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1935, стр. 94; G. H. Drage. «Trochaic Metres in Early Russian Syllabo-Tonik Poetry». — The Slavonic and East European Review. Lond., June 1960, Vol. XXXVIII, N 91, pp. 361—362.

[3] Ролленъ. Древняя история, т. 5. СПб., 1760, стр. 89. Примечание.

[4] М. В. Ломоносов. Сочинения, т. 3. СПб., 1895, стр. 6—11 (второй пагинации).

о «Способе» Тредиаковского. Известная «Ода на взятие Хотина», приложенная к этому письму как образец четырехстопного ямба (первого в нашей поэзии), имела шумный успех. Все это сразу же отодвинуло Тредиаковского на второй план, тем более что в тексте письма Ломоносова содержались скрытые злые нападки на Тредиаковского.

Тредиаковский написал ответ Ломоносову. Какое значение он придавал этому ответу, видно из того, что он направил его в Академию 11 февраля 1740 года, то есть сейчас же после избиения его Волынским.

Однако в Академии наук было решено «сего учеными ссорами наполненного письма для пресечения дальних, бесполезных и напрасных споров к Ломоносову не отправлять и на платеж за почту денег напрасно не терять. . .» [1] Письмо это не сохранилось.

Ломоносов действительно внес много нового в теорию силлабо-тонического стихосложения. В своем «Способе» 1735 года Тредиаковский говорил лишь о двусложных размерах — хорее и ямбе, но о ямбе он лишь упоминал и теоретические рассуждения и практические примеры связывал только с хореем. При этом он полагал, что стихи, строки которых состоят не более чем из 9 слогов, вообще не относятся к новому стихосложению. Это, конечно, крайне ограничивало выводы из новой теории, им предложенной. Но все же главное, т. е. введение понятия двусложной стопы, в принципе решало вопрос о новой основе внутренней соизмеримости стихотворных строк сравнительно с силлабикой. Появление четкого хорея означало, что стихотворные строки соотносятся между собой по месту и порядку расположения как ударных, так и неударных слогов. А в этом была сущность новой системы стихосложения.

Ломоносов резко расширил понимание нового стиха, указал на возможность трехсложных размеров, дав образец дактило-хореического гексаметра, и, главное, разработал и теоретически и практически вопрос о ямбическом ритме, который является наиболее распространенным размером силлабо-тонического стихосложения.

Тредиаковский все же пытался доказать, что он обосновал в своем «Способе» и понятие о ямбическом ритме. Хотя в «Разговоре о правописании» (1748) он писал: «Сколько на меня нападений было, для того только, что в наши стихи одни было хореи ввел. Подлинно в сем моя есть ошибка. . .», [2] а во второй редакции преди-

---

[1] А. Куник, ч. 1, стр. XLI.

[2] Сочинения Тредиаковского, т. 3. СПб., изд. А. Смирдина, 1849, стр. 262.

словия к «Аргениде» (1751) признал, что «иамбический стих введен в наше стихосложение профессором Михайлом Ломоносовым», [1] но в третьей, печатной, редакции он снова занял агрессивную позицию: «Кои разглашают, что иамбический гексаметр введен к нам первыми ими, те токмо что бесстыдно тщеславятся: в российском собрании известно было о сем стихе, когда тщеславящиеся знали ль, что́ иамб, и умели ль его выговорить чисто». [2]

Спор этот о ямбе проясняет ода императрице Елисавете Петровне, написанная Тредиаковским в 1742 году. Ее обычно считают написанной силлабическим стихом. [3] На самом деле перед нами попытка Тредиаковского писать ямбом. Но все дело в том, что даже в 1742 году, уже после знакомства с ямбами Ломоносова, он сам еще был не в состоянии выдержать этот размер. Спустя шесть лет после выпуска своего «Способа» этим ритмом он еще не овладел.

В оде 1742 года 21 строфа по 10 строк. В каждой из этих строф имеются ямбические строки, иногда их довольно много. Так, в 7-й строфе их 8, в 10-й — 7 и т. д. Но даже в тех случаях, когда строку легко исправить для того, чтобы она получила ямбический строй («Все плоды скоряе доспеют» — не ямб, но «скоряе все плоды доспеют» — ямб, как позднее исправил эту строку сам Тредиаковский), он не чувствовал этого (либо вгонял строку в ямб, нарушая правильность ударений).

В полемике с Ломоносовым эта ода уличала Тредиаковского в необоснованности его притязаний: в 1742 году он еще не владел ямбом. И в 1752 году, издавая свои сочинения, Тредиаковский включает ее во 2-й том, причем, в отличие от всех других стихотворений, на отдельном листе воспроизводит посвящение 1742 года, поднесенное «в самый тот день». Но текст оды дан уже полностью ямбический, причем все строки, которые в первой редакции оды при помощи перестановки слов могли получить ямбическое звучание, здесь его и обрели, включая и строку, выше цитированную. Это наивное ухищрение должно было, очевидно, поддержать те претензии, которые перед этим были заявлены и в примечании к «Древней истории» Ролленя и в «Предуведомлении» к «Аргениде». Но именно этот пример и свидетельствует о том, что Тредиаковский, совершая свою реформу, оставался в пределах хорея, а до ямба не дошел. А Ломоносов, опираясь на сделанное Тредиаков-

---

[1] А. Куник, ч. 1, стр. XLIII.
[2] «Аргенида», т. 1, 1751, стр. LXV—LXVI. Предуведомление.
[3] Тредиаковский. Стихотворения. Л., 1935, стр. 459.

ским, сумел осмыслить силлабо-тоническое стихосложение именно как систему.

Самые приемы и острота полемики, которую вел Тредиаковский, не должны нас удивлять. Литературные и научные споры велись в те времена в самых драматических формах. Когда на одном из протоколов Академии наук имя Ломоносова было написано ниже имен Штелина, Тредиаковского и других, то Ломоносов сначала вычеркнул свое имя и подписал его на самом верху, выше всех, а кончил тем, что и самый протокол «раздрал и к себе в карман положил».[1] Обращаясь к Сумарокову, Тредиаковский писал:

Когда, по-твоему, сова и скот уж я,
То сам ты нетопырь и подлинно свинья![2]

А обращения Ломоносова к Тредиаковскому в эпиграммах не всегда и воспроизводимы. Посвятив в 1750 году Сумарокову свою трагедию «Деидамия», Тредиаковский в 1755 году написал на него донос в Синод, обвиняя его в том, что он проповедует множество миров, что противоречит православной вере, а в 1759 году Тредиаковский уже печатался в журнале Сумарокова «Трудолюбивая пчела».

Все эти раздоры, примирения, мелочные споры из-за ошибок в правописании и т. д., чрезвычайно характерные для того времени, не меняли, конечно, основного содержания литературного процесса, т. е. формирования творческих принципов и в литературной практике и в теории, и, в частности, той роли, которую играл в этом процессе Тредиаковский. Нельзя не признать, что во многих отношениях Тредиаковский, несомненно, глубже других поэтов своего времени понимал природу ритмики нового русского стиха, при всех оговорках впервые обоснованной именно им.

Поучителен в этом отношении спор между ним, с одной стороны, и Ломоносовым и Сумароковым — с другой о связи между ритмикой и содержанием стихотворного произведения, спор, не утративший своего значения и для нашей эпохи. В то время как и Сумароков, и Ломоносов считали, что, например, «стопа, называемая ямб, высокое сама собою имеет благородство... и что, следовательно, всякой героический стих, которым обыкновенно благо-

---

[1] П. Пекарский, т. 2, стр. 523.

[2] А. Н. Афанасьев. Образцы литературной полемики прошлого столетия. — «Библиографические записки», 1859, № 17, стлб. 520.

родная и высокая материя поется, долженствует состоять сею стопою, а хорей с природы нежность и приятную сладость имеющий, сам же собою... должен токмо составлять элегиаческий род стихотворения», Тредиаковский справедливо отстаивал ту точку зрения, что «некоторая из сих стоп сама собою не имеет как благородства, так и нежности, но что все сие зависит токмо от изображений, которые стихотворец употребляет в свое сочинение. Так что ямбом состоящий стих равно изображает сладкую нежность, когда нежные слова приберутся, и хореем — высокое благородство, ежели стихотворец употребит высокие и благородные рифмы».[1]

Этот спор нашел, по предложению Сумарокова, своеобразное решение: споривщие поэты выпустили книгу «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо» (1744). Тредиаковский дал свой перевод, написанный хореем, а Ломоносов и Сумароков — ямбом. Переводы не были подписаны, и читателям предоставлялось решать, кто прав. Несомненно, что прав был Тредиаковский. Ритм стихотворения настолько тесно связан с его лексикой, с его интонационно-синтаксической структурой, с общей эмоциональной и семантической окраской, что только в этом сложном выразительном единстве он получает определенный индивидуальный характер, соответствующий общему строю избранной поэтом речи. Точно так же уловил Тредиаковский и основную особенность ритмики силлабо-тонического стиха, состоящую в том, что в двусложных размерах четные слоги часто остаются без ударения, заменяются пиррихием: «Пиррихий, положенный вместо хорея и иамба, ни слуху не досаждает, ни количеству слогов чувствительного вреда не делает»,[2] в то время как Ломоносов полагал, что «чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако, поднимаяся тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают».[3]

История русской поэзии подтвердила правоту Тредиаковского. Ямбами и хореями написаны за двести с лишним лет многие сотни тысяч строк стихов. Очевидно, что определить связь этих размеров с «материей», соответствующей каждому из них, совершенно невозможно. Это не значит, что ритм вообще не связан с содержа-

---

[1] А. Куник, ч. 2, стр. 421. Позднее Тредиаковский снова вернулся к этой мысли: «Всякая стопа сама в себе ни благородна, ни нежна, но по речам, какими она состоять имеет, будет или нежна или благородна... нежна или благородна та и другая по словам» (Сочинения и переводы, т. 1, стр. XIV—XVII. К читателю).

[2] «Аргенида», т. 1, стр. LXXII.

[3] М. В. Ломоносов. Сочинения, т. 3. СПб., 1895, стр. 8.

нием стихотворения. Но эта связь возникает лишь тогда, когда ритм взаимодействует с лексикой, синтаксисом, интонацией, паузами, общей эмоциональной окраской именно данного стихотворения и лишь в данной связи получает индивидуальный и своеобразный характер. Прямолинейное же соотнесение содержания и ритма вне этой сложной системы опосредствований не может установить такой связи.

В чем же состояла стихотворная реформа Тредиаковского, «стих начавшего стопой прежде всех в России»? Думается, что ответ на этот вопрос дан в этой строке совершенно точно. До Тредиаковского в русской поэзии (ни в поэтической теории, ни в поэтической практике) не существовало понятия стопы как единицы стихотворного ритма. В своем «Способе» 1735 года Тредиаковский впервые это понятие ввел: «Чрез стих разумеется всякая особливо стиховная строка... чрез стопу: мера или часть стиха, состоящая из двух у нас слогов». Понятие стопы, введенное Тредиаковским, в принципе меняло теоретическое представление о стихотворном ритме, поскольку фиксировало в строке место расположения ударных слогов и тем самым — место расположения слогов безударных. И здесь роль Тредиаковского как основателя нового принципа стихотворного ритма совершенно бесспорна. Правда, он не сделал всех выводов, вытекавших из понятия стопы. Он не предусмотрел возможность трехсложных стоп, считал хорей более совершенным, чем ямб, не распространил понятие стопы на короткие стихи, состоявшие менее чем из десяти слогов, и т. д. Но все эти понятия были все же лишь следствиями, вытекавшими из основной предпосылки — из понятия стопы как меры стихотворного ритма. Следствия эти были найдены уже Ломоносовым в его «Письме о правилах российского стихотворства» (1739). Все они были чрезвычайно существенны для развития нового стихосложения, и совершившаяся в 30-х годах XVIII века стихотворная реформа вполне правомерно может быть определена как реформа Тредиаковского — Ломоносова. [1]

Было бы неверно, однако, рассматривать реформу Тредиаковского в отрыве от предшествовавшей ей традиции силлабического стихосложения. Реформа силлабического стиха назревала уже за-

---

[1] Необходимо поэтому решительно отвести попытку Г. П. Блока и В. Н. Макеевой в «Истории Академии наук СССР» (т. 1) и в примечаниях к VII и VIII томам Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова трактовать реформу Тредиаковского лишь как реформу в пределах силлабического стихосложения.

долго до Тредиаковского.[1] С одной стороны, силлабо-тонические стихи на русском языке возникали благодаря деятельности иностранцев, имевших отношение к русской культуре и применявших к русскому языку свои привычные им нормы зарубежного стиха. Так, в начале XVIII века встречаются ямбы в некоторых произведениях живших в России пастора Глюка и магистра Пауса.[2] Первый русский гекзаметр был написан в 1704 году шведом Спарвенфельдом. Более ранние русские ямбы отмечены Б. Унбегауном в пьесе пастора Грегори «Артаксерксово действо» (1672).[3]

Опыты иностранцев свидетельствовали о том, что силлабо-тонический стих вполне отвечает строю русского языка, но они, естественно, не могли создать литературной традиции. Значительно более существенным в подготовке этой традиции был процесс развития силлабического стиха, в котором ряд исследователей отмечал процесс тонизации. В одиннадцатисложном силлабическом стихе (например, у С. Полоцкого) часто возникали ямбические построения («Лобзаем верно крепко ти десницу»), а в тринадцатисложном силлабическом, наиболее распространенном, построения хореические. Это особенно характерно для сатир А. Кантемира («Что в науке? Что с нее пользы церкви будет?»).

Но в силлабическом стихе, как уже отмечалось, эти строки хореического типа существовали наряду со строками, в которых не было четкого хореического построения.

Смысл реформы Тредиаковского в том прежде всего и состоял, что он выделил в тринадцатисложном силлабо-тоническом

---

[1] Подробнее см.: Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, ч. 2, гл. 3 и 6.

[2] См.: В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. 3. СПб., 1902.

[3] В рецензии на издание А. Мазоном этой пьесы В. Кузьмина поддерживает точку зрения И. Кудрявцева относительно того, что эти ямбы принадлежат не пастору Грегори, а кому-либо из русских переводчиков (см.: В. Кузьмина. Два издания «Артаксерксова действа». — «Вопросы литературы», 1957, № 9, стр. 222—223). Это предположение, на наш взгляд, невероятно. Развитие стиха — закономерный процесс, теснейшим образом связанный с развитием и языка, и литературы. «Скачок» к ямбу от силлабики Симеона Полоцкого и полное забвение о сделанном открытии до появления ямбов Ломоносова — все это, конечно, вне реальных условий литературного процесса. В пьесе более ста строк шестистопного ямба, имеются пятистопные ямбы. Строки шестистопного ямба образуют периоды по 10 и более строк. Все это говорит о том, что перед нами автор, для которого силлабо-тонический стих был привычной стиховой системой.

стихе только его хореическую линию. Стихотворение барону Корфу, с одной стороны, представляет собой силлабический тринадцатисложник, а с другой стороны, этот тринадцатисложник состоит только из строк хореического строя, то есть представляет собой уже принципиально новое явление: силлабо-тонический хорей. И вполне понятно, что Тредиаковский в своем «Способе» 1735 года в качестве образца нового типа стиха выделил именно хорей. Именно здесь он и отчетливее всего воспринимал предшествующую традицию и вместе с тем выступал как новатор.

О том, в какой мере силлабический стих еще до Тредиаковского приобретал хореический характер, можно судить, например, по некоторым строфам стихотворения Феофана Прокоповича, написанного еще в 1711 году в связи с поражением Петра на берегу реки Прут:

За Могилою Рябою
Над рекою Прутовою
Было войско в страшном бою.

В день недельный от полудни
Стался час нам вельми трудный,
Пришел турчин многолюдный.

Пошли на встречь казацки́е,
Пошли полки волосски́е,
Пошли за́гоны донские.[1]

В 20-х годах XVIII века в ритме того же четырехстопного хорея были написаны многие строфы распространенной песни:

Буря море раздымает,
А ветр волны подымает:
Сверху небо потемнело,
Кругом море почернело.
В полдни будто в полуночи
Ослепило мраком очи,
Одна молния свет мелькает,
Туча с громом наступает.

---

[1] И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 16. Хореический ритм явно выражен и в стихотворении Ф. Прокоповича «Запорожец кающийся»:

Что мне делать, я не знаю,
А безвестно погибаю...

Волны с шумом бьют тревогу,
Нельзя смечать и дорогу. [1]

Наиболее распространенный до Тредиаковского силлабический тринадцатисложный стих имел только два постоянных ударения: перед цезурой (на шестом или на седьмом слоге, редко на пятом) и на двенадцатом слоге. Ударения на остальных слогах образовывали относительно устойчивые конфигурации, но все же еще не создавали отчетливого и энергичного ритмического движения.

Презрев покой, снес ли ты сам труды военны?
Разогнал ли пред собой враги устрашенны?
К безопаству общества расширил ли власти
Нашей рубеж? Суд судя, забыл ли ты страсти?

(Кантемир, Вторая сатира)

Как видим, в начале первой строки ударение падает на четные слоги, в начале второй — на нечетные, в начале третьей — на нечетные, а в начале четвертой — на нечетный, а потом на четный слог («презрев покой», «разогнал ли», «к безопаству», «нашей рубеж»).

Таким образом, Тредиаковский, с одной стороны, мог отчетливо уловить в пределах силлабического стихосложения наиболее ритмически организованный хореический строй, а с другой стороны — его противоречивость, отсутствие в нем четкого и последовательного движения ритма. [2] Понятие стопы, которую Тредиаковский

---

[1] Г. Ливанова. Приложение к IV разделу, стр. 12. Автор считает всю песню написанной «выдержанным четырехстопным хореем» (стр. 106). В ней есть ряд нарушений хореического ритма, но общий хореический строй его несомненен. В работе А. В. Позднеева «Рукописные песенники XVII—XVIII веков» убедительно показано, что «элементы силлабо-тоники все время прорывались в силлабических стихах книжной песни» («Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института, т. 1. М., 1958, стр. 61).

[2] Мы здесь, естественно, оставляем в стороне общий вопрос об упрощенности распространенной точки зрения на то, что силлабическое стихосложение вообще чуждо русскому языку и перенесено с Запада. Вообще говоря, система стихосложения настолько интимно связана с развитием языка в целом, что принципиально неверно предполагать возможность навязывания языку чуждой ему ритмической системы. На самом деле силлабическое стихосложение не противоречит строю русского языка; оно основано на определенном, хотя и относительно слабо организованном соотношении ударных и безударных слогов и представляло собой исто-

мыслил прежде всего как хореическую стопу, преодолевало нечеткость силлабической ритмики и вместе с тем вбирало в себя ее наиболее организованные формы. И Тредиаковский был глубоко прав, отстаивая свой приоритет в создании новой системы ритмики русского стиха.

Характерно, что Тредиаковский резко нападал на переносы в стихе, столь широко применявшиеся Кантемиром: «Прежние наши стихи, составляемые польским образом, весьма подвержены сим переносам. Сей порок в них очень несносен».[1] Переносы действительно были очень характерны именно для дидактической книжной фразы Кантемира, растянутой на несколько строк и монотонной в интонационном отношении. Слова Тредиаковского о том, что «стихи поются, а не читаются»,[2] ярко выражают принципиальное отличие книжного стиха Кантемира от нового типа лирического стиха. Правда, эти мысли его вбирают в себя уже опыт развития русской поэзии 40-х годов XVIII века, но основа их была заложена еще в «Способе» 1735 года. В то же время стихотворная практика Тредиаковского свидетельствовала о том, что его новаторство было связано прежде всего с областью ритмики стиха. Оно еще не охватывало звучания стиха в целом.

6

«Способ» Тредиаковского определял основы новой ритмики. Но стих представляет собой целостную систему выразительных средств, в которой чрезвычайно существенную роль играют не только ритм, но и лексика и интонационно-синтаксическая структура стиха. Ограниченность реформы Тредиаковского состояла в том, что, уловив новый, более гибкий ритмический строй, который отвечал новому типу лирики, он не сумел преодолеть книжность, синтаксическую затрудненность и сложность силлабического стиха.

Новаторство же Ломоносова состояло не только и не столько в том, что он в своей оде 1739 года на взятие Хотина дал образец четырехстопного ямба. Строго говоря, между хореем и ямбом нет какой-либо принципиальной разницы, и хореическая строка отличается от ямбической не более чем одним безударным слогом, стоящим вначале. «Матерь отчества Российска» — хорей, «О, матерь

рически необходимую форму стихотворного ритма русской письменности, предшествовавшего более высокому типу силлабо-тонического ритма и его предсказывавшего.

[1] «Сочинения и переводы», т. 1, стр. 9.
[2] «Аргенида», т. 2. СПб., 1751, стр. 605.

отчества Российска» — ямб. И теоретически и практически разработанный Тредиаковским хорей не только не исключал, но, наоборот, предполагал развитие и ямбического ритма. Новаторство Ломоносова состояло в том, что он нашел новую интонационно-синтаксическую структуру стиха, новое соотношение смыслового и синтаксического ряда в стихе с ритмическим рядом. Строка Ломоносова, по сути дела, совпадает с фразой или относительно интонационно законченной частью фразы. Почти после каждой строки Ломоносова может стоять знак препинания:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Который завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Эта четкость ритмической и интонационной структуры строки, естественно, определяла и порядок слов в строке. «Порядок слов, — говорит В. В. Виноградов, — это был большой вопрос синтаксиса церковно-славянского языка XVIII века. С ним соединялся вопрос о структуре синтагм, о протяжении предложения, о длине периода. Когда в начале XIX века представители новой литературы говорили о «старом слоге», то они прежде всего обвиняли его в «запутанной расстановке слов» и в «затрудненном движении мысли по тягучим периодам». [1]

Уловив новый тип ритма, Тредиаковский не сумел сколько-нибудь органически связать его с новым строем фразы, с новым порядком слов.

Буди же по твоему, то когда ти славно;
Слезы на мои гневись, очи льют что явно;
Ин греми; рази, пора, противна противный.
Чту причину, что тебя так ожесточает;
Но по месту поразишь каковому, дивный?
Мя всего Христова кровь щедро покрывает.

(«Сонет», 1735)

---

[1] В. В. Виноградов. Язык Пушкина. М. — Л., 1935, стр. 5—6.

Очевидна синтаксическая затрудненность этих стихов Тредиаковского, идущая именно от традиции книжного силлабического стиха, за которыми стоял лирический герой совсем другого типа. Когда Тредиаковский писал:

Во время стал оратай плугом
К яри́не бременить волов;
Их черствость глыб в труде мять тугом
Бичом и воплем ну́дит слов;
Свой груз хоть звать тяжелым смеет,
Однак надежду он имеет:
Довольство в преднюю есень зрит;
Тем благодушен, воспевает,
Песнь токмо ж часто прерывает;
Сам в вечер поздо в дом скорит, —

(*«Вешнее Тепло»*, *1756*)

то и лексический и синтаксический строй его стихов возвращал его назад, к тяжеловесной стилистической традиции книжной поэзии петровского времени, уже преодоленной его современниками — поэтами 50—60-х годов. Эти поэты развивали те творческие принципы, которые еще в начале 30-х годов и в теории и в стихотворной практике обосновывал Тредиаковский. Но, создав новый стихотворный ритм, он не сумел создать новой целостной стихотворной речи. В этом выражалось то драматическое противоречие, которое проявлялось в творческой деятельности Тредиаковского, то причудливое сочетание новаторства и консерватизма, которое отличает его поэтическую деятельность и которое он, по сути дела, стремился превратить в своеобразную поэтическую платформу.

Рассмотренные примеры с достаточной ясностью обнаруживают своеобразие словаря Тредиаковского. В отличие от Ломоносова, стремившегося к строгому единству стиля, что так отчетливо и сказалось в его теории трех стилей, Тредиаковский стремится к многостильности речи, причудливо объединяя и архаизмы, и просторечья, и неологизмы и т. д., теоретически обосновывая эту позицию в «Предызъяснении» к «Тилемахиде». Эта своеобразная смесь мещанского просторечья и церковной книжности получает еще более своеобразный характер благодаря влиянию на Тредиаковского западноевропейской и античной культуры, что также сказывается на его лексике и на словаре, и в известной мере на синтаксисе.

Здесь возникает очень существенное для понимания творчества Тредиаковского противоречие: с одной стороны, он первый улавливает тот тип нового героя, который отвечает требованиям

эпохи, те новые жанры, которые отвечают задаче раскрытия нового характера лирического героя, и в области стихотворной ритмики те новые речевые формы, которые отвечают облику этого героя, эмоциональному строю его речи. Но в более широком языковом плане Тредиаковский оказывается не в состоянии до конца преодолеть традицию книжной силлабической поэзии в области лексики и синтаксиса. Это и ограничивает его значение как реформатора русской поэзии. Имя его связано с реформой в области ритмики русского стиха, тогда как имя Ломоносова связано с целостной реформой поэтического языка, в котором ритмический строй был только одним, хотя и существенным элементом.

Все дело было в том, что Ломоносов не только обратился к новому ритму, но и связал его с новой лексикой и новым синтаксисом. Поэтому-то только у него облик нового лирического героя и получил свою художественную определенность. И Тредиаковский в своей дальнейшей поэтической деятельности в свою очередь опирался именно на то, что было найдено Ломоносовым. Достаточно сравнить его «Оду о сдаче города Гданска» в редакции 1734 года со второй ее редакцией (1752 года), чтобы увидеть, как широко он воспринял то, что было сделано Ломоносовым. Характерна его своеобразная редакционная работа над стихами Сумарокова.

Текст Сумарокова:

Да сверкнут молни, гром твой грянет,
И взыдет вихрь из земных недр;
Рази врага, и не восстанет;
Пронзи огнем ревущий ветр;
Смяти его, пустивши стрелы;
И дай покой в мои пределы...

Тредиаковский предлагает исправить следующим образом:

Да сверкнут молни, гром да грянет;
Да взыдет вихрь из земных недр;
Рази врага, да не восстанет;
Пронзи огнем ревущий ветр;
Смяти его, пустивши стрелы;
Но дай покой в мои пределы.

«Вот бы, — говорит он, — она как была вся жарчае и исправнее в частицах не склоняемых... Прошу, благоволите судить по самой беспристрастной справедливости, чья строфа громче». [1]

---

[1] А. Куник, ч. 2, стр. 446.

Очевидно, что здесь уже именно в интонационном отношении стих собран и организован рукою мастера. Стих Тредиаковского в 50-е годы звучит в ряде случаев широко и свободно. Очень выразителен его перевод комедии Теренция «Евнух» (1752). Таков, например, монолог Федрия из этой комедии:

...Каждый день и ночь вы б меня любили;
Всё б меня желали; видели б во сне,
Ждали б вы меня, обо мне б и мнили;
Был бы я надежда; точно б вам по мне;
Мною бы одним только веселились;
Были б вы со мною духом каждый час.
Словом, как душа вы б в меня вселились,
Тем — что я быть вечно не могу без вас. [1]

Или:

Красная Фебу сестра! ты всё по горам и по дебрям
Бегаешь, а иногда быстролетными ранишь стрелами,
Серну ль случай подаст, твоего ль от острейшего гнева
Все разбегаются, коль не свирепствуют, сами львы наши.

Правда, во многих его произведениях, естественно, сохранилась архаичность языка, запутанность и витиеватость книжной речи поэзии предшествующего периода. [2]

В 1752 году Тредиаковский выпустил двухтомное собрание своих сочинений. Это издание говорило о том, что Тредиаковский как поэт развивался в том же направлении, которое было определено им уже в 1730 году в сборнике «Стихов на разные случаи». Приветственные и благодарственные оды, в которых восторженный поэт рисует облик благородного монарха (по тем временам — монархини), стихотворения патриотического характера («Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу»), стихи

---

[1] Л. Б. Модзалевский. «Евнух». В. К. Тредиаковского. — «XVIII век». М. — Л., 1935, стр. 325.

[2] Следует иметь в виду, что затрудненность языка была свойственна и современникам Тредиаковского. В первоначальном варианте «Оды на взятие Хотина» Ломоносова были такие, например, строки:

Агарян ночи в выстрел всяк
Дрожат, себе являя знак
В последни, что бежа вступают.

(Цит. по книге А. Морозова «Михаил Васильевич Ломоносов», Л., 1952, стр. 260.)

религиозно-философские («Оды божественные»), светская тематика («Похвала цветку розе»), обширный цикл басен (51 басня), в которых, однако, Тредиаковский опять-таки не сумел найти отвечающего им поэтического языка, в силу чего современники справедливо считали отцом русской притчи Сумарокова, а не Тредиаковского, — все это свидетельствует и о широте поэтического кругозора Тредиаковского, и о том, что этот кругозор в основном отвечал тем требованиям, которые предъявляли к поэзии современники Тредиаковского — Ломоносов, Сумароков и другие.

Влияние Тредиаковского, несомненно, сказывалось и на менее заметных стихотворцах того времени: Михаиле Собакине, С. Витынском. [1]

В 1750 году Тредиаковский написал пьесу «Деидамия» (опубликованную лишь после его смерти). Пьеса эта точно так же свидетельствует о том, что к 50-м годам творчество Тредиаковского вполне стояло на уровне передовой поэзии его времени. [2]

Чрезвычайно расширяется и его творческий кругозор. Его «Способ к сложению российских стихов» 1752 года — это работа, широко вобравшая в себя опыт поэзии второй четверти XVIII века и всесторонне его характеризующая.

Интересно отметить, что Тредиаковский первый подходит к вопросу о статистических наблюдениях над стихом. Так, в полемике с Сумароковым о сафической и горацианской строфах он подсчитывает у Горация количество цезур и делает из своих подсчетов определенные выводы.

Интересно, что Тредиаковский широко обосновывает отказ от рифмы в стихах «долгопротяжных и важных», предугадывая таким образом дальнейшее развитие белого стиха в русской поэзии. [3]

Еще более любопытно, что, нападая на рифму, Тредиаковский опять-таки опирается на опыт народного стиха. «Простых наших людей песни все без рифмы, хотя и идут то хореем, то иамбом, то анапестом, то дактилем; а сие доказывает, что коренная наша поэзия была без рифм и что она тоническая». [4] Как бы в противовес

---

[1] См.: П. Берков. У истоков дворянской литературы XVIII века. Поэт Михаил Собакин. — Литературное наследство», № 9-10. М., 1933; А. Куник, ч. 1, стр. 84—86.

[2] См. о «Деидамии» статью Е. А. Касаткиной «Полемическая основа трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» и Тредиаковского „Деидамия“». — «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. XVII, 1958.

[3] См. его замечания о рифме в «Предызъяснении» к «Тилемахиде», т. 1, стр. XXXVIII, XXXIX, XLVIII, L, LI, LIV, LV.

[4] «Аргенида», т. 1, стр. LXVII. Предуведомление.

своим более ранним извинениям за интерес к народному стиху он заявляет в «Предызъяснении» к «Тилемахиде», что «самое природное и первенствующее наше стихосложение было всеконечно без рифм», и считает, что стихи без рифм возвращают нас «к древнему нашему сановному, свойственному и пристойно-совершенному» стихосложению.[1]

По широте привлеченного материала, по стремлению исторически подойти к вопросу о развитии поэзии труды Тредиаковского «Мнение о начале поэзии» (1752) и в особенности «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755), его «Предызъяснения» к «Тилемахиде» (1756) представляют собой значительнейшие в XVIII веке филологические исследования.

Не менее интересна и переводческая работа Тредиаковского, в частности его перевод «Приключений Телемаха» Фенелона. Мы уже говорили о том, что «Тилемахида» представляла собой перевод совершенно особого рода, применительно к которому с особенной верностью звучат слова Тредиаковского: «Переводчик от творца только что именем рознится. Еще донесу вам больше: ежели творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть».[2]

Если в переводе «Искусства поэзии» Буало Тредиаковский ценил прежде всего предельную точность: «Каждый Боалов стих изображается каждым же моим одним... сие подлинно весьма трудно, но сил человеческих не выше»,[3] — то в «Тилемахиде» речь шла, как уже говорилось, не только о переводе прозы стихами, но и о переключении перевода в иную стилистическую систему. Но место «Тилемахиды» в истории русской поэзии определяется еще и тем, что она положила основу такому своеобразному и заметному явлению в истории русской поэзии, каким является русский гекзаметр.[4]

Характерно, что, по словам С. Жихарева, «Гнедич... три раза прочитал «Тилемахиду» от доски до доски и даже находил в ней бесподобные стихи».[5] Тредиаковский, таким образом, стоит у истоков не только традиции русского гекзаметра, но и гомеровской традиции в России. В разработке гекзаметра ему предшество-

---

[1] «Тилемахида», т. 1, стр. L.

[2] «Езда в остров Любви». СПб., 1730, стр. 3 (ненумер.).

[3] Сочинения и переводы, т. 1, стр. IV. К читателю.

[4] См.: R. Burgi. «A History of the russian Hexameter». Connecticut, 1954.

[5] С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 191.

вали только попытка Спарвенфельда, которая, как уже говорилось, не могла иметь реального влияния на развитие русского стиха, и примеры гекзаметра, данные Ломоносовым в его «Письме о правилах российского стихотворства» 1739 года:

Счастлива красна была весна, все лето приятно.
Только мутился песок, лишь белая пена кипела.[1]

Однако практически Ломоносов гекзаметром не пользовался и в своих переводах Гомера, Вергилия и Овидия обращался к шестистопному ямбу. И первые образцы гекзаметра как реальной стихотворной формы были даны Тредиаковским в «Аргениде»: более 250 строк («Аргенида», ч. I, стр. 83, 107, 226, 338, 389; ч. II, стр. 17, 343). Применив гекзаметр в «Аргениде», Тредиаковский и смог так широко и свободно использовать его в своей монументальной героической поэме. Тредиаковский первый наметил путь и к переводу гекзаметром «Илиады» и «Одиссеи». По данным С. И. Пономарева, отрывки из «Илиады» были переведены Ломоносовым шестистопным ямбом в 1748 году.[2] Следующий перевод «Илиады» прозой Екимова появился в 1776—1778 годах. Шестистопным ямбом переводили ее Костров (1787) и Карамзин (1796). Только в 1808 году А. Мерзляков опубликовал отрывок из «Одиссеи», переведенный гекзаметром.

Между тем необходимо отметить, что в переводе «Римской истории» Ролленя все строки из «Илиады» и «Одиссеи» Тредиаковский перевел гекзаметром:

Будет тот день, когда Илион пад изгибнет священный...

Сам и Приам, и народ копием ратоборца Приама...

Лучше всех провещаний отечеству помощь защиты...

(«Илиада») [3]

При распространенности переведенной Тредиаковским «Римской истории» Ролленя эти первые примеры перевода «Илиады» и «Одиссеи» гекзаметром не могли, конечно, остаться незамеченными

---

[1] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1952, стр. 11.

[2] С. И. Пономарев. К изданию «Илиады» в переводе Гнедича. — Сборник ОРЯС, т. XXXVIII, № 2. СПб., 1886, стр. 119.

[3] Роллень. Римская история, т. 8, стр. 221; т. 12, стр. 72, и т. 9, стр. 32.

современниками. Точно так же гекзаметром переводил Тредиаковский строки «Илиады» и «Одиссеи» в «Предызъяснении» к «Тилемахиде». Таким образом, Тредиаковскому принадлежит право быть названным первым в числе русских «прелагателей слепого Гомера».

И жизненная, и литературная судьба Тредиаковского сложилась тяжело и трудно. И все же его научная и поэтическая деятельность сыграла огромную роль в развитии русской культуры XVIII века. Книги его читались, стихи запоминались и пелись, переводы открывали перед современниками широкий кругозор, знакомя их с передовыми явлениями зарубежной культуры.

В свой «Способ» 1735 года Тредиаковский включил «Эпистолу от российския поэзии к Аполлину». «Эпистолу мою, — говорил он, — пишет стихотворчество, или поэзия российская к Аполлину, вымышленному богу стихотворчества. Но чтоб кому имя сие не дало соблазна, того ради я объявляю, что чрез Аполлина должно здесь разуметь желание сердечное, которое я имею, чтоб и в России развелась наука стихотворная, чрез которую многие народы пришли в высокую славу».[1] Но «Эпистола» эта примечательна не только выраженным в ней стремлением Тредиаковского к науке стихотворной; пафос ее в значительной мере определяется стремлением Тредиаковского связать развитие русской поэтической культуры с развитием мировой поэзии, показать, как он выражается, сестер русской поэзии — греческую, римскую, французскую, английскую, испанскую, итальянскую, польскую, немецкую. Тредиаковский упоминает

...так же и турецку,
И персицку, и какой хвалится Индия,
И в арабской что земле мудра поэзия.

Тредиаковский называет в своей «Эпистоле» Гомера, Вергилия, Горация, Ювенала и многих других римских поэтов, Корнеля, Расина, Буало, Мольера, Вольтера и ряд других французских авторов, вплоть до «девицы Скудери» и «горько плачущей стихом нежной де ла Сюзы» (что свидетельствует о знании Тредиаковским и второстепенных представителей французской лирики). Далее он упоминает о Тассо, Мильтоне, о Лопе де Вега, Опице и других поэтах.

Такова была та литературная перспектива, которую открывал перед своими современниками Тредиаковский еще в 1735 году и которую он неустанно расширял в течение всей своей жизни.

[1] «Новый и краткий способ...», стр. 390.

При всей противоречивости, при всей сословной ограниченности, которую навязывала Тредиаковскому дворянская придворная культура, деятельность его отвечала основным интересам развития передовой русской национальной культуры XVIII века. Один из «богатырей новой России» (по меткому выражению С. Соловьева [1]), помогавших ей определить свои связи с мировой культурой, найти свое подлинное национальное, самобытное содержание и отвечающую ему художественную форму, Тредиаковский входит в историю русской поэзии, русской науки, русской общественной мысли.

* * *

Досужных дней труды, или трудов излишки,
О! малые мои две сóбранные книжки,
Вы знаете, что вам у многих быть в руках,
Пространных росских царств и в дальних городах;

И знаете, что дух порочить ново дело
Не может вас минуть, к вам не коснувшись смело.
Однако, преходя из рук вы в руки так,
Не бодрствуйте, в таком разгнать собою мрак,
Кто смыслен находить не пользу, но погрешность,
Не ставя за порок свою суда поспешность.
Оставьте, я прошу, в покое всех таких:
Любление к себе вы нáйдете в других,
Которы нравом пчел цветов не презирают,
Со всякого листка свой нектар собирают. [2]

Так, более чем двести лет назад, закончил Тредиаковский свое собрание сочинений 1752 года. Ему самому не удалось ни опровергнуть «суда поспешность» своих современников, ни «разгнать мрак», созданный вокруг его любимых творений.

Собирать его нектар приходится отдаленным потомкам «трудолюбного» филолога, самоотверженно, прилежно и терпеливо служившего своей младой и новой Российской музе.

Л. Тимофеев

---

[1] С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 20. СПб., 1910, глава 3, стлб. 1478.
[2] Сочинения и переводы, т. 2, стр. 331.

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХИ НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ

ПЕСНЬ

СОЧИНЕНА В ГАМБУРГЕ К ТОРЖЕСТВЕННОМУ
ПРАЗДНОВАНИЮ КОРОНАЦИИ
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
АННЫ ИОАННОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ,
БЫВШЕМУ ТАМО АВГУСТА 10-го (ПО НОВОМУ СТИЛЮ) 1730

Да здравствует днесь императрикс Анна
На престол седша увенчанна,
Краснейше солнца и звезд сияюща ныне!
Да здравствует на многа лета,
Порфирою златой одета,
В императорском чине.

Се благодать всем от небес лиется:
Что днесь венцем Анна вязется.
Бегут к нам из всей мочи сатурновы веки!
Мир, обилие, счастье полно
Всегда будет у нас довольно;
Радуйтесь, человеки.

Небо все ныне весело играет,
Солнце на нем лучше катает,
Земля при Анне везде плодовита будет!
Воздух всегда в России здравы,
Переменятся злые нравы,
И всяк нужду избудет.

Речные в брегах станут своих токи,
Выбегут все мерзки пороки.
Правда, Благочестие Анну окружают.

Любовь к подданным, Суд и Милость
Из всех сердец гонят унылость;
Тем Анну прославляют.

Прочь все отсюду враждебные ссоры:
Анна краснейша Ауроры
Всех в любовь себе сердца преклонила вечну!
Всё почитает дóлжно Анну,
Самодержицу богом данну,
Верность имать сердечну.

Торжествуйте вси российсти народы:
У нас идут златые годы.
Восприимем с радости полные стаканы,
Восплещем громко и руками,
Заскачем весело ногами
Мы, верные гражданы.

Имеем мы днесь радость учреждену,
Повсюду славно разнесенну:
Анна над Россиею воцарилась всею!
То-то есть прямая царица!
То-то бодра императрица!
Признают все душею.

Да здравствует нам императрикс Анна
На престол седша, увенчанна,
Краснейше солнца и звезд сияюща ныне!
Да здравствует на многа лета,
Порфирою златой одета,
В императорском чине.

Лето 1730

ЭЛЕГИЯ О СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ах! знать Россия плачет в многолюдстве гласно!
Где ж повседневных торжеств, радостей громады?
Слышь, не токмо едина; плачут уж и чады!
Се она то мещется, потом недвижима,
Вопиет, слезит, стенет, в печали всем зрима.

«Что то за причина?» (лишь рекла то Вселенна)
Летит, ах горесть! Слава весьма огорченна,
Вопиет тако всюду, но вопиет право,
Ах! позабыла ль она сказывать не здраво?
О когда хоть бы и в сем была та неверна!
Но вопиет, вопиет в печали безмерна:
«Петр, ах! Алексиевич, вящий человека,
Петр, глаголю, российский отбыл с сего века».
Не внушила Вселенна сие необычно,
Ибо вещала Слава уж сипко, не зычно.
Паки Слава: «Российский император славный,
Всяку граду в мудрости и в храбрости явный.
Того правда, того милость тако украси́ла,
Что всю тебя Вселенну весьма удивила.
Кто когда во искусстве? кто лучший в науке?
Любовь ко отечеству дала ль место скуке?
Что же бодрость? что промысл? православна вера?
Ах! не имам горести ныне я примера!»

Паче грома и молни се Мир устрашило,
И почитай вне себя той весь преложило.
Но по удивлении в незапной причине,
Со стенанием в слезах Вселенная ныне:
«Увы, мой Петре! Петре верх царския славы!
Увы, предрагоценный! о судеб державы!
Увы, вселенныя ты едина добро́та!
Увы, моя надежда! тяжка мне сухота!
Увы, цвете и свете! увы, мой единый!
Почто весьма сиру мя оставил, любимый?
Кто мя Вселенну тако иный царь прославит?
Кто толики походы во весь свет уставит?
Всюду тебе не могла сама надивиться.
Но уже Петр во мне днесь, Петр живый, не зрится!
Ах, увяде! ах, уже и сей помрачися!
Праведно Россия днесь тако огорчися».

Се бегут: Паллада, Марс, Нептун, Полити́ка,
Убоявшеся громка Вселенныя крика.
«Что тако (глаголют), мати, ты затела?»
Но Паллада прежде всех тут оцепенела,
Уразумевши, яко Петра уж не стало;

Петра, но российска: «Ах! — рече, — все пропало».
Падает, обмирает, власы себе ко́мит,
Всё на себе терзает, руки себе ломит,
Зияет, воздыхает, мутится очи́ма,
Бездыханна, как мертва не слышит уши́ма,
Всех чувств лишенна, мало зде в себя приходит,
Тихо, непостоянно, так гласом заводит:
«Мое солнце и слава! моя ты Паллада!
Куды ныне убегла? до коего града?
Я прочих мудрости всех мною наставляла;
А тебя я сама в той слышати желала.
О премудрый Петре! ты ль не живеши ныне?
Кая без тебя мудрость уставится в чине?
Плачь, винословна, плачи, плачь, философи́я,
Плачьте со мною ныне, науки драгие.
Стени, механика, вся математи́ка,
Возопии прежалостно и ты, Полити́ка.
Но тебе плакать будет в своем свое время,
Оставь мя ныне мое оплакать зол бремя.
Плачь со мною, искусство, но плачи чрезмерно:
Оставил нас Петр, что я узнала ей верно.
Ах! покинул всех нас Петр, мудростей хранитель,
Своего государства новый сотворитель».

Марс: «Не о российском ли, мати, Петре слово,
Нарицаемом Марсе во всем свете ново,
Ему же в храбрости я не могу сравниться,
Разве только сень его могу похвалиться?»
Сказала Вселенна. Марс завопил жестоко;
Пал было, но встал зараз; на небо взвел око:
«О небесни! небесни! и вы зависть взяли,
Что толика прехрабра у земных отняли?
Большу же мне нанесли ныне вы обиду.
Попротивился бы вам без почтенна виду.
Но отдайте мне Петра, Петра в мощных славна,
В храбрости, в бодрости, и в поле исправна».

В бо́льшу пришед Марс ярость, кинув шлем и саблю;
«Де́ла, — рече, — храбра я один не исправлю.
О Петре! Петре! Петре! воине сильный!
При градех, и во градех, и в поле весь дивный.

Возвратись моя радость, Марсова защита:
Марс, не Марс без тебя есмь, ах! но волокита.
Увы, мой Петре! како возмогу стерпети
Тебе не сущу, в слезах чтобы не кипети?
Вем, что не должно храбру; но быти не можно,
Егда вем, яко уснул ныне ты не ложно.
Уснул сном, но по веках возбнуться имущим.
Уснул сном, но нам многи печали несущим.

Впрочем пойду скитаться, лишившись клеврета.
Оплачу Петра, всегда землею одета».

Починает по том здесь Политика стужна
Рыдати не инако как жена безмужна:
«Дайте, — глаголет, — плачу мому место, други:
Не могу бо забыти Петра мне услуги.
Кто ин тако первее скрасил Поли́тику!
Кто меня в конец достигл толь весьма велику?
Рассмотри́л, ввел, пременил, укрепил он нравы,
Много о том глаголют изданные правы.
Но о и его правивш, боже ты державный!
Почто мне Петра отнял? тем подал плач главный.
Я толи́ку на него надежду имела,
Чтоб воистину в первом месте уж сидела
Предо всеми; но твоя то божия сила:
Хотя сия причина весьма мне не мила».

Се под Нептуном моря страшно закипели,
Се купно с ветры волны громко заревели!
Стонет Океан, что уж другого не стало
Любителя. Балтийско — что близко то стало
Несчастье при берегах. Каспийско же ныне
Больше всех — что однажды плавал по нем сильне.

Всюду плач, всюду туга презельна бывает.
Но у бога велика радость процветает:
Яко Петр пребывает весел ныне в небе,
Ибо по заслугам там ему быти требе.

1725

СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее добро́ты
Мыслить умом есть много охоты.

Россия мати! свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо российску ты солнце ясно!

Красят иных всех златые скиптры,
И драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украси́ла,
И лицем светлым венец почтила.

О благородстве твоем высоком
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство.

В тебе вся вера благочестивым,
К тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойныя,
К тебе не смеют приступить злые.

Твои все люди суть православны
И храбростию повсюду славны;
Чада достойны таковой мати,
Везде готовы за тебя стати.

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
И россияне коль громко плещут:
Виват Россия! виват драгая!
Виват надежда! виват благая.

Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне языков надобно б было
Прославить всё то, что в тебе мило!

1728

СТИХИ ЭПИТАЛАМИЧЕСКИЕ
НА БРАК ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА КУРАКИНА И КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ИВАНОВНЫ

Во един день прошлого в город Гамбург лета
При самом ясном небе от солнечна света
Влетел вестник Меркурий; но весь запыхался,
Так что, смотря на него, и я испужался,
Мысля, что б за причина его чрезвычайна
Учинила уставша? Беда ль неначайна
Над кем стряслася, что ли? Вижу, что непросто:
Ибо таков он не был, говорят, лет со сто.
Стал я, нетерпеливный, Меркура улещать,
То гладким, то сердитым его словом прельщать:
«Что, сударь, тебе сталось, министр перва бога!
Или тебе некошна вся была дорога!
Пожалуйста, скажи мне, благодарен буду,
И как Аполлона, так тебя не забуду».
Дышит Меркурий, а я: «Эх, сударь, уж скучишь!
Что хорошего? Почто долго меня мучишь?
Ведь я равно и тебе, как и Аполлону,
Служу, не больше чести имам твоей ону.
Так-то, право, служи вам, а вы не глядите,
Несмотря на верность, в смех всё становите.
Ну, сударь, ведь таки мне сказать случай надо,
И недаром ты прибыл до сего днесь града?»
Молчит Меркурий; только кажет мне рукою
На одного мальчика прекрасна собою,
Которой недалеко весел стоял тамо,
Маленькой сайдак его украшал всё рамо,
Колчан ему каленых висел стрел за плечьми,
Быстрехонек казался, как бы река течьми.

Узнал я зараз, что то Купидон воришка:
Ибо у меня таки столько есть умишка.

Тогда хоть еще сердце мое трепетало,
Но, видев Купидона, легче ему стало;
Уже я стал ожидать всё благополучно,
И молчание óно не так было скучно
Меркуриево; к тому ж, что я строй великой
Издали увидел со сладкой музы́кой,
На которой дивяся не мог насмотреться,
Так хорошему нельзя в Пруссии иметься.
Гимен на торжественной ехал колеснице,
Купидушки ту везли, прочие шли сице:
Любовь, держа два сердца, пламенем горящи,
Цепочкой золотою связаны блещащи,
Шла за Гименом; близко потом Верность мила,
С ней Постоянство, Радость всё в ладоши била.
Корнукопиа везде по дороге цвéты
Бросала, которыми, богато одеты,
Подбирая, меж собой деточки играли,
А все-таки за строем оным те бежали.
Мужеска все казались пола княжичами,
А женска прекрасными виделись княжнами.
По обеим сторонам много Купидонов,
Где воздух разбегался от их крыльных звонов,
Всех прохлаждая, из них держал в руке всякой
Факел с огнем яра воску, неинакой.
Все восклицали вкупе согласно устами:
«Брякнули княжескими на любовь руками!
Брякнули, гей!» Но больше еще я дивился,
Как там Аполлон с скрипкой появился,
Весь статнее Гинниона, также и Батиста,[1]
И всяк бы его назвал тогда божка иста,
Которой смычком весьма так начал красно,
Так же приговаривать и язы́ком ясно
(Когда он пел и играл, музы́ка молчала,
Но только в удивлени се своем внимала):
«Брякнули княжескими на любовь руками,
Юже, чтоб никакой день расторгл! Ни косами
Смерть сурова! Брякнули, гей! в княжеском чине:
Счастливо век вам златой встает в благостыне!

[1] Два славные в Париже игроки на скрипице.

О вас новобрачнии! О с надеждой многи
Потомки! О и чада! О брачни чертоги!

Зрите все люди ныне на отроковицы
Посягающей лице, чистой голубицы:
Палладийской вся ее красота есть равна,
Власами ни Венера толь чисто приправна,
Таковыми Юнона очесы блистает,
Или Диана, когда колчаны скидает,
Из лесов на небо та прибыти хотяща,
Красится; но сия в сей красоте есть вяща.
Такая то у нас есть княгиня! Днесь тыя
Божески дары, князю, зри вся, а благия
Свет души видя в оной, смертну тую быти
Не речеши, и счастьем богам ся сравнити
Не устыдишься. Она поступь твою равно,
И златом блещущую одежду всю славно,
И светлые пламенем наичистым оки
Зрети любит, тя любя, а мысльми глубоки
В себе изображает: как то с ней любо
Поступишь! и как то ей вместе быть не грубо!
И как то славна всюду узрится с тобою!
И еще боится, что мысль та не ветр ли с тщетою?

Но не бойся, не бойся, о красна княгиня!
Тебя любит Юпитер, Юнона богиня:
Не бо во сне зрится ти такова днесь радость.
Истинна то самая, истинна то сладость.
Любовь князя вся к тебе будет благородна,
Со мною всем богам ты о совсем угодна!

Ныне воскликните вси согласно устами:
Брякнули княжескими на любовь руками!
Брякнули, гей! руками, княгиня прекрасна
С князем таким, какова зарница есть ясна,
Что в небе равных своих весь свет погашает,
А сама едина там паче всех блистает».

Тут замолчал Аполлон. Но купиды сами:
«Брякнули княжескими на любовь руками!»
Как всё в удивление сие мя привело!
Как велико веселье всё мне сердце развело!

Тотчас я узнал, что строй весь тот шел от брака
Князя, но Александра: ибо то мне всяка
В оном строю особа известно казала,
Что свадьба Александры так быть надлежала!

Увидев тогда Меркур, что то я догадался,
Стал уж мне то ж подтверждать; но я рассмеялся:
«Молчи, Меркурий, пожалуйста молчи,
Сказывать то другим лети, иль поскачи».
Выговорив, не мог я с радости усидеть,
Чтоб следующу песню весело не запеть.

Апрель 1730

ПЕСНЯ НА ОНЫЙ БЛАГОПОЛУЧНЫЙ БРАК

Flambeau des cieux!
Redoubles ta clarté brillante:
l'Hymen règne enfin dans ces lieux.
Tout nous enchante
dans ce séjour:
le Dieu des coeurs y tient sa cour.

Heureux Amans!
soyez toujours tendres et constans;
vivez unis cent et cent ans.
Vôtre sort coule doucement
sans vous causer aucun tourment!
Tout le monde
vous seconde!
tout vous chérit tendrement.

Апрель 1730

ПЕРЕВОД:

ПЕСНЯ НА ОНЫЙ БЛАГОПОЛУЧНЫЙ БРАК

О, свет небес!
Удвой блестящее сиянье:
Для этих мест Гимен воскрес.

Очарованье
Пленяет здесь.
И бог сердец — владыка днесь.

Любви чета!
Будь верностью всегда свята.
Живи согласно лет до ста.
Пусть жизнь твоя течет проста,
Мучения и зла пуста,
Все на свете
Вам в привете,
Нежно преданы уста.

(М. Кузмин)

БАЛАД О ТОМ, ЧТО ЛЮБОВЬ БЕЗ ЗАПЛАТЫ НЕ БЫВАЕТ ОТ ЖЕНСКА ПОЛА

Tout le beau sexe (et c'est partout constant)
paye les feux des coeurs de cent manières.
Une coquette, aprés tout, rend à l'instant
amant l'heureux par la faveur dernière.
Douce faveur, quand elle est la première!
L'autre à la fin tient quelque doux discours
au coeur soumis, qui lui fait bien sa cour.
Cela n'est rien; mais c'est la recompense:
Jamais sans prix on ne reste en amour.
Il est enfin l'ultieme complaisance.
Cupidon va quelque fois à pas lent,
lors qu'il rencontre une Prude à cythere.
Et si jamais il ne cede en aimant,
il est bien vrai, qu'il ne reste en arrière.
Bien qu'elle lui fasse par tout la guerre,
qu'il ne craint point tout ce bruit du Tambour,
s'il ne parvient jusqu'à quelque fauxbourg,
il en aura du moins une assurance:
toujours les soins sont payés de retour.
Il est enfin l'ultieme complaisance.
L'on croit en vain, que c'est perdre son temps,
que d'en vouloir à la beauté trop fière;
quand elle voit que son fidél galant

par chaque endroit tache de lui plaire,
bien qu'elle ait sa vertu trop sévère.
Je gagerai ma tête, qu'à son tour,
aprés plusieurs fins et rusés detours,
elle en aura quelque reconnoissance:
l'on n'est jamais pour rien en son debours.
Il est enfin l'ultieme complaisance.

ENVOY

Toy, *Belle Iris,* que le ciel fit au tour!
Quand tu changeas de ton avis un jour
pour satisfaire à ma très humble instance,
plus que content dans ce monde je cours:
ce fût enfin l'ultieme complaisance.

<1730>

ПЕРЕВОД:

БАЛАД О ТОМ, ЧТО ЛЮБОВЬ БЕЗ ЗАПЛАТЫ НЕ БЫВАЕТ ОТ ЖЕНСКА ПОЛА

Везде ведется так, что женский пол
По-разному огонь любви венчает.
Кокетка, та, лишь кто к ней подошел,
Счастливцу тотчас же и отвечает, —
Блаженный дар, коль он впервой бывает.
Другая шлет привет, хоть он и мал,
Тому, кто счастья от нее искал, —
Ничтожное, но всё ж вознагражденье.
Никто в любви без платы не бывал —
Последнее найдется снисхожденье.

Порой Купидо на подъем тяжел,
Коль недотрогу по пути встречает,
Хоть никогда в любви он вспять не шел,
Но шаг, случается, и замедляет.
Хоть та войну ему и объявляет,
Ведь барабан его не запугал,
Хотя предместий только достигал,
По крайности имеет уверенье, —

Труд втуне никогда не пропадал, —
Последнее найдется снисхожденье.

Считается: бесцельно жизнь провел,
Коль кто красу жестоку обвиняет,
Коль верность в друге взгляд ее нашел,
И что всеместно нравиться желает,
Пусть строгой добродетелью страдает,
Я б голову на отсеченье дал,
Что тот, кто столько сил сюда влагал,
Заслужит некое благодаренье.
Труд ни один напрасно не пропал, —
Последнее найдется снисхожденье.

ПОСЫЛ

Какою рок тебя, Ирис, создал!
Твой нрав решенье каждый день менял
Смиренное пожаловать моленье
И в свет счастливей всех меня послал, —
Последнее нашлося снисхожденье.

(М. Кузмин)

БАСЕНКА О НЕПОСТОЯНСТВЕ ДЕВУШЕК

Un jour Damon le plus tendre berger
revint chez lui tout joyeux d'un verger,
où sa Daphné lui fût très favorable.
Croyant ce sort être à jamais durable
le lendemain il y hata ses pas.
Qu'y fit Daphné fière de ses appas?
Elle l'évite, et prend une autre route.
Damon la suit n'étant de rien en doute.
Il la salue en termes fort polis,
dont il faisoit ses complimens jolis;
il s'informoit, comment elle se porte,
pour lui prouver son zele de la sorte.
Puis franchement il commence a causer
avant de lui donner aucun baiser,
en lui faisant la suivante demande:
est ce pour moy, que vous quitez la bande?

Vous êtes seule! Est ce de votre ardeur
pour m'assurer, dont je fais mon bonheur?
Sera ce donc pour m'exposer vos charmes,
afin de jouir des plaisirs sans allarmes?
Alors enfin il se mit en devoir
de l'embrasser, et de la faire asseoir.
Tout doucement, lui dit elle, en colere,
de tous vos soins vraiment je n'ai que faire.
Comment Daphné? lui repliqua Damon,
que voulez vous? est ce enfin tout de bon?
puis-je du moins sçavoir quel est mon crime?
offense-t-on par un excès d'estime?
Eh! laissez moi, repond elle, en repos.
Et tout d'abord elle tourna le dos.
Damon surpris d'une action si dure
crût que ce fut une illusion pure.
Mais c'est en vain qu'il vouloit la toucher!
Lors tout en pleurs il ne put s'empecher
de s'ecrier avec raison, ce semble:
un jour suit l'autre, et point ne lui ressemble.

<1730>

ПЕРЕВОД:

БАСЕНКА О НЕПОСТОЯНСТВЕ ДЕВУШЕК

Нежнейший пастушок один Дамон
Приходит раз из сада восхищен, —
Там счастлив был с Дафнэ, своей желанной.
Считая милость эту постоянной,
Спешит туда назавтра со всех ног,
Но он Дафнэ признать насилу мог:
Его бежит, идет другой дорогой.
Дамон за ней и, незнаком с тревогой,
В словах учтивых нежный шлет привет,
Что прежде находил у ней ответ.
Он спрашивать ее, как поживает,
И тем свое усердье выражает.
Затем пустился запросто болтать
Пред тем, как поцелуй у ней сорвать.
И спрашивает у нее вначале:

«Компанью бросили не для меня ли?
Вот вы одна. Не ваш ли нежный жар
Сулит мне уверенья верный дар?
Вы мне покажете свои красоты,
Чтоб счастие вкусить нам без заботы?»
Затем он счел, что надо приступить,
Поцеловать, на травку усадить.
«Оставьте, — вдруг красотка протестует, —
Меня ваш пламень не интересует».
— «Дафнэ, в чем дело? — возразил Дамон. —
Притворно держите подобный тон,
Узнать позвольте хоть, в чем преступленье,
Иль оскорбил избыток уваженья?»
— «Меня оставьте. Дайте мне покой» —
И повернулася к нему спиной.
Дамон никак не ожидал удара
И думает, что это — злая чара.
Но тщетно думал он ее склонить,
И лишь в слезах пришлося повторить
Присловие, что оказалось гоже:
«Как день со днем бывают непохожи».

(М. Кузмин)

ПЕСЕНКА К КРАСНОЙ ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ СТЫДИТСЯ И БУДТО НЕ ВЕРИТ, КОГДА ЕЙ ГОВОРЯТ, ЧТО ОНА ХОРОША

Vous êtes belle, il faut dire vraiment;
je le dis donc, mais avec tout le monde.
J'ajoute à part, qu'il n'est point de seconde.
En doutez vous? pour le coup, franchement,
c'est être bien rebelle;
vous êtes pourtant *belle.*

Consultez bien vôtre cheri miroir;
il vous fait voir dans la sincere glace,
qu'on vous prendroit aisément pour la Grace.
Mirez vous y du matin jusqu'au soir,
de plus, à la chandelle,
vous êtes toujours *belle.*

Balancez vous encor? voici mon coeur,
dont, je suis sur, qu'il n'a flaté personne,
qui tout entier à vos charmes se donne.
Mais vous direz, que c'est un grand flateur;
non, non, c'est avec zele:
vous êtes, dit il, *belle.*

<1730>

ПЕРЕВОД:

ПЕСЕНКА К КРАСНОЙ ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ СТЫДИТСЯ И БУДТО НЕ ВЕРИТ, КОГДА ЕЙ ГОВОРЯТ, ЧТО ОНА ХОРОША

«Прекрасны вы, признаться надлежит», —
Я это повторю хоть с целым светом.
«Вам равных нет», — прибавлю я при этом.
Не верите? Все ясно говорит, —
Упрямой быть напрасно, —
Вы все-таки прекрасны.

Взгляните в зеркало (любовь, воззри!),
Оно в стекле являет вам не ложно,
Что вас за Грацию принять возможно.
В него с зари любуйтесь до зари.
При свечке видно ясно,
Что вы всегда прекрасны.

Еще колеблетесь? но сердце — вот.
Оно, ручаюсь, никогда не льстило,
Пред вашей прелестью себя склонило.
Оно, вы скажете, быть может, лжет...
Нет, вторит ежечасно,
Что вы всегда прекрасны.

(М. Кузмин)

•

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОТЫ

Il est un berger sincere
Delicat, constant, discret,
Qui vous adore en secret,
Et qui mourroit pour vous plaire.

Je n'en dirai pas le Nom:
Je crains toujours votre colere
Je n'en dirai pas le nom:
Mais ecoutez ma chanson.

Si tôt qu'il vous voit paroitre,
La joie eclate en ses yeux.
Tout lui paroit ennuyeux,
Oú vous ne pouvez pas être.
Je n'en dirai pas le Nom:
Vous m'exileriez peut être.
Je n'en dirai pas le nom.
Mais ecoutez ma chanson.

Quand de la faveur supreme
Vous auriez payé ses feux,
A son air respectueux
Vous en douteriez vous même.
Je n'en dirai pas le Nom.
Peu d'amans feroient de même.
Je n'en dirai pas le nom.
Mais ecoutez ma chanson.

Si sensible au caractere
De l'auteur de ces couplets,
Vous voulez savoir qui c'est;
Je peux seul vous satisfaire.
Je n'en dirai pas le Nom.
Sachez moi gré du mystere.
Je n'en dirai pas le nom.
Mais retenez ma chanson.

ПЕРЕВОД:

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОТЫ

Пастушок найдется скромный, —
Нежен, прост, вернее нет,
К вам любви — но то секрет —
Он питает пламень томный;
Я его не назову —
Не повлечь бы гнев огромный.

Я его не назову, —
Песню слушайте мою.

Стоит вам лишь показаться,
Свет горит в его глазах,
И скучает в тех местах,
Где не можно вам являться.
Я его не назову,
Ссылке чтоб не подвергаться.
Я его не назову, —
Песню слушайте мою.

Если высшая услада
Жар смиренный наградит,
Никогда не выдаст вид,
Сколько сердце счастью радо...
Я его не назову, —
Поискать подобных надо.
Я его не назову, —
Песню слушайте мою.

Кто же тот поэт укромный,
Сочинивший сей куплет?
Я бы мог вам дать ответ
Очень не головоломный.
Я его не назову,
Оставляя тайне темной.
Я его не назову —
Дам лишь песенку мою.

(М. Кузмин)

ОТВЕТ НА ОНОЕ МОЕГО ТРУДА

Qu'il soit un berger sincere,
Delicat, constant, discret,
Je vous dirai sans secret,
Qu'il ne sauroit point me plaire.
Ne m'en dites pas le Nom:
Craignez toujours ma colere.
Ne m'en dites pas le nom.
Peste soit de sa chanson!

Sitôt qu'il me voit paroitre,
Qu'il se derobe à mes yeux:
Tout me paroitra joyeux,
Où lui ne pourra pas être.
Ne m'en dites pas le Nom:
Je m'en moquerai peut être.
Ne m'en dites pas le nom.
Peste soit de sa chanson!

Treve de faveur supreme
Je donne au Diable ses feux:
Il est fort audacieux,
Je crois qu'il le voit lui même.
Ne m'en dites pas le Nom.
Un sot amant fait de même.
Ne m'en dites pas le nom.
Peste soit de sa chanson!

Quelque soit le caractere
De l'auteur de vos couplets;
Mais si je savois qui c'est,
Je lui dirois de se taire.
Ne m'en dites pas le Nom.
Gardez en bien le mystere.
Ne m'en dites pas le nom.
Peste soit de sa chanson!

<1730>

ПЕРЕВОД:

ОТВЕТ НА ОНОЕ МОЕГО ТРУДА

Пусть пастух найдется скромный,
Нежен, прост, вернее нет,
Я открою свой секрет:
Мне не люб сей пламень томный.
Говоришь: «не назову», —
Бойся злобы преогромной.
Говоришь: «не назову», —
К черту песенку твою.

Стоит мне лишь показаться, —
Пусть не будет на глазах.

Всё приятно в тех местах,
Где не может он являться.
Говоришь: «не назову», —
К черту песенку твою.

Чувства высшая услада
Дьявола пусть наградит.
У него предерзкий вид, —
Я сама тому не рада.
Говоришь: «не назову», —
Мне такого и не надо.
Говоришь: «не назову», —
К черту песенку твою.

Кто б ни был поэт укромный,
Сочинивший сей куплет,
Я б дала ему ответ
Очень не головоломный.
Говоришь: «не назову», —
Всё потонет в ночи темной.
Говоришь: «не назову», —
К черту песенку твою.

(М. Кузмин)

ПРОШЕНИЕ ЛЮБВЕ

Покинь, Купи́до, стрелы:
Уже мы все не целы,
Но сладко уязвлены
Любовною стрелою
Твоею золотою;
Все любви покорены.

К чему нас ранить больше?
Себя лишь мучишь дольше.
Кто любовью не дышит?
Любовь всем нам не скучит,
Хоть нас тая и мучит.
Ах сей огнь сладко пышет!

Соизволь опочинуть
И сайдак свой покинуть:
Мы любви сами ищем.
Ту ища, не устали,
А сласть ее познали,
Вскачь и пеши к той рыщем.

За любовь (не будь дивно)
Не емлем, что противно
Ей над всеми царице:
Та везде светло блещет,
Так что всяк громко плещет,
Видеть рад любовь сице.

Стрел к любви уж не надо:
Воля всех любить рада.
Ах, любовь дорогая!
Любовь язвит едину,
Другой ранен чрез ину.
Буди ненависть злая!

<1730>

ПЕСЕНКА ЛЮБОВНА

Красот умильна!
Паче всех сильна!
Уже склонивши,
Уж победивши,
Изволь сотворить
Милость, мя любить:
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ну ж умилися,
Сердцем склонися;
Не будь жестока
Мне паче рока:
Сличью обидно
То твому стыдно.
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Так в очах ясных!
Так в словах красных!
В устах сахáрных,
Так в краснозарных!
Милости нету,
Ниже привету?
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ах! я не знаю,
Так умираю,
Что за причина
Тебе едина
Любовь уносит?
А сердце просит:
Люби, драгая,
Мя поминая.

<1730>

СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ ПАРИЖУ

Красное место! Драгой берег Сенски!
Тебя не лучше поля Элисейски:
Всех радостей дом и слáдка покоя,
Где ни зимня нет, ни летнего зноя.

Над тобой солнце по небу катает
Смеясь, а лучше нигде не блистает.
Зефир приятный одевает цвéты
Красны и вóнны чрез многие леты.

Чрез тебя лимфы текут все прохладны,
Нимфы гуляя поют песни складны.
Любо играет и Аполлон с музы
В лиры и в гусли, также и в флейдузы.

Красное место! Драгой берег Сенски!
Где быть не смеет манер деревенски:
Ибо всё держишь в себе благородно,
Богам, богиням ты место природно.

Лавр напояют твои сладко воды!
В тебе желают всегда быть все роды:
Точишь млеко, мед и веселье мило,
Какого нигде истинно не было.

Красное место! Драгой берег Сенски!
Кто тя не любит? разве был дух зверски!
А я не могу никогда забыти,
Пока имею здесь на земли быти.

<1728>

СТИХИ СЕНЕКОВЫ О СМИРЕНИИ

Переведены с латинских

Стой кто хочет на скользкой придворной дороге,
Будь сильным и любимым при царском чертоге;
Старайся иной всяко о высокой чести,
Ищи другой, чтоб выше всех при царе сести;
Пускай сей любит славу и убор богатый,
Палаты высоки, двор полем необъятый,
Слуг стадо, села, замки, суды позлащенны,
Одежду дорогую, власы намащенны,
Той — богатство, веселье, также поступь смелу;
Заживай приятелей сильных на жизнь целу.

Но мне в убогой жизни люб есть покой сладки,
Дом простой, и чин низкой, к тому ж убор гладки;
А компания с музы веселит мя смала,
Покорность уж святою казаться мне стала.
Тако, когда мои дни пробегут без шума
(Приятна во дни, в ночи, сия мне есть дума!),
Простачком и старичком весел приду к гробу,
Оставивши на свете всю светскую злобу.
Тот, кто очень всем знатен в сей жизни бывает,
Часто не знатен себе горько умирает.

<1730>

ОДА О НЕПОСТОЯНСТВЕ МИРА

Где бодрость! где надея!
Откуду дики мысли?
Что случилось всех злея?
Мир сей из сердца вышли,
Все зло отстанет.

Так малая премена,
В сердце взявши начало,
В теле всем размножена,
Хоть мучит и немало,
Будь терпеливый.

Что в мире постоянно?
Сие всем очень знатно.
Смотри на всё созданно,
Не всё ли есть превратно?
Кой цвет не вянет?

Весну сжигает лето,
Осень то пременяет;
Плодом древо одето
Зима нам отнимает,
А ветр гневливый

Уносит у нас тихость,
Боится свет ненастья,
. . . .
В счастьи много несчастья,
Скорый припадок!

Бой у черного с белым,
У сухого есть с влажным.
Младое? потом спелым,
Бывает лёгко важным,
Низким — высóко.

Не больше есть дня ночи,
Ни ночи есть дня больше;
Сила? ан и нет мочи.
Жизнь? но не ста лет дольше.
В чести упадок!

То стоит, то восходит,
Сие тут пребывает;
Глядишь, другое сходит,
Иное пропадает
В ничто глубоко!

Словом, нет и не будет
Ничего, кроме бога
(Который не избудет,
Ни милость его многа),
Что б было вечно.

Сей единый, сей вечный,
Сей сильный, сей правдивый,
Благий и бесконечный,
Всеведущ прозорливый,
Вся управляет.

Сего должно едина
Повиноваться воли:
Первая [он] причина,
Дарующая доли.
Примем сердечно

Что б от него ни было;
Которой не даст злаго.
О великая сило!
В тебе мне есть всё благо,
Сердце вещает.

<1730>

ТА Ж САМАЯ ОДА ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Point de courage! Point d'espoir!
mille objets obsedent mon ame!
Mais, d'où me vient ce penser noir?
Ah! l'amour du monde m'enflamme
depuis le matin jusqu'au soir!

Quoique ce petit changement
n'ayant que dans mon coeur sa source

abat le corps cruellement
et me fasse être sans resource,
    que je le souffre constament!

Que voit on au monde, après tout?
Qui soit dans la même constance?
Tout fuit, tout fuit, rien n'est debout,
tout y vacille, tout balance,
    tout est sujet aux mortels coups.

Le printemps se cache à l'été,
l'été se derobe à l'automne;
mais d'abord l'hyver enteté
avec les rudes froids se donne,
    et tout raisin est arreté.

Les vents, quand ils sont en fureur,
otent l'agreable bonace;
la noir malice avec ardeur
poursuit la bonté, la menace,
    après l'heur on a le malheur.

Le noir dispute aves le blanc,
le sec de même avec l'humide,
le léger cède au lourd son rang,
le beau jeune au vieux incipide;
    en vaste mer change un étang.

L'effroyable nuit à son tour
nous prive tous de la lumière.
Je suis? et je perds tôt le jour.
Je puis? d'abord etant par terre
    personne ne me fait sa cour.

L'un s'arrête, et l'autre descend,
un autre tombe, un autre monte;
l'autre reçoit tous les encens;
l'un s'abaisse, l'autre surmonte,
    un autre périt sans accents.

En un mot, au monde il n'est rien
de stable, que l'être suprême,

qui fut toujours riche en tout bien,
il est le premier, et l'extrême,
à lui la constance convient.

Il est seul, il est éternel,
il est tout puissant, il est juste,
il voit tout, entend notre appel,
il sait tout, il est tout auguste,
il est éternellement tel.

On doit obeir à lui seul:
car il est la première cause,
il fait la joie, il fait le deuil,
et comme il lui plait il dispose,
ainsi recevons sans orgueil.

Tout ce qu'il nous voudroit donner,
il n'est jamais que favorable.
O dieu! veuille donc m'ordonner,
ce qu'il te convient, adorable!
mon coeur autrement façonner.

<1730>

ЭПИГРАММА ГОСПОДИНУ К.

Accidit id linguis Tibi (Homero ex urbibus olim
Quas septem numerant) has numerare licet.
Itala vult sermone suo fieri Italum amoenum;
Et Germanica vox te facit esse suum;
Illustris Gallum ore, sono quoque Gallia adoptat.
Quae spectanda Polo Bella novi generis!
Sed cessare licet nunc hic de lite perenni:
Nomine nam ROSSY Tu mihi Rossus eris.

<1730>

ПЕРЕВОД:

ЭПИГРАММА ГОСПОДИНУ К.

Меж языков о тебе (как некогда о Гомере
Спорили семь городов) — спор привелось завести.
Речь итальянская сладкого видит в тебе итальянца,
Но и германский глагол тоже считает своим.
Галлия усыновила тебя за галлские звуки,
Только на Польшу взгляни — новые распри растут!
Но позволено нам прекратить давнишние споры:
Раз ты по имени Росс, значит, ты — Росс для меня.

(М. Кузмин)

СТИХИ О СИЛЕ ЛЮБВИ

Можно сказать всякому смело,
Что любовь есть велико дело:
Быть над всеми и везде сильну,
А казаться всегда умильну —
Кому бы случилось?
В любви совершилось.

Кто б смел встать на Иовиша славна?
Любовь его, княгиня главна,
Принудила взять виды разны
Птичьи, скотски, красны, злобразны;
Иовиш не гордился,
Охотно склонился.

Трудно Марса победить было;
У всех сердце с страха застыло
Перед ним. Любовь только едина
Победивши (смешна причина)
Его оковала,
Плененным звать стала.

Что больше? та царит царями,
Старых чинит та ж молодцами,
Любовь правит всеми гражда́ны,

Ту чтят везде и поселяны,
Та всчинает брани,
Налагает дани.

Не без любви мир, договоры;
А прекращал кто б иной ссоры?
Словом, чинит по своей воле
Что захочет где се ли то ли;
И девиц склоняет,
А нас запаляет.

Не убежишь той в монастырях,
Любовь во всех председит пирах.
Для любви все танцевать любят,
И музыку, чтоб играть, нудят.
Все ей угождают,
Все любви желают.

<1730>

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ ОДНОЙ ДЕВИЦЕ, КОТОРАЯ ВСЕГДА ЛЮБИЛА ЧЕРНЕНЬКУЮ СОБАЧКУ НА РУКАХ ДЕРЖАТЬ

Vous avez un petit Cerbere
des plus mal nés, des mieux appris
A garder, charmante bergere,
chez vous les jardins de Cypris.
L'exemple de fidelité
peut bien se trouver dans tout autre;
mais celui de sa cruauté,
certe, il n'en est point que la vôtre.

Or comment vous faire l'eloge
de ce noir petit loup garou?
qui près de vôtre coeur ne loge
que pour y servir de verrou.
S'il a de la fidelité,
la mienne est encore toute autre;
mais pour applaudir la fierté,
il n'a qu'une voix, c'est la vôtre.

<1730>

ПЕРЕВОД:

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ ОДНОЙ ДЕВИЦЕ, КОТОРАЯ ВСЕГДА ЛЮБИЛА ЧЕРНЕНЬКУЮ СОБАЧКУ НА РУКАХ ДЕРЖАТЬ

При вас всечасно — цербер-душка,
Что приучен и очень рад
У вас, прелестная пастушка,
Хранить Кипридин вертоград.
Конечно, верности пример
И у других бы мог открыться,
Но злоба, злоба свыше мер,
Лишь с вашей жесткостью сравнится.
Такого буку между псами
Как добрым словом помянуть,
Коль для того лишь вечно с вами,
Чтоб преграждать любови путь?
Конечно, верности пример
Во мне б такой же мог открыться,
Но в похвале превыше мер,
Конечно, с вами не сравниться.

(М. Кузмин)

ЖЕЛАНИЕ, УЧИНЕННОЕ ОДНОЙ ДЕВИЦЕ

Que le ciel vous donne un amant
Toujours tendre, fidel, constant;
Et que dans cent ans d'ici,
Vous puissiez dire cecy:
J'ignore le soucy!

<1730>

ПЕРЕВОД:

ЖЕЛАНИЕ, УЧИНЕННОЕ ОДНОЙ ДЕВИЦЕ

Пусть любовника рок пошлет,
В ком верность и нежность живет,

Чтобы лет чрез сто опять
Вы легко могли сказать:
Забот мне не видать.

(М. Кузмин)

ПЕСНЯ К ЛЮБОВНИКУ И ЛЮБОВНИЦЕ ОБРУЧИВШИМСЯ

Accourrez plaisirs,
calmez les soupirs
d'un couple si tendre!
hatez le rendre
heureux, sans desirs:
ils n'ont qu'une ame,
et leur pure flamme
ressemble aux Zephirs.
Chantons leur bonheur
devant tout le monde.
Leur sort le seconde!
Eux deux n'ont qu'un coeur.
    Celebrons tous
ce lien si doux:
elle est sans pareille!
il est la merveille!
tous deux charment nous.
    Douce union!
puisse etre eternelle;
mais, c'est tout de bon.

<1730>

ПЕРЕВОД:

ПЕСНЯ К ЛЮБОВНИКУ И ЛЮБОВНИЦЕ ОБРУЧИВШИМСЯ

Мчись, веселый рой,
В смену скуке злой,
К паре столько нежной!

Пусть безмятежной
К ним сойдет покой.
Славьтесь целым миром,
Сходные с Зефиром
Слитною душой.
Счастье воспоем
Перед всей вселенной!
Как слились вдвоем
Вы душой влюбленной,
Ах, будем петь
Столь сладку сеть,
Что вам так известна. —
Как она чудесна,
Коль ее иметь.
Счастья дитя,
Славьтесь повсеместно...
Это не шутя.

(М. Кузмин)

ПЕСНЯ ОДНОЙ ДЕВИЦЕ, ВЫШЕДШЕЙ ЗАМУЖ

Quel hymen! quel fidel amour!
En si bel age
Susanne s'engage.
Quel hymen! quel fidel amour!
Tous les plaisirs ici font leur sejour.
Jeunes coeurs!
Vos tendres ardeurs
Vous promettent mille douceurs:
Le ciel vous fit en tout pour ses faveurs.
Tout seconde ces deux amans,
Tout conspire,
Tout vous desire
Un siecle entier de doux ravissemens.

<1730>

ПЕРЕВОД.

ПЕСНЯ ОДНОЙ ДЕВИЦЕ, ВЫШЕДШЕЙ ЗАМУЖ

О, любовь! о, счастливый брак!
В прекрасны лета
Обресть все это.
О, любовь! о, счастливый брак!
Все радости сошлись здесь как-никак.
Души вряд
Коль огнем горят,
Вам сотни радостей сулят.
Пускай небесные дары стократ
Здесь на любовников сойдут.
Всё вещает
И обещает
Вам сотню лет иметь любви приют.

(М. Кузмин)

ПОХВАЛА ВСЯКОЙ МИЛОЙ

Rien ne peut sur moi l'absence
même de cent milles jours:
j'aime constament Constance,
je l'adorerai toujours.
Par un destin necessaire,
Elle seule aura mon coeur:
Elle seule m'a sçû plaire,
Elle seule est mon vainqueur.

Qu'elle est en tout sans pareille!
Il n'est point de si doux traits;
son esprit est la merveille,
tout adore ses attraits.
Par un destin necessaire,
Elle seule aura mon coeur:
Elle seule m'a sçû plaire;
Elle seule est mon vainqueur.

Bel objet de ma tendresse!
approuves donc mes beaux feux:

à toi mon ardeur sans cesse
aspire par mille voeux.
    Par un destin necessaire,
    Tu dois seule avoir mon coeur:
    Car tu seule m'a sçû plaire,
    Et tu seule es mon vainqueur.

Si par quelque circonstance
Tu t'engages promptement
Helas! ma chere Constance
Tu me perdra surement.
    Par un destin necessaire,
    Tu dois seule avoir mon coeur:
    Car tu seule m'a sçû plaire,
    Et tu seule es mon vainqueur.

<1730>

ПЕРЕВОД:

ПОХВАЛА ВСЯКОЙ МИЛОЙ

Пусть разлука в высшей мере
Нам грозит на много дней,
Верен я любимой Вере
И пребуду верен ей.
    По судьбе неотразимой,
    Лишь она владеет мной,
    Ей лишь быть моей любимой,
    Лишь она — владыка мой.

Ах, во всем ты — вне сравненья,
Черт подобных больше нет.
И умна на удивленье,
И прельщаешь целый свет.
    По судьбе неотразимой,
    Лишь она владеет мной,
    Ей лишь быть моей любимой,
    Лишь она — владыка мой.

Ах, предмет моих желаний,
К жару сердца низойди,

Лишь к тебе моих страданий
Стон несется из груди.
По судьбе неотразимой
Только ты владеешь мной.
Быть тебе моей любимой,
Только ты — владыка мой.

Но когда союз поспешный
Заключит она, тогда
Я для Веры, безутешный,
Уж потерян навсегда.
По судьбе неотразимой
Лишь она владеет мной,
Ей лишь быть моей любимой,
Лишь она — владыка мой.

(М. Кузмин)

ПРОЩАНИЕ ПРИ РАЗЛУЧЕНИИ СО ВСЯКОЙ МИЛОЙ

Divin objet d'un feu pur et celeste,
à qui mon coeur adressoit tous ses voeux,
ce jour funeste,
mais précieux,
où je te fais mes eternels adieux
est le seul prix, le seul bien qui m'en reste.

A ses rigueurs, helas! livré sans crime,
Amour, j'etois encore trop heureux,
et dans l'abyme
de mille feux,
me faire en vain soupirer sous ses yeux,
c'etoit de fleurs couroner sa victime.

Quoi que à mes yeux, la Parque qui m'entraine,
ait déja mis un funebre bandeau;
chere inhumaine!
c'est ton flambeau
qui me conduit au dela du tombeau;
j'y vais porter ton adorable chaine.

Trop cher objet, à qui me sacrifie
l'affreux instant d'un depart si cruel,
adieu! j'essuye
le coup mortel.
Mais, pourquoi donc frappé sur ton autel
en d'autre lieux t'aller rendre ma vie?

<1730>

ПЕРЕВОД:

ПРОЩАНИЕ ПРИ РАЗЛУЧЕНИИ СО ВСЯКОЙ МИЛОЙ

Предмет любви моей первоначальной,
К кому стремлюсь восторженной душой,
Сей день печальный,
Но дорогой,
Когда навек я расстаюсь с тобой,
Пребудет ввек отрадою прощальной.

Твою жестокость зря всё бесполезней,
Любовь, я знал еще блаженство дней
В глубокой бездне
Твоих огней,
Но вздох извлечь напрасно перед ней,
То делать жертву от гирлянд любезней.

Хоть на глаза, меня увлечь готова,
Смертельный парка бросила покров,
Тобою снова,
Как страстный лов,
Ведусь я за предел последних снов,
Твои неся пленительны оковы.

Тебя за божество лишь почитая,
Я жертвую в жестокой сей поре.
Прощай, стеная,
Жду горé.
Зачем, быв поражен при алтаре,
Вдруг жизнь кончать пойду?

(М. Кузмин)

ТОСКА ЛЮБОВНИЦЫНА В РАЗЛУЧЕНИИ С ЛЮБОВНИКОМ

Eh! destin cruel,
arraches donc mon ame:
je ne vois plus, ah! mon amant fidel.
Rien n'eteindra ma flamme!
Mais, toi sort,
jusqu'au Port
et sur le bord ne lui fais aucun tort.

<1730>

ПЕРЕВОД:

ТОСКА ЛЮБОВНИЦЫНА В РАЗЛУЧЕНИИ С ЛЮБОВНИКОМ

О, жестокий рок,
Пусть душу вырывает. —
Из глаз сокрылся верный мой дружок,
Огонь не утихает...
Но судьба
Пусть, любя,
И в гавани да бережет тебя.

(М. Кузмин)

ТОСКА ЛЮБОВНИКОВА В РАЗЛУЧЕНИИ С ЛЮБОВНИЦЕЮ

Eh! cruel destin
arraches donc mon ame:
En vain tu veux renverser mon dessein.
Rien n'eteindra ma flamme!
En tous lieux
les beaux yeux
de ma Philis font allumer ses feux.

<1730>

ПЕРЕВОД:

ТОСКА ЛЮБОВНИКОВА
В РАЗЛУЧЕНИИ С ЛЮБОВНИЦЕЮ

Рок ко мне жесток.
Пусть душу вырывает,
Но мысль мою разрушить он не мог.
Огонь не утихает.
Что за спор!
Пусть твой взор
Везде, Филлида, жжет любви костер.

(М. Кузмин)

**ПЛАЧ ОДНОГО ЛЮБОВНИКА,
РАЗЛУЧИВШЕГОСЯ С СВОЕЙ МИЛОЙ,
КОТОРУЮ ОН ВИДЕЛ ВО СНЕ**

Ах! невозможно сердцу пробыть без печали,
Хоть уж и глаза мои плакать перестали:
Ибо сердечна друга не могу забыти,
Без которого всегда принужден я быти.

Но, принужден судьбою или непременной,
И от всея вечности тако положенной,
Или насильно волей во всем нерассудной,
И в порыве склониться на иное трудной.

Ну! что ж мне ныне делать? коли так уж стало?
Расстался я с сердечным другом не на мало.
Увы! с ним разделили страны мя далеки,
Моря, лесы дремучи, горы, быстры реки.

Ах, всякая вещь из глаз мне его уносит,
И кажется, что всяка за него поносит
Меня, сим разлученьем страшно обвиняя,
И надежду, чтоб видеть, сладку отнимая.

Однак вижу, что с ними один сон глубоки
Не согласился; мнить ли, что то ему роки
Представлять мила друга велели пред очи,
И то в темноту саму половины ночи!

Свет любимое лице! чья и стень приятна!
И речь хотя мнимая в самом сне есть внятна!
Уже поне мне чаще по ночам кажися,
И к спящему без чувства ходить не стыдися.

<1730>

ПРАВИЛА, КАК ЗНАТЬ НАДЛЕЖИТ, ГДЕ СТАВИТЬ ЗАПЯТУЮ, ТОЧКУ С ЗАПЯТОЮ, ДВОЕТОЧИЕ, ТОЧКУ, ВОПРОСИТЕЛЬНУЮ И УДИВИТЕЛЬНУЮ

,Il faut un repos court où la virgule arrete.
;Mais la virgule et point brouille certe la tête.
Coupez, sans balancer, la moitié de tout sens
Par la virgule et point; la grammaire y consent.
:On veut rendre raison dans chaque periode
En y mettant deux point; en prose ou bien en ode.
L'on sçait qu'il est aisé à la fin du discour
.De poser un grand point; c'est sans faire l'amour:
Car l'on dit qu'il est bien expert en toutes choses,
Qu'il se mele de tout, jusqu'à plaider les causes.
!Par un longue et ronde il faut marquer du coeur
Toutes les passions; le ton aussi moqueur.
?Ronde et courbe se met après chaque demande,
Soit qu'elle soit petite, ou bien qu'elle soit grande.

<1730>

Перевод:

ПРАВИЛА, КАК ЗНАТЬ НАДЛЕЖИТ ГДЕ СТАВИТЬ ЗАПЯТУЮ, ТОЧКУ С ЗАПЯТОЮ, ДВОЕТОЧИЕ, ТОЧКУ, ВОПРОСИТЕЛЬНУЮ И УДИВИТЕЛЬНУЮ

,Где краткий отдых дать, то запятая знает,
;Но точка с запятой уж мысли затемняет.
Какой бы ни был смысл, но резать пополам
Вам точкой с запятой я разрешенье дам.
:Приблизить можно все к рассудочной породе,
Две точки поместив, как в прозе, так и в оде.
Известно, что когда кончаем нашу речь,
.То точка ставится. Любви не уберечь...
Она, как говорят, на всяки вещи ловка,
Есть даже у нее судейская сноровка.
!Знак восклицательный указывает страсть,
А также если кто в насмешку хочет впасть.
?Знак вопросительный ставь после вопрошенья,
Какого б ни было размера иль значенья.

(М. Кузмин)

ПЕСЕНКА, КОТОРУЮ Я СОЧИНИЛ, ЕЩЕ БУДУЧИ В МОСКОВСКИХ ШКОЛАХ, НА МОЙ ВЫЕЗД В ЧУЖИЕ КРАИ

Весна катит,
Зиму валит,
И уж листик с древом шумит.
Поют птички
Со синички,
Хвостом машут и лисички.

Взрыты бро́зды,
Цветут грозды,
Кличет щеглик, свищут дрозды,
Льются воды,
И погоды;
Да ведь знатны нам походы.

Ка́нат рвется,
Якорь бьется,

Знать, кораблик понесется.
Ну ж плынь спешно,
Не помешно,
Плыви смело, то успешно.

Ах! широки
И глубоки
Воды морски́, разбьют боки.
Вось заставят,
Не оставят
Добры ветры и приставят.

Плюнь на суку
Морску скуку,
Держись черней, а знай штуку:
Стать отишно
И не пышно;
Так не будет волн и слышно.

Весна 1726

ОПИСАНИЕ ГРОЗЫ, БЫВШИЯ В ГАГЕ

С одной страны гром,
С другой страны гром,
Смутно в возду́хе!
Ужасно в ухе!
Набегли тучи
Воду несучи,
Небо закрыли,
В страх помутили!

Молнии сверкают,
Страхом поражают,
Треск в лесу с перуна,
И темнеет лу́на,
Вихри бегут с прахом,
Полоса рвет махом,
Страшно ревут воды
От той непогоды.

Ночь наступила,
День изменила,
Сердце упало:
Всё зло настало!
Пролил дождь в крышки,
Трясутся вышки,
Сыплются грады,
Бьют вертограды.

Все животны рыщут,
Покоя не сыщут,
Биют себя в груди
Виноваты люди,
Боясь напасти
И чтоб не пропасти,
Руки воздевают,
На небо глашают:

«О солнце красно!
Стань опять ясно,
Разжени тучи,
Слезы горючи,
Столкай премену
Отсель за Вену.
Дхнуть бы зефиром
С тишайшим миром!

А вы, аквилоны,
Будьте как и оны;
Лютость отложите,
Только прохладите.
Побеги вся злоба
До вечного гроба:
Дни нам надо красны,
Приятны и ясны».

1726 или 1727

13: Весна катитъ / зимꙋ валитъ . и оужъ листикъ здревомъ шꙋмитъ
Взрыты брѡзды / цвѣтꙋ грѡзды . кличе щегликъ / свищꙋтъ дрѡзды
конатъ рвется / иакорь бьется . знать карабликъ понесется
Ахъ широки / и глꙋбоки . вѡды мѡрски разбьютъ бѡки
плюнь насꙋкꙋ / мѡрскꙋ скꙋкꙋ . держись черней а знай штꙋкꙋ .

...тъ птички / сосничики . хвостомъ машꙋтъ и лисички : 2 :
...тся вѡды / и погѡды . давѣть знатны намъ похѡды : 2 :
...ъ плыньтѣшно / непомѣшно . плыви смѣлѡ / то оутѣшно . : 2 :
Заставатъ / не ѡстакатъ . добры вѣтры / и приставатъ : 2 :
...ь ѡтишно / и непышно . такъ небꙋде / вѡлнъ и слышно : 2 :

СОН, УЧИНЕН ПЕСНИЮ НАПОДОБИЕ ОДНОЙ ПЕСНИ ФРАНЦУЗСКОЙ «LA REINE SI BELLE», И С ЕЕ ЖЕ РЕФРЕНОМ

Aimable delire
d'un songe amoureux!
Seul prix du martyre,
de mes tendres feux!
Instant, ou ma belle
me serroit si fort,
tu fuis avec elle!
vraiment elle a tort.

Sa langue à ma bouche
répondoit si bien,
son coeur si farouche
se changeoit au mien;
nos bras pêle mêle
Se serroient si fort.
Où s'envole-t-elle?
vraiment elle a tort.

Est il bien possible,
disois-je en son sein,
que tu sois sensible,
que tu m'aime enfin?
Iris moins cruelle
ne veut plus ma mort!
Ah! repondoit elle:
vraiment elle a tort.

Je l'entendois dire
D'un ton plein d'amour,
Cruel, tu peut rire,
Je souffre à mon tour.
Sa tendre prunelle
Le disoit encore.
Que n'attendoit elle?
vraiment elle a tort.

Tandis que mes larmes
Couloient de plaisirs,

Par quelles alarmes
Se met elle a fuir?
Pour fruit de mon zele
Quand je mouille au Port,
Où s'envole-t-elle?
vraiment elle a tort.

Cette enchanteresse
Change en se moment
Ma tendre allegresse
En affreux tourment.
Comme une hyrondelle
Qui prend son essort
Où s'envole-t-elle?
vraiment elle a tort.

Mais par quelle route
La suivre en ces lieux?
Je n'y vois plus goute
En ouvrant les yeux.
A demi pucelle
Qu'elle etoit encor,
Où s'envole-t-elle?
vraiment elle a tort.

<1730>

ПЕРЕВОД:

СОН, УЧИНЕН ПЕСНИЮ НАПОДОБИЕ ОДНОЙ ПЕСНИ ФРАНЦУЗСКОЙ «LA REINE SI BELLE», И С ЕЕ ЖЕ РЕФРЕНОМ

Чудесной отрады
Исполненный сон.
За муки в награду
Ниспослан мне он.
В тот миг, как прижалась,
Волненья полна, —
С тобою умчалась...
Виновна она.

Устам отвечала
Своим языком,
И дикость пропала
При взгляде моем.
Рука уж сплеталась
С другою одна...
Куда же умчалась?
Виновна она.

Возможно ли это!
Воскликнул я.
Дождусь ли ответа?
Полюбишь меня!
Ирис уж склонялась,
Но губит до дна;
Ах, что ей осталось?
Виновна она.

Услышу слова я
И вздохи любви.
Умолкнут ли, злая,
Насмешки твои?
В глазах отражалась
Вся правда ясна.
Чего ж дожидалась?
Виновна она.

Счастливые слезы
Льет сердце мое.
Какие ж угрозы
Спугнули ее?
Желанье дождалось...
Уж гавань видна...
Куда же умчалась?
Виновна она.

И ты, чаровница,
Велеть возмогла
Любви обратиться
В источники зла.
Как ласточка мчалась —
Близка уж весна,

Она так умчалась...
Виновна она.

Какой же дорогой
Искать мне теперь?
Проснулся с тревогой,
Взглянул я на дверь...
Полдевой осталась,
Верна, неверна...
Такой и умчалась.
Виновна она.

(М. Кузмин)

ЭПИГРАММА
К ОХУЖДАТЕЛЮ ЗОИЛУ

Много на многи книги вас, братец, бывало,
А на эту неужли вас таки не стало?

<1730>

ИЗ РОМАНА «ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ»

* * *

Душа моя, спрячь всю мою скорбь хоть на время,
Умальте, мои очи, слезных поток бремя;
Перестань жаловаться на несчастье, мой глас;
Позабудь и ты, сердце, кручину на мал час.
Знаю, что вы в несчасти, и то чрез жестоту,
Варварской и несклонной судьбины в долготу.
Будьте в малой роскоши, хоть и все постыли,
И помните, что долго вы счастливы были.

1730

* * *

Нас близко теперь держит при себе Афри́ка,
Около мест прекрасных моря Атланти́ка.
А сей остров есть Любви, и так он зовется,
Куды всякой человек в свое время шлется.
Стары и молодые, князья и подда́нны,
Дабы видеть сей остров, волили быть странны.
Здесь на земли́ со времям всё что уж ни было,
То в сих местах имело желание мило.
Разно сухой путь сюды ведет, также водный,
И от всех стран в сей остров есть вход пресвободный.
Стать, любовность, прикраса, приязнь с красотою
Имеют все пристани сия за собою.
И, привлекая всяка чрез любовны средства,
Никто их не убегнет, вышедчи из детства.

<1730>

* * *

В сем месте море не лихо,
Как бы самой малой поток.
А пресладкий зефир тихо,
Дыша от воды не высок,
Чинит шум приятной весьма
Во играний с волнами.
И можно сказать, что сама
Там покоится с вещами
Натура, дая всем покой.
Премногие красят цвéты
Чрез себя прекрасный брег той.
И хотя чрез многи леты,
Но всегда не увядают;
Розы, тюлипы, жасмины
Благовонность испускают,
Ольеты, также и крины.
Правда, что нет во всем свете
Сих цветов лучше и краше;
Но в том месте в самом лете
Не на них зрит око наше.

<1730>

* * *

Купид чрез свои стрелы ранит человеков,
И понеже он есть всех царей сильнейший,
Признан в небе, на земли, в мори, от всех веков,
Под разным видом той же свой старейший
Дает закон, и часто для отмщенья скора
Над беспристрастным ко всем женским лицам
Употребляет своей силой без разбора,
Дав его сердце не красным девицам.

<1730>

* * *

Пристающих к земли той един бог любезный,
И умам чувствительным всегда он полезный.
Разум, что имать очи живы, прозорливы,
Гласом громким идущих и речьми учтивы
Остановляет; стоя при самом том входе,
Запрещает дорогу, кричит, что есть годе.
Но чувствия его зрак не зрят, ослепленны.
И будучи един он с недруги смертельны
Не может биться. Тако никто его гласа
Не слушает, и всяк там идет без опаса.

<1730>

* * *

Сей, что ты видишь так важна,
Назван от всех Почтение;
Мать его есть Любовь кажна;
Отец — само Любление.
Много другов он имеет
При дворе сем августейшем.
А кто ему не умеет
Угождать, то тот во злейшем
Несчастии остается
При всех наших девах красных.
Буде в милости иметься
Его хочешь, то слов ясных
Мало употреблять треба:
А лучше при нем всё молчать,
Глазы, хоть бы были с неба,
Так же ничего не смечать.
Сия ж, что видишь, другая,
Котора есть при нем всегда,
Предосторожность драгая.
Любовник без ней никогда
Счастливым себя не найдет.
А во своей жаркой страсти
С Предосторожностью зайдет
Куды хочет без напасти.

<1730>

* * *

Что бы я ныне ни вещал,
Но словом вздохи мешают;
Чую, что вольность потерял;
Мысли, где сердце, не знают.
Не ты ль, Аминта, то скрала?
Я, не видав твою младость,
С самого жизни начала
Не имел такову слабость.

<1730>

* * *

Туды на всяк день любовники спешно
Сходятся многи весьма беспомешно,
Дабы посмотреть любви на причину,
То есть на свою красную едину.
С утра до ночи тамо пребывают,
О любви одной токмо помышляют.
Все тамо домы украшены цвёты,
Все и жители богато одеты.
Всё там смеется, всё в радости зрится,
Всё там нравится, всему ум дивится.
Танцы и песни, пиры и музы́ка
Не впускают скорбь до своего лика.
Все суть изгнаны оттуду пороки,
И всяк угрюмой чинит весел скоки.
Всяк скупой сыплет сокровище вольно.
Всяк молчаливый говорит довольно.
Всякой безумной бывает многоумным,
Сладкие музы поют гласом шумным.
Наконец всякой со тщанием чини́т,
Что лучше девам ко веселию мнит.

<1730>

* * *

Виделось мне, кабы тая
В моих прекрасная дева
Умре руках вся нагая,
Не чиня ни мала зева.

Но смерть так гибель напрасну
Видя, ту в мир возвратила
В тысячу раз паче красну;
А за плач меня журила.

Я видел, что ясны очи
Ее на меня глядели,
Хотя и в темноту ночи,
И нимало не смертвели.

«Ах! — вскричал я велегласно,
Схвативши ее рукою,
Как бы то наяву власно, —
Вас было, Мила, косою

Ссечь жестока смерть дерзнула!
Ох! и мне бы не миновать,
Коли б вечно вы уснула!»
Потом я стал ту обнимать.

Я узнал, как пробудился,
Что то есть насмешка грезы.
Сим паче я огорчился,
Многи проливая слезы.

<1730>

* * *

Что это? всё ли вздыхать с мучением вечным?
Всё ли страдать? всё ль любить с жаром бесконечным?
Наконец и умереть придет нам, может быть,
А о любви ничего не надо объявить?
И не знать, когда смерть скосит нас нахальна,
Будет ли о том мила хоть мало печальна?

Надо ль, чтоб быть счастливу, ждать слепа случáя?
Так что, когда свою жизнь на весь век кончая,
Тогда хотя и любить тебя станет мила,
Но ведь не мысля, что уж поздо залюбила?

<1730>

* * *

Дворы там весьма суть уединенны
И в тихости все с собой неотменны.
Никогда тамо не увидишь сбору:
Всяк ходит в ночи без криклива здору.
Всяк свои дела сам един справляет,
А секретарям оны не вверяет.
Встречаться тамо часто невозможно.
Несвободну быть надо неотложно,
И всегда терпеть без всякой докуки,
Хоть как ни будут жестокие муки.
В сей то крепости все употребляют
Языком немым, а о всем все знают:
Ибо хоть без слов всегда он вещает,
Но что в сердце есть, всё он открывает;
И по желанью что всяку творити
Сказует, скорбну ль, радостну ли быти.

<1730>

* * *

Проливать слезы только мне там было дела.
Часто расстаться <с> телом вся душа хотела.
Но никакой Аминте не имел докуки,
Хоть и жестоки меня погубляли скуки.
С трепетом от Аминты для почетна взора,
Иль от смерти несчастью ждал я конца скора.
Только за моей милой следовал повсюду,
Говорил глазы, сердце, что страждет внутрь уду.
Мои частые вздохи и печаль постыла
Казали ей, что меня она победила.

<1730>

* * *

Сему потоку быть стало
С слез любовничьих начало,
Которые чрез их плач смешенный со стоном
Стремляют с камня воду в бель с кипящим звоном.
Вода камень умягчает,
Шум всюду слышим бывает;
Древеса и все цветы в сожалени зрятся,
Одна только Жестокость ничем может смяться.

<1730>

* * *

Увы, Аминта жестока!
Не могу ль я при смерти вас моей смягчити?
Сей лес и всё не может без жалости быти.
Ах, Аминта, жестче рока!
Сей камень, ежели бы имел столько мóчи,
Восхотел бы утереть мои слезны очи.
Ах, Аминта! без порока
Можете ль вы быть смерти моея виною?
Пока щититься, увы! вам зде жестотою?
Ах, Аминта! нет ли срока?

<1730>

* * *

В сем озере бедные любовники присны
Престают быть в сем свете милым ненавистны:
Отчаяваясь всегда от них любимы быть,
И не могуще на час во свете без них жить;
Препроводивши многи свои дни в печали,
Приходят к тому они, дабы жизнь скончали.
Тамо находятся все птицы злопророчны,
Там плавают лебеди весьма диким точны,
И чрез свои печальны песни и негласны
Плачут о любовниках, которы бесчастны.

<1730>

* * *

Ах! так верный мой Тирсис! твоя страсть горя́ча
нравится мне ныне.
Благодари Жалости, перестань от плача,
будь во благостыне.
Сия Жалость чрез свои пресладкие речи
вложила мне в душу,
Чтоб утереть при глазех твоих слезны течи,
ввесть в радости сушу.
Горю о тебе сердцем, болю всей утробой,
и чувствую сладость,
Что вижу любви твоей знак ко мне особой.
Стреги твою младость.
Живи, мой драгой Тирсис, я повелеваю,
и надежду сладку
Восприими отныне: ибо я начаю
без ложна припадку,
Что в некоторо время Аминта ти дружна,
ради постоянства
Твоего чрезвычайна, явится услужна
даже до подданства.

<1730>

* * *

Радуйся, сердце! Аминта смягчилась,
Так что предо мной самым прослезилась.
Не воспоминай о твоем несчасти.
И без напасти

Начни твою жизнь отныне любити:
Ибо Аминта подкрепою быти
Той восхотела от сердца усердна
И благосердна.

Когда хотело ты сойти до гроба,
К обывателям подземного глоба,
Та белой ручкой тебя подхватила
И не пустила.

Что она спасла, то отдать ей надо,
Мое сердце, ах! душа моя рада:
Ибо надлежит сие ей по праву
И по уставу.

<1730>

* * *

О коль мне тамо сладка веселия было!
С каким довольством прошло мое время!
Всё в восхищени мое сердце себя зрило!
С радости к небу бралось мое темя!
О ежели бы я там взнуздал мою похоть!
Всё зрил Аминту! везде радость многа!
И не было ни о чем, ах! мне тамо охать:
Всегда с ней речи, нигде нет подлога.
Я был довольно любим, чтоб мне не крушиться;
Надобно ль было, увы! мыслить тамо,
Чтоб при ней еще лучше тогда мне найтиться,
Когда веселье приплывало са́мо?

<1730>

* * *

Ныне уже надлежит, увы! мне умереть:
Мои все скорби цельбы не могут здесь иметь.
Все мое старание, чтоб их облегчити,
Не может как еще их больше растравити.
В скуке, которая всегда меня здесь обдержи́т,
Могу ли я жить больше? ах! умереть надлежит.
Радости твои, сердце, пропали безвеста:
Ибо Аминта ушла вовсе с сего места.
Но к чему вопить ныне не имея мочи?
Отстать от всего лучше, стратив ее очи.
Без моей милой, в ней же вся мне есть утеха,
Ах! душа моя рвется страстьми без успеха.
Не осталось от моей горячей мне страсти,
Как раскаянье, скука, печаль и напасти.
Во всех моих днех нужных слабость бесконечна
Шлет меня скоро к смерти, что бесчеловечна.

Долгая, можешь ли ты из сердца, Разлука,
Вынять любви всё и память, есть ли ты сторука?
Ах! проклята, в тебе ли мне искать помоги:
Ты мне чинишь, ты, ныне смертны налоги.
Ты отняла Аминту, разговоров сладость,
Ласковые приветы и всю мою радость.
Но она в моем сердце вся есть с красотою,
К умноженью печалей в мысли есть со мною.

<1730>

* * *

Там всяк друг на друга злится,
Нет почести отцу, брату,
Ни князь, нижé царь не чтится;
Всяк хочет биться до мату.
Всяк не желает как смерти.
В ярости, в гневе, в подзоре,
Сам пропасть, иль друга стерти.
Там надо быть в смуте, в ссоре.

<1730>

* * *

Она есть мучения в любви враг смертельный.
И котора, когда кто зле с ней поступает,
При помощи своея ярости презельной
Тотчас с глаз как молния быстра пропадает.

Случается иногда сим ей избавляти
Любовника погибла почти всеконечно
От той гибели целой и противустати
Любви и злой ревности чрез весь живот вечно.

Оная моей милой неверность мне мнима
Дала вину не любить в моих ту обетах.
А досада казалась так весьма любима,
Что чрез девять дней целых я был у ней в нетах.

Но печаль не отошла и скука намало,
А сердце стерпевало так велики казни,
Что с любовью Аминты смерть лучше желало,
Нежели б мне лишиться ее всей приязни.

<1730>

* * *

Будь жестока, будь упорна,
Будь спесива, несговорна;
Буде отныне могу еще осердиться,
То мой гнев в моем сердце имеет храниться.

Ах, нет! хоть в какой напасти
Глаза явят мои страсти.
Но вы не увидите мое сердце смело,
Чтоб оно противу вас когда зашумело.
Я вас имею умолять,
Дабы ко мне милость являть.
Буде отныне могу еще осердиться,
То мой гнев в моем сердце имеет храниться.

<1730>

* * *

Изволь ведать, что скорбь есть смертельная всяко,
Когда кто любит верно,
Но жестоку безмерно,
И котора смеется над ним всюду тако.
Можно ль жить любовнику, чтоб милу не видеть?
Могу ль я в надежде быть,
Чтоб вас ныне умолить?
Но ежели я како возмог вас обидеть,
За то я чрез мою скорбь довольно наказан.
Извольте умилиться,
Со мною помириться:
Ибо я к тебе вечно чрез любовь привязан.

<1730>

* * *

Роскоши всякой недруг превеликой,
Ненавистница любви хоть коликой,
Мучительница страстей и всей ласки,
Так что ссекла бы всё тое на часки.
Много за нею следует народу,
Которой ее любя всю науку,
Обещает нам вечную всем муку
За саму нашу малую выгóду.

<1730>

* * *

Плачьте днесь, мои очи, вашу участь злую,
Плачьте ныне, ах! плачьте, без вопроса вскую:
Аминта не желает зрети на вас больше
И дабы со мною сердце ее было дольше.
Буде вы, ее видя, счастливыми были,
Буде с весельем себя в ее очах зрили, —
То плачьте, мои очи, в горькой днесь печали:
Не видеть вам драгих дней, ибо все пропали.

<1730>

* * *

Вечная весна тамо хранит воздух чистый,
Небо кажет светлейше цвет очам свой истый.
Цветы во всяко время там не увядают,
И на всякий час новы везде процветают.
Всегда древа имеют плоды свои спелы,
Ветви всегда зелены, поля с цветы целы.
В отдалении многи пещеры чудесны,
Где ликуют радости, смех, игры нелестны.
Свет туды не заходит чрез ветви сплетены,
Сия пещеры с веку любви посвящены.
Сама натура оным листья украсйла,
Сама всех птиц поющих туды приманила,

Которы, чрез сладко свое щебетанье,
Поют в песнях о любви, о ее игранье.
И сим своим примером дают всем законы,
Чтоб слово в слово тамо чинить, как и оны.
А по траве зеленой малые потоки
Льются с шумом приятным чисты, неглубоки.
Нощь, и все элементы, тихость без помехи
Всем любящимся много придают потехи.
Красны в желани девы любятся сердечном,
О роке нет там слова пребесчеловечном.
Тамо-то любовники после всех вздыханий
Вкушают те сладости, что выше желаний.
Тамо всё то, что небо, воздух, земля, воды
Произвели лучшее людей для породы,
В чувствительной похоти весело играет,
И в руках любящего с любовью вздыхает.

<1730>

* * *

Се воспомяновенье прешедшия славы,
Что мучит меня больно.
Ежели бы не имел памяти я правы,
Я б жил здесь своевольно.
В несчасти, что до конца меня здесь сматило,
Я мышлю, что вкусити
Мне многу сладость время на то допустило,
Чтоб больше бедным быти.
Знаю, что б ко мне мой рок не так был злосливым,
Ежели б я иногда не так был счастливым.
Прешедше мое счастье
Умножает мне муку.
О весьма зло ненастье
(Будь сие всем в науку),
Что на доброжеланно я стал быть гневливым!

<1730>

* * *

Я уж ныне не люблю, как похвальбу красну;
Она токмо заняла мою душу власну.
Я из памяти изгнал
Всех моих ныне Филис,
И якобы я не знал
Ни Аминт, ниже Ирис.
Я насладился потех любовных премного,
При любви сердце было мое неубого.
А что ж она иногда
В муках меня держала,
Тем наибольшу мне всегда
Утеху умножала.
То мне поминать мило, и о том не каюсь;
Но навсегда с любовью ныне я прощаюсь.
Похвальбу токмо красну,
Чрез все мои обеты,
За богиню мне власну
Признаю во вся леты.

<1730>

* * *

Три славных красот ко мне любовью горели,
В любви за небесчастна все меня имели.
Я знал побеждать сердца всем непобедимы,
Все желания концем счастливым блажимы.
Ты, мое сердце, ныне
Любя хвальбу едину,
О прошлой в благостыне
Торжествуй любви вину.

<1730>

* * *

Для того, что велику могл я любовь иметь,
Что ж ты не допустила с миром мне умереть?
Неблагодарна! могла б без вины безмерной
Пождать еще ты два дни, чтоб не быть неверной

И не отдать жестоте меня бесприкладной
Видеть твою неверность прежде смерти хладной:
Видя мя в скорби, душу расстаться готову,
Не могла ли б потаить любовь твою нову?
И не достоин ли я чрез услуги задни,
Чтоб тебя видеть в любви ко мне только с два дни?

<1730>

* * *

Там сей любовник, могл ей который угодить,
Счастию небо чиня всё越 зависно,
В жаре любовном целовал ю присно;
А неверна ему всё попускала чинить!

Вся кипящая похоть в лице его зрилась;
Как угль горящий всё оно краснело.
Руки ей давил, щупал и всё тело.
А неверна о всем том весьма веселилась!

Я хотел там убиться, известно вам буди:
Вся она была тогда в его воли,
Чинил как хотел он с ней се ли, то ли;
А неверна, как и мне, открыла все груди!

<1730>

* * *

Что это чинишь ты, друг мой?
По Аминтиной измене
Ты еще крушишься о той?
Весь в слезах, как море в пене?

О неверной ты воздыхаешь?
И что та неблагодарна
Того желает, ты чаешь?
Сладка тебе, как сахáрна!

По ее сердцу чтоб болеть
По безвери та не просит.
Но чтоб в забытии иметь
Ее, пока жизнь тя носит.

<1730>

* * *

Ну, прости, моя Любовь, утеха драгая!
В тебе была надежда мне сладка.
Даром что ты мучила иногда мя злая,
Я тя любил, и всегда с тобой мне речь гладка.

Ну, прости, моя Любовь, утеха драгая!
Аминта не есть в согласии с нами:
Мне во всем изменила, весьма мя ругая
Всеми своими худыми делами.

И тако за неверность сию ее злобну
Хощу, чтоб в сердце моем ей не быти.
Но тебя для всех утех по постелю гробну
Я не имею никогда забыти.

<1730>

* * *

Невозможно быть довольным,
Когда красота едина
Под законом своевольным
Содержит сердце без чина.

Чтоб быть счастливу всецело
Чрез всей жизни само время,
Треба, чтоб сердце имело
Всегда свободу без бремя.

<1730>

* * *

Без любви и без страсти
Все дни суть неприятны:
Вздыхать надо, чтоб сласти
Любовны были знатны.

Чем день всякой провождать,
Ежели без любви жить?
Буде престать угождать,
То что ж надлежит чинить?

Ох, коль жизнь есть несносна,
Кто страсти не имеет!
А душа, к любви косна,
Без потех вся стареет.

Чем день всякой провождать,
Ежели без любви жить?
Буде престать угождать,
То что ж надлежит чинить?

<1730>

* * *

Видеть все женски лицы
Без любви беспристрастно;
Спóзнать нову с девицы
Учинять повсечасно;
Казать всем то ж учтивство,
Всё искать свою радость.
Такову то любимство
Дает в жизни всем сладость!

<1730>

* * *

Перестань противляться сугубому жару:
Две девы в твоем сердце вместятся без свару,
Ибо ежель без любви нельзя быть счастливу,

То кто залюбит больше,
Тот счастлив есть надольше.
Люби Сильвию красну, Ирису учтиву,
И еще мало двух, быть коли надо чиву.

Мощной богини любви сладость так есть многа,
Что на ста олтарях ей жертва есть убога.
Ах! коль есть сладко сердцу на то попуститься!
Одна любить не рада?
То другу искать надо,
Дабы не престать когда в похоти любиться
И не позабыть того, что в любви чинится.

Не печалься, что будешь столько любви иметь:
Ибо можно с услугой к той и другой поспеть.
Льзя удоволить одну, так же и другую;
Часов во дни довольно,
От той с другой быть вольно.
Удоволив первую, доволь и вторую,
А хотя и десяток, немного сказую!

<1730>

* * *

Царица сердец, видя, что из ее царства
Всякий день любовников много исходило
И после первой любви долгого коварства
Сердце устало паки там быть не любило,
Велела сей град здати,
Любовников изъяти
От жестоких законов,
Чтоб в нем быти без стонов.

И чтоб они, находя любовь зде способну,
Без жестоты, без муки, без всякой страсти,
По своим мыслям ведя жизнь свою удобну,
Побывав зде, въезжали паки без напасти.
Зде царствует нетрудна
Любовь приятна, чудна.
Та велит всем любити,
Всегда в радости быти.

Котора прогонила печальные муки,
Смятение, гнев, ревность и жаркую ярость.
Бесчеловечным много не чинит докуки.
А кто любится при ней, тот саму пьет сладость.
Множество в ней успеху,
Подает всем потеху,
Все роскоши здесь многи,
Всем свободны дороги.

<1730>

* * *

К почтению, льзя объявить любовь, без презора,
Буде хочешь на сердце держать твою тайну,
То к цельбе твоей страсти нету средства скора.
Ах! не надлежит молчу иметь чрезвычайну.

Что ни говорят красны, но весьма им мило
Видеть пред собою всегда в страсти на коленах
Любяща, чье бы сердце оным знать чинило,
Что вздохи постоянны и жар не в пременах.

Они никогда за то нигде не гневятся,
Что их находят красных, что им объявляют
Любовь к ним и что они всем любимы зрятся;
Наконец, что все у них любви же прошают.

<1730>

* * *

При Сильвии красной
Всё мое сердце тогда, горящи желаньми,
Чтоб похоти сласной
Моей тамо угодить, кипело вздыханьми.
Что она причиной,
Когда я о сем при ней чрез всё клялся свято,
Была в том единой,
Казалось, что то в самом сердце было взято,

Но Ирисе другой,
Когда я там объявлял ту ж любовь саму́ю,
Будучи един с той,
Мнилось, что я предлагал истину ж прямую.

<1730>

* * *

О коль сладости сердце, чувствуя, имеет,
Видеть противность всегда красоты любовну,
Что, в благородной спеси чрез жестокость несловну,
Сладку огня в нем наглость зажещи умеет!
О коль сердце для гнева сего веселится!
О коль сей ее отказ кажет ему следу
Возыметь победу!
О коль торжество само сладко ему зрится,
Что много трудится!

<1730>

* * *

Ну, так уже я не стал быть вашим отныне:
Ибо надо оставить вас мне наеди́не.
Днесь ваши очи черны и все лице красно
Не чинят мне никакой муки занапрасно.
Правда, что вы безмерно находитесь слична,
И смягчить ваше сердце — похвальба есть зычна.
Но, Ириса, вы лих быть хотите жестокой,
А любовь снесть не может так спеси высокой.
Я пред тобой и слезы имел и унылость,
И всё что бы вас могло преложить на милость.
Вы зрели вздыхающа по вашей красоте,
Просяща на коленах в сердечной тесноте.
Но понеже ваше сердце так ожесточенно,
Что ни от чего быти не может смягченно,
Так прости уж, жестока, я вас покидаю:
И мое сердце от вас вовсе отнимаю.
Вы ко мне не хотите милости показать,
А я не хочу также от того пропадать.

<1730>

* * *

Это напрасно, что кто, будучи в разлуке,
Хочет пребыть навсегда в мучительской скуке.
Начто быти в печали,
Чрез все дни, чрез все ночи,
Когда те дни настали,
В которых из всей мочи

Хотя бы кто всё кричал, но то безуспешно?
Тирсис, имей отныне сердце ти утешно;
Скорбь хотя как чрезмерна,
Любовника всё страстна
От сердца его верна
Не сделать паче счастна.

<1730>

* * *

О коль сердцу есть приятно
Видеть за неверну мниму,
Речи нам предлагать внятно
К оправданию любиму,
Тысящи извинений
Искать, и своей рукою
От стужных сердца кипений
Утирать плач, а собою
Чрез великие милости
Платить за горькие очам
Слезы и за унылости,
Что были по дням, по ночам.

<1730>

* * *

Токмо бы нам божились, что любят нас óны,
Что боятся оскорбить и чинить нам споны,
И что потом все тщатся всяко утаити
Свою неверность, любя с другим в любви жити.

Впрочем, буде улестить сладко нам умеют,
И, обманывая нас, хитрость всю имеют,
То для чего так долго с сердца на них дуться.
И кто бы не хотел так сладко обмануться?

<1730>

* * *

Мое сердце всё было в страсти,
С моей наедине был милой,
Сведом получить всё не силой:
Но со всем я сим не был в счасти.

Дабы то вполне получити,
Я принуждал, но вотще всегда.
Я токмо познал, что никогда
Так ту красну не видел быти.

Назавтре увидел я себя,
Что я сто раз паче был в страсти.
Всегда в скорби, всегда в напасти,
А всегда оную же любя.

<1730>

* * *

В белости ее румяной,
Также в очах ее ясных
Не много хоти желанной
Видел я и в речах красных.

И едва было то не сталось,
Имея охоты больше,
А я нудя тую дольше,
Что в любви сладко казалось.

<1730>

* * *

Выди, Тирсис, отсюду, пора любовь кинуть:
Довольно и долго зде в любви могл ты гинуть.
Не в сем то острове, где мысль бывает уныла,
Находится честь, что всем добрым людем мила.
Надо любить было: Любовь учит жити,
Той огнь без света в сердце не возможет быти.
Но уже, Тирсис, за мной следовать есть время,
И знай, что мое сличье не от смертна племя.

<1730>

* * *

Не кажи больше моей днесь памяти слабкой,
Что невозможно в свете жить без любви сладкой,
Не кажи, мое сердце, надобно чтоб Слава
Больше тысячи Филис возымела права.
Ступай и не противься куды ведет тая:
Сей любви не может быть лучше иная.
Ты выграшь сей пременой: Слава паче красна,
Нежель сто Аминт, Ирис, Сильвий, и всем ясна.

<1730>

* * *

Простите вы ныне все, хорóши! пригожи!
Ваш пленник я долго был, и на вашем ложе.
Вы мною владели все, но без всяка права;
Вы везде всему миру велика отрава!
Простите вы ныне все; любить не имею:
Зная, что есть любовь, ту ненавидеть смею.
Все наши в ней похоти во всем бесконечны,
А в сластех ее муки пребесчеловечны,
Хотя много радости та всем обещает,
Но чрез свои потехи всех она прельщает.

<1730>

* * *

Я уж ныне не люблю, как похвальбу красну:
Она только заняла мою душу власну.
Я из памяти изгнал
Всех моих ныне Филис,
И якобы я не знал
Ни Аминт, ниже́ Ирис.

И хотя страсть прешедша чрез нечто любовно
Услаждает мне память часто и способно;
Однак сие есть только
Как сон весьма приятный,
Кого помнить не горько,
Хоть обман его знатный.

<1730>

ИЗ КНИГИ «ПАНЕГИРИК, ИЛИ СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ АННЕ ИОАННОВНЕ»

СТИХИ

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ АННЕ ИОАННОВНЕ ПО СЛОВЕ ПОХВАЛЬНОМ

О императрице велика!
Падающего века Атлас!
Священны вознесшися крилы
Над всем светом простираешься.
Тебе поют гусли, кимвалы,
Тебе славят трубы громъгласны.
Воспой самодержицу, воспой, муза, Анну.

Излий на нас днесь благодати,
Возведи в лице на нас светлом
Зрака твоего сияние:
Милостию всех нас осени,
И покрой щедротою купно:
От тебе мы вечно зависим.
Воспой самодержицу, воспой, муза, Анну.

Изгнанны призовешь науки,
И святые сохранишь музы,
Подая им места покойна.
Се уж оные и приходят,
Се от тебе и приемлются,
Се поют благодарственная.
Воспой самодержицу, воспой, муза, Анну.

Княгиня христианска света!
Тела славна уме преславный!
Мы тобою живем и есмы,
Движемся мы на твоем мире,
Крилами покрыты твоими,
Обняты твоими руками.
Воспой самодержицу, воспой, муза, Анну.

Тебе живущей, всё здесь цветет,
Тебе хранящей, всё радуется,
Тебе бдящей, всё поспешает,
Тебе велящей, всё слушает;
И колико в нас есть здравия,
О твоем то здравии живет.
Воспой самодержицу, воспой, муза, Анну.

Твое имя в веки пребудет,
Чрез неисчетны веков круги,
Чрез удаленные народы,
И чрез всю имать цвести вечность.
Тебе бог, венцем земным славну,
И небесным прославит вечно!
Воспой самодержицу, воспой, муза, Анну.

Между 15 января и 3 февраля 1732

ЭПИГРАММА,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРЕД ЕЕ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ, КОГДА ВПЕРВЫЕ СПОДОБИЛСЯ Я БЫТЬ ДОПУЩЕН ДО СВЯЩЕННЕЙШИЯ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА РУКИ

Пускай те злато, други честь высоку
Любят, те иметь во всем власть широку.
Но мне сей токмо верх есть славы данный
Что величества вашего подданный.

Между 15 января и 3 февраля 1732

СТИХИ

ЕЕ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ЦАРЕВНЕ И ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ ЕКАТЕРИНЕ ИОАННОВНЕ, ГЕРЦОГИНЕ МЕКЛЕМБУРГ-ШВЕРИНГСКОЙ, ДЛЯ БЛАГОПОЛУЧНОГО ЕЕ ПРИБЫТИЯ В САНКТПЕТЕРБУРГ СОЧИНЕННЫЕ И ЕЕ ВЫСОЧЕСТВУ ПОДНЕСЕННЫЕ

Жаль, что не говорят человеча сердца!
Обычное бо наше не довольно слово
Всю великость радости тебе изъявити,
Что ваше высочество здесь изволит быти,
И что тем причиняет счастие нам ново.
Жаль, что не говорят человеча сердца!
Лишь твое пришествие слышно нам быть стало,
Всех сердца закипели, мысли заиграли,
И веселие токмо всяку обещали,
И что то есть прямое наших благ начало.
Жаль, что не говорят человеча сердца!
Иной кинулся спешно тебе усретати,
Другой начал пастися пред тебе с дарами,
Третий какими б, думал, почтить тя словами;
А все тя веселяся стали ожидати.
Жаль, что не говорят человеча сердца!
Были же и такие, которы не зная
Радости, что на сердце у них есть, причины,
«Не приезд ли царевны к нам Екатерины?» —
Вопияли от сердца, у всех вопрошая!
Жаль, что не говорят человеча сердца!
Но когда им сказано, что то правда суща,
Всяк всплескал тако себе споздравив тобою:
«Здравствуй государыня!», кланясь меж собою,
«Здравствуй государыня славою цветуща!»
Жаль, что не говорят человеча сердца!
Кою и все имеют при тебе зде радость!
Как целого здравия всяк тебе желает!
Как благополучна всяк себе нарицает!
Кою чувствуют в сердце, тебе видя, сладость!
Жаль, что не говорят человеча сердца!
Ты наша прозовешься светлая денница
Уже солнца, как видно, се к нам восходяща
(Но того чувственного дражайша и вяща),
Которое есть сама свет императрица.
Жаль, что не говорят человеча сердца!

Обычное бо наше не довольно слово
Всю великость радости тебе изъявити,
Что ваше высочество здесь изволит быти
И что тем причиняет счастие нам ново.
Жаль, что не говорят человеча сердца!

Январь 1732

ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ О СДАЧЕ ГОРОДА ГДАНСКА

Кое трезвое мне пианство
Слово дает к славной причине?
Чистое Парнаса убранство,
Музы! не вас ли вижу ныне?
И звон ваших струн сладкогласных,
И силу ликов слышу красных;
Все чинит во мне речь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые ветры! молчите:
Храбру прославлять хощу Анну.

В своих песнях, в вечность преславных,
Пиндар, Гораций несравненны
Взнеслися до звезд в небе явных,
Как орлы быстры, дерзновенны.
Но буде б ревности сердечной,
Что имеет к Анне жар вечный,
Моея глас лиры сравнился,
То бы сам и Орфей фракийский,
Амфион купно б и фивийский
Сладости ее удивился.

Воспевай же, лира, песнь сладку,
Анну, то есть благополучну,
К вящему всех врагов упадку,
К несчастию в веки тем скучну.
О ее и храбрость, и сила!
О всех подданных радость мила!

Страшит храбрость, всё побеждая,
В дивный восторг радость приводит,
Печальну и мысль нам отводит,
Все наши сердца расширяя.

Не сам ли Нептун строил стены,
Что при близком толь горды море?
Нет ли троянским к ним применны,
Что хотели быть долго в споре
С оружием в действе пресильным,
И с воином в бой неумильным?
Все Вислою ныне рекою
Не Скамандр ли называют?
Не Иде ль имя налагают
Столценбергом тамо горою?

То не Троя басней причина:
Не один Ахиллес воюет;
Всяк Фетидина воин сына
Мужественнее тут штурмует.
Что ж чудным за власть шлемом блещет?
Не Минерва ль копие мещет?
Явно, что от небес посланна,
И богиня со всего вида,
Страшна и без щита эгида?
Императрица есть то Анна.

И воин то росский на мало
Окружил Гданск, город противный,
Марсом кажда назвать пристало,
В силе ж всяк паче Марса дивный;
Готов и кровь пролити смело,
Иль о Анне победить цело:
Счастием Анны все крепятся.
Анна токмо надежда тверда;
И что Анна к ним милосерда,
На ее врагов больше злятся.

Европска неба и азийска
Солнце красно, благоприятно!
О самодержица российска!
Благополучна многократно!

Что тако поданным любезна,
Что владеешь толь им полезна!
Имя уж страшно твое свету,
А славы не вместит вселенна,
Желая ти быть покоренна,
Красоты вся дивится цвету.

Но что вижу? не льстит ли око?
Отрок Геркулеса противу,
Подъемля бровь горду высоко,
Хочет стать всего света к диву!
Гданск, то есть, с помыслом неумным,
Будто б упившись питьем шумным,
Противится, и уже явно,
Императрице многомочной;
Не видит бездны, как в тьме но́чной,
Рассуждаючи неисправно.

В нутр самый своего округа,
Ищущего дважды корону
Станислава берет за друга;
Уповает на оборону
Чрез поля льющася Нептуна;
Но боясь ж росска Перуна,
Ищет и помощи в народе,
Что живет при брегах Секваны;
Тот в свой проигрыш барабаны
Се Вексельминды бьет в пригоде.

Гордый огнем Гданск и железом,
Купно воинами повсюду,
Уж махины ставит разрезом
В россов на раскатах вне уду;
И что богат многим припасом,
«Виват Станислав», — кричит гласом.
Ободряет в воинах злобу,
Храброго сердца не имущих,
Едино токмо стерегущих,
Соблюсти б ногами жизнь собу.

Ах! Гданск, ах! на что ты дерзаешь?
Воззови ум, с ним соберися:

К напасти себя приближаешь.
Что стал? что медлишь? покорися.
Откуда ты смелость имеешь,
Что пред Анною не бледнеешь?
Народы поддаются целы,
Своевольно, без всякой брани;
Чтоб не давать когда ей дани,
Чтут дважды ту хински пределы.

В милости нет Анне подобной,
Кто милости у нее просит;
К миру нет толико удобной
С тем, кто войны ей не наносит.
Меч ее, оливой обвитый,
Не в мире, но в брани сердитый.
Покинь, Гданск, покинь мысль ту злую;
Видишь, что Алциды готовы;
Жителей зришь беды суровы;
Гневну слышишь Анну саму́ю.

Тысячами храбрых атлетов
Окружен ты отвсюду тесно,
Молнии от частых полетов,
Что разбивает всё известно,
Устоять весьма ти не можно;
И что гром готов, то не ложно:
На раскатах нет уж защиты,
Земля пропасти растворяет;
Здание в воздух улетает;
И ограды многи отбиты.

Хотя б все государи стали
За тебя, Гданск, ныне сердечно;
Хоть бы стихии защищали;
Всего хоть бы света конечно
Солдаты храбры в тебе были
И кровь бы свою щедро лили, —
Но все оны тебя защитить,
Ей! не могут уже никако,
Старалися хотя бы всяко,
И из рук Анниных похити́ть.

Смотрите, противны народы,
Коль храбры российские люди!
Огнь не вредит им, нижé вóды,
На всё открыты у них груди;
Зрите, как спешат до приступа!
Как и ломятся без отступа!
Не страшатся пушечна грома,
Лезут, как танцевать на браки,
И сквозь дымные видно мраки,
Кому вся храбрость есть знакома.

Еще умножаются страхи
При стенах бедна Гданска града:
Здания ломаются в прахи;
Премогает везде осада.
Магистрат, зря с стены последней,
Что им в помощи несоседней
И что в приятстве Станислава
Суетная была надежда,
Стоя без смысла, как невежда,
«Ах! — кричит, — пала наша слава».

Хочет сбыться, что я пророчил:
Начинает Гданск уж трястися;
Всяк сдаться так, биться как прочил,
Мыслит, купно чрез то спастися
От бомб летящих по воздýху
И от смертоносного духу.
Всяк кричит: пора начинати, —
Всем несносно было то бремя;
Ах! все врата у града время
Аннину войску отворяти.

Сталося так. Видно знак к сдаче:
Повергся Гданск Анне под ноги;
Воин рад стал быть о удаче;
Огнь погас; всем вольны дороги.
Повсюду и Слава паряща
Се летит трубою гласяща:
«Анна счастием превосходна!
Анна, о наша! всех храбрейша!

Анна Августа августейша!
Красота и честь всенародна!»

Престань, лира! время скончити:
Великую Анну достойно
Кто может хваля возносити
И храбрость свыше при той стройно?
В сем хвала Анне есть многа,
Что любима от вышня бога.
О сем побеждать ей желаю,
И побеждать всегда имеет,
Кто противен быть ни посмеет.
Тем «виват Анна!» восклицаю.

Июль 1734

⟨ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ В ДЕНЬ ЕЕ КОРОНОВАНИЯ⟩

Устрой, молчаща давно лира,
В громкий глас ныне твои струны,
Чтоб услышаться ти от мира,
Вознеси до стран, где перуны,
Светлый твой купно звон приятный,
Да будет сей и грому внятный;
Но сладостна несись в чертоги,
Поя Элисавету кра́сно,
Отныне в том долг твой всечасно,
И ей повергаясь под ноги.

О матерь Отчества Российска!
О императрица! о дева!
О эвропска честь и азийска!
О Петрова чистый плод дре́ва!
Кому можно воспеть пристойно,
Чтобы того было достойно,
Который на главе ти зрится
Се венец от каменя честна?
Песнь моя к тому есть безместна:
Кра́сно всё пред тобой стыдится.

Всуе восхищаюсь на горы,
Где лик нежных муз обитает,
Всуе песнописцев соборы
Ум в помощь себе призывает;
Аполлин с хором неисправен,
Ни Пиндар, ни Гораций равен

К должной Элисаветы славе,
Днесь монархини увенчанны,
Милостей в знак от бога данны,
Освященны в вечном уставе.

Тако ли, молчащ, покорюся
Просто сил моих недостатку?
Или тем и винен явлюся,
Что трепещу, да не к упадку
Похвал воспеть что-либ имею,
И, неискусен, онемею?
Всеми ж славится в граде, в поле
Элисавета несравненна,
Тем вся песнь и неукрашенна
Красна́ по одной к тому воле.

Зефирный дух ветры да веют,
Реки да текут млеком, медом,
Все плоды скоряе да спеют,
Цветы да прорастают следом,
Да льют стихии силу нову,
К безвредию тварей готову:
В Элисавете обновились
Российски небеса с светилы,
Для Элисаветы толь милы
И зе́мли ее пременились.

Сим ли наши сердца едины
К общей премене не имели,
В глубокости чувствий, причины,
Что необычно вспламенели?
Зрим, что глава законна ныне
Красится венцом в благосты́не;
Видим, Элисавета сладость,
Престол, скипетр, власть и державу —
Всё же то имеет по праву, —
А мы тем из печали в радость.

Давно на престоле сидети
Элисавете подобало,
Давно в руках скипетр имети
Державу купно надлежало,

Сама главы ее корона,
Бедра́ ж искал меч оборона,
Давно порфира также тщилась
На раменах ее быть всяко;
Чтоб не девические тако,
Но от них сама б украси́лась.

Колики народ тогда бедный
Проливал к вышнему молитвы,
Да на трон та взыдет наследный!
Просил и боялся ловитвы.
Вы, о толь храбрые солдаты,
Монархини сея коль краты
Всем сердцем и словом желали?
Вы, империи стена тверда,
Уже от бога милосерда
Ту достойну и мы прияли.

И се ныне Элисавета
И лицем и венцем сияет,
Се и порфирою одета,
Руками скипетр обращает,
Милостива и правосудна,
Елеем и мечом есть чу́дна.
Коль светло сидит на престоле!
Величество в императрице,
Красоту же мы зря в девице,
С почтением падаем доле.

Но, о сердец наших всех пламень!
О Элисавета Петровна!
Почто сердце ти было камень,
Зря росса толь к тебе любовна?
Почто не скоряй воцарилась?
Ни в венце скоряе явилась?
Просьба молчаща и уж явна
Объявляла тебе довольно,
Что если б тобой было вольно,
Тогда б еще была нам главна.

Сети поставлены уж были,
Глубина же ям оказалась,

Беды и напасти губили,
Ненависть, как огнь, разгоралась,
Змииным блевала злость ядом
И всем уж подымалась адом;
Россия горестно стенала,
Нет защиты, много навета;
Но ты, зря, о Элисавета,
Токмо в жалости воздыхала.

Твоя ли особа дражайша
Пребывала тогда безбедно?
О дщерь! дщерь отца величайша,
Никому не было толь вредно;
Везде обида, везде страхи,
Да уже и самые прахи
Презирали небом любезну;
И сие хотя досаждало,
Однако тя не возбуждало
Взяться за часть тебе полезну.

Чин, благородство, воин, грады,
Здания, корабли, науки,
Купечество и вертограды,
Добрый нрав, искусные руки,
Всё, что в виде чрез Петра новом,
Молило тя молчащим словом:
«О бу́ди, время, наша мати!
Твои и от твоих неложно,
Ах! потщися, дело возможно,
Престань, всех нас радость, рыдати».

Сим дух твой непоколебимый
Хотя и не мог не терзаться,
Но так изволил обращаться,
Будто б народ не был любимый.
Великодушия пределы
И тогда б могли быти целы;
Еще ль бо́льших бед дожидалась?
Шли почти к смерти всех нас ноги,
Спастись не имели дороги,
Тем что тогда не увенчалась.

Что сие? В ревнительном жаре
Куда песнь мою направляю?
Зрюсь безумно в дерзком быть сваре,
Что терпение обвиняю.
Чад российских о матерь высока!
Не отврати от раба ока!
Радость чи́ста и непритворна
Хоть моя то и произносит,
Но подданнейше верить просит,
Что мудрости твоей покорна.

Вышня судеб глубину бога
Чту токмо, страхом одержася,
Ту испытывать дерзость многа,
Бегу потопа, не стыдяся;
Премудр ведал он точно время,
В которо тя, Петрово семя,
Десницею благословити
Полезнее для нас ти было;
Средство же весь свет удивило,
Коим на трон повелел взыти.

Уже зришь, коль народ подданный
Веселий своих веселяе,
Всячески красясь, непопранный,
Ныне и смелости смеляе;
Радости же его причина,
Ты, о монархиня, едина,
Твоим он скипетром восставлен,
Утвержден есть твоим престолом,
Нет в нем места фортуне с ко́лом,
Вечно твоим венцем прославлен.

Тобою мы благополучны
Толь состоянии во всяком,
Что ни случаи нам не скучны,
Всем залога венец твой зна́ком,
Заключаешь ли мир с другами?
Дары с неба несутся сами:
Льется обилие, богатство,
Внутрь вселяется дух покойный,

Порядок зрится всюду стройный,
Искренность, любовь, верно братство.

Враги ли тя нудят ко брани?
Остряе мечи становятся,
Скоро до́лжны несутся дани,
Храбрость, сердца́ больше ярятся;
Где ни идет воин — успехи,
Реки и моря́ без помехи,
Побеждает сама победа,
Скоряе птицы слава мчется,
И токмо что триумф поется,
Противный полк гибнет без следа.

Здравствуй ввеки, о увенчанна!
Пользуйся благодатьми сими,
Императорствуй, богом званна,
С цветами благостий твоими!
В милости, суде превосходна,
И добродетельми толь пло́дна,
Ликуй, матерь благословенна!
Вкушай плод намерений чистых
В Петре с отраслей Петра истых!
В дар же тебе? — Мысль покоренна.

Не презри и моея музы,
Молчавшия чрез время много,
Днесь расторгла немоты узы,
Да тя славит, хотя убого,
Не достойна твоего слуха,
Но песнь чи́ста се́рдца и духа;
Воззри на искренность желаний
И на должность верну подданства:
Сим счастлив, без красна убранства,
Конец творю лирных играний.

Весна 1742

Крепкий, чудный, бесконечный,
Полн хвалы, преславный весь,
Боже! ты един превечный,
Сый господь вчера и днесь:
Непостижный, неизменный,
Совершенств пресовершенный,
Неприступна окружен
Сам величества лучами
И огньпальных слуг зарями,
О! будь ввек благословен.

Кто бы толь предивно ру́ки
Без тебя мне ополчил?
Кто бы пра́щу, а не луки
В брань направить научил?
Ей бы, меч извлек я тщетно,
Ни копьем сразил бы метно,
Буде б ты мне не помог,
Перстов трепет ободряя,
Слабость мышцы укрепляя,
Сил господь и правды бог.

Ныне круг земный да знает
Милость всю ко мне его;
Дух мой твердо уповает
На заступника сего:
Он защитник, покровитель,
Он прибежище, хранитель.

Повинуя род людей,
Дал он крайно мне владети,
Дал правительство имети,
Чтоб народ прославить сей.

Но смотря мою на подлость
И на то, что бедн и мал,
Прочих видя верьх и годность,
Что ж их жребий не избрал,
Вышнего судьбе дивлюся,
Так глася, в себе стыжуся:
Боже! кто я, нища тварь?
От кого ж и порожденный?
Пастухом определенный!
Как? О! как могу быть царь?

Толь ничтожну, а познался!
Червя точно, а возвел!
Благ и щедр мне показался!
И по сердцу изобрел!
Лучше ль добрых и великих?
Лучше ль я мужей толиких?
Ах! и весь род смертных нас
Гниль и прах есть пред тобою;
Жизнь его тень с суетою,
Дни и ста лет — токмо час.

Ей! злых всяко истребляешь:
Преклони же звездный свод
И, коль яро гром катаешь,
Осмотри, снисшед, злой род;
Лишь коснись горам — вздымятся;
Лишь пролей гнев — убоятся;
Грозну молнию блесни —
Тотчас сонм их разженеши,
Тучей бурных стрел смятеши:
Возъярись, не укосни.

На защиту мне смиренну
Руку сам простри с высот,
От врагов же толь презренну,
По великости щедрот,

Даруй способ — и избавлюсь;
Вознеси рог — и прославлюсь;
Род чужих, как буйн вод шум,
Быстро с воплем набегает,
Немощь он мою ругает
И приемлет в баснь и глум.

Так языком и устами
Сей злословит в суете;
Злый скрежещет и зубами,
Слепо зрясь на высоте;
Смело множеством гордится;
Храбро воружен красится:
А десница хищных сих
Есть десница неправдива;
Душ их скверность нечестива:
Тем спаси мя от таких.

Боже! воспою песнь нову,
Ввек тебе благодаря,
Арфу се держу готову,
Звон внуши и глас царя:
Десять струн на ней звенящих,
Стройно и красно́ гласящих
Славу спаса всех царей;
Спаса и рабу Давиду,
Смертну страждущу обиду
Лютых от меча людей.

Преклонись еще мольбою,
Ту к тебе теперь лию,
Сокрушен пад ниц главою,.
Перси, зри, мои бию:
О! чужих мя от полчища
Сам избави скоро нища.
Резв язык их суета,
В праву руку к ним вселилась
И лукавно расширилась
Хищна вся неправота.

Сии славу полагают
Токмо в множестве богатств,

Дух свой гордо напыщают
Велелепных от изрядств:
Все красуются сынами,
Больше как весна цветами;
Дщерей всех прекрасных зрят,
В злате, нежно намащенных,
Толь нет храмов испещренных:
Тем о вышнем не радят.

Их сокровище обильно,
Недостатка нет при нем,
Льет довольство всюду сильно,
А избыток есть во всем:
Овцы в поле многоплодны
И волов стада породны;
Их оградам нельзя пасть;
Татью вкрасться в те не можно;
Всё там тихо, осторожно;
Не страшит путей напасть.

Вас, толь счастием цветущих,
Всяк излишно здесь блажит;
Мал чтит и велик идущих,
Уступая ж путь, дрожит.
О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащенны:
Токмо тот народ блажен,
Бог с которым пребывает
И который вечна знает,
Сей есть всем преукрашен.

<1744>

ИЗ «АРГЕНИДЫ»

* * *

Не всегда дожди льют наводнение;
Ни в морях от бурь зáвсе волнение;
С полгóда лед в странах армянских;
Ветр престает на горах Гарганских.

Кедры не всегда вихрем ломаются;
Ли́ста не в весь год рощи лишаются:
И вéдро после туч бывает;
В весну и дерево процветает.

Вальгий! Ты ж всегда вне утешения:
Сын скончался! мнишь: нет украшения!
Сражен тем, в вечер слезы тóчишь,
В утро слезами ж лице всё мочишь.

Нестор века с три пребыл ли слезнейшим,
Разлучившись сам с чадом любезнейшим?
Приам на всяк день по Троиле
Плакал ли горько в такой же силе?

Время отложить слабость сердечную;
Лучше прославлять честь долговечную:
Наш Кесарь Август победитель,
Тигра, Евфрата есть укротитель.

Скифов огласим оба всеместнейших:
Им в пределах он такожде теснейших
Велел быть, покоренным с бою,
Не преходить же за них ногою.

<1751>

* * *

Первый Феб, говорят, любодейство с Венерою Марса
Мог усмотреть: сей бог зрит всё, что случается, первый.
Видя ж то поскорбел, и Вулкану, Венерину мужу
Ложа неверность притом показал и неверности место.
Ум пораженный того, и держал что в руках он работу,
Вымыслил в тот же час сковать претонкие цепи;
Уж совершил он сеть, совершил и невидимы узлы.
Дело тончайше сие основы всякия было,
Также тончайше оно паутин попремногу имелось;
А и сработано так: прикоснуться только — попасться;
Всё ж разложил по местам он вкруг кровати пристойно.
Вот же как скоро легла с любодеем супруга на ложе,
Оба тотчас они попались в новые узы,
Ими при самых своих объятиях связаны стали.
Спешно Вулкан растворил слоновые створчаты двери,
Всех и богов туда впустил. Лежат те бесчестно;
Хоть и желал бы другой быть бог в бесчестии равном,
Боги все, животы надрывая, смеялись, и долго
Был сей случай везде всеведомым смехом на небе.

<1751>

* * *

Клиа точны бытия
В память предает, поя.
Мелпомена восклицает
И в трагедии рыдает.
Талия, да будет прав,
Осмехает в людях нрав.
Пажить, равно жатву се́рпа,
Во свирель гласит Эвтерпа.

Гуслей Терпсихора звук
Соглашает разный вдруг.
Эрата смычком, ногами
Скачет, также и стихами.
Урани́я звезд предел
Знает, свойство и раздел.
Каллиопа всех трубою
Чтит героев всезлатою.
Упражняясь наконец
В преклонении сердец,
Полигимния нарядно
И вещает всё изрядно.
Движет превыспренний ум
Муз сих, купно оных шум:
Посредине Феб сам внемлет,
А собою вся объемлет.

<1751>

* * *

Красная Фебу сестра! ты всё по горам и по дебрям
Бегаешь, а иногда быстролетными ранишь стрелами,
Серну ль случай подаст, твоего ль от острейшего гнева
Все разбегаются, коль ни свирепствуют, сами львы наши.
О, бо́жество дубрав! О, если тебе и подругам
Чистый угоден сей дом и усердия чистого роща,
То умоляющих нас услышь, призрев милосердно:
Здесь никогда б не быть своевольству мерзкому леших.
Рощу сию тебе посвящаем, и да возрастает
В славу твою лес цел: приими ты дар благосклонно.
А как пенистых мы вепрей в тенета погоним,
Купно и жертву тебе приносить на полях сих имеем,
То к нам явно приди; мы буде ж излишнего просим,
То приди как тебе угодно, и рыском твоих псов,
Также и лаяньем их наполняй нам слухи почасту.
Здесь каравод собирай дриад, и ореады многи
Да окружают тебя. Вы то под сению леса,

То ликовствуйте здесь при водах, то в горных
пещерах,
Где истекают ключи прохладны из камней песчаных;
Там и купаться в жары вам обнаженным пристойно:
Актеон в тех струях укрываться тайно не будет
И превращать самой в еленя некого тамо;
Также и ни скорпий не убьет у тебя Ориона,
Коему б от земли вознестись и быть уж звездою;
Сам потому ж с твоим колчаном охотником Йовиш
Здесь не яви́тся, чтоб дать другую медведицу небу.
Токмо, богиня, ты причислить к острову Делу
Рощу сию удостой, и к полям снежистым в Ликии;
Чаще и не живи при Эвроте, ни больше при Пинде.
А уж котора из нимф препроводит лета довольны,
В новый вид хотя превратится, и деревом будет,
Вверьх и ветви она вознесет, опушившись листами,
Дубом ли станет та, иль лавром, — то умножать ей
Ты сама повели сей лес: не ссечет Эризихтон,
И никогда ничьей не познает роща секиры.

<1751>

* * *

Победитель, о! щедрый отец Сицилийский, грядеши
преславно;
С тобою мир возвращенный в одежде златой;
И с неба крилами летит благочестие белыми явно.
Воззри, как тебя осеняет бог в силе святой!
Воззри, коль землю твою согласие всю пременяет!
Непорочный покой, с пребогатым содружно трудом,
По всем пространным полям с весе́лием ныне гуляет.
Полна́ там цветов, изобильна там нива плодом.
Исчезни война и злодейств все гро́зы в неистовстве
бледном;
Совокупно молчи беззаконный оружия звон:
Ты сядешь един, отец, возносясь на престоле
наследном,
И токмо уже воруженный с тобою закон.

<1751>

* * *

Отвергни уж печаль: довольно ты крушилась;
И красота твоя чрез бледность повредилась.
О! я благодарю за милость всем богам:
Вот ожерелье уж пришло к моим рукам!
Ей! как желала я, успех так получила.
Теперь я высока и к небу доступила!
Венера и сама вздевала сей наряд,
Как Марса побеждал ее умильный взгляд;
Дивился изумлен тирийский зять богатством,
Что шея у жены сияла ж тем изрядством.
Какой же чистый луч играет толь огнем?
Сравниться Феб своим не может ясным днем.
Но чем, безумна, ты себя, смотри, прельщаешь?
Дом, верность и любовь за мзду пренебрегаешь.
Ах, горе! что чинить? то ожерелье мне
Придет уж посему весьма в драгой цене.
Бесчастна! ты на брань, вот та твоя услуга,
Возможешь осудить любезного супруга?
Все птицы вещи брань, Дельфийский сам отец,
Претят все и скоты пожерты наконец.
О! коль смертельный дар, с смертельною и мздою:
Ты, счастлива, чрез то возможешь быть вдовою?
Ах, жалость! ах! убор весь лучше тот откинь;
Супруг пускай живет; а ожерелье сгинь.
Сомнение мою так грудь всю раздирает,
Как наглый судно вихрь во все страны бросает.
О! столько ль ты проста! то в пользу ты себе
Не хочешь обратить, твое что по судьбе?
На что бояться птиц всегда пустых и тщетных?
Без брани б быть; богатств лишишься ты несчетных?
Так ожерелье пусть приятое воюет:
То лучше всех мне царств; дух с ним мой ликовствует.
Пророчество еще пришло на ум ко мне,
И сердцу паки жаль: но мысль и внутрь и вне.
Что делать? О! беда, когда того боится,
В желаниях своих чем сердце веселится!
Но если ты себя достойною мнишь быть,
Небесное тебе чтоб золото носить,
И ежели к лицу пристал наряд прелестный,

То дар сей от богов взимай уму невместный:
Быть может, что тебя не любит уж супруг;
Дерзай мстить не боясь, и успокой твой дух;
А буде ж он всегда тебя толь почитает,
Что, сколько у богинь, иметь тебе желает,
То добровольно сам угодность он сию
Отважится тебе купить чрез кровь свою.

<1751>

* * *

Все вы сча́стливы седмь крат солнцем освещенны,
О! прекрасные древа́, здесь произращенны:
Вы, качаясь буйно в царских древле сих местах,
Кажете приятно зелень на своих листах!
Сам Хаонский к вам и лес, голубина слава,
И Нисейская еще дальная дубрава
Неприменны всяко; ни жилище и богов
Главнейшия Иды; ни дремучий Пинд с верьхов.
Кто стихами воспоет сей лесок достойно?
Кто блаженство всё его? кто всех нимф пристойно?
Здесь береза, ольха, ясень, ель, шумит и клен;
Здесь тополь и липа; странных род совокуплен;
Всяк невреден дуб всегда; бук толь престарелый;
Друг и виноградный вяз; кедр младый, созрелый.
Каждого приятен собственный во всем убор;
В каждом лист различен, веселят все купно взор.
Много кипарисов толь нежно вознесенных,
А на знак, в гульбище сем, ростом отмененных;
Сосны обычайны, и фригийские притом,
Грозный их минует и перун, когда есть гром.
Здесь как Аполлинов лавр, дар так вседражайший,
Кой Минерва подала мира в знак блажайший.
Но внизу орешник; а густый кустарник там
При ручьях, подобных кристалю, сплелся и сам:
Вся ж земля лице свое цветом устилает,
Роды сих производить Зе́фир токмо знает;
Те и Прозерпину могут ныне утешать:
Уж ее Стигийску мужу здесь не похищать.
Смелых сей волков лесок вовсе не имеет;
Ни войти в него и вепрь всячески не смеет;

В нем не слышно всюду ни блеяния овец,
Лев когда заблуждших пожирает их вконец,
С голода или страшит хриплым óдаль рыком,
Ближний весь округ таким оглашая криком.
Всяк здесь коз игривых токмо видит повсегда;
Быстрых и еленей добродные стадá:
Видит тех всяк и других, как иль отдыхают,
Иль от страха по лескý бегая мелькают,
Те когда заслышат восклицание и плеск;
Ветры ль к ним приносят мнимый в бодры слухи треск.
Что ж до вас, любезный род! сладостны певички!
Не обманет ни одно в роще древо, птички;
При струях журчащих не находится ж силков,
Коим бы на ваши строить ножки лесть и ков:
Вольно вам летать вверьх, вниз, в воздухе тончайшем;
Вольно на сучках сидеть, на кустке нижайшем.
О! коль любо сердцу, в ризе как златой заря
Пташек собирает: из сих множеством паря,
То садится всяка там, крúла оправляет,
То всходящу уже дню песньми поздравляет!
О! коль любо сердцу слышать в разни стройный глас!
О! коль любо в роще находиться в оный час!
Малое то говорю. Пребывать в лесочке
Многим и богиням здесь мило при поточке:
Прочь, прочь нечестивы от леска сего глаза!
В святолепной роще любопытным смерть гроза.
Но за что леску сему честь дана толика,
Божеска в нем и почто сила так велика;
Вы, богини, сами удостойте объявить,
На корах причину перстом нежно вобразить.
Сиесть: посещать его царска непорочно
Приобыкла часто дщерь, а с собою точно
Хор девиц прекрасных совокупно иногда
Весть благоволяет, славно шествуя туда.
Для того здесь естество землю одарило
И блаженством райским толь всю преукрасило;
Нимфы ж, да умножат препроводниц должных ей,
Сердцем восхотели в сени водвориться сей.
О! державных, дева, верьх! свыше, о! хранима,
Вниди в рощу, нимф там зри; им да будешь зрима,
Сами те желают. Ныне удостой, гряди;
Лик твой благочинный велелепно в ту веди.

След весь чистые поля, пойдешь где стопами,
Там означат на траве распестрив цветами;
Тот услужны нимфы невредимо сохранят,
Лобызать хотящих оный сами предварят.
Но не рощица одна, о! да место всяко
Здесь присутствием твоим просветится ж тако:
Ты едина в милость можешь небеса склонить,
Благ виновна многих, скверность зол искоренить.
Что Ливийская страна жаром вся сгорает;
Что с трескучих брег иной мразов умирает, —
Буде ж ты восхощешь и туда пойти, везде
Укротится воздух, сколько б ни был вреден где;
Нива тотчас процветет, плéвы потребятся;
В лучшее и времена все возобновятся.

<1751>

* * *

Зря, пришедший, гроб недавный,
Зришь раскаяний вид славный.
Кто, по совести своей,
Быть не должен в жизни сей,
На себя так и взирает;
Тот здесь дважды умирает.
Ты ж ни клятв не говори;
Ни молитвы не твори;
Будь молчащий осторожно:
Погребенной тут не можно
Ни добра, ни зла желать.
Разве сей привет послать:
«Тень! чего сама достойна;
Так бы там была спокойна.
Селенисса есть она!
Вещь сомнения полна,
Больше ль верность повредила,
Иль за то себе отмстила».

<1751>

* * *

Бакх прибыл, прибыл сам в торжественном к нам шуме!
Прекрасного сюда, в веселой токмо думе,
Коляска в четверне на тиграх привезла,
И с ним ту всю корысть, что Индия дала.
Звени ж медь и струна; красись чело венками;
Да наполняют ночь и бубны стуком сами.
Бакх прибыл, прибыл сам! Он сильно все мутит:
Тут ссора; инде мир; всяк тихо не сидит;
Здесь песню все гласят; а там все пляшут, скачут,
Те спорят о делах; те по-пустому плачут.
Не больше от бакхант, по каждых трех годах,
Нелепых воплей в ночь бывает на лугах.
Всяк кубок пьет до дна; все пенятся стаканы;
Еще ж не полно пить, хотя уже все пьяны.
Однак убийства Бакх с собою не привез,
Ни приключений злых, ни также горьких слез, —
Но шаткий ход ногам и сон в глаза покойный;
Притом у всех сердец страх отнял он пристойный;
А выгнанна из них дивится уж печаль,
Что каждому всего и ни себя не жаль.
Вот кучи без меча, без крови всюду пали;
От одолевша всех сном отдуваться стали.
Так, о! плененным сей весьма есть склонен бог:
А толь бы паче был прибыток не убог,
Когда б не исчезал по мраке на рассвете
И долее в своем он пребывал бы цвете.

<1751>

* * *

Снесшийся с кругов небесных
На презнаменитый брак,
Где в пресветлостях чудесных
От зениц гоня весь мрак,
Лучезарною порфирою
Феб явил присутство с лирою.
О! вас, боги, можем зреть
Мы и всех уже пред нами:

С горнейших престолов сами
Вы потщались к нам приспеть.

Как уже Гимен преславно
Брачные вжигал свещи́,
То богов царица равно
Восхотевши помощи́,
Распещряла всеконечное
Велелепие венечное,
А Пафийска чрева сын
Метно и слегка златою
Поражал сердца стрелою,
Малый оный Купидин.

Се и гуслем бог прекрасный
Начал радость прославлять;
По стопам звон доброгласный
Так речами оживлять:
«Дайте руки сердцем искренним,
В твердый знак любви пред выспренним!
Червленеясь, все зари
Дней вам ясность возвещают;
Их судьбы не сокращают:
Дайте руки! о! цари.

Час, обеты исполняя,
Веки счастием дарит;
Гименей всё уясняя,
Чистым пламенем горит;
Лавром и чертог красуется;
Звук всклицаний согласуется:
«Галлический славный род,
Красный же Сицильский браком
Счетаваются со знаком
Предержавных их пород».

Зри, жених всем одаренный,
В предызбранной красоте
Зрак Минервин озаренный;
Взор Юнонин в высоте;
Цитереины приятности,
Что превыше вероятности;

Зри, невеста коль твоя
И Диану превосходит,
Из дубрав в эфир как всходит
Девства с честию сия.

Толь блистающа денница,
Сладковонный тварей цвет,
Благолепная девица
Уж грядет к тебе в совет.
Ты ж, о! верьх царей явленнейший,
Чти в ней дар еще нетленнейший:
Мысль на свет ума взнеси,
И поемля героиню,
Точно мудрости богиню,
В жребии твоем гласи.

Видеть и само́й ей мило
Бодрость в нежностях твоих,
Зрящей лучше есть и было
Всё в тебе богов самих;
Зрит главу и уст смеяние,
Жар очей и тех сияние,
Зрит, и чувства в глубине
С удовольством помышляет,
И твоих сил похваляет,
Тайно ж, храбрость на войне.

Иногда: коль светл явишься
При встречании полков,
В отчество как возвратишься,
В них и будешь там каков;
И сама коль почитаема,
И с тобою усретаема
Будет всюду по градам.
Но еще она боится:
Ах! не тщетно ль, мнит, ум льстится?
Ах! не ра́вен ли вид снам?

Прочь, боязнь, прочь! Бодрствуй, дева:
Бытие то, не мечта;
Ни судеб, ни хитрость гнева,
Ни желаний суета.

Всё, что зришь, есть достоверное;
Торжество нелицемерное!
Страх и трепет твой исчез,
С ними горесть и печали:
Ликовство предобручали
Оны времена и слез.

Все со мною силы брачны;
Здесь веселие крася́т
Три богини доброзрачны,
Кои вкупе вам гласят:
Дайте руки сердцем искренним,
В твердый знак любви пред выспренним!
Дайте руки, наконец,
Ты, о! дев верьховных слава,
О! и ты, мужей держава,
И светило, и венец.

К ним, спокойствие святое,
Вожделенно ты гряди,
Житие их предрагое
Всё тобою огради:
Много было им томления,
И довольно с них медления.
Нерешимый уж союз
Их совокупляет ныне:
Чувствовали б не в пелыне
Множимую сладость уз.

Без трудов премногих в боги
Не причтен и Геркулес:
Бремена ему дороги
И отверзли дверь небес.
Дайте руки сердцем искренним,
В твердый знак любви пред выспренним!
Дайте руки: всё прошло,
Коль ни долго вы имели,
Коль взаимно ни терпели
Неблагополучий зло.

Дышет воздух вам прохладом;
Осеняют боги вас,

Чад, сладчайшим виноградом,
Общий вознося свой глас:
Дайте руки сердцем искренним,
В твердый знак любви пред выспренним!
Дайте руки. О! всегда
Добродетели начало
В бедствиях себя венчало;
Но не гибнет никогда».

<1751>

ИЗ ТРАГЕДИИ «ДЕИДАМИЯ»

‹МОНОЛОГ НАВИЛИИ›

По случаю всю ночь без сна так пребыла,
Что больше уж я быть на ложе не могла.
Чего для, на заре восставши, нарядилась,
А ожидая дня, всходящему молилась.

Но вот внезапу вшел не Пирра — Пирр ко мне,
С чела, с очей, с лица умилен весь отвне.
Поздравившего я поздравила ответом:
Он показался тем доволен быть приветом.
Тогда в нем сильный жар с румянцем так играл,
Что мил он был глазам, а жалок, что вздыхал.
Поистине сказать, в себе я сожалела,
Что был прекрасен толь, и завистью горела!
Коль счастливым она того мня учинит,
В супругу кто ее себе соединит.

Он на колена пад, мою ж схвативши руку:
«Ах, Навплия! — сказал, — пока страдать мне муку?»
— «Какую, — говорю! — что, Пирра? что вы так?»
И купно в том меня страх обнял, очи ж мрак!
«Люблю, — он говорил, — люблю уж больше года;
Меня страсть премогла, я равного вам рода!
И льщу себя, что ваш! О нежных цвет красот!
Един суровый вид, явленный от высот
Как грозного чела, так вашего и ока,
Мне здесь не изречет погибельного рока!

Не можно, видя вас, всем сердцем не любить,
Не можно сердца внутрь в любви от вас таить.
Ах! не́льзя, по себе то всё я примечаю!
В прекрайней страсти к вам, всю тайну вам собщаю.
Однако дерзость мне оставить вас молю!
Любовь причина ей, иль жизнь в казнь потреблю».

Я думала тогда, что Пирра тем играет,
Сказала: «Не в одних вас сердце обмирает.
Есть, кои с вами так быть счастливы хотят,
Но ах! им в том судьбы естественны претят.
Вы встаньте, с вас сего довольно будет слова,
Когда б не тот предел, я б ваша быть готова!»

Скоряе речи он, с земли вскочивши, встал;
«О вы уже моя! и я ваш, — так сказал, —
Позволено теперь от вас мне быть в надежде?
Я Пиррою у всех по сей моей одежде.
Не Пирра я, но Пирр и юноша и князь,
Еще не из простых, по правде не гордясь,
Я прислан так сюда от брега чужестранна,
Прислала ж мать меня в княгинях преизбранна;
Считали девять всех тогда мне только лет,
Ах! лучше малым быть, любви не зная бед;
Но случаю сему укрытия подлогу
И принят для чего я к царскому чертогу,
Причина от меня совсем закрыта есть,
Чего для не могу и вам о том донесть».
Сказав то, паки он упал вдруг на колена:
«Люблю! любите ж вы, я вечно в узах плена».

Деревенела я и такова была,
Царевна! какова вы быть уж начала!
То приходила в страх, то странности дивилась,
То на себя, ах зло! то на него сердилась.
Была я не в себе, была как истукан,
Один был на уме, как пагубный обман;
А к прочему всему без чувства пребывала,
Что делать я должна, куда уйти не знала!

Однако от него я вырвавшись там вдруг
(Он за руки держал и не пускал из рук),

Вбежала я сюда, вбежала изумленна,
Что от лестца того смертельно оскорбленна.
Подумайте ж теперь, царевна! как нам быть,
Не всем ли, больше ж вам в бесчестии пребыть,
Что юноша при нас, девицах, обитает?
Ах! что, как государь, родитель ваш, узнает?

‹МОНОЛОГ ДЕИДАМИИ›

Деидами́я! что твоим внушила слухом,
И как спокойна ты пребудешь ныне духом?
Кто твой, того могла другая уж пленить.
Ах! плачьте, плачьте вы потоком слезным, очи,
Веселий свет померк, вас кроет мрак, тьма ночи,
Когда любезный мой возмог так изменить!

Всю внутренность мою лютейший яд терзает,
И кажется, что смерть меня уже лобзает;
Мне бремени сего ни снесть, ни пременить,
Недвижима стою, все члены уж слабеют,
Душевны силы все ж и мысли цепенеют,
Когда любезный мой возмог так изменить!

Коль чувствую весьма я много поражений,
И делается коль смертельных внутрь сражений!
Досада кажет месть, любовь же преклонить
Повелевает вновь мягчайшими словами.
Ах очи! плачьте вы обильными слезами,
Когда любезный мой возмог так изменить!

Где святость страшных клятв? богов где имя многих?
Где совесть, честь и стыд? Любовь! ты сих бед строгих
Не чувствуешь еще, еще и можешь мнить,
Что толь неверный твой к тебе сам обратится!
Ах! сердце в суете и безуспешно льститься,
Когда любезный мой возмог так изменить.

Богиня красоты! о! кипрянам священна!
И ты сама, любовь, что всем не запрещенна!

Пожершуюся вам так праведно ль казнить?
Но случай сей почто ж меня так уязвляет?
Соперница! ах! всё меня уж умерщвляет,
Когда любезный мой возмог так изменить.

Куда ни обращусь, всё в злобе негодует,
Стихии мне грозят, и естество враждует.
О боги! вы на то ль могли меня хранить?
Ах нет! избрала ту злочастную я долю,
Склонила я сама на то мою всю волю, —
А мне любезный мой возмог так изменить.

О бедна! ласкам я поверила прелестным,
Поверила его поступкам мнимо честным,
Слезам его тогда, теперь их мне б ронить,
Я данной мне руке поверила и роду,
Еще и не смотря на собственну безгоду, —
А мне любезный мой возмог так изменить.

Надеялась не так, не так и помышляла,
Достоинство его умом усугубляла,
Сея надежды как драгою не ценить?
Достоинство когда надежду в вас рождает,
Сомнения оно собою побеждает, —
А мне любезный мой возмог так изменить.

Природна сердца страсть! поверенность пустая!
И ты, ков и подлог! вам слава в том какая,
Что можете, прельстив, девицу обвинить?
Ах! искренность моя, сие ль ты заслужила?
Но простота сама меня и погубила,
Что мне любезный мой возмог так изменить.

Довольно мне беды; родителю молчала,
Но втайне грех пред ним слезами омывала.
Неверности ж был спех зло злейшим изъяснить.
Вот мне уж срамота! вот явна казнь готова.
О! стыд, о! срам, и смерть не столько есть сурова.
Однак любезный мой возмог так изменить.

Земля! меня пожри, жить больше мне не можно,
Когда он тайну всю нарушил толь подложно;

Тем начал рок уже к погибели гонить.
Хоть горы на меня падите, хоть ты, море,
Пучины в глубину подмыв низринь, ах горе!
Уж мне любезный мой возмог так изменить.

Но прежде нежель вы смерть люту устремите,
Моление сие от бедныя примите,
Чтоб речь мою с его могла соединить.
Ах! можно ль думать, как толикая неверность
Умела, чтоб себя таить чрез лицемерность,
И чтоб любезный мой возмог так изменить.

〈ИЗ МОНОЛОГА АХИЛЛЕСА〉

...Как Навплии дерзнуть восстать на нас бедою?
Я сын, я внук богам, я правнук им судьбою.
Но вы едина дщерь родителю, он царь
И подданным своим великий государь.
Что ж Навплия? раба есть ваша по природе,
Тем не захочет быть за свой донос в безгоде.
Какая ж есть и мзда клевет за неприязнь?
Мучение сперьва, потом и смертна казнь.
Оставьте все свои напрасные печали:
Уж много крат твержу, что радости настали.

〈МОНОЛОГ УЛИССА〉

Агамемнон царь, вождь пела́згических сил,
Которые союз всеобщий ополчил
Фригийския Трои́ к насильнейшей осаде
И на царя ее Приама, седша в граде,
Державному царю здесь Ликодему, вам,
Изустно чрез меня, но равно как бы сам,
И здравия всегда и многих лет желает,
А дружбы своея в знак да́ры посылает,
Вам копие и щит и свой любезный шлем,
Что воинству всему был виден часто в нем,
Но цве́ты и плоды царевне и девицам,
Пред солнцем вами всем прекрасным, как
зарницам.

Что ж до меня посла: толикому царю
Вручив себя в любовь, почтение творю.
И так донесть при том от искренности смею,
Что видеть ваш престол за счастие имею.

⟨МОНОЛОГ АХИЛЛЕСА⟩

Той воле прежде вас я должен быть и верен,
Которыя есть суд всегда нелицемерен.
Судьбе послушен есть бесспорно Ахиллес,
У коея престол превыше есть небес,
Где гро́знейший Перун весь оный окружает
И приступить к нему собой не допущает;
Та прежде тварей всех и прежде всех веков,
Как был ее предел, пребудет ввек таков;
Пред ней сил многи тьмы сияниями блещут,
И в пламени своем ее ж они трепещут;
Желание та всем, та всем любовь и страх;
Светил число пред ней тень токмо, самый прах, —
Так о судьбе Хирон, чудясь сам, мне представил,
Ее знать, ей служить всегда меня наставил.

Осень 1750

ИЗ КОМЕДИИ «ЕВНУХ»

ДЕЙСТВИЕ 1

Явление 1

Федрий. Парменон.

Федрий

Что ж бы делать мне! Не пойду и званый!
Иль тех лучше женских не терпеть обид!
Не пустила; ждет: возвращусь отгнанный?
Нет, нет! Коль ни просит, не уговорит.

Парменон

Если можно так сделать, как хотите,
То не будет лучше этого ничто.
Буде ж и начав, да не совершите,
И, по ней тоскуя, а просить никто
Уж не станет к ней, сам, не изъяснившись,
Просто там явитесь, и дадите знать,
Что вся ваша страсть в сердце вкоренившись,
Без нее не может в жизни пребывать, —
То вам доношу, что уж вы пропали.

Будет та стараться, чтоб вас обмануть,
Как увидит впрямь, что без ней в пень стали,
И что вам уж не́льзя не по ней вздохнуть.
Для того теперь, есть пока вам время,
Не однажды, сотью думайте, сударь.
Этих больше дел тяжело тем бремя,
Как что под лад, под меру не идут, лоб хоть
спарь.

Всё то есть в любви; именно ж обиды,
Злобы, ревность, ссоры, подозрений сбор,
Перемирье там, и умильны виды,
Там опять брань, паки ж мирный договор.
Так что буде б вы все те непорядки
Разумом исправить пожелали тут,
То б вы согласить тщались, без оглядки,
С разумом безумство, с добрым — кто век плут.

Что ж до мыслей сих, кои в вас с досады:
«Я ль к ней уж ногою? .. с ним та... не моя? ..
Коя так со мной? .. коей мы как смрады?
Умереть мне лучше! Будет знать, кто я!»
Эти все слова слезкою одною,
Вытерши насилу из своих двух глаз,
Тотчас утолят; хитростью ж такою
До того способно приведет и вас,
Что сам пред ней станете виниться,
Чем и не захочет наказать она,
Должны будут вам казни полюбиться,
Скажете, что ваша больше тех вина.

Федрий

О! зло, я теперь чувствую уж ясно,
Что она плутовка, и что мне беда.
И сержусь на ту, и люблю пристрастно:
Знаю, смышлю вживе, вижу без труда,
А однак и с тем только погибаю!
Что мне делать ныне, и куда пристать;
Нет на то ума, и отнюдь не знаю.

Парменон

Что вам делать надо? От нее отстать;
Пула ж и не дав, из такой неволи
Уходить как можно; иль уж малым чем
Выкупить себя. Буде ж не на голи
Откупаться должно, скольким можно, тем
Откупайтесь вы; больше ж не печальтесь.

Федрий

Добр совет твой прямо ль?

Парменон

Лучшей изо всех.
Но притом еще по себе вы сжальтесь,
Не давайте сердцу новых как прорех,
Язвы так любви сильно все сносите.
Но вот пропасть статкам нашим всем идет,
Прямо ж и сюды, сами посмотрите:
Та одна доходы собственны нам жрет.

Явление 2

Таида. Федрий. Парменон.

Таида

(особно)

Горе мне! Боюсь, чтоб как не противно
Федрию то стало, и чтоб не туда
Не причел всего, нежель как, нельстивно
В том с ним поступивши, у ворот когда
Он вчера моих стукался довольно,
Я его нарочно не пустила в дом:
То меня крушит, не играя, больно.

Федрий

(к Парменону)

Парменон, все члены так дрожат, что льдом
Стал теперь я весь, та лишь показалась!

Парменон

(к Федрию)

Будьте смелы; ближе станьте вы к огню;
Хоть какая б к вам стужа привязалась,
От жару растаять можете, как мню.

Таида

Кто там говорит! А! Мой Федрий, надо
Чтоб была вам ну́жда долго здесь стоять:
Я сему, что вас вижу, очень рада.
Иль внутрь неугодно прямо загулять?

Парменон

(особно)

Об отказе нет, впрочем, ни словечка.

Таида

Что ж вы мне молчите?

Федрий

Правда! ворота
Мне отворены завсе! Да и встречка
Вшедшему бывает с ласкою кота,
Нет пока у вас лучшего здесь друга.

Таида

Слов сих, я просила б, не распространять.

Федрий

Как! мне этих слов? .. О! дабы заслуга
Столько ж ваша мало возмогла склонять
Сердце к вам в любовь, сколько вы сердечно,
Таида, хитра Таида, любите меня!
Иль чтоб эта страсть также всеконечно
Вам самой давала чувствовать себя,
Как во мне она в лютости ярится!
Иль вы уж обиду, сделанну от вас,
Коея чело ваше не стыдится,
Мне возможно было позабыть тотчас!

Таида

Свет мой, Федрий мой, сердце, жизнь и сладость!
Вы себя не мучьте, душенька, прошу:
Сделала не в том, чтоб другого, радость,
Больше вас любила; верьте, доношу,
Надо было то.

Парменон

(особно)

Думаю, что бедна
От любви безмерной, обычайно как,
Выбила его.

Таида
(к Парменону)

И твоя столь вредна,
Парменон, насмешка? Ну, добро; быть так!

(К Федрию)

Но, дражайший мой, вы всю силу дела
Выслушать извольте, для чего сюда
Облегчиться вас я просить велела.

Федрий

Говорите.

Таида

Только ж нету, мню, труда
Прежде объявить: этот ваш, порою
Добрый человек может ли молчать.

Парменон

Я ль? Ни камень так. Только ж вам с такою
Речь опасностию надо здесь начать,
Именно ж, то всё, что есть правда суща,
Содержу я тайно и вовек молчу.
Ежели ж да ложь, пустошь, сказка вруща
И другие враки, в миг те вон мечу:
Я, как решето, весь в дырáх, оттуду,
И отсюду также, до суха теку.
Потому-то вы, что я слышать буду,
Говорите правду, а не ложь каку.

Таида

Матушка моя родилась в Самосе,
А потом уж должно стало жизнь скончать
Пребывшей ей в острове Родосе.

Парменон

Первое все ладно; можно мне смолчать.

Таида

Матушке моей маненьку девóчку
Там, какой не знаю, подарил купец,
От Афин вблизи скрадену.

Федрий

Чью дочку?
Да и не дворянку ль?

Таида

Так мню, наконец.
Впрочем, мы о всем прямо том не знали.
Та сама нам только рассказать могла,
Как ее там мать и отца как звали;
Виду ж, и откуда родиной была,
Как не знала, так по своим и летам
Конче в состояни не была сказать.
Только что купец, ни к каким приметам,
Захотел в прибавок глухо показать,
Говоря, что он будто известился
От воров, у коих оную купил,
Тем и господин ей уж учинился,
Что ее мызе́ Сунии дом был.

Как то все ни есть, но когда досталась
Матушке та в руки, всячески тогда
Научить ее доброму потщалась,
Не жалея платы, ни сама труда;
Так что как бы дочь ей была прямая;
Да почти и люди мнили все у нас,
Что она сестра мне была родная.

Я ж тогда спознавшись, в самый первый раз,
С молодцом, одним только, чужестранным,
Хаживал который ежедневно к нам,
И могу сказать, по всему избранным,
Прибыла в сей город вместе с ним же к вам:
Всё мне на все он, у меня что ныне,
По себе оставил.

Парменон

Обе сказки в том
Ложны по всему; а по той причине
Из меня наружу вытекут гужом.

Таида

Почему ж бы так?

Парменон

Потому то ложно:
Быть один и вами не возмог любим,
Также и тому статься невозможно,
Чтоб вам всё богатство снесено одним:
К вам и сей наш сам часть того большую
Наносил, как знаю.

Таида

Правда есть твоя:
Но придти мне дай на тропу прямую.
Тот между тем воин, коему здесь я
Стала толь мила, в Карию за делом
Из Афин отъехал. В те то времена,
Федрий мой драгой, в счастии всецелом
Дружба вот меж нами тесно сведена.
Знаете вы то, сколь уж мне любезны:
Сколь вам открываюсь искренно во всем!

Федрий

Парменон сих слов, коль мне ни полезны,
Умолчать не может.

Парменон

О! им быть ли в нем?

Таида

Но я вас прошу потерпеть намало.
Там, еще недавно, матушки моей
В летах не весьма старых, ах! не стало.
Брат ее, мой дядя, видя, что по ней
Много и добра, много и богатства,
Будучи излишно сребролюбив,
Захватил себе всё по праву братства,
Он как был с природы превесьма нечив,
Видячи тае девушку прекрасну,
Пети, на инстру́ментах знающу играть,
Вывел сам на торг за свою уж власну,
И ее ценою захотел продать.
Сталось так, что тут воин мой случился,
Сей ту мне в подарок у того купил,

Ничего отнюдь, как купить срядился,
Что до ней, не зная, цену заплатил;
Возвратившись, здесь он когда увидел,
Что дружусь я с вами, басни говорит,
Ищет, чтоб хитрей тем меня обидел,
И той мне девицы ныне не дарит,
Впрочем, в ней меня удостоверяет,
Вам его я в дружбе если предпочту;
И нака ж, в нем страх, что он потеряет
Оный свой подарок втуне за мечту.
Я помнила б так, что та не противна,
Как достоинств многих, стала самому.

Федрий

Только ль бы всего?

Таида

Вещь однак же дивна,
От самой то знаю, что не потому
Держится ее, Федрий мой дражайший,
Многие причины, чтоб вам то донесть,
Возбуждают жар страсти не тишайший,
Получить девицу. Первая ж вот: честь,
Что звана от всех мне она сестрою,
Сверх того, ее ж бы возвратить родне;
Я сама одна; нет родных со мною.
Для того есть нужно, чтоб зажить здесь мне
Несколько друзей по моей услуге.
Вы в том не оставьте, Федрий, светик мой;
Попустите быть в первейшем мне друге
Воину, хоть только на день, на другой.
Что ж на то нет слов?

Федрий

О! тварь нечестива:
Что теперь возможно стало отвечать?

Парменон

Вот хвалю, сударь: заслужила льстива;
В мужестве извольте сильно потачать.

Федрий

(с гневом)

Иль мнишь, все слова знать мне не давали,
Что хотела ими и куда ты шла?
«Маленьку вблизи от Афин украли;
Мать за дочь вспитала; и сестрой была;
Хочется ее получить мне в руки,
Чтоб отдать ту кровным в скорости потом».

Вот в словах твоих крылись что за штуки:
Я чтоб ни ногою, а ходил тот в дом.
Для чего ж? Затем, что его ты больше
И вернее любишь, нежели меня;
А о той вот чем страх в тебе есть горше,
Чтоб не разлучила с ним она тебя.

Таида

Я ль того боюсь?

Федрий

Что ж тебе заботно?
Иль один подарки носит он тебе?
Я ль из кошелька сыплю не охотно?
Не сыскал ли вскоре, чуть лишь о рабе,
Мне о рабке ты выпустила слово?
Ты ж еще евнуха, для того что им
Только у одних барынь быть не ново,
Пожелала также комнатным твоим;
Тотчас и того я тебе промыслил,
Угодить желая; а за обоих
Двести я вчера рубликов отчислил.

Но тебе в услугах нужды нет моих:
Как я ни служу, вся ни вó что служба.

Таида

Что за речи, Федрий? Я хоть получить
Оную хочу, только ж ваша служба
(Даром что тот способ может ту ссачить
Лучше всех других) мне всего дороже:
Вы извольте очень подлинным иметь,
Что мне поступать и милей и схоже
Так, как вам угодно будет повелеть.

Федрий

О! когда б слова искренни те были,
Чтоб мою дороже дружбу вы всего
И угодность мне столь ким же ценили, —
Я б понесть приятно не возмог чего!

Парменон

(особно)

Вот почти словцо вдруг поколебало!
Он переменился! побежден совсем!

Таида

Бедное ль мое сердце вам бы лгало?
Было ль что, я вам бы не служила тем?

Горькой мне однак выпросить не можно
Двух деньков тех только.

Федрий

Буде точно двух;
Лишь не двадцатью б стать им не нарочно.

Таида

Только в двух, иль в силу...

Федрий

«Иль»? в нем дурен дух:
Ни на час уже.

Таида

Ин сверх двух ни столько:

(отмеривает перстом на перст)

Можно быть уж склонным!

Федрий

Это значит то
Сделать должно мне, коль оно ни горько,
Как вам захотелось и угодно что.

Таида

Правда, вас любить по всему достойно!

Федрий

Сердцем благодарен! на два ж сии дня
Я в деревню сам съеду беспокойно,
Таиде послушен, сбившей с глаз меня.

Ты здесь, Парменон, постарайся верно:
Приведи евнуха с девкою сюда.

Парменон

Не оставлю я сделать так, всемерно.

Федрий

На два дни прощайте, сердце! Я туда.

Таида

Добрый путь, душа! нет ли ж мне какого
Вашего приказу?

Федрий

Как нет? та моим
Просьба словом есть вам всегда готова:
Будучи с ним купно, не были б вы с ним;
Каждый день и ночь вы б меня любили;
Всё б меня желали; видели б во сне.
Ждали б вы меня, обо мне б и мнили;
Был бы я надежда; точно б вам по мне;
Мною бы одним только веселились;
Были б вы со мною духом каждый час.
Словом, как душа вы б в меня вселились,
Тем что я быть вечно не могу без вас.

(Пошел с Парменоном.)

Явление 3

Таида

(одна)

Горе, ах, мое. Может быть, не верит
И самой мне Федрий, и моим речам;
А поступки он все мои, знать, мерит
По другим премногим в мысли госпожам.

В совести моей подлинно то знаю,
Что я не солгала Федрию ни в чем.
И что сердцем я больше не сгораю,
Как по нем, не лестно, только по одном.
Что произошло от меня дел ныне,
То всё для девицы делала так я:
Кажется уж мне, что к моей причине
Ей нашла усердность брата здесь моя,
Кой есть маладенец и богат и знатен.

Он ко мне сегодня обещал быть сам;
Я теперь пойду, был бы дом опрятен;
И пока он при́дет, подожду внутри там.

Конец первого действия

1752

ИЗ КНИГИ «СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ»

НЕСКОЛЬКО ЭЗОПОВЫХ БАСЕНОК, ДЛЯ ОПЫТКА ГЕКСАМЕТРАМИ ИАМБИЧЕСКИМ И ХОРЕИЧЕСКИМ СОСТАВЛЕННЫХ

Басенка V

ПЕС ЧВАН

Лихому Псу звонок на шею привязать
Велел хозяин сам, чрез то б всем показать,
Что Пес тот лют добре́; затем бы прочь бежали,
Иль палку б на него в руках своих держали.
Но злой Пес, мня, что то его мзда удальства,
Стал с спеси презирать всех лучшего сродства.
То видя, говорил товарищ стар годами:
«Собака! без ума ты чванишься пред нами:
Тебе ведь не в красу, но дан в признак звонок,
Что нравами ты зол, а разумом щенок».

<1752>

Басенка VIII

ВОРОН И ЛИСИЦА

Негде Во́рону унесть сыра часть случилось;
На́ дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поесть;
Для того, домочься б, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья цвет почтивши,
И его вещбу еще также похваливши,

«Прямо, — говорила, — птицею почту тебя
Зевсовою впредки, буде глас твой для себя
И услышу песнь, доброт всех твоих достойну».
Ворон похвалой надмен, мня себе пристойну,
Начал, сколько можно громче, кракать и кричать,
Чтоб похвал последню получить себе печать;
Но тем самым из его носа растворенна
Выпал нá землю тот сыр. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Всем ты добр, мой Вóрон; только ты без сердца мех».

<1752>

Басенка XXVII

СТАРУХА, БОЛЯЩАЯ ГЛАЗАМИ

Глазами как была Старушечка больна,
То Лекаря к себе в дом призвала она.
Чтоб вылечиться ей, и не смотря на трату,
Довольную ему та обещала плату.
Стал пользовать ее тот Лекарь нанятой;
И мастью он глаза по всяк день мазал той.
А как вот оставлял ничком ту на постеле,
И в темноте всегда, по всем своем том деле,
То что-нибудь с собой у ней втай уносил
Из платья, иль что тут из серебра схватил.
Грабление сие та чувствует больная.
Когда ж не стала быть уж больше невишная,
Увидела, что дом ее оставлен пуст,
Сколь ни был преж того обильностию густ.
Вот Лекарь к ней пришел: сам просит за работу
И говорит, что та всю получила льготу;
А шлется он на всех сторонних в том людей,
Что вылечены уж совсем глаза у ней.
«Неправда, друг, твоя, — ему та говорила, —
Я без твоей цельбы глазами лучше зрила:
Я видела вещей довольно у себя.
А как взяла к себе я Лекарем тебя,
То ничего отнюдь, сим словом не обижу,
В дому, по-твоему столь зрячая, не вижу».

<1752>

Басенка XXXI
ЛЕВ ЖЕНИХ

В Девицу негде Лев влюбился не смехо́м,
И захотел ей быть он вправду Женихом:
Затем к отцу ее пришед тогда нарочно,
Ту просит за себя отдать в замужство точно.
Отец Льву отвечал: «Твоим ли я отдам
Ногтищам так кривым и острым толь зубам
Мою в замужство дочь толь нежную всем телом?
И может ли сие быть неопасным делом?
Без тех бы впрочем мне ты был достойный зять,
И можно б дочь мою тебе женою взять».
Лев от любви своей почти ума лишился;
Чего для, как просил Отец тот, не щитился,
И пазногти свои тому дал срезать он,
А зубы молотком все-на́-все выбить вон.
Итак, тот Человек легко Льва побеждает,
Потом, ударив в лоб долбнею, убивает.

<1752>

Басенка XLIX
ЛЕШИЙ И МУЖИК

Из Леших некто чуть уж не замерз зимою,
За лютостию стуж, да и за наготою.
Увидевший Мужик его взял в домик свой,
В избушку теплу ввел и ме́стичко дал в той;
Сам руки приложив к устам своим, в них дует.
Дивился Леший тот; и, мня, что он балует,
Причины у него тому дутью спросил.
Мужик ему на то как гостю доносил,
Что руки он свои озяблые тем греет.
Сказал, а сам на стол, в печи что ни имеет,
То совокупно всё тогда вот начал несть,
И Лешего с собой за стол зовет он есть.
Сел Леший с ним тотчас. Мужик сперва из чаши
На ложку почерпнул себе горячей каши,
А ко́ рту своему принесши, дуть же стал.
Вот леший, пуще уж дивясь, еще спрошал:
Чего б он ради дул, и так то жарко было?

Мужик тут отвечал: «Чтоб жа́ркое простыло».
Вскочил из-за стола тогда тот Леший вдруг,
И говорил: «Прощай, прощай навек, мой друг.
Я не хочу пробыть здесь только и наслеком,
Не то чтоб вовсе жить с таким мне человеком,
У коего из уст одних, да не одно,
А именно сказать: *тепло и студено*».

<1752>

Басенка LI

САМОХВАЛ

В отечество свое как прибыл некто вспять,
А не было его там почитай лет с пять,
То за́все пред людьми, где было их довольно,
Дел славою своих он похвалялся больно,
И так уж говорил, что не нашлось ему
Подобного во всём, ни ровни по всему,
А больше, что плясал он в Ро́досе исправно
И предпочтен за то от общества преславно,
В чем шлется на самих родосцев ныне всех,
Что почесть получил великую от тех.
Из слышавших один ту похвальбу всегдашню
Сказал ему: «Что нам удачу знать тогдашню?
Ты к ро́дянам о том пожалуй не пиши:
Здесь Ро́дос для тебя, здесь ну-тка попляши».

<1752>

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ

Ода IV

ПОХВАЛА ИЖЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ И ЦАРСТВУЮЩЕМУ ГРАДУ САНКТПЕТЕРБУРГУ

Приятный брег! Любезная страна!
Где свой Нева поток стремит к пучине.
О! прежде дебрь, се коль населена!
Мы град в тебе престольный видим ныне.

Немало зрю в округе я доброт:
Реки́ твоей струи легки и чисты;
Студен возду́х, но здрав его есть род:
Осушены́ почти уж блата мшисты.

Где место ты низвергнуть подала
Врагов своих блаженну Александру,
В трофей и лавр там лавра процвела;
Там почернил багряну ток Скамандру.

Отверзла путь, торжественны врата
К полтавским тем полям сия победа;
Великий сам, о! слава, красота,
Сразил на них Петр равного ж соседа.

Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил толь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал,
И обитать в нём всякому любезно.

Не больше лет, как токмо с пятьдесят,
Отнеле ж все хвалу от удивленной
Ему души со славою гласят,
И честь притом достойну во вселенной.

Что ж бы тогда, как про́йдет уж сто лет?
О! вы, по нас идущие потомки,
Вам слышать то, сему коль граду свет,
В восторг пришед, хвалы петь будет громки.

Авзонских стран Венеция, и Рим,
И Амстердам батавский, и столица
Британских мест, тот долгий Ло́ндон к сим,
Париж градам как верьх, или царица, —

Все сии цель есть шествий наших в них,
Желаний вещь, честно́е наше странство,
Разлука нам от кровнейших своих;
Влечет туда нас слава и убранство.

Сей люб тому, иному — тот из нас:
Как веселил того, другой другого,

Так мы об них беседуем мног час,
И помним, что случилось там драгого.

Но вам узреть, потомки, в граде сем,
Из всех тех стран слетающихся густо,
Смотрящих всё, дивящихся о всем,
Гласящих: «Се рай стал, где было пусто!»

Явится им здесь мудрость по всему,
И из всего Петрова не в зерцале:
Санктпетербург не образ есть чему?
Восстенут: «Жаль! Зиждитель сам жил вмале».

О! боже, твой предел да сотворит,
Да о Петре России всей в отраду,
Светило дня впредь равного не зрит,
Из всех градов, везде Петрову граду.

1752

Ода VI
БЛАГОДАРСТВЕННАЯ

Монархиня велика!
Зерцало героинь!
Не оных общих лика —
Ты всех верьх благостынь.
Тебе, с тимпаны стройно,
Гласят трубы́ достойно.
О! муза, в сладость глас, по мере сил, настрой,
Елисавете песнь благодарений вспой.

Лиеш ь всем благодати
Из недр златых твоих;
Верьховна россов мати,
Ты правосудна в них;
И милость просияла,
Но толь, что всех объяла.
О! муза, поздный род о сем ты уверяй,
Елисавету всяк день ныне прославляй.

Приводишь в честь науки,
Созиждешь им и дом;
Их предваришь докуки,
Насытишься плодом:
Те возвеличат славу
И ублажат державу.
О! муза, проповеждь толику благодать,
Елисавет что сим судила преподать.

Но, о! императрица,
Сокровище даров!
Пресветлая денница!
Прибежище! покров!
Мы о твоей порфире
Прославлены уж в мире.
О! муза, ублажи причину славы всем,
В Елисавете коль красуемся мы тем.

Служить самодержавной
Блаженство есть не тще;
Усердствовать же главной
Блаженнейше еще:
Твоя власть всеми чтима;
Особа всем любима.
О! муза, воструби, что дивн ее венец;
Но что Елисавет любление сердец.

Твоя жизнь наша радость;
Тобою всё цветет;
Ты здрава, нам то сладость:
Всё о тебе живет.
Храни, мы благодушны;
Вели, се мы послушны.
О! муза, возгласи, что наша обща честь
Прехвальная во всем Елисавета есть.

Подобно вышню богу,
Не втуне где мольба,
Творит награду многу
Твоя рабам судьба:
Там вера нас спасает;

Здесь верность украшает.
О! муза, подтверди, что наша красота
К Елисавете внутрь сердечна правота.

Кого мы зрим унылa
При щедролюбной толь?
Ни тех ты не забыла,
В ком мало службы доль;
Тебе усердство сильно,
Да милуешь обильно.
О! муза, проявляй чрез раболепный знак,
В нас искренность кипит к Елисавете как!

Щедрот твоих зрю тайну
Последнему и мне:
Внутрь верность чрезвычайну,
Усердие в огне
Зришь и кладешь содруги
За самые заслуги.
О! муза, в краткий слог, что в сердце, собери,
Елисавету в нем со мной благодари.

Тебе неоднократно
Угодно награждать;
Да будет и обратно
Сердца от нас взимать:
В них пламенеет чисто
Подданство само исто.
О! муза, в краткий слог, что в сердце, собери,
Елисавету в нем со мной благодари.

Пребудет имя в веки
Твое от рода в род,
Доколе человеки
Свой размножают плод:
Венцем здесь славну честным
Прославит бог небесным.
О! муза, в краткий слог, что в сердце, собрала
И благодарность тем державной принесла.

Между 1745 и 1752

Ода VIII
ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 6

Господи, да не яростию твоею...

О! не ярости во время,
Господи, мя обличи;
Зол же всех за тяжко бремя
И за многое тех племя
Не во гневе к казни повлачи.

Но помилуй попремногу
Изнемогшего меня:
Кости страждут муку срогу,
Покажи к цельбе дорогу,
Боже! вопию стеня.

Дух в смятении мой зельном,
Сокрушаюсь повсегда;
Ты ж о мне, толь неисцельном,
В милосерди беспредельном
Воспомянешь ли когда?

Господи мой! обратися;
И, по благости твоей,
Сам отъять от тьмы потщися
Душу бедну и явися
Преклонен к мольбе моей.

Нет по смерти таковаго,
О тебе б кто вспомнить мог;
Возблагодарить за благо
И за всё, что в жизни драго,
Кой во гробе есть предлог?

Обессилел воздыхаяй!
Есмь еще на всяку нощь
Ложе плачем умываяй
И слезами напояяй,
Отчужден всего и тощ.

Очи с плача помутились,
От врагов весь сокрушен;
Пагубно в себе озлились,
К ненависти уклонились;
Я надежды уж лишен.

Отступите от меня, лукавцы:
Богом вопль услышан мой.
Отступите все тщеславцы
И вы, лжи за правду давцы,
Злобе преданны самой.

Бог уж от меня молитву
Милостивым слухом внял;
Презираю вашу битву,
Лестных и сетей ловитву:
Бог моление приял.

Стыд, смятение в презоре
Всем да придет здесь врагам!
Стыд, с бесчестием тем в горе,
Как не обратятся вскоре!
Их сломление рогам!

<1752>

Ода XVIII
ПАРАФРАЗИС ВТОРЫЯ ПЕСНИ МОИСЕЕВЫ

Вонми небо, и возглаголю.
Второзакония глава 32

Вонми, о! небо, и реку,
Земля да слышит уст глаголы:
Как дождь я словом потеку;
И снидут, как роса к цветку,
Мои вещания на долы.

Как туча падает на злак,
Или как иней где на сено, —
Господне имя есть мне в знак,
То мыслей призвано не в мрак;
Славь бога всяко в нас колено.

Бог — истинны его дела
И все пути его, суд правый, —
Бог верен, а неправда зла,
Не зрится ни тоя в нем мгла,
Святый весь, он душам свет здравый.

Согрешшии вельми пред ним,
Не чада стали уж пороком!
О! род строптив, развратен сим,
Сие ль ты господу твоим
Воздать за благо мог оброком?

Сих оный есть народ делец,
Кой весь не мудр и пребезумен:
Тебя ж не сам ли сей отец
Приял и был тебе творец?
Доколе в помыслах ты шумен!

Воспомяни те дни веков,
И купно разумей все лета
От рода древнего родов;
Спроси у рождшего следов,
Познаешь старших всё от света.

Как бог язы́ки разделял,
Сынов Адамлих рассевая,
Пределов столько поставлял,
Коль верных слуг себе счислял,
От ангельска числа то зная.

И стала быть господня часть —
Иаков род его избра́нный;
Наследием возмог подпасть
Израиль весь ему во власть;
Всяк прочий люд уж был как странный.

В пустыне всем его снабдил:
Он жажду, в превеликом зное,
В земле безводной утолил,
Обвел его и сохранил,
Как зе́ницу очей, в покое.

Гнездо как кроет всяк орел,
И над птенцами сей летает, —
Простер так кри́ла он и сшел,
На рамена его возвел,
Подъемлет, взносит, соблюдает.

Вождем им был господь един,
Никто бог чуждий не был с ними;
Взвел их на верьх земных плотин,
Поставил свыше всех судьбин,
Насытил житами благими.

Из каменя потек им мед,
Елей из тверда ж камня равно;
Млеко́, тук, масло скот дает,
И цвет пшеничный всем растет,
Их питие — вино преславно.

Иаков в сытости процвел,
Отвергся вскоре толь любимый;
Утыл и толсто расширел,
Отступством бога он презрел,
Забыл, что спас ему он чтимый.

Во нравах все творца чужих
И в мерзостях преогорчили:
Беса́м пожерли в скверна́х сих,
Богам, отцам что странны их,
От напитавша ж отступили.

Узрев господь, возревновал,
И раздражился он презельно;
В сынах и дщерях злость познал,
Которых сам он снабдевал,
Се взбесновавшихся бездельно.

Господь рек: «Сам я отвращу
Лице мое от всех их ныне;
И напоследок им отмщу:
Род развращенный, веру тщу,
Не буду видеть в благостыне.

В гнев привели тем, что не бог,
И раздражили суетою;
Народом их сломлю я рог,
Кой не народ, хотя и мног,
От глупых и людей бедою.

От ярости уж моея
Разжегся огнь палящ до ада;
Съест землю и плоды ея;
Все попалит страны́ всея
Гор основания для глада.

Употреблю премного зол;
Пущу на них мои все стрелы;
В снедь птицам ляжет плоть на дол;
Пожрет живых зверь в произвол;
Не будут и от змиев целы.

Внутрь истребит их страх;
Извне меч острый обесчадит:
Юн с девою погибнет в прах;
С седым младенца при сосцах
Смерть люта в век изгладит.

Изрек бы: их рассею всех,
И память в людях уничтожу;
Когда б не для противных тех,
Которым бы не сбить в поспех,
Я в гневе коих сам убожу.

Еще чтоб не сказали так:
Рукою мы свершили сею,
А не господь то всё никак;
Сей род, в чием совете мрак,
Весьма глуп мыслию своею».

О! ежели б все разуметь
И возмогли понять то ясно,
Чтоб ныне налящи́ посметь
И всё в руках уже иметь,
Что впредь велит он самовластно.

Как тысящи един гонить,
Как двинуть два б могли тьмы целы,
Когда б не предал бог сам бить?
И не дал бы господь сломить,
Творя их воины толь смелы.

Но боги их не таковы,
Каков есть бог наш, велий, сильный;
Враги ж все наши хоть как львы,
Хотящи нашея главы,
Однак в них разум необильный.

Их из Содома виноград,
И от Гомо́рры все их розги;
Их грозд есть токмо желчь и смрад;
Их ягода горька стократ,
Сок отравляет шумны мо́зги.

Змиина ярость их вино,
И аспидов злость неисцельна.
Не богом ли отведено,
В сокровищах заключено,
Печать на всем том зле презельна?

В день мести то воздаст он сам,
Когда те пре́ткнутся ногами.
О! гибели день близок вам;
И быть чему, стоит уж там:
Тем движете его вы сами.

Своим бог правду сотворит,
И умолен об них он будет;
Расслабленных, бессильных зрит,
Истаявших не уморит,
В конец рабов сам не забудет.

Так рек господь: «Их боги где,
На коих все вы уповали?
Тук ели оных жертв везде,
И пили треб вино в чреде,
А о сотворшем не внимали.

Да встанут, и да вас спасут;
Да в помощь вашу те потщатся;
На вас покров пусть нанесут;
Врагов за вас да потрясут,
И да исполнить то помчатся.

Но зрите, зрите, что есмь я;
И нет нигде другого бога:
Мертвит, живит рука моя,
Цельба и язва от нея;
Нет, кто б исторг, когда та срога.

На небо ону возведу,
Клянясь десницею моею,
Вещаю словом на среду́,
Да будет слышимо преду́:
Живу вовеки сам я с нею.

Когда я изощрю мой меч
И на престол судебный сяду,
То тем врагов хощу посечь,
И в месть нелюбящих повлечь,
И ненавидящих поряду.

Я кровью стрелы напою,
Наестся меч мой мяс от тела,
От тела язвенных в бою,
От глав князей, что убию,
Их поплененивши грады, села».

Возвеселитесь, небеса,
Вы с богом нашим купно;
Да прославляет чудеса,
От древнего уже часа́,
Весь ангельский чин неотступно.

Язы́ки! вы с его людьми
В веселии сердец ликуйте;
Сынов род, крепость восприми
И радостию возгреми,
Все ныне славно торжествуйте.

Отмщает бог за вас в день сей,
И ненавидящим сурово
Он в правде воздает своей;
Земле ж его чад и людей
Есть очищение готово.

<1752>

Ода XIX
ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ АННЫ, МАТЕРИ САМУИЛА ПРОРОКА

Утвердися сердце мое во господе.

Царств кн. 1, гл. 2

Мое всё сердце утвержденно
О господе, он есть мой бог;
О нем се вознесен мой рог,
О нем уже зло побежденно;
Разверзлись на врагов устне,
Спасение настало мне.

Весь дух мой ныне веселится,
Что спас меня господь мой сам;
Его святяй нет по делам;
Он всюду правосуден зрится;
Его ни милостивей нет;
Един спасает он от бед.

О! не хвалитесь вы, тщеславны,
Ни говорите гордых слов;
Язык чтоб не был ваш суров,
Уста б без велеречий плавны:
Господь верьх разумов есть всех,
В нем начинаниям успех.

Лук изнемог вконец уж сильных,
А в силу слабые пришли;
Се многохлебным глад в земли́,
Алкавших зрим в ней изобильных;
Неплодна родила седмь крат,
Родивша — немощна́, без чад.

Господь мертвит и оживляет,
Низводит и возводит в гроб;
Убожит, богатит особ,
Кротит и высит; восставляет
Ниспадших нищетою в дол,
Да их посадит на престол.

Молящимся дает обеты;
Век праведных благословил:
Не от своих муж крепок сил;
Господь свят разорит наветы,
От супостата равно вред,
Его ж от силы в нéмощь свед.

Затем премудр чтоб не хвалился
Отнюдь в премудрости своей,
Ни сильный также в силе всей,
Богат в богатстве б не гордился;
Но всем бы бога знать и чтить
И в правде суд земным творить.

Господь восшел на небо в славе,
И се он страшно возгремел;
Судить всю землю восхотел,
Как справедлив и дивен в праве:
Царям он крепость в нас пасет,
Рог своего Христа вознесет.

<1752>

СТРОФЫ ПОХВАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЯНСКОМУ ЖИТИЮ

Счастлив! в мире без сует живущий,
Как в златый век, да и без врагов;
Плугом отчески поля орющий,
А к тому ж без всяких и долгов.

Не торопится сей в строй по барабану;
Флот и море не страшат его;
Ябед он не знает, ни обману;
Свой палат дом лучше для него.

В нем всегда или он виноградны
Вяжет лозы к ты́чкам и шестам;
В дни гуляет, те когда изрядны,
По долинам, либо по стадам.

Он в иной серпом день очищает
Ветви все негодные с дерев,
Добрый к оным черен прививает;
Смотрит, в хлебе нет ли вредных плев.

Либо мед и сот кладет сам в кади,
В ночь или бывает рыб ловец;
Сам же иногда, волны́ в дом ради,
Всех обросших он стрижет овец.

Осень как плодом обогатится,
Много яблок, груш и много слив;
О! как полным сердцем веселится,
Их величину, их зря налив.

Что тогда из всех плодов зреляе,
Отбирает разно по частям:
То шлет в храм к молитве, что честняе;
Приходящим часть хранит гостям.

Часть в подарок сродникам, часть брату;
Благодетель ту б взял, говорит;
Ту несите куму; ту часть свату;
Пусть за ту мне друг благодарит.

Иногда лежит под старым дубом,
Иногда на мягкой там траве;
Нет в нем скверных мыслей зле о грубом:
Что есть дельно, то всё в голове.

Быстрые текут между тем речки;
Сладко птички по лесам поют;
Тру́бят звонко пастухи в рожечки;
С гор ключи струю гремящу льют.

Толь при разном диком сельском шуме
Ненадолго спит вздремавши он;

Что ни было доброго на думе,
Забывает всё в глубокий сон.

Но зимою нападут как снеги
И от стужи избы станут греть,
Много и тогда ему там неги:
Начнет род другой забав иметь.

В поле ездит он или с собаки,
Боязливых зайцев в сеть ловя;
То с волками смотрит псовы драки,
То медведя оными травя.

Тешит он себя и лошадями;
И кладет отраву на лисиц;
Давит многих иногда силками,
Иногда стреляет разных птиц.

Часто днями ходит при овине,
При скирдах, то инде, то при льне;
То пролазов смотрит нет ли в тыне,
И что делается на гумне.

Кто ж бы толь в приятной сей забаве
Всех своих печалей не забыл?
Хоть в каких бы кто честях и славе,
Как сея б он жизни не взлюбил?

Буде ж правит весь толь постоянна
Дом жена благословенный с ним,
Сарра коль была или Сусанна, —
То спокойства нет сравненна с сим.

Весь некупленный обед готовит,
Смотрит, пища чтоб вкусна была,
Из живых птиц на жаркое ловит,
И другое строит для стола.

А потом светлицу убирает
К мужнему приходу с дел его;
Накормивши деток, наряжает,
Встретить с ними б мужа своего.

Тот пришед в дом кушать, и садится
За накрытый, набранный свой стол:
Что ж порядочно у ней всё зрится,
То причины нет, чтоб был он зол.

Каплуны прочь, птицы африкански,
Что и изобрел роскошный смак;
Прочь бургонски вина и шампански,
Дале прочь и ты, густой понтак.

Сытны токмо щи, ломть мягкий хлеба,
Молодой барашек иногда;
Всё ж в дому, в чем вся его потреба,
В праздник пиво пьет, а квас всегда.

Насыщаясь кушаньем природным,
Все здорово провождает дни;
Дел от добрых токмо благородным,
Не от платья и не от гульни.

Сча́стлив, о! веєьма излишно,
Жить кому так ныне удалось.
Дай бог! чтоб исчезло всё, что пышно,
Всем бы в простоте святой жилось.

<1752>

ФЕОПТИЯ

> Невидимая бо его от создания мира твореньми помышляема, видима суть, и присносущная сила его и божество, во еже быти им безответным.
>
> *К римлянам. Глава 1, ст. 20*

ЭПИСТОЛА I

Сею эпистолою предполагается, первое, что есть мир, которого о бытности основательно сомневаться никто не может и что сей мир благолепотно устроен. Второе, что в совершенствах его зрятся пределы как превесьма в сложном и, следовательно, не необходимом, не вечном, и всеконечно таком, который мог не быть. Третие, что слепый случай, или припадок, как не имеющий разума и избрания, не мог произвесть состав толь благоучрежденный. Все сие доказывает, что сей мир произведен таким существом, которое имеет бесконечную премудрость, благость и всемогущество: а сие существо и есть то, что именуется бог. Сверьх того, разум наш, понимая бога и творца превечного и всесовершенного, не зрит никакия прекословныя невозможности в том понятии, но, напротив того, и сам он собою показывает такого и толикого бога и целость с порядком всего мира, и в животных пол различный, и, напоследок, общее согласие всех веков и всех повсюду народов, коль ни разных и друг другу, коль ни сопротивных во всем прочем, признает преверьховного бога; да и самая безопасность, в рассуждении будущего века, повелевает лучше верить <в> бога, нежели не верить.

Прокляни, Евсевий, нечестивых слепоту:
Сии, видя мира благостройну лепоту,
Не хотят усмотревать ту ему подавша
И всемощием своим велий свет создавша.

Мрака их храниться не бывай слаб никогда;
Толь безверных мнений пагубна есть тьма всегда.
Виждь и проповедуй зря первое начало:
Следом действия его в бытность всё восстало.
Неисчетны мíры по всемудрию бог знал,
Но состав сей точно благостию предызбрал.
Всё хранит, всем правит сам: будем же покорны
Изволениям святым, а не богоборны.

Вся тварь возвещает самобытного творца,
Безначальна прежде, суща после без конца;
И в себе того ж всегда, и преудобренна,
Всем владыку, ни чией длáни покоренна;
Всяческим подавша естество и бытие,
А собой имуща по вседолгу обоé.
Показует нам его сама вещь малейша:
Ясность истины сея солнца есть светлейша.
Всё являет бога, в веществе что купно есть,
Зримо и незримо, коему число сам весть.
Верно кажет общий круг мыслей сверьх обширный,
Что зиждитель есть ему и что сей премирный.
Всё его ж являет развиваясь, что цветет
И, приятну зелень различая толь, растет.
Все, что, с чувствием дыша, ходит иль летает,
Ползает, или себя, плавая, питает.
Самый из животных, двусоставный человек,
Провождая в мире, миру как бы царь, свой век
И составом дивным всем собственного тела,
Зная сам, что вещь сия не его есть дела,
И союзом оным, дивнейшим еще, ума,
Кой, с тем сопряженный, сведом о себе весьма,
Человек, я говорю, весь являя бога,
Проявляет, что Его и Премудрость многа;
Так что бесконечно совершен есть бог един,
И причина перва к действию вторых всех вин.

Разум, здраво мысль свою внутрь производящий,
И в познании таком достодолжно бдящий,
И не ослепленный грубых заблуждений тьмой,
Весь в природном свете пребывающий с собой,
Гнусными нижé страстьми сердца восхищенный,
Ни пороками, ни злом скотства развращенный,

Не возможет тотчас бога жива не познать,
А безбожных мыслей из среды той не изгнать;
Он понятие в себе божества имеет,
Кое и довольным толь называть он смеет,
Что им познавает совершенств всех существо
И что в нем вседолжно бытность купно естество
Заключает потому, что бог есть превечный;
Что как безначальный сей, так и бесконечный,
Что различен с миром, и не то что вещный свет:
Бог простый, мир сложный купно мог и быть и нет.

О! вы, кои, буйно мчась в дерзости проклятой,
Страхом совести, ниже́ правдою за пя́той,
От святых святого внутренния силы взгляд
Отвращая смело, изрыгаете ваш яд;
Говорите, что сей мир, с чином, с красотою,
Вечен состоит и есть искони собою;
Тьма ль вас прегустая, беззаконий ли всех сласть,
Гордость ли безумна, затвердела ль коя страсть
К утверждению сему побуждает ложну,
И не токмо полну лжи, но и невозможну.
Рассмотрите, можно ли от доводов устоять
И еще упорно лжею адскою зиять;
Можно ль, коль бы вам во мрак слепо ни стремиться,
Чтоб от истинных зарей в том не просветиться:
Разве вы нарочно восхотите затворить
Очи внутрь душевны, света б правды вам не зрить.
Инако преодолеть не́льзя всем предлога,
Кой доказывает вам присносущна бога,
Разного от мира, миру здателя сему,
Всяких благ начало и виновника всему.

Действом ныне вещи суть есть и пребывают,
Но что действом суть теперь, то предполагают
Нечто бывше прежде от превечности всея,
Для действительныя бытности так своея:
Инак иль от Ничего, иль собой предстали.
Может что ж безместней быть, если б вы сказали,
Что Ничто пустое вещи все произвело,
В коем сил и средствий никаких быть не могло?

Как им быть и от себя, всем вельми пресложным
И к небытию притом всячески возможным?
Посему превечно сотворило существо,
В коем не собою не могло быть естество;
И сие ж то обще мы называем богом,
В почитании творца всяческих премногом.

Человечь ум сведом, что он есть и состоит,
Совершенств от смысла многих добрых не таит,
Коих сам в себе тогда ж внутрь не обретает,
Об изрядстве их хотя достоверно знает.
От сего ль не ясно, что не от себя ум есть,
И другой, что должен в бытность оного известь?
Если существо возмог сам себе дать делом,
Без сомнения б уж он, в том господстве смелом,
Понимаемые совершенства дал себе:
С ним никто об оных не был бы отнюдь в борьбе;
Сам же, с большее возмогшь, дать себе ту бытность,
Меньшего б не положил для себя в забытность,
Произвел бы оны совершенства в красоту
И чрез те б умножил собственную высоту.
И когда б ум стал собой, то б не союзился
С телом человечим он: в тело б не вдрузился,
В коем терпит много неспокойств и невыгóд;
С час терпеть бы сии не всхотел, не с век, не с год.
Положите ж: волей сам тот союз имеет,
Как же волею раздрать он уж не умеет?
Человечь ум сделан, следовательно, другим.
Но другой сей здатель, сотворен наш ум каким,
Мог себе дать бытие всячески собою
И своею быть всегда собственно судьбою.
Кто сам быть вседолжно с вечности всея возмог,
Нами тот преславно нарицаемый есть бог.

Всем известно вещество грубых тел тримерных,
Нет о бытности его сцептиков неверных.
В веществе том самом, из которого весь свет,
Праздность токмо грунтом, действенности сроду нет.

От сего я навожу следствие бесспорно,
Что собой стать вещество было непроворно.
Силе изводящей не великой токмо слыть,
Ей притом всемерно бесконечной должно быть:
Тем что от Небытия к Бытию, не пречно,
Расстояние лежит также бесконечно.
Кто когда в едино сводит сей и тот предел,
Надобно, чтоб силу пребезмерну он имел.
Но понеже в веществе и в уме всем точно
Нет причины той отнюдь, прямо и побочно,
По которой делом, из возможных толь вещей,
Многие восстали в бытность из пустых нощей:
Следует, что та вина, в существе беспраздном,
Как всесильном по себе, так от света разном,
Вся есть содержима, кое самый бог и есть,
Всем безбожным людям приуготовляяй месть.

Буде б я был от себя, стал и быть собою,
Что понеже действо есть сущее со мною;
То мой ум, как сведом обо всем, что есть во мне,
Ведал бы, что сделал и себя сам не извне;
Невозможно, чтоб чему бывшая причина
Производствия его ни не знала чина.
И как понимаю явственно весьма сие,
Что во мне не мною сделано есть бытие;
Да и знаю я притом, что Ничто пустое
Не возможет произвесть Существо какое, —
Заключаю твердо, что был некто предо мной,
Кой есть мне зиждитель и предсудствует собой.
Кто других производить в бытие умеет,
Тот конечно от себя оное имеет.
Но сего мы точно богом и творцом зовем,
И по правде са̀мой тварию его слывем.
Тщетно возразили б вы, что нас породили
Всех родители во свет; сих — свои плодили;
Равно так и прочих, дале то ж до без конца,
Всяк из нас имеет особливого отца;
Бесконечный сей возврат, коль он вам ни дивен,
Есть всемерно по себе разуму противен.
Буде нет Начала самобытного того,
То всему быть должно от пустого Ничего.

Что ж безумней утверждать? Видите вы сами:
Я свидетельствуюсь в том всенадежно вами.

Вещество есть праздно, потому не можеть быть
Ни виной движений, ни Началом оных слыть.
Но движению собой также быть не можно:
Свойство б было тем честняй вещи, что есть ложно.
Есть затем Начало, разное от вещества
И совсем другого, нежель оное, родства,
Кое в вещество сие двиги впечатлело
И чрез те обратну быть оному велело.
Ум наш хоть имеет силу в двиг вещь приводить,
Но не мог законов двигам мудрых утвердить.
В способах бы веществу теми различаться
И чрез многи веки толь твердо обращаться.
Всё то полагает, и необходимо, нам,
Что Правитель вышний и безмерный есть в том сам.
Вещество не от ссбя: скажет ли ж кто смело,
Что движение собой собственно и дело?
Двиг есть только свойством в праздном оном веществе,
Случаем бывает оного и в естестве;
Но хотя б и положить — вещество превечно,
О движении сказать нéльзя толь конечно:
Не с природы в оном, ни бывает в нем всегда,
Есть двизатель вольный, точно есть и двиг тогда
С пребыванием сие вечным необходно,
Может явственно всяк зреть, сколько есть несходно,
Ежели ж припадком в двиги вещество пришло,
Сохранить законов долго б оных не могло:
Что припадком в веществе иногда бывает,
То припадком также в нем всё и пропадает.
Посему премудрый некто те уставы дал:
Сей премудрый богом и зовóм от нас быть стал.

Бесконечный вспять возврат есть непонимаем,
Как противный весь уму: то мы утверждаем,

Заключая прямо, что порядок есть причин,
Так что есть меж ними первейший пределов чин.
Например, есть человек самый первый в роде,
А по нем вторый, и так далей в производе.
Но вины вторые, опыт как то учит нас,
Все имеют явно должные границы враз.
Тем граничащу их признают причину,
Благороднейшу себя: та есть бог по чину.

Не простый мир, сложный. От сего как не навесть,
Что не необходно, да случайно оный есть?
Сиречь, мог не быть, и быть неисcчетно разно,
Сверьх, что вещество его по себе есть праздно.
Что в себе случайно, не уставлено быть так,
Чтоб уж быть, конечно, и конечно есть то как.
Следует, что мир вины требовал природно,
Да его так изведет, как самой угодно.
Та есть бог премудрый, всеблагий в нем произвол,
Преисполнен мощи, содевающий Глагол.

Се уж как вам называть вещество всевечным,
А припадок всех вещей здателем вдруг встречным?
Что припадок в деле? Сама суща слепота,
Скудная причина и недостаточна та.
Нет в ней смысла и ума, способов нет прочных,
Ни намерения нет, ни избраний точных.
Не готовит случай и не учреждает он:
Весь беспроизвольный, без искусства с всех сторон.
Словом, никакого в нем совершенства нету,
Самому себе всегда сам он не в примету:
Слеп, глух и бесчувствен, почитай ничто, так хил,
Да и не имущий особливых к действу сил.
Как ему сей произвесть Мир в таком пространстве,
Мир в различии таком и в таком убранстве?
Где не токмо сила бесконечныя вины,
Но и мудрость зрится, но и благость без цены,

Где толика красота, где и чин толь стройный,
Мера, вес, число, округ весь творца достойный.
Всяк, едва на твари с примечанием воззрит,
То творцом премудрым разум свой и озарит.
Если ж кто б сказал ему: сделайте припадок,
Вдруг покажется такой сам и глуп, и гадок.
Кто когда поверит, что Гомеровы стихи,
Кои в «Илиаде», глупости где нет крохи,
Не великим счинены смыслом стихотворца,
Украшений и высот многих толь приборца?
Кто поверить может, что припадок всех букв смесь
В тот привел порядок и союз составил весь?
А прибрав слова к словам и сцепив стопами,
Громогласнейшими толь так воспел стихами?
Пусть в «Энейде» счислил кто-нибудь все буквы сам,
Сколько ж *а, б,* прочих, будет всех и *г*-тов там;
Пусть наделает себе столько ж всех их точно
И в одну смешает их кучку все нарочно.
Пусть потом он кинет совокупно всех из рук,
Чтоб ему «Энейду» сочинить броском тем вдруг.
Верно, что не ляжет враз та «Энейда» прямо.
Пусть же мечет много крат, пусть всю жизнь упрямо:
Не укинет трудник и ни первых всех стишков,
Не укинет токмо и ни маленьких клочков.
А однак припадок тут есть совсем возможный:
Мы в Виргилии уж чтем тех букв ряд неложный.
Без ума быть должно, если так то утверждать
И состав стиховный случаю то отдавать.
Цицерон «Летописéй» Энниевых только
Об одном стишке сказал, не о всех в них столько,
Что не мог припадок сочинить там и того,
А не стихотворства совершенного всего.
Так почто ж безумно толь утверждать о целом,
Благолепотнейшем сем мире, в буйстве смелом,
Что его припадок не нарочно сотворил,
Толь и многим разно совершенством одарил,
Смысл когда и о стихах мнить не попущает
И всемерно верить тем ставших запрещает?

Не стихами только можно доказать все то;
Тысящи прилогов утверждают, а не сто.

Как не зрим органа мы сладостно гудуща,
Иль за за́весом, или́ в темном храме суща,
Можно ль нам подумать, что орган собой поет
И с тремя гласами в сходстве звон осмый дает,
А что то не человек, и еще искусный,
Кой глас то веселый в слух, то влагает грустный?
Так что тот руками не биет там клавитур,
Что согласность, бе́мол делается сам и дур,
И что там не дует тот ни мехо́в ногами,
Но что ме́хи вверьх и вниз движутся те сами?
Можно ль верить дельно, видя самый тот орга́н,
Что состав весь в оном, и что весь его тот стан
Стройно так расположе́н случаем бездумным?
Ненарочным и слепым и совсем безумным?
А однак припало, без предмысливших причин,
Что распорядилось прямо всё в свой должный чин,
Чтоб пищанию тому быть всегда согласну,
И различну без числа, и умильно красну?
Махина органа должный вид себе взяла?
Каждая пристойно трубка место заняла?
И прибравшись меж собой и разбравшись стали,
Да и разныи себе голосы все дали?
Сделали и мехи на низу себе свой путь,
Чтоб им в трубки трубкой, надобно когда, ветр дуть?
Клавиту́ры наверху рядом сочетались
И к закрышечкам ладо́в стрункой привязались,
Чтоб им, опускаясь, крышечки те открывать,
Но не все вдруг, только должно кои подымать;
Словом, весь тот сам орга́н слепо учредился
И нечаянно гласить складно возбудился?
Не безумну ль должно человеку быть сему,
Кои б об орга́не случай утверждал кому?
Тотчас заключает всяк, что то совершенный
Механист и музыкант, кой толь украшенный
Тот орган соделал, прежде вымыслив умом,
А искусством в дело произвед уже потом.

И понеже разум сам, просвещенный чисто,
Рассуждением своим действуя внутрь исто,
Токмо об органе заключает твердо так,
Что ему припадком нéльзя сделаться никак,
То уж вам, о! мудрецы, только ж мудрым мнимо,
Мира здание сие, обще всеми зримо,
С разумом как можно дерзновенно утверждать,
Что оно припадком возмогло в порядок стать?
Можно ль сомневаться впрямь, что свет не всесильным,
Не всемудрым сотворен, не всеизобильным?

Если кто увидит марморный весь истукан
На пустом конечно острове с четырех стран
И давно-давно уже людям не знакомом,
Да и без следов, чтоб он был когда им домом,
Тот необходимо скажет, оный зря кумир:
Тут живал всемерно человечий прежде мир;
Здесь ваятелево зрю мастерское дело
И дивлюсь, коль нежно он вырезал всё тело!
Оказал составы и обратов нежность их;
Выразил искусно в двигах мышицы своих;
Он прицелы различил, купно действий живность;
Он другое всё привел в совершенну дивность;
Наконец, представил живо все в лице черты,
Бодрость, и осанку, и похвальны красоты́!
Сей ответствовал бы что, мните вы, другому,
Кой, в противность бы его мнению такому,
Выговорил смело, что болван не резчико́м
Сделан сей здесь зримый, но припадок ни при ком
Ненароком учинил статуу так власно,
Как бы человек была и тому согласно,
А орудий всяких к делу не приложено́,
Ни из рук художных теми то не кружено́?
Он не назвал ли б того прямо сумасбродом,
Иль из глупых всех людей страннейшим уродом?
Толь еще и паче поносил его б в укор,
Слыша так твердяща, что та камня часть, от гор
Отделившись, там собой сделалась толь стро́йно;
Истуканом от себя, как ей быть пристойно.
И что буйны вихри, подхвативши оный вдруг,

Понесли так бурей, а принесши в сей округ,
Здесь поставили его на подстав сей плотно,
Так что никакой руке не было работно;
И конечно зная, что то быть не может быль
И что все те речи только пустота иль пыль.
Бельведерский Аполлин и Венера славна,
Медицейской что слывет, в статуах как главна;
Наконец, фарнезский оный дивный Геркулес,
Статуа и Веры, кою Петр в свой сад привез,
Без искусныя руки и не заложились,
А не то чтоб сами все дивно совершились.
Как же, по примеру, можем вам мы отвечать,
Кои дерзновенно не стыдитесь так кричать,
Что припадком весь сей свет и собою стался,
А премудрым он никем в чин не созидался?
Буде есть хоть капля разума природно в вас,
То вам должно вскоре переменить нелепый глас
И от сердца признавать бога купно с нами,
Коему незриму быть нéльзя всеми вами:
Всяка тварь во свете проявляет вам его,
Кажет всё, что стало бытием от самого.
Ибо утвердить чего нéльзя о кумире,
Как возможно то с умом говорить о Мире?

Напоследок: буде некто обходя везде
В любопытстве хвальном, на стене усмотрит где
Преизрядную во всем живопись картины,
Мечущиеся в глаза с своея холстины, —
Я кладу, на коей проведение людей
Всех израилетских по пучине без ладей
Моисеем иногда, написал художник,
Славный в мастерстве своем том трудоположник.
Там одних увидит, в радости по глубине
Шествующих сонмом и на самом бездны дне
Воздевающих к творцу в выспренняя руки,
От египетския их спасшему всех муки,
И благодарящих за избаву ту себе,
Бывших прежде в лютой у мучителей гоньбе;
Но с другой там стороны узрит он тристатов
Фараона самого, всех же супостатов,
Колесницы, коней и всё войско без числа,
Гнавшее за теми, но пришедшее до зла

Потопления в водах и затем всех в страхе,
Видящих, что волны их поглощают в махе.
Скажет ли тот некто, живопись сию смотря,
А художникова имени при том не зря,
Что вальком то полотно прачка поражавши,
И из оного всю грязь при реке где жавши,
Вдруг там усмотрела, что собою краски все
Прибрались различно, да и в самом том часе
Лица вмиг на полотне те изобразили,
Тень и свет в местах своих чинно союзили;
Словом, все что может живописец учредить,
Чтоб ему картину совершенством расцветить?
Если б наша пря была, силы ж не в премене,
Об одной явленной там в конской морде пене,
Коя ненарочным случаем произошла
И себе в вид сходство надлежащее нашла,
То б возмог признать и сам делом я возможным,
Вероятным потому и затем неложным,
Что там живописец с сердца кистию тряхнул,
Коею он краски преизлишно зачерпнул
И чрез то однажды в жизнь, самому на диво,
Конскую изобразить пену смог и живо.
Как то повествуют, что Родийский Протоген
Пены только псовы не возмог, коль не вперен,
На картине написать, где изображенный
Был Иáлис и со псом, — чем вот раздраженный,
Бросил с гнева губку, коей краски он стирал,
А броском не токмо живописства не смарал,
Но еще впрямь изразил ону пену чудно,
Кою мастерством ему сделать было трудно.
Пен же ль сих примером заключить возможно нам,
Что сей мир припадком так же сделаться мог сам?
Коль различно то с другим! Краски уж составил
Живописец сам себе, лица все представил,
Пеночки он только не возмог там написать,
Как ему хотелось, чтоб ту живо показать.
Пенку посему одну там свершил припадок,
Коя от искусных уж начата догадок:
Но картину ль целу без всего свершить он мог,
Как всегда бессмыслен и всегда во всем убог?

И от целой далека той картинки пена,
А с огромным миром всем нет в ней ни примена!

Что уже оскудно к доказанию вообще
Бога суща, жива и зиждителя еще?
Что к разгнанию в вас тьмы? Мрака что густого?
Что нечестия? Что — лжи? Мнения пустого?
Кой есть недостаток, просветиться б вам лучом?
Все уж плетни ваши правды ссечены мечом.
Что вам надобно ко всей ясности о боге,
Чтоб уж больше не стоять в ложном толь подлоге?
Как и быть в упрямстве блядословствуя всё тож,
Тварь что самозданна? видите вы всю в том ложь.
Перестаньте: полно вам в бреде утверждаться
И мечтами, как вещьми, мнимо услаждаться;
Вымышлять доводы, а о твердости сих всех
Не радеть нимало, не хотеть лжи видеть в тех.
Токмо говорить на ветр басни толь злобожны,
Басни нечестивы толь, да и невозможны;
Иль неистовствовать прямо в обществе боясь
И по-змийски хитро в мнениях своих таясь,
Утверждать, что бог хоть есть, но не промышляет
И создание свое просто оставляет.
Мнение такое с первых по всему одно,
То нам в Эпикуре хитрость ведома давно:
Кто не хочет в боге знать действа ни едина,
Самым тем не признает свету господина.
Существительное свойство отрицая так,
Существа самого не приемлет тот никак
Он духовну божеству образ причитает
Человеческий и взор; паки отметает
Сим премирна бога, неописанна притом,
Признавая только лицемерствующим ртом.
И Спиноза поступил хитростию ж в слове,
А от эпикурской в вид как иною внове.
По его: не можно существу другое здать,
Следственно, собою должно зданиям всем стать.
Не хотя, за *сласти* речь, быть эпикуристом,
Стал злобожнейшим еще жид сей пантеистом.
Что ж всесовершенну помешает существу
Быть творцом другому, но в границах, естеству?

Бесконечное во всем совершенство, силы
Тварей к зданию других не творил ведь гнилы:
Исключает равных, но неравных всех себе
Произвесть бог мощен, по своей благой судьбе.
Долго ль блядословить вам? Наше слово твердо.
Бог вас сам да просветит правдой милосердо!

Извини, Евсевий, устремление мое,
Что, начертавая к другу я письмо сие,
К атеистам обратил дело в ней и речи,
А тебя вдруг судией сделал после встречи.
Ты, как благосклонный, в дружестве отнюдь не льстив,
К богу ж весь усерден и к нему благочестив,
По приятству не причтешь мне сего в погрешность.
Зря на внутренность мою, не чинов на внешность.
Свел борьбу я с теми, кои бога быть не мнят
Иль, чтоб был зиждитель миру, всяко не хотят.
Пред собой представил их, въявь изображая
И как прямо и в лице истиной сражая.
Видел ты, как зритель, что стоять не можно им
И что должно бога людям признавать таким.
Чем еще я не могу доказать им бога?
Что не объясняет нам твердого предлога?
Существа такого разум наш в идее зрит,
Что преки идеа оному та не творит,
И как он собою нам тож изобразует,
Так и целость мира вся равно показует:
Чин и строй являют вышня существа извол
И в животных разный, мужеский и женский, пол.
Роды всех веков и мест, коль они друг другу
Ни противны по себе и страны по кругу;
Сколько ни отменны в нравах, в склонностях своих,
Коль ни различает собственное свойство их,
Все однак согласны в том, чтоб сердец внутрь к богу
Почитание иметь, объявлять честь многу
Оному снаружи действием покорства в вид
И его звать в помощь от напастей и обид.
Кто ни станет где из стран, всюду он обрящет
Богу посвященных слуг, жертвенники срящет,

Узрит купно жертвы, храмы, празднований ряд
И великолепный, по богатству там, обряд.
Служба всюду божеству, страх повсюду божий;
Каждый человек с другим в чувствии сем схожий.
Неспособны ведать будущу себе судьбу,
Умилостивляют бога чрез свою мольбу;
Под его покровом быть, да и без наветов,
Коих не приносят где божеству обетов?
Печатлеют сею преверьховною они
Властию союзы обществ разных искони;
Обещания присяг ею утверждают,
Ей в казнь оставляют злых, коих проклинают.
В особливых нуждах, в сочетаниях, в пути,
В скорби, иль в печали каковы кто мог прийти,
В бедствия ль попал, в том всем божество зовется,
Да пособство от него вскоре низведется.
Начинают богом и окончавают пир;
Божеством воюют, божеством и славят мир.
Нет строений, нет отнюдь предприятий важных;
Купли, ни товаров нет без того продажных.
Словом, ни малейших, в обществе полезных, дел,
Чтоб без бога оны начинать когда был смел.
Слава ж за успех всегда, с чувствием природным,
Восписуется ему гласом всенародным,
Купно благодарством и приносом предрагих
Всяческих корыстей, полученных от других.
Хоть бы любопытен был кто-нибудь без меры,
В грунте разностей сея он не узрит веры.
Общего толико, неразрывного нигде
И единовидна сходствия сего везде,
Польза ни страстей, ниже́ умствований ложных
Мнима твердость, и ни власть некоих вельможных
В слабость, в разность мнений, не могли никак привесть:
Всюду отдается божеству вседолжна честь.
Отчего ж сие взялось сходствие толико
В людях, коих есть число в свете превелико,
Как не от начала внутреннейшего того,
Кое человека частию есть самого?
Как и не от чувства внутрь в сердце положенна
И создателем его в том изображенна?

И как не от первых самых тех преданий след,
Столько ж точно древних, сколько есть и самый свет?

Веру, бога быть, к тому ж са́ма безопасность
Утверждает, как трубы громка велегласность;
Положив, что бога и зиждителя всему
Нет и не бывало, вера наша, посему,
Утверждающая быть, ложна непреречно.
Правосудный кто ж за ложь показнит нас вечно?
Но противну веру положа во лжи теперь,
К милости всемерно заключается уж дверь.
Мнит та вера: бога нет, кой есть пребываяй;
Ясно, веруяй не быть, так и утверждаяй,
Восприимет казни за лжесловие и лесть:
Бог, кой правосудный, не отмстит ли, ибо есть?

Есть всеведый! Всеблагий! Есть бог всемогущий!
Без начала, без конца, есть везде присущий!
Есть бог, о! Евсевий: всяка проявляет тварь,
Что он есть создатель и верьховный мира царь.

ЭПИСТОЛА II

По доказании первою эпистолою божиего бытия известными доводами из самых метафизических внутренностей, рассуждается в сей второй во-первых, что хотя и многии находятся приобыкшии к тонкостям метафизическим, однако немало и таких, которым помянутые доказательства не без трудности будет уразумевать. Чего ради, чтоб и сим последним ту ж истину показать непреоборимо и ясно, восприемлется намерение доказывать оную по премудрым зиждителевым намерениям, или намеренным концам каждыя вещи во всем естестве, на что не должно уже употреблять великую тонкость понятия, но токмо един простый взор на все вещи доволен, соединенный однако с некоторым общим рассуждением и с прилежностию к рассмотрению вещей. Потом начинается дело описанием необъятныя огромности всего света. Рассматриваются обыкновенные четыре стихии, коих по рассмотрении исследываются небесные светила. Всё сие бесчувственное вещество по-всему ясно по-

казует премудрость, благость и всемогущество создавшего. Напоследок, самый движения устав в планетах, как то он есть непременный, являет премудрого законодавца, а великолепие небес проповедует зиждителево величие.

Вообще, что утвердил и в веки утверждаю,
В особности о том теперь здесь рассуждаю.
Не всякому легки довóды, признаю,
Читающему ту эпистолу мою.
Но твой, Евсевий, смысл толико просвещенный
От тонкости вещей не мог быть воспященный:
Ты, мню, употребил природну остроту,
Проник во глубину, взлетел на высоту.
И, распростершись там, объял собой пространность,
А тем и твердость их, и видел всю избранность.
Довольны для тебя тебе ум показал;
Не сомневаюсь я, ты ж словом то ж сказал.
Однак, как вéсно мне, другим то всё собщаешь,
Что истинным себе и твердым ощущаешь.
Но всяк ли из других тебе подобен есть,
Хотя и многим в том я отдаю всю честь?
Поистине из них не все с тобою равны
И быть не возмогли рассудком толь исправны,
Ни столько ж о вещах понятия иметь,
Чтоб вещи без труда им суще разуметь.
Для сих теперь пойду гладчайшею стезею
И поведу с собой их к той же правде ею.
Всем слáбейшим в себе способнейша она
И точно для таких давно проложена,
Но равно приведет к создателю и к богу,
Как и идущих всех в ту первую дорогу.
На весь чин естества вперяя внешний глаз,
Представлю ону внутрь я божества показ.
Такая мудрость всем всегда есть не закрыта,
Да разве от страстей в жар может быть забыта.
Едва кто всех вещей воззрил на всяк конец,
Не может не узреть, что их премудр творец,
Что купно он всеблаг, что всемогущ, строитель
И есть он по судьбам своим всему правитель.

Не долг уж тонку быть вещей зря на убор,
Единственно простый доволен токмо взор,
При чем однак всегда потребна есть прилежность,
Не та ж, от коей прочь бежит роскошна нежность,
Но некая, с какой возможет каждый вдруг
Приметить, как его и всё объемлет круг.

Воззрим сначала мы на всю огромность света,
На весь округ его, достигнет сколь примета.
Воззрим на дол земли, на коей мы живем,
По коей ходим все, где смертными слывем.
Воззрим выспрь к небесам на толь далеки своды,
Которы кровом нам чрез толь премноги годы.
Воззрим на полноту и воздуха и вод;
Сей окружает нас вещей отвсюду род.
Воззрим мы, наконец, на звезды, на светила
И узрим, что зарей сих неисчетна сила.

Не рассуждаяй всяк чрез жизнь свою о сих,
Здесь мыслит о вещах единственно таких,
Которы, суть к нему иль ближе, иль на нужды
Зрит кои быть себе потребны и не чужды.
Он из всея Земли ту знает токмо часть,
На коей дом его и где ему вся власть.
Сей знает по тому о солнце и с зарями,
Что от него светло ему бывает днями;
Так равно, как себе, во мраке и в нощи́,
Он получает свет довольный от свещи;
Его мысль за места, на коих пребывает
И ходит он куда, отнюдь не залетает.
Но каждый человек, обыкший рассуждать
И разбирая всё о правде утверждать,
Иль отрицать ему покажется что ложным,
Невероятным что или и невозможным,
Весь простирает вдаль в себе сам помысл свой
И тщится рассмотреть и все познать собой
Те виды, что его отвсюду окружают,
Различием себя несчетно размножают
И зрятся пребывать в пространстве вкруг таком,
Которого конец ни мыслям не знаком.
Не может он тогда пространнейшего царства,

Без равного во всей вселенной государства,
Не положить в уме за малый уголок
Обширныя Земли; а Землю всю за клок
Или за облачко во всем пространстве круга.
Дивится, зря себя и зря подобна друга,
Что жителем он с ним находится на ней,
Старается понять, в мир как введен есть сей.
В том восклицает: кто сие всё, что поемлю,
Создал? и на водáх кто всю повесил Землю?
Заклепы кто ее толь твердо положил?
И кто водами ж ту отвсюду окружил?

Когда б Земля была везде претвердый камень,
Не можно б было уж, нижé чрез сильный пламень,
Терзать ее отвне и в недра к ней входить:
Нам сеять бы нельзя, а ей бы клас родить.
Но если б вещество в ней мягче некак было,
Иль только б что песок и сыпко также плыло,
То не могла б она носить поверьх людей,
Нельзя б и никаким быть тягостям на ней:
Повсюду б мы в нее и грузы б все тонули,
Когда б произошли, тогда ж мы б и гонзнули.
Се ж равномерна в том есть обоем она,
Притом и всех выгóд та мать есть нам одна.
Сокровища свои нам все она собщает
И грязь и пыль свою в богатство превращает.
Приемлет на себя несметно разный вид,
Творя, чтоб всюду быть на ней нам без обид.
Земля нам подает чего мы ни желаем,
Как всё что нужно есть, так мы и чем играем.
Болотна где она и также где пуста,
Где непроходны суть от дебрей в ней места, —
Всё пременяет то и скоро и чудесно,
И делает уж там видение прелестно:
То с полем зрятся луг и сочная трава,
То цвéты и плоды, то рощи и древа.
Везде являет та всем только что доброты,
На жителей своих премноги лья щедроты.
Всегда она к ним всем и по всему добра
И так, что описать есть трудно, коль щедра;
Источника ее, обильного не ложно,

Исчерпать никогда и никому не можно:
Утробу мы ее терзаем болей чем,
Богатства больше нам она приносит тем;
Не стареется вся, ни убывая тлеет,
Всегда млада в себе и бодрость всю имеет.
Все чезнет из нее, под старость всяк в нас хил,
Едина токмо та вся не теряет сил:
При каждой и весне в жизнь будто воскресает,
В чем дух и есть в чем раст, от пагуб то спасает.
Обилен человек так от нее всегда,
Что недостатка нет ни в чем ему когда.
От лености его приходит недостаток,
Как к деланию той в нем труд бывает краток;
Нетщание людей причина пустоты,
И терний, и волчцов, и гнусны наготы.
Еще ту пустошат и кроволитны брани,
Отъемлются когда чужие сильно грани,
А вместо чтоб ее доброте споспешить,
Кровь тем людей смогла и весь тук иссушить:
Един сей плод всегда от славных всех героев,
От действий громких тех и от несчетных воев.
Полезней людям всем оратай и пастух,
Неж вознесенный тот граблений лютых дух:
Герой всяк для себя, и то с чужим, воюет,
Да всех земли делец трудясь, себе горюет.
О! коль плодов, когда б престали быть бойцы,
А токмо б нежил всяк своих земель концы!
Но лютая уже, оружий толь обильных,
Вражда воюет в казнь за все неправды сильных!
Порокам и страстям отверзла та ж врата,
Отнеле же во всех погибла простота!

Неравности Земли быть мнятся не услужны,
Но те к ее красе, а к пользе нашей нужны.
Где идут гор хребты, долины стольки ж там,
На пищу в них трава преславная скотам.
За ними вкруг поля и нив бразды желтеют,
Богатых класы жатв волнуются и спеют.
С одной страны их край и цветен и травист,
И древом плодовит, и духом здрав и чист;
С другой — верьхи свои до облак взносят горы,

Дивят нас высотой, увеселяя взоры.
Расселин дичь и всех в них каменистых гряд
Взнесенну землю ту в свой утверждает ряд,
Подобно как крепят нас кости внутрь и жилы,
И твердость придают, приводят нас и в силы:
Дичь тягость держит там ужасных тех громад,
Сцепляет их перед между собой и зад.
Различие сие всю Землю украшает
И совокупно нам при нуждах споспешает:
Убежище в вертеп от зноя и дождей,
Убежище на холм от наглости людей.

Во всей вселенной нет, ниже́ едины, нивы,
Без некоих доброт, когда мы не ленивы.
Не только долы те, не только чернозем,
Но и болотный низ, но и пески по сем
Оратаю за труд мзду воздают напольну,
Пшеницу принося на сжатие довольну.
Болото всё когда осушится трудом,
По тучности внутри, роскошствует плодом.
В безмерну глубину песков нигде нет в свете:
Когда делец земель в одном очистит лете
Всю землю под песком, лежащу впусте там,
И силу солнца даст очищенным местам,
То на другое он, как пойдет полосами,
Увидит весь тот грунт играющ колосами.
Удо́бренный чредом кряж всякий мест пустых
Не хуже будет сам плодами нив густых.
Но токмо принесет, что изращать способен:
Грунт на пшеницу есть, грунт на ячмень особен.
Среди расселин гор, на каменных горах
Бывает пажить так добра, как и в борах.
Есть скважины и там, чтоб солнцу в них лучами
Проникнуть и чтоб быть испарине ночами.
Сим способом оно, смягчая твердый бок
И растворяя в нем сгустелый хладом сок,
Там производит корм и паству летобытну,
Которая творит собой скотину сытну.
Непроходима дебрь, неплодна с века степь,
Лежит ли в знойных та, в краях ли мразных цепь, —
Родят, как книги нам знать подают учебны,

То сладкии плоды, то зелия врачебны,
Которых инде нет в обильнейших местах,
Иль недостаток там великий в тех кустах.
Всё есть, но не во всех землях, что людям нужно!
Не явно ль хощет бог нам меж собой жить дружно?
Не сим ли нас всхотел к собщению привесть,
Дабы взаимно брать кому в чем нужда есть?
Се нужда, коих край далекий разделяет,
Тех в общество одно путем совокупляет:
Без ней не знать бы нам людей Земли всея,
Нижé б за океан шла дерзка ладия.

Земля из недр своих всё что ни произносит,
По времени она в себя назад то просит:
От целости оно испарь уже своей,
И ноя, свой возврат творит опять внутрь к ней.
Во внутренностях там, побыв чрез должно время,
От семени потом несет плодов к нам бремя.
Предивен есть весьма сей непрестанный круг:
Земля что нам ни даст, в себя ж приемлет вдруг,
Приемлет, но затем, чтоб нам подать то паки,
А как подать? О! чин, из сгнивших свежи злаки,
Из всех уж как совсем умерших тех родов
В десятерицу к нам шлет более плодов.
Питающийся скот весь от земных имений,
Происходящих вновь от престарелых тлений,
Питает землю сам изверженным своим
И помощь подает к обилию он сим.
Земля ж то нам дарит, то вземлет всё обратно,
То паки к нам несет сугубя многократно,
И никогда ни в чем не может оскудеть,
Лишения чтоб нам ни в чем же не иметь.
Исходит из ее обильно всё утробы
И так же входит всё к ней внутрь, как будто в гробы.
Зерно в нее вложи — от одного зерна,
Как любяща мать чад, даст десять зерн она.
Разверзи чресла в ней — обрящешь камни, злато,
Обрящешь мармор внутрь на здание богато,
Железо, медь, свинец и с оловом сребро,
Обрящешь и других сокровищ в ней добро.

Кто ж скрыл в нее то всё толикое богатство?
Кто умножает в ней сие всё толь изрядство,
Что нельзя никогда, колико ни тощить,
В ней скрытого всего конечно истощить?
Кого не удивит на всё сие смотряща,
И как и что земля обильно есть родяща?
Не пищу человек одну себе от ней
И помощь от недуг всех получает сей.
Коль многи корни суть! колики трав всех роды!
Коль неисчетны их доброты и пригоды!
Коль благовонных тех в различии цветов!
Коль сладостнейших мы вкушаем и плодов!

Как на дремучий лес по случаю взираем,
За старость сверсным мы тот миру полагаем:
Древес всех корни в нем, все ж углубившись к дну,
В безмерную почти спустились глубину:
Сплетением своим, потом же и длиною,
Как держит корень всяк всё дерево собою
И не дает ему от сильных ветров пасть,
Чтоб падшему не сгнить и вскоре не пропасть;
Так равно тем же он и ищет под землею
Пристойных соков там, а трубкою своею
Втянув в себя внизу, шлет в верьх те до вершин
Не на четвéрть одну, ни на один аршин.
Предивный механизм сей в жилках всяка листа
Предивного всем нам являет механиста!
Но и радящий сей в строителе совет,
Что на листах вобще зеленый токмо цвет,
Сей зрению очей цвет наших споспешает,
Те ж более, неж взор, собою утешает.
По той причине, сей к листам цвет предызбран,
Зеленый зрим всегда с обеих листа стран.
А зелень кто ж одну, которая толь слична,
Исчислит, коль есть та, по зелени, различна?
Распростирает сок все ветви в вышину
И в широту собой, и также в толщину.
Но дередуб от стуж и жара защититься,
Или б от сильных тех в себе не повредиться,
Корой одето всё от низа до верьха.

И сим же отрасль в нем есть кажда не суха:
Идущий сок наверьх, по внутренности в древе,
Содержится корой в нем равно как во чреве;
Иль сердце в древе том ему реке как ров,
А оная кора вкруг вместо берегов.
Раскинувшись на все страны древа суками
И сделавшись чрез то как некими шатрами,
От зною подают прохладную нам сень,
А птицам на отдох насести в оных лень.
Что ж вещество дерев горит огнем природно,
То нас зимою греть весьма оно пригодно
И теплоту хранить естественную в нас
Печальныя зимы в трескучий самый мраз.

О! промысл, стужа где несноснейше ярится,
В тех более странах густых лесов и зрится.
Не токмо ж тем одним лес служит нам сперва,
Что получать бы в нем на топку всем дрова,
Но вещество дубрав, хоть твердо есть и тельно,
Выделываем всяк вид из того мы цельно:
Мы делаем из древ себе в жилище дом
И строим ладии и корабли притом,
А красный взору сад, плодом обремененный,
Тем самым есть на низ довольно наклоненный,
Чтоб, как нарочно, он плод подносил свой в дар,
Пока тот свеж и спел, и вкусен, и не стар.
Между тем в дол земный плоды те упадая,
У матери ж земли на лоне согнивая,
От семени опять свой оживляют род
И умножают тот на следующий год.
Всё примет что земля, в себе так сохраняет,
Что, пременяя то, себя не пременяет!

Прилежно рассуждай, Евсевий, и внемли,
Что вся земля собой и всё, что из земли,
И что растет на ней, и коль же всё богатно
И как то тлеет всё, выходит и возвратно,
И сколько пользы нам бывает из всего,
Показывает всем сотворша самого,
Что он премудр, всеблаг, что всемогущ и силен,
Что по судьбе своей нас всем снабдить обилен,

Что обо всех из нас печется, наконец,
И что премилосерд нам в истине отец.

К другой уж обрати стихии взор со мною,
Которую зовем по-нашему водою,
Прозрачен жидкий сей и зыбок есть состав,
Имеет он себе особенный устав:
С одной страны течет и быстро уплывает,
С другой — во все себя он виды изгибает,
Обходят кои вне с сторон весь тот кругом,
А нет ни одного в нем образа самом.

Когда б вода была пожиже и не сдобна,
То б сделалась она вся воздуху подобна.
Везде б иссохла уж в бесплодности земля,
Животных бы на ней сразила обща тля.
Одним бы разве жить возможно было птицам,
А человечим всем погибнуть бы долг лицам.
Жилища б не нашлось и рыбам уж нигде,
Съезжаться б не могли взаимно мы везде.

Кто ж густу сотворил толь равномерно воду?
Кто жидких в свете двух составов сих разводу
Дал меру, их между собою различив,
И в обоем конец намерный получив?
Хотя б немного быть воде в себе пожиже,
Уже б она, что к нам принадлежит всем ближе,
Великих тех судов сдержать не возмогла
И мала б тягость к дну, вдруг погружаясь, шла.
Кто учредил так в чин те две стихии точно
И дал составы им различныи нарочно?
Кто воду так создал, что жидкость, быстрина,
Да и прозрачность в ней до самого есть дна?
Кто, твердости в себе отнюдь ту не имущу,
А бремена поднять огромные могущу?
Помысли, сколько нам послушна есть вода:
Мы можем ону взвесть в прилежности труда,
На превысокий холм горы с сторон крутыя,
Откуду ток ее, тем образом взнятыя,
Спускаем и велим ей так вниз упадать,
Чтоб в стольку ж высоту самой ей возлетать,

Со сколькия на низ мы оную пустили
И, разводя концы, тем под гребло сводили.
Но человек хоть так и властен над водой,
Однако больше сил пред ним есть в ней самой:
Что движется, того вода всего сильняе.
Не может быть, как мню, сего ничто дивняе,
Что сила óна вся испытана ея
Есть человеку так, как собственна своя:
На пользу он себе той так повелевает,
Что всяку тягость тем, и скоро, премогает.
Прибавь, на всякий смрад, на всю нечистоту,
Да смоются они, употребляем ту:
Водою иногда всё омываем тело,
Но частее лице, от сна встая на дело;
Полощем ею мы, как нагорят, уста,
Разводим ею ж смесь, которая густа;
Премного от воды пособия имеем,
Чрез соки и в плодах мы воду ж разумеем.

Хоть жидко вся вода исперва потекла,
Однак она весьма по весу тяжела.
И в тяжести своей, вздымаясь вверьх, над нами
Огромными висит преиспещренно днами.
Воззри на облака: о! чудо из чудес,
Как ветров на крилах летают у небес,
А в тяжести такой на низ не упадают,
Да только друга друг, сливаясь там, сретают?
Когда б столпами те на низ упали враз,
То б потопили край весь тот земли у нас
И, потопляя так, упали б вдруг недаром,
Но повредили б всю ту землю тем ударом,
А прочих бы частей край сделался высок
И принял бы за тук как сухость, так песок.
Чья ж держит их рука на воздухе висящи,
А каплями весь низ в потребности росящи?
И отчего то, где почти дождя нет в год,
Там сильный толь росы бывает ночью род,
Что сливным как дождем всю землю наводняет
И жаждущия сушь обильно напояет?
Египетскому кто так Нилу повелел,
Чтоб разливался он в назначенный предел?

И на землях, собой там омоченных, тину
По стоке в берега тот оставлял едину?
Строения сего что может дивней быть,
Бесплодием везде дабы землям не ныть?
Не токмо жажда в нас всех гасится водою,
Но и земли всяк кряж сухой поится тою.
Тещи пустил водам премудрый всех творец
От края по земле на самый в ней конец,
Подобно как в саду, особенном и малом,
Пускается та вкруг ископанным каналом.
Ключи гремящи, вниз с крутых стекая гор,
Наш поражая слух, а веселя тем взор,
Сбираются внизу в разложистой долине,
Способно где уж пить возможно есть скотине.
Протекши реки близ градов и по полям,
Струями в быстрине стремятся уж к морям.

Великий Океан — дивлюсь, как то поемлю, —
Объемлющий вокруг и нáполы всю землю,
Так разлился собой как будто для того,
Чтоб разделиться ввек Земле всей от него,
Но напротив мы зрим, то способ сокращенный,
Чтоб меж собой весь род был человеч собщенный.
От края человек не мог без моря в край
Земли дойти по свой, толь скоро, нужный пай.
Потребностей всегда б премногих тем лишался,
Ни с дальними б людьми, за трудностьми, собщался:
Единым сим путем есть найден Новый свет,
К Америке пловцам лег океаном след,
Из коея богатств мы много получаем,
А инде таковых найти себе не чаем;
Взаимно ж мы туда привозим и свои
И также богатúм те нашими краи.
Разлитием своим вода в земном сем круге
В подобном действе есть и в равной же услуге,
Как в теле нашем кровь, кружащая всегда,
И не могуща в нем без крайня стать вреда.
Но сверх ее притом кружания обычна,
Как тих ведуща ток, так шумом инде звучна,
Урочный ко брегам прилив есть от пучин
И от брегов отлив в известный час и чин.

Я действию сему вины не предлагаю:
Довольно с нас, что есть то так, как утверждаю.
Премудрости того и власти я дивлюсь
И от него, смотря на всё, не удалюсь,
Который в таковом порядке то приводит
И в равном же назад отливы те отводит.
Движения воде немного болей дать,
То от вреда сего Земле б всей пропадать:
Производила б та чрез нагло быстры сопы
Повсюдны почитай поверьх земли потопы.
Кто ж меру дал тому? Кто чин сей учредил?
Границей Океан кто твердой оградил,
За кою преступить он никогда не смеет,
Хоть грозно иногда волна́ми сам и вреет?

Текущая вода зимой кристалл тверд есть
И может без плотов все бремена понесть.
Но гор верьхи лучам хоть солнечным открыты,
Во всяко время льдом и снегом зрятся сыты.
С них в напряженный зной течет шумящий ток
И, чистясь по кремням, стекает в дол глубок:
Тем пажити поит и производит реки,
Влекущие струю к морям в концы далеки.
Здесь вся пресна вода и здрава к питию,
Тут растворила соль, и круто уж сию.
Однак для пользы ж нам, для нашей и выго́ды,
Мы солию крепим сладя всех ядей роды.
Всё что вода, и как вся действует она,
И сколько есть притом по действию сильна,
Провозвещает всем повсюду велегласно,
Что в естестве вещей она есть не напрасно.
Но возвожду как выспрь мои глаза и зрю
Там плавающих вод громады, говорю,
Что, рассуждая так и здраво и набо́жно,
Всем надивиться нам тому отнюдь не можно.
О! промысла сего премудр толико строй:
Повесил воду он, в вид грозно надо мной,
Не в том, чтоб здесь меня так придавить мог ею,
Но сыростию ей и влагою своею
Чтоб в мерность воздух весь вокруг нас приводить,
Чтоб на землю еще по временам дождить

И чтоб зной прохлаждать лучей толь раскаленный,
Который должен быть всегда в ней преломленный.

Оставим водный род; на воздух уж воззрим:
О благости творца и в нем поговорим.
Пространнее воды и также есть он жиже,
От нас вод естества и далее и ближе;
Нас окружает всех собой со всех сторон,
Разверст и до высот почти безмерных он.
Всегда в нем трех родов находятся частицы:
Эфир, тончайши те пылинки и крупицы,
Пары, а сии все суть сродственны воде,
В величине своей различны там везде;
Курения, извнутрь земли происходящи,
Сгустевши ж, разны в нем метéоры плодящи;
Элéктрических сил особо ль вещество,
Иль трением, в том спор, родит их естество.
Весь воздух тонок, чист и так есть проницаем,
Что шлемый от планет легко свет созерцаем,
Поставленных от нас в ужасной вышине,
А шлют лучи свои в мгновение оне.
Однак в себе упруг, как сжатый он стеснится,
Но то, что жмет, лишь прочь — тотчас распространится;
Притом тяжел и сам: с верьхов в своем котле
И равно со сторон всё давит он к земле.

Когда б тончае был состав сей хоть немного,
Сияние планет к нам шло б в лучах убого:
Мы получали б тем себе примрачный свет,
Который бы всегда не ясен был, но блед.
Когда ж бы гуще был наш воздух и сыряе,
То б задыхаться нам чрез то пришло скоряе.
Как в тине б мы какой уж углебали в нем,
Страдали ж бы то зло и нощию и днем,
Два б тем произошли нам пагубные бедства,
От густоты одной и от ее последства.
Кто ж воздух весь привел в умеренность сию,
Что продолжаем в нем, дыша тем, жизнь свою?
Какая сильна власть в нем бури ободряет
И буйность оных всю способно усмиряет?

Волнений всех морских не можно уж сравнить
С дыханием от бурь, ни к сим тех применить:
Волнение в морях есть следство ветров сильных
И наглых тех погод и вихрей неумильных.
В сокровищах каких все ветры взяты суть,
С четырех коим стран повелено здесь дуть?
От севера на юг, от запада к востоку
Вращаться и впреки по кругу дуя сбоку?
Повелено притом весь воздух очищать
Во всяки времена и оному собщать
Расположений чин в частицах по природе,
Дабы всегда нам быть в приятнейшей выгоде?
Кто утоляет в них и лютости зимы?
Небесны виды кто, на кои зрели мы,
В мгновение одно по бе́гам пременяет,
Разносит облака и оны съединяет?
И кто отъемлет свет чрез тучи влаги в знак
И свет нам отдает, вдруг разгоняя мрак?
Суть ветры на морях, уж ныне нам известных,
Которы длятся там, как бы в границах местных,
Чрез несколько не дней, но месяцов самих,
Сменяемы потом на столько ж от других.
Не промысл ли есть в сем, для плаваний податных,
Чрез полгода в страну, чрез столько ж вспять обратных?
Когда б те возмогли, случилось коим плыть,
Коль постоянен ветр, толь терпеливы быть,
То б далей ход морский произвели пловущи
И болей бы плода везли назад идущи.

Посмотрим и на огнь, в дневном светиле кой
Пылает, подая вселенной всей луч свой.
И возведем еще мы любопытны взоры
На дыщущи огнем и пламенисты горы.
Питаясь сей огонь в них серой от земли,
Таится прежде внутрь земного лона в тли,
Приумножает там сил остроту преяру
И пребывает в нем без всяких искр и жару,
Пока, столкнувшись с ним, других тел тверд укрух
Ударом тем его не взбудит вспыхнуть вдруг.

Огонь сей, естеству единому известный,
Зиждителем зажжен и скрыт как в ров кой тесный
Бездвижностию там покой его таит;
Тем к сферам выспрь огней, хоть быстрый, не парит,
Начало где его и собственно родство
И где исток ему и перво существо;
Так укрывает он там род свой погребенный;
Но сшибкою когда бывает устремленный,
То вспархивает светл из гроба своего,
Бессмертныя души как образ от того.

Но мы и грозным сим составом овладели,
Как спéрва о своих потребностях радели:
Употребляем огнь мы в нашу пользу весь,
Преобораем тем вещей упрямство днесь;
Тончим в них грубу часть, ничтожим праздну дивно
И побеждаем тем, что нам есть сопротивно.
Умеет человек им твердость умягчать
И мягкость иногда огнем ожесточать.
Возжегши дров костер, себя он жаром греет,
Как удаленный луч греть силы не имеет.
Всё поглощает сей возжженный так огонь,
Ничто уж от его не ýйдет в бег погонь;
Он разливает свой, как крилами, весь пламень,
Проникнет и в крушец и в твердый самый камень.
Так, проницая, огнь иное пепелит,
Иное ж, проходя, совсем не попалит;
Другое только тем на части раздробляет,
С того, очистив грязь, в цвет паки поновляет.
Пришедшим в слабость нам огнь силу придает;
Не разрешит чего ж собой иль не скует?
Вода по своему, что студена, есть роду,
А нам, как нужда в том, огнь разогреет воду;
Не здраву в пище нам он сырость растворит,
И, растворяя ту, как хочет, так варит.
Всего дражайше огнь зимою, равно летом,
Единственным всегда всем пребывает светом;
Не токмо ж и в нощи нам от огня светло,
Но от огня еще приемлем и тепло.

Потребность от огня словами необъятна,
Довольно, что его есть вещность всем приятна.
Премудро нас огнем снабдило божество:
Замерзло б без него всё на́ все естество.
Язычники затем драгим огнь полагали,
Что лучшим для себя сокровищем познали,
Какое человек похитить выспрь возмог
И в дол земный унесть: был без огня убог.
Но баснь поганска прочь; по правде, несравненно
Сокровище сие и есть неоцененно!

Довольно об огне: другие чудеса
Взор поражают наш; а те суть — небеса.
Огромностям дивясь пречудным, познаваю
Всесильну руку я: ту в них усмотреваю,
Которая свод сей в окружности такой,
Что равную понять не может здесь ум мой,
Над нашими с верьхов главами утвердила
И чашею к бокам в пространстве ж ниспустила;
Мятется разум наш, к сим высота́м паря,
На множество и тел и на далекость зря.
Се виды каковы! и зрим мы их колики!
Различные те коль! и разно коль велики!
Поистине на то, как древний муж сказал,
Бог человека сам единственно создал,
От прочих тварей всех отменна и отлична,
Чтоб красоту небес ему, зря, знать коль слична,
Свободно очи выспрь возможет он возвесть
И видеть над его главою, что́ там есть.
Мы видим иногда там синету примрачну,
Но сквозь и темноты видению ту взрачну,
В которой блещет свет небесного огня
И не отъемлет тем приятного нам дня:
Зрим небо иногда толь чистое над нами,
С узорными еще толико облаками,
Что никакой зограф того изобразить
Не может так отнюдь, глаз столь же б поразить,
А иногда зрим там мы виды озаренны
И разно в облаках цветами испещренны,
Которы образ свой меняют повсегда,
Хотя ж различно все, но хуже никогда.
Возможно ль изъяснить прекрасный вид речами,

Кой мы на небе зрим немглистыми ночами?
Коль неиссчетный лик златых блистает звезд,
Являющихся нам как неподвижных с гнезд!
Ум не мятется ль наш, зря млечную дорогу,
А блеск янтарный в ней чрез искру вдруг премногу?
Чудимся превесьма и видя сей убор;
Но как? Что знаем уж, коль тот непраздно хор!

Чин дивный смену дня и ночи уставляет,
Премудрость вышню тем довольно проявляет:
Чрез многи веки свет от солнца для людей,
Без солнца и побыть не может весь мир сей.
Чрез тысящи уж лет заря пред солнца ходит
И в свой исправно срок она его выводит;
А ни однажды та его ж превозвещать
Не позабыла нам и вдруг себя собщать.
С Полудня солнце сшед свой Запад познавает,
Тогда день у других, у нас ночь наступает;
Сим образом оно вселенной подает
Луч светозарный свой, как тут и там встает.
В собщение взаем приводит день живущих,
Взаимны, сей в другом, потребности имущих.
Всю Землю темнотой своей покрывши, нощь
Конец творит трудам, нас ободряя в мощь;
Отдохновений час ведет к нам утомленным,
Как от работы всем дает быть удаленным.
Нощь вводит сладкий сон, покой и тишину,
Дает вещей забыть нам низ и вышину,
Отъявши в те часы у нас из рук всё дело,
На ложах наших всё ж приводит в слабость тело,
Но ободряет дух тогда ж в нас спящих так
И силы отдает встающим утра в зрак.
Четыре в сутках суть несходственные части,
А кажда перва мать другой творца по власти:
Родится утром день, от вечера уж тьма,
Без утра вдруг мы дня, без вечера весьма
Не можем вдруг же снесть и темныя толь ночи:
В том сильный свет, в той мрак вредили б наши очи.
Не пекся ль сим о нас премудрый всех творец?
Не по всему ль нам есть хранитель и отец?

Дивна премена дней с ночами в нощеденстве:
Так стар, так прежде муж, так отрок, пчак,
в младенстве,
Степенями идущ, бывает человек
И провождает свой весь до кончины век.
Но и времен дивна не меньше есть премена:
Делится солнцем год весь на четыре члена.
Шесть месяцев идя к теплу, и сколько ж крат!
Творит и к хладу свой степенями ж возврат.
Так Есень, не Зима, сперва Весна, не Лето,
Да вдруг ни мраз сразит, ни жаром разогрето,
Несносным обоим в нас будет естество:
Всегда о всех и всём печется божество.
Толь постоянный ход толикого в том чина
Есть несомненна всем и видами причина,
Что есть довольно так светила одного,
Чтоб освещать Земли шар круга в ней всего.

Но в расстояни сем когда б то больше было,
То пламенем бы всё, что на Земле, уж плыло,
И в пепел бы сама давно обращена
И так бы жаром тем была поглощена.
А если б меньше то окружности имело,
То б и земля и всё ж на ней оледенело:
Ненаселенной бы при том быть хладе ей,
Намерений творца не полнил бы вред сей.
Хотя ж когда и вдаль зрим Солнце мы идущим,
Однак не меньше польз есть и тогда живущим:
Лучи его в местах которых ни горят,
То плодовитым весь тот кряж они творят,
Без равной той для дней и без возвратной точки
В трех на земле б частях не процветали почки.
Что ж начетверо те эклиптику секут,
То растворенны к нам тем времена текут,
Приводят в равность две — и дни и также нощи,
Две ж в мерность зной и мраз, не сгибли б наши
рощи,
И не погибли б мы от сильных тех притом,
И кои на земле животны имут дом.

Весна студеный ветр и холод умягчает,
Роскошствуя ж в цветах, плоды нам обещает,

Зернистых класы жатв пред наш представив глаз,
Всех Лето веселит обилием тем нас.
Плод Есень раздает прещедрою рукою,
Кой обеща́н был нам прохладною весною.
Подобна ночи есть бесплодная зима,
Погод как старость тех, так дряхлость их сама:
Свободен человек в ней от трудов напольных,
Покоен по большой есть части и в довольных,
То расточает всё, что в Есень приобрел,
И только прилежит, чтоб в мраз себя согрел,
А иждивает всё толь больше и скоряе,
Что уж, в надежде быть, весна велит щедряе.
Красуясь естество различием времен
И то веля в делах, то быть нам без бремен,
Один вид подает во всё, что есть созда́нно,
Другого лучший весь всегда и непрестанно;
Сие ж нарочно всё, без скук чтоб были мы
От одновидна в жизнь иль света, иль и тьмы;
Хладок чтоб прохлаждал, тепло б нас согревало,
Различие везде б приятность подавало,
Чтоб веселила нас обильность по чредам
И самый чтоб покой всех возбуждал к трудам.

Но Солнце отчего в себе толь постоянно?
Оно, как зрится нам, есть пламя разлиянно;
Оно как море есть, как зыбкий и состав.
Кто ж твердый толь ему преднаписал устав,
Что волны то свои включило свет в границы?
И от чией же в них так держится десницы?
Кто водит шар его в порядочный толь круг?
И сбиться кто ж с путей не допускает вдруг?
Иль прикреплен к чему зад у сего светила?
Но чья ж и прикрепить превозмогла так сила?
Твердыню всяку то могуще есть раздрать
И всяку сокрушить и до конца пожрать,
Которая б когда к нему ни прилепилась,
Иль в ходе б от него ближайше нагонилась.
Кто ж научил ходить пространнейшим путем,
Людей всех освещать и множество греть тем?
Но буде, напроти́в, мы вкруг его вертимся,
Чему, поемля то, безмерно мы чудимся,
То кем в средине той поставлено оно?

И равно так к чему ж собой прикреплено?
И как? есть жидко всё и пламенно с природы.
Вот сам и круг земный, не жидок, как то воды,
Да груб собой и тверд, вертится отчего
В пространстве таковом светила вкруг того,
А твердый никакой состав ему препоны
Не сделал никогда ни встречу, ни в нагоны?
Пусть будет механисм, пусть пла́стический дух,
Кой постоянно толь наш обращает круг;
Пусть что влечет спереди, пусть с тыла подвигает, —
Верьховну силу всё и ум предполагает.
Что болей сила та, весь движущая свет,
В которой ни следов к непостоянству нет,
Полезна миру есть, живущим всем вы́годна,
Повсюду в грунте та ж, но в розни многоплодна, —
То больше человек есть должен познавать
Создание творца, его разумевать
И предержавну власть в правлении всем света.
А разуметь чего не может в нас примета,
Его премудрым то да отдаем судьбам:
Бог зная восхотел, что знать, не знать ли нам.

Еще помедлим зреть на голубыи своды,
На коих блещут звезд бесчисленные роды.
Когда суть тверды все огибы те собой,
То оны сотворил кто плотными судьбой?
Кто легионам звезд места дал пригвожденны?
А ниже вкруг послал планеты учрежденны?
Измерил точно всё, как оным расстоять?
От злата тем велел, сим от сребра сиять?
Кто чашам оным двиг разложистым собщает?
И свод огромный весь кругом нас обращает?
Но буде небо есть состав из жидких тел,
Какой в родстве себе наш воздух возымел,
То твердые тела на чем там пребывают?
Как в тягости своей ко дну не утопают?
И меж собою как не токмо не сплылись,
Но ни от стезь своих намало подались?
И то ж еще веков чрез многи толь округи
Отнеле же свой свет нам подают в услуги?

От наблюдений всех, от первых их начал,
Блюститель никакой отнюдь не примечал,
Чтоб беспорядок в чем малейшем там явился,
Но, напротив, всегда исправности дивился;
А смысл нам говорит, что невозможно есть,
Чтоб жидкость возмогла в себе чиновно весть
Твердыню, ту ж в округ одним путем плывущу
И беспрерывно так и без препон идущу.

Да и к чему огней бесчисленный собор,
Тот адамантов блеск, тот илектров убор,
Тот весь полк, кой творец толь щедрою рукою
Рассыпал по лицу небес, смотримых мною?
Мнят каждую из звезд, лучей их по огню,
Подобну солнцу быть и солнечному дню,
А каждую притом подобному ж светящу
Ту миру там сему и также свой плодящу.
То правдой положив, не удивится ль ум?
И не смятется ль он от собственных внутрь дум,
Приемля в помысл свой толь силу превелику,
Премудрость такову и благость в нем толику,
Который без числа Земель толь сотворил
И равным благом те, сей нашей, одарил?
Колико зримых Солнц! Земель колико нижных!
Колико тварей всех! родов коль непостижных!
Счетаний коль взаем! колик исправный чин!
Различных сколько действ! и коль вторых причин!
Всему един чертеж! но коль по виду разно!
О! промысл, всё ж со всем не втуне и не праздно!
А под одною всё то хлубию на взгляд!
Объемлется одним тот обыдом весь ряд!
Разлитие то всё! прекрасное убранство!
Темнеет свет ума: нет сил обнять пространство!
Но буде звезды все имеют только свет,
А множества Земель, подобных нашей, нет;
И если токмо круг земный сей освещают,
И силу и совет творца провозвещают,
То должен всяк и в том его власть признавать
И славу здесь ему приличну воздавать,
Зря в малом уголке толь зрелище прекрасно,
А всё учреждено не просто, не напрасно.
Кто велий толь иный, коль велий есть наш бог!

О! боже, чудеса творишь един в предлог:
Нет слова, нет речей в язы́ке земнородных,
Ни мыслей нет у нас пристойно благородных
К понятию всему пречудных дел твоих,
Дабы изобразить довольно силу их!

Небесных мы светил в числе Луну зрим ближе,
Ходящу за Землей, стоящу прочих ниже.
Как силою сия отъемлет свет Луна
У Солнца, чтоб тот в нощь нам подала она.
В урочный всходит час та с прочими звездами,
Покроет нощь когда густыми наш круг тьмами,
В конечном мраке так не быть чтоб и ночам,
Луна приятный свет в нощь нашим шлет очам.
От Солнца емлет тот, с ним дружески собщаясь,
И, как учась светить, помалу просвещаясь,
Идет полскрыта прочь, вдали ж проти́в него
Уж кажет всё лице округа своего.
Но и опять к нему ж подкрадываясь близко
И престая́ ходить над нами в понте низко,
Показывает серп и на обрат рога:
Так и́з круга еще́ по виду есть дуга.
Во всем премудрый чин сего мы видим света,
Являющий творца великого совета!
Луна, как и Земля, толста есть и тверда,
Свет взявши в долг сама, должит нас тем всегда.

Движение планет есть чин необходимый,
Устав претвердый то и непоколебимый, —
Противники сие на всякий час твердят,
Божественный чрез то сбить промысл гордо мнят.
Не споря, говорю: устав тот тверд беспречно,
Но ненару́шим есть он так не всеконечно.
Избранный чин вещей и купный оных слог
Не может, данных сверьх, иметь себе дорог;
Движение планет есть посему подвластно,
Стать не могло собой, а став, быть несогласно
И непослушно той начальнейшей вине,
Что действовать дала в телах ему отвне.

Я напротив спрошу: кто ж он, толико сильный,
Который естеству закон дал толь обильный?

Толь постоянный тот? и нужный толь закон?
Да сказывают мне, премудрый, кто есть он?
Устав, которым всё чиновно толь вертится,
Без наших мыслей сам на пользу нам трудится!
Хотя б частица где отторглась от шаров,
Низвергла б Землю всю ударом бездны в ров.
Хранение кому ж мы всех вещей присвоим?
Кого началом всех уставом удостоим?

Премудр в Земле, в воде, в возду́хе, в небесах,
В огне, в растущем всем, премудр во всех красах.
Который произвел все естество зиждитель
И продолжает быть тому един правитель,
Прекрасное подав позорище выспрь всем!
Достойно восклицать в восторге нам затем,
По одному с царем, то ж возгласившим, праву:
Вещают небеса божественную славу!

ЭПИСТОЛА III

Сею эпистолою доказывается премудрость строения божиего по животным скотам, зверям, гадам, рыбам, птицам и мшицам как двуножным, четвероножным, многоножным, ходящим и пресмыкающимся, так летящим и плавающим. Из сих иные животные сотворены свирепыми и хищными, а иные как особливо на службу человекам. Не больше великое и огромное творение показывает премудрость и силу божию, коли и самое малое и от чувств наших удаленное. Все животные снабдены сим трояким: именно ж, есть у них чем борониться от зла; есть, чем пищу могут принимать и истреблять; и есть, чем им плодиться. Четвертое в них весьма удивительное: ибо чувствуют они, понимают, знают и памятуют. Знание их, впрочем, есть токмо единственных вещей, а не повсемственных, и невещественного ничего познавать не могут, как не имеющие чистого ума. Пребезмерно дивен есть способ, коим размножают себя животные: а любовь, всаженная в их сердца, не дана им токмо для взаимного сообщения, но и на рождение подобного, и на любление рожденного ими. Способу произведения их хотя мы и не весьма удивляемся и, может быть, от привычки, однако он всякое удивление превосходит и показывает непреодолимо премудрость

верховного строителя. Действия животных толь удивительны, что не можно им не дать знания; но что они часто обманываются, то не дивно, для того что знание их не совершенное; но весьма чудно, что они в некоторых делах несказанно смысленны. Противно есть непрестанному и всегдашнему опыту назвать их простыми махинами. Однако определить весьма трудно, какого рода и существа их душа: сие токмо не может быть не достоверно, что чистого и бессмертного ума в них нет. И хотя смертны их души, однако сие не отъемлет у наших душ бессмертия и ничем их не умаляет. Вещество отнюдь не может мыслить само собою и ниже от припадка. Коль ни ложно мудрствовали древние философы, что не токмо животная тварь вразумлена сущностию божиею, но что и весь свет есть разумное животное обоего пола, однако не без остроумия, а при всем том утверждали они, что мир не мог произойти в бытие без премудрого создателя.

Творца зрим от стихий, творца и от небес,
От трав, от древ его ж, в премножестве чудес.
Посмотрим уж на всё, что с чувством есть
животно, —
Не меньше от сего строение добротно
Создавшего во всем, кой бытствует везде,
Возможем мы узреть, коль и от зарь в звезде.
Итак, Евсевий, здесь я делом постараюсь,
К чему, коль можно мне, толь с силами сбираюсь,
Различный род живых и вид их примечать,
А третие письмо к тебе тем и начать.

Одни в животных суть, из зримых нам, двуножны;
Другие, были б их прескоки все возможны,
Четыре у себя имеют уж ноги́;
В иных и больше ног на сродны им шаги.
Те и́дут, те ползут, те пресмыкаться знают;
Те плавают в водах, те в воздухе летают;
Иные как летать, так могут и ходить,
Чтоб с мест себя одних к другим производить;
А в сем хотя они с природы все исправны,
Однак движений тех в них скорости неравны.
Всем птицам два крила к летению даны;

А перия у рыб с обоея ж страны.
Но что с двух сии стран, то столько есть услужно,
Что им и на красу и на потребность нужно:
Как весла у ладей, так точно те с боков.
И ход у них у всех бывает в даль таков.
О воздух опершись, те оный разделяют,
А си́и то ж с водой чинят, что населяют;
Так производят путь они, куда хотят,
Одни из них плывут, другие все летят.
У птиц перо в крилах не только что есть густо,
Но и притом еще во всю длину там пусто,
На воздухе оно надуто без вреда,
Отягощает же не сродна то вода.
А рыбие перо есть птичьему противно,
Как и во всем другом различие предивно:
То сухо есть в воде, всегда и твердо там,
Делится водный ток без трудности им сам
И так послушен в плывь малейшим есть плотицам,
Как воздух никогда непрекословен птицам.
Которые из птиц живут и на водах,
У оных кри́ла зрим струй выше при хребтах;
Они их никогда внутрь вод не опущают,
Сим способом пустых пер не отягощают,
Но коим в глубину природно есть нырять,
Тех плотности перу дана особа прядь
И масляная толь, что сквозь ее пробиться
Не может мокрота, ни сверху некак влиться.
Есть в лапках у других и кожица еще,
В промежках коя тех простерта не вотще:
На самой держит их мест тонких та средине,
На всяких и грязях, на жидкой также тине;
Чрез то способно им по тем везде ступать,
Да и не можно там ходящим утопать.

Есть много и зверей, в них лютости немилы,
Свирепы рожи их и чрезвычайны силы;
Их челюсти весь зев велик и грозен есть,
Их пазногти остры в оружие и в месть;
Терзают те других зверей бессильных ими,
А пожирают уж зубами их своими.
В парящих много есть преславных как певиц,
Так мног же видим сонм и хищных люто птиц;

У каждой сих нос остр, остры весьма и когти,
Подобныи серпам, на них еще и ногти.
Других птиц сии бьют и хитят их в корысть;
Тверда у них вельми и вся ножная лысть.
Их также взгляд свиреп, их кровопивна рожа,
А крылам их дана в покрышку толста кожа,
Чтоб их полету быть на воздухе ярчай
И опускаться б им на лов свой в дол шибчай;
Подъемлются они вверьх хоть других тяжеле,
Но кидаются вниз быстрее тех при деле.
Скоты и звери суть, даны которым в часть
Рога для оборон, случится как напасть.
Суть, кои то гнездо, в котором породились,
Носить всё на себе как будто осудились.
Из птиц и из зверков иныи на горах
И на вершинах древ, в подземных и норах
Вьют гнезда для себя, иль строят их, иль роют,
Иль их в густой траве, в густом иль листе кроют,
Чтоб от нападок те злодейских их спасти
И без вреда б и зла там молодых взвести.
Бобр в водной глубине творит себе жилище,
То осыпью от волн хранит он логовище.
Два устья у иных в гнезде или в норе,
Не тем, ин чтоб другим уйти от бед в поре.
Суть многи из живых, что так, как человеки,
Корм на зиму себе пасут, кладя в сусеки.
Отменно сотворен весь ползающий гад;
Отлично их родство других живых от стад:
Сгибаются они, землею пресмыкаясь,
И идут так вперед, улиткой разгибаясь.
Составы у иных толь все оживлены,
Что движутся особ, когда разделены.
Колико тех ни есть, которы долгоноги,
Незлобны ль по себе, или они суть с роги,
То дивно, что у них и шея уж длинна,
Чтоб на низу достать могла им корм она:
Журавль есть и верблюд в пример тому собою.
Однак произведен слон инако судьбою:
В нем шее так себя когда б распространить,
То б та могла собой его обременить;

Затем то дан ему тот хобот от природы,
Он сыскивает им все, как рукой, выгоды.

Премножество зверей мы видим и скотов,
Из коих каждый нам служить всегда готов:
Для нас сотворены те будто как нарочно
И на работы нам как подданы оброчно.
Пес будто для того, чтоб нам всегда ласкать,
Терпел бы зной и хлад, хранить и ночь не спать;
Приказы б исполнять все наши научился,
Не то чтоб он от нас собою подичился,
Но, напроти́в, чтоб нам и образ показал
Приветов и приятств, почти б не обязал,
Чрез верные свои и чрез усердны службы,
К хранению всегда и верности и дружбы,
Различных бы зверей с охотою ловил
И что ни приобрел, то нам же уступил.
Конь, меск и всякий скот, зовущийся работным,
Наш облегчал бы труд, под игом был бы потным,
Пособствовал бы нам, когда ни повелим,
Тянул бы, на него кой груз мы навалим,
И на себя как нас, так наше вдруг и бремя
Бесспорно возлагал во всякое и время;
На то он сотворен, чтоб тягости носил
Не легкие всегда, чтоб клади нам возил
И дал бы отдыхать толь слабым нашим силам,
Подверженный всегда бича ременным жилам,
Как лености его наш недоволен глас
Иль тихий и простый взбуждения приказ.
Вол в крепости своей трудится терпеливо:
Употреблен от нас он к плугу особливо.
Насытивши в полях иль снопиком где трав,
Мы получаем уж за то млеко́ от крав.
Излишнее руно есть у овец природно,
Которое растет на них всех ежегодно;
В потребность нашу то должны мы остригать,
А из прядей уже в одежду сукна ткать.
Мы из звериных кож себе шьем шубны мехи,
Дабы зимой от стуж нам не иметь помехи.
Зиждитель повелел и так расположил,
Чтоб и по смерти зверь полезно нам служил.
Без шерсти, как без пер тварь коя, то примета,

Вся толстою вельми та кожею одета,
Иль черепом каким снабдена есть она,
Во вред ей не была б жаров и стуж страна.
Всё, что живет и дух что жизненный имеет,
На пользу нашу тем создатель нам радеет.
При многих тьмах примет, сия будь в образ нам:
Рцет? Рыбы из морей станицами к рекам
Плывут, чтоб их ловить тогда почти рукою,
Как в пресной там воде стеснятся густотою.
Зверь лютый самый нам подвластен есть всегда,
Хотя и восстает как будто иногда;
В те самы времена с природы он покорен
И, коль ни дик сперва, потом бывает дворен.
Творец, хотя добро от зла нам различить,
А зрением на тварь нас благу научить,
Животным свойства дал и склонности различны
И предложил нам всем в них образы приличны
Премногим, жизни сей пристойным, должностям,
Чтоб нам те исполнять всегда не по страстям;
Вложил, при добрых, в них и качества худые,
Да убегаем мы от тех, которы злые.
Так изображена́ есть в агнце простота
И тихость, а во псе другая добр чета,
Котора есть любовь и искренняя верность,
Но, напротив, во льве хищения безмерность
И лютость и еще зол множество таких,
То ж в волке, в тигре то ж, в подобных то ж других.
Наставить восхотел он тем нас чрезвычайно
И тем же укорять готов есть некак тайно,
Как свойства сии мы без чувства можем зреть,
К которым не́льзя нам любви внутрь не иметь,
Иль не гнушаться, зря в самих животных, ими
Не научаясь так, нам должно быть какими.
Все разумеем сей, коль ни немый, язык,
И чувствия сего прегромок в сердце зык!
С другой страны, когда б везде сельбу имела
Земля вся на себе и жительми кипела,
То не было б нигде, для множества людей,
На всем лице Земли вредительных зверей,
Кроме что превесьма в дубравах отдаленных,
Иль в диких где местах, еще не населенных,

И разве ж бы на то, могли чтоб оказать
В забаве храбрость мы: нужд не было терзать
Войной себя и весть брань меж собой несносну,
Долгопротяжну ту и обще смертоносну.
Но должно примечать, в чем есть не без выгóд,
Что вредных нам зверей не преобильный род:
Тех больше есть везде, которыи нам дружны
Иль на потребы всем необходимо нужны.
Бьют более овец, овнов, коз и быков,
А нежель тигров, львов, медведей и волков,
Однак последних сих повсюду меньше зрится —
От голода ль число, от рока ль то морится,
Иль промысл их от нас всех удаляет прочь,
В глубокую от глаз ссылая жить их ночь.

Как овцы нам дают в потребность нашу вóлну,
Так, будто напрерыв пред ними, черви полну
Чудес способность всю к мягчайшим тем шелкам,
Достаточну весьма, оказывают нам.
Предивно! какову в себе являют силу!
Готовят как свою богатую могилу!
От семени опять рождаются те как!
И на себя потом берут червиный зрак!
Червяк собою тот нам кажется толь гнусен,
А делать нежный шелк на щегольство искусен!
Не меньше дивно есть, летит что на цветок
Пчела, по сластий в нем, росистый оный сок,
Сбирает кой она всечасными трудами
И в восковый прудок сливает то сотами.
Премудро вышня власть сдружает пчельный рой
Как в общество, иль в град единый меж собой:
Имеет и царя себе сие гражданство
И знает наблюдать послушное подданство;
Производя ж особь для общей пользы труд,
На тунеядцев в них казнь делает и суд.
Исследовать всего подробнейше не можно,
Что действует пчела, как с разумом, не ложно.
Коль в муравье труда! коль мудр есть и паук!
Бог не явил ли их для наших здесь наук?
Смотря на обоúх, трудиться б научились
И, как на мать всех зол, на праздность ополчились.

Мы о животных сих известных говорим,
Но сколько есть в вещах, которых мы не зрим,
И действий, потому, отнюдь мы их не знаем?
Довольно ж и по сим премудрость познаваем.

Несчетный род живых меняется в червей
И в бабочек и в мшиц во время летних дней.
Хотя ж в них пользы нет, по-видимому, с века,
Однако нужны все и тем для человека,
Что к любопытству нам причину подают,
В различии таком круг нас когда снуют,
А взор наш веселя, прилежность пригвождают
И рассуждать о всех внутрь мысли возбуждают.
Мы заключений сих не можем произвесть,
Что зримое то нам во свете втуне есть:
Не знаем, склепан как мир цепию своею
И как краи всех звен впреде и заде ею
Сцепляются с собой по слогу своему
И йдут все к концу последнему тому,
Который положил всеобщим быть создатель.
Никто из человек, хоть коль ни остр снискатель,
Постигнет здесь когда всех действие причин,
Не разберет вконец счетанный вкупе чин;
Бог бесконечен есть, на действия обилен
И так, что всё понять всяк человек не силен.
Когда ж мой разум мал к познанию конца,
Кой в каждой твари вкруг предписан от творца,
То всё, что в мире мне творец ни представляет,
Смотрящего меня безмерно удивляет:
Премудростию как он грубость вещества
В тончайшую ту жизнь меняет существа;
Дая ж им двиги все, творит их как игрушки.
Чудесно оку зреть и малые те мушки!
Но некие из них что беспокоят нас,
То помнить должно всем на всякий твердо час,
Что нам повелено́ иметь, и при покое,
Подвижный труд всегда, чтоб не лежать, как в гное,
Заплесневши без дел и без стремлений быть.
Могли б мы ослабеть иль и себя забыть,
Роскошствуя все дни в сей жизни без печали,
А так бы живучи, без всех польз изветшали,

Которы ныне мы приемлем от трудов
Снисканием добра, а бегством от вредов;
Избывши ж тем от зол, красуемся благими
И веселимся уж сугубо в сердце ими.

Размыслим обо всей премудрости, что здесь
Мы видим как в большом, так в малом не чрез смесь.
Мы Солнце зрим, оно (в колико ж верст мильонов?)
Есть более Земли и обществом законов
Иль ходит, иль стоит в пространствии таком,
При коем то в себе есть маленьким кружком.
Мы множество зрим звезд; сим, в оке б разверстаться,
И больше солнца быть собой могло податься:
Те расстоят от нас в далекостях таких,
Что меры положить не можно есть до них.
Сих выше звезды зрим еще, хотя и мрачно,
Затем и различать не можем их удачно.
Пред всем, что зрим, земля есть точечка уже
И в ней с тем мер почти нет никаких ниже́.
Всё ж то сопряжено толь чинно меж собою,
Что меньше стать в себе ни частию одною,
Хотя б она во всем, велика иль мала,
Иль предняя, или там задняя была,
Не может без того, чтоб вдруг не сокрушился
Исправных бегов ряд и свет не низложился.
Поистине, рука содержит весь одна
Зиждителева мир, с высот его до дна;
Его повсюду толь в нем персты всем играют,
Что, разбирая всё, в союз тверд собирают.
Но целого сего ж и обща естества
Не меньше дивны суть малейши существа;
Всесильный и по сих не менее нам зрится,
Коль по огромном всем наш ум им светл творится.
То ж в малой мошке есть, что в ките и слоне;
Есть голова, глаза и тела слог отвне.
Ряд внутренних частей есть в них и кровь и жилы,
Утробы, сердце есть и равномерны силы;

Но в малости такой, что всё сие наш ум
Поемлющий мятет и весь мрачит от дум.
Чрез микроскоп живых мы тьмы усмотреваем,
Которых чрез простый глаз зреть не возмогаем,
Но в каждом и из сих премноги ж части суть,
И малы толь они, что не лежит к ним путь
Нижé чрез микроскоп, чтоб видеть их раздельны;
Однак различны все они в себе и тельны.
А что ж бы мы еще увидеть возмогли,
По счастию когда б здесь способы нашли
Орудия привесть в последню тонкость исто,
Что зрение очей, не крайно кое чисто
(Ни прямо для того и ни исправно есть,
Хоть оная вся в том не всеконечна лесть),
Пособствуя ему, собою направляют
И видеть чудеса несчетны сподобляют?
Но в случае таком образований мощь
Возможет просветить видения в нас нощь:
От видимых не всех, но ведомых неложно,
Незримых уж отнюдь мечтать нам тьмы возможно,
А оны тьмы в вещах так должно полагать,
Что сокровенны в тех от нас их признавать.

Животное себе представим всякородно,
Зря, что их тéла есть в составе всё природно;
И узрим мы во всех троякое сие,
Что крайнейше дивит познание мое.
Зрим первое в скоте, чем может борониться
И от нападок тем и наглостей храниться;
Второе, пищу чем он может потреблять
И оною себя так в силы укреплять;
А третие в нем есть, чем может умножаться
И родом быть своим и оным продолжаться.
Четвертое внутрь есть, что дивнейше еще,
Которое зовем побудком мы вóбще;
Чрез сей побудок скот, ему в чем нужда, знает
И от вреда и зла чрез сей же убегает.
Умом сей не хочу, то ложно, величать;
Довольно мне его здесь действо примечать.
Зрим агнца, мать свою вдали еще познавша
И в самой быстроте того к ней побежавша.

Незлобивая вдруг почувствует овца
Хотяща волка к ней приближиться бойца:
Всё стадо от того, те зная неприязни,
В смятения в себе приходит и в боязни.
Доволен есть для пса один от зверя дух,
Чтоб в тех местах его найти ему те вдруг.
Не вем какой в скоте мех надувает жилы
И умножает в нем невероятно силы,
Проворным быть дает и резвым сей устав,
И каждый в нем творит толь гибким он состав.

Но нужное себе что знает тем животно,
К приятному всему что клонится охотно,
Что от ловца бежит и настигает лов,
То много на сие хотя теряют слов,
Которыи скотам иль смысл дать поспешают,
Иль и мечтаний уж конечно их лишают;
Однак я не сужду за благо здесь вступать
В те тонкости и глубь бездонную копать.
Довольствуюсь сказать, что тéла их обраты
Не можно утвердить впрямь чести без утраты.
На верви пляшет кто из нас в руках с шестом,
А станет говорить, толкуя сам о том,
Что держит там его на той веревке тряской,
Коль ни вертится он на ней различно пляской,
То вринет разговор тотчас его в напасть
И приведет на низ стремглав с нее упасть.
Пусть говорят, что скот смысл подлинный имеет,
Но опровергнуть кто сие мое посмеет,
Что смысл не может тот сказать нам о вине
Движений оных всех, мы кои зрим отвне?
Твердят пусть о скоте, что правила он знает
Механически все и точно поступает
По них во всем своем, по них его весь двиг,
По них бежит, плывет, по них вертится вмиг,
И прячется по них, и след по них хоронит,
По них он, наконец, от зла себя боронит;
Я, слыша всё сие, вот только что смеюсь,
А говорить о том столь подлинно боюсь.
Хоть математик толь скот есть, пусть также баюг,
Что столько сих наук ни люди сами знают,

Но найдется ль из нас толико некто смел,
Который бы сказать так в истину имел,
Что производит скот, с искусством толь успешным,
Все двиги, рассудив те помыслом поспешным?
Как скажет? Ибо мы то ж в скорости творим
Без помысла напредь, да действие уж зрим.
Кто может смысл придать обратов тех началу,
Когда ни в наших мы тень смысла видим малу?
Иныи, что сию в том неудобность зрят,
Так о животных уж обратно говорят:
От тела разный в нас двизателем рассудок,
Но в теле у скотов телесен есть побудок,
Затем велений мы не чувствуем одни,
А должно что скотам, то вдруг творят они.
На что ж рассудок нам, в скоте что без рассудка
Так делается всё от одного побудка?
Мне хитрость вся сия непостижима есть.
Но хитрости в делах мной не дается честь
Животному скоту, без рассуждений сущу,
И времени, в нем двиг как, думать не имущу.
Конечно, тварей всех премудрость та в творце,
Который знает всё, в преде что и в конце,
И как бывает что, и быть чему есть можно,
Всё зрит и правит всем всесильно и неложно.
Об имени того побудка долг молчать,
Ни разность находить, с умом ниже́ сличать;
Побудок по себе одно есть только слово,
Давно уж толку нет в нем точного, не ново.
Ясняй, искусство мы всевышнего в скотах
Побудком можем звать, чем движутся те в мах;
Наш вымысл есть тому ни тению подобен;
Тот разум крайний есть, ум мало наш удобен.
Невольных мног есть ряд движений у скота;
Сомненна никому ни мало правда та;
Притом мы двигов тех отнюдь не постигаем;
Тем в скрытых мы вещах от нас их полагаем.
Однак зрим механисм мы совершенный в тех,
Но в механисм какой сначала дует мех,
То первейшей вины, кроме творца, не знаю,
Уставу всё его подчинным называю.

Бог вещи сотворил, бог двиги впечатлел,
Бог, положив устав, вращаться повелел,
В движении хранит и вещи управляет.
Однак сие вторых причин не отдаляет:
Самодержавный он, второе всё есть раб;
Источник всех он сил, им подданный не слаб;
Как обще написал, особно так творится,
И дольный всяк делец в сей чин включенный зрится.
Простых махин я действ хоть не даю скотам,
Но сходственна ума им с нашим не придам;
Единственное скот хотя и познавает,
К повсемству ж от того отнюдь не отвлекает;
Понятий сила есть от воображений в нем,
Разумности той нет, что чистою зовем.

Не знаю как, скоты не просто, но махина,
С какою наших дел несходна ни едина, —
Сама собою та стоит, идет, бежит,
Таится, глас дает, боронится, лежит;
Та нравится собой и делает исправно,
Собою та себя живит и кормом равно.
Имеет как предел иль меру в силах скот,
Работой и трудом приходит в слабость тот.
Что более когда случается трудиться,
То больше ищет он от пищи утвердиться.
Отягощенну толь работою всяк день,
Что придет от того в расслабшую он лень,
Потерянную корм всю силу возвращает
И всю утробу в нем довольно насыщает,
Изнывша корма в ней, сок, отделившись прочь
От грубого всего, уходит в жилы вточь.
В них претворяясь в кровь, а в разныи сосуды,
В бесчисленныи ж те, входя, живит все уды.
Оттуду исходя, по телу уж течет,
Сгустевши, там себе вид плоти привлечет.
Итак, от разных трав, отменных соков цветом,
Составится в скоте всё тело им же гретом.
Бездушный оный корм, кой разно прегорит,
Животное что день собой животворит;
Потом бывает он и сам уж сим животным,
Тем способом в него всегда меняясь льготным.

Исчезли тела уж все части прежни в нем,
В пременах повсегда и нощию и днем.
Что пред четы́рьмя был конь некий где годами,
То стало пар и чад нечувственно менами,
Но сено было что, овес или ячмень,
То оный добрый конь, по сей который день,
Однак и был пред сим, и ныне тот же прямо,
Собой и от бодцов стремяй рысь не упря́мо.

От пищи повсегда есть неотлучен сон:
Привременный покой в животном каждом он.
Движения отвне тогда уж не бывают
И силы, что внутри, тогда ж ослабевают,
Но остается в нем дыхание одно,
Другое жизни всё как падает на дно.
Двиг каждый, кой собой объемлет крепку силу,
Иль, изнуряя ту, соделывает хилу,
Весь требует себе намало отдохнуть;
Животному затем и нужно есть уснуть,
Как в темноте нощной нельзя уже работать,
Ни рыща взад и впред копытом в поле ботать.
Промежки сии кто ж уставил в точный час,
Не для одних скотов, но купно и для нас,
Их требуют когда животны утомлены,
И наши, с ними в ряд, трудом ослабши члены?
Потом, как пролиет заря свой яркий блеск,
Встает и человек, и каждый скот, и меск.
Забвенны все труды, вся тягость миновалась,
Отъята сила вновь дается как давалась;
Работают опять животные тогда,
И толь, что как работ не знали никогда,
Все жилы напряглись, вся кожа распростерлась
И будто никаким та бременем не терлась.
Животно тело тел премного неживых
Изнашивает в тех трудах своих прямых:
Теряет их оно помалу изнуряя,
Но меры сил своих нимало не теряя.
Изъездит много седл на конской коже в век
И всадник и в пути кой часто человек.
И отрок не одно всяк платьице износит,
Пока еще себя до меры роста взносит.

Когда б свершенный корм нашел себе в жизнь скот,
То мог бы получить бессмертие чрез тот
И получил бы тем и вечную он младость,
В том чувствуя всегда необычайну сладость.
Но пища вся его несовершенна здесь,
Затем помалу он и гибнет, тлея весь;
Лишается не вдруг своих сил и ветшает;
В нем слабость наконец всю живность погашает.
Всё, что созданно есть в своей природе как,
Несовершенств иметь то долженствует знак,
А истлевая, с тем скончать свою и бытность,
Особой приходить, не родом всем, в забытность.
Един всесовершен создатель есть всему:
Не можно совершенств иметь всех ничему.
Мы в совершенствах зрим степени толь различны,
И каждой вещи те, по сродству их, приличны;
Но крайнейших не мог зиждитель им подать,
Легко возможно нам умом то понимать,
Чтоб каждой вдруг иметь все совершенства, пречно;
Быть должно одному такому всеконечно.

Коль дивно как скоты свой умножают род!
И умножаясь, так мир полнят те чрез плод!
Бессмертна, знаем, нет ни одного животна,
Решится вся его махи́на, коль ни плотна.
На падших место се рождается еще,
Но коль? Давно сие примечено вобще,
Рождается уже на падших место вдвое,
Иль большее число родится, неж мрет кое:
Строения нам знак не ясно ль подан сей?
Печется некто вдруг тем о природе всей.
От самых древних лет, почти с начала света,
Как любопытна в нас уж началась примета,
Не видывано здесь ни тигров, ни волов,
Ни львов, ни псов, ниже́ и коней, и ослов,
И, словом, никаких скотов, ни человека
Не видано нигде и никогда от века,
Чтоб произшел какой припадком в свет из них,
А не рожден бы тот от сродных был своих;

Из коих, первых всех животных, выключаю
От первой тех вины созданных заключаю.
Всем, зрим, родиться долг от мужа и жены:
Вторы потомки так, по первых, рождены;
Так и последни все от пары породятся;
Так средни на земле, не инако, плодятся.
О способе я сем когда здесь говорю,
То промысл я такой в нем самом ясно зрю,
Что оного не зреть — быть должно ослепленну
И всеконечно уж вовек обезумленну.

Чтоб скимну выйти в свет, без львицы и без льва
Не можно, долг, чтоб те соединились два
Взаимно в сильной той внутрь склонности друг к другу,
Подобному себе и третьему в услугу.
Что ж преклоняет львов, для оного плода,
В спряжении своем к поднятию труда,
Который обоим как тягостен не мнится,
Так зельно та к тому чета еще стремится?
Какой тот полам двум толь пребогатый дар,
Кой вспламеняет так к собщению в них жар?
Взаимна то любовь, магнит сердец небесный,
Не нас одних, всего что тварь, союз нелестный.
Движений мать и цель, всея природы сок,
И жизнь, и красота, и красоты цветок.
Всегдашняя живых и их нетленна сладость;
Разумных здесь чинов неизреченна радость.
Вина клоняща нас и к чести и к добру,
Дающа нам покой, веляща быть в миру,
Целяща яд вражды, к согласию ведуща,
Вся тихости полна, зла люта не имуща,
Бодряща слабых та, а тешаща в печали,
По бедствующих всех нас приводяща в жали.
Та делает всю жизнь здесь дольную не скучну
И совершенно всю ее благополучну;
Грунт вольности она, грунт мудрости всея,
Не сущее, но тень доброта без нея.
Конечно, мнится мне, любовь то называют,
Которую вещей цепь тверду признавают,
Подвижностью — Декарт, влечением — Невтон,

А естества душой[1] *превелией* — Платон.
Сия любовь во всем ничем есть не порочна,
Но по всему собой всегда и всюду прочна.
Что ж воля часто ту употребляет в зло,
То у меня о сей любви здесь слов не шло:
Нрав коего добра во зло не превращает?
Отравы нрав своей чему злый не собщает?
И в басне есть моя небесна дщерь любовь
Плотская́, нечистот и похотений, кровь.
О той я говорю, есть коя совершенство,
Всажденное в живых на общее блаженство.
Бесчинная любовь есть беззаконий плод,
Та огнь есть, страсть палить, не семя множить род.
Без чистыя любви, живых в пол вкорененны,
Животны не могли в мир быть произведены.
Не ясно ль видим мы в сем промысл от творца,
Что водрузил любовь животных он в сердца?
Не токмо ж для того, взаимно б им любиться,
Единственно или чтоб тьмами расплодиться,
Но купно, чтоб и плод рожденный тот любить,
Родившей кой еще млеко́м долг воздоить.
А что ж бы описать родительску усердность
И всю горячесть их, и всю их милосердность
К рожденному от чресл и от утроб плоду,
Кой получат они в свою себе чреду,
То из родивших быть конечно должно стада,
Быть то есть как отцом, так материю чада,
И прямо уж тогда и точно познавать
И самым чувством всю в себе испытыва́ть
Невероятну всем нерождшим достоверность,
В родительской любви колика есть безмерность!

Животных каждый род, исшедший так во свет,
В нем пребывает уж чрез многие тьмы лет:
Чрез тысящи веков чтоб кой искоренился
Конечно и совсем из жизни истребился,
Не видно и ниже́ не слышно есть того.
Не слышно и нигде не видно и сего,

[1] Халдеи содержали, что есть симпатия между небесными и земными вещами.

Чтоб лишним в них такой избыток умножался,
Которого б другой животных род пужался,
А в страхе б от него всегда был потому,
Что вреден первый тот другому есть сему.
Когда б медведи, львы и с хищными волками
Умножились сверх мер своими вдруг стадами,
То б овцы и тельцы, олени и волы,
Брадатые притом и козы и козлы,
Ленивейшии мски и веледушны кони,
Легчащие наш труд и рыщущи в погони,
Уж были б все давно вконец истреблены.
И родом бы своим так всем погублены:
Их ярость и до нас достигнуть бы имела,
И так бы вся земля конечно опустела,
А всех бы преблагих намерений конец
Не исполнялся тем, кой положил творец.
Но лютых тех зверей число есть не чрезмерно;
Сочтенное предел себе имеет верно.
Как в прочем ясно зрим премудрость, так и в сем
Могущество, совет, радение о всем;
Всех свойства сии здесь повсюду толь сияют,
Что примечающ ум безмерно удивляют.
Кто ж в тварях такову явить премудрость мог,
Как сущий сам и мной дока́зуемый бог?
Неложно, от его число зверей десницы,
Нам, людям, вредных тех, есть включено в границы!

Всё долженствует нас сие всех приводить,
Дивящихся, в восторг и ум наш просветить
Строением во всем премудрости толики,
И благости творца, и силы превелики;
Смотрение его толь ясно зримо есть,
Что не возможет скрыть от нас никая лесть
И что без слепоты извольныя не можно
Не видеть нам везде того, что есть неложно.
Премногому числу когда б тех быть зверей,
То было без числа терзаемых людей.
Предвидел вышний бог довольны к нашей казни
И зависти и злоб толь неисчетны разни.
Для наших всех неправд его верьховна власть
Другим нас предала томления в напасть,

А мучимым нам быть зверьми не попустила,
Чтоб лютость их всех нас вконец не поглотила,
Когда б от завистей и свойственных нам злоб
Наш страждущий живот не сходит в смертный гроб.
Сие ж да человек опомнится собою,
Да, правды на стезе став, шествует уж тою,
И да вину беды потщится познавать,
От коей впредь ему б опасней убегать.
Но злость и зависть в нас, за вред коль нам ни слезны,
Однако иногда бывают те полезны.
Всяк утесненный тем язвительным вредом
К познанию себя приходит прямо в том:
Томясь и мучась он так в бедстве и напасти,
Пороки зрит свои, обуздавает страсти.
С собой тогда тесняй живя и весь в себе,
И буйно не ходя в той от других гоньбе,
А всё, что он и как, уж здравей размышляет,
А тем себя всяк час, как должно, исправляет.

Сей тварей происход великим нам не так
Быть кажется, ему казаться должно как:
Привычка, может быть, мысль нашу превращая,
А дивное в себе не дивным толь собщая,
От размышлений вдаль всегда уводит нас
И слышать не дает природы светлый глас.
Что будут о таком художнике все мыслить
И совершенства в нем имеют сколько числить,
Который бы часы такии здесь сложил,
Чтоб от самих был плод и в роды б оный жил?
О зодчем как домов таком бы рассуждалось,
Чтоб от его палат жилище созидалось
Другое о себе, и сам бы всяк покой
Возобновлялся в род, при ветхости, собой?
Мы всё то зрим в зверях, зрим в каждом то животном.
Махины суть они в своем составе плотном,
Подобны все часам, имеющие в дар
Внутрь, вместо всех пружин, душевный некий пар.
Однак, при чувствах всех, премного разумеют
И сами размножать собой себя умеют:

С начала ту вложил способность в них творец,
Его б им исполнять намеренный конец.

Пусть множатся они для собственного плоду
От семени, что в них есть вложено по роду
И пребывает то в них в непредельный круг.
И так, что нельзя им перевестись как вдруг.
Пусть производит их нарочна заготовка,
От коей их родам всегдашня есть обновка.
Но значит всё сие, что весь зараней род
Их предусмотрен есть и всем снабден на плод.
Пусть уверяют нас, что в каждом порознь звере
Припасено по их числу, по их и мере,
Зародыши пред сим уж за седмь тысяч лет,
Чтоб каждый род от тех происходил на свет
И никогда б отнюдь здесь не переводился,
Один бы от того и далей так родился.
Но что сим надлежит зародышам иметь
Своих весь образ тел и так в утробе спеть,
Имеющим уже всю точную основу,
Возрастшую ж до мер, к исшествию готову;
То всех животных есть созданность тем хитряй:
Ум понимаяй то смятется сам скоряй,
А нежель может в том постигнуть мудрость чудну,
Искусство всё ее и хитрость столько трудну.
Во-первых, должно в той всему основе быть,
В малейшем и всему ж размере в той не ныть,
И так, чтоб были в ней все внутренние части,
И части сих частей разобраны, как в масти.
Потом зародыш всяк чтоб столько содержал
Зародышей в себе, из сих бы насажал
В себя ж еще всяк их и столько ж, и нарочно
Долг скольким быть ни всем, чтоб в век родиться точно.
Уготовлений столь обнять возможно ль нам
В зародыше одном по всем его рядам?
В понятии у нас сему числу вмещаться
Возможно ль без того, ему чтоб не смущаться?
Но кое мнений сих от мудрых ни принять,
Везде искусство долг всевышне обонять:
Из них не знаю я, которо право делом,
Премудрость зрю во всех я при рассудке зрелом.

Однак, сомнений в сем, от вернейших примет,
Нимало никаких и никому уж нет,
Что не родится скот припадком во вселенной,
Ни в мысли мнить того нельзя в неизумленной;
Медведей, ни овец, ни львов, ни лошадей
От случая не зрим, ни сим господ, людей,
Но все от пары те подобные родятся
И после как жена и муж совокупятся.
А третиего так рождающая та,
Совокупившись уж с любовию, чета,
В рождении своем искусству не причина,
Составить не могла и хитрого в том чина.
Не токмо ж составлять та не могла частей,
Но не дается ей отнюдь ниже́ вестей
Познать бы точно, как, что оныя в утробе
Составилось и есть по сродной ей особе.
Орудие — отец, орудие и мать,
Чтоб то производить, а как — того не знать.
Так от кого ж сие предивное искусство,
Когда в родивших то не видится досужство?
Какая сила? Кто премудрый, и весьма,
Той паре повелел родить? А чтоб сама
В плоде своем отнюдь составов та не знала?
Да только чтоб совсем готовое рождала?
Хоть смысл дай весь скоту, хоть отыми и мысль,
Хоть нашего ума в нем выше разум числь,
Творению однак себя он не причастен,
Ни, как есть сотворен, познать сие не властен.

Нас некоих живых дивят вельми дела,
Как наша есть о тех примета вся зрела́.
Посмотрим мы на пса; сей мукою томится
И третьим уж путем за зверем вслед стремится,
Когда разнюхать он не мог его по двум,
Всё ж делает он то не так как наобум.
Дивлюсь, как мышлю я, из птиц на исполине
И толь хвостом своим гордящемся павлине,
Как воспитать детей старается своих
Там, где б пес находить не мог по духу их.
Не ибисы ль летят к пределам вдруг Ливийским,
Влететь бы помешать в Египет стаям змийским!

Полуденный как ветр к Египту впрямь влечет
Крылистых змиев сих, то ибис всяк течет
Стадами, зная час, на те границы прямо:
Так не впускают власть драконов тех упрямо
Внутрь самыя страны, их истребляя там
И не дая от них великим быть вредам.
Желвь в черепе своем как от орла спасется?
Схвативши сей того, с добычей вверьх несется
И смотрит на низу, где б камня, с высоты
О кой бы череп тот разбить без мешкоты.
Представим мы себе в ум цаплю долгоногу,
Дивятся и ее видавшие подлогу;
Она хоронит нос свой долгий под крыло,
Чтоб испужать и вдруг нападшу птицу зло
Самой ей умертвить там носа остротою,
Иль вдруг же б ту прогнать его ж прочь долготою.
Не дивно ль ремез как гнездо себе вязет?
Зубчонками, как мышь, твердыни толь грызет?
Не дивно ль, что древа червочик хилый точит?
Слепый крот идучи в земле путь свой толочит?
Не дивно ль, как гнездо и ласточка хитра
К утесу прилепить и в том еще быстра?
Размыслим хитрость ту, в ихневмоне котора,
Сей вывалявшись весь в грязи тин от задора,
Когда спит крокодил, в его отверсту пасть
Вдруг вскакивает так, что строит там напасть;
Он печень в нем, себе любимую, съедает,
А черево проев, вон после выбегает,
И яица его он смыслен находить,
Не расплодился б тот змий лют, спешит те бить.
Приятно слышать нам премногих в разни птичек,
Толь щебетливых тех и сладостных певичек.
Чудимся, как скворец, иль сойка говорит,
Иль и сорока тож, иль попугай творит.
Но счислить может кой естественник иль в птицах,
В зверях, или в скотах, иль в гадах, че́рвях, мшицах,
Иль в крепокожных всех, иль в рыбах, иль в змиях,

Ведущихся у нас и в дальнейших краях,
Предивные дела и вымыслы чудесны,
Из коих многи нам быть могут не бесчестны?
Не обезьяне ль так во всем дано быть в век,
Что, праведно сказать, та впол есть человек?
По действам естество исполнено есть дива:
Животных всяких в нем преизобильна нива.
Но заключим ли мы из тех животных дел,
Чтоб разума в себе скот больше нас имел?
Чтоб большая была в них нашей осторожность?
И большая б у них к тем действиям возможность?
Без всех искусств они и без наук творят,
Что есть пристойно им и что полезно зрят;
С рассудком мы своим, с науками, с советом
Не зрим, что должно нам, толь часто, оным светом,
И часто ж разум наш приводит нас в обман,
Хотя нам и в вождя и в стража оный дан.
То правда, но сие, хотя нас и смиряет,
О лучшем в тех уме не удостоверяет.
При разуме еще нам воля подана,
Избраний госпожа и наших действ она:
Та часто разум наш собой преоборает
И ненавистно зло уму предызбирает;
Так истину люблю и, что добро, я зрю,
Но, ненавидя ложь и зло, сие творю.
Естественный устав влечет скота невольно
К тому, что для него полезно и довольно.
Но волей мы почто свободной почтены,
Тому здесь объявлять не место все вины.
Что ж однолично скот всяк действует и дивно,
То положить творцу так не было противно;
Премудрости его в них дело признаю,
Хоть дух махинам сим я некий придаю.
Как время всё часы мне меряют исправно
И разделяют то на части в сутки равно,
Кроме ж пружин, ума не зрю в часах я тех,
То заключить могу при слушающих всех,
Что мастер тех часов зараней всё исправил
И, рассудив умом, потом обрат составил.
Так точно хитрость всю животных я скотов
Творцу напредь даю, не то что дать готов.

Премудрость им его толь хитрым быть велела,
Когда творя о всем, по благости, радела.

Не возражай, что скот с своим побудком тем
Нарочно будто б он был осужденный кем
Погрешности творит, во многом заблуждая.
Не дивно, что скоты, по правде рассуждая,
Не возмогли во всем собой исправны быть
И могут иногда заблуждшими тем слыть,
Но надивиться нам довольно невозможно,
Что некогда весьма их действо осторожно.
Когда б всегда во всем исправных зреть нам их,
То б разум совершен признать был долг в самих
И надобно б придать, на их особно долю,
Премногих совершенств исполненную волю.
Но бесконечна та создавшая всё власть
Другое не могла всесовершенным скласть;
Не можно быть другим, сия в себе есть пречно,
Единого кроме́, свершенным бесконечно.
Однак границы свойств и меры совершенств
Не показуют вещь, что та есть без блаженств.
Когда в чем обманусь, не следует так точно,
Чтоб я без смысла был, то следствие порочно,
И чтоб припадком всё внутрь делалось во мне,
И всё ж бы оным шло, что видимо отвне, —
Но только, что мой смысл в себе несовершенный
И всяким родом свойств он есть неукрашенный.
Во многом зрится так несмысленнейшим скот,
Но в некоих делах чрез меру смыслен тот;
По правде заключит по сей уж всяк причине,
Что некотора мысль в животной есть скотине.

Престудно, и весьма, чтоб впрямь определить,
Какого естества душой их наделить
Зиждитель восхотел; каким и жизни духом,
Который по делам зрим внутренним их слухом.
Что знание в скотах, пристойное им, есть,
То за обман принять не можно, ни за лесть;
Мечтания и чувств в них сила ясно зрится,
Но от какой души сие всё в них творится,
Незнание мое охотно признаю,
Приемля правду в мысль конечную сию,

Что больше сотворить могущий есть создатель,
Неж человек понять возможет рассуждатель.
Едино говорю, что чистого в них нет
Ума, который всех в нас умствований свет,
Кой естеством своим бессмертен есть вовеки
И коим от скотов мы разны человеки:
От вещества сему дано мысль отвлекать,
А при единствах всех и бесконечность знать.
Нет знания у них такого непреречно:
Не знают те никак, что истинным есть вечно.
Махины суть скоты, не без души однак;
Бездушными назвать по опыту не так
Растения, и жизнь, и чувственность толь нежну,
Понятие, мечту, мечте и память смежну
Ежеминутно мы зрим ясно толь в скотах,
Что не́льзя впрямь сказать: души нет в их телах;
Так утверждать весьма есть совести противно,
Хотя вельми и то, чем могут знать, есть дивно.
Один Картезий был, кой смело рассудил
И ма́хинами скот простыми утвердил;
Дать души, по его, скотам, то дать и вечность
Бессмертную ж душам, в сем у него преречность.
Картезий пусть твердит, что те бездушны суть;
Я к бытию душ в них другой имею путь;
Я знаю, что душа их есть иного рода,
О вечных правдах нет в ней мысли, ни довода;
Различие сие имеет с той моя,
Бессмертна по себе, об их уверен я,
Что смертна есть она, что с телом умирает
И что смертельность та душ наших не стирает.
Против Декарта весь наш опыт вопиет,
Что мысли он и чувств животным не дает.

Но вас, у коих плоть собою только мыслит,
В презренных разум мой и в нечестивых числит.
Движений быть должна, по-вашему, степень,
В которой плоть еще в свою не мыслит лень;
Потом долг наступать другим степеням разным,
С каких уж вещество перестает быть праздным
И станет вдруг себя извнутрь в тех познавать,
Познав, о прочем всём доводно рассуждать.
Положим мы теперь на время за неложно,

Что мыслить веществу, как духу, есть возможно.
Но двигов тех степень кто точную избрал?
Линéю кто нашел, по той и двиги склал?
Величину, размер, фигуру кто и точность
Во всякой части в нем? кто всю другу побочность,
Котору нужно в тех движениях иметь,
За равномерность бы в себе не залететь?
Снаружи учредил кто стройное толь тело,
Что всяк по мере член свое имеет дело?
И словом, свойство всё кто оно изобрел,
Чтоб мысльми вещество ленивое согрел?
От коего нельзя отнять ни малой части,
Тому чтоб не престать уж мыслить в той напасти?
Безумный не возмог ни чинна вещества
Припадок сделать вам, не то что существа
Разумного того и мысляща природно,
И умствующа так в себе еще доводно.
Итак, хоть положить, что мыслит вещество,
Сказать долг, что ему мысль дало божество.
Отстать уже пора от глупого припадка:
Не мыслит плоть, ниже́ и мыслить без придатка
Возможет та собой; а тот душой всегда
Без всякого уму зовется в нас вреда,
Спряженной с веществом премудро вышним богом,
Для ведомых концов ему в могутстве многом.
О скотских не душой доказывать делах —
В безумных самому быть долг тому скотах.

Хоть в древних мудрецах, Евсевий, не свершена
Вся мудрость толь была, коль наша просвещена,
Однак, предвидя те разврат людских умов
И заблуждений всех и всех обманов ков,
Старались утвердить, что в целую вселенну
Ум вышня божества есть разлит нам явленну,
И что его всегда сама премудрость в ней,
И действует везде она в натуре всей,
А особливо есть то действие в животных,
Как души в наших суть телах непраздны плотных;
И что оно их всех собой животворит,
Так, ныне как уж мнят, побудок не морит.
Твердили те тогда, что искры вышня бога,

От разума его нашедшие премнога,
Рождаемого суть началом естества,
И что их каждый скот, прияв от божества,
Содержит внутрь себя до самыя кончины,
При коей сила та, бессмертия с причины,
От персти отстая, до вышних всходит гнезд
И пребывает там между зарями звезд.
Сих мудрствований есть хоть мнение и ложно,
Но разума исполнь, притом и осторожно.
Вергилий, римских верьх пиитов и глава,
Георгических книг оставил нам слова,
Стихов и мерой стоп между собой сплетенны,
О мнении таком там ясно приведены.
Он земледелий в них поя о всех делах,
А лебединый глас свой взнесши о пчелах,
С обычною себе воспел там красотою
И предлагал сие так слога высотою,
Что хитрость оных пчел к тому уж привела
Взирающих на их толь мудрые дела,
Чтоб в них им признавать ум божий достоверно.
Наполнив оным бог всё небо пребезмерно,
Весь воздух, землю всю, пространны все моря
Им полнит, равно тварь животную творя,
И в оной тем умом пота он пребывает,
Пока животных тех состав не истлевает;
Потом, что сущность в нем бессмертна и проста,
В число восходит звезд в превыспренных местах.
Ко мнению сему всяк стоик пригвождался,
А прежде еще их Платон в нем утверждался;
И толь, что целый свет[1] животным звали уж,
Который был по их с умом жена и муж.
Сих множество божеств в единое сливали;
Однако тем они натуру признавали,
Которая была как вечная у них
И беспредельна так в свершенствах всех своих,
Божественна притом и купно всемогуща,
Премудрая во всем, она и всюду суща.

Но, о! сиявши вы толь в славе мудрецы,
Вы были по своей той мудрости слепцы.

---

[1] Из новых сего мнения был Иордан Брун, италианец.

От стихотворных снов себя далеких мнили
И дорого себя пред ними толь ценили;
Однак, и не хотя, на их вступали след
И упадали так вы в тот же самый бред.
Приписывали ум таким частям во свете,
Которы о себе быть не могли в примете;
Да и не токмо те могли что разуметь,
Но не могли нижé понятия иметь.
Теперь, но поздо уж, Олимпу вы дивитесь,
Как красотой его, лишены сей, язвитесь;
На обличений стыд, дано вам знать, как мню,
Недопущенным всем небесных зорь ко дню,
Что мудрость в вас была безумие слепое,
Порочной слепоты, ту признававших, вдвое.
Однак, при густоте в вас бывшия здесь мглы,
Нам должно вас почесть достойных похвалы,
Что ничего собой не мнили в свете ставша,
Но от премудра всё, вещали вы, создавша.

ЭПИСТОЛА IV

Сею эпистолою доказывается премудрость и благость божия по составу человеческого тела. Описываются, во-первых, твердыи члены, кости и жилы; а потом жидкие части, кровь и неотлучная от нее вода; упоминается и о покрове всея телесныя махины, который есть наружная кожа, проверченная нечувствительными скважинками, называемыми порами. После сего предлагается о всех частях, как внешних, так и внутренних, порознь. Сие описание начато с ног, начинающихся от подошв, идущих до колен и окончивающихся при нижней части утробы. Наблюдается, что всё тело есть равномерно с теми подпорами. Ребра внутри начались от санныя кости и идут дугою; ими ограждаются внутренние части. Если б спина была из одноя кости, то б человеку сгибаться было невозможно. Все части, в нас дышущие и жизнь сохраняющие, лежат при ребрах, но, где желудок, там ребра не смыкаются, дабы ему свободно было распространяться. Производится описание рукам, утвержденным в плечах, числу их перстов, составов их и не оставляются и оныи на внутренних концах перстов самыи малые бугорочки, без которых невозможно б было удержать и поднять волосков и подобных мелочей. Предлагается о шее и о голове, также и о головном

черепе; а наконец о передней части головы, то есть о лице. Описываются пять чувств телесных и по составу и по действу: чело, нос, уста, как украшающие лице, а по устам еще видимы и страсти человеческие. Упоминается о действии языка и об его скорости; о голосе человеческом, что он то подал причину к вымыслу мусикийских органов. Во всем человеческом теле зрится ясное премудрое намерение сотворившего оное. Мозг и память толь удивительные, что одни довольны к изъявлению мудрости создавшего. Предложенное описание хотя всё есть физиологическое, однако оно не вступало в глубокость анатомии, но токмо показывает вкратце вышнего премудрость. Усмотревается верховный разум в мере роста человеческого. Заключается неизреченною божиею к нам благостию, что мы умираем по телу, без чего не имели б мы здесь надлежащего нам благоденствия.

Пре́йдем от животных до святейшего из них
Смыслом человека, и, по нас уже самих
Вышнего премудрость зря, оной почудимся;
Благость вознесем его, ввек ей предадимся;
Возвеличим силу всемогущего творца
И возлюбим сердцем чадолюбного отца;
Он, Евсевий, сотворил нас себе собразно,
По подобию создав своему, не разно.

Коль твое пречудно, боже, имя по земле!
Быть земной подобным не благоволил нам тле.
Малым не́чем от чинов уменьшил небесных,
Зиждя и разумных нас, купно и телесных.
Славою в отмене восхотел нас увенчать
И над всем поставить первыми, всему в печать.
Се нам каждая тварь честь должную приносит,
Слушая нас о тебе, тя и превозносит.
Велелепность выше светлых есть твоя небес!
Множество повсюду непостижных толь чудес!
Господи! о! боже наш! Имя твое чудно!
Человеку по себе тя познать нетрудно.

Начнем, в-первых, тело человече разбирать,
Истиной сотворша, нечестивых ложь стирать.

Чадам скажет всяка мать: я не понимаю,
Как вы в чреве зачались, и совсем не знаю.
Тело нам, конечно, не родители творят:
Рождшееся токмо из утробы оно зрят.
В устроении того нет их малы части,
Не имеют никакой то составить власти.
От земли всё взято, но всевышний наш творец,
Мнится, в том искусство показал свое вконец.
Гнусно вещество, но коль вычищено делом!
Не вчерне всё видно уж зрится нежным телом.
Видим мы, что кости держат на себе всю плоть;
Утлы, но не скоро можно вдоль их расколоть.
Распростерты всюду в той, будто верви, жилы,
Больше к твердости еще придающи силы;
Раздаясь в составах и спрягаясь в них, дают
Способ нужным двигам и потребну масть всем льют.
В должном расстояни кость всяка разгибаясь
И способно в вертлугах та своих сгибаясь,
Держит человека не вводя его в напасть
И не попуская всячески ему упасть;
От других причин сие иногда бывает,
Не костей от слога в нем, что он упадает.
Коль все слабы члены, диво есть сие из див,
Но в трудах коль тверды и коль сильны напротив!
Как истлеет тело в прах наше уж по смерти,
Неких и тогда костей нéльзя вдруг тле стерти.
Становые жилы от мозгу все врозь идут,
По своим же трубкам духи жизненны ведут;
Таковыи духи все суть толь скоробежны,
Тонкостию существа толь они и нежны,
Что отнюдь их бега невозможно нам понять,
Тонкости ж ни взором, ни касанием обнять.
Вся их óна быстрота, чувствам не постижна,
По природе есть в себе повсегда подвижна;
Те во всем так теле бегают от края в край,
Приключают двиги нечувствительно как втай
И в различны те собой виды претворяют,
Сделав то, потом другой сделать ускоряют.

Тело человече разными внутри частьми,
Жилами, и влагой, и парами, и костьми,

Как от дебрей в густоте, будучи изрыто,
Кожею всё есть вокруг гладкою покрыто.
Та тонка собою зрится в некоих местах,
Как-то на ланитах, на челе и на устах;
А сие для красоты и для нежна взора,
Нашим лучшим бы частям быть не без убора;
С краснейшего если кожу снять когда лица,
Мерзкою явится красота вся до конца,
И смотрящим уж гадка́ будет о́на рожа.
Но в других местах лежит толще та ж вот кожа,
Чтоб частям, покрытым ею, труд пристойный несть,
А себя б всегдашним трением вдруг не известь.
На подошвах, будь в пример, толще та простерта,
Тем, что ходом чаще быть долженствует терта,
Нежель есть котора на лице, а на преди́
Тое есть пред тою, на затылке что сзади.
Кожа вся сия кругом скважинки имеет,
Ими точно человек изнутри потеет;
Нам, хотя исходит ими сильный оный пот,
Иль испарин тонких, иль и ток других мокрот,
Нечувствительны они, видеть их не можно;
Только ж все отверсты толь в коже осторожно,
Что кровь не выходит оными вон никогда:
Такову имеет силу наша кровь всегда,
Чтоб сквозь тело ону зреть только можно было,
А сверьх кожи б из нее капельки не всплыло.
Ежели б всей коже тоне да и реже быть,
То б всему, конечно, кровью долг лицу заплыть
И в морщинах бы ему и красну казаться,
А не от румянцов толь живу созерцаться.
Кто ж бы так поставил в должных мерах все сие?
Коже кто и крови подал хорошство свое?
Кто сквозь кожу видеть дал роз румяность алу?
Кто лилей по коже бель ра́злил толь присталу?
Никакой не может живописец поразить
Красками нас столько и ни так изобразить.
Но верьховнейший зограф так все совершает,
Что чем пользу нам творит, тем и украшает.
В белизне различий сколько нами зрится сей?
Сколько и в румянце? сколько в круглости черт всей?

От Петрополя в лице разность до Пекина
Толь велика, что как тварь человек там ина.
Трудно в миллионах точно схожего найти
По всему другому, чтоб тому с сим в смесь
пойти.
Остов есть во всех один, разность неиссчетна;
Та особа есть остра, иль важна, почетна;
Та приятна с вида, а иная вся страшна,
Иль вся и угрюма, иль спесива, иль пышна;
Человек с лица иной есть весьма господствен,
А иной с того ж лица совершенно скотствен;
Есть лице злодея, друга ль кажуще, плута ль;
Есть лукавца кое иль глупца по всем чертам.
Зол, кого в знак естество сроду запятнало:
Как плешивых, и заик, рыжих так немало.
Хоть чело, и очи, и лице почасту лгут,
Но от моргослепых люди в опыте бегут.
Разности кто ж может все именуя счислить?
Кто и мыслию еще на разбор примыслить?
По одной основе деловца зрим одного,
Но безмерно мудра по различиям того.

В человечем теле суть трубочки премноги,
Схожи с ветвями древес, также и отлоги.
В них иными членов до конец кровь в нас течет,
А в возврат другими к центру ток свой та
влечет;
С нею неразлучен есть водный сок и пресный,
Он ее живит, чтоб путь в жилах не был тесный.
Кровию поится тело, кое человек
Собственно имеет, ра́вно как земля от рек;
В теле нашем круг ее совершенно точный,
Для нее прямый путь есть, также и побочный;
Тот в себе кратчайший, а иный должайший путь,
Ветки от сосудов неиссчетны в оном суть.
Слева шед от сердца, та прямо в жилу входит,
Ей *большою* имя есть, а по сей доходит,
По ее и веткам, до краев тончайших жил;
И обратом равных к шествию тому всех сил,
К правой сердца стороне жилою другою,
Что *дуплястою* врачи иль зовут *пустою,*
Притекает ходом к легкому уже потом,

От сего вот паки к сердцу слева; так кругом.
Должность крови: отделять разные мокроты,
Все ж и то прочь отлучать оных от доброты,
Что в них есть густое иль негодное совсем,
Чтоб вреда не сделать и не в тягость быть бы тем.
Отделяется так желчь в печени известно;
В почках наших так моча, быть ей в них невместно;
Так животны ду́хи в сложных мозговых местах,
Равно так и слина отделяется в устах.
Кровь чтоб в теле части все также и питала,
К плоти и когда к костям та уже пристала,
То собой подобна и сама бывает им,
Чудно пременившись состоянием своим.
Крови теплотой своей сохранять долг тело,
Оное и возвращать есть ее ж в нем дело,
Ибо сил текущих действом на сосуды все,
А сосудов действом на текущи силы те
Дивный нашего всего тела строй хранится,
Получает теплоту, жаром не палится.
Прочии истоки и нечувственны пары
В маленьки по коже выдыхаются диры.

Но рассмотрим уж теперь членов ряд чиновный,
Удивлению всегда в смыслящих виновный.
Сте́гна, ни́же ноги, главные подпоры нам,
Жилами, костями укрепленны твердо там,
Человече тело всё, чрез всю жизнь работно,
Держат в тягости его на себе и плотно.
Обе те подпоры изгибаются, долг где:
Чашка, что в колене, для того в своей чреде,
Чтоб сбираться без труда слогам можно было
И чтоб каждое легко и способно плыло.
Каждая подпора получила свой подстав,
А в подставе всяком разно собран есть состав,
Но толь стройно сопряжен, что ему сгибаться,
Да и разгибаясь впред можно подаваться.
Из различных но́ги состоят в себе частей:
Маленьких в них много ладом собрано костей;
Много в них и жил весьма, двигам бы острейшим
Обращаться долг куда и бывать быстрейшим.

На ногах и пальцы гибко движутся в складах,
И приметить трудно скорость гибкости в следах.
На которую страну тело б ни склонилось
И в такой пришло прицел, что чуть не свалилось,
Выбегают обе то́тчас но́ги вдруг напред,
Сдерживают тело, не пуская пасть во вред,
Службы никогда сея те не забывают,
Но из всех сил повсегда нам в том помогают.
Те подпоры те́ла с половины начались
И на половины ж по себе там разнялись;
В каждой половине их многи суть составы,
В них другому служит сей вместо сам подставы.
Всё ж сие, чтоб можно без боязни нам ходить,
Совокупно но́ги, также разно разводить,
Как угодно — так сгибать, разгибать ли прямо,
Нет отнюдь в тех ничего, было б что упрямо;
Наконец, способно б и садиться было нам,
А сидеть — подушки мягки суть по сторонам.

Всё с подпорами у нас тело равномерно,
Внутрь содержатся все в нем нужны части верно,
В самой им средине надлежало пребывать
И себя надежней в перепонках укрывать.
Ребра от спины дугой по числу взрастают,
Как за́бралами те все части ограждают.
При утробе ребра не смыкаются с собой,
Действовать утробе не препятствовали б той;
Принимая так живот пищу внутрь особно,
Расширяться может в сей пустоте способно.
Кость, котора спину посредине вдоль делит
И котора ребра от себя в дугах далит,
Если б вся была пряма и тверда собою,
То б согнуться не́льзя нам нашею спиною.
Се на то создатель мудро толь предусмотрил,
Что ту из составов сложных купно сотворил,
Кои все, один в другом укрепившись ладно,
Могут раздаваться тем и сгибаться складно;
Посредине скважни сделаны у позвонков,
Не остановить бы хода жизненных духо́в.
Но как и костям самим много не дивиться?
Их природе так дано в вещи появиться,
Чтоб быть столько твердым, что и после, как уже

Тело сокрушится, невредимы те ниже́;
А однак несчетны в них дирочки, как соты,
Отчего те и легки и для их же льготы,
Мозжечку в средине преисполнены оне,
Кой им есть как пища изнутри, а не извне.
Кажда пронзена есть кость, и в том месте точно,
Где в нее втекает сок из других нарочно.
Все концы суть толще обычайно у костей,
Нежели у средних толстота их есть частей:
От другой дабы одна возмогла скоряе
Повернуться, и чтоб быть двигам их споряе,
Не препятствующим прочему быть ничему
Движимому в теле, в стройном ладе, потому.

Все при ребрах по бокам вплочены́ орга́ны,
На дыхание что нам и на жизнь созда́ны,
И от коих пища тлеет и бывает кровь,
Происшедша в теле по истлениях тех вновь.
Нужно людям нам дышать: то в нас прохлаждает
Внутренний жар, кой всегда кровь в нас возбуждает
В круг неоднократным волнованием своим
И духо́в животных разбегание за ним.
Воздух вну́трь питает нас, он и непрестанно
Обновляет всё, что есть в нас на жизнь созда́нно.
Тление внутрь нужно, ибо пища чрез сие
В кровь и плоть во время пременяется свое;
Кровь, в животном вкруг ходя, в члены всюду входит
И, где должно, тела вид на себя наводит.
Кровь есть сок полезный: недостатки каждый член
Все им награждает и бывает укреплен
В силу, той когда из них всяк в себе лишится
И не бодро дело уж через него вертится.
Легкое, втягая воздух внутрь на каждый миг
И чрез сопротивный испуская оный двиг,
Провождает кровный ход, тот творит поспешным,
А животному дает цвесть и видом внешным;
Из орга́нов наших внутреннейших всех
Легкое есть точно дующ непрестанно мех,
То в движении всегда, движет тем все части
И не престает хранить всю жизнь от напасти.

Но как опустеет котлик наш, кой есть стома́х,
То он приключает голод человеку в мах:
Хочет он наполнен быть ядию вот паки.
Всяка пища, как в него придет после жваки,
В нем варится то́тчас и меняется в млеко́,
Кое к сердцу и́дет, обходя путь далеко.
Там приемля вид и цвет, всю и кровну силу,
Входит в ту *большую* так, как сказал я, жилу.
Но пока тот в жилках идет сок еще млеко́м,
Всё, что есть непрочно, отвергается броском;
Из желудка ж исходя собными трубами
(Сии все удалены многими кругами
От органов оных, коими дышим внутри),
Идет вон из тела чрез отверстия без при.
Оное не токмо нас тем не истощает,
Но от бремени еще смрадна облегчает.
Словом, в человечем столько теле есть чудес,
Что конечно должно здатель быть от небес.
Правда, в внутренних частях красна нет убору
И не столь приятны те, сколь наружны, взору.
Но сие знать должно, что они сотворены,
Не чтоб всяк их видел, но, чтоб жили мы, даны:
Зрим намерение мы нас всех сотворивша,
А те части от очей наших утаивша,
Что без крайня видеть ужаса не должно нам,
Как утроба вскрыта представляется глазам;
И что о́ну раскрывать, может быть, мы чужды,
Без пристойныя к тому крайнейшия нужды.
Страшно и ужасно раненого близко зреть
И по нем не можно, видя в ранах, не жалеть.
Внутренние те однак части больше дивны,
Хоть видению они по себе противны;
Любопытству болей можно в оных примечать
И творца искусна, по всему в них, величать.
Подлинно, что части те, в хитрости обильны,
Чудным действием своим зрятся все толь сильны,
Что явить вдруг могут всемогущего творца,
И того премудра и блажайша без конца.

От раме́н произросли по странам две ру́ки.
Сими каковы творим и колики штуки!
Долготою равны обе меж собой оне.

То как переклады распростерты при стене,
То как весла у судов, то у птиц как крила,
То как ветви древ их власть вышня сотворила;
Иль моя с чужою как фестон между столпов;
Словом, человеку вместо ль поданы рабов,
Больше ль на красу ему, впрямь сказать не можно:
Обое то зрится в них вдруг от нас неложно.
В плéчах утверждéнны, нужным им снабдены всем;
Двиги есть без нужды можно делать им затем.
Мера в них обеих есть такова нарочно,
Что все части доставать тéла могут точно.
Часто в них и сильны жилы, для то что несть
Труд частей всех в теле больший должно оным есть.
Их составы таковы, что в себе по воле,
И еще без всяких нужд, мене ль то иль боле,
Каждую вещь могут и отринуть, и схватить,
И привлещь, и всюду привлеченну обратить,
И связать, и развязать, и держать как годно,
Действовать в свободе им так и инак сродно.
Пятерицу перстов у обеих видим рук
Делать бы им каждо легче дело и без мук.
За наконешники им прúданы и ногти,
А сгибаться пополам есть у них и локти.
Дивны и горбочки перстов на концах внутри;
Волоски, соломки, ими сжавши, всяк бери.
Руки человеку так напоследок нужны,
Что при случае сдержать тело всё услужны.

На плечах в средине шея вверьх произросла;
Твердость ей и гибкость вышнего власть подала.
Нужно ль несть на голове что-нибудь тяжело?
Шея станет вся тогда твердое толь дело,
Что как та из кости только сделана одной.
Если ж наклониться должно будет головой
Иль куда ту обратить, то свободно выя
Обращается на те в миг бока самыя;
В ней сие предивно: хочешь ли? тотчáс прытка
И тверда бывает, почитай и вдруг гибка.
Сверьху шея на себе головный шар носит,
Да и так, что никаких свне подпор не просит.

Телом человечим обладает всем глава:
В ней наш смысл и знаки из нее уму, слова́.
Буде б меньше та была, то б в ней меры с телом,
Как пристойно, не нашлось размерений делом.
Буде ж бы та больше, не считая что одна,
Из всего та те́ла, не была отнюдь складна́,
Тягость бы ее в одну сторону склонила:
Тем бы отняла красу́, вред бы причинила.
Окружают кости крепкие со всех сторон
Голову ту нашу нужных ей для оборон;
То ж, дабы ей содержать без вреда в средине
Всё сокровище, из двух в каждой половине,
Кое там зиждитель щедро восхотел укрыть,
Равно как бесценный в землю клад, в нее зарыть.
В голове мозг мягок, сыр, хлипко уготован,
И на самых тонких он жилках весь основан.
Здесь вся хитрость точно непостижного ума:
Мозгу надивиться невозможно есть весьма!
Череп, как нарочно, сам об очах радеет,
Об ушах, о носе, рте: скважины имеет,
Но таких отверстий, уды требуют каких,
Изочте́нны мною, в положениях своих;
Суть в сплетениях везде жилы там пресложных,
На потребу все от рук связаны художных.
В кость хрящ положен, а положен для того,
Чтоб идти в мозг прямо вонности всей чрез него.
Жил устроено число оных всех двойное,
Чтоб, когда с одной страны действие какое
Повредиться может, было равное с другой,
Не от сей где службы жилы, ин дабы от той.
Все органы сии так слог имеют срядно,
Что их может человек обращать как взглядно;
Он их обращает на сию или страну,
Иль им на едином пребывать велит стану́.
Шейныи составы все помощь им собщают
И собою все те вдруг должно обращают.
На затылке части тве́рдейши положены́
И к тому ж покровом волосов обложены́.

Предня часть всея главы есть лице толь слично,
Кое так положено́, как весьма прилично;

Человеку óно достолепна красота
И его достоинств светозарна высота.
Чувственныи члены в нем сóбраны прекрасно
И поставлены, где быть долг им не напрасно;
Их такой порядок и такой престройный чин,
Что местáм дивиться, не самим, коль есть причин!
Очи под челом среди, в месте самом главном,
Расположены с собой в расстояни равном;
Чтоб им всю тварь видеть, коль была б ни далекá,
Коль ни приближенна, коль вдали ни высока!
И чтоб, видя, стереглись к пользе человека
До назначенны ему здесь кончины века.
Сотворивший очи на видение нам дня
Искры в них небесны и небесного огня
По щедроте положил, да и красотою
Возвеличил, ничему б не равняться с тою.
Сии суть зерцала: образ всяк в них естества
Начертан бывает мудростию божества;
Всю природу видит ум светлыми очами,
Света подают ему свет зарей лучами.
Чудно! и постигнуть точно есть не малый труд,
Что зрим не двойные вещи, а двойный зреть уд;
Долженствует нас дивить много то самое,
Что не видим мы вещей одинаких вдвое.
Мудрости в сем вышни, в мудрованиях нелеп,
Точно кто не видит, и с очами тот есть слеп;
Тот не токмо назван быть может малоумным,
Но бессмысленным совсем и страстями шумным.
Коль не меньше дивно, что мы зрением своим
Не в обрат все вещи, да верьх вéрьхом прямо зрим!
Всё сие премудрость нам в здавшем изъявляет
И его толика быть верить заставляет.
Как припадку многи чудеса толь сотворить?
Может ли, кто с здравым разумом, так говорить?

В оке оболочка есть, в-первых, роговая,
Зрáчка с предней стороны, с задней тьмой густая.
Следует за сею, виноградной что зовут,
С дирочкой в том месте, в коем зеницу кладут;

Влага есть сея вокруг водная недальна,
Влага следует потом именем кристальна,
А стекляны влаги обретается не вне.
У сея простерта, в дальности, на самом дне
Сеточка тонка́ вельми, зрительства из жилок,
Много тут как узелков, так чуть зримых дирок.
В древних неки мнили, испущением лучей
Зрение что наше делается от очей.
Но что звезды видим мы оны неподвижны,
Кои б были все лучам нашим недостижны,
То догмат сей древних опровержен самым тем,
А новейшим мудрым и неугоден стал всем.
Восприятием лучей, мудрствуют уж сии,
Зрению твориться в нас; те лучи златыи
От вещей идущи, в оболочках наших глаз,
Также в их и влагах преломляются всяк раз,
Чтоб на сеточке сойтись и вещей вид точный
Сшедшимся изобразить чрез предел нарочный.
Некоторы мужи древних пе́рвейший догмат
Вкупе съединили со вторым и новым в лад:
Так и зрению у нас быть уж рассуждают,
Что доводами весьма сильно утверждают.
У очей суть веки, влажа б окружали их,
Чрез ресницы, брови защищали б от других
Нечистот и порошков и чтоб преломляли
Ход лучей и некак зной их бы умаляли.

Слышим мы ушами. Изгибна́я пустота
Уха достигает до тех самых мест, где та
Тоненька препонка есть, что тимпан зовется.
Наковальня, молоток, стремя тут блюдется.
Чуть лишь звон внутрь уха войдет в ону пустоту,
Как и не однажды поразит препонку ту.
Вот тройня орудий тех в двиг же свой приходит,
В возмущение кой внутрь воздух тем приводит.
Жилками до мозга до́йдет весь когда сей шум,
Так тогда и слышит пораженный чувством ум.

Обоняем в ноздри мы, частию ж их тою,
Коя в жилках состоит мно́жайших собою.
Как в дышани нашем благовонных частки тел
Воздухом влекутся в ноздри, всюду кой поспел,

То тех жилочек крайки тем разятся разно:
Вот уму не обонять не бывает праздно.

Вкусов мы языком можем разнь распознавать:
Пирамидных много шишечек в смесь разметать
Благоизволил по нем преблагий зиждитель,
Как в премудрости всему сам производитель.
Лишь от ча́сток вкусных сделается всем им трус,
И сей в мозг прешлется, разум тот и знает вкус.
Что ж разводятся сих тел частки, то причина
Распусканию тому есть готова слина.

Кожа, способ чувства прикасательного в нас,
Пирамидных также шишечек на ней припас
Мудрый множество творец: оные из жилок,
Напротив тех и стоят, что на коже, дирок.
Вещь едва наружна тронет тела оный уд,
О чужой той вещи и произведет ум суд.
К шишечкам тихонько тем до́тык как бывает,
То приятность из того в разум прибегает;
Если ж та дотычка будет как не хороша,
Иль сильна чрез меру, чувствует болезнь душа.
Напряжением крайков в жилочках творится
Сильным, что сильняй болезнь в чувствии
острится;
И чем ближе при́дет к разорванию чего,
Тем чувствительнейший будет боль нам от того.
Прочии прикосы все так бывают внятны,
Что ни бо́льны их себе ставим, ни приятны.

Придает величий и красы лицу чело,
Кое, как пристойно, выгибом так и кругло́.
Буде б посредине нос не был, то б явилось
Плоско наше всё лице, тем бы осрамилось;
Он стоит меж взором и устами, чтоб понять
Всё, ему как до́лжно, духом точно обонять,
Что на пищу может быть здраво и пригодно,
И по духу что тому, кушать нам есть сродно.
Рассмотри румянец благолепнейший устен,
Коль их цвет сияет! Коль красно́ тот оживлен!
Всё лице красят устна! Купно те с очами
Освещают зрак наш весь чистыми лучами:

Веселят, печалят, показуют тишину,
Изъявляют духа низкость, также вышину,
Чувствуемым страхом внутрь равно поражают;
Словом, кажду на лице страсть изображают.
И устна не токмо восприемлют ядь в уста,
Речь всю прерывают, не была б речь коль часта.
Но когда отверсты суть, то вдруг показуют
Два порядка внутрь зубов: десна их связуют.
Ими прежде пища истончится всяка в мах,
Жваная уж после и́дет оная в стомах.
Сходит впрочем та в него трубкою не тою,
На дышание творец даровал нам кою;
Меж собою хоть сии очень близко расстоят,
Но собщений купно дружка с дружкой не творят.

Действует язык в устах толь всегда поспешно,
Коль бряцающих нам зреть пе́рсты в песнь успешно.
Ударяет в нёбо, зубы он бьет иногда,
Щеки то внутрь лижет, гибок всё то повсегда.
От него каналец есть сквозь гортань до груди,
Сами зреть его извне мы не можем, люди;
Сей весь из колечек очень малых состоит
И свою средину на́полы он не двоит,
Но по всей той пустоте чист, ничем не занят,
Будто б как нарочно был на сие он нанят,
Чтоб отнюдь идуща духа внутрь не пресекать
И всегда б конечно светлый голос издавать.
В нёбе и у стороны, да не чем сипеет,
Малую каналец сей скважинку имеет,
Коя есть похожа на свирельную собой,
А сжимаясь, также разжимаясь, голос свой
Произносит толще тем иль гласит им тоне,
Как потребностьми сие требуется в звоне.
Но дабы внезапу положенна пища в рот
В духовый каналец не вскочила прямо тот,
От гласо́в канала есть кровелька такая,
По которой всяка ядь, слинами смокая,
Катится с языка надлежит куда вниз ей
И где быть потребно по пристойности своей;
Та мягка́ толь и тонка́, что, дрожа в гортане,
Голосу красу дает в звонком как органе.

Мнится, что довольно мудрость вышню изъявить,
Смыслящего ж можно пребезмерно удивить,
Ежели, коль ни слегка, внутренних составов
Наших токмо ряд сказать, чин и их уставов;
Человеча гласа всеприятный сей орган,
Кой на разность звонов и на красоту нам дан,
Мусикийских лир и труб роды превышает,
Следует ему из сих всяк, да возглашает.

Описать кто может нежность всех орга́нов в нас,
Коими собщаем прочим многозычный глас?
И которыми дели́м сей мы глас на части,
А на члены части те, не боясь напасти,
Чтоб ту непрерывность пресещи́, где так деля,
Да и от сечений многих оных не боля?
Что за множество гласов и толико разных
Поражает слух мой так, в звонах же не праздных?
Что за чудо! Гласы ль странны толь чрез свой закон,
Что, и как умолкнут, оставляют в слухе звон?
Так что рядом и тогда всяк член разделяю
И ни сладости в себе, ни их умаляю?
Не намерение ль мудрое в благом творце,
Смогшем всё, толико и попекшемся дельце́,
Что нам завес даровал влажный он на очи,
Тем бы нам их закрывать, найдет как тьма ночи?
А чтоб быть отверстым нашим и тогда ушам,
Да разбудят вскоре в страшны шумы по ночам?
В очи наши кто всадил небо, море, землю,
Так что кажду тварей сих видя вдруг объемлю?
Как толь в малом уде может умещаться вид
Величин огромных малостям всем без обид?
Что за сила в мозге та, коя сохраняет
Воображенное в себе и не погубляет?
По премногу книгам удивляемся затем,
Что хранят исправно прошлы бытия совсем.
Коль же мозг и память есть наша несравненна
И ничем и никогда прямо оцененна!

Всяк находит точно при потребности своей,
Сколь ни есть лет прошлых, впечатленный образ в ней.
Всяк что в той ни призовет, так то скоро придет,
Как что ни отошлет он, вдруг всё и отыдет:
В неизвестном месте кроется всё уходя,
Равно как, другого не могло б стеснить, радя.
Книгу воображений всяк вольно раскрывает
И, когда захочет, ту скоро закрывает
Иль прекидывает в оной все листы скоря,
От доски заглавной до доски в ней задней зря.
Представляет та ему, за прилежны иски,
Нужных самых прошлых действ верные записки.
Но слов склад всех оных, кои в памяти ум чтет,
Ни следов, ни чёрток в мозге нашем не кладет;
В книге оной вещество тонко есть и нежно,
Только ж долго пребывать прочно и надежно,
Как не удивиться вседержавной силе той
И руке премудрой, сотворившей чин такой
Из земли несродны толь! нежные толь части
Сотворившей, говорю, из земли по власти!
Как и не признáем благости чрез зриму мощь,
Если не объемлет грубых нас страстей здесь нощь!

В анатóмическу глубь был я не намерен
Описанием вступать: тщался быть здесь верен
Кратким, да и вкратце, изъяснением всего,
Что единым взором каждому познать с того
Всё искусство во творце, весь мир сотворившем
И в едином теле тот нашем сократившем.
Человек по телу больше мог и меньше быть.
Если б были меньше, бедствий бы в нас не избыть:
Многи зверныи скоты зáвсе нападали
И, конечно б, не боясь, нас они топтали.
Буде ж бы великим чрезвычайно всем быть нам,
То б обжирцы были человеки по устам;
Много б пищи мы в числе малом поглотили;

Коней и других скотов мы б не находили,
Коим бы возможно на себе нас здесь носить;
Весь бы тем порядок должно было нам смесить;
Не могли найти веществ мы себе довольных
Как к строению градских, так домов напольных;
В тягость мы б уж были в жизни и себе самим
И животным равно, сделанным для нас, другим.
Но умеренность сия человеча тела,
Вымысла премудра толь и премудра дела,
Что един сановный в величавности наш вид,
Кой из всех животных в выспренняя токмо зрит,
Отменяет нас от всех тварей тех созданных,
На потребности притом наши здесь нам данных.
Нет у нас орудий, каковы суть у зверей,
Но у нас досужество, в недостаток мнимый сей,
И действительное толь, что мы усмиряем
Лютости во всех зверях, их и покоряем.
Человек заставит ласковым к себе быть льва,
Сей к нему приходит без прошения и зва.
Он употребляет в них неких на забавы,
Укрощая и в слонах дичь и дики нравы;
И на сих он ездит, и на тиграх быстрых тех,
Преодолевает, словом, человек их всех.

Благ премудрый к нам творец сотворив толиких,
Как ни малых телом нас, так и не великих.
Благ, что умираем: неиссчетно нас число,
Жить определенно уместиться б не могло
На земном уж для числа непространном шаре;
Были б непрестанно мы и в бессмертном сваре.
Как знать? Мы б и в гордость ближе были упадать, —
Разве б особлива удержала благодать.
На падение мое в праотце взираю:
Винный и преступник уж так я умираю.
Ведаю, что смертность наша есть греха оброк,
Но благотворитель не оставит нас и в рок;
Мертвенность он нашу здесь дал нам в благодейство
И преводит так по ней в вечное блаженство.
Се хотя по правде умирать нас осудил,
Но вред в нашу ж пользу благостию обратил.

Тем, как правый судия, отдал смерти в жертву
Тело в должный час, сему б быть тогда уж мертву!

Как вода с мест горних пу́щена в верьх с шумом биет,
А прегнувшись весом, вопреки струю лиет;
Всё стремительство ее прямо — вдруг дугою;
И сама себя сечет сродною водою;
Быстроте покоя оной всей нет ни на час, —
Так жизнь наша буйна сильно подстрекает нас;
Всяк надежды полн, летя ж с ней к последней грани,
Сам в обратах, в суетах новых беспрестани,
Мнит, что уж до самых высочайших звезд взлетел.
Се ж его в едино преткновение предел,
Купно все и мысли в нем вмиг обуздавает,
С мнимыя горы как в дол смерти низвергает.
Так, как сей источник, краткий век наш весь течет:
Исподоволь, токмо ж верно смерть к себе влечет.

ЭПИСТОЛА V

Сия эпистола равным же образом, как и предыдущие, доказывает бытие создателя превечного. Описывается в ней, во-первых, различие души с телом; потом смысленного ума два главнейшие представляются свойства, именно ж — разум и воля. Предлагается, что в уме есть навык и вольность. Описывается союз души с телом и свойства, происходящие от сего союза, то есть чувствование, образование, мечтание, память и воспоминание. Объявляется, что в уме хотящем зрится охота, подвиг и страсть; словом, вся психология предлагается вкратце, но ясно. По сем начинается дело рассмотрением, что плоть ли мыслит или душа, да и заключается, что плоти мыслить не можно. Вопрошается, кто ж бы мог соединить толь твердо мыслящее существо с немыслящим, то есть с телом, а в ответ сказывается, что, кроме премудрого создателя, некому, ибо ни плоть не могла к себе призвать ума, ни ум не

помнит, чтоб он сам добровольно соединился с плотию. Представляются удивительные действия, бывающие взаимно, от соединенных их совокупно и что коль оба сии существа между собой согласны и подвластны друг другу: особливо ж образование и смежная ему память великого удивления достойны. Утверждается, что разум наш как велик, так совокупно и слаб. Величество его в том, что он прошедшее соединяет с настоящим и проницает даже до будущего и что идеи его повсемственны и вечны, но слабость в сем, что он не сильно противится страстям. От сего заключается, что он крайнего совершенства не имеет и, следовательно, не от себя стал бытием. Но создавший его и произведший в бытность, да и сопрягший с телом, есть точно оный доказуемый бог. И понеже тело умирает, а сопряженная с ним душа, как не имеющая частей, не может на части разрешиться, то следует, что душа есть бессмертна и что сим токмо бог может ее властию своею уничтожить, но что никогда ее он по правдивости, правде и благости своей не уничтожит.

Создатель есть премудр по телу человечу.
Но смысл и разум наш когда, как долг, примечу,
То тело пред умом покажется ничто,
И мню я, что отнюдь не найдется никто,
Кой вдруг бы не сказал, что человече тело
Не может никогда с умом сравниться в дело.
Велик есть бог, что так вещь плоти сотворил,
Но бог превелий, нас что смыслом озарил,
В величии степéнь по твари различая,
В творце ж одним и тем всекрайним величая.

Различен есть ум наш от тела существом:
Тот одарен пред сим различных свойств родством.
Страдательно, в себе действ тело не имеет,
Действителен ум наш и вещи разумеет.
Всех чувственностей плоть и мыслей лишена,
Но чувственностью мысль и умством взвышена.
Тел всяких тверд есть род чрез собственно убранство,
Одно не пустит всех в свое других пространство,
Но проницает дух все рядом сам тела
И производит в них разумные дела.

Толь вещество притом в себе самом раздельно,
Что многии кладут делимым беспредельно,
Но ум прост естеством, в нем нет отнюдь частей,
Чего для много в нем внутрь о самóм вестей;
Он знает как себя, так всяки вещи внешны,
Чрез способы свою мысль изводя поспешны.
И, словом, умных свойств не можно произвесть
Из свойственностей тел, ни сии с теми свесть.
Во свете света те впрямь всё не созерцают,
Духовность быть в уме которы отрицают.
Не видим мыслей здесь в несчетности мы тел:
Ум камням и древáм не придает их цел.
Мы заключаем так доводно и не ложно,
Что мыслить веществу отнюдь есть невозможно.
Неразвращенный кто услышит, что всяк скот
Махина просто есть, вдруг засмеется тот;
Увериться о том не можно всеконечно,
И произнесшу то не выговорить пречно,
Что как махина та простая, по его,
Имеет разум весь без разума всего?
Встарь неки мудрецы, бесплотности не зная,
И все по веществу, что есть, предрассуждая,
Именовали уж стихиею наш ум,
Но пятою стихий для оного всех дум,
Незримым нéчем, иль божественным, небесным,
Тем что назван земным, то думали безместным.
Отнюдь те не могли в себе так утвердить,
Чтоб коя из земных стихий производить
Все мысли возмогла и знать себя внутрь верно, —
То прекословно быть казалось им безмерно.

Смысл что сверьх вещества наш может всё
понять
И качества вещей слагать и разделять,
Понятых качеств тех, чрез многии начины,
Разыскивает он собою все причины;
Количеств всех размер и сходства их взаéм
Он познавает впрямь все в умстве том своем;
Он мысли от единств и видов отвлекает
И, отвлекая так, повсемство постигает;
Он, словом, правит мысль, с избранием к концу,
Себе кой предложил изрядства по лицу.

От скотского ума наш точно сим различен:
Внутрь токмо есть себя познанием тот сличен
И знать еще притом имеет только власть,
Какое действо в нем иль есть какая страсть.
Но наш пред скотским смысл есть нечто превелико
И расстояний нет, что б было в чем толико;
Почти могу сказать, что столько человек
От скотского своим внутрь разумом далек,
Коль расстоит в себе от нашего ум божий
И сколько наш с умом всех совершенств не схожий.

Ум смысленный в себе сугубое сие
Содержит, но одно то суще обое;
Во-первых разум в нем, а что второе — воля:
Для до́бра чина та понятий наших доля,
Чтоб и одно в себе различным иногда
Уму то представлять, однако ж не всегда.
То разумом зовем, что внутрь нас разумеет
И о вещах собой что рассуждать умеет.
Чрез чисту разум мысль поемлет, что есть дух,
Закон, добро иль зло, и что вобще весь круг;
Он ею ж знает впрямь, что невозможно пречным
Быть вкупе по себе, а присвояет вечным
То истинам, инак не можно быть чему;
Так больше своея быть части долг всему;
Так невозможно быть и вдруг не быть конечно,
Затем что есть сие в себе самом превечно.
Сличает мысли в нас рассудок меж собой,
Зря сходства есть иль нет меж ними чин какой;
По сходству мыслей тех он их совокупляет,
Но вопреки от той другую отделяет.
Сие есть, утверждать иль отрицать судя,
К согласию одним, впреки другим ведя.

В чем воля: ум когда собой доброугодно
К тем движется вещам и движется свободно,
Которы разум наш быть судит все добром,
А отбегает он от тех, что судит злом.
Есть воля, чтоб хотеть и чтоб ей отвращаться:

Та хочет, что добро, не хочет с злом собщаться.
Противных сих в ней действ грунт состоит весь в том,
Что всяко существо во взоре не простом,
Не в возносимом свне к природе человека,
Полезно есть ему иль вредно то от века;
Тем воля здрава в нас не может не желать
Полезного всего, вреда ж не отсылать.
Желаем мы добра то для него само́го —
Сие ж и есть конец, — то для добра друго́го;
А кое для добра добро — то средство есть
Желать конца, хотеть намер свой произвесть,
Но получить конец, то сим уж наслаждаться,
На тот посредств искать, в избрании труждаться;
Отставятся ж когда для некоих примет,
Отставка та уже зовется в нас отмет.

В прибавок есть в уме и навык и свободность.
Последня — действ и та ж суждения угодность,
Без принуждений всех извнутрь и то ж извне,
Но точно вольно так, как вижу любо мне.
Неразнственна одна свобода в нас зовется,
Котора к сей и к той равно стране несется.
Сия свобода в нас тогда бывает так,
Когда есть не разгнан познания весь мрак:
Из темных мнений мы любое выбираем
И к действию при всем бездейственны бываем,
Иль делаем мы то, а нежели сие,
Хоть делать нам равно́ и было обое.
Нижайша есть степень в том нашея свободы:
Мы можем ту в добро и в зло повесть с природы,
Когда послушны мы иль разуму живем,
Иль за мечтами вслед стремительно плывем.
Другая вольность в нас нарока произвольна,
Котора ко всему всегда в себе довольна;
К сей больше, неж к стране той, клонится она,
Затем что есть сия, не та вточь избрана́.
Сея свободы вся степень есть совершенна;
Познанная уж вещь в ней темноты лишенна,
Ту избираем мы как правду и добро:
В том вольности сея и грунт весь и ядро.

Свободу не одной приписывать долг воле,
Быть также и уму есть должно в произволе;
Так заблуждений ложь вменяется ему;
Причтений всяких грунт есть вольность по всему.

Та сила навык есть, что ча́стейшим рассудком
И частейшим притом хотения побудком
Мы получаем так, а ум уж разуметь
Тем может всяку вещь способней и хотеть.
Все навыки к тому собою споспешают,
Что разум весь они и волю совершают.
Находится числом их главных только три:
Есть мудрость, добрый смысл, добро́та вся без при.
Познавши мудрость то, что праведно и ложно,
Что есть добро и зло и что в себе возможно,
Способней может уж судить и предложить
Делам своим конец, а тем уму служить;
Мы буйством то зовем, что мудрости противно.
По многим добрый смысл шед опытам предивно,
Скоряе средства так, ведущие к концу,
Прямым хотя путем, или как по кольцу,
Сам может находить, их избирать в неглумность
И прилагать к тому, но претит неразумность.
То добродетель есть, кто по любви когда,
Но умной, полнит всё, что должно есть всегда;
Противное что ей, зовется то пороком,
Но большим как добро не любится нароком.
От навыков ума телесны различать
Конечно должно есть: скоряе сим качать
От разума дано телесныи все члены,
Что чаще духи к ним бывают устремленны.
Разумный навык как бывает зрим отвне,
Наукою тогда зовется он во мне,
Но навыки так зрим, когда мы воли правы,
То называем те уже мы до́бры нравы.

Премудрый, всеблагий, всемощный он творец,
Создавший умну тварь блаженства наконец,
Сопряг духовный ум в нас с телом милосердо,
Но оба существа соединил толь твердо,
Что действий и страстей взаимность в оных есть.

Какой бы в теле двиг ни мог себя известь,
Тогда ж тот от ума поемлем весь бывает:
Взаимно склонность в сем, в том двиги возбуждает.
Пусть натекает сей естественно на то,
Не натекает пусть взаем из них никто,
Пусть случаем они бывают, токмо богу
В двиг тело приводить, а разум в мысль премногу;
Пусть тело от себя в движении бежит,
Себя и разум наш сам мыслями блажит,
Да ходит в них одно, как по кольцу, следами
Своими и другой да мысли шлет рядами,
Все действия ведя согласно толь и вдруг,
Что будто меж собой текут на друга друг;
Поднесь еще сего определить не можно
И знать, которо есть из трех тех мнений ложно.
Но что сопряжены, сомнения в том нет,
И что одно с другим исходит прямо в свет.
Премудрый есть союз! и больше толь предивный,
Что в разности существ быть мнится сопротивный!
Не мудрого ль сие творение дельца?
Как от припадка то возможет стать глупца?
Где мудрость такова и зрится толь велика,
Что истина уже ни в чем другом толика?
И разумом понять не можем мы сего,
Безумнейший ли тот припадок, без всего,
Возможет произвесть союз сей толь согласный,
По действам же его толь чудный и прекрасный.

И как ум сопряжен, по божией судьбе,
С чиновным телом сим, то собственны в себе
Зрит свойства он чрез то, которы в чистом духе
Не зрятся, и в его несопряженном слухе.
Чистейших сверьх идей уму приобщено
И чувствовать притом, образовать дано,
Мечтать еще тела́ и памятовать равно,
Что понято, по сем и вспоминать исправно.
Ум чувствует тогда, когда чрез чувства он
Телесны те вещей присутство и притон

В количествах и в их всех качествах поемлет,
Есть тело каково́ и есть колико внемлет.
Ум образует как поня́тые тела,
В отсутствии уже, и также их дела.
Себе колики те и каковы являет,
Чем паки пред себя их точно представляет.
Мечтает ум, как он возможности все тел
Слагать и разлучать живет поемля смел.
Ум памяту́ет, как он многи впечатленны
Вещей идеи в мозг хранит блюдя нетленны,
А вспоминает он, когда уж почитай
Забыл какую вещь, но ежели не тай
Окрестность в нем одна от вещи той пребудет,
То, вспоминая всю, всея так не забудет.

В уме хотящем суть: охота, подвиг, страсть.
Охота — склонность есть к добру, его за сласть;
Охот есть две, одна собою внутрь влагает,
Другая изнутри вон те́ла извергает.
Глад хочет ядь вложить, да укротить стомах,
А жажда хочет пить и всё смочить в устах;
Но похоть, да чрез то размножить наше племя,
Из тела своего кладет в чужие семя.
Потребность та, чтоб всем слегчиться телом нам,
Есть способ испражнять то всё по временам.
Подвижность, сила есть в движении б быть телу,
Животных тех духов по бегу в нем и делу;
Нам ясно есть весьма, что, лишь захочет ум,
В движении уже всяк тела член не в глум.
Подобен ум бойцу, мечу подобно тело:
Сим машет ум мечом, сим целится он смело,
Сим колет и сечет, сей отторгает вспять
И вкладывает сей меч он в ножны́ опять.
Страсть — сила есть ума; себе он кажет сею
Добро и зло, но так, что чрезвычайно ею
Он клонится к добру, иль к виду уж добра,
Да и от зла бежит, или от видов зла.
То самолюбность есть, что корень меж страстями:
Все прочие уж в ней как будто суть частями.
Однако случай к ним есть удивлений взор;
С сим дружны завсегда как почесть, так презор.

Любить или иметь что в ненависти — главно
Между страстями есть, хоть видом то неравно.
За сими идет вдруг — желать иль не хотеть;
Надежда уж по сим и страх, чтоб нам робеть;
По сих и радость вся, по сих печаль заботна;
По сих и пылкий гнев и склонность доброхотна.
В пристрастиях сих всех, на разный их развод,
Степеней до верьхов премногий всяких род.

Что умствуем мы так, что чувствуем, смышляем,
Что образуем, иль слагаем, разделяем,
Что помним, иль что в нас охота есть и страсть,
Что двига телу дать имеем также власть,
О том, Евсевий, нет сомнения нимало:
Всему тому есть мысль по кореню начало.
Но мысль та отчего, что толь есть хороша?
Сама ль в нас мыслит плоть, иль разна с ней душа?
Всяк нечестивый мысль ту присвояет телу,
Но правый смысл в душе такому мнит быть делу,
А сопряженный с ним на время токмо так,
Затем что быть тому отнюдь нельзя ина́к.
Хотя и положить, что телу мыслить можно,
Однак при том сказать так надлежит неложно,
Что мыслит не всегда конечно вещество
И что есть таково в себе то существо,
В сей мысли кое час, за пятьдесят отсюду
Не мыслило то лет ни вне, ниже внутрь уду:
Вот в отроке каком плоть за двенадцать лет,
Как оный не исшел рождением на свет,
Не мыслила отнюдь и знаний не имела,
Ни о себе самой, конечно, не радела.
Затем долг говорить, что вещество сию
Всю получает мысль, в потребность ту свою,
От некоих частей, изрядно учрежденных
И в долг и в стройный чин разлогом приведенных.
Воззрим на камень мы иль на бугор песку,
Хотя пребудем коль ни долго мы в иску́,
Однак мы в камне том ниже́ в песке обрящем
Ту нашим мысль трудом, ее ни тени срящем.
Итак, чтоб в веществе те мысли произвесть,
То особливо всю исправность должно снесть;

Его расположить, во-первых, долг натуру
И в оном учредить пристойную фигуру;
Потом его частям приличный двиг подать,
Всё мерой, всё числом, всё весом разверстать.
Но кто ж сию нашел толику равномерность?
Вступить в сию кто смог подробностей безмерность?
Начать кто двиг сперва так точно, должно как?
В степени точно той, а не в другой не так?
Кто в гнусном веществе, то превращая снову,
Чтоб тело сотворить, расположил основу,
Родившись кое так и точно как без дум
С часа приходит в час в понятие и в ум?

Но, напроти́в, когда то вещество собою
Не может помышлять времен всех долготою,
А должно, чтоб к нему другое существо
Пристало для того в союз тверд и в свойство, —
То, вопрошаю я, быть долг ему какому,
Которо к телу так пристав тому людскому,
В нем производит мысль в то время, как оно
Из вещества того на свет изведено
И как то вещество в движени пребывает,
В разнь способов и в разнь себя мест порывает?
Те оба естества не сходны меж собой:
Одно возможем знать фигурой мы какой
И знаем по его сие мы двигам ра́вно,
От качеств, и частей, и от количеств справно,
Рассудок мы в другом и мысль находим в нем,
И то нам о другом не подает при сем
Идеи никакой, да, напроти́в, есть дивно,
Что зримо всё в одном — другому сопротивно.
Итак, осталось знать, чем оба существа,
Различного совсем между собой родства,
Соединились толь претвердо в человеке,
Что от себя взаем в его зависят веке?
Телесны двиги чем раждают скоро мысль,
А скорости тоя не счислишь, коль ни числь?
Чем мысли в быстроте и той неизреченной
В обратности велят быть телу уреченной?
Собщении сии чем с восемьдесят лет
И более к тому ж в исшедшем теле в свет

Претвердо может толь взаимно содержаться
И беспрерывно весь людский век продолжаться?
Чем двух существ союз и розно действо их
Бывают точны так во всех делах своих,
Что и понять нам то и разобрать довольно
Не можно есть отнюдь, коль ни трудимся больно?
Кто сии существа взаем соединил,
А разность в обойх толь ясно разгранил?
Те сами меж собой вточь не соединились
И, друг на друга зря, взаимно не склонились:
Плоть не могла к себе призвать того ума,
Она его понять не возмогла сама,
Ни мыслить так об нем могла когда собою,
Толь праздна, толь груба и мыслей с пустотою.
Не помнит ра́вно ум, чтоб телу под закон
Нарочно поддался и добровольно он:
Сего забыть ему не можно есть подданства,
Что первого в числе в нем память есть убранства,
А вольность, существа его почти как грунт,
Так наглость с стороны произвела б в нем бунт.
Однак, бесспорно, он зависит впрямь от тела,
Не мыслит ни о чем движений в том без дела
И отлучиться сам не может от того,
Пока не разлучит телесна смерть его.
Хоть добровольно б ум пристал союзом к телу,
Не следует, однак, по таковому делу,
Что было вещество подвластно столь уму,
Что по уставу б то не шло в двиг своему;
Взаимно другу друг находятся подвластны,
Взаимно те во всех своих делах согласны.
Лишь ум замыслит, вдруг приходит тело в двиг;
Лишь в двиги плоть пришла, ум начал мыслить вмиг.
Ум восхотел, тотчас все члены и составы
Вступают точно так движению в уставы,
Не инак как бы кто их сильно натянул
Махиною к тому, бодцами иль кольнул,
И как бы знала плоть, что велено оброчно
Быть в двиге не другим, но сим составам точно.
С другой страны, едва в двиг при́дет вещество,
Как вдруг и мыслит уж разумно существо

И ощущает скорбь или какую радость,
Шлют горесть ли к нему, шлют чувствия иль сладость.

Всё премогуща толь сия есть чья ж рука,
Котора так могла велеть, что не дика
Ни плоть, ниже́ стал ум, взаем чтоб им трудиться,
В согласии чтоб быть и дружно толь водиться,
Без смеса двух существ услуги все казать,
А действия свои в единство им низать?
Кто скажет, что их так соединил припадок,
В ком смысла нет, ни сил, не горек кой, не сладок?
А буде скажет кто, то мог ли сам иметь
Понятие о том, и прямо разуметь,
Что словом он сказал, иль дать другим знать ясно,
Что сказанное им по разуму есть властно?
Когда припадок мог их так соединить,
То долг уму себя духовным не ценить.
Но ум сам кажет нам, что вещество есть разно
От разума, кой дух, и что собой то праздно.
Вот следует затем, что нету ничего
В гласимом тщетно толь припадке из того,
Чем можно союзи́ть толь твердо разум с телом,
Прямым и точным так и так согласным делом;
Премудрости долг быть, чтоб тот союз познать;
Долг благости быть тут, чтоб оный предызбрать,
А напоследок долг быть всемогущей власти
И бесконечно той державной, не отчасти,
Чтоб действом сочетать, чтоб в действо произвесть
И чтоб взаимность двух существ претвердо сплесть.

И буде плоть и ум состав несочета́нный,
Не смешенный в одно, а так и в свет изданный,
То отчего ж бы вещь, не думавши вчера,
Сегодня изводить все помыслы скора?
Итак, кто дал ей мысль иметь сам должен ону,
По разуму сия и по его закону,

Затем, что кто ее сам прежде не имел,
К поданию другим не мог тоя быть смел.
Положим, что та мысль от двига вся родится,
Различно кой весьма обратами вертится,
То из составов сих кто ж мудрый сотворил
Махину так, что в двиг ей мысли подарил?
Когда и плоть и ум два существа различны,
Ни по чему ж с собой несходны и несличны,
Премудра коя власть совокупила их
И каждому дала в уставах быть своих,
Но так, что разум весь отнюдь того не знает,
Кто с телом, да и как, его сочетавает?
Чья сильная толь власть ум с телом хоть делит,
Однак в единстве быть союзном им велит
И скорую взаем показывать услугу
И помогать во всем, всегда скоря, друг другу?

Уму над телом есть господственная власть,
Хоть и в границах та его над оным часть;
Простая воля в нас, в хотени не готовом,
Приводит члены в двиг велящим будто словом;
Без всяких мысль работ, без всякого труда
Вращает тело всё как хочет и куда.
Лишь внутренно скажу: «Ступай мое всё тело» —
Тотчас уже оно и двигнулось в то дело,
Но скоро так, что всяк член начал работáть,
Все жилы напряглись, всё стало помогать,
Вся мáхина уже послушна полнить волю,
Как разумею власть, свою ж подвластну долю.
Премудрость тайну сим мы должны разуметь,
К неизреченной той почтение иметь;
Разумный человек, тем божество познавший,
Всесильности ж его себя вовек предавший,
Единому сию всю хитрость придает,
Премудрость же его с величием поет.
Возможно ль то причесть уму, кой слабым знаю,
Хоть я его и власть над телом признаваю?
Могу ль поверить я, что воля власть сию,
Которою она вращает плоть мою,
Конечно от себя и по себе имеет,
Уверен, что свершенств не верьх в ней,
и слабеет?

Почто ж из многих тел власть над единым ей,
Которо только есть в подданности своей?
Другое по ее велению недвижно,
Хоть удаленно то, хотя к нему приближно.
Кто ж силы над одним ей телом столько дал?
И кто подвластным быть одно ей предызбрал?

Господственная власть ее слепа есть равно:
Простый поселянин умеет столько ж справно
Всё тело обращать по воле в свой залог,
Искусный в деле том коль сам физиолог.
Ум простака того повелевает силам,
И членам тела всем, и совокупно жилам,
А сам не знает их, нижé слыхал о тех,
Ни их разделов он не ведает же всех;
Однак, потребны как, порядком обретает
И за другую ту никак не принимает.
На верви пляшет кой, лишь только б захотел,
Ум в быстроте на то совсем уже поспел,
И напрягает он все жилы и составы,
Под свойственны ведя к тому всяк член уставы.
Спроси ж кто плясуна, двиг начал как он свой?
Не знает дать и сам на то ответ какой,
Не помогло ему, что внутрь так раздаваться
Или махи́не всей различно изгибаться.
Все знает струны сам, на лире кто игрок,
Их знает низкий он и верьхний рáвно бок,
Притом еще он те своими зрит глазами,
Погрешность иногда творит однак перстами.
Но телом нашим ум владычествуяй так,
Не ошибаясь, то вращает вдруг, ни как;
Не знает естества он двигов, ни причины,
Однак вращаться тем велит, хотя начины
Не силен оных знать, но чувствует их спех:
А впрочем без него не может быть успех.
По чьей же власти то, я вопросить желаю?
Кому ту приписать, кроме творца, не знаю?
Он видит всё, чего сам человек не зрит
И сам чего не весть, создатель то творит;
Мне действа все сии бывают непонятны,
Единому тому быть долженствуют внятны.
Весьма желал мой дух соделовать дела,

Ему чтоб обращать другие все тела,
Которые его отвсюду окружают
И ведомы ему раздельно толь бывают;
Но ни одно из них, по воле той его,
Не ходит никогда в двиг с места своего;
Не может повелеть подняться вверьх пылинке,
Ни, чтоб тряхнулась хоть одинажды, былинке;
Подвластно есть одно ему из тел — мое,
Ему он отдает веление свое
И, как угодно, так он всё то обращает
И двигом вдаль и вблизь, по воле, премещает.

Сие приметив всё, в учителях не мал
О действиях души словами так сказал:
«Не могут целы быть и живы без напасти,
Как токмо от души, все внутренние части,
Но легче может дух наш оны оживлять,
Неж знании об них себя сам сподоблять.
Не знает членов всех внутри себе подвластных
И слушаться его взаимно толь согласных,
Ни для чего, не весть, всяк движется состав,
Его приняв указ и нудящий устав;
Нижé причины той, что непрестанно жилы
На действие свое имеют точны силы;
Не знает, коя часть пришла в двиг прежде всех,
И сим бы всем не быть без двигов также тех;
Не знает, отчего в нем чувство не по воле,
А члены движет все, когда есть в произволе,
Зависит от души, но та не весть сама,
Что действует и как и для чего весьма».
Анатомист, своим искусством всюду славный,
Другими научен и стал в науке главный
И ведать начал так, что происходит там
И что уже творит, по знанию, он сам,
Твердит: нет нужд, тому чтоб у кого учиться,
Что расстояньми вдаль могло толь отлучиться —
Весь неба, солнца, звезд толь красный в вид убор, —
Единым взглядом се мой постигает взор.
Почто ж мне нужно есть учиться, да познáю,
Откуду двиг во мне, того не постигаю?

Коснулся к персту я, однак не знаю как,
А делается всё в угодность мне и так;
Не знаю, как творю, творю, однак, неложно
И чувствую, что так творить мне есть возможно.
Душевной власти сей над телом всем моим,
Над членами его, что совокупны с ним,
Как не дивиться мне весьма и непрестанно?
Та действует всем им, не зная как, то странно!

В образовани та сперва явна́ есть власть;
Образований мозг в союзе главна часть.
Я ведаю уже те все составы света,
До коих моего дошла ума примета:
Я образы вещей, поятых уж давно
И всельшихся, не вем как, в мозговое дно,
Зрю в мысли все моей и зрю еще раздельно,
Как сами б те внутри присутствовали цельно.
Так память есть во мне, как бы ковчег какой,
Нарочно распещрен, да будет он драгой,
Где все картины те в порядок становятся,
Как господину есть угодно, да вместятся;
Зографы ясно толь не могут никогда
Изобразить, ниже́ в безмерности труда,
Коль образы в моей главе бывают точны
И живностью цветов и сходством узорочны.
Когда смотрю на них и взор к ним возвожу,
То, буде в коей есть, погрешность нахожу,
А разбирая ту, как должно исправляю,
От заблуждений так себя сам избавляю.
Все действа по себе образований сих
Свершенством выше суть искусств хоть бы каких;
К нам в головы они вливаются собою,
Не бывши влечены в ту силою какою.
Подобно всё сие великой книге есть,
Всех на́ все в коей букв отнюдь не можно счесть,
А что дивняй, собой в ту собрались все книгу,
Без нашего к тому чувствительного двигу.

Сие искусство всё не от меня взялось:
Не чувствую отнюдь, чтоб то во мне велось.
Собрание внутри зрю видов я премногих,
Не зря рук никаких, те сделавших, худогих;

Не думал никогда я оны собирать,
Ни вкоренить в себя, ни в чин их учреждать;
А представляю все себе когда угодно
И то еще во всем, как прежде были, сходно.
Приходят, как зову, прочь йдут, как прочь шлю,
Скрываются, когда им скрыться повелю;
Однак куда, того отнюдь никак не знаю,
Но только что то всё в порядке отметаю.
Где пребывают те и что конечно суть,
К познанию о том мне не положен путь,
Я токмо что всегда их нахожу готовых,
При старых образа́х премножество и новых.
По воле все моей встая приходят вдруг,
Или отходят все ж не вем куда вокруг,
Но не мешают быть друг другу в том порядке,
В котором долг стоять, как в некоем десятке.
По первой воле как предстать и не спешат,
Однак уверен я, что не вдали лежат:
Искать их долг еще и призывать вторично,
А буде нужно есть, то долг звать и третично.
Не так не знаю их, как коих не знавал
И никогда отнюдь глазами не видал;
Но их не знаю так, что знаю, да не точно,
Или отчасти то, иль не как вем побочно.
Чего искал, но как не то явится мне,
То говорю я внутрь и вем, что не во сне:
«Прочь-прочь, я не тебя искал теперь заботно».
Но где ж те вещи суть забытые толь плотно?
Во мне конечно все, затем что нахожу
И сысканных внутри пред взор я привожу.
Почто ж искал я толь? и где те пребывали?
И долго для чего они не представали?
Иным я был совсем, когда я тех искал,
А как их изобрел, не тот тогда ум стал.

Не знаю, отчего себя я был лишенный
И как потом опять к себе стал возвращенный.
Ища забыту вещь, себя не можем знать,
Ни состояний в нас тогдашних постигать:
Бываем мы себя самих тогда как чужды,
От належащей той искания нам нужды;
Приходим мы в себя возвратно уж тогда,

Обрящется совсем искомое когда,
И старым взором так пред нас предстанет ново,
Присутствующе вточь и зримо быть готово.
Но где ж искали мы, как не в себе самих?
Чего, как не вещей, мы ищем внутрь своих?
О глубине такой мне помышлять ужасно!
Я помню, что я знал, и знал всё оно власно,
Чего уже теперь не знаю некак я,
А знаю, что виной забытность есть моя;
В забытность помню я, что вспомнить то мне
можно,
И вспомню что я так, предстанет то неложно.
Знакомого лице пред мой я ставлю свет,
Во времена его различных в жизни лет,
И так, как прежде сам его видал я, взоры
И каковы носил он из одежд уборы.
Зрю человеком вот сперва я молодым,
Вот старым зрю его ж, потом уж и седым;
На том же я лице морщины образую,
На коем красоту румяную целую.
Совокупляю то, чего уже нет там,
С тем самым, что есть тут, и удивляюсь сам.
Я оба те края взаимно различаю
И купно их кладу, однак же не мешаю.
Неведомое мне и чудное храню,
А ведая, что тем себя я не маню,
Мне кое, всё, что зрил я в жизни,
представляет
И старое уже тем видом возновляет.

Износит из себя сокровище сие
Все речи, гласы все, вразнь вдруг ли обое;
Износит всякий вкус, и всякий цвет, и краску,
Степени мира, ход, фигуру, гнев и ласку;
Всё, были чувства чем когда поражены,
И вещи все, в мою что память вложены.
Воспоминаю ту, когда хочу я, радость,
Лет за пять коя мне была велика сладость;
Идет ко мне она; хоть и не живо толь,
Чувствительным была веселием та коль.
Я помню, что весьма был весел в оно время,
Не так теперь и та мне память некак бремя.

Я ставлю пред себя и скорби и печаль
И всё, что потерял или чего мне жаль:
Все сии пред меня сбираются вдруг виды,
Но чувствам уж моим без всякия обиды.
Бывают вот не те конечно тут они,
Недавно были что иль были искони:
Не могут возмущать уж моего те духа,
Свирепости их всей не чувствую ни слуха.
Мучительность во мне была тогда бодра,
Но ныне та болезнь не и́но что игра.
Минувшая давно чувствительная болесть
Иль внутренности все снедающая горесть
Теперь уже меня собою веселят,
Нимало не бодут, ниже́ нимало тлят,
Прошедшия впреки веселия печалят
И некак память внутрь явлением тем жалят:
Прелестного дают теперь мне болей зреть,
Неж вещию тогда случилось им иметь;
Тем памяти моей печаль они наводят,
Как вспоминает их и как в нее приходят.

Два чуда я в себе непостижимы зрю.
Одно, что память есть как книга, говорю:
Премного видов в ней вкоренено есть разных,
Являющих мне вещь и потому непраздных.
Внутрь толь все предстоят порядочно пред мной,
Что крайнейше меня дивят за чин собой;
Однак не от меня учреждены толь срядно,
Ни так мог учредить припадок их изрядно.
Не тщался никогда я в память вкоренить,
Ни буквы в книге сей в тот чин соединить;
Я только примечал из видов каждый точно,
Зрил доброе в них что, иль нечто зрил порочно.
Конечно учредить ниже припадок мог:
Не мудрости одной в нем нет, он всем убог,
А то искусство есть в себе толь превосходно,
Что человеку здесь никоему не сродно.
Чья ж мудрая рука в чреждении была,
Что всё составить то способно возмогла?
Другое чудо есть, как память, рассуждаю,
Что в книге оной всё способно я читаю,

Лишь только б то читать когда я захотел
И должную к тому прилежность внутрь имел.
Незнаемо письмо себе ум представляет
И то, читая так, следов не оставляет.
Ни память мне сама известна прямо есть,
А письмен оных всех в ней не могу исчесть,
Которые предстать в явление стремятся
И сами меж собой в порядок становятся,
Послушавшись все в том тут воли моея
И ей покорность всю собою отдая.
Почти верьховну власть над тварию имею,
Да и повелевать ей предержавно смею,
А волю исполнять та и спешит мою,
Что должность так творит немедленно свою.
Без власти есть мой ум над прочими телами:
Я следую затем всё естество делами,
Но нахожу я в том, что мысль моя одним
Владеет телом так соединенна с ним,
Составы есть его прилично воздвигая,
А таин в них к тому сама отнюдь не зная.
Кто ж с телом мысль мою навек соединил
И властию ее над оным толь почтил?
Кто между ними ту сопряг так и взаимность,
Что чувствующих нас всегда приводит
в дивность?

По грунту разум наш величествен и слаб:
По первому в себе является не раб.
Прошедшее уже не смятно ограняет
И с настоящим то в себе соединяет;
Он проницает так до будущего сам,
По настоящим всем и прошлым всем делам;
Имеет о себе идею, и о теле,
И в бесконечном что находится отделе.
Пристойное себе всё познавает он,
Отмещевает же то всё, в чем вред есть и урон.
Скажи: триангул есть собою бесконечность,
Тотчас ответом он находит тут превечность
И скажет, что границ в ней нету, ни конца,
Тем ни фигуры нет, ни зада, ни лица.
Спроси: та состоит коликими частями?
Он скажет, что не долг счислять ее костями;

Последства, первства нет, ни также в ней числа,
А инак быть бы та конечностью могла.
Кто часть одну найти возможет в бесконечном,
Тот найдет и другу́ в успехе скоротечном;
Тот к одному числу другое приложить
И может уж еще на счетах положить.
Но бесконечность там не может быть собою,
Опишется где та границею какою,
Придастся иль к числу премногое число,
Которое затем едйницами шло.

Чрез бесконечность мы конечность познаваем,
Лишение чрез вещь умом усмотреваем;
Кто скорбию когда на ложе возложе́н,
Тот здравия в себе приятного лишен.
Кто чувствует, что слаб, в том нет приличны силы,
Иль в оном силы все находятся уж хилы.
В ком здравия не зрим, болящим тот у нас;
Бессилен будет кто, зовется слабым враз.
Мы знаем темноту, когда лишимся света.
Что без конца, чрез то, чему конец, примета;
В том мерам никаким не зрится ни пример,
Сие ж находим мы ему от должных мер.
Едйницы, в приклад, десятью есть в десятке;
Десятку быть ни раз нельзя тоя в порядке.
Без света тьмы познать не можно есть никак;
Без здравия того, что есть болезнь; итак,
Мы знаем, что в себе конечно и предельно,
Тем — что есть без конца, что вдруг и нераздельно.
В уме есть то само́м, дивился б он чему
И мог превосходить себя сим по всему.
Повсемственны его идеи, купно вечны,
Пременою ниже́ не могут быть пресечны.
Когда скажу: нельзя быть купно и не быть;
Долг более всему единой части слыть;
Без прямизны тот круг, кой круг есть совершенный;
Меж пунктов двух прямый путь больше сокращенный;
Округ равно везде от центра отстоит,

Ни далей тот себя, ни ближе где кривит, —
Всем истинам таким быть инако не можно,
И всё сие везде и повсегда неложно.
Пусть сокрушится мир и будет он ничто,
Пусть рассуждать о сем не станет уж никто;
Однак те правды все останутся собою,
Не вредны никогда пременою какою,
Хотя и ни един не будет их уж знать,
Хоть ни един об них не станет рассуждать,
Но вдруг не быть и быть есть невозможноввеки,
Уверены о том как ныне человеки.
Подобно как лучи от солнца есть светлы
И повсегда в себе без всякие те мглы,
Хотя б у всех людей очей зреть не имелось,
Сияние однак лучей всегда б белелось.
Что дважды два числом четыре токмо суть,
От вечности сему числу такой был путь.

Не токмо знаем то и твердо мы и прямо,
Но и сомниться всяк не может в нас упрямо,
Что истиною есть от вечности всея,
То не лишится ввек уж правды своея.
Идеи сии все толь в разуме суть чисты,
Что пребывают в нем всегда собою исты;
О круге правдой что одном утверждено,
То правдою для всех кругов ограждено.
Не может никогда сие всё премениться,
Ни мало и никак в себе то повредиться.
Идей сих правоту хоть чуть-чуть пременять,
То разум наш и смысл с рассудком истреблять.
Величие ума толико превосходно,
Что чувствуемым всем созданиям несродно!
Однак великость та не беспредельна есть:
Далеко от него всесовершенства честь.
Противится страстям коль слабо он кипящим,
Коль мало против них бывает бодро бдящим!
И заблуждений коль в рассудностях его!
Без сил хотеть добра — он есть как без всего.

Не ясно ль, что наш ум не от себя стал сущим?
Не мог бы многих толь свершенств быть не имущим:

Конечно б он себе верьховнейши те дал,
Лишенного себя которых внутрь познал.
Большое дав себе, а именно ту бытность,
Не положил бы свойств, что меньше есть,
в забытность;
Он сведом, лучше есть всесовершенным быть,
В границах неж стоять и не свершенным слыть;
Он знает, что мощи́ всё — лучше несравненно,
И знать, что б было всё ж ему всегда явленно,
А нежели иметь с пределом мощь сию
И нечто токмо знать чрез участь ту свою.
С другой страны, не мог создать ума припадок:
В безумном не могло премудрых быть догадок.
В бессильном, и кой есть толико слаб и хил,
Не можно обрестись к созданию толь сил.
Избранию в благом был долг, а то пустое,
Не то, чтоб нечто был, иль нечто б был благое.
Тварь мыслящу создать, ту вольну сотворить,
И с телом сопрящи, и то ей покорить —
Быть должно есть в творце как силе пребезмерной,
Так благости ж такой и мудрости всеверной.
Созданный разум сам вещает, что творец
Не ин быть должен есть, как совершен вконец,
Несовершенств в себе, ниже́ отнюдь предела
Имеяй, и ниже́ вещественного тела;
Тем самобытный дух, по естеству простый,
От века и вовек предсутствуя святый,
Начало и конец, вседетельна причина,
Превыше всех существ и необходна чина.
Но существо сие и есть живущий бог,
Доказанный чрез весь эпистол сих предлог.

Не мни, Евсевий, быть простым то любопытством,
Что бога можем зреть естественным всем бытством;
Великость тварей всех, пред нас что предстает,
Такую о творце идею подает,
Что невозможно есть тому не удивляться
И знания о нем внутрь нам не сподобляться;
Пространством для вещей безмерность мы его,
Премудрость познаем от дельного всего;
Избранием доброт благую зрим в нем волю
И зрим творений всех благополучну долю.

Не вем, как можно быть толикой слепоте
Безбожия, при сей созданий лепоте?
Нечестие сие в себе есть толь порочно,
Что так слепотствовать не можно ненарочно.
Поистине здесь всяк божественну зрит власть,
Но отрицает кой ту чрез извольну страсть,
Котора бога быть отнюдь бы не желала,
Чтоб, мести не боясь, бесчинием пылала.

Но да трепещет внутрь вся беззаконий лесть!
Не токмо всесвятый и праведный бог есть,
Бессмертна и душа, от бога нам пода́нна;
Она по естеству бессмертною созда́нна.
В духовном существе частей делимых нет,
Решиться б ей на те и погубить свой след;
Телесна смерть тела́ решит на многи части,
Так умирают те от таковой напасти;
Простое, как душа, есть без частей родство,
Бессмертно есть затем душевно существо.
По смерти не Ничто и плоть сама бывает:
Вся на стихии та решась внутрь истлевает.
Но существо души есть благородней тел,
В которой ум и смысл толико воспроцвел;
Как скоро б толь могла в Ничто вдруг разрешиться,
И чувств, и жизни всей, вне тела, та лишиться?
Умерше тело есть по смерти не Ничто:
Тем можно ль не сказать о духе больше то?
Не умирает дух по той телесной смерти:
Безместно, чтоб раздел частей того мог стерти.

Итак, на мал конец, дотоль дух будет жив,
Доколь всесильный бог, господь благолюбив,
В ничто не превратит, родством души не мертвой,
И не отдаст ее смертельности как жертвой.
Однак душ всеблагий не уничтожит бог;
Из свойств его тому суть некия в залог.
По благости своей не мог не для блаженства
Умов он сотворить, их ради совершенства.
А буде б, кратко дав здесь время им пожить,
Потом он их мертвит; то б тем не ублажить.

Да созидал бы их на сущие здесь муки,
Терпящих повсегда несносны в теле скуки.
Толь люта бога мнить не токмо не хвала,
Но истинныя есть безбожия хула.
Всеправеден есть бог. Он правдою своею
Не может сотворить, чтоб зол иль благ душею
Препровождал всю жизнь который человек,
Бессмертен бы уж тот не пребывай вовек,
Чтоб получил иль казнь, иль почесть равномерну,
За произвольность дел иль добру, иль неверну.
Бог купно всеправдив. Правдивость же его,
Бессмертие дает душам всем для сего,
Что ясную он в них о том идею всеял
И сильное к тому желание содеял.
И как бог пресвятый не может обмануть,
То может ли сие конечно преминуть,
Чтоб не была душа бессмертною в том свете,
О всех делах своих по данном там ответе?
Душа бессмертна се вовек и по сему,
Как есть по существу простому своему.

Бог неизменный есть как чуден, так и верен!
Бог истинен, и суд его нелицемерен!
Бог в множестве земным является чудес,
Имеяй свой престол превыше всех небес,
Где грозных молний огнь весь оный освещает
И приступить к зарям собой не допущает.
Бог прежде тварей всех и прежде всех веков;
Как есть его предел, пребудет ввек таков.
Пред ним сил многи тьмы сияниями блещут,
Величества его в люблении трепещут.
Любовь благим всем бог, а злым душам есть страх:
Бог духа не судил решить в смертельный прах.

ЭПИСТОЛА VI

В прошедших пяти эпистолах доказываемо было божие бытие, а в сей шестой и последней объявляются божественные свойства, кои всесовершенному существу лучше иметь, нежели не иметь. Свойства сии предлагаются и сочетаваются между собою, токмо

сущные, и сии самостоятельные и возносительные. Из самостоятельных присвояется именно богу: духовность, самодовольность, необходимость, бесконечность, превечность, безмерность, вездесущность, премудрость, всеведение, благопроизвольность, всемогущество, единство, непременность. Из возносительных, и тех естественных, показуется, что он есть творец, промыслитель, хранитель, споспешитель, правитель; а из возносительных же, но нравственных, что бог есть благосерд, что он правдив, что — праведен, что — свят, что — всеблажен и что имеет вседержавную власть над человеческим родом. Изъясняется, что потому имеем мы ясное познание о добре и зле, понеже бог есть правдив: почему не может он ни сам быть обманут, ниже́ кого обмануть. Следовательно, идеи, всеянные в нас о том, что праведно, и о том, что ложно, не могут быть неистинны: инако бог бы нас познанием нашим обманывал, что есть безместно. Доводится ясно, что правда божия не может оставить за добро без возмездия, а за зло без казни, для того что правдивостию бог объявил грех себе ненавистным и, следовательно, согрешающих также человеков. Если б он правдою восхотел грех казнить в самих человеках, то б давно они погибли душою и телом. Но понеже не погибают, то ясно, что есть ходатай к богу о человеках. Сей не может быть тварь по неравномерности, следовательно, он есть обо́женный. Но неложное писание и показует его, что он есть Исус Христос, бог и человек. Из сего происходит необходимость человеком в ходатае и что един естественный закон не доволен есть к нашему спасению, но надобен необходимо откровенный, который всем своим основанием согласен с естественным законом.

По доказанном уже непреоборимо
Превеpьховном бытии, что по тварям зримо,
Полнейше возможем некак бога мы познать,
Как о свойствах бога прямо будем рассуждать.
Свойствами его зову сущны совершенства,
Показующие нам крайни в нем блаженства.

В-первых, познаваем, что бог есть и жизнь и дух;
О себе он сведом; внутренний имеет слух;
Состояния притом сущную и цельность
И по сущности своей непрестанну дельность.

Мы сию духовность присвояем божеству
По душе духовной, по ее и существу.
Что в произведённом есть, есть же то известно,
А не прежде быть в вине, понимать безместно;
Тем иль превосходно, прежде то иль суще в ней:
Бог жив и духовен по причине точно сей.

Понимаем бога мы и самодовольна,
Быть возмогша от себя и собой престольна.
Существо, в котором хоть бы мнéйшее нашлось
Внутрь несовершенство, не собой то извелось;
Мнейша несвершенства что прочь не исключает,
Совершенства мнейша толь равно не включает,
Кое несвершенству сопротивно есть тому.
Но Ничто ль возможет большее всех по сему
Несвершенство исключить вещи пустотою,
А включить вещь большу всех, быть тому б собою?
В боге ж превосходны совершенства все в себе;
Тем он и доволен, по своей чтоб быть судьбе;
Без малейшей пустоты все в нем пребезмерно,
Тем необходимый есть бытием он верно.
Показуют в боге совершенства бытие;
В ряд свой совершенства утверждает в нем сие.
Круг довóдный сей не мни быть отнюдь порочным,
Но, насопротив того, твéрдейшим и точным;
В сущности вседолжной бытность равно такова,
Нет средин меж ними, обе те всегда глава;
Тем самодоволен бог быть себе в причину.
Инак не возмог бы он произвесть по чину
Толь существ премногих: не имеющий чего,
Дать другим не может мерой никакой того.
Так то он есть, иже есть! толь всесовершенный,
Что всевечна бытия должно не лишенный!

Бог сый, бесконечен естеством и бытием:
Нет отнюдь пределов никаких в том обоем.
Бесконечен, посему, в действе беспредельном,
В продолжении, еще в наполнени цельном.
Бесконечность в первом: совершенства все при сей
По числу без края, да и по степéни всей;

Тем всесовершенный бог крайний всеконечно,
К совершенствам приложить что его, есть пречно.
Та ж но по второму: ни начала, ни конца
Бог не и́мать в бытстве, равно как нет у венца;
Так что непреложно то, вдруг и непрестанно,
Настояще повсегда, купно несозданно.
Потому и вечный нарицаемый есть бог:
Первства и последства совокупный в нем залог.
Наполнением своим бесконечный равно:
Сущностию всею он полнит толь исправно
Всякое пространство, что границ отнюдь в ней нет,
И ниже́ пределов каковый-либо есть след.
Всяк и точно по сему утверждает верный,
Что как бесконечный бог, так он и безмерный.
Что ж бы нам идею о безмерности иметь,
То о боге должно с мудрыми так разуметь:
Пребывает внутрь всего, вне всего живущий,
И всего ж он выше сам, сам и ни́же сущий;
Частию какою не внутри найпаче он,
Ни другою также распростерт есть болей вон,
Но един и цел везде председит хранящий,
Всё содержит и хранит всюду председящий,
Содержа, собою проницает всё кругом,
Проницая ж, духом делает весь мир стрего́м.
По безмерности своей бог есть сый повсюду
И не больше там иль здесь, весь внутрь и внеуду.

Бог есть и всеведущ, ибо крайний разум в нем:
Частию мы прямо дознаваемся о сем,
Что всем человекам он даровал ум власный,
Частию ж нам мира чин возвещает красный.
Из возможных многих происшел что сей един
Всех вещей порядок, ни в уме ж тому нет вин,
И ни также в веществе, но в едином боге
Та содержится вина в твердом вся предлоге;
Следует, что прежде вышний сей состав познал,
Крайний свой которым разум нам и показал.
Разум божий есть показ всех себе возможных
И действительно вещей сущих и неложных,
Самозрительнейший и всесовершенный тот,
Совокупна действа и того ж едина плод.

Познаваемое всё иль возможно быти,
Иль уж действом возмогло в вещи произыти.
Первое у бога, от превечности всея,
В разуме возможным было токмо престоя.
Но действительное все нáтрое делится:
Будуще, иль прошло то, настояще ль зрится.
Знает бог прошедше: ибо всё сам сотворил.
Знает настояще: всюду ль сый того б не зрил?
Будущих два чина суть, иль необходимы,
Иль случайно от ума вóльна изводимы.
Всё в необходимом ведает конечно бог:
Двигам им созданным неизвестных нет дорог.
В мире вещи купно все так расположéнны,
Что междý собой они твердо сопряженны,
И всегда есть в прошлом настоящему вина;
Тем в уме у бога действом купным есть она,
Бог не может не предзнать малых и великих,
Самостойных и того, с слогом что в коликих.
Так что всё случайно знает как случайно то,
Как необходимо — необходных в чине что;
Действа вольные людей ведает как вольны;
Имут те свою вину, быть почто довольны.
Разума не можно совершеннейша понять,
Как который токмо может купно всё обнять,
Что возможно по себе, тем и должно богу
Мудрость крайню причитать и безмерно многу;
Тою в умном мире, тою в вещном свете он
Всё к концам свершенным разрядил и дал закон.
Благоумию быть в нем крайнему ж достойно:
Средствия все лучши сим положил пристойно
К приобретению узаконеннейших тех
Мудростию твердо окончаний точно всех.
Следует, что в боге есть знание такое,
Обществéннейший конец сопрягает кое
С собными концами, чтоб их средствиями слыть
Пóлнейшими теми, но прекратким бы всем быть,
К получению конца оного последня;
Способом конец всяк есть действия посредня.

Мудрость преклонила бога токмо к одному
Из возможных чину, в веществах чтоб быть ему;
Следовательно, сего мира дивна доля

Ясно кажет, что в творце есть конечно воля.
Действо оно воли, коим чин сей бог избрал,
Прочи ж все оставив, в веществе сему быть дал,
Называется от всех мудрейших судьбою;
Та отнюдь не может быть только что одною.
Бог ума как действом, по всемудрию, одним
Мог всяк чин возможный внутрь, купно всё, что с ним;
Так одним определить действом воли точным
Рассужденный лучшим чин в веществе быть прочным;
Изволений способ следует уму всегда,
Прежде не бывает склонна воля никогда,
Но что выбранный состав богом пред другими
Сходственнейшим рассуждён вещностьми своими
С тем концом всеобщим, совершенством всем его
Кой приличный паче; благость богу для сего
Присвоять конечный долг; хощет та и верно,
Из всего, что лучше есть, клонится всемерно
К большим и множайшим совершенствам вся она;
Тем для сих едина предпочтению вина.
Должно присвоять еще и самоизвольность:
К действу му́дрейших причин имать бог довольность.
Мир не токмо выбран, но и в бытность изведен;
Мощию бог также, следственно, преутвержден.
Бог содетельну в себе волю всю имеет,
Что восхощет, купно то мощию и деет;
Всё едино в боге и хотеть и содевать,
Но весьма различно в человеках, должно знать.
Сила божия сия есть пребесконечна,
Ибо мыслим мы когда, божия что вечна
Сущность, купно бытность, что по сим он есть собой,
И что в быт все вещи произвел и в чинный строй,
То мы признаваем мощь всю в нем беспредельну,
Да и не́льзя так не мнить, зря толико дельну.
Бесконечна сила может точно всё творить,
Так что безызъятно должно так нам говорить.
А однако речь та, *всё,* пречных не объемлет,
Коим невозможно быть ум наш сам поемлет,
Но *всё,* что быть может совершенством естества,

От всесовершенна сделается существа.
Напротив же, бог бы был мощи не имущим,
А не то, чтоб быть ему крайно всемогущим.

Бог един есть токмо. Утверждается его
Точное единство непреречно от сего,
Ибо человек когда о себе сам мыслит,
Всякороднейших в себе совершенств не числит;
Тем не исключает многих и подобных он,
Также всех подпавших под предельности закон.
Но что всякородно бог есть всесовершенный,
То всевещностию он крайно украшенный.
Посему не может равных всех не исключать
И себя едина токмо сущим не сличать.
Если б многим быть богам, то б иль мощны были,
Мысли собственны свои от других чтоб крыли,
Иль таить тех мыслей не могли б взаимно все;
Буде б были мощны по своей вот той красе,
Но всеведущими б так купно находились;
Если ж бы не могли, то б все убедились
Также совокупно не всемощными те быть;
В обоем же слоге ни богами равно слыть.
Но когда святое нам слово предлагает,
Что бог вышний в пресвятой тройце пребывает,
То мы, упадая пред величием сим ниц,
Существа в единстве признаваем тройцу лиц,
А до таинства притом разумом такова
Не касаемся отнюдь без писаний слова;
Веры мы пленяем в послушание ум здесь,
Вера в сем едина, а не слабый ум, свет весь.

Божиих свойств обща связь есть в нем непременность;
Не теряет ничего сею он чрез тленность
И не получает ничего ж он ею вновь,
Крайним всем взаимно крайня в равенстве любовь;
Напряжений в боге нет, нет и протяжений,
Всё без приложений в нем, всё без отложений.
Бог есть сам собою, сущий вечно без причин;
Всех свершенств прекрайних не возмог не быть в нем чин.

Но не можно уж ему ставших в нем лишиться:
Он необходимых ли может обнажиться?
Тем сам добровольно не лишится их всегда,
А другой лишить бы не возможет никогда.
Сущностию божество неизменно всею;
Неизменно купно есть волею своею.
Что ж бог непременен существо по естеству,
То так и прилично, каждый видит, божеству.
Но трудняй есть понимать, как не пременяет
Бог по случаям судеб, что узаконяет;
Как то в полководцах и случается в пловцах,
Как в мужах советных, в здателях, и как в купцах.
По незнанию вдруг все делают так сии,
Случаев не могут знать, будут впредь какии;
Но незнаний мрака в боге такового нет,
Знает, что в причинах дружно весь содержит свет.
А однак не можем мы не признать охотно,
Что судьбу меняет бог в внешней вещи льготно,
Коей под предлогом токмо быть определил,
Так как Нинивии града он не погубил.
И от мощи своея бог преходит в дело,
Но премена в вещи ж та, говорю я смело.
Непременен вышний всеконечно бытием:
То необходимо обретается всё в нем.
Непременен также он разумом конечно:
Ведает премудрый ум всё его превечно.
Непременен купно волею своею он:
Присуждающия твердый в нем вины закон
Есть по твердости его разума всецела.
Непременен весь и в мощь преходить до дела!

К свойствам бога взносным приступаем говоря:
От наружи сии проявляют всех царя,
Токмо ж внутренние те в мысль предполагают.
Два их токмо по вещам мудрыи считают:
Первое в тех зданность, промысл следует потом,
Здатель зиждет строя, строит зиждя общий дом.

Всех вещей, которы суть бога вне уж делом,
Не было кроме идей в разуме всецелом.

Божия то воля вечным сущностям дала
Чувствуему бытность и в нее произвела.
Воли божия сие действо именуем
Сотворением; творцом бога и чествуем
Видимого мира и всего, что суще в нем
Есть и пребывает, зримо и не зримо днем.
Миром называю я всех вещей счетанность,
Иль союз претвердый их, в том и непрестанность.
Множество возможных миров было без конца:
Тем быть долг причине у премудрого творца,
По которой он избрал сей мир пред другими
И судьбами произвел в бытие благими.
Не могла ж причина лучша обрестись тому,
Как то объявилось больше совершенств ему
Величайших в мире сем и в его составе;
Благостию сей для тех предпочтен в уставе;
Следует, что самый лучший есть из всех мир сей
И что величайший по пространности он всей.
Но из ничего сие бытие всё всплыло.
То ж ничто не веществом, не причиной было;
Означало только состояние вещей
Бывше прежде вещи, то есть их пустых нощей.
Нет в духа́х, ни в веществе такового равно,
Что показывало б в них вечность нам исправно;
Напроти́в, в них столько недостатков много есть,
Что им совершенство самолучшее причесть,
Сиречь вечность, никаким образом не можно;
Следственно, сотворены́ те другим неложно,
Кой им всем такие к быту свойства даровал,
Как самоизделно восхотел и как познал.
Вещество в быт не собой стало расплетенно,
Уж доказано, что то богом изведенно;
Не из божиего ж вышло пря́мо естества,
Есть сие конечно невещественна родства;
Следственно — из ничего. Человеки сами
Могут мысли изводить новые душами,
Нравственные и́мства также новы получать,
Разуму и телу действом оны вновь собщать;
А всесовершенный бог, кой всем преобилен,
К изведению существ мог ли быть бессилен?
Впрочем вся созданность вольнейший есть произвол;

Побуждающему, цело к зданию, не впол,
Есть причиной божеству благосердность точно,
Чтоб с собой ей ублажить и других всех прочно.
Но вина творяща, мудрость частию его,
Сущностей пристойных не лишивша ничего;
Частию ж и сила в нем бытие придавша
К сущности той всех вещей их и сочетавша.
А вина конечна: средствию б не ложну быть,
Чтоб тем, как в зерцале, показать, а не закрыть,
Сотворенным всем умам многи совершенства,
Да верьховные его славят все блаженства.
Твердо по премногу может тварь, что создана́,
Божиих зерцалом совершенств быть назва́на.
Всякий богом род вещей есть что сотворенный,
Как бездушный, так и кой смыслом одаренный
И без смысла ра́вно предпоставленный в живот,
То уж несомненно сделаны почто все вот,
Да один другому в них будет споспешитель
И да счастию взаем другу друг служитель.
Деланий конечных само перво есть сие,
Кое тварь разумна, видя прочих бытие,
Долженствует здесь иметь состоит в сем верно,
Да творца знать и честить тщится та безмерно;
Посему последний умных тварей есть конец
Славить непрестанно бога, он нам есть отец.
Опрове́ржен сей вопрос: мог ли всемогущий
Лучший сотворить иный, нежели мир сущий?
В здании бог мира самым лучшим всем вина́м
Следовал конечно, зная совершенно сам,
Кои мудрости его более достойны,
Более ж и обрелись благости пристойны;
Верить, что мир лучший сотворить сего он мог,
То судить безумно, что не благ, не мудр наш бог.
Но вопросом: мог ли он мир творить от века?
Мог ли бесконечну тварь здать иль человека?
И что делал вышний прежде, нежель мир создал?
Не могу, чтоб прямо сумасбродными не клал:
Первыи конечно два пречны и безмесны,
Невозможны по всему, отчего и бесны;

А в ответ на третий с Августином всклйкну в лад:
Бог тогда пытливым приуготовлял сим ад.

Действие, которым бог в мире непрестанно
Управляет и хранит всё, что есть созданно
По известну чину и по положённым всем
От себя законам, непреложно твердым тем,
Провидением его, промыслом, третично
И строением к тому ж, именуем слично.

Два конечно вида тварей числится вобще:
Есть вид весь телесный и разумный вид еще.
На телесный зрим когда, видим, что хранится
Всё в количестве одном вещество и длится.
Постоянным чином в свете цельные тела
Движутся как спéрва оным всем стезя легла.
Вещи в роде все своем цело пребывают
И не гибнут роды их и не убывают.
И на человеков смотрим также мы когда,
Зрим, что бог печется дивно и о нас всегда.
Мужеский и женский пол состоит в нас равно,
Столько женщин, сколько есть и мужчин исправно.
Бог нас всех поставил пребывать на сей земле,
Дал ей всё, что нужно, не пропасть в ее б нам тле,
К пропитанию всех нас, от вредов к избаве,
Дал и может что служить к нашей всей забаве.
Многажды бывают устремления людей,
В силе многомощных, злейших же самих зверей,
Тщетны, коль ни хитро их вымышленны средства,
Да напáсти наведут и печальны следства,
А живущих правдой действа счáстливый конец,
По препонам, часто ж получают и венец.

Но, Евсевий, мню, что ты мыслил сам прилежно,
Попечение об нас божие коль нежно;
Видишь, сколько нужен солнечный нам в свете свет,
И сему коль дару никакой цены здесь нет!
Жили б без него слепым в мире мы подобно,
И всё б было естество мертво, неудобно.

И как мы имеем нужду также отдыхать,
То и ночь, в премену, подана́, чтоб почивать.
Восхотел бог, чтоб над днем солнце власть имело,
Означало б в том его разны части тело;
И не токмо б средством было нам оно к тому,
Чудеса чтоб видеть в естестве, да и к сему,
Чтоб и жизнь, и теплоту купно подавало,
И умеренным огнем вещи б согревало.
Но луне с звездами повелел ночь освещать
И от сродна мрака некак ону очищать.
Что ж различия сего может быть дивняе?
В естестве нет дня светляй, ночи нет темняе:
То свет, то тьма ра́вно; иногда труд, там покой;
Всё ж, чтоб нашей пользе не был вред здесь никакой.
Как тебе то мнится зря, что к нам солнце паки
Вспять приходит по зиме, в теплы оны знаки?
А древа́ увядши оживляет в новый плод
И своим присутством красный начинает год?
Как сие, что, показав всем нам в том услугу,
Отлучаемся опять к хладнейшему кругу,
Жаром нам докучить опасаясь так своим,
Да не ослабеем от того бессменным им?
И как снесть не можем мы холода и жара,
Буде б вдруг от мразов нам преходить до вара, —
То не дивно ль чудо, что сие светило к нам
Близко приступает и уходит по стопам
Вдаль толь медленным от нас, что чуть ощущаем
Оба оны мы края, как к себе впущаем?
Всяк бы рек, что вышний упражняется ль в другом,
Как чтоб токмо были в состоянии благом
За́все человеки здесь? И чтоб наслаждались
Благодетельством его, да и прохлаждались?
И хотя животны ра́вно ж пользуются тем,
Но для нашей службы дарова́но то им всем.
То питаемся мы их некиих мяса́ми,
То мы нашу наготу кроем их власами;
То употребляем к разной мы работе их:
Так что те и дышут токмо ради нас самих.
Нет уж нужды, чтоб мы здесь паки рассмотрели
Человека самого: мы уразумели

Как состав в нем внешний, так и внутренний убор:
Ум, речь, разность чувствий и даров всех дивный сбор.
Кто ж ему то даровал, да употребляет?
Бог, кой человеку все пользы промышляет.
Глупым иль злобожным таковых должно звать,
Коему сомненно промысл божий признавать!

В провидении о нас видимо всечасно,
Как хранение всему, так содейство власно;
Напоследок зрится управление всего,
Так что всё ведется до конца вдруг своего.
Чрез хранение весь мир бытность продолжает;
Бог содействием в делах тварям споспешает;
Мы зависим в бытстве, да и в действе от творца;
Им есмы, им точно наши движутся сердца;
Не лишаемся ж мы тем нашея свободы.
Но взражает школа пусть трудностей доводы:
С нас содействий правды предовольно есть сея,
Трудностей в разборы не вступаю здесь те я.
Вещным правя миром, бог положил законы,
По которым всё к концу йдет без препоны.
А разумным тварям правило действ вольных их
Сам преднаписуя, направляет и самих;
Соплетает он добро с добрым действом сродно;
Он за злые их дела злом казнит природно;
То их от болезней свобождает и от бедств,
И удерживает от печальных разных следств;
То возносит падший дом, то и низлагает
По неправде вознесся кой, иль за что сам знает.
Такова есть сила правосудна божества,
Что до человеча надлежит вобще родства!
Вышний разделяет сам горесть нам и сладость,
Скорбь, болезни, и печаль, и желанну радость;
По судьбам прещедрым ублажает, зришь, он сих,
А коснеть бессчастно оставляет здесь других;
Вся в обилии течет жизнь у тех прекрасно,
Всю ж в убожестве иным долг быть не напрасно;
Страждет сей, тот может процветая век свой жить
И еще утехи к благоденству приложить.
Но неравенству почто должно быть такому?
Весно токмо самому богу преблагому.

Всё ж то он иль явно, тайных способом иль дел
Производит правя, а последнее предел
Управление, и рок, и судьба правдива,
И зовется участь, нам не без крайня дива.
Тем и восклицаю, ужасаясь бездн сих дна:
О! премудрость, в коей неиспытна глубина.

О последних бога я свойствах начинаю
Предлагать, которы в нем нравственныя знаю,
Но от наших нравных всеразличнейшие те,
То ж по бесконечной естества в нем простоте.
Рассуждаем мы когда, как прилично богу
Управлять разумну тварь, то себе дорогу
Тем и пролагаем, чтоб нам возмощи познать
Благосердность, в-первых, и потом его ж внимать
Совершеннейшую к нам, обще всем, правдивость,
А притом же, наконец, в нем и справедливость.

Первым оным свойством, кое называем мы
Нравственным по сходству, с нашими сводя умы,
Познавается бог наш крайно благосердым,
Инак буде изъявить, то премилосердым.
Милостию сею, вышний совершенств своих
Тварям образ некий сообщил, любя все их,
Да с собой, по мере тех, сотворил блаженны,
В сей степени и к себе также приближенны.
Благость есть начало милосердию его;
В тварях он свершенства, от источника сего,
Производит и хранит, купно направляет;
Так что большего себе, кое нам являет,
Мы желать не можем; больше милости открыть,
Нежель нам потребно, непристойности долг быть.
Посему разумна тварь, как себя лишает
Совершенства, коим бог ону украшает,
А лишает явным и сердечным самым злом,
Милости великой содевает напрелом;
Также и когда она, будучи толь вольна,
В милость совершенством, ей данным, не довольна.
Зло естественное, жажда, скорбь и также глад,
И что есть иное и приводится в приклад,
Милосердию сему всяко не противно,
Но найпаче то еще тем бывает дивно,

Что собой способно к сохранению всех нас;
Гладные ль мы? Вот ищем что-нибудь поесть
тотчас.
Нравственное зло, что грех, бог хоть попущает,
Но от зла сего всех нас прямо отвращает.
Лучшу чину мира попущение сие
Не могло быть пречно: криво грех есть бытие;
А лишенно прямизны наших душ по воле,
Кои склонны быть хотят к злу такому боле.
Говорю: не пречны лучшу миру скорбь и грех,
Но еще и больше можно знать добро от тех,
А познавши толь добро, ведать зло коль гнусно;
Сочетано от творца всё здесь преискусно.
Так, сему подобно, с белым купна чернота
Кажет нам ясняе, сколько с тем в ней разнота,
А тогда ж и белизна толь себя являет,
Что своим ту блеском всю болей очерняет.
Но и бог премудрый целость нашу всю хранит,
Нас не принуждая, да не быть нам возбранит
В наших вольными делах; дал довольны средства,
Чрез которы не прийти можем в душевредства.
Впрочем, зла те оба для того попущены,
Да не в лучшем мире лучшие развращены
И выгóднейшие все будут совершенства,
Ни да тварь лишится так лучшего блаженства.
Зло, от недостатка становясь, оскуда есть,
Но добро прилична и свершенства цельна честь.
Сохраняемым чтоб жить в мире сем животным,
Должно быть и знакам зла, так как и добротным;
Должного в которой вещи совершенства нет,
Убегать зря можем из нее идущих бед.
Развратился б чин, когда б злу быть утаенну;
По добру б вещь почитать всяк неограненну,
Верил бы верьховным вещи все везде добром,
А сие уж было б от творца нарочным злом;
Мы б обманывались все вещностей в природе
И, не зная лжи и зла, гибли б ими в сброде.

Истинность в прещедром таково свершенство есть,
Что свою тем волю объявляя, всяку лесть
Он не может приобщить, но творит всемерно
В искренности то своей прямо купно верно.

Мощь, премудрость, милость вышнему препоной суть,
Что всегда правдивый не возможет обмануть;
Кто обманывать других лестию умеет,
Тот в себе трех совершенств оных не имеет.
В слове, иль и в деле прилучается как лгать,
То иль нет в том силы дело оное издать,
Нет иль мудрости в таком, обещать что можно
И ему ж бы говорить прямо и неложно,
Иль нет напоследок благости и воли в нем,
Чтоб стоять как в слове, и стоять так в деле всем.
По правдивости творца, что познаем власно,
В том не можем заблуждать мы уж невегласно.
Если б было и́нак, всеправеднейший сам нас
Тем обманывал бы знанием на всякий час,
Ибо мы уж что когда твердо разумеем,
То не верить впрямь все так всяко не умеем.
И душе по той же нашей долг бессмертной быть
И ни тленностию каковою всей изныть;
Бог, понеже ясно в нас всéял сам идею
О бессмертии таком и вложил в нас ею
Незагладимое пожелание во всех
Быть бы нам блаженным, обманул бы вот на смех
Нас понятием таким, если б заблуждали
Разумением и в ложь счастия желали.
Здесь же не находим оного нижé в честя́х,
В славе, не в богатстве и не роскошей в сластях;
Всё сие не может нас удоволить в сытость,
Ищет большего всегда в нас живая прытость.
Потому правдивый и всеистинный наш бог
Не всеистинным бы, не правдивым сам быть мог.

Праведное всё есть то, что какой прилично
Вещи иль по естеству, иль что также слично
И согласно прямо по правительству с ней есть;
Власть ли то, иль сила, высота или то честь.
Что ж есть праведен наш бог, то есть что пристойно
Самому в нем естеству (как то он достойно
Мудр, и благосерден, и правдив, и всех творец,
И хранитель равно и пекущийся отец),
Праведным чтоб быть ему; то нам изъявляет

Твердо мысль, как от него правду отделяет:
Был бы недостаток совершенства в оном сей.
Видит всяк неправду в мысли таковой своей;
Богу должно присвоять, как всесовершенну,
Почему б ему во всем быть приукрашенну,
И что совершенством действует своим всегда,
В управлени мира не против и без вреда.
Праведен бог посему есть и всеконечно;
Праведны судьбы его, в нем и правда вечно!

Правдою своею нельзя богу попустить,
Чтоб могла тварь умна прямо так себя польстить,
Что она благое всё от себя имеет,
Да о дателе себе блага не радеет;
Инак бог бы ясно попущением казал,
Что он не источник блага и не то создал.

Правдой богу попустить всячески не можно,
Чтоб тварь умна умну тварь, в совести безбожно,
Всяко повреждала, то есть чтоб она всея,
Без греха, доброты собственнейшия ея
Восхотела ту лишать: бог неблагосердым
Показал себя б чрез то и немилосердым.

Правдою своею хощет от разумных бог,
Чтоб всяк о взаимном счастии стараться мог,
И взаимно чтоб о том каждый и старался;
Инак не согласно б он действовать казался
Оной пребогатой милости ко всем своей,
Той и истинности превеликой точно всей.

Правдою своею бог не творит препоны
Чрез возмездие и казнь, также чрез законы
Всем грехам не может и не вдруг производить
Добродетель сильно, чтоб ее в нас расплодить;
Требует премудрость вся от него превечна
Чинно стройность бы везде зрилась не пресечна.

Напоследок, правдой примирить себе отнюд
Грешников не может, буде прежде грешный люд
Бог врагом уж объявил, грех же ненавистным
И по естеству его злом конечно присным.

Но правдивостию человеком повелел,
Чтоб в них каждый добрым быть всегда радел;
Тем не мог не объявить всем грехам он брани,
Не явиться б, что он злу расширяет грани.

Посему бог если б правдой так определил,
Чтоб в самих он людях ненавистный грех казнил,
Уж давно б погибли мы самым точно делом,
Как душою в век веков, так и нашим телом.
Но что мы не гибнем, то ходатай некий есть,
Кой упрашивает божиея правды месть.
Кая ж тварь ту упросить может раздраженну?
Се ходатаю долг быть точно обожениу.

Тем то нужно стало, чтоб безгрешна самого
В нас грехом соделать, да мы правдой чрез него
Божиею будем все: а сего безгрешна,
К оправданию всех нас бывша толь успешна,
Объявляет быти слово божие Христа,
Примиривши богу человеков со креста,
Сына божия того и превечна бога.
О! небесная любовь, коль ты к нам премнога!

Всяк, едва счетает сии совершенства три,
Поймет происшедше и четвертое без при;
То есть совершенство в нем святости всецелы,
Ибо тем есть бог святый, что своими делы
Он себя являет тварям, коль есть милосерд,
Коль правдив нельстивно и коль в правде есть
он тверд.

Но как рассуждаем мы, что от непрерывна
Наслаждения его, ввек и не отплывна,
Всеми совершенствы невозможно в нем не быть
Крайнейшей утехе, коей вечно ж долг пребыть,
То уж бога признаем крайно всеблаженным,
То есть в счастии всех мер выше угобженным.

Бог над человеки праведно имеет власть;
Им мы сотворенны; не дает он нам пропасть.

Стихъ начавшаго стопой прежде всѣхъ въ Россіи,
Взоръ Художествомъ черты представляютъ сіи;
Онъ есть Третьяковскій, трудолюбный филологъ,
Какъ то увѣряетъ съ мѣрой и безъ мѣры слогъ;
Почести лишенъ его страдъ коль ни кипѣла.
Но воздаетъ ему вѣнокъ правда преуспѣла.

К наказанию ж в нас кто испровергнет силу?
Кто разумный утвердить может ту в нем гнилу?
Человечим действам правило известно бог
(То у нас законом) верно предписать возмог.
Но что так и восхотел, от сего есть твердо,
Ибо к счастию создал нас он милосердо;
Мудрость преклонила верно правило подать,
Без того блаженны не могли никак мы стать.
И уму, что ложно есть, показал бесспорно.
Се власть превеерьховна! но всеправедна она;
Божия вся правда достоверна есть вина,
Что безмерна сила в нем с милостию срасно
Пребывает без преки́ и всегда согласно.

Велий есть всевышний! Свойства велие ж его!
Долг да служим богу купно все мы для того.
Восприятое от нас благодейство цело
Возлагает вдруг на всех чисты службы дело;
Он нас благосердно предызбрал и сотворил;
Он и сохраняя целостию одарил.
Внутренно служить ему должны и наружно:
Душу с телом союзил не вотще содружно.
Долженствуем бога внутренно мы все любить:
Крайнее он благо, лучшего не можем мнить.
Послушание тому да творим все здраво:
Требует от нас сего цельны власти право.
Для свершенств прекрайних должно купно почитать:
Он господь во свете; чести как не отдавать?
Правды требует от нас, да благоговеем:
Над противниками казнь в страх нам мы имеем.
Богу ль не поверим? Всячески он есть правдив:
По сему ж и разум просвещенный в нас не лжив.
Уповать долг на него: сила и щедрота
И премудрость купно в нем, сиречь вся доброта;
Первою он может, а другою хощет он,
Третиею знает, слыша наш печальный стон,
Помощи́ нам тож и как, и в какое время,
Да к тому не мучит нас тягостное бремя.
Но извне взывая прибегать нам долг к нему
И душе для пользы, телу и для благ всему.

Должны мы и прославлять: славя, въявь покажем,
Что пречестен есть он нам, как и словом скажем.
Наконец нам бога надлежит благодарить:
Сим его приводим веру и любовь в нас зрить.

Не сему ж ли и закон правый научает?
Он безместного всего в слухи не внушает.
Не дает совета пагубного никогда,
Что творцу приятно проповедует всегда.
Преклоняет, были б мы к богу благочестны,
К людям же, как ближним нам, правотой нелестны.
Вопиет во храме и не престает учить,
Как возможем средства, чтоб спастись нам, получить.

Кто о боге сердца внутрь истинно уверен,
В благодати ж сыновства цел, нелицемерен,
Тот есть, о! Евсевий, правостен, тот горним вдан,
Тот, израилтянин, христианин, оправда́н.

* * *

Падших за отчизну покрывает здесь земля,
Ревность к жаркой битве сделалась уже в них тля.
Греция вся, быв едва не порабощенна,
От работы животом сих всех воспященна.
Сей предел есть Зевсов. Человеки! Нет тех сил,
Чтоб и вас рок также умереть не осудил.
Токмо что богам не быть вечно смерти пленным
И в блаженстве ликовать бытием нетленным.

<1760>

1

Уж требует того,
Мнесте́й, приспевше время;
Да ты, с часа́ сего,
Любви повергнешь бремя.

2

Слепых ее страстей
Да убежишь от муки,
От горьких и сластей,
Ликуя для разлуки.

3

В жену себе ищи
Дарами украше́нны;
Тебя б одной жещи́,
Одной, за оглаше́нны,

4

Которой бы твой род
Умножить милы чады,
Приемлющей всяк плод
От вышния награды.

5

Супругою себе,
То мать твоя, родитель,
В сем деле был тебе
Законный предводитель.

6

Что взял от предков сам,
Отдай потомкам точно,
И с ли́хвой, по следам
Идя тех непорочно.

7

Однак не долг пещись
За ней о многом вене;
К приданому не мчись:
В девице дар, не в тлене.

8

Не должно и взирать,
Прекрасна ль есть собою:
По сердцу знай избрать,
Которой жить с тобою.

9

Та не тверда любовь,
Когда воспламеняет
Вдруг прелестию кровь
И сердце вдруг пленяет.

10

И та любовь подла̀,
Что от сребра родится:
Вдали по виду жгла,
Вблизи впрямь устудится.

11

Девицу кто взлюбил
Богатства ради, с лести,
Богатство тот судил
Ее быть выше чести.

12

Лишь деньги приманит,
Вот жар и погасает:
Те дорого ценит,
Ту за помет бросает.

13

Но всё ему сребро,
Что толь желал он гладно,
Не может быть в добро,
Когда с женой неладно.

14

Когда постылу он,
Мня с ним что та не схожа,
Не может выгнать вон,
Ни отлучить от ложа.

15

Что ж чудна красота?
Болезнь не всю ль ту губит?
Не старости ль черта
Морщин в ней тьмы сугубит?

16

Как бурный хлад творит
Со взрачными цветочки,
Так ветхость вас морит,
О вы, румяны щечки!

17

Любовь, котору сей,
Толь слаб, союз спрягает,
Разрешши тот в нем, в ней,
Прочь вовсе убегает.

18

Но истинная есть
Любовь сия едина,
В которой токмо честь,
И верьх, низ, и средина.

19

В котору человек,
На разум зря в любезной,
По свой вступает век;
Всегда б ей быть полезной.

20

Котору в нем еще,
Ее и добродетель
Питает не вотще,
Что сам о ней свидетель.

21

А честность, сердца глас,
Недугом не болеет,
Всяк доброзрачна час,
И летами не тлеет.

22

Тем, в-первых, друг, она,
Котору понимаешь,
На свет кем рождена,
Зри, да не попрекаешь.

23

И благонравна ль мать:
Затем что дщери нравы,
Сей что ни предпримать,
Являть бы также правы.

24

Потом рассмотревай,
Поступки в ней какие;
Все склонности познай,
Из тех внутрь все ль драгие.

25

Да на ее лице
Веселый дух сияет,
Да светлость, как в венце,
К почтению склоняет.

26

И да с ее лица
Угрюмости свирепы
Сникают до конца,
И двиги все не лепы.

27

Стыдения красам
Чтоб червленить ланиту;
Черниться ж ни власам
К бесстыдству отмениту.

28

Тиха б она была,
Была б она спокойна;
Обратность бы смела,
Однак же б та пристойна.

29

Не обнимать бы ей,
Нижé в игрáх, руками
Младых тех щеголей,
Ни лобызать устами.

30

По всем местам, в стрелах,
И очи б не сверкали;
Кристальных взоры влаг
Чтоб чинно созерцали.

31

Коль глупо! ежель быть
Всегда ей говорливой;
Коль дико! ежель слыть
Всегда ж и молчаливой.

32

В сем верьх! как та плодом
Вдруг Марфа и Мария,
Рачаща строить дом
И части быть благия.

33

Притом язык бы та
Умела инославный;
В сем с пользой красота,
Вспитания знак главный.

34

За всем, ее остр ум
Иль знал бы уж науки,
Охоту б иль к ним дум
Мог прилагать без скуки.

35

О, счастлива стократ!
Котора от изданий
Тверд черпает догмат
Сердечных созиданий.

36

В блаженстве с сим когда —
Ту зришь не напыще́нну,
В несчастии ль? — всегда
Зришь сим не превращенну.

37

С тем быть тебе люба́
Вовек она имеет;
Не будет и груба,
Что зло в том разумеет.

38

Всея с тем жизни в круг
Помощницей пребудет;
Пребудет верный друг,
Ни должности забудет.

39

Разумная сия,
Всех деточек наставит;
С млеко́м смысл подая,
Разумными поставит.

40

Не поболишь о сих,
Кто б был им муж наставник:
Жене поверишь в них;
Жена, тех мать, приставник.

41

Слов не могу прибрать,
Утехи сколь не ложно,
На лире как играть
Имеет та художно.

42

А что ж, как воспоет
С бряцанием умильно?
Не сим ли налиет
В дух сладостей обильно?

43

И в сем прибыток твой,
Что ласковое слово,
Но умное ж у той,
Всегда тебе готово.

44

От ме́двеннейших уст
Иль подает советы —
Вещей не будешь пуст, —
Иль говорит приветы.

45

Обымет ли печаль —
Та дельными речами
Весь истребит твой жаль,
Иссекши как мечами.

46

Увидит ли, что ты
В веселиях чрезмерен?
Проти́в и сей тщеты
Увет тебе даст верен.

47

Сие искусство в ней
Не токмо будет сладость
Твоих всех купно дней,
Но крайняя и радость.

48

Была такая, мню,
Орфеева супруга:
Когда б ей быть как пню,
Не сшел бы с зéмна круга.

49

Не сшел за ней бы в ад,
От тьмы да и́змет вспятно:
С рук глупу сбыть бы рад,
Не несть трудов препятно.

50

Такая ж, мню, была
Дочь нежного Назона:
Нельзя, чтоб не цвела
С отцом стихов для звона.

51

Последня и жена
Его была подобна:
Им так похвалена́,
Что в добром есть особна.

52

Преславному отцу,
Дщерь Туллия хвалима
Не по сему ль лицу?
И толь была любима?

53

Витийственней того
В нас смертных не бывало;
Ни мудрости его
То время равну знало.

54

Всемерно такова
Корнелия сияла,
Что Гракхов, уж вдова,
Сынов двух наставляла.

55

Словесность Цицерон
Ее возносит зельно;
И Квинтильян, как он,
В ней прославляет цельно.

56

Да [1] что вспять возвращать
Толь веки отдаленны?
То ж могут здесь собщать
И нам определенны.

57

Всё естество одно:
Могло подать то ныне,
Что подало давно
Щедрот своих в святыне.

---

[1] С сея строфы, по 66 включительно, мой собственный прибавок идет: Морий своими стихами сего содержания не пел.

58

С плодами древеса
Тогда произрастали;
Сады ж, притом леса
И ныне не устали.

59

Не больше умных сил
Блистало в древних лицах,
Не меньший ум, ни гнил,
И в нынешних девицах.

60

В Христовы времена
Толику чтим Христину,
Что чуть оценена
Вся древность за едину.

61

Подобная по сей
Шурма́нна есть Мария;
А Сафой, по своей
В песнь музе, Скудерия.

62

Прославила женск пол
Глубока Дасие́ра;
Могла ль тот свергнуть в дол
Исправна Саблие́ра?

63

Декарте честь за стих;
Славна́ ж и Деласюза;
Вильдьо́ сладка́ есть в них
Романцов для союза.

64

Учением своим
Стран славу озарили;
Суть в образ и другим,
Выспрь тем же б воспари́ли.

65

Есть множество и здесь
Предобрых, преразумных,
Оставльших долу смесь
Тех подлых, тех и глумных.

66

Где есть им частый съезд,
В язы́ках там различных
Их у́зришь толь, коль звезд,
Но кажду в свойствах сличных.

67

Скажи ж мне сам, Мнестей!
Когда б тобой узналась
Такая в случай сей,
Как мною описалась.

68

Она б хоть красотой
Чрезмерно и не льстила,
Ни рода высотой,
Ни златом не блестила.

69

Не предпочел ли б ты
Достойность в ней толику,
Без всяки мешкоты,
Прида́ному велику?

70

Есть правда в сих речах,
И обще говорится:
Та в сердце, та в очах,
Мысль на котору льстится.

71

И хочем столь иметь,
Мним сколько нам довольно:
Сверьх мер и сил хотеть
Безумию есть вольно.

72

Обильней что ж ума?
Милей что чести в свете?
С тем всяк богат весьма,
А с сею леп и в цвете.

73

О полной благ, мой друг!
И умной той невесте
Так не сумнится дух
На сем представить месте.

74

Хотя б ей быть лицем
И сажи в вид черняе, —
Но в совершенстве сем
Та снега есть беляе.

75

Хотя б ей в роде всем
Быть и убоже Ира, —
Но в совершенстве сем
Богатей Креза, мира.

<1764>

ИЗ «ТИЛЕМАХИДЫ»

* * *

Древня размера стихом пою отцелюбного сына,
Кой, от-природных брегов поплыв и странствуя долго,
Был провождаем везде Палладою Ментора в виде:
Много ж коль ни-страдал от гневныя он Афродиты,
За любострастных сея утех презор с омерзеньми;
Но прикровенна премудрость с ним от-всех-бед избавляла,
И возвратишуся в дом даровала рождшего видеть.
Странно ль, быть добродетели так увенча́нной успехом?
Муса! повеждь и-вину, и-конец путешествий сыновских,
Купно, в премене царств и-людей, приключения разны;
Рцы, коль-без-кротости юноша пыщ, без скромности дерзок;
Без направлений стремглав, чужд-искусства без-навыков дельных;
Вне постоянства превратен, и-твердости вне легкомыслен;
Коль есть медлен ко-благу, творить-зло, игру-тщу пристрастен;
Чаять всего от-себя, но-без-помощи реяться в бездны:
Всё ж и-сие и то украси́ примышлений убранством.
А воскриляя сама, утверди парить за-Омиром,
Слог «Одиссии» веди стопой в Фенелонове слоге:
Я не-сравниться хощу прославленным толь стихопевцам:
Слуху российскому тень подобия токмо представлю,
Да громогласных в нас изощрю достигать совершенства.

* * *

Горе! чему цари бывают подвержены часто?
Часто мудрейший в них уловляется в сети не-чая:
Люди пронырны корысть и любящи их окружают;
Добрые все отстают от них отлучаясь особно,
Тем что они не-умеют ласкать и-казаться услужны:
Добрые ждут, пока не взыщутся и призовутся,
А государи почти не-способны снискивать оных.
Злые ж, сему напротйв, суть смелы, обманчивы, дерзки,
Скоры вкрасться, во-всем угождать, притворяться искусны,
Сделать готовы всё, что-противно совести, чести,
Только б страсти им удоволить в самодержавном.
О! злополучен царь, что толь открыт злых-коварствам:
Он погиб, когда ласкательств не отревает,
И не любит всех вещающих истину смело.

* * *

Все государи, всегда которы преспеющи были,
Суть не-весьма за тем своего блаженства достойны:
Нега портит их, а величие упоевает.
Счастия коль-же тебе, по всех победе несчастий!
И при-всегдашней памяти внутрь тех бедностей бывших!
Ты увидишь Ифаку еще; твоя-же и-слава
Превознесется до-самых светил, до звезд понебесных.
Будешь-же ты когда другим властелин человекам,
И добродетельми отчими править мирное царство,
Помни, что-сам был слаб, бедн, страждущ равно как-оны,
Сладко тебе да-бывает всем им делать отраду,
Подданных прямо люби, проклинай ласкательства вредны,
Да и знай притом, что великим будешь постольку,
Ты поскольку в стремительствах всех быть станешь умерен,
А всегда бодр, храбр, побеждать кипящие страсти.

* * *

Вкупе тогда ж при ней усмотрил-я сыночка Эрота,
Кой летал своея вкруг матери крилышек порхом.
Хоть на-личишке его пребывала румяна умильность,
Вся благолепность, и-вся веселость любезна младенства;
Только ж в глазенках его ж не знаю что-óстрое было,
Я от-чего трепетал и внутрь пребезмерно боялся.
Зря на-меня, усмехался он; но можно приметить,
Что тот у́смех лукав, ругателен, зол совокупно.
Вынял из-тула он тогда, не медля, златого
Стрелу одну, у-него из бывших, преострую ону;
Лук-свой напряг, и-хотел уже вонзить мне-ту в перси,
Как внезапу явилась притом Паллада с эги́дом,
И меня защи́тила, сим от-стрелы покрывая.
Взор богини сея не-имел красоты женоличны,
И прелестныя неги тоя, какую приметил
На Афродитином я лице и-во-внешней осанке;
Но, напроти́в, красоту простотой нерадиву и-скромну:
Было всё-важно в ней, благородно, крепко, сановно,
Силы исполнь, исполнь и-величия в мужестве твердом.
Та от-Эрота стрела, не-возмогши пробить сквозь-эгида,
Пала на-землю тут, без всяки содейности, тщетно.
То Эрот в досаду прияв воздохнул претяжко:
Стыдно было ему так видеть себя побежденна.
«Прочь отсюду, — Паллада ему, — прочь мальчик продерзкий!
Будешь всегда побеждать сердца единственно подлы,
Любящи паче бесчестны твоих любосластий утехи,
Нежели стыд, целомудрие, честь, добродетель и-славу».
Слыша Эрот сие отлетел раздраженный прегорько.

* * *

Буря внезапна вдруг возмутила небо и-море.
Вырвавшись, ветры свистали уж-в-вервях и-парусах
грозно;
Черные волны к бокам корабельным, как-млат,
приражались,
Так что судно от тех ударов шумно стенало.
То на-хребет мы-взбегаем волн, то-низводимся
в бездну,
Море когда, из-под-дна разливаясь, зияло глубями.
Видели близко себя мы камни остросуровы,
Ярость о-кои валов сокрушалась в реве ужасном.
Опытом я тут-познал, как слыхал от Ментора часто,
Что сластолюбцы всегда лишаются бодрости
в бедствах.
Наши киприйцы все, как жены́, рыдали унывши:
Только и-слышал от них я что жалостны вопли
рыдавших,
Только-что вздохи одни по-роскошной жизни и-неге,
Только-что и богам обречений тщетных обеты,
Жертвы оным принесть, по здравом приплытии
к брегу.
Не было в них проворства ни-в-ком приказать-бы-что
дельно,
Также никто не знал и сам за что-бы приняться.
Мне показалось, что-должен я-был, спасая мою жизнь,
Равно ее спасти от-беды и-у-всех-же со-мною.
Стал на-корме при-весле я сам, для того-что наш-
кормчий,
Быв помрачен от-вина, как-вакханта, бедства
не-видел.
Я ободрил мореходцев, крича-им полмертвым
с боязни:
«Прапоры сриньте долой, вниз-и-парусы, дружно
гребите».
Стали они тогда гресть сильно веслами всеми;
Мы пробрались меж камней так без-вреда и-напасти,
И мы видели там все страхи близкия смерти.

* * *

Я спросил у-него, состоит в чем царска державность?
Он отвещал: царь властен есть во всем над-народом;
Но законы над-ним во всем же властны конечно.
Мощь его самодержна единственно доброе делать;
Связаны руки имеет он на всякое злое.
Их законы во-власть ему народ поверяют,
Как предрагий залог из всех во свете залогов;
Так чтоб-он-был отец подчиненным всем и-подручным.
Хощет Закон, да-один человек, за мудрость и-мерность,
Служит многих толь людей благоденствию паче,
Нежели многие люди толь, за бедность и-рабство,
Подло гордость и-негу льстят одного человека.
Царь не должен иметь ничего сверьх в обществе прочих,
Разве что-нужно его облегчить от-труда многодельна,
И впечатлеть во всех почтение благоговейно,
Как к блюстителю всех положённых мудро законов.
Впрочем, царю быть должно трезвейшу, мнее роскошну,
Более чужду пышности, нежели простолюдину.
Больше богатства ему и-веселий иметь не-достоит,
Но премудрости, славы, к тому ж добродетели больше,
Нежели стяжут коль сих прочие все человеки.
Вне он должен быть защитник отечеству милу,
Воинствам всем предводитель, и-сим верьховный начальник;
Внутрь судия, чтоб-подсудным быть-добрым, разумным, счастли́вым.
Боги царем его не-ему соделали в пользу;
Он есть царь, чтоб был человек всем людям взаимно:
Людям свое отдавать он должен целое время,
Все свои попечения, всё и-усердие людям;
Он потолику достоин царить, поколику не-тщится
Памятен быть о-себе, да предастся добру всенародну.

* * *

А потом председатель нам предложил три-задачи,
Кои решить по Миноевым правилам все надлежало.

Первая сих: кто во́льнейший есть из всех человеков?
Тот отвещал, что царь верьховну державу имущий,
И победитель есть всегда над-своими врагами.
Но другой, что то человек пребезмерно богатый,
Кой довольствовать все свои пожелания может.
Сии мнили, что-тот, который есть не-женатый
И путешествует жизнь всю-свою в чужестранные земли,
Не подчинен отнюдь никакого народа законам.
Те содержали, что-варвар то в лесу пребываяй
И звериным питаяйся ловом, отнюдь не-зависящ
От повелений градских и-от-всякия нужды другия.
Были и-мнящие, что человек, уво́льненный ново,
Как исходяй от-работ жестоких всегдашни неволи,
Болей чувствует всех других он сладость свободы.
А наконец иные, что-то́ человек, кой-при-смерти,
Тем что оного рок от-всего свобождает конечно,
И человеки все над ним не-имеют-уж власти.

Я, в мою чреду, отвещал, не-опнувшись ни-мало,
Как не-забывший, что-Ментор о-том-мне говаривал
часто:
«Во́льнейший всех, я-сказал, кто волен в самой неволе.
Где б и-каков кто-ни-был, пресвободен тот пребывает,
Если боится богов, и токмо-что оных боится:
Словом, поистине волен тот, кто, всякого страха
Чужд и всех прихоте́й, богам и разуму служит».
Старшие мужи воззрели на-друга друг осклабляясь,
И удивились они, что-ответ мой точно Миноев.

Предложена́ потом другая задача в словах сих:
Кто несчастнейший есть из всех человеков во-свете?
Каждый сказывал так, как-своим он разумом мыслил.
Тот говорил, что кто небогат, нездоров и-нечестен.
Сей содержал, что нет у-кого ни единого друга.
Ин изрек, что-отец, у которого дети такие,
Кои не благодарны ему и-его недостойны.

Был мудрец тут с острова Ле́свона, так провещавший:
«Самый несчастный есть, кто-себя почитает несчастна,
Ибо несчастия нет в вещах изнуряющих столько,
Сколько того в нетерпении приумножающем о́но».
Слыша сие, собрание всё воскликнуло громко,
Все восплескали ему руками, и-каждый так-думал,
Что сей-мудрец за-сию задачу по́честь одержит.
Но вопрошен-был и-я, в ответ им скоро сказавший,
Следуя правилам тем, научился от-Ментора коим,
Что во всех человеках есть то царь пребесчастен,
Мнится пресчастлив кой-быть, что в бедность прочих
ввергает:
Он, по-своей слепоте, еще сугубо несчастлив,
Как не-могу́щий знать своего ж несчастия точна,
И не может притом от-него никогда устраниться,
Тем что-боится в себе его познать совершенно:
Истина льстящих к нему сквозь-толпу не может
продраться.
Мучим он-люто есть всегда своими страстями;
Он из должностей всех отнюдь ни едины не-знает;
Сладости он никогда не-вкусил добра в сотворени,
И никогда ж не-видал красоты в добродетели чистой:
Он злополучен во-всем, и-достоин быть злополучен;
Каждый день ему несчастий еще прибавляет;
К гибели он своей бежит, и-готовятся боги
Оного препостыди́ть вельми наказанием вечным.
Весь собор признал побеждена мною лесвийца;
А престарелые мужи те и всем объявили,
Что улу́чил я то́лком в истинный разум Миноев.

* * *

Прежде ж всех иных, нечестивая та Астарвея,
Ты о-которой слыхал, быв в Тире, многажды столько,
В сердце своем погубить царя вознамерилась твердо.
Страстно любила она единого юношу тирска,
Очень богата и-кра́сна, именем Иоаза́ра.
Та хотела сего на-престол посадить воцаривши.
Что-ж-бы в намерени сем получить успех вожделенный,
То всклеветала царю из двух на старшего сына,

Имя ему Фадайл, что-желая нетерпеливно
Быть преемник отцу своему, на-сего зло-умыслил.
Ложных свидетелей та подставила, и доказала.
Царь умертвил своего неповинного сына бесчастно.
Младший, Валеаза́р нарицаемый, послан в Само́н был,
Будто б наукам ему и нравам елладским учиться;
В самой-же вещи, как Астарвея царю нашептала,
Что надлежало его удалить, да-не-он согласится
И да-не-всту́пит такожде в злый с недовольными умысл.
Поплыл сей едва, как-кора́бль с ним ведшие люди,
Бывши подкуплены все от-тоя́ ж жены прелихия,
Приняли меры тот потопить во время нощное.
Сами спаслись до-чужих ладей вплавь, их ожидавших;
Так-то царевича те в глубину морскую низвергли.

Впрочем, любовь Астарвеина та не ведома токмо
Пигмалиону была одному; он внутренно думал,
Что никого другого она никогда не-полюбит.
Сей государь, недоверчивый толь, поверился слепо
Злой-сей жене, что-любовь ослепила его пребезмерно.
Точно в то-ж-время, как-был сребролюбен, искал-он подлогов,
Чтоб истребить богатого оного Иоазара,
Коего так Астарвея и-толь чрезвычайно любила:
Всё богатство хотел-царь у-юноши токмо восхитить.

Но как Пигмалион пребывал корыстию гнусно
И подозрению, и любви, и алчности к злату,
То Астарвея отнять у-него живот поспешила.
Мнила, что-может-быть несколько он уже догадался
О любодействе бесчестном ее с тем-младым человеком.
Ведала сверьх, предовольну быть сребролюбию токмо,
К лютости чтоб понестись царю на Иоазара.
Так заключила в себе, что-терять ни-часа́-ей не-должно
И потребить его самого упреждением смерти.
Видела та начальных людей в палате, готовых
Руки свои обагрить пролиянием царския крови.
Слышала день на всяк о некоем умысле новом,
Токмо ж бо́ялась поверить в своем человеку такому,
Быть который возможет ей предателем в деле.

Но наконец весьма безопаснее той показалось,
Ядом втай окормивши, известь тем Пигмалиона.

Кушивал он наичаще один, иль с оною токмо:
Сам и-готовил всё про-себя, что кушать-был должен,
Верить в сем ни чьим, кроме своих-рук, не-могши.
Он заключался в палатах своих в отдаленнейше место,
Лучше дабы укрыть ему недоверку такую
И не быть-бы никем никогда назираему тамо,
Ества когда к столу своему учреждал, как-бы-повар.
Сладостей уж никаких не смел искать-он застольных:
Да-и-не-мог вкусить, сам-чего не-умел изготовить.
Так не токмо мяса́ приправлены ку́харьми вкусно,
Но и-еще вино, млеко, хлеб, соль-же и-масло,
Всяка пища притом и-другая, всем обычайна,
Быть не-могли отнюдь ему на-потребу столову.
Ел он только плоды, в саду с древ сорваны им же,
Иль огородный злак, который сам-же насеял
И у-себя варил тем образом, сказанным мною.
Впрочем, не утолял-же и-жажды другою водою,
Токмо которую сам поче́рпнет из-кладезя, бывша
В некоем месте палаты, всегда ж замкненна прекрепко;
А ключи от-замко́в при-себе имел сохраняя.
Коль ни-являлся ж надежден быть на-свою Астарвею,
Токмо и от-нее непрестанно предохранялся.
Прежде себя и есть и пить заставливал ону
Из всего, на-столе у них там что ни-стояло,
Чтоб ему не быть, без нее, отравлену ядом
И по нем-бы самой не жить ей долей на-свете.
Но приняла наперед-та противное зелье отраве,
Коим старуха ее снабдила, злейша самы́я,
Бывша наперсница ей во всех любодейных беспутствах:
После чего погубить царя уже не-боялась.

Се и способ, каким злодеяние то совершила:
В час, они за-столом в который начали кушать,
Та старуха, пособщица ей, помяну́тая мною,
Вдруг загремела великим стуком при-некоих две́рях.
Царь, мня-всегда, что-убийцы к нему вломиться хотели,
Весь становится смущен, и к две́рям бежит да-увидит,
Твердо ль они весьма заключе́ны запорами были.

Тотчас старуха ушла. Царь в недоумении стал быть,
И не знал, что мыслить о-слышанном стуке и-громе,
Только ж дверей отворить не-посмел осмотрить-бы прилежней.
В том ободряет его Астарвея, и-купно ласкает,
Да и паки за-стол призывает, и-просит покушать.
Яд уж-она вложила между тем в чашу златую,
Бегал он когда ко дверям, при-коих стучало.
Пигмалион, как-обык, велел ей прежде напиться.
Выпила та не-боясь, на-принято лекарство в надежде.
Пил он-и-сам; и вскоре потом ему затошнилось,
И тотча́с-же упал тут в о́мрак. Но Астарвея,
Зная, что-может ее убить с подозрения мнейша,
Стала одежду драть на-себе и волосы с воем.
Вот объемлет царя умирающа; вот прижимает;
Вот окропляет его и-потоком слез дожделивных:
Ибо хитрая та, лишь-захочет, то-слезы и-льются.
Как-же увидела там наконец, что царь обессилел
И как будто с духом своим уже расставался,
То, да-не-в-память пришед повелит умертвить-ту с собою,
Ласки свои оставивши все и-усердия знаки,
В остервенившуся ярость пришла ужасно и-странно.
Бросилась та на-него, и-тогда задавила руками.
Так-то ум-наш ни-судьбины себе, ни-впредь-будущи части,
Да и-ни-мер не знает счастием превознесенный!
Перстень потом сорвала́ с руки, с головы ж диадиму;
Да и-велела к себе туда быть Иоазару,
Коему перстень на-перст, на чело диадиму взложила.
Мнила, что-бывшие все с стороны ее не-замедлят
Следовать страсти ее ж и-царем проповедят любимца.
Но наипаче хотевшие той угождать в раболепстве
Подлы имели сердца, корысть любили бездельну,
И не способны отнюдь к усердию искренну были,
Сверьх-же того во всех в них не было бодрости смелы,
И опасались врагов, Астарвея которых имела.

Больше боялись еще, что-жена сия нечестива,
Как горда несносно была, так-люта́, зла-и-скрытна:
Каждый желал, в безопасность себе, дабы та-погибла.

В том при-дворе и-в-палатах мятеж восстал
превеликий,
Слышится всюду крик: «Царя не стало! Скончался!»
Те устрашились; другие хватают оружие спешно;
Следствий боятся все, а-что-умер царь не-горюют.
Весть полетела о-сем, от уст к устам прелетала,
И собой огласила весь-град вкруг Тир превеликий;
Только ж ниже́ одного не-нашлось притом человека,
Кой-бы тужил по царе, издохшем скоропостижно:
Смерть его спасение всем и людям утеха.

* * *

Должно людей примечать прилежно, да-оных познаешь.
Часто-их видеть долг и-беседовать многажды с ними.
Надобно, чтоб цари говорили с подвластными сами;
Надобно, чтоб говорить подчиненных они заставляли;
Спрашивать о делах у них советов и-мнений;
Испытова́ть тех-самих не-большими также делами,
В коих-бы отповедь те царям давали исправну,
Да увидятся, суть-ли способны к должностям высшим.
Чем, Тилемах любезный, ты научился в Ифаке
Распознавать добро́ты разнь в ваянных кумирах?
Частым видением сих, и-притом наблюдением твердым
Всех пороков, и-в-них совершенств, — с искусными
в деле
Образом равным беседуй, и разговаривай часто
О благих и качествах злых в человеках с другими
Ты человеки, мудрости и добродетелей вестных,
Кои долгим искусством тех и-познали испытно;
Так нечувствительно сам позна́ешь и-ты предовольно,
Суть каковы они и-чего от них ждать-присто́ит.
Что научило тебя познавать изрядно и-точно
Добрых тех, и-худых, и посредственных токмо пиитов?
Частое чтение их, и-с людьми рассуждение также,
Знают силу которы во-всех стихотворчества родах.

Что показало тебе разбирать в мусикии различность?
Тож прилежание всё к наблюдению мусиков добрых.
Как возможно надеяться править людьми преизрядно,
Ежели суть тебе всеконечно неведомы люди?
Да и как их-познать, когда нет-общения с ними?
То не-общаться с ними, что-видеть их всенародно:
Отобоюду тут говорятся средние вещи,
И приготовлены те прикрасами хитрыми точно.
Долг наедине видеть их, извлекать все-из-сердца
Тайны убежища тех, прикасаться к оным отвсюду
И углубляться в них, да-откроется внутренность сама.
Но дабы рассуждать о людях исправно и-прямо,
То начинать-долг с познания, быть-им каким есть-
природно:
Надобно знать, есть что-то достойность суща и-тверда,
Да различатся имущи сию от-сея неимущих.
Все говорят о-достойности и добродетели завсе;
А не знают есть-что достойность и добродетель.
Красны-то речи токмо, слова и-разбродчивы многих,
Кои в честь-ставят себе говорить о них повсечасно.
Должно иметь основания верны о-правде, и-купно
О добродетели, и о разуме также рассудном,
Чтоб познать, добродетельны и разумны которы.
Надобно правила знать правительства добра и-мудра,
Да познаешь людей, имеющих правила оны,
И людей, отдаленных от-сих по тонкостям ложным.
Словом, дабы тела измерять многие верно,
Должно иметь одну и ту постоянную меру:
Так, и-дабы рассуждать, долг-иметь достоверны
начала,
На которых суждениям нашим-всем твердо основаться.
Долг-знать, какая цель человечески жизни всеобщи,
Кой и-конец предлагать человеков в правлении должно.
Цель единственна и существенна токмо сия есть,
Не хотеть никогда для-себя ни-величий ни-власти:
То честолюбие токмо тиранскую гордость насытит;
Но надлежит предавать себя трудам беспредельным,
Чтоб соделать людей и добрых и благосчастных.
Инако, ощупом идет всяк, и-по-случаю слепу;
Тож чрез всё своея продолжение целыя жизни.
Идет равно как-некий корабль на-пучине пространной,
Нет на-котором искусного кормчия, правяща беги,

Нет на-котором созвездиям и наблюдений небесным,
Также которому все и-брега неведомы ближни:
Сей не может гонзнуть от-разбитий и потоплений.

Многие часто из государей, не-зная исправно,
В чем состоит добродетель сущая, прямо не-знают,
Должно чего искать им пéрвей во-всех человеках.
Истинна вся добродетель для-них есть некак сурова:
Кажется оная им преизлишно быть неподвластна;
Та приводит-их в страх, и-еще превесьма огорчает;
Так обращаются все они к ласканию сладку.
С самого же часа сего уж болей не-могут
Искренность в ком изобресть и твердую ту добродетель:
С самого же и-часá сего бегут за-призрáком
Тщетным ее, который точно-есть ложная слава,
И по-которому те не-бывают прямыя достойны.
Тотчас уже притом обыкают твердо и-верить,
Что добродетели сущия нет на-земле всеконечно:
Ибо добрые знают злых довольно изрядно,
Злые ж не-знают отнюдь всех добрых сердцем и-нравом,
Так и верить не-могут, чтоб-сíи впрямь находились.
Все государи такие токмо всем-рáвно не-верят:
Кроются тем от всех они, в себе заключаясь;
Тотчас приемлют подзор от самыя малыя вещи,
Тем-что боятся людей, и сами их устрашают.
Бегают света, в своей и-природе являться не-смеют.
Коль-же они хотя не-желают быть-ведомы прочим,
Но всегда бывают, однако, всякому вестны,
Ибо подвластных им любопытство, крайно лукаво,
Препроницает всё, и всё угадывать может,
А они притом никого из оных не-знают.
Любящи люди корысть, которы всегда облежат их,
Рады тому весьма, что-они неприступны бывают:
Царь неприступен людям, и-правде есть-он неприступен.
Ложно чернят-те пред-ним злодейскими всё клеветами,
И отдаляют очи ему просветить возмогущих.
Сии цари провождают жизнь в величии диком,
В коем, боясь беспрестани обмануты быть ухищренно,
Суть в обмане всегда неминуемом; да и-достойно.
Лишь утвердятся, советы примать людей от-немногих;

В самое время то ж воспримать обязуются также
Оных все-страсти и заблуждения ложные купно:
Ибо и-добрые люди свои пороки имеют.
Сверьх-же того, предаются они оболгателям впóлне,
Подлому роду и-злому, всегда рыгающу ядом,
Всё отравляющу, что беспорочно и-есть неповинно,
Малые самые вещи все приводящу в большие,
Изобретающу паче зло, а не престающу
Всех вредить повсегда и-смеющуся, ради прибытка,
Как недоверности, так и-негодному толь любопытству
В слабом таком государе, и толико пужливом.

Так познавай же, о! Тилемах драгий и-любезный,
Всех познавай-ты людей. Свидетельствуй, сам-их
прилежно;
Повелевай одним говорить о-других пред-тобою;
Порознь изведывай тех не вдруг, да-отмала помалу;
Не полагайся ни на-кого с возлюбления вяща;
Опыты употребляй во-твою надлежащую пользу,
Буде когда в твоих суждениях был-ты обманут,
Ибо имеешь быть иногда обманут конечно:
Злые толь глубокѝ, уловлять что могут всемерно
Добрых они своими притворствы и лицемерствы.
А чрез то научись не-судить ни-о-ком препоспешно,
Ни по-добру, нижé и-по-худу что утверждая:
То и-другое весьма-есть исполнено бедствий премногих.
Сим погрешности прошлы твои тебе ж преполезно
Не преминут подать наставление впредь на-поправу.
Если ж ты изобрящешь таланты и добродетель
В некоем тех из всех человеков, изведанных точно,
То его и употребляй с надеждою к делу,
Ибо желают люди, имеющи правое сердце,
Да правота их вся ощущаема явственно будет:
Лучше любительность им и-доверенность всяких
сокровищ.
Но не порть-их вверением им беспредельныя силы.
Некто всегда б тот был добродетелен, кой
не-таков уж,
Тем-что ему государь дал-безмерную власть
и-богатство.
Кто довольно любим-есть богам, что-во-всем
государстве

На́йдет двух иль трех приятелей истинных суще,
То есть мудрых, верных и благих постоянно;
Вскоре тот чрез них и-других находит подобных,
На наполнение мест иных, которы пониже.
Токмо чрез-добрых одних, он коим вверится прямо,
Может познать, чего собою не познавает,
Суть каковы в себе другие оны особы.

* * *

Ме́нтор потом восхотел испытать, уже наостаток,
И сильняй еще, терпеливность ту в Тилемахе.
В самый тот-час, как юный хотел идти препоспешно
Нудить всех мореходцев к поплытию без замедлений,
Ментор его вдруг остановил, и-прину́дил на-бреге
Жертву велику принесть премудрой богине Палладе.
То Тилемах, что Ментор велит, исполняет послушно.
Се из дерна сугубый олтарь поставляется вскоре;
Се фимиам воскуряется; кровь течет из-закланных:
Се Тилемах претеплу мольбу проливает-тут к небу,
Как признаваяй сильный покров себе от-богини.

Жертве едва совершившейся, се и-за-Ментором и́дет
Мрачными всюду стезями в рощице, близ отстоявшей.
Се ощущает там, что-лице́ престарелого друга
Образ приемлет нов! Морщины с чела-все сникают,
Как исчезает тьма, от-денницы багряными персты
Встока врата отверзающи и проливающи светлость.
Впадшие те ж и-суровые се пременяются очи
В очи уже голубые, цвета и-света небесна,
И в преисполненны жарких искр божественно некак.
Се́да брада невидима есть. Черты благородны,
Но и-сановны, приятностьми ж нежными все
сраствореннны,
Тут Тилемаха очам предъявляются препомраченным.
Видит тогда он-лице́ жены велемощныя лепо,
Гладко и-све́тло так, как-цветок, осиянный от-солнца.
Кри́нна-бель зрится на-нем при-шипков румяности
свежей.

Всем на-лице-том играет младость всегдашняя вечно,
При величии ж как простом, так не ухищренном.
Длинны власы источают дух вони́ амвроси́йны,
Ризы сияют ее такими мастей испещреньми,
Солнце какими вкруг, при-своем востечении в утро,
Все озаряет мрачные кровы оны небесны,
Купно и-черные тучи, оно что-тогда позлащает.
Та божественность тут земли не-касалась стопами:
Ле́гко парит она по-возду́ху, как-крила имущи.
Мощною держит рукою та ж копие преблещаще,
В трепет могуще привесть и грады и-ратны народы:
Сам и-Гради́в бы весь от-того пресодрогся всемерно.
Глас ее тих, мерен, но проразисто ярок.
Речи оные все, как стрелы огненны неки,
Сердце всё проницают внутрь тогда в Тилемахе
И дают ему ощущать боль некий приятный.
Зрится на-шлеме ее нощная птица афинска;
А на персях у-ней эгид-тут сверкает престрашный.
Знакам по-сим Тилемах признал удобно Палладу.

«О богиня! так-ты-то сама удостоила скрытно
Быть руководницей сыну, с любви к отцу Одиссею!
Коль лучезарна! кольми ж изменилась от-Ментора! яве
Бывша споспешника мне и-во-всем наставника свята!
Коль-же моя и-надежда вся на-успех путешествий,
Помощи от твоея, блажайша, зависела твердо!»
Больше хотел провещать, но-ему вдруг гласа не-стало.
Тщетно устне его к изъявлению силились мыслей,
Спешным стремлением из глубины исходящих сердечны:
Там присуща божественность оного преутесняла;
Был он как человек, в сне отягощенный толико,
Что ни-дышать не-имеет сил, а-вращанием трудным
Уст своих не может уже проглаголать ни-слова.

В том, наконец, Паллада сама изрекла, провещая:
«Сын Одиссеев! послушай меня, и-сие-уж впоследни.
Я никого не-учила из-смертных с радением бо́льшим,
Коль тебя. Я-тебя вела сквозь бедства рукою,
По неизвестным странам, во бранех прекроволитных
И в злоключениях всяких, которы могут неложно
Сердце всё испытать, и то искусить в человеке.

Я показала тебе, чрез-чувствительны опыты самы,
Истинны правила, купно и-ложны, как-царствуют в людех.
Все твои погрешности были не-меньше полезны,
Впредь к поправе тебе, коль-твои ж и-несчастия многи.
Ибо кто человек-есть, могий державствовать мудро,
Ежели он никогда никаких не-страдал злоключений
И не-умел же употребить страданий-тех в пользу,
В кои погрешности точно его всегда низвергали?
Ты наполнил, как-твой и-отец, моря-все и-земли
Многими толь приключеньми, и-теми печальными всеми.
Ныне иди: по-его стезям идти-ты достоин;
Краткий и-легкий преезд остался тебе до-Ифаки,
Он в которую в час сей самый уже приспевает.
С ним совокупно сражайся; ему ж и-во-всем повинуйся
Так, как самый последний из-всех его подчиненных,
Образ собой подая другим соделывать тожде.
Во́зьмет-он отроковицу в супругу тебе Антиопу;
И ты, вкупе живя с ней, будешь счастлив верьховно,
Тем-что-ты в оной мнее искал красоты особливы,
Коль ума, добродетели и препохвальныя чести.
Будешь когда сам царствовать ты на-престоле державно,
То в честь ставь и-хвалу возновление века златого.
Слушай всех; а слушая всех так, верь-ты не-многим,
И блюдись себе самому преизбыточно верить.
Бойся обманут быть; но-отнюдь никогда-ты не-бойся
Видеть давать другим, что-конечно был-ты обманут.
Твой народ люби, и тщись от-него-быть любимым».

<1766>

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В КНИГИ

ПРИВЕТСТВИЕ, СКАЗАННОЕ НА ШУТОВСКОЙ СВАДЬБЕ

Здравствуйте, женившись, дурак и дура,
Еще <...> дочка, тота и фигура!
Теперь-то прямо время вам повеселиться,
Теперь-то всячески поезжанам должно беситься:
Квасвин дурак и Буженинова <...>
Сошлись любовно, но любовь их гадка.
Ну мордва, ну чуваши, ну самоеды!
Начните веселье, молодые деды,
Балалайки, гудки, рожки и волынки!
Сберите и вы бурлацки рынки,
Плешницы, волочайки и скверные <...>!
Ах, вижу, как вы теперь ради!
Гремите, гудите, брянчите, скачите,
Шалите, кричите, пляшите!
Свищи, весна, свищи, красна!
Не можно вам иметь лучшее время,
Спрягся ханский сын, взял ханское племя:
Ханский сын Квасвин, Буженинова ханка,
Кому то не видно, кажет их осанка.
О пара, о нестара!
Не жить они станут, но зоблют сахар;
А как он устанет, то другой будет пахарь,
Ей двоих иметь диковинки нету,
Знает она и десять для привету.
Итак, надлежит новобрачным приветствовать ныне,

Дабы они во всё свое время жили в благостыне,
Спалось бы им, да вралось, пилось бы, да елось.
Здравствуйте, женившись, дурак и дурка,
Еще <...> дочка, тота и фигурка.

Февраль 1740

В КРАЙНОСТЯХ ТЕРПЕНИЕ ПОЛЬЗУЕТ

Durum: sed lenius fit patientia,
Quidquid corrigere est nefas.

Horat., lib. 1, od. 24.[1]

Не тела я болезнь стихами исцеляю,
От зол унывший внутрь дух в бодрость восставляю.
Кто в немощь телом впал, врачи того лечáт,
Хоть некогда больных лекарством в землю мчат.
Кто ж духом заболел, такому б от Сократа
Долг помощи желать, оставив Иппократа:
Но ныне филосóф для многих странен есть,
И мудрости прямой едва бывает честь.
Так врачество даю болящим из пиита:
К пиитам и у нас легла дорога бита.
Будь пользуяй пиит, когда увещевать,
И силен сердца скорбь поспешно врачевать.

О! вы, в которых боль по беспокойству духа,
Крушится ль кто из вас от ложна в людях слуха,
Тщеславный ли язвит и жалит где кого,
Прегрубый ли блюет всем зевом на него,
Безумный ли какой ругает безобразно,
От злобы ль стервенясь иной порочит разно,
Ничтожит ли давно, с презором, гордый ферт,
Чрез сильного ль бедняк несправедливо стерт,
По страсти ль чем тебя и нагло кто обидит,
Без всяких ли причин сверьх меры ненавидит,
Иль предпочтен тебе в способности другой,
Или врагом восстал нечаянно друг твой,
Иль ухищренный льстец копает ров лукавно,

[1] Тяжко нам. Но терпи. Легче сживаешься С тем, чего изменить нельзя. *Гораций, книга 1, ода 24.*

На пагубе твоей возвысился б он славно,
Иль в очи, ни при ком, хвалить не престает,
Кой за глаза в хулах, при всех, не устает,
Иль, словом, страждет кто из вас навет поносный,
И так, что жизни век затем ему не сносный,
А не́льзя пременить и от того уйти,
Ни способа отнюдь к спасению найти, —
Послушайте, что вам Гораций предлагает,
Да более дух ваш не преизнемогает.
«Как зло вас, — говорит, — с покоем разлучи́т,
Терпите: всяк, терпя, суровость умягчит».

<1755>

ВЕШНЕЕ ТЕПЛО

Ода

Весна румяная предстала!
Возникла юность на полях;
Весна тьму зимню облистала!
Красуйся всё, что на земля́х:
Уж по хребтам холмисты горы
Пред наши представляют взоры
Не белый, с сыри падший, снег,
Но зелень, из среды прозябшу,
А соков нову силу взявшу;
Раскован лед на быстрый бег.

Се ластовица щебетлива
Соглядуема всеми есть;
О птичка свойства особлива!
Ты о весне даешь нам весть,
Как, вкруг жилищ паря поспешно,
Ту воспеваешь толь утешно:
Мы, дом слепляющу себе,
Из кру́пин, не в един слой, глинки
И пролагающу былинки,
В восторге зрим, дивясь тебе.

Борей, ярившийся здесь свистом,
Уже замкнул свой буйный зев;

В дыхании теперь мы чистом;
Ревущих бурь не страшен гнев:
Зефиры тонки возвевают,
На розгах почки развивают,
Всё в бодрость естество пришло!
Декабрьска лютость преминула,
Прохлада майская надхнула;
Исчез мраз и трескуче зло.

Ручьи на пажитях растущих
Ничем не обузда́ны суть;
Крутятся те в дола́х цветущих,
Стремясь, пен с белью, шумно в путь;
Нева кристалл свой разбутила,
И с понта корабли впустила;
Река, возлюбленна Петром!
Не твердию лежишь пред нами,
Где шли мы пеше, не челна́ми;
Волнуешься в брегах сребром.

Помона, матерь яблок разных,
Надежду водит о плодах;
Пестрясь древ листвием непраздных,
В благоуханных бдит садах;
Всяк вертоградарь в них смеется,
Что ме́двян не́ктар в грёзны льется;
Его чредит все ло́зы перст,
Начатком сильно б отягчились,
В цвет новосадки облачились;
В прививках стебль цвести ж разверст.

Дух ощущает зельну радость,
Произращение нив зря;
Церера пестует их младость,
Обильность зреющим даря;
Всё обещает нам успехи!
Все чаяния без помехи:
Споспешность свыше подана;
Мы превозносим нашу славу,
Поя виновницу благ здраву;
Богата в милости она!

Лишен из всех кто благоденства,
В ней дарова́нного с небес?
Без ликовства нет нощеденства;
Среди нас век златый воскрес;
Псарь в рощах намащен стреляет,
Кой в них зверочков уловляет;
Но ратник становится в строй
Для навыка и для науки,
Да на врагов устроит руки,
Страшит же зависть он игрой!

Зришь, лики ходят испещренны
При венценосной сей главе;
Спокойством цельным одаренны,
Гуляют дружно по траве;
Зришь, плавают ловцы с сетями,
На плен рыб, жидкими путями:
Тот у́ду мечет в глубину,
Вскрай располившуся весною;
Влечет сей невод кривизною;
Сак погружает ин ко дну.

Исшел и пастырь в злачны луги
Из хижин, где был чадный мрак;
Сел каждый близ своей подруги,
Осклабленный склонив к ней зрак;
В свирель играет и в цевницы,
Исполнь веселий в сень зарницы:
Там кароводы, в тишь погод,
Плясанием своим кразя́тся;
Там инде песенки гласятся;
Безвинных много там выго́д!

Вина, свет пишуща красами!
Пламеннозарно око дня!
Круг, близящийся к нам часами!
Рцы сам, как ныне от огня,
Того ж всё, твоего нет жара,
Ни расслабляющего вара,
Да токмо льготна теплота
Лиется ясными лучами,

Однак при хладности ночами,
А к лету пар отверз врата!

Во время стал оратай плугом
К ярине бременить волов;
Их черствость глыб в труде мять тугом
Бичом и воплем ну́дит слов;
Свой груз хоть звать тяжелым смеет,
Однак надежду он имеет:
Довольство в преднюю есень зрит;
Тем благодушен воспевает,
Песнь токмо ж часто прерывает;
Сам в вечер поздо в дом скорит.

Долг в похвалу гласить животным,
Суровым с вида, косным в шаг:
С каким усильством, небеспо́тным,
Влекут в ярме те рало в мах!
Колико у дельца работы,
И сколько уняли заботы!
Не зная знают землю драть!
Бразды вдоль взрезывают прямо!
Но он мысль утвердил упрямо,
Чтоб пашню всю в день тот взорать.

В чин зодий сих еще утеха!
Премножество явилось птиц,
На ветвь с той ветви, от поспеха,
Препархивающих певиц:
Вещает зык от них громчайший,
Что их жжет огнь любви жарчайший;
От яркой разности гласо́в,
Котора всюду раздается,
В приятность слуху всё мятется
Молчание густых лесов.

То славий, с пламеня природна,
В хврастинных скутавшись кустах,
Возгласностию, коя сродна,
К себе другиню в тех местах
Склоняет толь, хлеща умильно,
Что различает хлест обильно;

То кра́стель, в обое́й заре,
Супружку кличет велегласно,
А клик сей слышится нам красно,
Несущийся по той поре.

Там стенет горлица печально,
Рыдая сердца в тесноте,
Как скроет друга место дально,
Сего взывает в чистоте;
Повсюду жавранок поющий,
И зрится вкось и впрямь снующий;
Кипя желаньми солнце зреть,
Взвивается к верьхам пространным,
Путем, бескрильной твари странным;
Так вьясь, не престает сам петь.

Не вся тут узоро́чность вешня:
В весне добр тысящи суть вдруг;
Угодность сладостей нам днешня
Различествует тьмами вкруг:
Летит пчела в пределы Флоры,
Да тамо слезы ссет Авроры;
Росистый съемля мед с цветков,
Во внутренность включает жалом,
В количестве, по силе, малом;
О промысл пчельных хоботков!

Оттуду легкими крилами,
Жужжаща ремжет вспятно чадь;
Свой глад разженшая делами,
Влетает в кров сот источать:
Там в воск, как в закром многостенный,
Балсам сливает драгоценный;
Спешит и паки на урок,
По кладь крупитчату, полетом,
И паки, равным же пометом,
Пренаполняет чванцы впрок.

Коль милы вы, цветки прекрасны,
Два чувствия сладящи в нас!
Мы видеть ваш убор пристрастны,
Мы вонность обонять от вас;

Тот зря, очес не насыщаем,
Уханьми сил не истощаем:
Хоть, масть зерцая, зрим стократ,
Хоть пыл внoздряем крины сласти;
Всегда красы сверьх нашей страсти,
Всегда есть тучен аромат.

Цвет велелепней сей другаго,
Тот благовоннее сего;
Но обое́ во всяком д'раго,
И не́льзя оценить всего:
Ни Соломону было можно,
Прилог священный свят неложно,
Во славе всей толь облещись,
Коль мнейший из цветов наряден
И багрецами коль изряден:
Дано всем блескам в них стещись!

Любезно помышлять блаженство,
Чем небо одарило их!
Чета ль есть в тех или безженство,
Но райский род семен драгих;
Толь красота в цветках чудесна,
Что Фебу самому́ прелестна:
Изъятым от бессчастных доль,
Нас коим предала природа,
А теми чахнут тьмы народа,
Един им хлад смертельный боль.

Превышня благость нежит цве́ты!
Возмогши словом всё создать,
Непостижимыми советы
Цветкам умеет взрачность дать:
Но, к ним призор коль ни прилежный,
Их краток мнится нам век нежный;
Однак им долей, нежель мне,
Дар жить, хоть вскоре погасают:
Они в живот свой воскресают,
При каждой с торжеством весне.

Час, муза, возгласить прилично,
Бряцаний лирных при конце,

Когда дубравно всё толь слично
И в многоцветном раст венце;
То что ж сады здесь учрежденны,
Отцом великим насажденны,
Где ныне дщерь его вождем,
Велика ж ра́вно, равно ж перва,
В земных богиня, как Минерва?
Воскликни: «Северный Едем!»

<1756>

СОНЕТ

ИЗ СЕЯ ГРЕЧЕСКИЯ РЕЧИ: «ΣΤΈΦΕΙ ΤΙΜΏΝΤΑΣ ΑΥ̓ΤῊΝ ἈΡΕΤΉ», ТО ЕСТЬ: «ДОБРОДЕТЕЛЬ ПОЧИТАЮЩИХ ВЕНЧАЕТ».

Желает человек блаженства непреложно.
Сему — высокий чин, и сила тем, и честь;
Тот счастия себе в богатстве чая ложно,
Приумножает всё, обилие что есть.

Роскошствуя иной сластями, сколько можно,
Не видя ж, ослеплен, какая в оных лесть,
Благополучна мнит себя неосторожно;
И их на всякий час стремится выше взнесть.

Ах! чувствует он сам тьмы целы недостатка,
И множество свое зрит малым без придатка:
Хотя достиг конца, но мил едва успех.

Иль тщетно дал ему хотения содетель?
О смертный! умудрись: безмерность кажда грех,
А средство всех довольств — едина добродетель.

<1759>

СТАТЬИ О РУССКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ

НОВЫЙ И КРАТКИЙ СПОСОБ К СЛОЖЕНИЮ РОССИЙСКИХ СТИХОВ С ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ ДО СЕГО НАДЛЕЖАЩИХ ЗВАНИЙ

*ВСЕМ ВЫСОКОПОЧТЕННЕЙШИМ ОСОБАМ,
ТИТУЛАМИ СВОИМИ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНЕЙШИМ,
В РОССИЙСКОМ СТИХОТВОРСТВЕ ИСКУСНЕЙШИМ
И В ТОМ ОХОТНО УПРАЖНЯЮЩИМСЯ,
МОИМ МИЛОСТИВЕЙШИМ ГОСПОДАМ*

Высокопочтеннейшие господа!

Не без основательной причины новый сей и краткий мой способ к сложению российских стихов вам покорнейше приписываю. Правил, которые в нем я положил и по силе которых не прямыми называю стихами старые наши стихи, кому лучше, как вам, искуснейшим, рассмотреть надлежит правость? А охотно в том упражняющиеся несколько стихов здесь, доныне в России невиданных, в пример себе найти могут и оные употребить, буде за благо рассудят им следовать, к своей пользе.

Вас, искуснейших, ежели правила мои не правы или к стихотворству нашему не довольны, нижайше прошу и купно исправить, и купно оные дополнить; но в том упражняющиеся чрез них же повод возымеют тщательнее рассуждать, и стихи наши, чрез свое рассуждение, от часу в большем совершенстве в российский свет издавать: одним же и другим вам не не полезен правилами моими быть уповаю, что одних вас и других новостию возбужду либо старые наши стихи освидетельствовать и, по правде ли те носили имя стихов доныне, разыскав, уведать.

Сие есть мое намерение, в сем новом и кратком способе к сложению российских стихов, который, как достойнейшим вам, в честь вашу посвящаю; как благоразумнейшим в исправление отдаю; но как во всем, так либо и в сем, правду любящим, в покров и защиту вручаю; не больше, поистине, малую и весьма недействительную искру моего ума показать хотевший, коль вам и услужить, и вас глубочайше тем почтить желающий, высокопочтеннейшие господа, ваш покорнейший и нижайший слуга

В. Тредиаковский.

Est deus in nobis, agitante calescimus illo,
Impetus hic sacrae semina mentis habet.

Ovidius Lib. 6. Fastorum.

То есть:

Стихотворчеству нас бог токмо научает,
И святый охоту в нас пламенну рождает.

Овидий в кн. 6 о Фастах.

В поэзии вообще две вещи надлежит примечать. Первое: материю, или дело, каковое пиита предприемлет писать. Второе: версификацию, то есть способ сложения стихов. Материя всем языкам в свете общая есть вещь, так что никоторый оную за собственную токмо одному себе почитать не может, ибо правила поэмы эпической не больше служат греческому языку в Гомеровой «Илиаде» и латинскому в Виргилиевой «Энеиде», как французскому в Вольтеровой «Генриаде», итальянскому в «Избавленном Иерусалиме» у Тасса, и аглинскому в Мильтоновой поэме о потерянии рая. Но способ сложения стихов весьма есть различен по различию языков. И так автор славенской грамматики, которая обще называется большая и Максимовская, желая наше сложение стихов подобным учинить греческому и латинскому, так свою просодию количественную смешно написал, что, сколько раз за оную ни примешься, никогда не можешь удержаться, чтоб не быть, смотря на оную, смеющимся Демокритом непрестанно. Ежели б он тогда рассудил, что свойство нашего языка того не терпит, никогда б таковой просодии не положил в своей грамматике.

Другие в сложении наших стихов доныне правильнее поступали, некоторое известное число слогов в стихе полагая, пресекая оный на две части и приводя согласие конечных между собою слогов. Но и таковые стихи толь недостаточны быть видятся, что приличнее их называть прозою, определенным числом идущею, а меры и падения, чем стих поется и разнится от прозы, то есть от того, что не стих, весьма не имеющею. Того ради за благо рассудилось, много прежде положив труда к изобретению прямых наших стихов, сей новый и краткий способ к сложению российских стихов издать, которые и

число слогов свойственное языку нашему иметь будут, и меру стоп с падением, приятным слуху, от чего стих стихом называется, содержать в себе имеют. Буде ж каковой недостаток и в сем найдется, то покорно просятся благоразумные и искусные люди, чтоб объявить то Российскому собранию, которое всячески потщится или сомнения их в рассуждении стихов разрешить, или недостатки, находящиеся в сих новых, исправить, с возможным за таковое их приятство благодарением.

А понеже в сложении российских стихов также две вещи должно знать, то есть свойственное звание, при стихе употребляемое, и способ, как слагать, или сочинять, стих; того ради свойственные при стихе звания определениями объявятся, а на способ к сложению стиха кратчайшие и ясные правила положатся.

И тако:

Определение I

Чрез *стих* разумеется всякая особливо стиховная строка, что у латин называется versus, а у французов: vers.

Определение II

Чрез *слог:* двух или многих согласных письмен, с каковым-нибудь гласным или двугласным сложенных; или одного гласного или двугласного одним и тем же временем, без всякого разделения, уст с языком движение. У латин *слог* называется syllaba, а у французов: syllabe. Полагается, что письмена и оных разделение всякому ведомы из грамматики; однако *письмя* по-латински именуется littera, а по-французски: lettre.

Определение III

Чрез *стопу:* мера, или часть стиха, состоящая из двух у нас слогов; что у латин называется pes, а у французов: pied.

Определение IV

Чрез *полстишие:* половина только стиха, в героическом из седми слогов состоящая, и то первая; а вторая из шести. Сие у латин с греческого называется hemistichium, а у французов: hemistiche.

Определение V

Чрез *пресечение:* разделение стиха на две части, первое полстишие всегда, чтоб хорошим быть стиху, долгим слогом кончащее. Но чрез долгий слог в российском стихотворстве разумеется тот, на который просодия, или, как говорят, сила ударяет. И тако в речении сем: *слага́ю га* есть долгий слог, а *сла* и *ю* короткие. Пресечение латины называют cesura, а французы: césure, или: repos.

КОРОЛЛАРИЙ 1

Отсюда следует, что все речения единосложные не могут быть, как токмо долгие. Долгота и краткость слогов у латин называется quantitas, а у французов: quantité, или longueur et brieveté des syllabes.

КОРОЛЛАРИЙ 2

Того ради чрез сие всяк ясно выразуметь может, что долгота и краткость слогов, в новом сем российском стихосложении, не такая разумеется, какова у греков и у латин в сложении стихов употребляется; но токмо *то́ническая,* то есть в едином ударении голоса состоящая, так что, сколь греческое и латинское количество слогов с великим трудом познавается, столь сие наше всякому из великороссиан легко, способно, без всякой трудности и, наконец, от единого только общего употребления знать можно; в чем вся сила нового сего стихосложения содержится.

КОРОЛЛАРИЙ 3

Итак, стопы, имеющие составлять новый наш стих, как то в правилах объявится (из которых приемлется мною на то, называемая обыкновенно спондей, который состоит из двух долгих слогов и которого есть знак сей: — —; так же и пиррихий, который состоит из двух коротких слогов и которого есть знак сей: ◡ ◡; хорей или трохей, который состоит из одного долгого и другого короткого слога и которого есть знак сей: — ◡; напоследок иамб, который состоит из одного короткого, а другого долгого слога и которого есть знак сей: ◡ —), должно разуметь по силе и разумению, положенном во втором королларии.

Определение VI

Чрез *рифму:* не число, но согласное окончание двух стихов между собою, состоящее из тех же самых письмен, или из разных, токмо подобного звона, чувствуемое всегда лучше в предкончаемом, или иногда в кончаемом слоге стиха. Сие у латин никакого имени не имеет, понеже их стихи согласно между собою не кончатся; но во французской поэзии, которая вся та ж, что и наша, кроме некоторых не малых околичностей, называется то: rime.

Определение VII

Чрез *перенос:* не окончившийся разум в одном целом стихе и перенесенный в часть токмо следующего стиха, а не до самого его конца продолжающийся. Латины часто так переносят: понеже их стихи рифм не имеют, того ради им нет нужды, чтоб последние слоги другого стиха полною меры равностию, в рассуждении первого стиха, и тем же бы звоном чувствуемы были. Но французы сей порок стихов называют: enjambement, то есть: перескок.

Определение VIII

Чрез *падение:* гладкое и приятное слуху чрез весь стих стопами прехождение до самого конца. Что чинится тем, когда первый слог всякой стопы долгий есть, а по крайней мере нескольких в стихе стоп, или когда одно письмя часто не повторяется, или когда стопа за стопу вяжется, что самое не делает стих прозаичным. Падение латины, в рассуждении их поэзии, называют cadentia; а французы в рассуждении своей: cadence.

Определение IX

Чрез *слитие:* когда речение кончится на *и* краткое тако: *й*, а другое начинается чрез то ж письмя, тогда краткое *и* не выговаривается и как бы съедается, и с другим тем в одно место сливается. Например:

Каждый имеет счинять кто стихов любитель.

Произносится тако:

Кажды имеет счинять, и проч.

Латины сие называют elisio, а французы: elision.

Прибавление

Российские стихи долженствуют иметь или рифму непрерывную, или рифму смешенную. Рифма непрерывная называется тогда, когда окончанию первого стиха второй имеет подобное. Рифма смешенная бывает тогда, когда согласное окончание первому стиху кладется чрез стих или два, а в случай и чрез три, буде строфа нечётку стихов содержит. Рифму непрерывную французы называют: rime suivie, а смешенную: rime melée.

Изъявив званий знаменования, приступаю к объявлению того, каков героический российский стих быть долженствует, и всё что до красоты сего стиха касается, также и чем оный порочен бывает.

Правило I

Стих героический российский состоит в тринадцати слогах, а в шести стопах, в первой стопе приемлющий *спондея* — —, *пиррихия* ◡ ◡, *хорея,* или инако *трохея* — ◡, *иамба* ◡ —; во второй, третией (после которой слогу пресечения долгому надлежит быть), четвертой, пятой и шестой такожде. Однако тот стих всеми числами совершен и лучше, который состоит токмо из хореев или из большей части оных; а тот весьма худ, который весь иамбы составляют или большая часть оных. Состоящий из спондеев, пиррихиев или из большей части оных есть средней доброты стих. Но что в тринадцати состоит слогах, тому причина: употребление от всех наших старых стихотворцев принятое. В пример тому будь стих первый из первой сатиры князя Антиоха Димитриевича Кантемира, без сомнения главнейшего и искуснейшего пииты российского.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
ум	толь	сла	бый	плод	тру	дов	крат	ки	я	на	у	ки.

КОРОЛЛАРИЙ

Следовательно, новый наш стих составляется токмо из стоп двусложных, для того что оный имеет в себе определенное некоторое еще число слогов; а трисложных дактилического рода (как то бывает в греческом и латинском стихе, потому что греческий и латинский стих, имея только определенное число стоп, не имеет определенных в себе слогов, так что иной их стих больше, а иной меньше слогов, в рассуждении одного стиха с другим, содержит) принять никак не может.

Правило II

Стих героический долженствует разделен быть на два полстишия, из которых бы первое состояло из седми слогов, а другое из шести. Причина тому: понеже стих имеет тринадцать слогов, то которому-нибудь полстишию надлежит иметь седмь слогов. Но самый разум сказывает, что первому из седми состоять пристойнее, для того что в начале у прочитающего дух бывает крепчайший и больший, а к концу слабейший. В пример беру вышеобъявленный же стих.

1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6
ум	толь	сла	бый	плод	тру	дов	крат	ки	я	на	у	ки.

Правило III

Стих героический должен иметь пресечение на седмом слоге так, чтоб тот седмой слог кончил речение и он же бы был долгий. Причина тому: понеже мера духа человеческого требует того, для того что ежели бы одним духом читать, то бы не громок звон был рифмы при конце, и так же, всё бы одним звоном го́лоса надлежало весь стих читать; а сие бы неприятным весь стих учинило, что искусством всякому легко можно познать. Но когда в два приема стих читается, то весьма он приятен кажется, и духом всякий слог ясно выражается. Чего ж бы ради оный седмой слог кончил речение и для чего бы ему долгому надлежало быть, то причина есть сия: ибо что на седмом слоге несколько надлежит отдохнуть, то явно, что на неоконченном худо бы было; но долгий

долженствует для того быть, потому что на нем голос несколько возвышается, а следующее полстишие нижайшим голосом начинается. Французы в прочитании стихов весьма искусны; но сказывают, что не уступят им в том персиане, арапы и турки. О дабы между нами сие в обычай вошло! Тогда-то бы прямую мы узнали стихов сладость. В показание правильного пресечения всё тот же стих предлагаю.

Ум толь слабый плод трудо́в / краткия науки.

И понеже отдохнуть надлежит на пресечении, того ради речение, в котором находится пресечение, не долженствует соединено быть разумом сочинения грамматического с речением, которое начинает второе полстишие. Таковых недостаточных пресечений, которые соединяются с речением следующего полстишия, предлагаю я здесь примеры, каковым весьма не надобно следовать.

Предлог пред своим падежом:

Не зовем пииту чрез / рифму доброгласну.

Именительный пред личным глаголом:

Стихотворчеству нас бог / научает токмо.

Но хороший бы сей стих был тако:

Стихотворчеству нас бог / токмо научает.

Глагол личный пред именительным:

Стихотворчеством нашли / многи славу в людях.

Но изряден бы стих был тако:

Стихотворчеством нашли / в людях славу многи.

Глагол пред своим правимым падежом:

Ныне уж я не люблю / стихотворства стара.

Но хороший стих будет тако:

Стара уж я не люблю / ныне стихотворства.

Сие ж разумеется о наклонении неопределенном:

Невозможно и любить / стихотворства стара.

Стих будет совершен тако:

Стихотворства и любить / невозможно стара.

Прилагательное пред существительным:

Пресечением худый / стих быть может худший.

Но следующим бы образом был изряден:

Пресечением худый / быть стих может худший.

Существительное пред прилагательным:

О приятен много стих / гладкий слуху нежну.

Но изряден бы стих был тако:

Слуху нежну много стих / о приятен гладкий.

Здесь надлежит примечать, что в сем последнем случае существительное может разделено быть от своего прилагательного чрез пресечение, буде за тем прилагательным следует другое или третие, кончащее стих; так же и прилагательное изрядно разделится от своего существительного, когда другое или третие идет за тем существительным, окончевающее же стих. Обоему сему пример полагаю.

Существительное от прилагательного:

Больше сто́ит слов пример / ясный и способный.

Прилагательное от существительного:

Выше мудрость, неж драгий / адамант и злато.

Сверх сего, разум, продолжающийся после пресечения, не долженствует кончиться пред концом стиха, понеже бы сие учинило видимо два пресечения и, следовательно, три полстишия, что стих героический весьма обезображает и мерзким чудовищем делает. Например:

Добрый человек во всём / добрым есть всё; а злой
тщится пребывати в зле / всегда; бес есть такой.

Прибавление

Частица *что* ни в своем знаменовании, ни за возносительные *который, которая, которое* слогом пресечения быть не может. Например:

В своем знамени:

Можно ль уповать нам, что / ты всем будешь верен.

Стих будет хороший тако:

Можно ль уповать, что ты / всем нам будешь верен.

За возносительные:

Я двором владею, что / всех у нас был общий.

Но изрядный стих будет тако:

Двор, что всем нам общий был, / тем один владею.

Правило IV

Стих героический не долженствует недоконченный свой разум переносить в часть токмо следующего стиха, понеже тогда рифма, которая наибольшую красоту наших стихов делает, не столь ясно чувствуется, и стихи не равно падают. Например:

Суетная чести стень! для тебя бывает
Многое здесь; но увы! всё смерть отнимает.

Однако ежели б разум продолжился до конца следующего стиха и с ним бы окончился, то перенос не будет порочен. Например:

Суетная чести стень! для тебя бывает
Многое, что на земли смерть нам отнимает.

Правило V

Стих героический для нужды больше двух слитий иметь не должен, ибо сие стих жестоким и неприятным чинит. Например:

Преподобный и святый / избранный и верный.

Правило VI

Стих героический часто одно письмя и один слог неприятным и не сладким звоном повторяет. Того ради весьма сего опасаться надлежит. Например:

Мне всегда тогда туда / идти мзда беда худа.

Правило VII

Стих героический слогом пресечения соглашается дурно и некстати с слогом рифмы, ибо то чинит не один, но два стиха. Например:

Тварей бог есть всех отец: / тот бо всех есть творец.

Правило VIII

Стих героический весьма непристойно непосредственными слогами пред рифмою одним и тем же го́лоса звоном с нею падает. Например:

Мудрым человеку быть / хоть не скоро, споро.

Правило IX

Стих героический не красен и весьма прозаичен будет, ежели сладкого, приятного и легкого падения не возымеет. Сие падение в том состоит, когда всякая стопа, или, по крайней мере, больша́я часть стоп, первый свой слог долгий содержит, и когда одно письмя и один слог часто не повторяется, наконец когда всякая стопа или больша́я часть стоп между собою связываются, чем стих от прозаичности, как я в определении осьмом упомянул, избавляется. В пример представляю многажды повторенный от меня стих князя Антиоха Димитриевича Кантемира, ибо сей стих весьма приятно всеми падает стопами:

Ум толь сла бый плод тру до́в / кратки я на у ки.

Для сего-то надлежит мерять стих героический стопами, а не слогами, как доныне наши многие стихотворцы неправильно поступают, а особливо веселые бандуристы и нестройный полк песнописцев: понеже меряя

слогами весьма стих прозаичным, и не по охоте, учинится, разве по слепому случаю, как оный хорошим будет. А мерять стопами надлежит тако:

	1	2	3	4	5	6
1̄ 2̄	3̄ 4̆	5̄ 6̆	7 / 8̄ 9̆	10̆ 11̆	12̄ 13̆	
Ум толь	сла бый	плод тру	до́в / крат ки	я на	у ки	
1 2	3 4	5 6	7 1 2	3 4	5 6	
	1	2	3	4	5	6

Или как в образце следующего моего двустишия:

	1	2	3	4	5	6
1̄ 2̆	3̄ 4̆	5̆ 6̆	7 8̄ 9̆	10̆ 11̆	12̄ 13̆	
Вы ше	зла то	се реб	ра́ / зла та ж	доб ро	де тель,	
Доб ро	де те	ли, нич	то́: / выс ша	сам со	де тель.	
1̆ 2̆	3̄ 4̆	5̆ 6̆	7 1̄ 2̆	3̄ 4̆	5̄ 6̆	
	1	2	3	4	5	6

Чрез сию схему выразуметь да и видеть можно, что наш героический стих есть эксаметр, то есть шестимерный, не считая слог пресечения долгий, для которого он гиперкаталектическим, то есть лишний слог вне числа стоп имеющим, назваться может.

Что говорено о героическом нашем стихе, то ж всё разуметь надобно и о том нашем стихе, который одиннадцать имеет слогов, кроме того, что сей второй пресекает пятый слог и, следовательно, второе полстишие из шести ж слогов состоящее имеет. Но для того, что он пятью стопами мерится, то пентаметр, или пятимерный, назваться может. А что пресечения слог долгий же и вне числа стоп включает, то гиперкаталектическим также назваться должен.

Довольно сие видеть можно в ниже предложенной одной моей сапфической здесь строфе, из трех ее первых стихов, которые пентаметры и которые идут тако:

	1	2	3	4	5
1̄ 2̆	3̆ 4̆	5 / 6̄ 7̆	8̄ 9̆	10̄ 11̆	
Си лы	в се реб	ре́ / всяк ску	пой не	зна ет,	
Срам но	то ког	да́ / в зем лю	за ры	ва ет;	
Тра тящ	глуп и	мо́т; / тем то	в нуж де	вер но,	
1 2	3 4	5 1 2	3 4	5 6	
	1	2	3	4	5

1	2	3	4	5
кто в	нем	чив	мер	но;

Стихи наши правильные из девяти, седми, пяти, также и неправильные из осьми, шести и четырех слогов состоящие, ничего в себе стиховного, кроме слогов и рифмы, не имеют, как то выше видно из пятисложного нашего стиха, в сапфической строфе обще адоническим называемого; того ради о них ничего здесь больше и не предлагается.

Совестно признаваюсь всему российскому свету, что и я в эксаметре и пентаметре нашем много против предложенных мною правил погрешал, понеже я так был научен. Но видя, что наши стихи все прозаичны и на стихи не походят, того ради неусыпным моим прилежанием и всегдашним о том рассуждением старался я всячески, чтоб нашим стихам недаром называться стихами, да уже и льщу себя, что я нашел в них силу. Итак, дерзаю надеяться, что благороднейшая, преславнейшая, величайшая и цветущая Россия удостоит меня, за прежние мои, прощения в тот образ, что и первый я, как мне кажется, привел в порядок наши стихи, да и первый же обещаюсь переправить, понеже самая большая часть стихов моих на свет не вышла, все мои стихи.

О вольности, в сложении стиха употребляемой

Я разумею чрез вольность в стихе, которая у латин называется licentia, а у французов licence, некоторые слова, которые можно в стихе токмо положить, а не в прозе. И хотя российский стих мало таковых вольностей имеет, однако надобно из них некоторые главные здесь объявить.

I

Глаголы второго лица, числа единственного могут кончиться на *ши* вместо на *шь*; так же и неопределенные на *ти* вместо на *ть*. Например: *пишеши* вместо *пишешь,* и: *писати* вместо *писать*.

II

Местоимения *мя, тя* вместо *меня, тебя;* так же *ми, ти* вместо *мне, тебе,* не не часто ж кладется *ти* вместо *твой.*

III

Слова: *будь, больш, иль, неж, меж, однак, хоть;* вместо: *буде, больше, или, нежели, между, однако, хотя.*

IV

Прилагательные единственные мужского рода, кончащиеся на *и* краткое тако: *й,* могут, по нужде, оставлять краткое *и.* Так, вместо *довольный* может положиться в конце стиха: *довольны.* Однако надлежит смотреть, чтоб некоторое речение, напереди положенное, определяло разум так, чтоб ясно было, что то прилагательное единственного есть числа. К тому ж стараться надобно весьма, чтоб, как возможно, не часто сию вольность употреблять, понеже она гораздо великовата.

V

Существительные и прилагательные имена, которые кончат творительный единственный на *ю,* после какового-нибудь гласного, могут оный кончить в стихе на *и* краткое. Так, вместо *совершенною правдою* можно положить: *совершенной правдой.* От имен, кончащихся на *ие,* сказательный может в стихе кончиться на одно токмо *и,* без *i.* Так, вместо *о восклицанiи* можно написать: *о восклицани.*

VI

Все имена существительные, кончащиеся на *ие,* могут *и* переменить в стихе, смотря по нужде меры, на *ь.* Так, *счастие* может написано быть: *счастье.*

VII

Многие речения, которые сложены в самом начале из частиц *со, во, воз, вос,* также от: *из* и *об* пред *о* могут, для нужды в стихе, выкидывать письмя *о.* Так, *сочиняю* может написано быть: *счиняю*; *водружаю — вдружаю*; *возобновил — взобновил; воспою — вспою; изожгу — изжгу; обошлю — обшлю.*

VIII

Многие звательные падежи, которые у нас все подобны именительным (кроме преблагословенных и превысоких сих имен: *боже, господи, Иисусе, Христе, сыне, слове*, то есть воплощенное *слово*), могут иногда в стихах образом славенских кончиться. Так, вместо *Филот* может положиться: *Филоте,* что я и употребил в одной моей сатире.

IX

Словам: *рыцарь, ратоборец, рать, витязь, всадник, богатырь* и прочим подобным, ныне в прозе не употребляемым, можно в стихе остаться.

X

Ежели материя будет не важная и шуточная, то не некрасно положатся прилагательные с своими существительными, в особливой поэзии (но весьма долготою и краткостию слогов мерной), у нашего простого народа употребляемые, например: *тугой лук, бел шатер* и прочие премногие подобные.

XI

Сверх сего, слова, которые двойное и часто сомненное имеют ударение просодии, могут положиться в стихе двояко; например: *цве́ты* и *цветы́.* Однако в сем случае больше надобно держаться общего употребления. Впрочем, не для чего, кажется, упоминать о прилагательных сокращенных, которые понеже и в прозе часто употребляются, то в стихах могут употреблены быть, ежели надобно будет, и чаще.

XII

Некоторые слова могут менять, буде того нужда требует в стихе, гласные свои письмена на другие, но так, чтоб то было несколько употребительно и слово бы осталось в том же знаменовании; так же когда будут два те же или разные согласные письмена в речении,

то одно выкинуться может, ежели потребно быть имеет; так, вместо *камера — камора;* вместо *миллион — милион;* вместо *прелестный — прелесный.* Однако сие редко надобно быть может.

XIII

Основательное правило, которое утвердительной речи правимый глаголом винительный падеж всегда пеpеменяет в родительный в фразисе отрицательном, может для крайней нужды в стихе оный винительный и не перемeнять. Так, можно в стихе написать:

Вóды пламень не гасят ваши тем сердечный;

Вместо:

Вóды пламеня не гасят ваши тем сердечного;

и:

Внутренний покой никак мне сыскать не можно;

Вместо:

Внутреннего покоя никак мне сыскать не можно.

Но сия вольность очень велика; того ради редко или, как можно, никогда ее не употреблять.

XIV

Прибавление

Вольности вообще таковой надлежит быть, чтоб речение, по вольности положенное, весьма распознать было можно, что оно прямое российское, и еще так, чтоб оно несколько и употребительное было. Например: *брегý* можно положить вместо *берегý; брежно* вместо *бережно; стрегу* за *стерегу*; но *остроҗно* вместо *осторожно* не возможно положить. Итак, кажется мне, что те стихотворцы, хотя с другой стороны и достойны похвалы, весьма великую и нашему языку противную употребляют вольность, когда кладут вместо, например, *из глубины души — з глубины души,* вместо *имею способ — мею способ.*

О том, какова должна быть рифма, то есть согласие конечных между собою в стихе слогов

О согласии здесь конечных между собою слогов ничего не надлежало б упоминать, понеже известно есть всем нашим стихотворцам, что сие согласие всегда лучше сходится на предкончаемом слоге, то есть на слоге, который пред самым последним, хотя некогда, и то в комическом и сатирическом стихе (но что реже, то лучше), и на кончаемом, то есть на самом последнем то бывает. Однако для опровержения некоторых правила (которые, нежно мудруя, говорят, что согласие конечных в стихах слогов худо сходится между прилагательными, причастиями, неопределенными и прочая, дая тому причину, что таковых согласий довольно можно и скоро прибрать; но для чего еще сие согласие запрещают сии господа кончить глаголами страдательными на *ся,* то не только я, но, надеюсь, и сами они не знают) предлагаю, что вся сила сего согласия, как нашим слухам о том известно, состоит только в подобном го́лоса звоне, а не в подобии слогов или письмен; и того ради нет тут причины выбирать части слова, но только надлежит прибирать не противный слуху и согласный первому стиха окончанию звон, каковыми бы он частями слова ни кончился. Что ж в некоторых частях слова довольно оных согласий попадается, то не только не порок брать, но еще бы надлежало, по-моему, и радоваться, что таковые под руками. Подлинно, что худо кончить на одно всегда речение или гораздо часто на один го́лоса звон; а впрочем, напрасно сим ненадобную нежность наблюдающим в рифме тогда искать полдня, когда солнце садится. По сему видно, что сии господа говорят только для того, чтоб говорить, а не для того, чтоб основательно говорить.

Заключение о сочетании стихов

Французская поэзия, также и некоторые европские, имея мужеского и женского рода стихи, сочетавают оные между собою. Французы сочетание стихов называют: mariage des vers. Ежели бы древним латинам надлежало сочетавать свои стихи, то бы не инако они могли лучше сие назвать, как connubium versuum.

Мужеского рода стих во французской поэзии есть тот, который в героическом, или, как французы обще называют, в александровском, то есть в их стихе эксаметре, состоит из 12 слогов, а в пентаметре из 10 оных, ударяя в обоих рифму на кончаемом, то есть на последнем слоге. Женского рода называется у них тот, который имеет в эксаметре 13 слогов, а в пентаметре 11 оных, приводя падение рифмы в обоих на предкончаемый слог, то есть на слог, который пред самым последним словом: мужеского рода стих меньше слогом женского, а женский всегда больше слогом мужеского.

Вся сила сочетания их стихов состоит в том, что в стихах непрерывные рифмы, по двух стихах мужеского рода полагают они два стиха женского рода; или: по двух прежде женского рода кладут два стиха мужеского рода, и так все идут последовательным порядком до самого конца поэмы. В стихах смешенной рифмы, которые почти всегда состоят из четверостиший, буде прежде положится мужеского рода стих, то потом кладется женского рода другой рифмы; а там опять мужеского рода, соответствующий первому, и по нем женский согласный окончением рифмы своему подобному. Буде же прежде положится в строфе женского рода стих, то по нем кладется мужеский, и последовательно по порядку. Часто бывает у них и так, что, положив прежде мужеского рода стих, полагают они два стиха женских непрерывной рифмы, а потом мужеский, ответствующий первому; или: ежели положится наперед женского рода стих, то по нем кладутся два стиха мужеского рода мужеской рифмы, а потом женский, подобный звоном рифмы первому женскому.

Сие сочетание стихов, что не может введено быть в наше стихосложение, то *первое* для сего: эксаметр наш не может иметь ни больше, ни меньше тринадцати слогов. А ежели б сочетавать наш эксаметр, то или б мужескому у нас стиху надлежало иметь тринадцать, а женскому четырнадцать слогов, или б женскому должно было состоять из тринадцати, а мужескому из двенадцати слогов. Равным бы же образом принуждены мы поступать были и с пентаметром нашим по его пропорции. Что всё древнему нашему, но весьма основательному, употреблению так противно, как огонь воде, а ябе-

да правде. *Второе* для сего: свойство наших стихов всегда требует ударения рифмы, то есть приводит лад с ладом, на предкончаемом слоге, в чем почти главная сладость наших состоит стихов, а крайняя рифм; хотя в мало важных или шуточных стихах иногда кладется та на кончаемом, но и то по нужде, да и весьма долженствует быть редко. А ежели бы сочетавать нам стихи, то бы женский стих у нас падал рифмою на предкончаемом необходимо слоге, а мужеский непременно бы на кончаемом. Таковое сочетание стихов так бы у нас мерзкое и гнусное было, как бы оное, когда бы кто наипоклоняемую, наинежную и самым цветом младости своей сияющую европскую красавицу выдал за дряхлого, черного и девяносто лет имеющего арапа. Сие ясно будет совершенно к стихам нашим применившемуся. Следовательно, сочетание стихов, каково французы имеют и всякое иное подобное, в наше стихосложение введено быть не может и не долженствует.

Некоторые, но несколько или, лучше, весьма неосновательно, только ж с хитрою насмешкою, предлагали мне, что буде, подняв брови и улыбаяся говорили, сочетание стихов не будет введено в новое твое стихосложение, то новое твое стихосложение не совсем будет походить на французское. Сии господа знать, конечно, думали, что я сие новое стихосложение взял с французского; но в том они толь далеко отстоят от истины, коль французское стихотворение отстоит от сего моего нового. Я, что сие праведно говорю, в том ссылаюсь на всех тех, которые французское стихотворение знают: оные могут всем засвидетельствовать, что французское стихосложение ничем, кроме пресечения и рифмы, на сие мое новое не походит.

Пусть отныне перестанут противно думающие думать противно: ибо, поистине, всю я силу взял сего нового стихотворения из самых внутренностей свойства нашему стиху приличного; и буде желается знать, но мне надлежит объявить, то поэзия нашего простого народа к сему меня довела. Даром, что слог ее весьма не красный, от неискусства слагающих; но сладчайшее, приятнейшее и правильнейшее разнообразных ее стоп, нежели иногда греческих и латинских, падение подало мне непогрешительное руководство к введению в новый мой эксаметр

и пентаметр оных выше объявленных двусложных тонических стоп.

Подлинно, почти все звания, при стихе употребляемые, занял я у французской версификации; но самое дело у самой нашей природной, наидревнейшей оной простых людей поэзии. И так всяк рассудит, что не может, в сем случае, подобнее сказаться, как только, что я французской версификации должен мешком, а старинной российской поэзии всеми тысячью рублями. Однако Франции я должен и за слова; но искреннейше благодарю россианин России за самую вещь.

От вышереченного не можно заключить, что понеже в стихосложении нашем нельзя быть сочетанию стихов, то следовательно и смешенной рифме, ибо рифма в стихе, какого б рода и каков бы стих ни был, состоит токмо в ладе звона, который может положиться подобен первому чрез стих или чрез два. Поляки, у которых стихотворение во всем сродное нашему, кроме падения и стоп, часто и красно употребляют смешенную рифму в своих стихах, которую уже и я употребил в оде моей о сдаче города Гданска и в других многих стихах.

В песнях иногда нельзя и у нас миновать сочетания стихов; но то только в тех, которые на французский или на немецкий голос сочиняются, для того что их голосы так от музыкантов кладутся, как идет версификация их у пиит. Предлагаю я здесь тому в пример из двух моих песен (которые сочинены на французские голосы и в которых по тону употреблено сочетание стихов) по одной первой строфе, которые у французов в песнях называются couplets.

ПЕРВОЙ ПЕСНИ СТРОФА:

Худо тому жити,
Кто хулит любовь:
Век ему тужити,
Утирая бровь.

ВТОРОЙ ПЕСНИ СТРОФА:

Сколь долго, Климена,
Тебе не любить?
Времен бо премена
Не знает годить.

Ныне что есть можно,
Драгая моя,
То ж утре есть ложно,
И власть не своя.

Но в других песнях и в других наших стихах, которые для чтения токмо предлагаются, сочетания сего употреблять не надлежит.

Полно уже мне теперь о способе моем к сложению новых наших стихов словом токмо предлагать: время оный самым делом и примерами объявить.

Того ради:

СТИХИ, НАУЧАЮЩИЕ ДОБРОНРАВИЮ ЧЕЛОВЕКА

Переведены с французских
покойного Франциска де Салиньняка де ла Мотта Фенелона,
учителя детей королевских, славного автора Телемака французского,
и бывшего потом архиепископа, дюка Камбрейского,
священныя Римския империи принца.
Нарочно сочинены российским новым эксаметром для примеру.

Отдавай то всё творцу, долг что отдавати;
Без рассудка ж ничего ти б не начинати.
Токмо с добрыми людьми в жизни сей дружися;
А таланты чрез твои никогда не льстися.
С мнением других всегда будь согласен прямо;
Никогда в твоем стоять не изволь упрямо.
Внятно слушай, что тебе люди предлагают;
Больше умным не кажись, нежели тя знают.
С тем о том не говори, смыслит кто что мало;
Про́ста се́рдца быть тебя речь и всё б казало.
Слово данное держи, было б как ни трудно;
Ничего ж не обещай вдруг и нерассудно.
Будь услужен, будь и тих, ласков в разговоре;
Всех приятно принимай, был никто б в презоре.
Дерзостно не будь знаком, обходися ж смело;
Не размыслив не вступай ни в какое дело.
Без корысти всех люби, а прощай без мести;
Низок будь большим, себя ж подлым не бесчести.
Дружен всем старайся быть, дружно поступая,
Тяжбы никогда ни с кем сам не зачиная.
Не проведывай никак, что чинят другие;
Просто крой дела твои, чтоб не знали злые.

Рассмотря, давай взаймы, только ж добровольно;
Если надо наградить, награждай довольно.
И каким бы ни хотел образом ты быти,
Быть без лишка, и себя б в том не позабыти.
Страждет кто твой друг напасть? — Сожалей безмерно;
В друге всяк порок сноси, всё будь другом верно.
Побеждай печаль, как дух оной поддается;
Не вини в той никого, та как и минется.
Учинить старайся мир, ссоры где злодейство;
Инак и не отмщевай, как чрез благодейство.
Жарко не жури людей и хвали не льстивно;
Мерно смейся над людьми; смех терпи взаимно.
Кажда в ремесле своем чти ты без упрямства;
Также ничего не хуль одного для чванства.
Благодетельством твоим худо попрекати;
Лучше оное всегда вовсе забывати.
Нуждну другу помогай, тот хоть и не просит;
Кто дарит не так, как мот, щедра имя носит.
Пылка гнева угашай жар и ненасытность;
Говори добро всегда в чью-либо небытность.
Благодарность бы была в сердце ти природно;
Для забавы хоть играй, только ж благородно.
Мысля, мало говори, обмануть не тщися;
Что б ти ни было дано, тем всегда хвалися.
Должника не мучь, как он к плате неисправен;
Для себя и для него всё будь добронравен.
Ближних счастия твоих не завидуй цвету;
Вверенное так храни, чтоб не вынесть свету.
Крой, не чваняся ничем, тайну ти искусно;
Презирай по сем, как лгут про тебя что гнусно.

Здесь намерился я предложить также в пример героического нашего стиха некоторый сонет, переведенный с французского покойного господина Барро. Оный сонет толь преизрядно на французском сочинен языке, что насилу могут ли ему подобные найтися. Подлинно, что сей токмо может тем фениксом назваться, каковогo господин Боало Депро в науке своей о пиитике, говоря о сонетах, желает. В нем коль материя важная и благочестивая, толь и стиль есть красный и высокий. Некото-

рые из французов, предлагая правила о реторике, за наилучшую штуку, в рассуждении красноречия, сей в пример кладут. Я хотя переводным и не могу равняться с подлинным, ибо и не мне трудно то учинить, однако стихом нашим героическим, как мне возможно было, так хорошим написал.

Впрочем, сонет имеет свое начало от италиянцев и есть некоторый род французского и италиянского мадригала, а латинской эпиграммы. Состоит он всегда из четырнадцати стихов, то есть из двух четверостиший на две, токмо смешенные, рифмы и из одного шестеростишия, имея всегда в последнем стихе некоторую мысль либо острую, либо важную, либо благородную; что у латин называется accumen, а у французов chute. Порядок стихов всегда в нем таков (кроме того, что в шестеростишии иногда инако смешивается рифма), каков здесь предложен.

СОНЕТ

Боже мой! твои судьбы правости суть полны!
Изволяешь ты всегда к нам щедротен быти;
Но я тако пред тобой человек зол дольны,
Что уж правде мя твоей трудно есть простити.
Ей, мой господи! грехи что мои довольны,
То не могут и тобой всяко мук избыти:
Ты в моем блаженстве сам будто бы не вольны,
Вся и милость мя твоя хочет погубити.

Буди же по-твоему, то когда ти славно,
Слезы на мои гневись, очи льют что явно;
Ин греми; рази, пора, противна противный.

Чту причину, что тебя так ожесточает;
Но по месту поразишь каковому, дивный?
Мя всего Христова кровь щедро покрывает.

Следующее *рондо,* которое есть моего сочинения и которое также предлагается в пример героического нашего стиха, сделано во всеподданнейшее поздравление, по прошению некоторой придворной особы, всемилости-

вейшей государыне нашей императрице Анне Иоанновне, самодержице всероссийской, на высокий день ее рождения, которое было и торжествуется повсягодно общею и великою радостию генваря 28 дня. Рондо также есть некоторый род эпиграммы и состоит всегда и непременно из тринадцати стихов, имея две конечно только рифмы то непрерывные, то смешенные. Первое в нем речение, или иногда два и три, только не больше, долженствует дважды повторяться, однако так, чтоб то было кстати, и весьма в особливом разуме одно повторение от другого, как то увидится в следующем моем ронде. Рондо называется от круглости, ибо как в круге или в кольце конец с концом сходится, так и в ронде первое речение с последним. Счастливее Воатюра в сочинении ронда не было на французском языке.

РОНДО

Просто поздравлять тебя, Анна несравненна,
Что была сего ты дня в свет произведенна,
Но от сердца и души, лучше помышляю,
Ибо сладкословну речь я сложить не знаю,
Не имея в голове столь ума вложенна.

Умных красно речь хотя в слоге расширенна,
Что ж те больше говорят, здравствуй, как, рожденна?
Тем трудят лишь только тя, как ни рассуждаю
Просто.

Милости от бога в знак ты нам подаренна;
Вся моя речь правдой сей много украшенна.
Здравствуй, Анна, в долгий век! весел восклицаю,
Всех благ, купно ти торжеств я всегда желаю!
С сердцем тако мысль моя право соглашенна
Просто.

Думаю, что эпистол российским стихом прежде меня, буде не обманываюсь, никто еще не писывал; того ради одну здесь, как в пример нового ж стиха эксаметра, так и в пример самой ее предлагаю.

Эпистола слово есть греческое, которое происходит от ἐπιστολή и значит: *послание, писание* или просто *письмо,* для того, что греческий глагол ἐπιστέλλω значит: *посылаю, пишу*. Эпистола есть разговор отсутствующего с отсутствующим на письме, каков бывает у присутствующих между собою на словах. В эпистоле, для того что она разговор на письме, надлежит прилежно наблюдать, чтоб стиль ее был краток, силен, ни высок, ни низок, прямо дело изъявляющий, а постороннего ничего не примешивающий, ибо всё противное сему читающего приводит в скуку, а пославшего эпистолу в похуление. Много родов есть эпистол, как например: род *советный, поздравительный, сожалительный, купеческий, любовнический* и прочая, для того что не сего есть места о том говорить.

Рассуждать в эпистолах надобно и о сем: кто пишет, к кому пишет, куда пишет, для чего и о чем пишет, ибо по разности сих обстоятельств разно эпистола написана быть может.

В дружеских эпистолах беречься должно, чтоб с утешным не внесено было дерзновенное и слуха недостойное; и буде таковое случится, то надлежит такими окружными, но честными словами описать, чтоб только можно было о том догадаться, потому что противное подлого воспитания быть человека показывает и в великое презрение пославшего приводит. В сатирических эпистолах так должно человека хулить, чтоб только худые его дела порочить, и то не без закрышек и не без отверниц, укрывая, как можно, имя и всё то, по чему можно догадаться, что то конечно и точно о сем, а не о другом человеке пишется, но чести его нимало не касается, и всё сие так, чтоб впредь не было причины о том к раскаянию, затем, как говорится, *что написано пером, не вырубишь никогда топором.* В эпистолах о важных делах, а особливо о науках, должно умеренну быть в аполлинствовании, для того что всё высокое в эпистоле не имеет места; а тот, кто projicit ampullas et sesquipedalia verba, как говорит Гораций, то есть *кидает надутые и в полтора фута слова,* всегда завирающимся называется. Слог панегирических эпистол долженствует быть гладок, сладок, способно текущий и искусный, а особливо в дедикациях, ибо толь нежна и хитра дедикация в прозе, коль мудр

и замысловат сонет в поэзии. Но чтоб не далее выйти из пределов должности моей, предлагая о эпистолах вообще, прихожу к пиитическим эпистолам, о которых только я имел намерение предложить.

Пиитическая эпистола есть почти то ж, что и простая. Сие всякому можно видеть у Овидия в эпистолах от героинь. У Горация многих родов эпистолы пиитические читаются. Однако нынешние пииты наибольше сочиняют оные панегирические, которым и мне в сей моей последовать заблагорассудилось, как то читатель сам изволит увидеть. На французском языке господин Боало Депро толь преизрядные писал эпистолы стихами, что уже лучше его, кажется, написать и нельзя. Пиитическая эпистола стилем только разнится от простой, для того что в пиитической эпистоле и стиль долженствует быть пиитический, аполлиноватый и весьма с парнасским не разглашающийся. Сей род поэзии назвал я *эпистолою,* а не *посланием, писанием* и *письмом* для того, чтоб различить пиитическое письмо от *посланий святого апостола Павла* и от простых писем. Латины так же называют пиитические и оные духовные: epistolae; а простые чаще: litterae. Французы простые зовут: lettres; а пиитические и святого Павла послания: epîtres.

Эпистолу мою пишет стихотворчество, или поэзия российская, к Аполлину, вымышленному богу стихотворчества. Но чтоб кому имя сие не дало соблазна, того ради я объявляю, что чрез Аполлина должно здесь разуметь желание сердечное, которое я имею, чтоб и в России развелась наука стихотворная, чрез которую многие народы пришли в высокую славу. А в прочем всё в ней как ни написано, то по-стихотворчески написано, что искусные люди довольно знают; и для того ревнующим нам по благочестию христианам нет тут никаковаго повода к соблазну.

ЭПИСТОЛА ОТ РОССИЙСКИЯ ПОЭЗИИ К АПОЛЛИНУ

Девяти парнасских сестр, купно Геликона,
О начальник Аполлин, и пермесска звона!
О родитель сладких слов, сердце веселящих,
Прост слог и не украше́н всячески красящих!
Посылаю ти сию, Росска поэзи́я,

Кланяяся до земли, должно что, самы́я.
Нову вещь тебе хочу сею объявити,
И с Парнаса тя сюда самого просити,
Чтобы в помощь ты мою был всегда скорейший,
Чтобы слог мой при тебе начал быть острейший.
Уж довольно чрез тебя пела наученна,
Греческа сестра моя, в веки не забвенна;
Славил много хитр Гомер ею Ахиллеса,
Чрез Улиссов же поход уж знатна Цирцеса.
Много ж и сестра тобой римска свету пела,
Жаром, что вложил ты ей, дивно та кипела:
Уж Эней описан там, сердца добронравна,
Чрез Вергилия в стихах князя толь преславна;
И Горациева всем есть люба уж лира,
С Ювеналовой притом колюща сатира.
Где Овидий уж не чтен радостно пресладкий?
Галл, Проперций и Тибулл в слоге своем гладкий?
И Теренций, комик Плавт в со́кке поиграли,
Плеск и похвалу себе в римлянах сыскали;
Трагик Се́нека не столь ткал хоть стих изрядно,
Выходил в котурне он иногда ж нарядно;
Марциал кратк, узловат, многажды сатирик,
В эпиграмме умещал инде панегирик.
Всем моя сим к славе их там сестра служила,
И тебя довольно в сих Аполлина чтила.
Не презренна и сестра от тебя та нежна,
С тевтом, и́бером живет что в средине смежна,
С мягким так же в юг близка что италиянцем,
С острым в север чрез моря́ купно и британцем;
Галлы ею в свет уже славны пронеслися,
Цесарем что, но давно, варвары звалися.
Два Корнелия, Рацин, трагики искусны,
Реньние́ в них, Боало, сатирами вкусны;
С разумом и Молиер в роде их глумливый,
Был Вергилия Скарон осмеять шутливый;
Молодой хоть в них Волтер, но весьма чист в слоге;
Счастлив о де ла Фонтен басен был в прилоге!
Одами летал Малгерб в них всегда достойно,
Эклогу поправил там Фонтенел пристойно;
Воатюр в ронде́ играл, весел и приятен,
Больше чрез псалмы Русо, хоть чрез всё он знатен.

Про других упоминать, право, нет им счету,
Особливу всяк в стихе показал доброту.
Эпиграммы тот писал, ин же филиппики,
Славны оперы другой сладкой для музы́ки;
В элегиях плакал ин жалостно, умильно,
Тот сонет, тот мадригал, тот балад клал сильно.
Песен их что может быть лучше и складняе?
Ей! ни Греция, ни в том мог быть Рим умняе.
Славны и еще они, но по правде славны,
Что жены́, тот красный пол, были в том исправны:
Са́пфо б греческа была в зависти великой,
Смысл девицы Скудери́ есть в стихе коликой;
Горько плачущей стихом нежной де ла Сюзы
Сладостнее никогда быть не может музы.
Токмо полно мне и сих имянно счисляти,
Лучше сам ты, Аполлин, можешь про них знати.
Галлия имеет в том, ей, толику славу,
Что за средню дочь твою можно чтить по праву.
В сытость напился воды так же касталийски,
Что писал разумно Тасс и по-италийски.
Ты вознес в Милто́не толь и сестру британску,
В Лопе, также и в других, разгласил гишпанску.
Правильно германска уж толь слух услаждает,
Что остр Юнкер славну мзду ею получает:
Юнкер, которого в честь я здесь называю,
Юнкер, которому, ей. всяких добр желаю.
Что же сладкий тот Орфей, Пи́ндар тот избранный,
В благородном роде сем Кенигом что званный?
В нем сестра моя всегда пела героично,
Амфионской петь бы так было с ним прилично.
Ка́ница сердечный жар, Бе́ссера любовна,
А Нейме́йстера, при нем Шмолка, толь духовна,
Кто бы ныне лучше мог на стихах играти?
Бро́кса, Три́ллера — кому б выше можно знати,
Что в вещах природных есть для стиха изрядно?
О стихом весь идет коль Гинтер, легк нарядно!
Счастливее в ком сестра там моя трубила,
Как в Нейки́рхе, стих кому важный подарила?
У чужих брал мысли сей; но чрез переводы,
Дивно полагал те в стих своея природы.
Нову в Опице мою все сестру признали,
Обновителем тоя называть все стали;

Опицу, придав стихов имя отца, перву,
Что в них строен тот и хитр вольну чрез Минерву.
Научивши ты сестру толь мою немецку,
Научить не позабыл также и турецку,
И персидску, и какой хвалится Индйя,
И в арапской что земле мудра поэзйя.
Чрез тебя гласит стихом польская спесиво,
Иногда ж весьма умно и весьма учтиво.
Словом, нет уже нигде такова народа,
Чтоб честна там сестр моих не была порода.
Только ли одну меня так ты оставляешь?
За родную мя себе иль не признаваешь?
Но приди и нашу здесь посетить Россию,
Так же и распространи в ней мя, поэзйю:
Встретить должно я тебя всячески потщуся,
И в приличный мне убор светло наряжуся;
С приветственным пред тебя и стихом предстану,
Новых мер в стопах, не числ, поздравлять тем стану.
Новых! поистине так, хоть бы ты дивился,
И подобен такову, кто не верит, зрился:
Старый показался стих мне весьма не годен,
Для того что слуху тот весь был не угоден;
В сей падение, в сей звон стóпу чрез приятну,
И цезуру[1] в сей внесла, долготою знатну.
Старым токмо я числом стих определила,
Стопы двосложны затем в новый сей вложила;
Стопы, обегая в них трудность всю афинску,
И в количестве стихов такожде латинску;
Тóническу долготу токмо давши слогу,
Так до рифмы стих веду гладку чрез дорогу;
Выгнав мерзкий перенос и всё, что порочно,
То оставила стиху, что ему есть точно.
Таковым тебя стихом стану поздравляти,
Таковым тебя стихом буду умоляти,
Чтоб, оставивши Парнас, всё ты жил со мною,
Одарил бы всю меня слóва красотою.
Поспешай к нам, Аполлин, поспешай как можно:
Будет любо самому жить у нас, не ложно.
Хотя нужден ты давно здесь в России славной,
Всё в великих что делах счастится быть главной;

[1] Пресечение.

Больше но теперь в тебе нужды я имею,
Тем и нудить больше тя, чтоб спешить к нам, смею.
Анну даровал нам бог ныне коль велику,
Нельзя без твоей воспеть гарфы то мне зыку;
Мудрых всех во свете глав есть ее мудрейша,
Разумом разумных всех та весьма острейша;
Самодержицы сея око прозорливо,
Полно сердце всяких благ, тем щедролюбиво;
Что величества на всей блещет луч небесный,
Всяк народ, весь мир о том славою известный;
Храбрая рука ее полна благодати;
Счастие о при тебе всем, российска мати!
Милость, правда и любовь к подданным безмерна,
Дело к благочестию, и в ней мысль вся правоверна;
Бодростью не жен — мужей Анна превышает,
Тело бог ей и лице тою украшает;
Страшно то в ней всем врагам, россам что есть мило,
Великодушие же зависть всю дивило.
Слава для нее трубы хоть бы не имела,
Совершенства все ее хоть бы не гремела;
Та сама собой хвала, та сама вся слава.
О да будет Анна ввек здесь и ввеки здрава!
Добрым та любовь сердцам, верным всем и радость;
Всей России красота, щит, надежда, сладость,
И прибежище, покой, здравие, богатство,
И желание, и честь; словом, всё изрядство.
Самый образ на земле вышния щедроты,
Силы, благости ко всем, сродныя доброты.
Всяк престол бы чрез нее мог быть высочайший,
Будет на главе драгий всяк венец дражайший,
В сильнейший рукой скиптр сильн Анны пременится.
Ей! величеством на ней бóльшим украсится,
Коль бы ни сияла где оным вся порфира,
Ибо Анна ныне есть токмо чудо мира.
Менится при славной всё, что ни есть, в преславно,
При великой всё растет в величайше явно;
Лучший всё приемлет вид. Худо что и злобно,
Пременяется в добро и в любовь удобно.
Добродетель Анны то крайня заслужила,
Божия ту благость тем так благословила.
Но как слабой мне во всем ону описати?
Об Авгýсте таковой лучше бы молчати

И Вергилиевой здесь быть всегда имело;
Сам и ты бы, Аполлин, был не скор на дело.
Толь то монархи́ня всем Анна наша стройна,
Света что всего корон по всему достойна.

Следующие две элегии, которые сочинены эксаметром нашим, предлагаются здесь также в пример того нашего стиха.

Слово элегия происходит от греческого: ἐλεγεία, и значит: стих плачевный и печальный, по свидетельству славного пииты римского Овидия, оплакивающего в одной из своих элегий скорую смерть друга своего, сладкого элегиического пииты латинского Албия Тибулла, тако:

Flebilis indignos Elegeia solue capillos,
Ah! nimis ex vero nunc tibi nomen erit,

то есть:

Плачевная элеги́я! распусти неубраные свои волосы,
Ах! излишно по правде от плача ты ныне имя возымеешь.

Подлинно, хотя важное, хотя что любовное, пишется в элегии; однако всегда плачевною и печальною речью то чинится. Можно о сем всякому российскому охотнику увериться от греческих элегий Филетасовых; латинских — Овидиевых преизрядных и, не хуже оных, Тибулловых; также Проперциевых и Корнелиевых Галловых; а от французских — весьма жалостных и умилительных, покойной графини де ла Сюз.

Я что пускаю в свет две мои элегии плачевные, то весьма безопасно; но что пускаю их любовные, по примеру многих древних и нынешних стихотворцев, в том у добродетельного российского читателя прощения прося, объявляю ему, что я описываю в сих двух элегиях не зазорную любовь, но законную, то есть таковую, какова хвалится между благословенно любящимися супругами.

В первой плачет у меня вымышленный супруг о том, что разлучился с любезною своею супругою, также мечтательною, Илидарою и что уж ее не уповает видеть за

дальностию; а во второй неутешно крушится о том, что уведомился он подлинно о смерти своей Илидары, а однако любить ее и по смерти перестать не может. Слово *Купидин,* которое употреблено во второй моей элегии, не долженствует к соблазну дать причины жестокой добродетели христианину, понеже оно тут не за поганского Венерина выдуманого сына приемлется, но за пристрастие сердечное, которое в законной любви, и за великую свою горячесть хулимо быть никогда нигде еще не заслужило.

Неповинная моя в том совесть хотя меня оправляет, однако не надеюсь, чтоб не нашелся кто угрюмый и меня б за сие всячески не порочил, потому что не мало у нас таковых, которые про ближнего своего, без всякой иногда христианской любви и часто без всякого основания, только в феврале месяце меньше говорят, затем что в нем и в самый високосный год меньше дней числится. Того ради сим господам я не могу другого способа дать к неповреждению их честной добродетели, кроме сего, чтоб только их не читать, довольно надежден, что знающие в сем силу, другую мне, в рассуждении сего, учинят справедливость. Никогда б, поистине, сие на меня искушение не могло прийти, чтоб издать в народе оные две элегии, ежели б некоторые мои приятели не нашли в них, не знаю какого, духа Овидиевых элегий. Сия их ласкательная и излишняя ко мне милость, даром что меня, по нескольку во всех нас с природы пребывающему самолюбию, на сие ободрила, токмо будучи сведом о подлом разуме, малом искусстве и слабых моих силах в стихотворстве, сам признаваюсь, что еще больше я отстою от красоты слога, тонкости мыслей и способно текущего стиха Овидиева, нежели сам Овидий отстоит от меня древностию времени, в которое он свои элегии писал.

Мои элегии не могут подобнее назваться, как токмо оным жестоким и темным металлом, который во время превеликого коринфского пожара от чистых, драгоценных и светлых металлов, вместе чрез огонь слившихся, новый тогда коринфянам объявился. И хотя в них ничего не находится, которое б и малой хвалы достойно было, однако за новость стиха, и за новость свою самую, несколько приятства к себе у читателей пускай покорно просят.

ЭЛЕГИЯ 1

Не возможно сердцу, ах! не иметь печали;
Очи такожде еще плакать не престали:
Друга милого весьма не могу забыти,
Без которого теперь надлежит мне жити.
Вижу, ах! что надлежит, чрез судьбу жестоку,
Язву сердца внутрь всего толь питать глубоку:
С Илидарою навек я уж разлучился
И в последние тогда весь в слезах простился;
Отнят стал быть от нее чрез страны́ далеки,
И неверные моря, купно многи ре́ки;
Темны лесы видеть ту се не допускают,
Холмами же от меня горы закрывают;
Скоры ветры донести к ней не могут речи,
Слезны горько проливать нуждно мне есть течи.
Счастие прешедше! уж что невозвратимо!
Мучимою только мне мыслию что зримо!
Для чего тя потеряв ныне в Илидаре,
Памяти не потерял о драгой я паре?
Лучше б оныя о той вовсе не имети,
Сердцем нежели всяк день му́ку злу терпети:
Все к концу дела мои ныне не приходят,
С Илидары бо драгой мысли все не сходят;
Илидара иногда седша подымает,
А ходить когда начну, спать та полагает;
Прикоснулся же бы лишь телом до кровати,
Память Илидары мя тотчас нудит встати.
Тем не зная, что чинить, и себя не знаю,
Самого себя не сам, токмо стень бываю.
Тако дерзостный корабль море на пространном,
Вихрями со всех сторон страшно взволнова́нном,
Порывается в страну, а потом другую,
И теряючи свой путь страждет беду злую,
То на север несучись, то и на востоки,
Ломящимся же волнам отворяет боки,
То к полудню устремлен, к западу и темну,
С гор ныряет водных вниз, в пропасть как подземну.
Нет пристанища нигде, нет нигде предела;
Во́ды, про́пасть, и, шумя, пена кипит бела.
Отдается наконец вихрей тех на волю
И в известнейшу корысть жидкому весь полю.

О, кто счастливый еще не бывал в разлуке!
Непрерывно веселясь с другом любви в туке!
О, всё время есть сему сладко и приятно!
О, благополучен сей в жизни многократно!
Сердце горести его никогда не знает,
В красном цвете весел дух на лице играет;
В сладком и приходят сне тихи ему ночи,
Токи проливать и слез не умеют очи;
Ум всегда цел, так же здрав, и в прямом порядке,
Сокрушения себя быть не зрит в упадке;
Ложны виды не страшат в сне его покойном,
Часто видит госпожу в образе всё стройном;
Видит, будто иногда с нею он смеется,
Иногда будто дружком от нее зовется;
Зрит, гуляет что в садах с нею он веселых,
Там плодов себе веля много принесть спелых.
Выбирает лучший плод видом и ей вкусом,
По́тчивает то своим та его, зрит, кусом.
То, ходя по цветникам, розы рвет, лилеи,
И связав в пучки пестря складны чрез затеи,
Украшает ей главу, грудь и теми также;
Линточку то на руке вяжет туже, слабже;
Лучшему то в ней всему, ах! дивясь, целует,
То пылиночку с грудей, приклоняся, дует;
Сдув, великою чинит ей свою работу,
Поцелуев в плату с ней требуя без счету.
Гонится то бегучи иногда за нею,
Спрятывается то сам в густую аллею;
Ходят в месте иногда при водах текущих,
Инде слушают потом гласы птиц поющих;
То, под сению сидя, сами петь заводят,
Свищущих тем соловьев в мног задор приводят;
То приходят о речах в небольшие споры,
То склоняются они в мирны разговоры;
Иногда, но ни за что, будто впрямь бранятся,
А спустив минуты с две, слез в струях винятся.
Слезы, о дражайший перл! веселейши смеха!
О горящим от любви вы сердцам утеха!
Во́ды пламень не гасят ваши тем сердечный,
Возбуждают еще жар любящимся вечный.
Таковые видит сны, кто всё не разлучен
От любимыя живет с радости не скучен.

С милою что наяву у него чинится,
Почивающу ему тот же вид и снится.
Мне же, бедному, теперь от сея разлуки
Все несносные страдать нуждно стало муки;
Нуждно стало по драгой, ах мне! Илидаре:
Не сгораю, весь горя в толь любовном жаре.
В вещи всякой ту найти я хочу напрасно:
Нет, чтоб ею возмогло всех в вещах быть власно;
Видеть думаю ее, сердце льстя, повсюду,
Но не видя, огорчен, прочь бегу оттуду.
Всё хочу, что оком зрю, было чтобы ею,
Вещь на всякую смотря изумлен медлею.
Илидары нет нигде! нет нигде драгия!
Тени в памяти живут, только, ах! простыя.
Те однажды мне во сне ону показали,
Плачущую всю по мне видеть приказали;
Думав правдою то быть, с ней хотел схватиться,
Крепко и прижать к грудям, чтоб не разлучиться.
Но движение всего толь мя устремленна,
Учинило, ах! от сна в горесть пробужденна.
Отдалением моим потерял саму́ю,
Потерял, от сна вспряну́в, тако стень пустую.
Льяся токмо я тогда горькими слезами,
Убежавшу проводил, ей крича словами:
«Свет любимое лице! чья и стень приятна!
И речь мнимая ко мне в самом сне есть внятна!
Чаще по ночам хотя спящему кажися
И ходить к лишенну чувств, мила, не стыдися».

ЭЛЕГИЯ II

Кто толь бедному подаст помощи мне руку?
Кто и может облегчить, ах! сердечну муку?
Мягкосердыя на мя сын богини злится,
Жесточайшим отчасу́ тот мне становится:
Неисцельно поразив в сердце мя стрелою,
Непрестанною любви мучит, ах! бедою.
Сердце равныя ничье не имело страсти,
Не впадало тем ничье в равные напасти:
Без надежды б чье когда лютый жар страдало?

Ах! невинное мое в лютость ту попало.
Прежестокая болезнь всяк час то съедает,
Несравненная печаль как зверь лют терзает;
Мысли, зря смущенный ум, сами все мятутся,
Не велишь хотя слезам, самовольно льются;
Вдруг безмолвствую, и вдруг с стоном воздыхаю,
Сам не вем, чего желать и чего желаю.
Безнадеждие, мятеж, горесть и печали,
И несносная тоска ввек на мя напали.
В сем смятении моем что чинить имею?
Сердце рвется, а целить чем то не умею.
Мысль тотчас одну с ума гонит прочь другая,
Разум от меня бежит, страсть же мучит злая.
Внутренний покой никак мне сыскать не можно,
Что б я в помощь ни взывал, всё в удаче ложно.
Никому принесть нельзя жалобу сердечну:
Купидин мя осудил к молчанию вечну.
Нерассудный и слепой, Купидин пресильный,
И который толь ко мне ныне не умильный!
Я какую тебе мог дать к сему причину,
Что ты вечну напустил на меня кручину?
Ты велишь мне то любить, нельзя что любити,
С света, знатно, ты сего хочешь мя сгонити:
Илидары нет уж, ах! нет уж предрагия!
Больше Илидары зреть не могу младыя!
Прежестока смерть уже ссекла ту косою!
Ранить больше мя по ней что ж любви стрелою?
О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Неповинну мне за что кажешь ты немилость?
В преглубокую за что вводишь мя унылость?
Сердце ти мое когда было не покорно?
Оно ты к себе видал быть когда упорно?
Быть готово то всегда, ей, в любовном жаре,
Но к другой бы красоте, а не к Илидаре.
О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Что крушиться мне о той, где надежды нету?
Как велишь мне ты любить мертву, без ответу?
И молчу я, и горю, и стражду невольно,
А не может никогда сердце быть довольно:
Илидара ввек хладна́ ныне пребывает!

Нагла жара моего та не ощущает!
Обрати во мне сей жар к красоте приличной,
К Илидаре б не горел толь мой необычный.
О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
О жар! язва! о и страсть! страсть толь нестерпима!
Наглость о моей любви толь неутолима!
Больше не могу терпеть; ах! весь пропадаю.
Небо! в жизни я пока чуть жив пребываю.
Лучше вовсе умереть, нежели страдати,
И не умирая всё, только обмирати.
Но скажи мне, Купидин, ты начто питаешь
Толь сей жар всяк час во мне и воспламеняешь?
Ты не мнишь ли, что, любив ону я живую,
Мог по смерти позабыть мне всегда драгую?
О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Правда, Илидара как зрилася во свете,
Младости своей была как в прекрасном цвете,
Я любил, могу сказать, ону несравненно,
В мысли ж ныне содержу право незабвенно.
Будь не веришь, Купидин, опишу ту живо,
Та коликое была в жизни всем здесь диво.
О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Илидара здесь жила вся белейша снега,
А на теле всем ее са́ма зрилась нега,
Долговатое лицо и румянно было,
Белизною же своей всё превосходило.
Будь на белость зришь лица — то лилеи зрятся;
На румянность буде зришь — розы той красятся;
Обе превосходно в ней краски те играли,
Обе несравненно ту в жизни украшали.
Очи светлы у нее, цвета же небесна,
Не было черты в лице, чтоб та не прелестна;
Круглое чело, чтоб мог в оное вселиться
Разум, данный с небеси, и распространиться.
Алость на устах весьма мягкость украшала,
А перловы зубы в ней видеть не мешала;
Черностью ее власы соболю подобны,
Паче шелку те рукам мягкостью угодны.
Всё б ее перстам иметь с златом адаманты,

Груди всё б ее носить чистые брильянты.
Ни велика, ни мала, схожа на богиню,
Поступью же превзошла всякую княгиню;
Со всего, но и всегда зрилась благородна,
И богам, богиням быть та казалась сродна;
Голос свой имела тих, нрав во всем учтивый,
К добрым добр у ней прием, к злым же был спесивый;
Ласкова и умна речь, сладка и приятна,
Рассудительна, остра, в произносе внятна.
Чист и строен та хотя свой убор носила,
Больше же, однак, собой оный весь красила.
Всяка не могла тогда красота сравниться
Илидаре, о моей! купно надивиться.
Ум ее мне описать нельзя есть никако;
Надо равный мне ее возыметь ум всяко.
Как мне словом изъявить остроту велику
И догадку, что была в ней всегда, толику?
Рассуждение и смысл здрав и преглубокий,
Разум зрел весьма и тверд, мысльми же высокий?
Словом токмо заключу, что та Илидара
Многих лучше всем была, никому не пара.
Видишь, о ты Купидин! помню как я ону,
Что всю живо описал всяка без урону.
Будь доволен только сим, что ту не забуду,
В гробе затворен пока червиям в снедь буду.
О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!

Я за потребно рассудил приложить здесь две оды моего сочинения, одну в пример нашего пентаметра, а другую в показание тех стихов, которые у нас не стопами, но слогами меряются, из девяти слогов во всяком стихе состоящую; однако ничего я здесь не буду объявлять об одах, что они значат, ибо я довольное рассуждение о них положил вообще, после оды о сдаче города Гданска, которая напечатана; того ради желающих об одах ведать туда отсылаю, здесь токмо просто для примера стихов обе следующие полагая.

ОДА В ПОХВАЛУ ЦВЕ́ТУ РОЗЕ

Сочинена нарочно новым российским пентаметром для примера

Красота весны! Роза о прекрасна!
Всей о госпожа румяности власна!
Тя во всех садах яхонт несравненный,
Тя из всех цветов цвет предрагоценный,
О цветов тя всех славную царицу,
Само цветников солнце, не зарницу!
Похвалить теперь я хотя и тщуся,
Но багряну зря и хвалить стыжуся.

Как природа в свет тя производила,
Лучшему в тебе быть определила;
Красн бы ты была цвет из всех краснейших,
Честн бы ты была цвет из всех честнейших:
Цветы мало чем прочие красятся;
А в тебе доброт совершенства зрятся.
Лилее б молчать с белостью немалой,
К белизне тебе цвет дала желт, алой.

На земле расти мягкой ти велела,
Мягкости б вредить груба не имела;
Зе́фир токмо тих над тобой летает,
Благовонность всю в воздух распущает.
Вся старалась толь о тебе природа,
Что любиму тя из цветов всех рода,
Тернием кругом оградила брежно,
Не касалось бы к нежной, что не нежно.

Разлила по всей благовонность многу,
Дух на всяк листок сладкий без прилогу;
Чувство в нас одно зря на тя дивится,
Чувство в нас одно духом тем сладится:
Красотою всех ты увеселяешь,
Благовонством же чудно услаждаешь.
Внешнее чрез всё кто, как ты, богата?
Внутренним же, ей! ты дражайша злата.

Тщалась искусить чрез свои кармины,
И мешая к ним многи краски и́ны,
Живопись всегда пе́стра, разноцветна,

Оку токмо в вид одному приметна,
Чтоб цвет написать здесь тебе подобный;
А изобразив, зрила весь особный.
Кистию бы как сделать то случилось,
Само небо в чем тщательно трудилось?

Адамант от перл есть в цене коль разный,
С чистым не сравнен коль источник грязный,
Злат железна коль есть металл дражайший,
Отраслей своих кедр коль высочайший, —
Весь цветущий род толь ты превосходишь,
С оных наш и взор на себя приводишь:
То, что солнце есть всеми пред звездами,
Разными между видим тя цветами.

Красоту твою мы зрим ненасытно,
И желаем зреть все ту любопытно;
Обоняем дух с неба твой приятный:
Равен твоему где есть ароматный?
Знаете и вы, мудрые о пчелы!
Коль сей райский цвет в дивны вам пределы
Щедро подает, от богатства и́ста,
Многоценный дар меда нектар чи́ста.

ОДА
ВЫМЫШЛЕНА В СЛАВУ ПРАВДЫ, ПОБЕЖДАЮЩИЯ ЛОЖЬ И ВСЕГДА ТОРЖЕСТВУЮЩИЯ НАД НЕЮ

Сочинена для примера простого российского стиха

Что то за злость? и что за ярость?
Что за смрадна пороков старость?
Ах! коль адским огнем та дышит!
Ищет кого-то уязвити;
Кого-то хочет умертвити?
Страшно, ах! грозным гневом пышет.

Чудовище свирепо, мерзко
Три го́ловы подъемлет дерзко;
Тремя сверкает языками!
Яд изблевать уже готово,
Ибо наглостию сурово.
Тремя же зевает устами!

Ложь то проклята, дерзновенна,
Вышла вся из ада безденна,
Правду ищет везде святую,
Бесстыдно гонит ту всечасно
И славится тем велегласно,
Растерзать смело хотя тую.

Укройся ты, правда драгая:
Поднялась на тебя ложь злая.
Та нагла — кротка ты безмерно;
Свирепа та — но ты вся сладость;
Та зверообразна — ты благость;
Задавит тебя, мышлю верно.

Но правда является мила
И доброт с нею многа сила;
Честь, купно хвально постоянство,
Красота и светлость безмрачна;
Следует кротость доброзрачна,
И добродетелей убранство.

Тихо ко лжи приходит прямо;
Ложь смотрит на ону упрямо.
Прочь, ах! прочь, правда вселюбезна:
Ложь тебя злобно растерзает,
Или тя страх не обнимает?
Послушай прошения слезна.

Увы! брань уже началася!
Однак правда не поддалася.
Грозит ложь ту убити спешна,
Мыслит ложь, что тоя сильняе;
Но правда разит глубочае,
Так что никая сила здешна.

Та ругает ложно словами;
Не молчит и правда устами.
Та чуть было уж не пронзила.
Оружием правда острейшим
И ударом много сильнейшим
Смертно злую ложь уязвила.

О ра́за преблагополучна.
О победа! О слава звучна!
Пропала уже ложь спесива!
Правда торжествует известно,
Торжество всюду стало вестно;
И торжествовать той нет дива.

Еще торжества видны слéды
После преславной той победы;
Следуют за правдою многи,
А все добры сердца имеют,
Восклицаниями сипеют,
Провожая правду в чертоги.

То весело видеть всем было,
То всю радость, то им чинило.
Коль горько тогда ей терпети
От лжи велику злость напрасно;
Толь торжество славно и красно,
Радостно ныне правде пети.

Доказательство,

что

стихи наши, из девяти, осми, седми, пяти, также и четырех слогов состоящие, долженствуют иметь только одну рифму, падать слогами, а не стопами и быть без пресечения.

Объявивши в моих правилах, что стихи наши правильные, из девяти, седми, пяти, также и неправильные из осми, шести и четырех слогов состоящие, ничего в себе стиховного, то есть ни стоп, ни пресечения, не имеют, кроме рифмы, хотя и ничего я там о них больше не захотел упоминать, однако некоторые любопытством своим, спрашивая, для чего бы и им стоп и пресечения не должно было иметь, к тому меня принудили, что я восприял намерение здесь о том обстоятельно доказать.

Но что сие доказательство не в своем месте положено, в том любящим во всем порядок и доброе материй расположение читателям извиняюся, объявляя тому причину, что уже те листы, в которых надлежало быть

сему, вышли тогда из тиснения, когда меня к сему любопытные возбудили. Однако ж, по случаю выше предложенной Оды в славу правде, в которой всякий стих только одну имеет рифму, падает девятью слогами, а не стопами и не пресекается, здесь сие нисколько не неприлично ж я рассудил вложить.

Предложение

Сии стихи не долженствуют падать стопами, но только слогами, для того что они не долженствуют в себе иметь пресечения; всему ж сему причиною есть краткость сих стихов, и наикратчайший дух человеческий не весь исполняющая. Ибо:

Первое:

Пресечение есть разделение стиха на две части, первую часть стиха одним слогом кончащее. Разделение сие бывает того ради, чтоб дух человеческий не обессилить, ежели б одним приемом весь стих читать, и чрез то б не быть принуждену слабым голоса звоном стих доканчивать.

Но сии стихи, о которых теперь слово, и наикратчайший дух человеческий не весь исполняют: сие всякому самым его искусством ясно познать можно.

Следовательно, нет нужды разделять их на две части и бояться, чтоб как дух человеческий не обессилить, и чрез то б не быть принуждену слабым голоса звоном стих доканчивать.

К тому ж пресечению состоять надлежит из одного слога и числиться вне стоп. Но из сих некоторые стихи чётку слогов имеют; и так не может в них найтися слог пресечения, которому бы вне числа стоп быть. Следовательно, из сих некоторые стихи и для сего не могут иметь пресечения. Того ради все сии стихи пресечения в себе иметь не долженствуют.

Второе:

Всем сим нашим стихам не надлежит падать стопами, но только слогами.

Ибо:

Стопа наша есть совокупление двух слогов (либо одного тонически долгого, а другого короткого, и та стопа есть наилучшая; либо одного короткого, а другого долгого, и та стопа есть наихудшая; либо, наконец, двух долгих, либо двух коротких, и те стопы в нашем стихе средней доброты), изобретенное и положенное в наш эксаметр и пентаметр для того, чтоб пресечение одним слогом состоящее яснее означить и тем первое от второго полстишия, отдохнув на нем, разделить. Но чтоб пресечение яснее означить, то между пресечения слогом и другими стиха слогами надобно разность положить. Сия разность не могла быть иная, токмо как сия, чтоб всякой стопе состоять из двух слогов, для того что ежели б трисложные стопы введены были в наши стихи, то, сверх того, что не прилично ими скакать по стихам, но еще, для определенного в них числа слогов, эксаметр наш не мог бы иметь шести, а пентаметр пяти мер: сие само собою есть явно. Следовательно, стопа наша не может состоять, как токмо из двух слогов. Пресечение что одним слогом состоит, а стопы двумя падают слогами, то следовательно, что двусложные наши стопы пресечение односложное ясно означают и тем первое полстишие от второго, отдохнув на нем, разделяют.

Но понеже в сих наших стихах, о которых слово, не должно быть, как доказано, пресечению, следовательно, чего в них нет, то нечего в них и означать; а что нечего в них означать, то не надобно и того, чем означается.

Того ради всем сим нашим стихам не надлежит падать стопами, но только слогами.

Сверх сего, стопы внесены в эксаметр да только в пентаметр и для того еще, чтоб сии наидолжайшие наши стихи от прозаичности избавить: ибо чрез стопы стих поется, что всяк читающий и не хотя признает. А ежели б в сих долгих стихах не было тонических стоп, как оных нет в старых наших, то оные бы совсем походили больше на прозу, определенным числом идущую, нежели на поющийся стих. Но выше помянутые наши стихи, о которых доказательное слово, и без стоп, *для краткости своей,* падают по-стиховному и довольно гладко и сладко поются: о сем всяк собственным своим искусством, ежели правильно сии стихи будет читать, уверен быть может.

И как sine necessitate Entia non sunt multiplicanda, по непоколебимой философской аксиоме, или правилу, то есть *без нужды не надлежит умножать вещей,* то в сии стихи без всякой бы нужды внесены были стопы, потому что и слоги токмо одни должность их в сих стихах исправляют. Следовательно, и для сего в сих стихах стопам быть не надлежит.

Того ради, обще заключая, сии стихи не долженствуют падать стопами, для того что не долженствуют в себе иметь пресечения; всему ж сему причиною есть краткость сих стихов, и наикратчайший дух человеческий не весь исполняющая. Что надлежало доказать.

Ежели ж кто любопытный захочет ведать, для чего в сих стихах и рифма оставлена, понеже из них все стиховное выключено, таковому я ответствую, что сии стихи — российские же стихи, хотя стоп и пресечения в себе иметь не долженствуют. А ежели б отнять у них рифму, то бы они не были российские стихи, но некакие италиянские, для того что у италиянцев стихи иногда рифм не имеют.

Рифма в наших стихах хотя не такое нечто главное, без чего стих не может стихом назваться и различиться от прозы, однако такое нечто нуждное, что без нее стих наилучшего своего украшения лишится. Наш народ толь склонен к рифмам, что и в простых присловицах, не стихами сочиненных, часто, не знаю по какой влекущей к ним врожденной приятности, слух любит ими услаждаться. Примером тому сия пословица: «я человек простой, ем пряники не писаные: хоть бы гладки, только бы сладки», и прочие премногие. Для сего-то в сих стихах рифма только оставлена, дабы, выключив оную, не лишить российского читателя в стихах того, чем ему приятно веселиться и в простых разговорах.

Из сих же стихов, о которых было доказательство, некоторые правильными я называю, а некоторые неправильными.

Правильными называются у меня те, которые из девяти, седми и пяти состоят слогов, то есть которые нечётку слогов имеют. Называются правильными для того, что они подобны гиперкаталектичеством своим правильнейшим и главнейшим нашим стихам, то есть эксаметру и пентаметру, и то так, что ежели б долженствовали они

падать стопами, то бы и пресечение в них одним слогом состоящее нашлося. Например, в девятисложном: пятый бы слог мог быть пресечением, а из полстиший бы каждое из двух стоп состояло. В седмисложном: третий бы слог был пресечением, но из полстиший бы первое состояло из одной стопы, а второе из двух. В пятисложном: третий же бы слог мог быть пресечением, а из полстиший бы каждое состояло из одной стопы.

От сего следует, что по гиперкаталектичеству и трисложный бы стих мог правильным назваться, ежели б он не столь излишно был короток. Однако ребячьи забавы могут и сим стихом писаться, приводя всегда лучше рифму на самый последний слог, или присовокупляя оный к большим, но рифме тогда надлежит быть на предконечаемом слоге.

Неправильными называются те, которые из осми, шести и четырех состоят слогов, то есть которые чётку слогов содержат. Называются неправильными для того, что гиперкаталектичества не имеют, и то так, что на два полстишия могут стопами делиться, а слогу пресечения нигде в них сыскаться не можно. Ежели бы не краткость сии стихи защищала, то бы весьма их надлежало выключить из числа стихов.

По сему явно, что стихи, которые от не знающих в стихах силы слагаются на 12 и на 10 слогов, *для знатной своей долготы и для того, что не имеют гиперкаталектичества,* не только не могут стихами назваться, но нельзя им дать имя и неправильных стихов, потому что они прегнусное некакое чудовище в стихах.

В правилах моих я объявил, что первое полстишие героического нашего стиха для того состоит из седми слогов, что у читающего стих с самого начала духу больше, нежели при конце стиха. Сие правда в рассуждении героического стиха, которого у нас долее нет. Но здесь тому даю другую причину, которая как эксаметру, так и пентаметру нашему равно служит.

Оба оные наши стихи состоят из нечётки слогов, для того что первый из 13, а другой из 11; следовательно одному которому-нибудь в них полстишию больше слогов надлежит иметь.

Но понеже пресечения слог всегда долженствует полагаться после первого, пред вторым непосредственно

полстишием, то ясно, что в героическом седмой слог долженствует быть слог пресечения, а полстишия оба состоят из трех стоп каждое, потому что сего пропорция требует.

В пентаметре для того пятый слог, а не седмой есть слог пресечения, и первое полстишие состоит из двух стоп, второе ж из трех: ибо ежели бы в пентаметре пресечения слог был седмой, то бы второе полстишие состояло конечно из четырех слогов. Но сие бы составление стиха весьма непропорциональное быть имело, для того чтобы первое полстишие превосходило второе тремя слогами. И так весьма пропорционально, что второе полстишие превосходит первое одним токмо слогом.

Может быть, что кто в противление сему предложить имеет сие:

В героическом стихе для того седмой слог есть слог пресечения, что у читающего стих с самого начала духу есть больше, то, для сея ж самой причины, надлежит, чтоб и в пентаметре первое полстишие больше слогов имело.

Сие разрешаю следующим образом:

Эксаметр пресекает седмой слог подлинно для сей причины, что духу у читающего стих с самого начала больше; и для того не надлежит ему пятым слогом пресекаться. Но пресекаяся седмым слогом, оставляет оный и полстишия равные, в чем пропорция деления его состоит.

Пентаметр что не может пресекаться седмым слогом, то пропорция к тому не допускает, как выше показано. Но что о духе человеческом никакого тут нет сожаления, того и не надлежало иметь, потому что пентаметр не столь долог, сколь эксаметр, и так дух человеческий в прочитании его ослабеть не может, и на оба полстишия равно его станет.

Того ради эксаметру нашему надлежит правильно пресекаться седмым, а пентаметру пятым слогом.

Из выше положенной Оды в славу правде можно было видеть, как стихи наши на девять слогов сочиняются; а чрез следующую песнь всяк легко увидеть может, как все такие простые наши стихи, которые в меньшем числе состоят слогов, слагаются.

Но что таковая и подобная песнь, каковы у францу-

зов стансами называются, между одами и простыми песнями, в рассуждении стиля, место имеет и что она больше нечто от высокости у оды, нежели от низкости у песен занимает, о том уже я объявил в рассуждении при оде, которая сочинена о сдаче города Гданска. Того ради сию песнь здесь я просто, то есть без толкования стиля ее, и токмо в пример кратких наших простых всех стихов предлагаю.

ПЕСНЬ,
СОЧИНЕННАЯ НА ГОЛОС И ПЕТАЯ ПРЕД ЕЕ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ АННОЮ ИОАННОВНОЮ, САМОДЕРЖИЦЕЮ ВСЕРОССИЙСКОЮ

Новый год начинаем,
Радость все ощущаем:
Благодать изобильна
От бога нам всесильна, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

В первых здравие цело,
В много лет ей приспело;
И желаем ей люди
Вопия: О так буди!
Здравие богом данны
Самодержицы Анны.

Пойдет век долговечен
И многочеловечен;
Поживем в благостыне
Мы все везде отныне, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

Зима внесет хлад мерен,
Весна не растлит зерен,
Лето оны согреет,
В осень мног плод поспеет, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

Воздух чист, растворенный,
Влитием удобренный;
Веять здравый ветр станет,
Вред наносить престанет, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

Всяка злость истребится,
Злый нрав искоренится;
Добро само всем любо,
Худо явится грубо, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

Любовь все удостоят,
Сердца́ к оной пристроят;
Жить имеет в нас тая,
Умрет ненависть злая, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

К правде склонен всяк будет,
Лжи и след весь забудет;
Трона зрим одесную
Уж мы правду святую:
На троне богом данна
Самодержица Анна.

Трусил Марс и с войною
Пред нашей тишиною;
А российскую силу
Превознесет бог милу, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

Храбрость страшит рассудна,
Смыслу наша подсудна,
Всех врагов дерзновенных,
Всех врагов ухищренных, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

Благочестие право
Пребудет всегда здраво:
Тверда церковь сияет,
Раскол в ад убегает, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

И министры советны
Поживут безнаветны,
Зло усмотрят проклято,
Научат всех жить свято, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

Процветут здесь науки
И ремесленны руки;
Мудрость бо́льша, неж в Афинах,
Дело чище, неж в Хи́нах, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

Купля благословенна
Придет обогащенна,
Нам содружит народы,
Американски роды, —
Счастием богом данны
Самодержицы Анны.

Счастие будет вечно
Счастливей непресечно:
Пошлет все благодати,
Даст во всем успевати, —
Твоим счастьем, венчанна!
Самодержица Анна!

Говоря выше о сонете, сказал я, что он есть некоторый род италиянского и французского мадригала, а латинской эпиграммы; того ради обеих здесь коротких сих поэм разность объявляю.

Много и долго я примечал разность у эпиграммы с мадригалом; но никакой другой, кроме следующей, не

приметил. Мадригал так же есть короткая поэма, как и эпиграмма, так же на конце острую имеет оный мысль, как и эпиграмма; однако материя его всегда бывает благородная, важная и высокая: следовательно и конечная его острая мысль долженствует быть также благородная, важная и высокая. К тому ж еще он и неравными стихами чаще пишется, нежели эпиграмма, которая есть так же короткая поэма, как и мадригал, так же на конце острую имеет мысль, как и мадригал, но материя ее всегда бывает либо народная, либо легкая, либо низкая, либо насмешливая, либо, наконец, сатирическая: следовательно и конечная острая ее мысль должна быть или народная же, или легкая, или низкая, или насмешливая, или, наконец, сатирическая. В пример полагаю здесь один мадригал, который я сочинил в похвалу богатой аудиенц-сале, построенной по указу ее императорского величества здесь в Санктпетербурге, и несколько также эпиграмм на разные материи: чрез всё сие можно будет лучше, нежели на словах, увидеть разность, какова между мадригалом и эпиграммами находится.

МАДРИГАЛ

Слава воспоет больше уж крылата,
Коль монарша здесь сала есть богата,
1 ... Пирамиды неж пела та мемфийски,
2 ... Дивного труда стены ассирийски,
3 ... Нежели царя томб высок Мавзола,
От эфесска честь также богомола
4 ... Диане, чей храм чудно был приправный;
5 .... По Фарос светящий,
Неж вéрьхом горящий;
6 ... Делск иль про кумир, что Аммонов, славный;
Неж огромность, сверьх, Родского ужасну
7 .... Колосса, и красну.
Но чтобы воспеть, коль велика Анна,
В монархиню нам богом что избранна,
И пречудна коль вся ее держава,
Света но всего разве может слава.

ЭПИГРАММА

НА ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ, ВЫШЕД В ЧЕСТЬ, ТАК НАЧАЛ БЫ ГОРДИТЬСЯ, ЧТО ПРЕЖНИХ СВОИХ РАВНЫХ ДРУГОВ ПРЕНЕБРЕГАЛ БЫ

О! сударь мой свет! как уж ты спесив стал!
Сколь ни заходил, я не мог тя видеть:
То спишь, то нельзя, я лишь, ходя, устал.
Ты изволил сим мя весьма обидеть.
Нужды, будь вин жаль, нет мне в красовулях;
Буде ж знаться ты с низкими престал,
Как к высоким всё уже лицам пристал,
Ин к себе прийти позволь на ходулях.

ЭПИГРАММА

НА ЧЕЛОВЕКА САМОХВАЛА, КОТОРЫЙ БЫ УГОЩЕВАЛ ПРИЗВАННЫХ К СЕБЕ БЕЗДЕЛЬНЫМ ПИТЬЕМ, ПОДНОСЯ ТО ЗА САМОЕ ЛУЧШЕЕ ВИНО

Вишневый морс сколько раз ты мне ни подносишь,
Рюмку досуха всегда выпить меня просишь.
Эх! нудишь напрасно
Пить всё пойло красно:
Правда, что это вино (меж тем пива пошарь)
Цóсно, да благослови выплюнуть то, сударь.

ЭПИГРАММА

НА ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ БЫ ТОЛЬ БЫЛ ЗОЛ, ЧТО И ВСЯ Б ФАМИЛИЯ ЕГО ТЕМ ЖЕ ЗЛОНРАВИЕМ ПОВРЕДИЛАСЬ

Зол ты, друг! зла и жена, дети злы, зла сватья;
Правда, игумен каков, такова и братья.

ЭПИГРАММА

НА ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ БЫ ТАК БЫЛ В СРЕДНЕМ ВЕКЕ СВОЕЯ ЖИЗНИ, ЧТО НИ МОЛОД, НИ СТАР НЕ МОГ БЫ НАЗВАТЬСЯ, И СВЕРЬХ БЫ СЕГО СОВСЕМ БЫЛ НИ К ЧЕМУ ГОДНЫЙ

При младых стар, да шалун;
При старых млад, да всё врун.
При обоих был бы что?
Иль не знаете? — Ничто.

Ежели б я здесь предлагал о целой пиитической науке, а не об одном сложении стихов, то бы упомянул я и о правилах эпической поэзии, которая есть наиблагороднейшая и наибольшая из всех поэм, о лирической также, драматической, буколической, а пространнее элегиаческой и эпистоларной, также о сатирической и наконец эпиграмматической; однако любопытным охотникам российским объявляю здесь авторов наиславнейших, которым надлежит подражать во всех сих родах выше помянутых поэзий.

В эпической поэзии

На греческом языке славен Гомер.
На латинском: Вергилий.
На французском: Вольтер.
На италиянском: Тасс.
На аглинском: Мильтон.

Эпических остроумных, удивительных, а иногда Гомера и Вергилия превосходящих вымышлений прозою написанных, не надеюсь, чтоб больше было на другом каком языке, нежели сколько их есть на французском, которые у них романами называются. Однако все таковые романы насилу могут ли перевесить хорошством одну Барклаиеву Аргениду, латинским языком хитро написанную.

В лирической

На греческом: Пиндар и Анакреон.
На латинском: Гораций.
На французском: Малгерб и последователь Анакреону господин де ла Гранж.

В драматической

На греческом: Эврипид, Софокл — трагики.
Аристофан, Менандр — комики.
На латинском: Сенека — трагик.
Теренций, Плавт — комики.
На французском: два Корнелия, Рацин, Вольтер — трагики.
Молиер — комик.

В буколической

На греческом: Феокрит.
На латинском: Вергилий.
На французском: Фонтенель — исправитель эклоги.

В элегиаческой

На греческом: Филетас.
На латинском: Овидий, Тибулл, Проперций, Корнелий Галл.
На французском: графиня де ла Сюз.

В эпистоларной

На латинском: Гораций и Овидий.
На французском: Боало Депро.

В сатирической

На латинском: Ювенал, Персий, Гораций.
На французском: Боало Депро, Реньние.
На российском: князь Антиох Димитриевич Кантемир, которого первый стих, из первой его сатиры, часто предлагаем был в правилах моих примером нашего эксаметра. Однако оный стих несколько я переменил, не переменив нимало содержащегося в нем разума, и почти теми же самыми словами, из которых оный прежде был составлен, его сочинил, ибо и самый подлинный идет тако:

Уме слабый, плод трудов не долгой науки!

А перемененный:

Ум толь слабый, плод трудов краткия науки!

За сие дерзновение у остроумного и глубоко мною всегда почитаемого автора покорно прошу прощения. Причина, которая меня привела к тому, есть сия: намерился я полагать первый оный стих, сего первейшего на-

шего и высокого сатирописца, из первой его сатиры к «Уму своему» надписанной, в пример нового моего эксаметра. И ежели б я оный подлинный положил, то бы по моим правилам имел он две вольности, да и по старому бы обычаю писания две ж, для того что по моим правилам звательный падеж *уме* есть вольность, и родительный *не долгия,* вместо *не долгой,* также, а по старинному обычаю писания звательный падеж *плод* долженствовал быть написан *плоде,* равно также и родительный *не долгой — не долгия.*

Но понеже всякий пример и образец долженствует предлагаться совершенный, дабы прочим, смотря на оный, перенимать и, перенимая, недостаткам бы не научиться, то для сего дерзнул я из оного как новые две, так и старые две ж вольности вычернить и всеми числами его несколько совершеннейший предложить.

При том же и сие мне к тому дало повод, то есть дабы чрез сию перемену объявить оному благородному и никогда между нашими, нынешними и будущими, пиитами в памяти умереть не имеющему автору, что коль чрез малую перемену и легкий способ можно из старых наших стихов новые сделать, буде он благоволяет еще когда забаву иметь, для препровождения своего времени, в сложении стихов, и буде высокие, к тому ж и важные упражнения и дела (которые острой его прозорливости и бодрому попечению, при дворе великобританском в характере полномочного министра ныне вверены) к тому его допускают.

В эпиграмматической

На греческом: Филетас.
На латинском: Марциал, Овен.
На французском: многие, а особливо Русо и Бурсо.

Напоследок, тем я за потребно рассудил окончить сей мой «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», что господин Боало Депро, лучший стихотворец и славный сатирик французский, написал, сердяся на слагателей стихов своего народа, которые не

знали в том ни складу ни ладу и которые думали (буде в конце одной строки напишут, например, *лавку,* а в конце другой приведут счастливо *булавку*), что стихи слагали, в оной речи, которую он стихами сочинил к государю своему Людовику XIV, королю французскому:

Mais je ne puis souffrir, qu'un esprit de travers,
qui pour rimer des mots, pense faire des vers.

То есть:

Не могу сего терпеть, кто, еще не кстати,
в рифму строки приводя, мнит стихи слагати.

<1735>

ДЛЯ ИЗВЕСТИЯ
‹ИЗ КНИГИ «ТРИ ОДЫ ПАРАФРАСТИЧЕСКИЕ ПСАЛМА 143»›

Будучи по случаю совокупно сих следующих од авторы имели довольный между собою разговор о российских стихах вообще, которые ныне, после как начали исправлять их охотники, уже в совершеннейшем виде и с приятнейшим слуху стоп падением, нежели как старые бесстопные были, производятся от писателей искусных в стихотворении. Разговор их был некоторый род спора, в рассуждении так называемых двусложных стоп, хорея и иамба, которыми ныне составляются российские стихи.

Некоторый из них такое имел мнение, что стопа, называемая иамб, высокое сама собою имеет благородство, для того что она возносится снизу вверх, от чего всякому чувствительно слышна высокость ее и великолепие, и что, следовательно, всякий героический стих, которым обыкновенно благородная и высокая материя поется, долженствует состоять сею стопою; а хорей, с природы нежность и приятную сладость имеющий сам же собою, по его мнению, должен токмо составлять элегиаческий род стихотворения и другие подобные, которые нежных и мягких требуют описаний, потому что он сверху вниз упадает, чем больше показывает нежную умильность, нежели высоту и устремительное течение.

Другой прекословил сему и предлагал, что никоторая из сих стоп сама собою не имеет как благородства, так и нежности; но что всё сие зависит токмо от изображений, которые стихотворец употребляет в свое сочинение, так что иамбом состоящий стих равно изобразит сладкую нежность, когда нежные слова приберутся, и хореем высокое благородство, ежели стихотворец употребит высокие и благородные речи.

Сие он утверждал еще, что хорей и иамб, коль себе ни противны диаметрально, для того что первый состоит из долгого да краткого слогов, а второй из краткого да долгого, однако сие их сопротивление друг другу не толь есть неприятельское явно, чтобы они не имели между собою согласия и дружбы тайно: ибо чистым иамбом состоящий стих, ежели токмо один самый первый слог сего стиха тише обыкновенного голосом произнесется, имеет состоять в то ж самое время чистым хореем; также, буде стих составлен чистым хореем, то тишайшим произношением первого его одного токмо слога составится он совокупно чистым иамбом.

От сего он наводил, что союз между сими обеими стопами долженствует быть не заключенный, но природный и братский; а следовательно, когда иамб с природы имеет высокость, то совокупно имеет оную и хорей; когда ж в хорее также природная есть нежность, то всё участие в ней по праву должно и иамбу, и для того как хорей нежен и высок, так иамб высок и нежен.

В рассуждении ж того, что первый приписывал чувствительное благородство иамбу для того, что он снизу вверх восходит, а хорею умильность для сего, что он противно ему падает, сей второй говорил, что ежели б иамб был высок и благороден, то бы хорею, как по прямой линии противному, надлежало быть несколько или довольно низку и подлу, а не умильну и нежну; и что ежели бы восхождение снизу вверх в стопе было точным знаком благородства, а падение сверху вниз умильности, то бы Гомеровой «Илиаде» и Вергилиевой «Энеиде», двум наивысочайшим героическим поэмам, должно было состоять анапестами, которые также восходят снизу вверх, а не дактилями, которые падают сверху вниз, даром что их количество слогов не состоит в возвышении и понижении голоса, то есть в различии тона, но в протяжении и сокращении оного, то есть в медленном и скором произношении: ибо сия их долгота и краткость, меряющаяся временем, всячески не могла быть без возвышения и унижения голоса, инако бы во всяком их стихе была токмо монотония, которой и в прозе, то есть не в пиитической речи, быть непристойно, хотя в ней и нет пения, а они стихи свои произношением пели, то есть был у них в них некоторый род музыки, но в

музыке монотонии, то есть одному звону голоса нет места, и быть ей там без различия голоса, по крайней мере двустепенного, странно. А понеже не анапесты, но дактили употреблены от сих великих стихотворцев, того ради или каждая стопа ни благородна ни нежна собою, или всякая и благородна и нежна совокупно. К тому ж, как восхождение, или вознесение, в иамбе не непрерывное, но токмо вскок смешенный с скоком, так в хорее нисхождение, или ниспадение, не всё продолжающееся, но также скок смешенный с вскоком. Итак, наконец, обе сии стопы по всему себе равны, так что одна пред другою никакого преимущества иметь не может, когда они токмо сами в себе и к словам не приложенные рассматриваются.

На сие третий из них же предлагал, что и он в иамбе находит высокость, благородство и живность, а в хорее, кроме нежности, ничего не видит, и что ему в иамбических стихах речь важнейшею кажется: ибо иамб, говорил он, возвышая свой голос, несколько гордости являет, а хорей, упадая, точно изображает любовническое воздыхание. Итак, иамб уже имеет теперь двух защитников, и следовательно два голоса; а хорея защищает один токмо голос.

Но чтоб не показалось, что двое одного хотят преодолеть, и что притом сие дело не может решиться большеством, чтоб позволено так сказать, голосов, того ради он рассуждает сочинить всем трем некоторый высокий род стихотворения, а именно оду, а для сего выбрать один псалом из Псалтири.

Находящему в хорее с нежностию и благородство сочинить бы оду хореическую, а стоящим за иамбическую токмо высокость составить одические свои стихи иамбом. Чрез сие тотчас объявится, имеет ли хорей при нежности высокость, а иамб при высокости нежность.

Защитник хорея, как прочие оба его называли, хотел было пространнее доказывать, что мнение его не в том состоит, чтоб он приписывал точно обеим сим стопам некоторое особливое свойство высоты или нежности, но по положению токмо, то есть, буде иамб собою высок, то он совокупно собою ж и нежен; а буде хорей собою нежен, то он также притом и высок: ибо впрочем не признавает он, как говорил выше, ничего сего

в стопах, но причитает всё разности слов. Но оба прочие не хотели от него ничего больше слышать, да токмо склонили его к тому, чтоб ему сочинить оду хореическую, и выбрали себе на сие псалом сто сорок третий. Сей есть случай и причина сих трех од, двух иамбических, а одной хореической, которые ныне свету подаются.

Однако подаются они свету не в таком намерении, чтоб рассмотреть и определить, который из них лучше и великолепнее вознесся. Сие предпочтение могло бы им быть всем троим обидно: ибо праведно есть, что все трое не подлым искусством сочинили свои стихи и что трудный и прерывный разум псалма совершенно они изобразили. Чувствительная токмо разность их жара и изображений, а удивительное согласие разума здесь предлагается, и от сего заключается, что все добрые стихотворцы коль ни разно в особливости остроту своих мыслей и силу различают, однако в обществе в один пункт сходятся и чрез то от должного себе центра не относятся. Чрез сие самое распознаваются многие дряхлые, на Парнас ползущие, которые и свои мысли неясно иногда словами изображают, и стихом весьма не гладким и не правильным и в одной материи разны, и в разности больше надлежащего друг от друга далеки, для того что не знают, где их пункт неподвижный и цель, в которую бы метить.

Что ж еще до сих од писателей, их токмо всех троих имена здесь объявляются, то есть что авторы сии именно: Александр Сумароков генеральс-адъютант, Михайла Ломоносов адъюнкт при Академии, да тоя ж Академии секретарь Василий Тредиаковский. Но который из них которую оду сочинил, о том умолчевается: знающие их свойства и дух тотчас узнают сами, которая ода чрез которого сложена.

А чтоб, напоследок, читателям не иметь некоторой неугодности в том, что, читая, может быть заблагорассудится кому сличить оды с самым подлинным псалмом, а не имея вскоре Псалтири при себе, может он лишиться сего удовольствия, того ради вносится сюда оный псалом весь точно.

<1744>

О ДРЕВНЕМ, СРЕДНЕМ И НОВОМ СТИХОТВОРЕНИИ РОССИЙСКОМ

Поэзия, как подражание естеству и как истине подобие, есть одна и та ж, по свойству своему, во всех веках и во всех местах у человеческого рода; но способ речи, или стих, коим обыкновенно изображается поэзия, находится многоразличен в различных народах. Есть сложение стихов, которое долготою и краткостию времени меряет слоги речений; есть, кое в ударении просодиею на слоги поставляет долготу оную, но уже возвышающую токмо слоги без протяжения, а неударяемые, или понижаемые пред первыми, называет краткими складами; есть иное, где нет ни первого, продолжением и сокращением меряющегося, слогов количества, ни последнего, называемого то́ническим, да токмо есть в нем одно число складов, определенное каждому стиху порознь. Все вообще на разных языках стихи, иные не соглашают подобным звоном окончаний предыдущего стиха с последующим непосредственно; а иные таким равногласным звоном в согласие их приводят, что ныне называется рифмою. Но и сия самая рифма также в стихах различна: иногда она односложная, называемая мужескою; иногда двусложная женская; иногда и трисложная обоюдная, то есть ни женская, ни мужеская, или мужеская и женская совокупно. Из рифм, инде в стихах употребляется одна женская, инде одна ж мужеская; но инде женская и мужеская, или мужеская и женская по пременам, а сия точно премена и проименовалась ныне сочетанием. Присовокупляется некогда к сочетанию сему в наших стихах и обоюдная оная риф-

ма: ибо прозаические наши периоды сею тройственною разностию оканчиваются, хотя впрочем и чаще, и для нашего слуха мернее, двусложною стопою хорея.

О самом первом начале поэзии и стиха вообще предложили мы уже наше мнение в первом томике книжек, названных «Сочинениями и переводами», изданных в 1752 годе; и кажется, что не без вероятности некоторые. Здесь намерен я сообщить читателям историческое описание, касающееся особливо до российского нашего стихосложения, древнего, среднего и нового: так что к показанию и определению первобытного нашего сложения стихов послужит мне, за неимением надлежащих и достопамятных, оставшихся от древности нашея, образцов, одна только вероятность; но среднее и новое потщусь изъяснить, при всей возможной твердости, самою точною достоверностию.

Бесспорно, во всех человеческих обществах, от самыя первоначальныя древности, богослужители были первенствующими стихотворцами и владели стихами всюду, как законным и природным своим наследием. Стихами не токмо прославляли они божество, но и достоинство свое отменяли сим родом речи от общего и простого слова. Посему и наши языческие жрецы, без сомнения, такое ж равно преимущество имели и были главные и лучшие в наших обществах слагатели стихов. Итак, способ, бывший у них обыкновенным в составлении стиха, долженствует быть самое древнее стихотворение наше. Но что за род был стиховного их того состава, ныне нам видеть достоверно не по чему. Не осталось нигде для нас, по крайней мере не известно нам всем поныне ни о са́мом малом образчике, оставшемся от языческого нашего стихотворения: истребило его наставшее благополучно христианство. Однако, можно весьма вероятно, и почитай достоверно, представить его здесь, воскресив в потомстве побочном пред наше зрение.

И вкратце, количество его слогов было то́ническое, или, что то ж, в одном ударении силами слогов состоящее. Стопы не всякого рода употребляемы были; но особливо господствовали в нем хорей или трохей, иамб и пиррихий, дактиль и анапест. Односложные слова почитались общими, то есть и долгими и короткими. Стихи были у них и большие и малые. Наконец, предыдущий

стих не соглашался подобным звоном с последующим стихом: каждый один о себе стихом состоял от стоп. Словом, рифм они не имели.

Но чем я, спросится, толь прямо сие утверждаю? Неподозрительными, ответствую, и живыми свидетелями. Простонародные наши и те самые древние песни сие точно свойство в стихосложении своем имеют. Я сему дал неопровергаемый показ, в примечании под чертою, помянутого мнения моего о начале поэзии и стиха. Народный состав стихов есть подлинный список с богослужительского:[1] доказывает сие греческий и римский народ; а могут доказать и все прочие, у коих стихи в употреблении. Воззрим же теперь на начало нашего христианства; видим мысленно сущую нужду его токмо то истребить у нас, что непосредственно до богослужения ложного касалось: на народные, гражданские и дружеские употребления не с толиким сначала ревнованием оно взирало. Так точно сие было в са́мой первенствующей церкви, от язычников еллинов обратившейся; так равно надлежало быть сему и в нашем первоначальном христианстве: обстоятельства проповедников и церковных дел того требовали.

Итак, многодельное тогда первое наше христианство, хотя искоренило все многобожные служения и песненные прославления мнимым богам и богиням, однако с пренебрежения, или за упражнениями, не коснулось к простонародным обыкновениям: оставило ему забаву общих увеселительных песен и с ними способ (совершенно во всем подобный богослужительскому, как то сие ниже подтверждено будет) сложения стихов. Сие точно и есть первородное и природное наше, с самыя

[1] Сие и собственным нашим примером утверждается: ибо с двести лет, без мала, назад певали у нас в церкви на всенощных бдениях псалом 103 так, что по окончании речи, когда напев требовал гага́кания до начатия другой речи, вместо гагакания оного употребляемы были незнаменательные слова, а именно сии: ай, рененай, ани, ну, унани. Равно и простой народ в некоторых своих песнях, и в подобном случае, такие ж употреблял незначащие ничего слова: здунинай, найнай, здуни. Подлого народа употребление сие и ныне еще слышать всякому можно; но церковное оное старинное обыкновение видимо токмо и доднесь в Псалтири, печатанной в Вильне 1576 года, а хранящейся в императорской Академической библиотеке.

отдаленныя древности, стихосложение, пребывающее и доднесь в простонародных, молодецких и других содержаний песнях живо и цело.

Начавшееся у нас христианство, истребившее все идольские богослужения и уничтожившее вконец сплетенные песни стихами в похвалу идолам, лишило нас без мала на шестьсот лет богочтительного стихотворения. Пребывало двоюродное родство его токмо, чтоб так сказать, как в залоге, у са́мого оного простого народа, в подлых его песнях; и преходило от века в век не без престарения. И хотя ж христианство награждало нас духовными песньми по временам, благороднейшими языческих и по содержанию, и по сладости, и по душевной пользе, однако всех таких священных гимнов, стихир и двустиший [1] перевод нам предан прозою. От сего, сверьх природной способности, вкоренилась между нами проза за единственный способ речи; а заключенное мерами и числами слово, то есть стихотворение оное важнейшее, совсем позабыто: ибо простонародное стихосложение, за подлость стихотворцев и материй, от честных и саном знаменитых людей презираемо было всеконечно; так что и поныне, но уже незнающие и суетно строптивые люди зазирают неосновательно, ежели кто народную старинную песню приведет токмо в свидетельство на письме, хотя и с извинением в необходимости, о первоначальном нашем стихотворении.

Пребывала таким образом наша церковь с X века [2] по XVI включительно без стихов, собственно так называемых по составу, имея впрочем стихи, только ж в

---

[1] Гимнов и стихир, прозою переведенных, исполнен есть наш весь церковный круг; но из премножества двустиший, переведенных прозою ж, первое да будет здесь в пример, надписанное над синаксарем Сырной недели.

Мир с родоначальники горько да восплачет,
Снедию сладкою падший с падшими.

А другое над синаксарем же, читаемым в субботу Ваий, или Лазареву:

Рыдаеши Иисусе, сие смертного существа;
Оживляеши друга твоего, сие божественныя кре́пости.

[2] Одни пишут, что благоверный и равноапостольный, святой великий князь Владимир просветил Российскую землю крещением в 988 лето; а другие, что сие он в 996 лето по Христе совершил.

прозе. Наконец, 1581-го уже года, явились стихи первократно при Библии Острожской на нашем языке. Однако состав тех стихов есть во всем неисправный: недостаточна в них мера, недостаточно число, рифма недостаточна: все первоначальное, рукотворимое ль оно или производимое разумом, таково обыкновенно, по большей части, бывает.

И как в сих стихах находится рифма, то причина есть помышлять, с какого образца оная в те стихи введена. Сие может быть, во-первых, сделано для разности с простонародными оными стихами, в коих не находилось и не находится у нас рифм. Так точно было в греческой и римской церквах с первоначальных христианских веков. Греки-христиане и римляне стихами своими хотели всеконечно разниться, одни например от Гомера язычника, а другие от Вергилия. Доказывают сие следующие святого Григория Назианзина стихи и многие многих других стихотворцев христианских в Греции, также и премногих латинских церковных. Я образцы их здесь представлю, чтоб всяк мог сии примерцы читать и, читая, слышать в стихах звон рифм.

Θεοῦ διδόντος, οὐδὲν ἰσχύη φθόνος;
Καὶ μὴ διδόντος, ὀνδὲν ἰσχύη πόνος.[1]

А из римских христианских стихов в пример же:

Tu in caelo regnas, Deus,
Nunc factus es Natus meus;
Li li, Li li, Li li,
O! dilecte fili.[2]

Или второе, с образца общегосподствовавшего тогда. С готических времен, не знаю какой рассеялся повсюду, на западе и на востоке, толь сильный дух любления и склонности к рифмам, что не токмо так называемых живых языков в стихах за нежную сладость и великолепное украшение почлись рифмы, но и степенные языки,

---

[1] Когда бог подает, то никак не превозмогает зависть;
А когда не подает, то никакой труд есть не успешен.

[2] Ты в небе царствуешь, бог,
Ныне ставший сыном моим;
Лю-лю, Лю-лю, Лю-лю,
О! милое дитятко.

греческий[1] по превосходству и римский, не хотели быть, как то уже я объявил, без оных. Сие удивительнее еще, приятность рифм на концах стихов толь усладительна тогда стала казаться, что не довольно было двух рифм в двух стихах, соглашаем был один и тот же стих двумя уже рифмами, одною в средине, а другою на конце. Доказывают сие стихи медическия салернитанския школы,[2] заведшиеся в XI веке в Кассинском италианском монастыре (после, как некто Константин именем принес туда латинские медические книги, переведенные с арапских), а потом перенесенные оттуда в ближний город Салерн; доказывают и так называемые леонинские,[3] каковы и в нынешнее недавное время сподобились мы читать печатанные нашим языком не у нас в России, не без смеха впрочем внутреннего составу сему. Но что последнее, то уже толь странно, что и невероятно б всякому показалось, ежели б не мог я доказать предлагаемого приме-

---

[1] Греки прозвали такие стихи *политическими,* то есть простонародными: ибо у Исократа в «Эвагоре» чрез политические имена разумеются имена простонародные. Также и Гален написал (Περὶ τῶν πολιτικῶν ὀνομάτων) о политических именах у Аристофана, Эвполида и Кратина; а чрез политические имена разумел он простонародные ж имена.

[2] Каковы суть:

Caseus et panis sunt optima fercula sanis.
Сыр да хлеб, из даров, кушай всегда кто здоров.

Или:

Post coenam stabis, vel passus mille meabis.
Должно по кушанье стать, тысячью иль прошагать.

Или:

Permutant homines mores, cum dantur honores.
Нрава в премене есть, кто произойдет лишь в честь.

Или:

Corde stat inflato pauper, honore dato.
Подлый всяк напыщéн, к чести когда приобщéн.

[3] Скалигер не знает, с чего и от кого названы такие стихи леонинскими. Некоторые причитают их пииту Льву, пятого века, о котором упоминает Фабриций в Греческой библиотеке, кн. 4, гл. 30. Другие приписывают их Льву IV папе римскому, коего житие описано от Палатины, а жил сей Лев в IX веке: он часть некоторую Рима хотел назвать Леонинскою от своего имени и сочинил несколько негодных гексаметров, надписанных над воротами той части Рима. Напоследок, иные полагают им начало во XII веке, а изобретателя Льва описывают монахом, бывшего в бенедиктинском чине.

рами, взятыми из письменныя русския поэмы о Страшном суде, не знаю кем сочиненныя: так рифма почтена необходимою в стихах, что хотя б слово рифмы и ничего не значило и было б всеконечно поврежденное или нарочно вымышленное, а соглашалось бы только изрядно с рифмою предыдущего стиха, такое чудовищное слово не токмо не пренебрегаемо было, но еще и предпочитаемо в стихе для рифмы.

ПРИМЕР I

1. Составы, кости трепещут,
И власы глав их клекещут.

2. Все и звезды наипаче
Чисти, светлозрачни в зраче.

3. Тако ж минует и протчих;
Огнь воссияет в горнчих.

4. Но мирская красота,
Сила, слава, любота.

5. Оный ему есть светильник,
Троими враты входильник.

6. Все веселие духовно,
Всюду глас радости зовно.

7. Князь, княгиня, княжаны,
Воеводы, потентаны,
Военачальники мóрски,
Сухопутн, велик, малóвски.

8. Всем дадутся венцы дрáги,
Одежды златосветовлаги.

9. Благословенни получáт,
Сирским язы́ком возречáт.

10. Потребно знать, из каких книг,
И кем сей собрася рифмиг.

Но как то ни есть, только ж в стихах, при Острожской оной Библии, употреблена рифма трисложная, двусложная и односложная по изволению: а сей состав стиха, когда исправился как в числе определенном слогов стиху, так в сечении на полстишия больши́х стихов и в приложении одной двусложной всюду рифмы, пере-

шел от белорусцев и поляков в Малую Россию, а из Малыя к нам; да и пребывал у нас с 1663 до 1735 ровно 72 года, и есть точно оный, который я называю *средним*.

Тридцать восемь лет спустя после стихов при Острожской Библии, а именно в 1619 годе, Мелетий Смотритский, монах Виленского братства, муж искусный в греческом и латинском языке, издал, при Грамматике своей славенской, совершенно различный состав стихосложения с тем, какой показала, как в опыто́к, Острожская Библия. Неизвестно, способ ли ему рифмический не полюбился, или так он был влюблен в греческий древний и латинский способ стихосложения, что составил свой, для наших стихов, совсем греческий, и потому ж латинский. Впрочем удостоверяет, что сделал он сие, подражая Овидию римскому стихотворцу, который, по объявлению летописца Матфея Стриковского в 4 книге, навы́к, в ссылке своей у сарматских народов, славенскому языку [1] и писал стихи сим языком, да еще и охотно, как говорят; а писал он не инако, как токмо по римскому составу стихов. [2]

Сему примеру Смотритский последуя, сделал наши гласные и двугласные литеры иные с природы долгими, иные краткими, а иные общими; притом, ввел и так называемое положение гласных, пред двумя согласными литерами, долгое, а иногда общее, буде из согласных обояща́ющая, по его, литера положится напреди пред гласною, а та́емая следовать имеет, как то сие делается у греков и у латин в стихах. Ввел он и стопы все греческие, а именно, спондея, пиррихия, трохея, или хорея,

---

[1] Подлинно, Овидий сам о себе утверждает, в книге III от Понта, в элег. 2, что он «научился говорить в ссылке по-ге́тически и по-сарма́тски»: Nam didici Getice Sarmaticeque loqui. Но гетический и сарматский тогдашний язык был ли нынешний славенский?

[2] О сем сам же Овидий свидетельствует в III книге от Понта, в 13 элегии, говоря: «Написал я гетическим языком книжку или свиточек, и сочинил нашим составом варварские слова... да и начал иметь имя пиита между бесчеловечными гетами.

...Scripsi Getico sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis
. . . . . . .coepique Poëtae
Inter inhumanos nomen habere Getas.

иамба, анапеста, амфибрахия, амфи́макра, ба́кхия, палимба́кхия, трибра́хия и три́макра. Предложил, наконец, и роды стихов больших и малых, гексаметров, или героических, пентаметров, или элегиаческих, гексаметров с пентаметрами, или героэлегиаческих, иамбических, са́фических, фале́втических, глико́нических, хориа́мбических и асклепиа́дических. Представляю здесь в пример только гексаметр его и героэлегиаческий стих; от сих всяк способно уразумеет состав и всех прочих, кто ведает греческое или латинское стихотворение.

ПРИМЕР ГЕКСАМЕТРОВ

Сарматски новорастныя мусы стопу перву,
Тщащуся Парнас во обитель вечну заяти,
Христе царю, прими; и благоволив тебе с отцем
И духом святым пети, учи российский
Род наш чистыми меры славенски имны.

Четвертый и пятый стих в пятом месте имеют спондея, вместо обыкновенного дактиля; а спондей кладется, у греков и у латин, в пятое место тогда, когда стихом тем или какая великая важность, или какое превосходство, или превеликая скорбь и печаль объявляется.

ПРИМЕР ГЕРОЭЛЕГИАЧЕСКИХ

Христе, елико просят ины, даждь им пребогате:
Мне тебе сладчайший, даждь мене взайма тебе.

Но коль ни достохвальное сие тщание Смотритского, однако ученые наши духовные люди не приняли сего состава его стихов: остался он только в его Грамматике на показание потомкам примера; а те утверждались отчасу более на рифмических стихах, среднего состава, приводя их в некоторую исправность с образца польских стихов. Может быть, что трудность долгих, кратких и общих литер по природе, также изменяемых его, обоящáющих, тáемых, сугубых, сугубствующих и странных, сверьх того, и познаваемых слогов положением, наращением и окончанием, а всего сего чужого и нам во веки веков дикого, отвратила наших люботщателей от стихотворного сего состава. Весьма вероятно, что ежели б Смотритский пренебрег долготу и краткость слогов, временем меряющуюся, как все-

конечно несвойственную славенскому языку, а ввел бы тоническое складов количество, какое ныне у нас в стихах, то б способнее наши стихотворцы, духовные и мирские, взялись за сей способ сложения, как совершенно легкий и нам природный, а к тому ж плавный, приятный и сладкий, хотя и без отроческих оных игрушек, то есть рифм. Удостоверит о сем пример гексаметров и героэлегиачеckих.

ГЕКСАМЕТРЫ

О! коль любо, когда заря здесь, в ризе багряной,
Множество птичек в лесок собирает, а те, оправляя
Перышка все свои разноцветные, дню поздравляют;
Весь и толиким шумит согласием воздух исполнен.

ГЕРОЭЛЕГИАЧЕСКИЕ

Ах! от раны престал он смертных чувствовать скуки,
Чувствуя, что ему в лике бессмертных сидеть.

Сравнивая сии гексаметры и пентаметры, хотя по греческому и латинскому составу стихов, но основанные на тоническом количестве, с предыдущими Смотритсковыми, составленными тем же способом, только ж по долготе и краткости слогов, меряющихся сверьх просодии временем еще, всяк, ударяющий по силам стихи, чувствует, что мои последние глаже, нежели Смотритсковы первые. *Са́рма́тскі́, новора́стны́я́, му́сы́, тща́щу́ся́, Па́рна́с, Хри́сте, бла́го́во́ли́в, ду́хо́м, свя́ты́м, пе́ті́, у́чи́, ро́ссі́йский, чи́сты́мі́, ме́ры́, сла́ве́нскі́, прося́т, сла́дча́йшій́* — все сии, двойные, тройные и четверные, разнородные долготы на одном речении весьма дики нашему взору и слуху, а природе славенского языка отнюдь не свойственны.

В прошедшем непосредственно веке, в средних его летах, когда Петр Могила, митрополит киевский, завел так называемую Академию в Киеве, а способ учений и весь порядок взял с образца польских училищ, то и стихотворение польское, с языком, пришло в ту Могилеанскую киевскую академию. Профессоры употребили способ стихосложения польского и на славено-российском языке. Способ сей сложения стихов есть следующий:

Все стихи, как большие, так и малые, не имеют никаких в себе стоп; следовательно, не падают по опреде-

ленным расстояниям ни от ударения к ударению, ни впреки, да токмо имеют определенное число слогов и на конце двух стихов двусложную рифму, для того что польский язык всегда имеет ударение в своих словах на предпоследнем слоге, и потому невозможно ему употребить ни односложныя, разве всегда односложными речениями на диво, ни трисложныя рифмы. Самый больший стих имеет в себе 13 слогов и делится на два полстишия, так что в первом счисляет 7 слогов, а во втором 6. По сем следующий стих состоит из 11 слогов и делится также на два полстишия, в первом полагая 5 складов, а во втором 6 же, как и в самом большом стихе. Прочие стихи в 9, в 7, в 5 и в 3 склада не разделяются на полстишия, но токмо двусложною оною украшаются рифмою. Во всех стихах позволено переносить недоконченный разум в первом стихе в начало последующего стиха, а не до конца его или до конца первого полстишия. Строф, кроме сафической, никаких в нем нет, нет также или, по крайней мере, не видывано от первых времен на нашем языке смешенной рифмы; всюду тогда в стихах употребляема была непрерывная. Сей точно есть исправный состав среднего российского стихотворения, вычищенный уже во всем и утвержденный, а восприятый к нам с образца польских стихов.

Как скоро завелось сие там стихотворение, преподалось в училищах и показалось обществу примерами церковными и гражданскими, так тотчас употребили оное и мирские стихотворцы: все светские их песни сей имеют способ в стихах. Итак, видно уже, что народный способ стихосложения есть точный список с духовного. Да и сама поэзия, в первоначалиях своих, была токмо отменный способ у духовных мужей к прославлению божества; а употреблена уже весьма после на мирские играния и песни, для возбуждения страстей, как то сие превосходным красноречием описывается у Ролленя, в самом начале XII тома древней его Истории.

Не знаю причины, чего ради у нас в Великой России не видно сея польския исправности в самых первых рифмических стихах. Стихи, положенные в заглавии Московской Библии, печатанной с помянутой Острожской и вышедшей в 1663 годе, как в полстишиях имеют иное число слогов, нежели какое было уже тогда в

Киеве по польскому составу, так и рифму употребляют то двусложную, то трисложную и то односложную безразборно.

Сие впрочем достоверно, что с времен Симеона Полоцкого, иеромонаха жившего в Москве, польского состава стихи начали быть в составлении постоянны, и одноличны на нашем языке; а вероятно, что он был и первый самый стихотворец у нас в Великой России на славенском языке: не видно в московских книгах польским исправным образом рифмических стихов, бывших прежде Полоцкого, выключая некоторые в народе старинные присловия, в коих так называемая фигура гомеотелёвтон играет. Но настало время: завелся и у нас сей состав стихов, и завелся при Симеоне точно Полоцком; а училищем потом московским в Заиконоспасском монастыре, называемым также, по богословскому факултету, академиею, и всеконечно уже оный утвердился.

Предложу я теперь сочинения, сколько их знаю, составленные сими стихами как у нас, так в Малой России и в Белой Руси. Я не коснусь ни к кратким надписям в духовных книгах, ни к светским песням: книги целые, стихами составленные, объявлять имею; однако, и такие небольшие сочинения, кои того достойны по моему мнению.

Первая книга есть Псалтирь, составленная от Полоцкого сими стихами и напечатанная в Москве 1680 года. В ней сие удивительно, что и святцы, или месяцеслов церковный, состоящий в именах только святых, почитаемых в церкви на каждый день, сочинен также есть стихами. Вторая: «Верт, или Вертоград многоцветный», его ж Полоцкого; превеликая рукописная книга, хранящаяся в императорской академической библиотеке: написана она 1678 года. Сия книга писана толь чистым и преизрядным письмом, что уже ныне таких рук у наших писцов не видно; упоминает о сей книге сам Полоцкий в предисловии на Псалтирь. Третия: «Перло многоценное», Кириилла Транквиллиона. Книга сия отчасти составлена стихами, а отчасти состоит в прозе; издана в Могилеве, 1699 года. Четвертая: «Алфавит, собранный от Святых Писаний и с латинского языка стихами переведенный», от Иоанна Максимóвича, архиепископа черниговского; в Чернигове, 1705 года.

Пятая: «Осмь Блаженств Евангельских», его ж; а напечатана в Чернигове 1706 года. Шестая: «Богородице Дево», его ж Максимовичева. Печатана в Чернигове 1707 года. Все сии книги изданы частию от белорусцев, а частию от малороссийцев.

Следуют теперь великороссийские стихотворцы. Монах некто, прозванием Медведев, ученик Симеона Полоцкого, много, как говорят, писал стихами; но печатных я не видал нигде. Один токмо огромный эпитафий Симеону Полоцкому, погребенному в Заиконоспасском монастыре в нижней церкви, им сочиненный, вырезан на большом стоячем или, помнится, на двух стоячих камнях. Его ж рукописный «Плач и утешение о преставлении государя царя и великого князя Феодора Алексиевича».

Карион Истомин, монах, быв справщиком на Печатном московском дворе, издал «Букварь в лицах» и описал вещи, в нем изображенные, нравоучительными стихами; напечатан в Москве, 1692 года.

Феодор Поликарпов, муж искуснейший в греческом, славенском и латинском языках, прежде справщик, а потом директор на Печатном московском дворе, многие написал стихи, из которых все, по частям, в разных книгах напечатаны, а именно: в учебной «Азбуке», в «Новом завете», в некоторых других церковного круга книгах, в триязычном «Букваре», печатанном в Москве 1701 года, в триязычном его «Лексиконе», 1704 года в Москве ж.

Леонтий Магницкий, муж сведущий славенский язык, сущий христианин, добросовестный человек, и в нем же льсти не было: первый российский и арифметик и геометр, первый и издатель и учитель в России арифметике и геометрии. Сей, в «Арифметике» своей в десть, напечатанной в Москве 1703 года, издал «Стихи на крест и герб государев».

Иоанн Илинский, праводушный, честный и добронравный муж, да и друг другам нелицемерный, искусный довольно в латинском языке, несколько в молдавском, а совершенно в славенском, бывый переводчиком при императорской Академии наук. Сей немало писал, в разных материях, стихов; но печатных только одно осьмистишие, при «Симфонии его на священное Четверо-

евангелие и деяния святых апостол», напечатанной в Москве 1733 года.

Князь Антиох Димитриевич Кантемир, знаменитый по роду своему и толь славный по наукам, ученик в российском стихотворстве, но ученик прославляющий именем и удобопонятностию учителя своего, помянутого Илинского. Стихотворных его сочинений много; а лучшими почитаются сатиры, сочиненные по подражанию французским Боаловым и авторовыми собственными примечаниями изъясненные, из которых первая сочинена в Москве 1729 года; да и поныне еще все они письменные только обносятся.

Петр Буслаев, острый и словесный человек. Сей, по совершении богословского своего курса, был сперва диаконом в московском Успенском соборе; а по смерти своей жены оставил сей чин и жил до смерти простолюдином. Сочинил он поэму на смерть самыя добродетельныя, боголюбивыя, страннолюбивыя и благоразумныя в жизни жены вдовствовавшия баронши Марии Иаковлевны Строгановой; а напечатана та его поэма в Санктпетербурге при императорской Академии наук 1734 года.

Не упоминаю о разных стихотворных пиесах, разными авторами сочиненных и в разные времена печатанных, и также непечатных, как то о кантах торжественных, театральных представлениях, стихах похвальных, эпиграммах, песнях, песенках. Не упоминаю и о моих двух драмах (да позволится сказать о себе не тщеславно) «Язоне» и «Тите Веспасианове сыне», сочиненных мною еще в студенстве моем и прежде отбытия в чужие краи представленных в Заиконоспасском монастыре, но в путешествиях моих пропадших безвозвратно; а которые пиесы я делал в Гаге, в Париже и в Гамбурге, также и здесь в Санктпетербурге по возвращении моем, сим польским составом стихосложения, из тех самую большую часть переделал уже новым стихосложением, о коем ниже будет, и по возможности исправленные положил во второй томик «Сочинений и переводов», прочие многие оставил, для негодности их, так, как они были.

Довольно, мню, и стольких, когда хороших, стихотворцев наших по сему среднему, или польскому, со-

ставу стихов из белорусцев, малороссийцев и великороссиан. Но можно праведно и без пристрастного предвозлюбления сказать, что великороссиане в сем составе стихов превосходят (и по составлению, и по исправности грамматического сочинения, и по чистоте речей, и по избранию слов, и по их приличию, и наконец, по са́мому пиитическому духу) всех других упомянутых мною. Представлю я в образчик стихи Феодора Поликарпова из триязычного его «Лексикона», Иоанна Илинского, из «Симфонии» его, и Петра Буслаева из его «Поэмы», чтоб всяк сам читатель мог видеть их способность.

ИЗ «ЛЕКСИКОНА»

Зрите вы семо, иже порицати
Любите чужих труды, и вещати:
Могли бы и мы тожде сотворити,
И лучшу сея книгу сочинити.
Аще мощно вам, почто не твористе?
Не бых труд подъял, аще б в деле бысте.
Но всяк своих дел в корысть бе строитель:
Что знал, то йздал; а сих не любитель.
Лучше ли ве́си? где худо, приправи:
Аще же ни сих, ум твой в сих направи.

ИЗ «СИМФОНИИ»

Нужда есть священное писание знати:
Яко вечного то нам живота есть мати.
Но внутренних наших чувств не́мощь есть толика,
Яко, вчера и прежде, прочтохом елика,
Днесь мало помним или вконец забываем;
Хотяще же обрести, где что, не знаем.
Едина Симфониа в сем нам пособляет:
По главам бо и стихам всяку речь являет.

Сочинил Илинский, по совершении «Симфонии», и на Мома двустишие, коего не рассудил за благо в ней напечатать, но токмо в рукописной своей черной оное оставил, отдав ее в дар, еще в жизни своей, некоторому из своих приятелей.

Оно есть следующее:

Ликуем, Моме, оба! Се книга кончася:
Мне убо покой, труд же тебе даровася.

В рукописной оной его чтется и латинское двустишие, сочиненное им к себе самому, которое я, для знающих в латинских стихах силу, здесь же полагаю; а перевод ему собственно мой даю: ибо авторовою рукою написано там оно без перевода.

Nae, nisi conficeres librum, Symphonia dictum,
Auctoris nomen non habiturus eras.

То есть:

Истинно! когда б се́я
Не сложил ты книги в свете,
Автором здесь, без нея,
Не́льзя б звать тебя в привете.

ИЗ ПОЭМЫ БУСЛАЕВЫ

Тогда показался красн, человеков паче,
Властительно блистая, как бог, не иначе:
В свет, очам ненасытный, оболчен был кра́сно.
Сладко было нань зрети! и в радость ужасно!
Тело всё его в крови, как от мук недавно,
Пробиты руки, ноги и бок зрим был явно;
Однако ж славы сие всё не отымало,
Но любовь божественну к смертным в нем казало:
Очи являли милость, лице же все радость,
Весь он был желание, весь приятна сладость.
Округ его стояли небесные силы,
Светлы лица имуще, илектровы ж крилы:
От славы неприступны себе закрывали,
«К Марии Христос приде» дивно воспевали.
Потом явилась скоро прекрасна девица;
Всклицнули силы: «Пришла небесна царица».
Оболченна вся в солнце, луна под ногами,
На главе корона царская с звездами;
Мужей, жен и дев много входило по чину.
Страшно нам грешным было рассуждать причину.
Все блещут в славе, чести и красе небесной.
Ум душевный то видел: слеп был зрак телесной.
Пламенновидны силы крест Христов казали,
Тернов венец и у́жа, чем Христа вязали,
Трость, копие и гвозди, страстей инструменты,
От чего трепетали света элементы.

В таком случае, что выше сего выговорить возможно? Но что и сладостнее и вымышленнее? Если б в сих

стихах падение было стоп, возвышающихся и понижающихся по определенным расстояниям, то что сих Буслаевых стихов могло б быть и глаже и плавнее? Подлинно, когда б достойнопочитаемый автор, писавший недавно в некоторой книжке о нашем стихотворении, а носился праведный или неправедный слух, что то господин аббат Гваско, мог видеть сие все, что я теперь не по слуху и чужому сказанию пишу о нашем стихосложении, но по достоверному и истинному знанию, то б без сомнения он, для своей чести, многое отменил в оной своей книжке и выдал бы второе издание исправнее и праведнее.

Приступая к описанию нового нашего стихосложения, ныне от всех стихотворцев у нас восприятого и многими достохвальными и достопамятными сочинениями введенного и подтвержденного, принужден объявить с некоторым поистине устыдением и внутренним отвращением, хотя и сущую правду, что я в нем самое первое и главнейшее участие имею. Да отпустит мне, покорно прошу каждого правосердного читателя, сие необиновенное объявление: не делается оно по самолюбному тщеславию, ни в предосуждение другим, изрядную свою долю после к тому приложившим, но по соединению изобретения с изобретшим сперва, для того что не можно упомянуть об одном, не упомянув о другом, и толь наипаче, что я так точно поступал и в описаниях древнего и среднего нашего стихосложения, как то всяк читатель мог видеть.

Но впрочем, кто как ни изволит о сем рассуждать, я токмо доношу самую истину, что по возвращении моем в отечество 1730 года, в сентябре месяце, начал я себя производить, по молодости и по французскому духу, в обществе некоторыми стишками, сочиненными по составу среднего оного стихосложения. Читаемы они были от некоторых не без довольных мне похвал, без сомнения не по правде, но с некоторым родом збойства и насмеяния приносимых. И как хвалы меня, буйно выспрь стремившегося в живом сложении, льстили, то, дабы получить их еще более, поревался я с бо́льшим напряжением к получению успеха в стихах. Но, по сочинении чего-нибудь, на какую пиесу ни посмотрю, вижу, что она не состоит стихами, выключая рифму, но точно стран-

ными некакими прозаическими строчками. Напоследок, выразумел сему быть от того, что в них не было никакого, по равным расстояниям измеренного, слогов количества. Смотритского количество, выше мною объявленное, ведомо мне было; но чувствовал я и то совершенно, что оно нам всеконечно не сродно.

Что больше? Тотчас напал я на возвышение и понижение голоса в складах просодиею, то есть на тоническое слогов количество. Потом непосредственно и на стопы: ибо кто нападет на первое, тот не может тогда ж не напасть на другое. Если голосу на складах повышаться несколько по определенным расстояниям, то есть или от ударения к неударению, или впреки падать, то не можно при одинаких слогах порознь остаться в мере и не взяться за стопы, двусложные ль они, или трисложные. В сих по двух неударениях бывает возвышение; а в тех по одном. Итак, взялся я всех прежде за стопу хорея, в коем одно сперва ударение, а потом краткий слог.

К хорею меня привело свойство нашего языка, для того что периоды наши чаще и мернее окончаваются хореем; да и рифма наша, как в среднем составе стихов, так и называемая ныне женскою, есть точный же хорей; сверьх того, был у меня тогда в руках некоторый печатный пример иллирических народов, составленный хореическими тетраметрами. Пользуются и ныне еще целою жизнию, кои видели у меня, прежде моего пожара, сию далматскую книжку: содержала она притчу евангельскую о блудном сыне. Итак, троякий сей повод привел меня к тому, что я с начала самого, а именно в 1735 годе, предпочел стопу хорея всем прочим. Многие были на меня нападения за сие: все я их терпеливно выдерживал и, выдерживая, сколько ни доказывал правду, что ни хорей не нежен, ни иамб не благороден по себе, но что та и другая стопа и благородна и нежна по словам, однако мало смотрели на мои доказательства: пребывали поныне в своем мнении, кому в том была нужда. Напоследок, кажется, что сами противившиеся познали в сем правость, для того что ныне, хореем составивши благородную материю, а иамбом нежную, напечатанием восхотели они объявить, мнится, свету мою истину, а свое напрасное прежде сопротивле-

ко на меня нападеній было, длятого только, что я въ нашi стiхi однi было хореi ввелъ. Подлiнно въ семъ моя есть ошiпка; i я въ ней прiзнался прямо въ россiйскомъ моемъ Парнассѣ, да i поправiлся: iбо въ немъ яжъ самъ доказалъ, что сушчественное разлiчiе у стiха съ прозою стóпы, [чемъ Макентiнова сiстема до подошвы раззорена] которыхъ не однi хореi, но могутъ у насъ быть iамбы, дактiлi, i анапесты господственно, а по вольностi, спондей, состояшчiй изъ двухъ односложныхъ словъ, вмѣсто хорея i iамба; пiррiхiй, вмѣсто обѣiхъ же оныхъ стопъ; трiбрахiй, вмѣсто дактiля i анапеста, хотя сей трiбрахiй i по вольностi превесьма рѣтко долженствуетъ быть употребляемъ. Чтожъ до сочетанiя стiховъ касается, о которомъ я какъ

Текстъ:

Страхъ излiшнiй сей, прошу, извiнiть довольно:
Въ буйный штурмъ тонувшiй тiхiхъ ужъ боiтся водъ.
Рыба, кою уды лесть уязвiтъ, i больно,
Мнiтъ прi всякомъ кормѣ тотже быть обмана родъ.
Часто вдаль бѣжiтъ овца волкомъ пса мечтая,
I лiшаясь спроста пóмошчi его тогда.
Ранамъ какъ страшна рука всякая чужая:
Бѣдность такъ страдавшiмъ i пустая тѣнь бѣда.

Овiд. кн. II. отъ Понта. елег. 7.

Печатать,
б. Трезiаминiй

25 Iюля 1748

ние. Толь есть верно, что истина коль ни часто, и вмале не всегда, опровергаема и уничтожаема, иногда слабо защищаема, однако ж никогда не торжествующа бывает!

Но к предлежащему. Хотя главнейшее основание новых моих стихов и нашлось вдруг самое твердое, или лучше жизнь их и душа единственно, однако вся моя система не получила себе сперва от меня желаемого мне самому совершенства. Не дивно: таков есть разум человеческий; по степеням он на верьх всходит. Весьма уже после привел я мою систему в надлежащую исправность и полноту: напечатана она недавно в первом томике книжек, названных «Сочинениями и переводами». Теперь ей краткое самое описание следует.

Всеобщий и повсюдный грунт системы сей стихов есть тоническое количество:[1] почитается ею тот слог *долгим* в речении, который ударяется силою; а те все в нем *короткими,* сколько б их ни было, на коих нет *просодии.* Притом, нет никакого разделения странного литерам, кроме обыкновенного, на *гласные, двугласные* и *согласные.*

Односложные речения, кои с природы все долгие, для того что нет речения, кое можно б было выговорить, не ударив его где-нибудь у нас однажды, полагаются в нем, по вольности, *общими*, то есть и долгими и короткими, как того нужда требует: без вольности сея претрудно, или и невозможно, стих сочинить.

Из двусложных стоп приняты в ней господствующими стопами *хорей* и *иамб;* за обе сии кладется, по вольности, стопа *пиррихий* всюду, кроме токмо что в иамбическом стихе не может она быть *пресечением;* а из трисложных *дактиль* и *анапест.*

Роды стихов ее суть: гексаметры, пентаметры, тетраметры, триметры и диметры. Как хореический гексаметр и пентаметр, так и иамбический на два *полстишия* разделяются.

В гексаметре хореическом первое полстишие имеет три стопы с половиною (половина сей стопы, кончащей

---

[1] Количество сие есть собственно так называемое в просодии: ибо от пункта понижения к пункту возвышения есть расстояние; а сие величина; и потому истинное количество.

речение, делает пресечение долгое, для того что во втором его полстишии рифмическая последняя половина стопы есть краткая), буде он есть женский стих по *рифме,* о коей после; а пентаметр две стопы с половиною, если он такой же; но ежели гексаметр и пентаметр [1] есть мужеский по рифме ж, то первый и второй имеет в первом полстишии по три стопы ровно (конец третией стопы, окончавающей речение, делает сечение краткое, для того что рифма во втором полстишии есть односложная долгая).

В гексаметре иамбическом, мужеском и женском, первое полстишие всегда и непременно имеет три стопы ровно, так что третия стопа всегда долженствует быть иамб (конец сего иамба и речения составляет пресечение; а что всегда сему пресечению должно быть долгому, то иамбический гексаметр, состоящий из двух триметров мужеских, требует сего природно: ибо полная мера в сем роде стихов есть мужеский стих); а в пентаметре иамбическом, мужеском же и женском, первое полстишие имеет две стопы [2] ровно, так чтоб вторая была всеконечно ж иамб для пресечения.

В гексаметре хореическом женском второе полстишие имеет три стопы ровно, из которых третия целая стопа есть рифма; а в мужеском три стопы с половиною, коя половина и есть рифма; но в пентаметре хореическом женском имеет оно три ж стопы ровно, а в мужеском две стопы с половиною.

Как в гексаметре иамбическом женском, так и в пентаметре второе полстишие имеет три стопы [3] с половиною, а из конца третиея стопы и сея половины составляет хореическую женскую рифму; и как в гексаметре ж иамбическом мужеском, так и в пентаметре второе полстишие имеет три стопы ровно, так что конец третиея стопы есть иамбическая односложная рифма.

---

[1] Пентаметру хореическому можно быть и без деления на полстишия, но катахрестически.

[2] Можно быть или трем стопам ровно, как в гексаметре.

[3] Должно уже полагать в пентаметре иамбическом во втором полстишии две стопы для мужескаго стиха, а для женского две стопы с половиною, ежели в первом полстишии положится по три стопы. Впрочем, есть и иамбическим пентаметрам пример без полстиший; но своевольно.

Гексаметр дактилический сочиняет сия система точно латинским образом, полагая токмо вместо спондеев хореи, а вместо хореев иногда, по вольности, пиррихии. Сие ж самое должно разуметь и о подражателе дактилохореическом, анапестоиамбическом гексаметре, мною вновь вымышленном, и о героэлегиаческих обоих равным образом.

В сих греческих и римских стихах гексаметров, одних собою состоящих, не соглашает рифмами: обидна б была сия шумиха древнему благородному сих народов драгоценному безрифмическому золоту в окончаниях стихов; а героэлегиаческие вольно, по сей системе, соглашать смешенною рифмою, для того что не без подлинного услаждения слуху происходит от сочетания двусложного и односложного, и полагать их, по изволению, без рифм подобясь древним.

Тетраметры, триметры и диметры сочиняет система двусложными токмо стопами, не употребляя в них пресечения и не разделяя их на два полстишия.

Переносу быть из стиха в начало другого стиха, когда стихи с рифмами, накрепко запрещает; однако переносит разум из первого в другой стих, в гексаметрах и пентаметрах, до пресечения и посему свободнее уже до самого конца.

Рифму употребляет двусложную, называя ее женскою, и односложную, именуя мужескою.

Полагает рифму иногда *непрерывную,* то есть или по двух женских две мужеских, или по двух мужеских две женских; а сие называет *сочетанием.* Такое непрерывное сочетание особливо бывает в гексаметрах и пентаметрах; редко в *строфах,* тетраметрами по большей части, а не часто триметрами состоящих: ибо в строфах употребляется рифма *смешенная*, то есть чрез стих, чрез два и чрез три подобно кончающаяся.

Система сия ввела строфы четырестишные, и от них числом идет до десятистишных включительно. Строфы, имеющие четку стихов, называются *правильными,* а нечетку — *неправильными; равными* — из равных стихов состоящие, *неравными* — из неравных стихов по числу стоп.

Всем сим узаконениям причины, также и некоторые наблюдения, необходимые при составе стиха, да видит

читатель, ежели ему угодно, в самом «Способе к сложению стихов» по сей системе, положенном в первом томике «Сочинений и переводов».

Для лучшей ясности предлагаю здесь краткие примеры всех гексаметров только и пентаметров, также и героэлегиических: по сим и все прочие составлять способно есть каждому охотнику.

ГЕКСАМЕТР ХОРЕИЧЕСКИЙ

Есть всеведый, всеблагий, // есть бог всемогущий,
Без начала, без конца, // есть везде присущий;
Есть бог, о! Евсевий: // всяка проявляет тварь,
Что он есть создатель, // и верьховный миру царь.

ГЕКСАМЕТР ИАМБИЧЕСКИЙ

Кто велий толь иный, // коль велий есть наш бог!
О! боже, чудеса // творишь един в предлог;
Нет слова, нет речей // в язы́ке земнородных,
Ни мыслей нет у нас // пристойно благородных,
К понятию всему // пречудных дел твоих,
Дабы изобразить // довольно силу их.

ГЕКСАМЕТР ДАКТИЛОХОРЕИЧЕСКИЙ

О! беззаконных сердцà, // раздражаете кои-делами
Долго небесную власть, // божества терпеливого бойтесь,
Также и грозно постичь // готовых в пре / множестве[1] / казней.

ГЕКСАМЕТР АНАПЕСТОИАМБИЧЕСКИЙ

Но знай, не обманешь творца, // и тебя страх бурь не очистит;
Заглуши́т молитву волна, // презельным шумом яряся,
И мстящий ветр разнесет, // как пыль по странам возметая:
Благочестивый глас мольбы // один небеса / проница[2] / ет.

ПЕНТАМЕТР ХОРЕИЧЕСКИЙ

Всюду вой! страна // близ лежаща, дальна,
Всякая рыдает // в горести слезя!
Но Россия коль // по Петре печальна,
Описать толь живо // никому нельзя.

---

[1] В пятом месте всегда есть дактиль; но буде стих объявляет какую великость, то в пятом месте можно быть хорею или, вместо его, пиррихию.

[2] В шестом месте всегда анапест; но в важность стиха быть может иамб, а отнюдь ни хорей, ни пиррихий.

ПЕНТАМЕТР ИАМБИЧЕСКИЙ

О! боже, твой // предел да сотворит,
Да о Петре // России всей в отраду,
Светило дня // впредь равного не зрит,
Из всех градо́в, // везде Петрову граду.

ГЕРОЭЛЕГИАЧЕСКИЙ ДАКТИЛОХОРЕИЧЕСКИЙ

Гроб, посетитель, зришь, // и лютых раскаяний виды!
Дважды мрет, кто себе // смерть по достоинству мнит.
Ты ж однак удержи // в уме заклинаний обиды;
Также и речь, душам // коя спокойство чинит.

ГЕРОЭЛЕГИАЧЕСКИЙ АНАПЕСТОИАМБИЧЕСКИЙ

Беззаконники! прочь от сего // удаляйтесь храма священна,
У коих сердца // преисполненны сквернейших зол;
Или утробу грызет // чью зависть всегда омраченна,
Ненасытно ль кто // разграбляет бессильнейших дол.

О составе наших строф да зрится в способе моем сей системы, в коих впрочем нет ничего чрезвычайного, кроме числа стихов, смешания рифм в сочетании и трех одинаких рифм же, когда строфа состоит из не́чета стихов. Сие только здесь напоминается, что в хореических, имеющих больше четырех и пяти стихов, можно быть преизрядно рифме трисложной дактилической, названной обоюдною, наблюдая притом правила сочетания; чего однако в иамбических строфах позволить не возможно, для того что всегда в стихе целая стопа пиррихическая, по числу стоп, будет лишняя. Должно упомянуть притом, что стихи в сей системе (хотя и соглашаются друг с другом рифмами) все о себе, каждый есть стихом, для стоп во всяком. Что ж до греческой строфы сафической и латинской горацианской, то им сообщаю здесь примеры, ибо они особливы в своем составе, описанном в моем «Способе».

САФИЧЕСКАЯ

Совесть кто в себе // непорочну весть,
Нравов / чисто[1] / та // завсегда в ком есть:
Не бо[2] / ится тот // охужден пропа́сти:
Бодр и в напасти.

---

[1] Пиррихий вместо хорея, по вольности.
[2] То ж.

ГОРАЦИАНСКАЯ

Кедры не всегда // вихрем ломаются;
Ли́ста не в весь год // рощи лишаются:
И ве́дро после туч бывает,
В весну и дерево / процве[1] / тает.

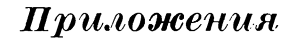
Ясно, что в двух последних стихах горацианския строфы нет пресечения.

Се уже описано новое стихосложение, начавшееся с 1735 года, а утвердившееся и к совершенству между тем приведшееся многих наших стихотворцев сочинениями эпистоларными, одическими, трагическими, апологетическими, эпиграмматическими и другими поэзии родами; хотя прежде нынешнего времени и было во многих, не знаю почему, предпочтение иамбическому роду стиха пред хореическим, однако и то единственно и всеконечно на основании тонического ж моего количества, а ныне и хореический уже род, как свойственнейший нам, восприемлется нашими стихотворцами, и тем бывший наш спор разрешается, по-видимому, в мою пользу. Праведно доношу, что сверьх естественныя и всеудобныя простоты, сверьх повсюдныя и неизменныя одноличности и потребности, а везде равныя действительности количества сего, в стихах всякого рода, наконец, сверьх гладкого падения его и приятного приражения к слуху, следующий еще от него преполезный и самый важный плод происходит, именно ж, есть оно надежным руководством к познанию ударяемых слогов просодиею в речениях наших: ибо мы на сие самое нужное дело не имеем известных правил поныне, но токмо с употребления тому научаемся. Могло б оно быть и достоверным к такому знанию способом, если б в стихах, на нем основанных, не позволен был пиррихий вместо хорея и иамба; но пиррихия иногда самая необходимость требует: едва б без того можно было и один стих составить, для премногих в нашем языке многосложных речений. Напоследок, сличающему сию новую систему с самым древним нашим стихотворением, ясно всякому есть, что сия во всем подобна оному первобытному нашему, кроме рифмы. Следовательно, сия система справедливее называться долженствует *возобновленною,* а не *новою.*

[1] Пиррихий вместо хорея, по вольности.

Что ж до новейшия системы нашему стихосложению, явившейся у нас 1744 года, а составленныя некоторым ученым человеком, то хотя автор благопохвальным мудрствованием своим показал ученому российскому свету великую остроту вымысла, однако, если кто выкинет из его системы все ненужные обходы, крюки и кривизны, тогда всяк выдет по ней прямо токмо к среднему нашему стихосложению, то есть к прозаическим строчкам. О твердости ее оснований автор сам нам объявляет на конце 63 параграфа, говоря: «Буде кто спросит у меня всему тому причину (причины), я иную (иные) показать не могу, разве что ухо мое (слух мой) мне те осторожности советует». Видно и по немногому сему, что система сия сочинена конечно чужестранным человеком. Но что и по сей день ни един из наших стихотворцев не употребил ее в дело, то вероятно, что пребудет она у нас только для наполнения исторических росписей разным составам нашего стихосложения.

<1755>


Приложения

ОДА I

ТОРЖЕСТВЕННАЯ О СДАЧЕ ГОРОДА ГДАНСКА

Кое странное пианство
К пению мой глас бодрит!
Вы парнасское убранство,
Музы! ум не вас ли зрит?
Струны ваши сладкогласны,
Меру, лики слышу красны;
Пламень в мыслях восстает.
О! народы, все внемлите;
Бурны ветры! не шумите:
Анну стих мой воспоет.

В сло́гах толь высокопарных
Пиндар, Флакк по нем, от мглы
Вознеслись до светозарных
Звезд, как быстрые орлы.
Но когда б с самим сердечным
К Анне духом, сим и вечным,
Песнь сравнилась днесь моя, —
То б сам и Орфей Фракийский,
Амфион бы и Фивийский
Восхищен был от нея.

Се бряцаю в лиру сладку
Велелепно торжество,
К вящему врагов упадку
Величая ликовство.

О! коль доблественна сила
Нашу радость украсила:
Силе равного борца,
Светлой радости нет меры,
Превосшедшей все примеры,
Усладившей в нас сердца.

Сам Нептун что ль строил стены?
Сии при́ море стоят?
Нет ли Тройским к ним примены,
Что пустить внутрь не хотят
Росско воинство обильно
И тому противясь сильно?
Вислою там все рекой
Не Скамандру ль называют?
Не за Иду ль принимают
Столнценберг, кой есть горой?

То не матерь басней Троя;
Не один тут Ахиллес:
Каждый рядовой из строя
Мужеством есть Геркулес.
Что ж за власть перуны мещет?
Не Минерва ль шлемом блещет?
Явно, что от горних лиц;
Со всего богиня вида;
Без щита страшна эгида:
Анна, верьх императриц.

То и Росский полк, на мало
Гданск, град вражий, окружил;
Марсом кажда звать пристало
В воех, как на брань спешил:
Всяк готов пролить кровь смело,
Иль венчать об Анне дело.
Счастьем Анны крепок всяк:
Анна им надежда тверда,
И что та к ним милосерда,
Каждый верен, не двояк.

Европейска и Азийска
Златовидный солнца луч!

О! монархиня Российска,
Сей блаженства есть твой ключ,
Что подда́нным толь любезна!
И владычеством полезна!
Имя чтит твое весь свет;
Славы не вместит вселенна,
Видя, коль ты проявленна
И доброт прекрасный цвет!

Что я зрю? не льстит ли око?
Отрок Ге́ркулу впреки
Стал, подъемля бровь высо́ко,
Из оград, из-за реки!
Гданск то с помыслом неумным,
Как питьем упившись шумным,
Се противится, и толь
Самодержице великой!
Бездн не видит в тьме толикой,
Всех и смертоносных доль.

Станислава принимает,
Ищет дважды кой венца,
В свой округ, и уповает
Быть в защите до конца
Чрез востекшего Нептуна;
Росского ж боясь перуна,
Дальный в помощь и народ
Емлет от брегов Секваны;
Сей на бедство в барабаны
Бьет у Векселминдских вод.

Горд огнем Гданск и железом,
И полками воев там,
Це́лит ма́хины разрезом
В россов на раскатах сам;
Что ж богат и всем припасом,
Станиславу кличет гласом;
Воинов своих блажит
Храбра сердца неимущих,
То едино стерегущих,
Жизнь спасти б, и всяк бежит.

Ах! Гданск, ах! Что ты дерзаешь?
В ум приди, с ним соберись:
В пагубу себя ввергаешь.
Что стал? медлишь! покорись.
Смелость от чего имеешь,
Что пред Анной не рабеешь?
Поддаются племена
Добровольно и без брани;
Чтоб не дать когда ей дани,
Хинска дважды чтит страна.

Анне не было подобной
В милосердии нигде;
Нет и к миру толь способной
С не хотящим быть в вражде:
Меч, оливою обвитый,
В бранех токмо есть сердитый.
Кинь, Гданск, помысл злобный, кинь:
Зришь, Алциды уж готовы;
Жителям беды суровы;
Слышишь Аннин гнев, не гинь.

Тысящами ты атлетов
Тесно всюду окружен;
Грозных молний от полетов
Весь ужасно сокрушен.
Устоять тебе не можно:
Гром готов уже не ложно;
Без защиты твой раскат;
Всяк дол бездну отверзает;
Всяк кров в воздух улетает;
Всех почти лишен оград.

Купно хоть державы б стали
За тебя, Гданск, от сердец,
Хоть стихии б защищали,
Многих стран бы от конец
Воины в тебе всем были
И свою б кровь щедро лили, —
Но ничто тебе от мук
Есть не сильно дать свободу,

И пресечь вконец безгоду,
И у Анны взять из рук.

Зрите вы, противны роды,
Храбрость российских воев днесь:
Не вредят им огнь и воды;
В каждом грудь открыта здесь.
Коль все дружно приступают!
Как свою жизнь забывают!
Не страшит из пушек гром!
Лезут, как плясать на браки!
И сквозь дымны видно мраки,
Что к твердыням зрят челом.

Все еще разятся страхом
Града бедного в стенах;
Падает, летит всё прахом, —
Осадитель на верьхах!
С башни магистрат последней,
Зря, что в силе несоседней,
В Станиславе вбегшем к ним,
Суетная всем надежда,
А без смысла, как невежда,
Пасть, кричит, нам роком сим.

Хочет быть, что я пророчил:
Начинает Гданск трястись;
Сдаться всяк, как биться прочил,
Мыслит купно и спастись
От оружий, бомб летящих,
И от всех зараз, град тлящих.
Всяк вопит: час начинать;
Всем несносно было бремя;
Ах! врата градские время
Войску Анны отверзать.

Сталось так. Знак виден к сдаче:
И повергся Гданск к ногам!
Воин рад наш об удаче;
Огнь погас; конец бедам.
То́тчас слава полетела,
Так трубою загремела:

«Анна благосчастна есть!
Анна есть непобедима!
Анна, всеми возносима,
Обща красота и честь».

Лира! песнь скончай и лики:
Анну венценосну петь
И добро́ты превелики
Невозможно мне как леть.
В сем хвала, в сем Анне многа,
Что любима есть от бога.
Сам всегда ее блюдет;
Им победы та имеет,
Кто противником быть смеет.
Анна мног век да живет!

<1752>

‹ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ В ДЕНЬ ЕЕ КОРОНОВАНИЯ›

Устрой, давно молчаща лира,
В сладчайший глас твоих звон струн;
Да будет слышимый от мира,
Взнеси до стран, где есть перун,
Твой возглас светлый и приятный,
И в звучном шуме грому внятный;
Сама в умильности в чертог
Несись к Елисавете красно,
Ту воспевая повсечасно
И повергаясь к ней до ног.

О! Матерь отчества российска,
О! Луч монархинь и красот,
О! Честь европска и азийска,
О! Плод Петров и верьх высот,
Воскликнуть может кто пристойно,
Чтоб было всё того достойно,
Кой зрится на главе твоей
Венец от каменя толь честна?

Моя песнь будет хоть не лестна,
Но сил к хвалению нет в ней.

Зефирный ветры дух да веют,
Да реки нéктаром текут,
Скоряе все плоды да спеют,
Цветы везде да прорастут,
Да льют стихии силу нову,
К безвредию вещей готову:
Российски ныне небеса
В Елисавете обновились,
Ее и земли пременились,
И зрятся всюду чудеса.

Без дива ль очи в нас едины
Возобновление то зрят?
Не имут ли сердца причины
К веселию, что толь горят?
Законну мы главу зрим ныне
Венцем блещащу в благостыне:
Мы все зрим, что Елисавет
Престол, власть, скипетр и державу
Наслéдила себе по праву
И век златый ко всем ведет.

Стремится тщетно мысль на горы,
Где сладкогласных муз престол;
Туда возводит дерзко взоры,
Оставить пореваясь дол:
Ни Аполлин есть сам исправен,
Ни нежный хор его весь равен
Елисавету восхвалить,
Императрицу увенчанну,
В знак милостей нам свыше данну;
Мне ль достолепно вострубить?

Елисавете подобало
На троне сем давно сидеть;
Давно в руках ей надлежало
Державу с скипетром иметь:
Сама главы ее корона,

Бедра ж искал меч оборона;
Давно быть и на раменах
Порфира златотканна тщилась,
Дабы сама вся украсилась
Толь от прекрасныя в женах.

Народ тогда колико бедный
Лил теплых к вышнему молитв,
Да взыдет та на трон наследный,
Хоть был ему страх от ловитв!
О! Вы толь храбрые солдаты,
Монархини сея коль краты
Сердец желали в глубине?
Вы, о! стена России тверда,
Уж видите что милосерда
Верьховнейшею в сей стране.

Все зрите, се Елисавета
Сияет коль своим венцем!
Се в багрянице, с слов завета
Пресветло блещет коль лицем!
Прекрасна, щедра, справедлива,
Во всех добротах особлива,
На троне важно коль сидит!
Величие в императрице
Всяк зря и красоту в девице,
Да ону достодолжно чтит.

Еще ль гласить по недостатку
Моих сил тако не боюсь?
Я ль воспою хвалу пресладку
И толь продерзостен явлюсь?
Почто я в мысли не имею,
Что с неискусства онемею?
Но всюду славят по всему
Елисавету несравненну:
Тем песнь мою неукрашенну
Скрасит усердие к тому.

О! Всех сердец толь чистый пламень,
Елисавет, Петрова дщерь!

Почто ж твое к нам было камень,
Надежды заключая дверь?
Почто не прежде воцарилась?
Ни прежде в сем венце явилась?
Тебе ль всех слезы повсегда
Не объявляли предовольно,
Тобою если б было вольно,
Была б в нас главною тогда?

Поставлены уж сети были;
Ям оказалась глубина;
Беды и скорби нас губили;
И ненависть воружена;
Блевала злость змииным ядом,
Со дна всем подымалась адом.
России горький токмо стон:
Все без защиты от навета!
Но ты, зря, о! Елисавета,
Как будто сих не зрила спон.

Особа ж ли твоя дражайша
Тогда пребыть могла без бед?
О! дщерь, отца дщерь не нижайша,
Толикий никому был вред:
Везде обида, всюду страхи;
Уже и самые все прахи
Любезну гнали небесам.
Хотя ж сие и досаждало,
Однак тебя не возбуждало
Идти, куда твой род вел сам.

Народ, все войско, благородство,
Синклит и весь духовный чин,
Науки, суд и мореходство,
Всяк вернейший российский сын;
Всё, в виде от Петра что новом,
Молило так молчащим словом:
«О! буди, время, наша мать;
Твои все и твоих неложно;
Потщись, а дело есть возможно,
Престань, всех радость, толь рыдать».

Сим дух, толь непоколебимый,
Хоть не терзаем быть не мог,
Но так был вид твой всеми зримый,
Что будто не крушил налог.
Великодушия пределы
Могли б все и тогда быть целы;
Бедам ли ты ждала конца?
У всех уже шли к смерти ноги,
Спастись не видели дороги,
Что быть коснела без венца.

Что ж то! в ревнительнейшем жаре
Поющий стих куда стремлю?
Безумно в дерзком зрюсь быть сваре,
Впреки терпению гремлю.
О! мати российских чад высока,
Не отврати во гневе ока:
Вся радость чистая моя
Хотя сие так произносит,
Но зрит, и верить просит,
Колика мудрость в сем твоя.

Судеб я бездну вышня бога
Чту токмо, ужасом разясь;
Испытовать ту дерзость многа
Бегу потопа, не стыдясь:
Премудрый ведал точно время,
В которое Петрово племя
Десницею благословить
Полезнее для нас всех было.
Но средство мир весь удивило,
Дал коим скипетр возвратить.

Уже зришь, коль народ подданный
Веселий выше здесь своих;
Ликует, что есть непопранный
От зверства гордого чужих.
Но радости сея причина,
Ты, о! монархиня, едина:
Восставил скипетр твой его;
Твоим есть утвержден престолом;

Нет места в нем фортуне с колом;
Венец твой щит нам от всего.

Тобою все мы благосчастны;
Всяк состояние блажит;
Всем ныне дни сияют красны;
Ничто уж больше не страшит.
Мир заключаешь ли с другами?
Несутся с неба дары сами,
Обилие, богатство вновь,
Вселяется внутрь дух спокойный,
Порядок зрится всюду стройный,
Усердность, искренность, любовь.

Враги ль тебя где нудят к брани?
Остряе российский то́тчас меч;
Несутся вскоре должны дани;
Ярится храбрость тех посечь.
Где воин и́дет, там успехи;
Моря и реки без помехи;
Поля и горы для побед;
Быстряе птицы слава мчится;
И токмо торжество краси́тся:
Противных погибает след.

В век долгий здравствуй, венценосна!
Красуйся в благодати сей!
К единым казнем лютым косна,
В щедроте процветай твоей!
Дарами свыше превосходна
И добродетелям всем сродна,
В блаженствах весело играй!
Вкушай намерений плод чистых
В Петре с Петровых ветвей истых.
Но в дар тебе? — сердца́ взимай.

Не презри моея глас музы,
Молчавшия премноги дни;
Расторгла немоты днесь узы,
Ее похвал не отжени:
Хотя и недостойна слуха,
Но чи́ста се́рдца песнь и духа:

На искренность ее воззри,
На верну должность и подданства;
Сим счастливу, и без убранства,
Тобою красну сотвори.

<1752>

ПРИМЕЧАНИЯ

Сочинения Тредиаковского не выходили полным собранием. При жизни поэта печатались отдельные издания, а также избранные «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» (тт. 1—2, СПб., 1752).

Избранными были и позднейшие издания: Смирдина (СПб., 1849, три тома в четырех книгах) и Перевлесского (М., 1849). Изданный С. А. Венгеровым сборник «Русская поэзия» (т. 1, СПб., 1897) включает только оригинальные стихотворения Тредиаковского (и то не все) и некоторые отрывки из переводной поэмы «Тилемахида»; это издание очень ценно подбором основных критических статей о Тредиаковском.

Наиболее разносторонне деятельность Тредиаковского как поэта и теоретика литературы представлена в первом издании Большой серии «Библиотеки поэта». Здесь том стихотворений Тредиаковского под редакцией акад. А. С. Орлова (Л., 1935) включает и оригинальные стихотворения, и отрывки из стихотворных переводов, и основные теоретические статьи Тредиаковского по литературе.

Настоящее, второе издание значительно расширено по объему и характеру публикуемых произведений. Впервые публикуется «Феоптия». Введены отрывки из трагедии «Деидамия» и комедии «Евнух», дающие представление о Тредиаковском как драматурге, добавлены отрывки из «Тилемахиды», из «Древней истории» Ролленя, парафразис псалма 143. Из книги «Езда в остров Любви» печатаются все оригинальные стихотворения, а также стихотворные отрывки перевода книги Тальмана, имеющие более или менее самостоятельное значение. Статьи о стихосложении, как и в издании 1935 г., выделены в особый раздел, но даны в несколько ином составе. Ввиду особого исторического значения «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» текст его воспроизводится полностью и в том виде, как он был напечатан в издании 1735 г. (теоретические рассуждения перемежаются здесь с поэтическими произведениями).

Стихотворения в сборнике расположены по книгам, изданным при жизни В. К. Тредиаковского (или подготовленным для издания отдельной книгой, как например «Феоптия», «Евнух»). Исклю-

чение составляют «Стихи на разные случаи», которые вынесены за пределы «Езды в остров Любви», так как они являются, по существу, отдельной книгой, которая только по случайным причинам (см. стр. 470) была помещена под одним переплетом с переводом романа Тальмана. Порядок следования книг — хронологический. Стихотворения, не входившие в книги, вынесены в специальный раздел. Внутри книг сохранена последовательность, определенная автором. Уточнено время написания ряда стихотворений. Даты в угловых скобках означают год, не позднее которого написано данное произведение.

Текст стихотворений воспроизводит, как правило, первые, а не последние прижизненные издания Тредиаковского. Исходя из нового понимания ритмики русского стиха и своей теории силлабо-тонического стихосложения, Тредиаковский после 1735 г. переделал некоторые прежние произведения, написанные силлабикой. В начале своей реформаторской деятельности он предпочтительно разрабатывал хореический стих, а не ямб (трехсложные размеры долго оставались лишь в теории). Позднее Тредиаковский переделал ряд опубликованных ранее хореических стихотворений, переведя их в ямбический ритм. Поэтому в целях восстановления точной исторической картины развития русского стиха необходимо печатать ранние произведения Тредиаковского в той стихотворной форме, в которой они первоначально появились. Две оды (на взятие города Гданьска и на коронование Елизаветы Петровны) воспроизводятся для сравнения в первоначальном и в переработанном виде.

Орфография и пунктуация текстов приближены к современным. Сохранены только те особенности написания, которые имеют произносительное значение. При прямой речи введены кавычки, знаки ударения сохранены (или поставлены вновь) в тех случаях, где произношение расходится с современными нормами. «Единитные палочки», введенные Тредиаковским и ныне имеющие только историческое значение, сохранены только в «Тилемахиде».

Ссылка в примечаниях только на первую публикацию произведения (или книги в целом) означает, что данное произведение (или все произведения, извлеченные из данной книги) печатается по первой публикации.

В примечаниях к одам, помещенным в приложении, поясняется только то, что не было пояснено ранее, в примечаниях к первой редакции од.

Объяснение отдельных устаревших и малоупотребительных слов и понятий вынесено в словарь. Пояснения даются применительно к контексту, в котором данные слова встречаются в сборнике.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

«Аргенида» — «Аргенида, повесть героическая, сочиненная Иоанном Барклаием, а с латинского на славено-российский переведенная и мифологическими изъяснениями умноженная от Василья Тредиаковского, профессора элоквенции и члена императорския Академии наук», тт. 1—2. СПб., 1751.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Деидамия» — «Деидамия, трагедия, покойным надворным советником и императорской Санктпетербургской Академии наук красноречия профессором Васильем Кирилловичем Тредиаковским сочиненная в 1750 году». М., 1775.

«Древняя история» — «Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках, сочиненная чрез г. Ролленя, бывшего ректора Парижского университета, профессора элоквенции и прочая. А с французского переведенная чрез Василья Тредиаковского, профессора и члена Санктпетербургския императорския Академии наук», тт. 1—10. СПб., 1749—1762.

«Езда» — «Езда в остров Любви. Переведена с французского на русский чрез студента Василья Тредиаковского и приписана его сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину». СПб., 1730.

Изд. 1935 г. — Тредиаковский. Стихотворения. Под редакцией акад. А. С. Орлова, при участии А. И. Малеина, П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского. Вступительная статья С. М. Бонди. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1935.

Изд. 1752 г. — «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василья Тредиаковского», тт. 1—2. СПб., 1752.

«Новый и краткий способ» — «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. Чрез Василья Тредиаковского С. Петербургския императорския Академии наук секретаря». СПб., 1735.

«Панегирик» — «Панегирик, или Слово похвальное всемилостивейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне чрез всеподданнейшего ее величества раба Василья Тредиаковского сочиненное и ее императорскому величеству в день тезоименитства ее поднесенное февраля в 3 день 732 года». СПб., 1732.

ПД — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).

Пекарский — П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, тт. 1—2. СПб., 1870—1873.

«Римская история» — «Римская история от создания Рима до битвы Актийския, то есть по окончание республики, сочиненная г. Ролленем, прежде бывшим ректором Парижского университета, профессором красноречия и членом королевския Академии надписей и словесных наук. А с французского переведенная тщанием и трудами Василья Тредиаковского, надворного советника, члена Санктпетербургския императорския Академии наук», тт. 1—16. СПб., 1761—1767.

«Тилемахида» — «Тилемахида, или Странствование Тилемаха сына Одиссеева, описанное в составе ироическия пиимы Василием Тредиаковским, надворным советником, членом Санктпетербургския императорския Академии наук с французския нестихословныя речи, сочиненныя Франциском де Салиньяком де ла Мотом Фенелоном, архиепископом-дюком Камбрейским, принцем Священныя империи», тт. 1—2. СПб., 1766.

«Три оды» — «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев, из которых каждый одну сочинил особливо». СПб., 1744.

«Феоптия» — «Феоптия, или Доказательство о богозрении по вещам созданного естества, составленное стихами в шести эпистолах к Евсевию от Василия Тредиаковского».

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХИ НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ

Впервые — «Езда», в качестве второй, самостоятельной и оригинальной части книги. В «Известии читателю», которым предварялась вторая часть книги, Тредиаковский оправдывал помещение своих собственных стихов при переводе романа П. Тальмана тем, что «ежели б оным здесь не быть, то бы им надлежало в вечном безызвестии пропасть...». «Стихи на разные случаи» включают кроме любовной лирики стихотворения политического, патриотического содержания, в которых поэт откликался на актуальные события современной ему общественной жизни. Именно эти стихотворения «на случай», как тогда их называли, Тредиаковский выдвигает на первый план. Видное место здесь занимают стихотворения, посвященные князю А. Б. Куракину, ему посвящена и вся книга. А. Б. Куракин (1697—1749), русский посол во Франции, один из образованнейших людей своего времени, сыграл значительную — пока еще мало исследованную — роль в биографии Тредиаковского. Он покровительствовал будущему поэту, приехавшему в Париж учиться. В посвящении Тредиаковский пишет, что больше, чем отцу, обязан своим воспитанием А. Б. Куракину, который несколько лет содержал его на свой счет. Тредиаковский был доверенным лицом посла в некоторых дипломатических делах (см. стр. 474). Несомненно, что эта связь впоследствии определяла ориентацию Тредиаковского на известные придворные круги. Тесный союз Куракина с Бироном и их ожесточенная борьба с Волынским объясняют многое в биографии Тредиаковского: Бирону была посвящена ода о взятии Гданьска, а с Волынским, который считал Тредиаковского клевретом Куракина и Бирона, связан один из самых драматических эпизодов в жизни Тредиаковского (см. стр. 527). Книга «Езда в остров Любви», подготовленная по совету Куракина, помогла Тредиаковскому сразу же по возвращении в Россию зарекомендовать себя опытным переводчиком и поэтом, европейски образованным человеком. Тредиаковский получил покровительство сестры императрицы Анны — герцогини Мекленбургской Екатерины Иоанновны (см. стр. 485), которая, как писал Тредиаковский Шумахеру 4 марта 1731 г., «выказывает мне много милостей, то хваля меня, то — мою книгу, то высказывая свое благоволение и вместе с тем обещая представить самой императрице» (Пекарский, т. 2, стр. 28). «Езда в остров Любви», как сообщает историограф Миллер, «была напечатана при Академии наук, думаю, на счет князя Куракина, которому переводчик посвятил свой труд» (Пекарский, т. 2, стр. 24).

Во всяком случае, несомненно активное участие Куракина в издании книги (см. там же, стр. 19 и 28).

Песнь. Сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации... императрицы Анны Иоанновны... Впервые — отдельное издание, СПб., 1730 (листок с нотами, выгравированными на меди, вышел в сентябре или октябре 1730 г.). Печ. по «Езде», стр. 151. Вошло в изд. 1752 г., где силлабический стих заменен ямбом и дано новое заглавие: «Песнь на коронование блаженныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийския, сочиненная в Гамбурге 1730 года». 10 августа (поскольку событие происходило в Западной Европе, Тредиаковский указывает дату по новому стилю, тогда еще не принятому в России) русский посланник в Гамбурге торжественно праздновал коронацию императрицы Анны Иоанновны (вступила на престол в январе 1730 г., короновалась в апреле). К этому празднованию и была сочинена Тредиаковским «Песнь». *Императрикс* — латинская форма слова «императрица». По поводу употребления этой формы Тредиаковскому пришлось в 1735 г. давать письменное объяснение начальнику Тайной канцелярии (Пекарский, т. 2, стр. 61—63). *Благодать.* Анна по-древнееврейски означает «благодать». *Венцем... вязется* — увенчивается короной. *Сатурновы веки* — по древнеримским преданиям, золотой век, когда народ жил в изобилии, счастье и мире. Сатурн — бог посева и жатвы, легендарный правитель Древнего Рима. К представлению о золотом веке Тредиаковский обращается также в стихе 32. *Краснейша Ауроры* — прекраснее утренней зари.

Элегия о смерти Петра Великого. Вошло в изд. 1752 г., где силлабический стих заменен шестистопным хореем и дано новое заглавие: «Плач о кончине блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора и самодержца всероссийского Петра Великого, отца отечества». В предисловии к изд. 1752 г. Тредиаковский писал: «Конец увенчан Плачем... сочиненным уже тому двадцать седмь лет, но исправленным и последним старанием вычищенным». Таким образом, элегия была написана в 1725 г., вскоре после смерти Петра, и ее, видимо, следует считать наиболее ранним из дошедших до нас произведений Тредиаковского (Тредиаковский сообщает о двух драмах, сочиненных в студенческие годы, но эти рукописи погибли за границей). Л. Майков связывает дату написания этого стихотворения с торжественной панихидой в Заиконоспасском монастыре, которая состоялась в начале февраля 1725 г., по получении вести о кончине Петра I, и приводит свидетельство современников: «Состроен был гроб и поставлен посреди церкви, и при собрании множественного народа от греко-латинских учителей и студентов о добродетелях его императорского величества, яко отцу отечества благоутробнейшему, прекрепкому в бранех победителю и оных училищ фундатору, благодарное изречение было» (Л. Майков. Молодость Тредиаковского. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, июль, стр. 13). И. З. Серман

в статье «Тредиаковский и просветительство» (сборник «XVIII век», вып. 5. М.—Л., 1962, стр. 208) отмечает композиционное и идейное сходство «Элегии» Тредиаковского с первой и особенно второй проповедью Феофана Прокоповича о смерти Петра (1 марта и 29 июня 1725 г.). Если это свидетельствует о влиянии Прокоповича, то следует предполагать более позднюю, чем у Л. Майкова, датировку «Элегии». Однако надо иметь в виду, что композиция проповедей, по признанию самого Феофана, идет от библейского образца — «Книги премудрости Иисуса сына Сирахова» (хвала царю Давиду), откуда могла быть заимствована Тредиаковским и до проповедей Феофана. *Слава.* Здесь олицетворяется молва (латинск. fama). *Позабыла ль... сказывать не здраво?* Здесь намек на то, что молва часто приносит ложные вести. *Не внушила... сие необычно* — не услышала это необычное (известие). *Дала ль место скуке?* — т. е. оставляла ли когда в бездействии? *Вне себя той весь преложило* — т. е. мир весь изменился, стал вне себя. *Весьма сиру* — совсем осиротевшую. *Праведно Россия* — справедливо Россия. *Моя ты Паллада.* Паллада говорит, что для нее самой воплощением высшей мудрости был Петр. *Кая без тебя мудрость уставится в чине?* — Какая из наук без тебя получит должное направление? *Винословна* — исследующая причину вещей (речь идет о философии). *Но тебе плакать будет в своем свое время* — но тебе (Политике) будет свой черед плакать о своем горе. *Ей верно* — истинно, точно. *Нарицаемом Марсе... ново* — т. е. о Петре, которого называют новым Марсом. *Сень его.* Марс считает себя только тенью Петра. *О небесни! небесни! и вы зависть взяли* — о боги, и вы позавидовали Петру. *Без почтенна виду* — т. е. дерзко. *Не исправлю* — не исполню. *Марс... без тебя... волокита.* Античная мифология изображала Марса, по выражению Тредиаковского, «великим волокитою», любовником Венеры. Смысл стиха: у Марса после смерти Петра только это качество и остается. *Тебе не сущу* (в «Езде», по-видимому, опечатка: несущу) — если тебя не существует (обособленный оборот в старославянском языке — так наз. дательный самостоятельный, имеющий смысл придаточного условного или временного предложения). *Вем, что не должно храбру* — знаю, что храброму не следует (плакать). *По веках возбнуться имущим* — который через столетия прервется, прекратится (наступит пробуждение). *Починает по том... Политика стужна* — после Марса начинает скорбная Политика. *Первее скрасил* — раньше (т. е. до Петра) украсил. *В конец достигл* — постиг до конца. *Изданные правы* — законы. *И его правивш* — и им управлявший. *Купно с ветры* — вместе с ветрами. *Любителя.* Имеется в виду особая приверженность Петра к морскому делу. *Несчастье при берегах.* Имеется в виду смерть Петра (в Петербурге). *Каспийско же... больше всех.* Каспийское море стонет, что Петр лишь однажды плавал по нему. Выделяя этот плач как заключительный и «больше всех», Тредиаковский, вероятно, вносит сюда и личное чувство: во время каспийского похода Петр посетил астраханскую школу, где учился Тредиаковский, и, по рассказам современников, одобрил знания и трудолюбие юноши, как бы указал ему путь.

Стихи похвальные России. Вошло в изд. 1752 г., где первоначальный силлабический стих заменен четырехстопным ямбом и дано новое заглавие: «Строфы похвальные России, сочиненные в Париже 1728 года». *Небо российску* — ибо россиянину (старославянский союз «небо» или «не бо» — краткая форма от «небонъ», «небоно»). *Божие... изводство* — страна, избранная богом. В переработанном тексте 1752 г. соответствующие строки говорят о том, что величие Рима и Византии перешло к России. *В тебе не будет веры двойныя.* В изд. 1752 г. эта мысль выражена так: «И не двоякий твой догмат: Раскол стремится только в ад». Некоторые исследователи усматривают здесь критику русских старообрядцев-раскольников. Но Тредиаковский под словом «раскол», по-видимому, подразумевает иное — обострившуюся борьбу между православной и католической церковью, что подтверждается словом «догмат». Раскольники отстаивали не особый догмат, а некоторые церковные обряды. С католиками же православных разделял прежде всего догмат об исхождении святого духа (от отца или от отца и сына). Этот раскол, как писал Феофан Прокопович в 1714 г., «отделил восток от запада и премногие и великие ссоры, междоусобия, войны и почти бесконечные бедствия причинил во всей церкви... так утвердился раскол сей, что наконец и надежды никакой к согласию не видно стало» (см.: Феофан Прокопович. Четыре сочинения... М., 1773, стр. 3—4). От понимания слов «веры двойныя» и «раскол» зависит идея всего стихотворения. Поэт видит Россию не изнутри, а извне, «чрез страны дальны». Говоря о пагубности «веры двойныя», Тредиаковский, вероятно, имел в виду Польшу, где в 1720-х годах, после церковного собора в Замостье, начались новые ожесточенные гонения со стороны католиков и униатов против православного населения Западной Украины и Белоруссии. (Когда Вольтер — Иосиф Бургильон — написал книгу об этих гонениях, Тредиаковский перевел ее на русский язык.) Польша — в начале XVIII в. единственное, кроме России, самостоятельное славянское государство — и польская культура, естественно, привлекали внимание Тредиаковского, который хорошо знал польский язык и широко использовал его для обогащения русского словаря. Польскому вопросу (и французскому вмешательству) он посвятил оду о сдаче города Гданьска. *К тебе не смеют приступить злые.* Живя в Париже, Тредиаковский непосредственно соприкасался с деятельностью иезуитов. Еще в 1717 г. сорбоннские богословы добивались от русского правительства и духовенства объединения католической и православной церкви под властью римского папы. Эти дипломатические шаги в области религии были, несомненно, связаны с политическими интригами Франции в польских и других делах. Вместе с обращенною в католичество княгинею Ириной Долгоруковой в качестве ее духовника иезуиты направили в Россию своего эмиссара Жака Жюбе, известного под именем Лакура. 24 июня 1728 г. Сорбонна дала Жюбе официальные полномочия «употребить все средства» для соединения церквей (см.: И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 369—370). Через родственников Ирины Долгоруковой Жюбе установил конспиративную связь с «верховниками»

(в число десяти «персон» Верховного тайного совета входили четыре князя Долгоруковых и два брата Ирины — князья Голицыны). В этом ему помогал испанский посол герцог де Лирия. Впоследствии, при императрице Анне Иоанновне, когда «верховники» подверглись опале, Жюбе был выслан из России, а княгине Долгоруковой было указано возвратиться в православие. Тредиаковский имел непосредственное отношение к этой акции Сорбонны. Когда Сорбонна обратилась за содействием к русскому послу в Париже А. Б. Куракину, посол, собиравшийся в это время в отпуск (уехал из Парижа 11 июля 1728 г., возвратился 17 января 1729 г.), отвечал, что у него в Париже есть агент — Тредиаковский, к которому и следует обращаться. «Это единственное средство, — прибавлял Куракин, — сделать мне приятное, и я вас прошу сделать Тредиаковскому честь вашими поручениями» (см.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862, стр. 42). Вероятно, с этими идеологически и политически острыми делами и были связаны размышления поэта о родине, запечатленные в «Стихах похвальных России».

Стихи эпиталамические на брак его сиятельства князя Александра Борисовича Куракина и княгини Александры Ивановны. В родословной князя А. Б. Куракина указывается, что он «женат, с 26 апреля 1730 г., на Александре Ивановне Паниной» («Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 1. СПб., 1890, стр. 363). Эта же дата указана в «Древней российской вивлиофике» (изд. 2-е, ч. 17. М., 1791, стр. 418). Саксонский посол писал из Москвы 24 апреля 1730 г., что камергер князь Куракин «женился на этих днях на дочери генерал-майора Панина» («Сборник Русского исторического общества», т. 5. СПб., 1870, стр. 378). Эти сведения позволяют утверждать, что «Стихи эпиталамические», так же как следующая за ними «Песня на оный благополучный брак», написаны не позднее апреля 1730 г. Начало «Стихов эпиталамических»: «Во един день прошлого в город Гамбург лета» — помогает уточнить некоторые факты, относящиеся к наименее освещенному периоду биографии Тредиаковского. Летом 1729 г. Тредиаковский, следовательно, находился в Гамбурге. Там же он праздновал коронование Анны в августе 1730 г. Там Тредиаковский получил из Москвы от А. Б. Куракина письмо с советом сделать перевод какой-нибудь французской книги и здесь подготовил «Езду». Образ Меркурия, бога вестника, символизирует в «Стихах эпиталамических» весть о помолвке князя Куракина летом 1729 г. Дошла ли эта весть до Гамбурга тогда же или только в связи со свадьбой в апреле 1730 г. — неизвестно, во всяком случае Тредиаковский говорит о ней в прошедшем времени («прошлого лета»). Судя по заключительным строкам, «Стихи эпиталамические», посвященные помолвке, написаны одновременно с «Песней на оный благополучный (т. е. благополучно состоявшийся) брак». *Учинила уставша* — довела до усталости. *Министр перва бога* — слуга, посланец Юпитера (от латинск. minister — слуга). *Дышит Меркурий* — т. е. не может отдышаться, молчит. *Равно... служу* и т. д. —

служу вам обоим, а чести от него не больше, чем от тебя. Возможно, намек на то, что Тредиаковский в это время был занят не только поэтическими делами, но и какими-то служебными поручениями. *Корнукопиа* (лат.) — богиня изобилия (точнее: Copia — богиня изобилия, cornu Copiae — рог изобилия). *Яра воску* — чистого белого воску. *Брякнули... на любовь руками* — ударили по рукам при помолвке. *Юже, чтоб никакой день расторгл! Ни косами смерть сурова!* — которую (любовь) не расторгли бы ни время, ни смерть. *Зрите... на отроковицы Посягающей лице* — смотрите на лицо девицы, выходящей замуж (посягать — вступать в брак). *Палладийской вся ее красота есть равна* — по красоте она равна Афине Палладе. *Юнона очесы блистает.* В античной мифологии Юнона, супруга Юпитера, изображалась обладательницей огромных прекрасных глаз (у Гомера: волоокая). *Благия свет души* — свет благой души. *Смертну тую быти не речеши* — не назовешь ее (княгиню) смертной. *В себе изображает* — представляет себе. *Не бо во сне* — ибо не во сне. *Со мною* — т. е. с Аполлоном. *В небе равных своих весь свет погашает* — т. е. княгиня, блистая, как зарница (Венера, утренняя и вечерняя звезда), затмевает свет всех других звезд. *Князя, но Александра.* Здесь союз «но» имеет ограничительный, уточняющий смысл. *Известно казала* — явственно показывала.

Песня на оный благополучный брак. Заглавие стихотворения соотнесено с предшествующими стихами (см. предыдущее примечание). Среди стихотворений Тредиаковского на французском языке имеются еще две «Песни»: «Песня к любовнику и любовнице обручившимся» и «Песня одной девице, вышедшей замуж». И по названию, и по стилю они примыкают к «Песне на оный благополучный брак»; возможно, написаны по тому же поводу. *Vivez unis.* В «Езде» явная опечатка: vivez uuis.

Балад о том, что любовь без заплаты не бывает от женска пола. *Балад* — баллада; в средневековой провансальской поэзии — народная плясовая песня любовного содержания, ее обязательный признак — рефрен; впоследствии, в придворной поэзии Франции, баллада обязательно должна была иметь три строфы со сквозными рифмами и заключительное обращение к лицу, которому баллада посвящена (в балладе Тредиаковского эта заключительная часть — «посылка» — адресована прекрасной Ирис).

Басенка о непостоянстве девушек. *Дамон, Дафнэ* — условные пастушеские имена в придворной галантной поэзии.

Объявление любви французской работы. По мнению некоторых исследователей, заглавие указывает на то, что стихотворение не принадлежит перу Тредиаковского.

Ответ на оное моего труда. Заглавие стихотворения соотнесено с предшествующим «Объявлением любви французской работы».

Прошение любве. *Тая* — та (т. е. любовь). *Не будь дивно* (в «Езде», видимо, опечатка: «не буду ди́вно», нарушающая количество слогов в строке) — это не удивительно. *За любовь... не емлем* — не считаем любовью. *Чрез ину* — иною, другою.

Песенка любовна. *Склонися.* В «Езде», вероятно, опечатка: «слонися».

Стихи похвальные Парижу. Написано, по всей вероятности, в 1728 г., во время пребывания студента Тредиаковского в Париже, одновременно со «Стихами похвальными России». *Берег Сенски* — берег Сены. *Поля Элисейски* (греч. миф.) — Елисейские поля, или Элизиум, «острова блаженных», где нет ни зимы, ни лета, куда по смерти переселяются герои. Сравнение Парижа с Елисейскими полями, может быть, вызвано здесь тем, что в начале XVIII в. так было названо одно из живописнейших мест Парижа. *С музы* — с музами. *Все роды* — все племена, народы.

Стихи Сенековы о смирении. Вошло в изд. 1752 г., где силлабический стих заменен силлабо-тоническим и дано новое название «Перевод с Сенекиных латинских стихов, находящихся в трагедии Тиесте по окончании действия вторго, в хоре начинающемся: Tandem Regia nobilis». *Заживай* — наживай (в изд. 1752 г.: «да наживает»). *С музы* — с музами. *Всем знатен* — всем известен (в изд. 1752 г.: «знаем всем»). *Не знатен себе* — не познав себя (в изд. 1752 г.: «не знав себя»).

Ода о непостоянстве мира. Вошло в изд. 1752 г., где силлабический стих заменен силлабо-тоническим (четырехстопным ямбом); изменилось чередование рифмующихся строк в строфе: ababc («Езда») — abbac (изд. 1752 г.); но при этом сохранена оригинальная рифмовка последних (пятых) строк: пятая строка первой строфы рифмуется с пятой строкой третьей строфы, пятая строка второй строфы с пятой строкой четвертой строфы и т. д. Таким образом, рифмуются не только строки в строфах, но и строфы между собой. Ода написана Тредиаковским на двух языках: за русским текстом следует французский (см.: «Та ж самая ода по-французски»). *Из сердца вышли* — изгони из сердца. *Всем очень знатно* — всем хорошо известно. Стих 23 следует, по-видимому, считать утраченным при типографском наборе (точки поставлены нами). Но пропуск очевиден: во всех строфах по 5 строк, а в этой 4; отсутствует рифма к слову «тихость»; бессвязны последующие строки. Смысл пропущенной строки можно восстановить по изданию 1752 г., где стихам 21—25 соответствует строфа:

Ветр возмущает тишину;
Темнеет светлость от ненастья;
Премного в счастии несчастья;
Сей долу, тот на вышину,
    Как будто не спадет, стремится.

Скорый припадок — случай преходящ, переменчив. *Бывает лёгко важным, Низким — высо́ко* — бывает легкое тяжелым, высокое — низким. *Вся управляет* — управляет всем и всеми. *Сего... едина* — только его. *Первая (он) причина, Дарующая доли* — он первое начало, дарующее су́дьбы (скобки в издании 1730 г.). *Сило* — звательный падеж от «сила».

Та ж самая ода по-французски. *Та ж самая* — см. выше «Оду о непостоянстве мира». *Sans accents* — в «Езде», видимо, опечатка: «sans accens».

Эпиграмма господину К. Эпиграмма, очевидно, посвящена князю А. Б. Куракину. *Accidit id linguis Tibi* и т. д. Перечисление языков, которыми адресат эпиграммы владел, как родным: итальянский, германский, французский (галльский), польский, не считая русского, — вполне соответствует блестящим лингвистическим знаниям А. Б. Куракина: «Князь Александр Борисович родился 3 июля 1697 года. Сначала употребляем был при родителе своем в посольских его путешествиях и в то же время прилежал к разным наукам с крайним старанием и великим успехом, видел почти все европейские дворы, и между прочими его дарованиями имел он и сие редкое, что мог говорить на всех языках разными наречиями тех земель, которые он проезжал» («Древняя российская вивлиофика», изд. 2-е, ч. 17. М., 1791, стр. 417).

Стихи о силе любви. *Иовиш* — Юпитер. *Принудила взять виды разны.* В античной мифологии рассказывается о многочисленных любовных похождениях Юпитера, во время которых он принимал вид смертного человека, лебедя, быка, золотого дождя и т. д. *Всеми гражда́ны* — всеми горожанами.

Объявление любви одной девице, которая всегда любила черненькую собачку на руках держать. *Petit Cerbere* — маленький Цербер; Цербер (греч. миф.) — трехглавый пес, охранявший вход в подземное царство. *Garder... les jardins de Cypris* — охранять сады Киприды; здесь: охранять прелести красавицы.

Желание, учиненное одной девице. *Желание, учиненное* — пожелание.

Песня к любовнику и любовнице обручившимся. Песня одной девице, вышедшей замуж. См. примечание к «Песне на оный благополучный брак», стр. 475.

Плач одного любовника, разлучившегося с своей милой, которую он видел во сне. *Но, принужден судьбою или непременной* — т. е. или принужден неизбежной судьбой. *С ними* — т. е. со всеми вещами.

Песенка, которую я сочинил, еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие краи. Написано весною 1726 г., очевидно, незадолго до того, как Тредиаковский, по отзыву начальства духовной академии, «бежал» за границу. *Знатны нам походы* — знакомы нам (морские) походы. *Приставят* — здесь: приведут к пристани. *Морску скуку* — морскую болезнь. *Держись черней* — держись берега. *Знай штуку* — знай (лоцманское) искусство (польск. *sztuka* — искусство). *Стать отишно и не пышно* — стать в затишье, со свернутыми парусами.

Описание грозы, бывшия в Гаге. Написано в 1726 или 1727 г. (в начале 1726 г. Тредиаковский прибыл в Голландию, в конце 1727 г. находился уже в Париже). В Гааге Тредиаковский жил у русского посла графа Головкина. *Треск... с перуна, И темнеет лу́на.* Так как гроза происходит, как ясно из дальнейшего, днем, то речь идет не о том, что реально затмевается луна. Смысл стиха или в том, что свет молнии затмевает по блеску луну, или же, вернее, что от молнии меркнет, темнеет зарево (судя по рифме, надо читать «лу́на», а по-польски łuna — зарево, z piorunu — от молнии). *Полоса* — здесь: молния. *Ночь наступила, День изменила* — днем стало темно, как ночью. *В крышки* — в крыши. *На небо глашают* — вопиют к небу, обращаются с мольбой. *Столкай премену* — отгони грозу (перемену погоды). *Как и оны* — т. е. как зефиры.

Эпиграмма к охуждателю Зоилу. *Зоил* — здесь: критик-злопыхатель, хулитель (Зоил — древнегреческий оратор, придирчиво критиковавший гомеровские поэмы).

ИЗ РОМАНА «ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ»

«Езда в остров Любви» — перевод полупрозаического, полустихотворного романа французского писателя Поля Тальмана (1642—1712) «Le voyage à l'île d'Amour» (1663). Впервые — отдельным изданием, СПб., 1730. Перевод был сделан Тредиаковским во время пребывания за границей и закончен не позднее лета 1730 г. (в сентябре поэт был уже в России). В предисловии Тредиаковский объясняет обстоятельства перевода: «Когда я был в Гамбурге по случаю чрез несколькое время, где не имея никакого дела со скуки я пропадал. Между тем его сиятельство князь Александр Борисович Куракин, который отеческую и щедрую свою милость и поныне мне кажет, повелел мне чрез одно свое письмо из Москвы перевесть какую-нибудь книжку французскую на наш язык, и то для того, дабы всуе мое время не тратилось». Тредиаковский вспомнил о книге Тальмана, прочитанной еще в Париже, и вскоре перевел ее «в месяц еще и меньше». Изданная осенью 1730 г. книга, в которую входил перевод романа и оригинальные произведения Тредиаковского «Стихи на разные случаи», произвела большое впечатление на русских читателей того времени (см. вступит. статью, стр. 14). Роман Тальмана представляет собой аллегорическое изображение различ-

ных фаз любовного чувства и поведения любящих. Герой романа Тирсис, очутившись на острове Любви, влюбляется в Аминту и, предводительствуемый Купидоном, странствует по острову, попадая то в поместье Беспокойности, то в город Надежды, около которого расположена пещера Жестокости, то в замок Искренности и в замок Прямыя Роскоши, знаменующий апофеоз любовного чувства. Первая часть романа, посвященная искренней, страстной любви к Аминте, завершается описанием страданий от роковой разлуки с возлюбленной. Во второй части (роман написан в форме двух писем Тирсиса к другу Лициде) описываются любовные похождения Тирсиса, разочаровавшегося в Аминте и волочащегося за разными красавицами. В заключение Тирсис, познавший любовь, покидает остров Любви, посвятив себя отныне делам славы.

«Душа моя, спрячь всю мою скорбь хоть на время...». Это первое стихотворение первой части романа по настроению совпадает с заключительным («Се воспомяновенье прешедшия славы...»), чем подчеркивается единство письма Тирсиса к Лициде. *Чрез жестоту... несклонной судьбины в долготу* — т. е. из-за жестокости давно несклонной судьбы. *Будьте в... роскоши* — пользуйтесь удовольствиями, наслаждайтесь (в книге Тальмана: jouissez... du plaisir).

«Нас близко теперь держит при себе Афри́ка...». Тирсис проплывает вблизи Африки. Корабль прибивает к острову Любви. *Волили быть странны* — решили пуститься в странствия. *На земли́ со времям всё что уж ни было* — все, что существовало когда-либо на земле.

«В сем месте море не лихо...». Описание острова Любви.

«Купид чрез свои стрелы ранит человеков...». *Для отмщенья скора* и т. д. Купидон мстит тому, кто равнодушен к женщинам, и отдает его сердце некрасивым.

«Пристающих к земли той един бог любезный...». *Что имать очи* — который имеет глаза. *Что есть годе* — т. е. что довольно, достаточно. *Чувствия его зрак не зрят, ослепленны* — ослепленные чувства не видят его (разума) лица. *Един он с недруги смертельны* — разум одинок перед своими смертельными врагами (чувствами).

«Сей, что ты видишь так важна...». Купидон, сопровождающий Тирсиса по острову, дает пояснения.

«Что бы я ныне ни вещал...». *Но словом* — но словам.

«Туды на всяк день любовники спешно...». Речь идет о местечке, называемом «Малые прислуги» (польск. przysługa — услуга, одолжение). *Чинит... скоки* — скачет.

«Виделось мне, кабы тая...». Тирсис видит во сне Аминту. *Не чиня ни мала зева* — т. е. без вздоха, без звука. *Мила* — любимая, милая.

«Что это? всё ли вздыхать с мучением вечным?..». Купидон ведет Тирсиса в «Объявление» (т. е. к объяснению в любви); на дороге встречается Почтение, упрекающее их за поспешность, но Купидон настаивает на своем.

«Дворы там весьма суть уединенны...». Тирсис и Купидон, следуя за Почтением, попадают в крепость Молчаливости, где правит дочь Почтения.

«Проливать слезы только мне там было дела...». В крепости Молчаливости Тирсис встречает Аминту, но в любви не объясняется. Жизнь его печальна. *Говорил глазы* — говорил глазами. *Внутрь уду* — в теле, внутри.

«Сему потоку быть стало...». Аминта, догадавшись о любви Тирсиса, уходит в пещеру Жестокости. Здесь со скалы бежит поток. *В бель* — т. е. в белую пену.

«Увы, Аминта жестока!..». Тирсис рыдает у потока. *Без порока* — безупречная, невинная. *Пока щититься... жестотою?* — До каких пор обороняться жестокостью?

«В сем озере бедные любовники присны...». Купидон приводит Тирсиса к озеру Отчаяния. *Диким точны* — похожие на диких.

«Ах! так верный мой Тирсис! твоя страсть горя́ча...». Аминта сжалилась над Тирсисом. *Ввесть в радости сушу* — т. е. ввести в радость, осушив слезы. *Стреги твою младость* — побереги свою молодость. Намек на намерение Тирсиса покончить жизнь самоубийством. *Я начаю без ложна припадку* — т. е. я твердо полагаю.

«Радуйся, сердце! Аминта смягчилась...». Тирсис радуется обещаниям Аминты.

«О коль мне тамо сладка веселия было!..». Тирсис и Аминта в замке Искренности. *С радости к небу бралось мое темя* — т. е. ходил подняв голову. *При ней еще лучше... мне найтиться* — занять при ней еще лучшее положение.

«Ныне уже надлежит, увы! мне умереть...». Тирсис в отчаянии от разлуки с Аминтой. *Не может как* (галлицизм) — может только. *Меня... обдержи́т* — владеет мною. *Во... днех нужных* — в тяжкие, горестные дни.

«Там всяк друг на друга злится...». Тирсис прибыл на место, называемое Свояки (у Тальмана: Rivaux — соперники), там он мучается ревностью. *До мату* — до конца. *Не желает как смерти* — желает только смерти. *В подзоре* — в подозрении. *Друга стерти* — уничтожить другого.

«Она есть мучения в любви враг смертельный...». От любви и ревности берется исцелить Тирсиса Досада. *Погибла почти всеконечно* — почти окончательно погибшего. *Чрез весь живот вечно* — на всю жизнь. *Дала вину не любить в моих ту обетах* — была причиной моего обещания не любить Аминту. *Чрез девять дней целых я был у ней в нетах* — я отсутствовал у нее целых девять дней.

«Будь жестока, будь упорна...». Аминта рассеивает все подозрения. Тирсис просит у нее прощения.

«Изволь ведать, что скорбь есть смертельная всяко...». Аминта обижена подозрениями. Тирсис оправдывается.

«Роскоши всякой недруг превеликой...». Речь идет о Чести, которую, в сопровождении Стыда, встречают Тирсис и Аминта на пути в замок Прямыя Роскоши.

«Плачьте днесь, мои очи, вашу участь злую...». Аминта вняла доводам Чести и Стыда. Тирсис в отчаянии.

«Вечная весна тамо хранит воздух чистый...». Влюбленные попадают наконец в замок Прямыя Роскоши (высшего наслаждения). *Поля с цветы целы* — нетронутые цветущие поля. *Листья.* В «Езде», вероятно, опечатка: «лисья». *Людей для породы* — для человеческого рода.

«Се воспомяновенье прешедшия славы...». Тирсис на верху горы, называемой Пустыней Воспомяновения, откуда виден весь остров Любви. Аминту увел неизвестно куда Рок. *Прешедшия славы* — здесь: прошедшего блаженства. *Ежели бы не имел памяти я правы, Я б жил здесь своевольно* — если бы у меня не было ясной памяти, я жил бы здесь охотно. *На доброжеланно я стал быть гневливым* — т. е. гневаюсь на то, чего сам так желал.

«Я уж ныне не люблю, как похвальбу красну...». Первый стихотворный отрывок из второго письма к Лициде. Тирсис рассказывает, что злополучия его окончились, но и сам он изменился: любовь покинула его навсегда. *Не люблю, как похвальбу* — люблю только славу. *Вся леты* — все годы.

«Три славных красот ко мне любовью горели...». Тирсис вспоминает о своих любовных победах. *Три славных красот* — три знаменитые красавицы. *В любви за небесчастна*

все меня имели — все меня считали удачником в любви. *Знал побеждать* (галлицизм) — умел побеждать. *Концем счастливым блажимы* — т. е. увенчивались счастливым концом. *О прошлой в благостыне Торжествуй любви выну* — т. е. всегда торжествуй при воспоминании о прошлой счастливой любви.

«Для того, что велику могл я любовь иметь...». В Пустыне Воспомяновения Тирсис узнает об изменах Аминты. *Для того* — ради того. *Чрез услуги задни* — ради прежних услуг.

«Там сей любовник, могл ей который угодить...». Тирсис видит Аминту с ее новым возлюбленным в замке Прямыя Роскоши. *Чиня... зависно* — заставляя завидовать.

«Что это чинишь ты, друг мой?..» Презор (т. е. гордость) уговаривает горюющего Тирсиса забыть Аминту. *По... измене* — после измены. *Та* — т. е. Аминта. *По безвери* — т. е. утратив веру.

«Ну, прости, моя Любовь, утеха драгая!..». Тирсис прощается со своим спутником Купидоном (Любовью), решаясь следовать за Презором. *Мя ругая... худыми делами* — т. е. надругавшись надо мной дурными поступками. *Для всех утех* — за все утехи, радости.

«Невозможно быть довольным...». В городе Беспристрастности Тирсис делает вывод из всего с ним происшедшего. *Без чина* — без установленного порядка. *Чрез всей жизни само время* — до конца жизни.

«Без любви и без страсти...». Песенка, которую сочинил Тирсис в городе Беспристрастности.

«Видеть все женски лицы...». Избегая сильной страсти, Тирсис ищет легких любовных приключений. Женщина, по имени Любовность, показывает ему это стихотворение. *Спознать нову с девицы учинять повсечасно* — т. е. постоянно знакомиться, сходиться с новыми девицами.

«Перестань противляться сугубому жару...». Глазолюбность (т. е. кокетство, волокитство) уговаривает Тирсиса не стесняться одновременной любви к Сильвии и к Ирисе. *Убога* (в «Езде» опечатка: «у бога») — бедна, недостаточна. *Немного сказую* — скажу, что немного.

«Царица сердец, видя, что из ее царства...». Стихи, начертанные на воротах Глазолюбности. *Сердце устало паки там быть не любило* — уставшему сердцу не нравилось больше пребывать там (в царстве любви). *Без стонов*. В «Езде», очевидно, опечатка: «безстанов».

«К почтению, льзя объявить любовь, без презора...». В городе Глазолюбности Тирсису дан провожатым Купидон-глазун (дитя Купидона и Глазолюбности), он высмеивает строгости Почтения (см. стр. 106), запрещающего объясняться в любви. *Льзя объявить любовь, без презора* — т. е. можно объясняться в любви и не вызывать презрения. *Чье бы сердце оным знать чинило* — сердце давало бы этим (т. е. страстным признанием) знать. *Не в пременах* — неизменен.

«При Сильвии красной...». Тирсис объясняется в любви и Сильвии и Ирисе. *Един с той* (в «Езде» опечатка: «стой») — наедине с Ирисой.

«О коль сладости сердце, чувствуя, имеет...». Ириса противится Тирсису, но это лишь усиливает его пыл. *Противность... любовну* — любовное сопротивление. *Кажет ему следу* — указывает ему путь, заставляет его идти.

«Ну, так уже я не стал быть вашим отныне...». По совету Купидона-глазуна Тирсис притворяется равнодушным к Ирисе. *Безмерно находитесь слична* — безмерно прелестны. *Похвальба есть зычна* — громкая слава. *Вы лих быть хотите жестокой* (в «Езде» опечатка, создающая лишний слог в стихе: «вы вы лих...») — вы хотите быть только жестокой. *Так спеси высокой* — такого высокомерия. *В сердечной тесноте* — т. е. со стесненным сердцем, с волнением.

«Это напрасно, что кто, будучи в разлуке...». Купидон-глазун рассказывает о местечке Забава, куда он привел Тирсиса. *Скорбь хотя как чрезмерна* и т. д. — как бы ни была чрезмерна скорбь, верное сердце не поможет сделать любящего более счастливым.

«О коль сердцу есть приятно...». Тирсис примиряется с Ирисой. *Видеть за неверну мниму* и т. д. — видеть, что неверность была мнимой, приводить доводы для оправдания любимого. *От стужных* (в «Езде», вероятно, опечатка: «отстужных») — от тревожных, досадных.

«Токмо бы нам божились, что любят нас обны...». Тирсис не придает значения тому, что уверения Ирисы и Сильвии могут быть обманчивыми.

«Мое сердце всё было в страсти...». Тирсис проводит ночь наедине с Ирисой. *Сведом получить всё не силой* и т. д. — мог получить все не силой, но при всем этом не был счастлив.

«В белости ее румяной...». Тирсис проводит день с Сильвией, но не более счастлив, чем с Ирисой. *И едва было то не сталось* и т. д. — имей я более охоты и настойчивости, я наверное достиг бы того, что казалось столь сладким в любви.

«Выди, Тирсис, отсюду, пора любовь кинуть...». Богиня Слава советует Тирсису покинуть остров Любви.

«Не кажи больше моей днесь памяти слабкой...». Тирсис влюбляется в Славу.

«Простите вы ныне все, хорóши! пригожи...». Тирсис покидает остров Любви. *В сластех* — в сладостях, в наслаждениях.

«Я уж ныне не люблю как похвальбу красну...». Заключительное стихотворение второго письма к Лициде, перекликающееся с первым стихотворением этого письма (см. стр. 114). *Уж.* В «Езде» опечатка: «уже» (создает лишний слог в стихе).

ИЗ КНИГИ «ПАНЕГИРИК, ИЛИ СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ АННЕ ИОАННОВНЕ»

Впервые — отдельное издание, СПб., 1732.

Стихи всемилостивейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне по слове похвальном. 15 января 1732 г. состоялся торжественный въезд императрицы Анны в Петербург. К ее приезду Тредиаковский сочинил прозаическую «Речь поздравительную». По-видимому, тогда же она была произнесена (см. «Панегирик», стр. 16), а императрица «всемилостивейше повелеть... изволила, чтобы каковое-нибудь слово я сочинил» («Панегирик», стр. 1). Тредиаковский сочинил прозаическое похвальное слово и «Стихи». Все это было прочитано перед императрицей 3 февраля 1732 г. В один из этих дней Тредиаковский был допущен в знак особой милости к руке императрицы (см. «Эпиграмму»). Таким образом, и «Стихи» и «Эпиграмму» следует датировать временем между 15 января и 3 февраля 1732 г. В похвальном слове Тредиаковский особо отмечает заслугу Анны, пресекшей попытки верховников ограничить самодержавие, и как программу деятельности императрицы выдвигает следование реформам Петра I («Что Петр начал, то Анна совершает, украшает и примножает»). В этом состоит также и смысл «Стихов». *Атлас* (греч. миф.) — титан, держащий на плечах небосвод. Здесь имеется в виду восстановление Анной самодержавия, пошатнувшегося после смерти Петра I. Вступая на престол, Анна порвала кондиции (условия) Верховного тайного совета, добивавшегося ограничения императорской власти и возвращения к допетровским порядкам. *Священны вознесшися крилы* — вознесшись священными крыльями. *Изгнанны призовешь науки.* Намек на упадок наук после смерти Петра. *Поют благодарственная* — поют благодарственную песнь. *Тобою... есмы* — тобою существуем. *Обняты.* В изд.

1732 г., видимо, опечатка: «обнятыи», нарушающая количество слогов в стихе. *Тебе живущей* и т. п. — т. е. если ты живешь и т. п. (дательный самостоятельный, см. стр. 472). *О твоем то здравии живет* — твоим здоровьем существует. *Имать цвести* — которая будет цвести.

Эпиграмма, произнесенная пред ее императорским величеством, когда впервые сподобился я быть допущен до священнейшия ее императорского величества руки. О датировке см. выше.

Стихи ее высочеству государыне царевне и великой княжне Екатерине Иоанновне, герцогине Меклембург-Шверингской, для благополучного ее прибытия в Санктпетербург сочиненные и ее высочеству поднесенные. Написано в связи с прибытием императрицы Анны Иоанновны и ее свиты из Москвы в Петербург. По-видимому, великая княжна прибыла несколько раньше императрицы, т. е. до 15 января 1732 г., иначе ее приезд не мог бы отмечаться в Петербурге отдельно (см. стихи 7, 12, 19; о том же говорят ст. 31—35, где великая княжна сравнивается с утренней зарей, предвещающей восход солнца — императрицы). *Екатерина Иоанновна* — родная сестра императрицы Анны Иоанновны; покровительствовала Тредиаковскому еще в Москве, хваля его книгу «Езда в остров Любви» и обещая представить поэта императрице (см. письмо Тредиаковского Шумахеру от 4 марта 1731 г. — Пекарский, т. 2, стр. 28). *Пастися пред тебе с дарами* — запасаться дарами для тебя.

ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ О СДАЧЕ ГОРОДА ГДАНСКА

Впервые — отдельное издание: «Ода торжественная о сдаче города Гданска, сочиненная в вящую славу имени всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни Анны Иоанновны, императрицы и самодержицы всероссийския, чрез Василья Тредиаковского, Санктпетербургския императорския Академии наук секретаря». СПб., 1734. Вошло в изд. 1752 г., где силлабический стих заменен силлабо-тоническим и дано новое заглавие: «Ода I. Торжественная о сдаче города Гданска. 1734» (см. стр. 453). Ода была написана в июле 1734 г., одновременно с прозаическим посвящением Бирону как первому лицу при императрице, воспеваемой в оде, и послесловием, которое называлось «Рассуждение об оде вообще». Посвящение, ода и рассуждение были напечатаны в издании 1734 г. параллельно на двух языках: русском и немецком (очевидно, в угоду Бирону). Немецкий перевод сделан академическим стихотворцем Юнкером. В немецком тексте Гданьск называется Данцигом. Осада Гданьска была одним из эпизодов так называемой «войны за польское наследство» (1733—1735 гг.). Польша отказывалась признать завоевания Петра I в Прибалтике, закрепленные Ништадтским мирным до-

говором, и претендовала на Курляндию. После смерти польского короля Августа II Россия поддержала кандидатуру его сына Августа III, саксонского курфюрста, который обещал отказаться от претензий на Курляндию. Франция поддерживала другого претендента — Станислава Лещинского, тестя Людовика XV. Гданьск, где укрывался Станислав в ожидании французского флота, был осажден русскими войсками. В июне 1734 г. под Гданьском французский флот был обращен в бегство русским флотом, двухтысячный французский десант был захвачен в плен. После этого Гданьск капитулировал и признал власть Августа III. Перед капитуляцией города переодетый крестьянином Станислав бежал в Пруссию. В послесловии к изд. 1734 г. («Рассуждение об оде вообще») Тредиаковский отмечает как образцы оду Буало на взятие города Намюра и оду на коронование Петра II, написанную Феофаном Прокоповичем на латинском языке. Перепечатывая это рассуждение в изд. 1752 г., Тредиаковский добавляет относительно «Оды на взятие Намюра»: «Признаваюсь необиновенно, сия самая ода подала мне весь план к сочинению моея о сдаче города Гданска; а много я в той взял и изображений» (т. 2, стр. 32). *Трезвое... пианство* — здесь: поэтическое вдохновение. В послесловии Тредиаковский отмечает, что такие фигуры являлись характерным признаком оды у древних греков: «Я всячески старался пиндаризовать, то есть Пиндару во всем подражать, так что я в ней меч сердитым, а трезвым пианство назвал...» К числу таких особенностей оды Тредиаковский относит гиперболу, которая хотя и «с правдою мало сходна», но дозволена; а также изображение императрицы, давшей указ об осаде города, как присутствующей якобы лично при осаде. *Парнаса убранство* — украшение Парнаса, т. е. музы. *Чинит... речь избранну* — т. е. рождает торжественную речь, оду. *Буде б ревности* — если бы рвению. *Орфей фракийский* (греч. миф.) — легендарный поэт, чье пение и игра на лире укрощали и приручали даже диких зверей. *Амфион... фивийский* (греч. миф.) — строитель Фив. Камни сами укладывались в городскую стену под действием волшебной игры и пения Амфиона. *К несчастию в веки тем скучну* — на горе врагам вовеки. *Стены, Что при близком толь горды море* — гордые стены крепости на Балтийском море. *Троянским... примены* — т. е. сравнения со стенами Трои, осада которой описана в «Илиаде» Гомера. *В споре... с воином в бой неумильным.* Здесь сопротивление Гданьска русскому оружию сравнивается с сопротивлением Трои оружию ахейцев и силе Ахиллеса, ожесточенного в бою. *Скамандр* — река под Троей. *Ида* — гора к юго-востоку от Трои. *Столценберг* — возвышенность у Гданьска. *Всяк Фетидина воин сына Мужественнее тут штурмует* — всякий воин штурмует тут мужественнее, чем Фетидин сын (Ахиллес). *Власть* — здесь: повелитель, предводитель. *Минерва.* У Гомера Афина (Минерва) вдохновляла осаждающих Трою и сама участвовала в сражениях. *Эгид* (греч. миф.) — щит, наводящий ужас на врагов; аттрибут Зевса, Афины; на эгиде Минервы (Афины) была голова чудовища Горгоны. *О Анне победить цело* — во имя Анны одержать полную победу. *Все крепятся* — все укрепляются. *И что* — из-за того, что. *Отрок Геркулеса противу* — маль-

чик перед Геркулесом. *В нутр* — в центр, сердце. *Ищущего дважды корону Станислава берет за друга.* Гданьск дал прибежище Станиславу Лещинскому, вторично претендовавшему на польский престол и поддерживаемому Францией. *Чрез поля льющася Нептуна* — т. е. реки Вислы, охраняющей Гданьск. *Росска Перуна* — здесь: русского оружия, войска. *Секвана* — Сена. *Тот в свой проигрыш барабаны Се Вексельминды бьет в пригоде* — т. е. французский народ себе в ущерб и в угоду Гданьску выступил в поход (бьет барабаны). Вексельминда — Вейхзельмюнде, немецкое название маленькой крепости близ Гданьска (означающее: Устье Вислы), где французы высадили десант. *Ставит разрезом В россов* — т. е. направляет жерла на русских. *На раскатах вне уду.* Пушки были поставлены на насыпях вне укреплений, снаружи. *Соблюсти б ногами жизнь собу* — только бы сберечь ногами собственную жизнь. *Чтут дважды ту хински пределы.* Китай дважды (в 1731 г. и в 1732 г.) присылал русской императрице послов с богатыми дарами. *Оливой обвитый* — миролюбивый; оливковая ветвь — символ мира. *Алциды* — Геркулесы. *Всё известно* — здесь: все, что ни на есть, решительно все. *Устоять весьма ти не можно* — тебе никак нельзя устоять. *Ограды... отбиты* — захвачены укрепления. *На браки* — на свадьбу. *Магистрат.* Со времен Ганзейского союза Гданьск сохранил широкие вольности, он управлялся магистратом (выборным городским управлением). *В помощи несоседней* — т. е. в французах, которым не удалось прорваться к Гданьску. *В приятстве Станислава суетная была надежда* — т. е. магистрат ошибся, приняв под защиту Станислава и понадеявшись на помощь его зятя, французского короля. *Биться как прочил* — т. е. как намеревался сражаться. *Храбрость свыше* — неземную храбрость. *О сем побеждать* — этим побеждать.

⟨ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ В ДЕНЬ ЕЕ КОРОНОВАНИЯ⟩

Впервые — отдельное издание: «Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Элисавете Петровне, самодержице всероссийской, государыне всемилостивейшей всеподданнейшее в высочайший день ее коронования в царствующем и столичном городе Москве апреля — дня 1742 года, в приветственной оде изображенное и ее священнейшему величеству усерднейше посвященное чрез всеподданнейшего раба Василья Тредиаковского, императорския Академии наук секретаря». Вошло в переработанном виде в изд. 1752 г. (см. стр. 458 настоящего издания). Коронация Елизаветы Петровны состоялась 25 апреля 1742 г. Поскольку издание печаталось до дня коронации, в названии оды не была точно указана дата (на этом месте — прочерк), кроме того, в результате явной опечатки, пропущено слово «поздравление». Оде предпослано прозаическое введение. В этой оде, уже после объявленной в 1735 г. реформы стихосложения, Тредиаковский вновь вернулся к силлабике. *Чтоб услышаться ти от мира* — чтобы тебя услышали во всем мире. *Вознеси до стран, где перуны* — т. е. вознеси до небес. *От каменя честна* — т. е. от Петра (имя Петр означает камень).

К стр. 135

Горы — здесь: Парнас. *Аполлин с хором неисправен* — Аполлон с музами не в состоянии (воспеть Елизавету). *Пиндар* (род. 518 или 522 — ум. ок. 422 до н. э.) — древнегреческий поэт, особенно прославивший себя торжественными одами. *Гораций* Флакк (68—5 до н. э.). Здесь упоминается как автор од, прославивших век Августа. *Наши сердца едины к общей премене не имели... причины?* — Или наши сердца не имели причины измениться, как и все вокруг? *Давно на престоле сидети.* Определенные круги дворянства, особенно недовольные засилием немецких временщиков, возлагали большие надежды на Елизавету и подчеркивали, что она прямая наследница Петра. Совершив дворцовый переворот, Елизавета в манифесте 28 ноября 1741 г. напомнила, что общей присягой был утвержден установленный Екатериной I порядок престолонаследия, согласно которому Елизавета якобы была должна наследовать престол после смерти Петра II (т. е. еще в 1730 г.). *Чтоб не девические тако* и т. д. — чтоб не девические плечи украсились порфирой, а порфира ими. *Боялся ловитвы* — намек на тайный сыск. *Толь храбрые солдаты.* Елизавета совершила дворцовый переворот, опираясь на приверженность гвардии. *Коль краты* — сколько раз. *Елеем* — т. е. помазанием божьим; при коронации митрополит в знак божественного происхождения царской власти и священности особы государя производил помазание его елеем. *Тобой было вольно* — ты пожелала. *Сети поставлены уж были* и т. д. 24 ноября 1741 г. правительство отдало приказ всем гвардейским полкам готовиться к походу в Финляндию против шведов. Сторонники Елизаветы увидели в этом коварное стремление лишить Елизавету ее опоры и настояли на немедленном военном перевороте. В ночь на 25 ноября Елизавета, возглавив гренадерскую роту Преображенского полка, захватила власть. *Ты, зря* — ты, видя. *Самые прахи презирали небом любезну* — самые ничтожные презирали любезную небесам. *Всё, что в виде чрез Петра новом* и т. д. — все, обновленное Петром, безмолвно молило тебя. *«О бýди, время, наша мати!»* и т. д. — «Пора, будь нам матерью! мы твои и истинно говорим тебе: попытайся — дело возможно, перестань, наша радость, плакать». *Зрюсь безумно в дерзком быть сваре* и т. д. — т. е. кажусь безумно и дерзко спорящим, обвиняя тебя за терпение. *Вышня судеб глубину бога Чту токмо, страхом одержася* — одержимый (или удержанный) страхом, чту только глубину предначертаний всевышнего бога. *Бегу потопа* — т. е. страшусь небесной кары. *Всячески красясь, непопранный* — всячески украшаясь, свободный от гнета; намек на засилие иностранцев при предшественницах Елизаветы (в изд. 1752 г.: «Ликует, что есть непопранный от зверства гордого чужих»). *Фортуне с кóлом.* Колесо Фортуны — символ постоянной изменчивости счастья; намек на засилие временщиков, которому правление Елизаветы должно положить конец. *Случаи* — случайное возвышение, фаворитизм. *Залога венец твой знáком* — т. е. залогом является твое славное правление (венец). *Толь плóдна* — столь изобильна. *Вкушай плод намерений чистых В Петре с отраслей Петра истых* — т. е. вкушай плоды замыслов Петра с истинных начинаний (порождений) Петровых.

⟨ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 143⟩

Впервые — «Три оды», стр. 12, под названием «Ода вторая, хореическая». Вошло в изд. 1752 г. под названием «Ода XVI. Парафразис псалма 143. Благословен господь бог мой» и с разночтениями. В споре о достоинствах различных стихотворных размеров Тредиаковский, Ломоносов и Сумароков решили создать свои стихотворные переложения (парафразисы) псалма 143: первый — хореем, второй и третий — ямбом. В изданную ими книгу «Три оды» вошли предисловие («Для известия»), прозаический текст псалма 143 и три стихотворные переложения под названиями: «Ода первая, иамбическая», «Ода вторая, хореическая», «Ода третия, иамбическая». Имена соревнующихся авторов были названы без указания, кому какая ода принадлежит. Авторство каждого было раскрыто Тредиаковским в изд. 1752 г. (см. статью «Для известия», стр. 421). Для сравнения приводим переложения псалма, сделанные Сумароковым и Ломоносовым.

ОДА ПЕРВАЯ, ИАМБИЧЕСКАЯ (А. П. СУМАРОКОВА)

Благословен творец вселенны,
Которым днесь я ополчен!
Се руки ныне вознесенны,
И дух к победе устремлен:
Вся мысль к тебе надежду правит;
Твоя рука меня прославит.

Защитник слабыя сей груди
Невидимой своей рукой!
Тобой почтут мои мя люди,
Подверженны под скипетр мой.
Правитель бесконечна века!
Кого ты помнишь! человека.

Его весь век как тень преходит:
Все дни его есть суста.
Как ветер пыль в ничто преводит,
Так гибнет наша красота.
Кого ты, творче, вспоминаешь!
Какой ты прах днесь прославляешь!

О боже! рцы местам небесным,
Где твой божественный престол,
Превыше звезд верьхам безвесным,
Да приклонятся в низкий дол:
Спустись, да долы освятятся;
Коснись горам, и воздымятся.

Да сверкнут молни, гром твой грянет,
И взыдет вихрь из земных недр;
Рази врага, и не восстанет;
Пронзи огнем ревущий ветр;
Смяти его, пустивши стрелы;
И дай покой в мои пределы.

Простри с небес свою зеницу,
Избавь мя от врагов моих;
Подай мне крепкую десницу,
Изми мя от сынов чужих;
Разрушь бунтующи народы,
И станут брань творящи во́ды.

Не приклони к их ухо сло́ву:
Дела их гнусны пред тобой.
Я воспою тебе песнь нову,
Взнесу до облак голос мой
И восхвалю тя песнью шумной
В моей Псалтире многострунной.

Дающу области, державу
И царский на главу венец,
Царем спасение и славу,
Премудрый всех судеб творец!
Ты грозного меча спасаешь,
Даешь победы, низлагаешь.

Как грозд росою напоенный,
Сыны их в юности своей;
И дщери их преукрашенны,
Подобьем красоты церквей:
Богаты, славны, благородны;
Стада овец их многоплодны.

Волы в лугах благоуханных,
Во множестве сладчайших трав,
Спокоясь от трудов им данных,
И весь их скот пасомый здрав;
Нет вопля, слез, и нет печали,
Которы б их не миновали.

О! вы, счастливые народы,
Имущи таковую часть!
Послушны вам земля и воды,
Над всем, что зрите, ваша власть:
Живущие ж по творчей воле
Еще стократ счастливы боле.

ОДА ТРЕТИЯ, ИАМБИЧЕСКАЯ
(М. В. ЛОМОНОСОВА)

Благословен господь мой бог,
Мою десницу укрепивый
И персты в брани научивый
Сотреть врагов взнесенный рог.

Заступник и спаситель мой,
Покров и милость и отрада,
Надежда в брани и ограда,
Под власть мне дал народ святой.

О боже! что есть человек?
Что ты ему себя являешь,
От твари бóльша быть вменяешь,
Которого толь краток век.

Он утро, вечер, нощь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его преходит,
Подобно как ночная тень.

Склони, владыко, небеса,
Коснись горам, и воздымятся;
Пусть паки на земле явятся
Твои ужасны чудеса.

И молнию твою блесни;
Бросай от стран гремящих стрелы;
Рассыпь врагов твоих пределы,
Как плевы бурей разжени.

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой:
Ты с тверди длань простри высокой,
Избавь меня от многих вод.

Вещает ложь язык врагов,
Уста обильны суетою,
Десница их полна враждою,
Скрывают в сердце лесть и ков.

Но я, о боже, возглашу
Тебе песнь нову повсечасно:
Я в десять струн тебе согласно
Псалмы и песни приношу.

Тебе, спасителю царей,
Давида в храбрости прославльшу,

От лютого меча избавлыпу,
Что враг взмахнул рукой своей.

Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти:
Их речь полна тщеты, напасти;
Рука их в нас наводит лук.

Подобно масличным древам
Сынов их лета процветают;
Одеждой дщери их блистают,
Как златом испещренный храм.

Пшеницы полны гу́мна их,
Несчетно овцы их плодятся,
На тучных пажитях хранятся
Стада в траве волов толстых.

Цела обширность крепких стен,
Везде столпами утвержденных;
Там вопля в стогнах нет стесненных,
Не знают скорбных там времен.

Счастлива жизнь моих врагов!
Но те светляе веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым вышний сам покров.

Огньпальных слуг — архангелов, вооруженных огненными мечами. *Пра́щу, а не луки.* Царь Давид, которому приписывается создание книги псалмов, в юности сразил камнем из пращи вражеского воина — великана Голиафа, закованного в медную броню. *Ей бы, меч извлек я тщетно* — воистину, напрасно я извлек бы меч (сражаясь с Голиафом). *Мою на подлость.* Имеется в виду низкое происхождение Давида, который был пастухом. *Толь ничтожну, а познался* — т. е. бог сподобил познать себя столь ничтожному человеку. *Изобрел* — здесь: избрал. *Вознеси рог* — возвеличь мою силу, гордость. *Немощь он мою ругает.* Голиаф и филистимляне издевались над слабым и плохо вооруженным юношей Давидом, вышедшим на поединок. *Спас* — бог, спаситель. *Пад ниц* — падая ниц. *Не страшит путей напасть* — т. е. дороги безопасны.

ИЗ «АРГЕНИДЫ»

Впервые — отдельное издание, СПб., 1751. Перевод «Аргениды» был окончен и представлен Тредиаковским в Академию наук в 1749 г. (см.: Пекарский, т. 2, стр. 146—147). В августе 1750 г. окончен печатанием первый том, а в начале 1751 г. — вся «Аргенида» (там же, стр. 147, 159). Джон Барклай (1582—1621), сын учителя-шотландца, родился в Лотарингии, там же учился в коллегии иезуи-

тов. В 1603 г. отправился в Англию, где обратил на себя внимание короля Якова I, которому посвятил первую часть своего политико-сатирического романа «Euphormionis Satyricon», направленного против иезуитов. Затем жил в Анжере, Париже, снова в Англии. Умер в Риме. Роман «Аргенида» («Argenis») вышел в год смерти автора, затем был переведен с латинского языка почти на все европейские языки. «Аргенида» — политико-аллегорический роман, заключающий в себе намеки на историю Франции и других европейских стран. Автор прославляет абсолютную монархию и осуждает своевольных аристократов, подрывающих интригами и прямыми мятежами крепость и процветание государства. Устами мудреца Никопомпа высказываются то прямые, то косвенные поучения царям, как следует укреплять государство и в то же время избегать тирании и деспотического произвола. По-видимому, эта политическая тенденция романа и привлекла внимание Тредиаковского. В предисловии к роману («Предуведомлении от трудившегося в переводе») он пишет об «Аргениде» Барклая: «Намерение авторово в сложении толь великия повести состоит в том, чтоб предложить совершенное наставление, как поступать государю и править государством, особливо ж французским» (стр. IV—V). Тредиаковский считал, что для целей, избранных автором, не могла служить прямая политическая сатира, свойственная, например, греческой комедии с ее прямыми нападками на конкретных исторических деятелей (свое отрицательное отношение к комедиям Аристофана Тредиаковский высказал также в 1748 г. в отзыве на два стихотворения Сумарокова. — См.: Пекарский, т. 2, стр. 131). Для влияния на монарха более пригодна аллегория. «Автор предызбрал сей род сочинения для того особливо, что прямо и в лицо преднаписывать государям правила, как государствовать и править государством, то сие такое есть своевольство, которое самого жестокого наказания достойно, а не токмо чтоб оно могло заслужить славу и воздаяние; к тому ж всем нам приятнее получать себе наставление от того, что и как сделалось с другими, а не с самими с нами. ...Того ради рассудил он за благопристойнейшее и за безопаснейшее, чтоб превеликою сею повестию, наподобие истории составленною, проложить всем им крюковатую дорогу по приятнейшим и веселым цветникам, не думающим и не чувствующим нимало, что по тем сами они без проводника ходят, а путь бы тот был по оным окружностям такой, чтоб ничьего там в беседках точного портрета по расстояниям для украшения, искусною живописью изображенного, не стояло, но токмо б везде расставлены были чистые зеркала, в которых бы всяк сам себя мог видеть и усмотреть один в себе, что на его лице есть грязное пятно или нет оного» (стр. XIV—XVI). Многие исследователи считали, что в каждом герое и каждом событии романа следует видеть зашифрованные конкретные факты французской истории (Аргенида — Франция, Мелеандр — Генрих III, Полиарх — Генрих IV, Селенисса — Екатерина Медичи и т. д.), и поэтому разрабатывали «ключи» для расшифровки этих прямых аллегорий. Тредиаковский не был сторонником таких толкований и хотя не отвергал «ключей», но подчеркивал, что «польза российского народа» склоняет его видеть в

«Аргениде» события не только французской истории, но нечто общее «всем векам и всем народам». Помимо политических соображений, перевод «Аргениды» преследовал также теоретико-литературные цели, в частности утверждение силлабо-тонического стихосложения в русской литературе. Стихотворные части «Аргениды» Тредиаковский перевел шестистопным ямбом и шестистопным хореем, или, как он называл, ямбическим и хореическим гекзаметром; кроме того он применял также дактилический гекзаметр. В «Предуведомлении» Тредиаковский развивает мысль о том, что рифма есть «игрушка, выдуманная в готические времена», «что коренная наша поэзия была без рифм и что она тоническая» (стр. LXVI—LXVII), и настойчиво подчеркивает свои заслуги в теоретическом обосновании тонического стихосложения. «Предуведомление» переводчика к роману заняло более ста страниц. Помимо этого к каждой из пяти частей романа Тредиаковский приложил весьма обширные «Изъяснения на мифологические места, находящиеся в Аргениде». Так, например, часть первая занимает 218 страниц и «Изъяснения» к ней — 70 страниц. В «Изъяснениях» даются сведения по античной мифологии, для чего привлекаются также стихотворения классиков, специально переведенные для этого случая.

«Не всегда дожди льют наводнение...». Перевод 9-й оды из 2-й книги од Горация, помещенный в «Предуведомлении от трудившегося в переводе» (стр. LXXX) в качестве примера горацианской строфы: «Состоит она у римлян из четырех тетраметров, из которых первые три стиха гиперкаталекты, а последний четвертый акаталект. Стопы во все четыре стиха полагаются следующие: в первых двух сперва спондей, потом иамб и долгий слог пресечения; на конце ж два дактиля. В третием стихе первый спондей, второй иамб, третий спондей же, четвертый иамб же и на конце слог общий. В четвертом сначала два дактиля, а после два ж хорея» (стр. LXXV). Содержание оды Тредиаковский характеризует следующим образом: «Она имеет крайнюю высоту в изображениях и самое изрядное нравоучение. Сочинил ее Гораций в утешение другу своему Вальгию пииту ж, лишившемуся любезного и единородного своего сына, именем Мистеса, в то время, как Август Кесарь возвратился с победою из Малой Армении, а было сие в лето от создания Рима 733» (стр. LXXVIII). О своем переводе оды Тредиаковский говорит, что ему «не достает того духа, которым оживлена подлинная. Моя есть токмо как будто некоторая статуя, внешний вид составов имеющая, а жизни и движения не получившая» (стр. LXXIX). *На горах Гарганских* — т. е. в Апулии, где родился Гораций. *Сын скончался.* Некоторые комментаторы считают, что Тредиаковский из благопристойности заменил в оде любимого мальчика сыном. Текст оды Горация не дает прямых оснований для таких предположений. А примеры, которые приводит Гораций (смерть Антилоха, смерть Троила и горе их родителей), убеждали Тредиаковского, что Мист был сыном Вальгия. *Нестор века с три.* «Несторов век есть не столетний, но тридцатилетний, по мнению самых искусных толкователей», — замечает Тредиаковский на полях против

этой строки. *Чадо* — сын Нестора Антилох, погибший под Троей. *Приам... по Троиле.* Приам — последний царь Трои, отец Троила, убитого во время Троянской войны. *Тигра, Евфрата... укротитель.* Имеются в виду завоевания Августа в Азии. *Скифов... всеместнейших.* Гораций называет скифско-сарматское племя гелонов, которое жило на северных берегах Черного моря; всеместнейших (в изд. 1751 г.: «всемеснейших») — во всех местах (областях) кочующих.

«Первый Феб, говорят, любодейство с Венерою Марса...». Перевод отрывка из «Метаморфоз» Овидия, помещенный в «Изъяснениях» к 1-й части «Аргениды». В связи с упоминанием имени Марса Тредиаковский замечает: «Он не только был храбр, но еще и великий волокита» (т. 1, стр. 226) и подтверждает это данными стихами. *Боги.* В изд. 1751 г. явная опечатка: «Воги».

«Клиа точны бытия...». Перевод 20-й идиллии Авзония, который Тредиаковский помещает в «Изъяснениях» к 1-й части «Аргениды», прилагая его к рассказу о музах: «Гомер и Гезиод признавают их числом девять... Клии приписывают они историю, Мельпомене трагедию, Талии комедию, Эвтерпе свирели, Терпсихоре арфу, Эрате скрипицу, Каллиопе героические стихи, Урании астрономию, а Полигимнии красноречие» (стр. 274—275). Идиллия переведена хореическим тетраметром (четырехстопным хореем). *Да будет прав* — чтобы исправился. *Эвтерпа* — муза лирической поэзии. *Гуслей Терпсихора звук* и т. д. Терпсихора (муза танца) приводит в согласие на гуслях различные звуки. *Эрата* (Эрато) — муза любовной поэзии. *Движет превыспренний ум Муз сих, купно оных шум* — возвышенный ум управляет музами, их песнями и игрою.

«Красная Фебу сестра! ты всё по горам и по дебрям...». Барклай описывает сад мавританской царицы, а затем рощу, посвященную Диане. Стихотворение представляет собой посвящение Диане *(Фебу сестра),* высеченное на мраморе. *Леших.* «Чрез леших разумеются сатиры. Они от пиитов зовутся полубогами, а живут в лесах и на горах и будто превеликую имеют склонность к женскому полу. Изображаются они обыкновенно сверху до пояса людьми и с небольшими рогами на голове, а от пояса с козьими ногами» (прим. Тредиаковского). *Каравод... дриад, и ореады.* «Чрез дриад разумеются нимфы лесные, а чрез ореад горные» (прим. Тредиаковского). *Актеон* (греч. миф.) — охотник, который подглядел, как купалась нагая Диана. Рассерженная богиня плеснула в него водой и тем обратила в оленя. Актеон был растерзан собственными собаками, не узнавшими его. *Орион* (греч. миф.) — охотник, ужаленный скорпионом и после смерти превращенный Дианою в созвездие. По другим мифам, Орион был убит самою Дианою за дерзостный вызов на состязание. Тредиаковский в своих «Изъяснениях» придерживается первого варианта. *Йовиш Здесь не явится, чтоб дать другую медведицу небу.* Нимфа Каллисто, возлюбленная Юпитера (Йовиша), была обращена ревнивой Юноной в медведицу, но Юпитер вознес ее на небо, превратив в созвездие

Большой Медведицы. *К острову Делу* — к Делосу, на котором «Латона как Аполлина, так и Диану сестру его родила» (прим. Тредиаковского). *В Ликии* — в «стране света», «восточной стране»; так называлась одна из областей в Малой Азии. Диана была также богиней света, луны. *При Эвроте... при Пинде.* «Сперва здесь слово идет об Эвроте, пелопонесской реке, которая имеет свою вершину в Аркадии... Пинд есть гора Эпирская, или Тессалийская, которая густым лесом была покрыта. Одна ее часть называлась Парнасом, а другая Геликоном» (прим. Тредиаковского). *Препроводит лета довольны* — проживет многие годы. *Эризихтон.* «Сей Эризихтон срубил целый лес, посвященный Церере. Богиня сия толь на него за то разгневалась, что она в казнь ему наслала на него превеликую жадность, так что он все свое имение проел и наконец принужден был дочь свою отдать на блудодеяние...» (прим. Тредиаковского).

«Победитель, о! щедрый отец Сицилийский, грядеши преславно...». Вошло в изд. 1752 г. дважды: как пример анапесто-ямбического стиха и в переработанном виде (ямбическим стихом):

С победою грядешь, отец Сицильский, славно;
С тобою паки к нам в одежде мир златой;
И чистая летит с небес усердность явно.
Зри, осеняет как бог в силе тя святой!

Согласие твою как землю пременяет!
Безгрешнейший покой, с богатым сам трудом,
В веселии уже по всем полям гуляет:
Цветами нива там, обильна тут плодом.

Исчезни вся война, в неистовстве зло бледном;
И беззаконный ты молчи, оружий звон:
На троне сам един отец сидит наследном;
А воружен пред ним есть токмо что закон.

В предисловии к параллельным переводам этого и еще пяти стихотворений из «Аргениды» Тредиаковский писал: «Сии стихи из Аргениды и следующие для того здесь полагаются, что все они сочинены двумя родами, а именно по-римски и по-нашему... Охотники могут сии роды между собою сличить и заключить по своему рассуждению, кои роды стихов, древнейшие ль греческие и римские, или наши с рифмами новейших времен, благороднее и осанистее» (изд. 1752 г., т. 2, стр. 210). Барклай рассказывает о триумфальном возвращении сицилийского царя Мелеандра после победы над войсками мятежного вельможи Ликогена. Над городскими воротами поставлено «изображение Мира, коего в правую руку Марс влагал ветвь маслиничного дерева, а заблаговременным ласкательством, будто б уже все было успокоено в Сицилии, картина, прибитая под изображением, приветствовала Мелеандру следующими стихами».

«Отвергни уж печаль: довольно ты крушилась...». В роман Барклая этот стихотворный отрывок включен как монолог Эрифилы из пьесы, которую играют перед царем Мелеандром, его дочерью Аргенидою и сардинским царем Радиробаном, добивающимся руки Аргениды. Монолог Эрифилы укрепляет Радиробана в намерении подкупить кормилицу Аргениды, Селениссу. В пьесе показывалось, как Эрифила за дорогое ожерелье «супруга своего на смерть предала» и «восприявши цену за предательство, радовалась одна в себе». Эрифила указала место, где скрывался ее муж, чтобы не идти на Фиванскую войну (по предсказанию, там его ждала смерть). *Тирийский* — Фиванский. *Зять.* Основатель Фив Кадм стал зятем Марса и Венеры, женившись на их дочери Гармонии. *Тем изрядством* — т. е. тем же изящным ожерельем Гармонии, которое сейчас в руках у Эрифилы. *Птицы вещи.* Имеется в виду гадание по полету и крику птиц. *Дельфийский сам отец* — Аполлон; его храм и оракул были в Дельфах. *Брань... претят* — запрещают идти на войну (имеется в виду Фиванская). *Уму невместный* — невообразимый. *Угодность... сию* — т. е. ожерелье.

«Все вы сча́стливы седмь крат солнцем освещенны...». Вошло в изд. 1752 г. дважды: как пример хореического стиха и в переработанном виде (дактило-хореическим стихом). Стихи, которые в романе Барклая некий поэт подносит царевне Аргениде. «Оными тот красоту и счастие царской рощи прославил, в которую Аргенида или от жара для прохлаждения, или при веселых вечерах для гуляния обыкновенно ходила». *Хаонский... лес* — лес в Эпире, где водилось много голубей. *Нисейская... дубрава* — местность, где Вакх был воспитан нимфами. *Неприменны всяко* — никак не могут идти в сравнение. *Ида* — горная местность в Малой Азии, где, по античной мифологии, пребывала Кибела, мать богов. *Пинд* — горная цепь между Фессалией и Эпиром, считавшаяся местопребыванием муз. *Друг и виноградный вяз* — и вяз, друг винограда. *На знак* — для отличия. *В гульбище* — в месте, отведенном для прогулок. *Здесь как Аполлинов лавр, дар так вседражайший* и т. д. — здесь растут как лавр, так и маслины (оливы); лавр, символ славы, был посвящен Аполлону, а олива — символ мира — считалась священным деревом Афины. Спор Афины и Посейдона за обладание Аттикой завершился тем, что первая создала маслину, а бог моря ударом трезубца создал источник на афинском акрополе. *Роды сих* — виды цветов. *Прозерпину... утешать* (римск. миф.). «Баснословие говорит, что когда Прозерпина была похищена Плутоном, то она тогда рвала цветки близ Энны, города в Сицилии» (прим. Тредиаковского). *Стигийский муж* (римск. миф.) — Плутон. *На корах* — на коре дерева. *Лик твой благочинный,* т. е. твою достойную свиту. *Тот... сохранят* — сохранят след. *Благ виновна многих, скверность зол искоренить* и т. д. — т. е., будучи причиной многих благ, можешь искоренить множество зол: Ливия сгорает от жары, иной берег умирает от трескучих морозов, но если ты захочешь туда пойти, везде смягчится воздух, сколь бы он ни был вреден.

«З р я, п р и ш е д ш и й, г р о б н е д а в н ы й...». Вошло в изд. 1752 г. дважды: как пример хореического стиха и в переработанном виде (дактило-хореическим стихом). Эпитафия Селениссе, кормилице царевны Аргениды. Селенисса, подкупленная богатым подарком Радиробана, предала царевну; обличенная в предательстве, она заколола себя кинжалом.

«Б а к х п р и б ы л, п р и б ы л с а м в т о р ж е с т в е н н о м к н а м ш у м е!..». В романе Барклая рассказывается, как войска мавританской царицы Гианисбы и прибывшие им на помощь воины Полиарха перепились в день именин царицы, а ночью на них внезапно напало и нанесло тяжелый удар войско сардинского царя Радиробана. Когда Полиарх осматривал пирующие войска и с тревогой принимал меры предосторожности, один из друидов, т. е. жрецов, прочитал ему шутливое стихотворение о торжестве Вакха *(Бакха). На тиграх привезла* и т. д. (греч. миф.). Здесь дается изображение торжества Вакха (Диониса) Индийского. Вакх был воспитан нимфами в Нисе (находилась, по одним мифам, в Аравии, по другим — в Египте или Индии). Возвращаясь оттуда в Грецию, Вакх, сопровождаемый сатирами, вакханками, шумной экстатической толпой, совершил триумфальное шествие по Сирии, Аравии, Месопотамии, Индии, везде утверждая свой культ, творя чудеса и уча людей виноградарству. Этот сюжет стал особенно популярным во времена завоевательных походов Александра Македонского. Он был очень распространен в античном искусстве и в искусстве европейского Возрождения, где Вакх Индийский часто изображался на колеснице, запряженной тиграми. *По каждых трех годах.* Очевидно, имеются в виду триетериды, зимние празднества в честь Вакха, которые происходили один раз в два года (по греческому летоисчислению — на каждый третий год). *А толь бы паче был прибыток не убог* и т. д. — а еще больше была бы прибыль (выгода, удовольствие), если бы хмель не исчезал после ночи, на рассвете.

«С н е с ш и й с я с к р у г о в н е б е с н ы х...». Эпиталама (брачная ода), которую мудрец Никопомп сочиняет на свадьбу сицилийской царевны и галльского царя Полиарха, избавившего Сицилию от многих бед. Этой одой завершается повествование в романе Барклая. По сходству этой оды со «Стихами эпиталамическими» князю Куракину (ср. стр. 63 и 154—156) можно считать, что «Аргенида» была известна Тредиаковскому еще до 1730 г. *Гимен* (греч. миф.) — бог брака. *Богов царица равно Восхотевши помощй* — также и Юнона (царица богов, покровительница семейного очага), захотевши помочь. *Пафийска чрева сын* — сын Венеры Купидон. *Гуслем бог прекрасный* — Аполлон. *По стопам звон доброгласный* — ритмический звук стихотворной речи. *Со знаком Предержавных их пород* — т. е. на едином гербе двух правящих династий будет запечатлено объединение Франции (Галлии) и Сицилии. *В предызбранной красоте* — в избранной, предназначенной тебе красавице. *Цитереины приятности* — прелести Венеры (Ците-

ры). *Диану превосходит* — т. е. более чиста, чем богиня-девственница Диана. *Сладковонный... цвет* — благоухающий цветок. *И посмля* — сочетаясь браком. *Ликовство предобручали Оны времена и слез* — т. е. залогом радости были и те времена горьких испытаний. *Три богини доброзрачны* — Юнона, Венера, Минерва. *Без трудов премногих в боги Не причтен и Геркулес.* Геркулес совершил много трудных подвигов, прежде чем был причислен к лику богов.

ИЗ ТРАГЕДИИ «ДЕИДАМИЯ»

Впервые — отдельное издание, М., 1755. Трагедия была написана в конце 1750 г. «29 сентября 1750 года граф Разумовский объявил в академической канцелярии, что императрица Елисавета «изустным своим, именным указом повелела профессорам Тредиаковскому и Ломоносову „сочинить по трагедии"» (Пекарский, т. 2, стр. 157). 28 ноября Тредиаковский сообщал в академическую канцелярию, что бо́льшая часть трагедии уже написана и прочитана президенту, а вся работа завершится к новому году. Первый акт был отдан тогда же в типографию, но при жизни автора трагедия так и не была напечатана. В издании 1775 г., по завещанию Тредиаковского, было напечатано посвящение: «Его превосходительству господину статскому действительному советнику, ордена святыя Анны кавалеру и Лейпцигского ученого собрания члену Александру Петровичу Сумарокову сия трагедия, по завещанию сочинителя, в знак вечныя памяти, посвящается». Вместо предисловия в книге напечатано «Краткое описание жизни и ученых трудов сочинителя сей трагедии». Сюжет «Деидамии» основан на сказании о юноше Ахиллесе, которого мать, Фетида, скрыла на острове Скиросе в женском одеянии под именем Пирры, чтобы избавить его от участия в Троянской войне. Излагая это содержание в «Перечневом описании», предпосланном трагедии, Тредиаковский добавляет: «Все ж сие есть самым грунтом в моей трагедии; но всяк чувствует, что сей грунт приличен больше героической комедии, нежели трагической штуке: того ради я был принужден, выбрав сей случай в баснословии в материю себе, вымыслить от себя много нового и соединить с оным приключением, дабы моей поэме быть трагедиею» (стр. 2—3).

<Монолог Навплии>. Действие 1, явление 2. Навплия, «дочь некоторого знатного князя скиросского, пребывающая при дворе Ликодемовом, любящая Ахиллеса», рассказывает Деидамии, дочери царя Ликодема, что Пирра вовсе не девушка, а переодетый юноша. Отвергнутая Ахиллесом, Навплия измышляет, будто он объяснился ей в любви. Весь ее коварный рассказ продиктован чувством мести, отчаянием и желанием проверить, нет ли любви между Ахиллесом и Деидамией. *Поздравившего я поздравила ответом* — ответила на его приветствие. *Что был прекрасен толь* и т. д. Навплия изображает Ахиллеса то юношей, завидным для девицы, то девушкой, которая осчастливит своего жениха. *Дерзость мне оставить* — простить мою дерзость. *Иль жизнь в казнь потреблю* — или жизнь станет мне казнью. *Судьбы естественны пре-*

тят — запрещают законы естества. *Когда б не тот предел* — т. е. если бы не «судьбы естественны». *Но случаю сему* и т. д. — но мне совсем неизвестна причина того, почему случилась эта подмена и для чего я нахожусь при царском дворе.

<Монолог Деидамии>. Действие 1, явление 3. Деидамия взволнована рассказом Навплии (см. предыдущий отрывок). *Что... внушила слухом* — что услышала. *Кипрянам священна.* Остров Кипр был центром культа Афродиты (Венеры), отсюда ее эпитет Киприда. *Пожершуюся вам* — принесшую себя в жертву вам (Амуру и Венере). *Неверности ж был спех зло злейшим изъяснить* — а неверность поспешила раскрыть зло, содеяв при этом еще худшее зло.

<Из монолога Ахиллеса>. Действие 3, явление 1. Ахиллес и Деидамия объясняются и раскрывают коварство Навплии. Влюбленные убеждаются, что по-прежнему верны друг другу. *Я сын, я внук богам, я правнук им.* Отец Ахиллеса, Пелей, рожден от Эака, сына Юпитера; мать Ахиллеса — морская богиня Фетида.

<Монолог Улисса>. Действие 3, явление 5. Улисс (Одиссей), царь Итаки, послан царем Агамемноном, возглавляющим все греческие войска под Троей, к царю острова Скироса Ликодему. Улисс рассказывает об осаде Трои, о том, что Троя не будет побеждена, пока нет в войске храброго Ахиллеса, находящегося, как указывают боги, при дворе Ликодема. Здесь приводится первый монолог посла. *Пела́згических сил* — здесь: греческих сил. *Приама, седша в граде* — т. е. троянского царя Приама, укрывшегося в осажденном городе.

<Монолог Ахиллеса>. Действие 4, явление 4. Ахиллес, узнав, что по воле судьбы греки не могут без него победить Трою, решает выполнить свой воинский долг. Деидамия упрекает его в неверности. Первые два стиха монолога Ахиллеса непосредственно отвечают на этот упрек. Все остальные стихи монолога заключены в кавычки. Внизу страницы напечатано примечание издателя: «Стихи означенные сими знаками " внесены сочинителем в *Феоптию,* или книгу о *богозрении*» (стр. 91). Аналогичным примечанием отмечен также монолог Улисса в пятом действии (стр. 123). *Прежде вас* — т. е. прежде, чем Деидамии. *Превыше... небес.* По греческой мифологии, боги Олимпа также подчинялись начертаниям судьбы. *Хирон* — кентавр, воспитатель Ахиллеса.

ИЗ КОМЕДИИ «ЕВНУХ»

Впервые — «XVIII век. Сборник статей и материалов». М.—Л., 1935, стр. 315. Публикация Л. Б. Модзалевского подготовлена по писарской рукописи, озаглавленной «Евнух. Комедия в пять действий с латинския Теренциевы от мерских самых срамословий очищенныя стихами Василья Тредиаковского, 1752». Предисловием к

рукописи служит «Рассуждение о комедии вообще», опубликованное в изд. 1752 г. без заключительных абзацев, в которых Тредиаковский пишет непосредственно о переводе «Евнуха»: «Теперь, при окончании, должно объявить нечто о переводе моем Теренциева «Евнуха». К труду сему побудила меня трагедия «Деидамия», которую я сочинил в прошлом 1750 годе ... Обыкновенно трагедия препровождаема бывает некоторым родом служанки, называемыя малая комедия, какие явились и на нашем языке прозою, а чтоб сказать о них по совести, больше сквернящие наш язык, нежели обогащающие ... Того ради рассудил я дать моей трагедии в товарища родную ее сестру, то есть прямую комедию, и в пять действий, и стихами. Собственную сочинить не нашел я в себе столько ни довольства, ни способности: известно, что на сочинение комедии почитай вдвое надобно искусства против трагедии... Следовательно, взялся я за латинского Менандра, и Менандра всех народов и веков, именно ж за Теренция. В нем, из шести его комедий, для нас соблюдшихся, выбрал самую лучшую, по общему мнению искусных людей, то есть «Евнуха», которого я преложил нашими стихами...» (Пекарский, т. 2, стр. 168—169). В первом действии комедии участвуют: «Федрий — юноша, гражданин Афинейский. Парменон — слуга. Таида — любовница Федриева». Явление 1. *Лоб хоть спарь* — старайся хоть до поту. *Слезкою одною, вытерши насилу... утолят* — т. е. любимая опровергнет все ваши упреки одною слезинкой, насильно выжатой из глаз. *Пула ж и не дав* — не давши ни гроша; пул — мелкая медная монета в Древнем Риме. *Буде ж не на голи откупаться должно* — т. е. если же не малым придется откупаться. *По себе* — над собой. Явление 2. *Чтоб не туда не причел* — не истолковал бы иначе. *Нельстивно* — нелюбезно. *Сделала не в том* — не потому. *Бедна от любви безмерной, обычайно как, выбила его* — ты, бедняжка, от любви безмерной, как обыкновенно бывает, выгнала его. *Ни камень так* — даже камень не так (может молчать). *В миг те вон мечу* — т. е. враки сразу выбрасываю. *Виду ж* — т. е. ничего, удостоверяющего ее личность. У Теренция: «признаков своего происхождения». *Ее мызе́ Сунии дом был.* У Теренция: ее похитили с мыса Суния (юго-восточная оконечность Аттики). *Сей наш* — т. е. Федрий. *Что до ней, не зная* — не зная связанных с ней обстоятельств. *И нака ж.* Возможно, описка, вместо: инако ж. *От самой то знаю, что не потому.* У Теренция Федрий спрашивает: «Не было ли между ними (т. е. воином и девушкой) чего большего?» Таида отвечает: «Нет, не было; я справлялась об этом ведь у нее самой». *Попустите быть в первейшем мне друге воину.* У Теренция: позволь мне на эти несколько дней предпочесть его тебе. *В мужестве извольте сильно потачать* — т. е. стали более мужественным. У Теренция: значит, настоящий вы мужчина. *О той* — о девице. *Не сыскал ли вскоре* и т. д. — не сыскал ли я тебе рабыню, чуть ты то́лько о ней заикнулась. *Получить оную* — т. е. девицу. *Ту ссачить* — т. е. получить девицу. *Понесть приятно* — т. е. вытерпеть. *В силу* — от силы. *«Иль»? в нем дурен дух.* У Теренция: «никакого «или» слушать не хочу». *Сбившей с глаз* — удалившей с глаз.

К стр. 176

ИЗ КНИГИ «СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ»

Впервые — СПб., 1752.

Несколько Эзоповых басенок, для опытка гексаметрами иамбическим и хореическим составленных

Тредиаковский перевел для этого издания 51 басню Эзопа. Его переводы не воспроизводят заключительную дидактическую часть (разъяснение аллегории, поучение), обязательную в каждой басне Эзопа. Гекзаметр ямбический Тредиаковский в том же изд. 1752 г. определяет следующим образом: «Стих гексаметр иамбический, как мужеский, так и женский, разделяется на два полстишия, из которых в обоих стихах первое полстишие состоит тремя стопами; но второе, в женском, а не в мужеском стихе, имеет три стопы и слог краткий» (т. 1, стр. 110). У мужского ямбического стиха (⏑—⏑—⏑—||⏑—⏑—⏑—) ударение на последнем слоге строки, отсюда его характеристика: «акаталектик, то есть цельный и совершенный всеми стопами». У женского стиха (⏑—⏑—⏑—||⏑—⏑—⏑—⏑) ударение на предпоследнем слоге строки, отсюда его характеристика: «гиперкаталектик, то есть имеющий слог лишний сверх полного шестистопного числа» (стр. 111). Что касается хореического гекзаметра, то, как поясняет Тредиаковский, «стиха гексаметра хореического женского первое полстишие долженствует состоять тремя стопами и долгим слогом, который есть пресечением, но второе, имеющее двусложную рифму, тремя токмо, из них последняя стопа и есть рифма.

Пример

1	2	3		1	2	3
Делом	бы од	ним сти	хи́ ‖	не́ бы	ли на	диво;
Знайтесь	с дружны	ми людь	ми́ ‖	живу	чи прав	диво.
1	2	3		4	5	6

Напротив того, хореического мужеского стиха первое полстишие состоять имеет тремя стопами равно; и третиею окончавать слово для пресечения; а второе, имеющее односложную рифму, тремя и долгим слогом, который и составит рифму.

Пример

1	2	3	1	2	3	
Многи	ми тво	реньми ‖	мудрость	изоб	раже	на́:
Та сти	хами	смертным ‖	в пользу	предвоз	веще	на́.
1	2	3	4	5	6	

Сия есть причина, что стих гексаметр хореический, как женский, так и мужеский, есть гиперкаталектик, то есть имеющий слог лишний сверх шести стоп» (стр. 106—107). В этих определениях Тре-

диаковский упустил из виду, что введение ударения на седьмом слоге (в первом примере) или на тринадцатом слоге (во втором примере) в обоих случаях делает стих семистопным, что противоречит определению гекзаметра как шестистопного стиха. Эту же ошибку вслед за Тредиаковским повторил Аполлос (Байбаков) в своих «Правилах пиитических» (М., 1774, стр. 9). Пресечением Тредиаковский называл цезуру.

Басенка V. Пес чван. У Эзопа — «Собака». *Лют добрé* — очень злой. *Всех лучшего сродства* — всех более породистых.

Басенка VIII. Ворон и лисица. *Птицею почту тебя Зевсовою.* Птицею Зевса считался орел. *Мня себе пристойну* — т. е. считая, что похвала ему пристойна. *Без сердца мех* — чучело.

Басенка XXVII. Старуха, болящая глазами. У Эзопа — «Старуха и лекарь». *Довольную плату* — достаточную плату. У Эзопа указано условие: если лекарь вылечит, то заплатить ему договорную плату, а в противном случае ничего не платить.

Басенка XXXI. Лев жених. У Эзопа — «Лев и земледелец». *Без тех* — без когтей и без зубов. *Чего для... не щитился* — поэтому не противился.

Басенка XLIX. Леший и мужик. У Эзопа — «Человек и сатир».

Басенка LI. Самохвал. У Эзопа — «Хвастун». Одни исследователи полагали, что Тредиаковский метил этой басней в Ломоносова, другие называют Волынского (см.: Пекарский, т. 2, стр. 166).

Оды похвальные

Ода IV. Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу. Написано, по-видимому, в 1752 г. в связи с предстоявшим 50-летием со времени основания города (см. стих 21). *Ижерская земля* — старое название (в летописях — с XIII в.) земель по берегам Невы и Финского залива. *Александр* — Александр Ярославович, за победу над шведами на Неве (1240 г.) прозванный Невским. *Лавра* — укрепленный монастырь; в 1710 г. Петром I в память побед над шведами был заложен Александро-Невский монастырь, впоследствии официально названный лаврой. *Там почернил багряну ток Скамандру* — там поток (Невы) посрамил багряную Скамандру. Река Скамандр во время Троянской войны стала, как говорится в «Илиаде», багряной от крови. *К полтавским... полям* — к победе Петра I под Полтавой (1709 г.) *Равного ж соседа* — т. е. шведов. *Сему коль граду свет и т. д.* — сколь громкие хвалы этому городу будет петь пришедший

в восторг мир. *Долгий Лондон.* После пожара в XVII в. Лондон, расположенный вдоль р. Темзы, быстро застраивался на запад от Сити. *Все сии цель есть шествий наших в них, Желаний вещь* — все эти города цель наших путешествий, предмет желаний. *Мног час* — многие часы. *Из всех тех стран* — т. е. из Италии, Голландии, Англии, Франции. *Явится им здесь мудрость по всему* и т. д. Здесь мудрость явится во всех делах им (иноземцам) не отраженно. *Санктпетербург не образ есть чему?* — Чему образцом не может быть сам Петербург? *О Петре* — ради Петра.

Ода VI. Благодарственная. 25 июля 1745 г. императрица Елизавета, по докладу Сената, назначила Тредиаковского профессором «как латинския, так и российския элоквенции» (т. е. сделала его академиком). Так Тредиаковский и одновременно Ломоносов первыми из русских стали академиками, а Крашенинников — адъюнктом. Возможно, это событие и отражено в «Оде благодарственной», написанной, в таком случае, не ранее 25 июля 1745 г. Но в ней можно предположить и отражение более поздних событий; может быть, имеется в виду введение первого устава Академии наук, утвержденного Елизаветой 24 июля 1747 г., строительство здания для большого глобуса Петра I после пожара в здании Академии наук 5 декабря 1747 г. (см. стих 18). Более поздними поводами для личной благодарности Тредиаковского могли быть повеление отпустить Тредиаковскому книг на 2000 рублей после пожара в его доме 30 октября 1747 г. или обещание императрицы дать средства на печатание подготовленного Тредиаковским двухтомника (изд. 1752 г.). Таким образом, оду следует датировать периодом между 1745 и 1752 гг. *Оных* — т. е. героинь. *С тимпаны* — с тимпанами (ударный музыкальный инструмент в Древней Греции). *Поздный род* — будущие поколения. *Докуки* — здесь: потребности, нужды. *Ублажат державу* — принесут благо государству. *Что сим* — что наукам. *Ублажи причину славы* — воспой, прославь источник славы. *Не тще* — не тщетное. *О тебе* — ради тебя, тобою. *Твоя рабам судьба* — твой суд подданным. *Сердечна правота* — т. е. сердечная преданность, верность. *В ком мало службы доль* — чье участие в службе невелико. *Кладешь содруги.* Вероятно: со други. Смысл: оцениваешь меня по заслугам вместе с другими. *Венцем здесь славну честным прославит бог небесным* — т. е. императрицу, прославленную достойным венцом на земле, бог прославит небесным венцом.

Оды божественные

Ода VIII. Парафразис псалма 6. С 1750 г. Тредиаковский работал над стихотворным переводом Псалтыря. Однако его книга не была напечатана. Несколько псалмов Тредиаковский включил в изд. 1752 г., в том числе парафразис (переложение) псалма 143, написанный в порядке творческого состязания с Ломоносовым и Сумароковым и изданный в 1744 г. Тредиаковский высоко ценил псалмы как поэтический жанр. В 1752 г. он приписал

к своему старому «Рассуждению об оде вообще» (первоначальный вариант был приложен к оде о сдаче города Гданска, 1734 г.) следующее замечание: «Всяк российский охотник может приметить высоту слова, какова приличествует одам, в псалмах святого песнопевца псалтирического: ибо псалмы не что есть иное, как токмо оды, хотя на российский наш и не стихами они переведены, но на еврейском все сочинены стихами. Увидит он тут и благородство материи, и богатство украшения, и великолепие изображений; увидит мудрое прерывание разума, а от разума не отходящее; увидит удивительное вознесение слога и, по Ролленевым словам во втором надесять томе древней его истории, неисчетное множество живых красот и одушевленных. В них реки возвращаются вспять к своим истокам, моря расступаются и убегают, холмы скачут, горы тают как воск и исчезают, небо и земля слушают и внушают с почтением и в молчании, все естество приходит в движение и колеблется от лица своего зиждителя. Увидит он и скажет, что то по самой истине есть божий язык. Такова долженствует быть совершенная ода, а особливо благородную материю воспевающая» («Сочинения и переводы», т. 2, стр. 33—34). *Есмь... ложе плачем умываяй* — я обливаю ложе слезами. *Лжи за правду давцы* — выдающие ложь за правду. *Как не обратятся вскоре* — если вскоре не опомнятся, не изменятся. *Их сломление рогам* — т. е. пусть сокрушится их гордыня.

Ода XVIII. Парафразис вторыя песни Моисеевы. Песнь из 5-й книги Моисея (Библия), называемой Второзаконием. Глава 32-я Второзакония воспевает бога, покровительствующего избранному народу — Израилю. *Колено* — здесь: племя. Имеются в виду упоминаемые в Библии двенадцать колен Израиля, происшедших от двенадцати сыновей Иакова. *Не чада стали уж пороком* — погрязнув в пороке, перестали быть детьми (бога). *Сих* — т. е. грешных дел. *Доколе в помыслах ты шумен!* — до каких пор ты будешь строптив, дерзок в помыслах! *От ангельска числа то зная* — зная (о числе верных своих слуг) от ангелов. *Иаков* — библейский патриарх, родоначальник еврейского народа; в собирательном смысле означает народ израильский. *Был как странный* — был как бы чужой. *В пустыне всем его снабдил* и т. д. Речь идет об исходе евреев из Египта. Чтобы избавиться от египетского рабства, еврейский народ, руководимый Моисеем и Аароном, сорок лет странствовал по Синайской пустыне, где питался манной, посланной с небес, пил воду, высеченную Моисеем из камня, пока не достиг земли обетованной — Палестины. *На верьх земных плотин.* В Библии: вознес его на высоту земли. *Спас ему* — его спаситель. *Бесáм пожерли* — принесли жертву языческим идолам. *В сквернах* — в пороках. *Богам, отцам что странны их* — богам, которые были чужды для прежнего поколения. *От напитавша* — от напитавшего, вскормившего, от родного. *Злость познал* — увидел пороки, прегрешения. *Тем, что не бог* — т. е. тем, что отрицали как своего бога. *Народом их сломлю я рог* и т. д. — сломлю гордыню народа, который, хотя и многочислен, но по вине глупых

людей перестал быть народом. *Все попалит страны всея* и т. д. — спалит все плодородные долины страны, чтобы вызвать голод. *Плоть на дол* — тела убитых на землю. *В произвол* — вволю. *С седым младенца* и т. д. — смерть унесет из памяти людей и старых и малых (в Библии: «и изглажу из среды людей память о них»). *Когда б не для противных тех* и т. д. В Библии сказано: «Но отложил это ради озлобления врагов, чтобы враги его (т. е. Израиля) не возомнили». Смысл стихов: сделал бы все это, если бы это не было помощью врагам Израиля, которых я сам в гневе разоряю. *Рукою мы свершили сею* и т. д. Смысл: чтобы противники не похвалялись, будто не господь, а они своею рукою разорили Израиль. *Сей род, в чием совете мрак* — т. е. род, который наставляют непросвещенные. *Содом* и *Гоморра* — города, которые, по библейской легенде, были сожжены до основания небесным огнем за крайнюю развращенность нравов. *Розги* — здесь: лозы. *Пили треб вино в чреде* — пили вино, соблюдая порядок религиозных обрядов. *Покров пусть нанесут* — пусть возьмут под покровительство. *Нет, кто б исторг.* В Библии сказано: «никто не избавит от руки моей». *Ону* — т. е. животворящую и карающую руку.

Ода XIX. Парафразис песни Анны, матери Самуила пророка. Песнь из первой Книги Царств (Библия). Анна была бесплодна и дала обет богу: если родится у нее мальчик, отдать его на все дни жизни в храм для служения богу. Родив и вскормив Самуила, она привела ребенка в храм и вознесла богу молитву (песнь). *О нем* — им. *Кротйт и высит* — смиряет и возвышает.

Строфы похвальные поселянскому житию. Подражание второму эподу Горация. Написано в связи с рассуждением Тредиаковского «О беспорочности и приятности деревенския жизни». Стихотворение существенно отличается от латинского первоисточника по содержанию. Тредиаковский устраняет приметы сельской жизни, характерные для Древнего Рима, и вводит приметы русcской сельской жизни и национального быта (см., например, ст. 29—33, 57—60, полностью принадлежащие Тредиаковскому). Особо значительные изменения претерпел образ самого земледельца. У Горация земледелец обрабатывает землю своих отцов, но не сам выполняет наиболее тяжкую работу. За ужином он с отрадой наблюдает, как возвращаются стада овец и усталые волы, волочащие перевернутый плуг, и как роем собираются вокруг стола рабы. Земледелец Тредиаковского не рабовладелец, а труженик. Правда, он живет безбедно и без долгов, но он работает всюду сам и засыпает в летнюю пору лишь «ненадолго». В заключительных строках эпода Гораций неожиданно обращает все сказанное в насмешку: оказывается, это всего лишь мечта ростовщика Альфия, который хотел бы купить имение, но снова и снова пускает деньги в рост. Этот сатирический мотив совершенно устранен Тре-

диаковским. *Ябед он не знает* — т. е. не знает сутяжничества, хождения по судам и приказам. (У Горация речь идет о форуме, площади в древнем Риме, центре политической жизни.) *С собаки* — с собаками. *Сарра... или Сусанна* — библейские образы женщин, отличавшихся достоинством, простотою, добродетелью и примерной супружеской верностью. *Спокойства нет сравненна с сим* — никакое благоденствие не может сравниться с этим.

ФЕОПТИЯ

Печатается впервые по писарской рукописи из архива московской Синодальной типографии (ЦГАДА). Тредиаковский начал работу над «Феоптией» в 1750 г., закончена поэма была к 1754 г., и тогда же он обратился в Синод с просьбой рассмотреть поэму и разрешить ее для печати. Разрешение Синода было необходимо Тредиаковскому потому, что именно в это время православное духовенство стало усиленно преследовать в русской литературе и журналистике все хоть сколько-нибудь сомнительное с точки зрения церковной ортодоксии. 24 февраля 1755 г. он получил заключение Синода, в котором ему сообщалось, что в «Феоптии» «никакой противности церкви святой не присмотрено...» (Пекарский, т. 2, стр. 173). Обезопасив себя от духовной цензуры, Тредиаковский 17 марта 1755 г. обратился к президенту Академии наук с «доношением», в котором просил напечатать «Феоптию» в академической типографии на его собственный счет. Академическая канцелярия ответила Тредиаковскому, что «Феоптия» будет печататься только тогда, когда «начатые в типографии книги будут окончены печатанием» (Пекарский, т. 2, стр. 174), и спрашивала, не имеет ли он намерения печатать ее в Москве (имея в виду, по-видимому, московскую Синодальную типографию). 10 августа 1755 г. Тредиаковский ответил на это решение очень раздраженно и обиженно. Он подтверждал свое желание печатать обе рукописи в Петербурге, в академической типографии, с горечью отметив убийственный для него смысл решения канцелярии: «Но понеже в академической канцелярии определено печатать ... тогда, когда печатные книги в типографии печатию окончатся, чего ни мне, ни внукам моим не дождаться: того ради, пока просил я его (президента. — *И. С.*), чтоб повелеть их мне назад отдать обратно» (Пекарский, т. 2, стр. 174). Академические власти, несмотря на повторно выраженное Тредиаковским желание печатать «Феоптию» в Академии наук, придрались к его просьбе «отдать обратно» рукопись и отказали ему в печатании. Тредиаковский болезненно переживал этот «удар» в числе прочих «уязвляющих» его действий академической канцелярии и литературных врагов. В апреле 1757 г., отчаявшись добиться печатания в Петербурге «Феоптии», Тредиаковский обратился в Синод с просьбой напечатать ее в Москве в Синодальной типографии («Москвитянин», 1851, № 19—20, стр. 536—540). Синод согласился печатать «Феоптию», и 22 апреля 1757 г. она была послана в Москву. Однако московская Синодальная типография не торопилась ее печатать. Поэма Тредиаковского попала в Москву

в момент наибольшего ожесточения борьбы духовенства с передовой русской литературой. Синод осаждал правительство непрерывными доносами на соблазнительные по «материализму» и «безбожию» произведения, печатавшиеся в журнале «Ежемесячные сочинения» в 1755—1756 гг., как например, духовные оды Сумарокова, в которых развивалась ненавистная церковникам идея множественности миров; в сентябре 1756 г. Синод категорически запретил опубликование поэмы английского просветителя-деиста Александра Попа «Опыт о человеке» в переводе любимого ученика Ломоносова — Николая Поповского. Весной 1757 г. Ломоносов ответил на решение Синода «Гимном бороде» — самым смелым антицерковным выступлением русской поэзии XVIII века. Вокруг «Гимна бороде» возникла оживленная рукописная полемика, которая еще более раздражила церковные власти и сделала их еще более подозрительными, чем три года назад, когда Тредиаковский представил «Феоптию» в Синод для проверки. Поэма Тредиаковского на себе испытала бдительность православных обскурантов. Более года находилась «Феоптия» в Москве, и наконец в Синод поступила «Выписка о сумнительствах, в „Феоптии" находящихся», написанная товарищем директора типографии Афанасием Пельским и правщиком Григорием Кондаковым («Москвитянин», 1851, кн. 19—20, стр. 544—552). Авторы «Выписки» приводили несколько цитат из «Феоптии», в которых, по их мнению, содержались мысли, противоречащие «священному писанию». Они указали на те места из поэмы Тредиаковского, в которых, по их мнению, проповедовалась множественность миров в системе Коперника; во второй эпистоле правщики отметили следующие строки:

Небесных мы светил в числе луну зрим ближе,
Ходящу за Землей, стоящу прочих ниже,
Как силою сия отъемлет свет луна
У солнца, чтоб тот в нощь нам подала она

и сопроводили их своим замечанием: «священному писанию противно».

В третьей эпистоле следующие строки вызвали подозрение в гелиоцентризме, так как «по божественному писанию солнце ходит»):

Мы солнце зрим, оно (в колико ж верст мильонов?)
Есть более Земли, и обществом законов
Иль ходит, иль стоит в пространствии таком.

В этой же эпистоле вызвала возражение составителей записки усмотренная ими материалистическая тенденция:

Мы всё то зрим в зверях, зрим в каждом то животном,
Махины суть они в своем составе плотном,
Подобны все часам, имеющие в дар,
Внутрь, вместо всех пружин, душевный некий пар.
Однак, при чувствах всех, премного разумеют.

Они указывали, что «скоту разума не дано, то и разуметь ему не можно, да и автор здесь себе противоречит и механисм вводит». По-видимому, «Выписка» повлияла на Синод, «Феоптия» осталась ненапечатанной и считалась утраченной. Тредиаковский сумел напечатать только десять строк из «Феоптии» в своей статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755) в качестве примеров хореического и ямбического шестистопного стиха. Двенадцать строк из «Феоптии», введенные им в трагедию «Деидамия» (1750), увидели свет только в 1775 г. Таким образом, оригинальное поэтическое произведение Тредиаковского, поэма, посвященная изложению важнейших проблем философской мысли своего времени, начисто выпала из литературного движения середины XVIII в., и эта неудача во многом способствовала утверждению в потомстве неправильного мнения о Тредиаковском как о переводчике в первую очередь. Тредиаковский писал «Феоптию» в ту эпоху развития европейской просветительской мысли, когда уверенное поступательное движение естествознания настоятельно требовало полного освобождения науки от подчинения религии, от богословской схоластики. В середине века такой последовательный разрыв со всеми формами идеализма был сделан французскими материалистами — Ламетри в его книге «Человек-машина» (1748) и Дидро в «Письмах слепым в назидание зрячим» (1749). Русским просветителям было трудней, им приходилось в это время защищать науку от нападок православных обскурантов. Наиболее последовательным в этой борьбе был Ломоносов как автор «Письма о пользе стекла» (1752) и ряда сатирических, антиклерикальных произведений. В литературно-философской борьбе 1750-х годов Тредиаковский занимал особое место. Он не имел такой сильной поддержки, как Ломоносов, да и позиция его была чрезвычайно противоречива. Вольнодумец и даже, может быть, атеист в начале 1730-х годов, в первые годы по возвращении в Россию, к 1750-м годам Тредиаковский, под давлением клерикальной реакции елизаветинского времени, по-видимому, кое-что пересматривает в своих философских взглядах. Его страшит смелость материалистов, отрицающих философию оптимизма Лейбница — Попа, согласно которой многообразие и совершенство мироздания ежеминутно и повсеместно убеждают человека в существовании бога — творца мира и человека и в том, что все в природе создано богом для пользы человека и потому целесообразно и разумно. Основные возражения атеистам сосредоточены Тредиаковским в предисловии к «Феоптии», так что у читателя может составиться впечатление, что, нападая на безбожников-материалистов, Тредиаковский действует отчасти и в интересах самозащиты от возможных подозрений со стороны церковников, еще не забывших его кощунственные высказывания начала 1730-х годов. Его критика в адрес материалистов свидетельствует, что он хорошо знал материалистическую философию, особенно учение Б. Спинозы, взгляды которого Тредиаковский излагает наиболее обстоятельно. Оставаясь на почве «чистой» метафизики, Тредиаковский более или менее последовательно развивает точку зрения рационалистического идеализма Лейбница на основные проблемы философии религии. Доводы

Тредиаковского сходны с теми аргументами, которые в спорах с атеистами выдвигали Вольтер и Монтескье и некоторые другие просветители XVIII века. Он пользуется и «космологическим» и «онтологическим» доказательствами существования бога. Его бог — это «великий мастер», «великий строитель», часовщик, который завел вселенную, как часы, исправно с тех пор работающие и верно показывающие время. Наконец, не чужд ему и аргумент социальный, выдвинутый Монтескье в «Духе законов»: бог необходим для сохранения порядка в государстве. Но как только, не ограничиваясь «доводами из самых метафизических внутренностей», Тредиаковский обращается к «необъятныя огромности всего света», то есть к солнечной системе и ее устройству, и к миру животных и растений, к человеческому организму, наконец — ко всему богатству сведений и наблюдений, накопленных современным ему естествознанием, — он неизбежно вступает в острый конфликт с догматическим православным богословием и с религией вообще, договариваясь иногда до наивно-материалистических утверждений по наиболее спорным вопросам современной ему науки. Так, например, по поводу существования души у животных спор в науке особенно обострился после того, как Декарт объявил животных машинами без души. Тредиаковский посвятил этой теме почти всю третью эпистолу «Феоптии». Он критикует и Декарта, и его предшественников, также отрицавших душу у животных, в особенности Платона и Джордано Бруно, сам же он, под влиянием Лейбница, как будто склоняется к мысли, что у животных есть душа, но особого рода, более ограниченная в своих познавательных и мыслительных способностях. Защищая точку зрения противоположную взглядам механистического материализма XVII—XVIII веков, Тредиаковский одновременно впадает в самый наивный и вульгарный материализм. Так, по его мнению, если бы животные ели другую пищу, они могли бы получить такую же душу, как люди. Значение «Феоптии» в истории русской литературы XVIII века не только в том, что она отразила противоречивость позиций раннего русского просветительства в период начавшейся острой борьбы церкви с передовой наукой. «Феоптия» — убедительное свидетельство серьезности интереса русских поэтов к собственно философской проблематике. Тредиаковский следовал в поэтической разработке философского материала за Ломоносовым, но ему хорошо известна была и философская поэзия древних (в том числе материалистическая поэма Лукреция «О природе вещей»), и наиболее яркие явления философской поэзии нового времени. В обширном предисловии, предпосланном «Феоптии», Тредиаковский объясняет замысел своей поэмы, ее цель и выбор стихотворного языка для столь сложного философского содержания: «В нынешние времена повсюду стихи, по большой части, употребляются токмо или на пустые игралища, или на другие мирские сочинения, возбуждающие страсти. Но возводящий помышление свое к удаленной древности увидит, что поэзия у древних была общею их философиею и теологиею. Итак, писать философствование стихами, то возводить некак стихотворение к первому его и достохвалному началу. А сие впрочем не едино

было мне побуждением, чтоб составить мое доказательство заключенным красноречием: возбудил еще меня к тому пример, возбудило ревнование, возбудила краткость и, наконец, видимая польза возбудила. Многии видим примеры философствовавших стихами. Сим образом Цицерон описал Аратову «Астрономию». Сим Люкреций книги «Об естестве вещей»; сим Вергилий земледелные свои книги; сим Овидий сладкие «Превращения» и мудрыи «Фасты»; сим из древнейших Эмпедокл книги «Об естествах вещей», коему и подражал эпикурскими своими помянутый Люкреций; сим и еще древнейший Эмпедокла Изиод «Теогонию»; сим, напоследок, и Гомер похвалныи богам «Гимны»; но да не будут подражаемым примером язычники, не ведавшии истинного бога; сим царствовавший пророк Давид, вдохновенную духом святым Псалтырь, сим все пророческие возглашены песни; сим и в благодати многие из отцов святых церковные стихиры и каноны составили, а особливо преподобный отец Иоанн Дамаскин; но как? самую глубокую богословию сим образом он воспел». Мысль о создании «Феоптии» пришла Тредиаковскому во время чтения поэмы Александра Попа «Опыт о человеке»: «Начал я думать, не можно ль чего подобного составить стихами ж. Ревнивое размышление придало мне некоторыя мысленные крыла: возлетел я ими от Пóпова «Опыта о человеке» до творца человеку. Рассуждал: понеже автор, пиша о человеке, почерпнул все свои мысли из внутренностей метафизики, то мне и приличнее еще быть имеет, чтоб мыслящему писать о боге, почерпать мои размышления из самых глубокостей тоя ж метафизики». Французский перевод поэмы Попа, о котором говорит Тредиаковский, вышел впервые в 1737 г. и переиздавался в 1738 и 1748 гг. Перевел ее малозначительный французский литератор Жан-Франсуа Дюренель (1692—1761). Много позднее Вольтер признавался, что половина стихов в этом переводе «Опыта о человеке» принадлежит ему. Время работы Тредиаковского над его философской поэмой — это кульминационный пункт общеевропейской популярности А. Попа как поэта-философа. Популярность эта объясняется тем, что в «Опыте о человеке» талантливо и живо излагался деистический взгляд на мир в духе философского оптимизма Шефтсбери с его верой в конечное торжество добра над частными проявлениями мирового зла. Вольтер в «Поэме об естественном законе» (1751) прославлял Попа и отчасти подражал его «Опыту о человеке». Для русских просветителей 1750-х годов, для Ломоносова и Тредиаковского, Поп и особенно его «Опыт о человеке» были в такой же мере близки и значительны, как для Руссо и Вольтера. Вот почему, когда Н. Н. Поповский, по совету и под руководством Ломоносова, сделал в 1753 г. стихотворный перевод «Опыта о человеке» с прозаического французского перевода Силуэта, публикация перевода Поповского встретила такое сильное сопротивление Синода и повлияла на судьбу «Феоптии». Задача, которую поставил перед собой Тредиаковский в этой поэме, была грандиозна и требовала большой поэтической смелости. Он хотел вместить в поэму все содержание современной научной мысли, все, чего достигла наука в объяснении важнейших вопросов мироустройства. При этом Тре-

диаковский понимал, что он пишет не просто философский трактат, и потому стремился придать ей, насколько это было возможно и насколько это было в его силах, поэтическое звучание. Поэтому все шесть эпистол адресованы определенному лицу (вымышленному) — Евсевию — и в самом стиле поэмы заметно стремление автора придать изложению популярность и непринужденность, свойственную беседе близких людей. Но сложный философский материал, выбранный им для изложения и требующий особых терминов и оборотов, сопротивлялся этому стремлению автора. Стиль «Феоптии» двоится: один стилистический ряд образуют собственно философские рассуждения, другой — картины и примеры, особенно взятые из живой природы. Поэтому двоится и лексика поэмы: философская терминология, часто смело создаваемая вновь Тредиаковским на материале церковнославянского языка, перемешивается у него с просторечными, бытовыми словами и выражениями.

Эпистола I. Эпиграф — слова из «Послания к римлянам» апостола Павла, означающие: «Ибо невидимые его, бога, вечные сила и божественность от создания мира через рассматривание творений видимы, хотя они и бессловесны». *Ст. 3. Ту ему подавша* — т. е. давшего миру красоту. *Ст. 5. Мрака их храниться* и т. д. — т. е. остерегайся невежества и неверия скептиков. *Ст. 8. Следом действия его в бытность всё восстало* — т. е. в результате действий бога все стало существовать. *Ст. 15. И в себе того ж всегда, и преудобренна* — т. е. неизменного и исполненного совершенства. *Ст. 18. А собой имуща по вседолгу обоé* — имеющего из самого себя естество и бытие. *Ст. 23. Круг мыслей сверьх обширный* — т. е. необозримый даже мысленно. *Ст. 26. Зелень различая толь* — т. е. отличаясь оттенком зелени. *Ст. 29. Двусоставный* — состоящий из души и тела. *Ст. 34. С тем сопряженный* — т. е. соединенный с телом. *Ст. 43. Гнусными нижé страстьми сердца восхищенный* — не захваченный гнусными увлечениями сердца. *Ст. 51—54. Бог есть превечный* и т. д. — т. е., в отличие от превечного, простого бога, мир сложен и мог существовать или не существовать. *Ст. 56. Страхом совести, нижé правдою за пя́той* — т. е. не страшась совести, не следуя правде. *Ст. 75—79. Действом ныне вещи суть* и т. д. — т. е. вещи существуют в результате действия, создания, что предполагает существование их создавшего. *Ст. 94. И другой* — бог. *Ст. 95—106. Если существо возмог* и т. д. Речь идет о том, что если бы человеческий разум мог создать сам себя, то он сделал бы это как можно лучше и не стал бы, конечно, соединяться с телом человека, подверженным всяким невзгодам и бедам. *Ст. 115. Тел тримерных* — т. е. имеющих три измерения. *Ст. 118. Праздность токмо грунтом* — т. е. инертность, бездеятельность — основное свойство материи. *Ст. 135. Стал и быть собою* — создал сам себя. *Ст. 164. Свойство б было тем честняй вещи, что есть ложно* — качество было бы важней предмета, к которому относится, а это ложно. *Ст. 167—168. Кое в вещество* и т. д. — т. е. которое придало материи вращательное движение. *Ст. 194. Первейший пределов чин* — первопричина, начало всех действий. *Ст. 197. Вины вторые* —

вторичные или ближайшие причины явлений. *Ст. 201. Как не навесть* — как не заключить. *Ст. 220. Самому себе всегда сам он не в примету* — сам себя он (случай) не может познать. *Ст. 255—256. Цицерон «Летописéй» Энниевых только об одном стишке сказал.* Квинт Энний (239—169 до н. э.) — римский поэт, автор эпической поэмы-хроники в 18 книгах «Анналы», в которой была изложена вся история Рима. От нее сохранились фрагменты, которые часто цитировали позднейшие авторы, и особенно охотно Цицерон. *Ст. 270. И с тремя гласами в сходстве звон осмый дает* — сочетание звука одноголосных труб дает в орга́не так называемый нормальный, или восьмифутовый (по длине трубы), голос. *Ст. 347. Бельведерский Аполлин.* Римская мраморная копия с бронзовой статуи Аполлона, принадлежавшей греческому скульптору Леохару (IV в. до н. э.), помещалась некоторое время в Бельведере (открытой галерее) Ватикана, откуда и название Аполлон Бельведерский. *Ст. 347—348. Венера славна, Медицейской что слывет* — римская статуя (I в. до н. э.), хранится в музее Уффици во Флоренции. *Ст. 349. Фарнезский... Геркулес* — мраморная статуя отдыхающего Геркулеса работы греческого скульптора Лисипа (IV в. до н. э.), находится в Неаполитанском музее. *Ст. 350. Статуа и Веры, кою Петр в свой сад привез* — мраморная статуя, привезенная по заказу Петра I в 1722 г. в Петербург и поставленная в Летнем саду. Особо тонкой работы было покрывало (мраморное), закрывавшее лицо статуи. *Ст. 362—370. На коей проведение людей Всех израилетских по пучине без ладей* и т. д. Имеется в виду библейское предание о переходе иудеев, предводимых Моисеем, через Красное море, волны которого для этого расступились, а затем вновь сошлись и потопили преследователей-египтян. Сюжет этот был очень распространен в европейской живописи XVI—XVIII вв. Особенно известна была картина Н. Пуссена «Переход через Красное море». *Ст. 405. Протоген* (IV в. до н. э.) — греческий художник, живший больше всего на острове Родосе. В древности славилась его картина (несохранившаяся), изображавшая мифического героя Иалиса с собакой. Тредиаковский пересказывает популярный анекдот о работе Протогена над этой картиной. *Ст. 443—444. Бог хоть есть, но не промышляет И создание свое просто оставляет.* Древнегреческий философ-материалист Эпикур (341—270 до н. э.) отрицал какое бы то ни было вмешательство богов в жизнь мира. Он учил: «Блаженное и бессмертное (существо) и само не имеет хлопот и другому не причиняет их, так что оно не одержимо ни гневом, ни благоволением; все подобное находится в немощном»; до него такой же точки зрения придерживался философ Анаксимандр (ок. 610—546 до н. э.). Вновь этот взгляд на невмешательство бога в ход жизни вселенной был развит философами-деистами XVII—XVIII вв. *Ст. 456. А от эпикурской в вид как иною внове* — Спиноза по виду создал иную, чем у Эпикура, философскую систему. *Ст. 457—458. Не можно существу другое здать, Следственно, собою должно зданиям всем стать* — невозможно какому-либо существу создать другое, следовательно, все создания должны возникнуть сами собой. *Ст. 485—486. Существа такого разум* и т. д. — наш

разум видит в идее такое существо, которое не противоречит ему. *Ст. 528—534. В грунте разностей сея он не узрит веры* и т. д. — т. е. в основе этой веры он не увидит различий. *Ст. 550—551. Бога нет, кой есть пребываяй* и т. д. Бога пребывающего нет, ясно, что, не веруя, так и утверждают.

Эпистола II. *Намеренный конец* — определенная цель. *Обыкновенные четыре стихии.* Мир, по принятому в натурфилософии XVII—XVIII вв. мнению, состоит из четырех стихий: огня, воды, земли и воздуха. *Ст. 6. Тонкость вещей* — сложность предметов, явлений. *Ст. 9—10. Объял собой пространность* и т. д. — т. е. постигнул протяженность тел, их состояние, форму, их особенности. *Ст. 28. Представлю ону внутрь я божества показ* — представлю путь познания мира как способ внутреннего (мысленного) познания творца. *Ст. 35. Не долг уж тонку быть вещей зря на убор* — т. е. нет необходимости в особой тонкости ума при рассматривании устройства материального мира. *Ст. 42. Достигнет сколь примета* — куда достигнет взор. *Ст. 67. Весь простирает вдаль в себе сам помысл свой* — т. е. устремляет свою мысль дальше, глубже. *Ст. 72. Ни мыслям* — даже мысленно недоступен. *Ст. 78. Подобна друга* — другого подобного себе. *Ст. 82—84. И на водáх кто всю повесил Землю* и т. д. — перефразировка стихов из 103-го псалма. *Ст. 95. Се ж равномерна в том есть обоем она* — т. е. земная почва состоит из твердых и мягких пород. *Ст. 126. Как к деланию той* — к возделыванию земли. *Ст. 139. О! коль плодов* — сколько бы было плодов. *Ст. 141—142. Но лютая уже, оружий толь* и т. д. — но лютая вражда, сильно вооруженная, ведет войну в наказание за несправедливости сильных. *Ст. 155—156. Расселин дичь и всех* и т. д. — дикие каменистые горы и расселины между ними удерживают в порядке поднятые ими земные слои. *Ст. 192. Цепь* — горная цепь. *Ст. 207—208. От целости оно* и т. д. — разрушившись и сгнивая, оно возвращается снова внутрь земли. *Ст. 259. Но и радящий сей в строителе совет* — но и заботливая мысль строителя. *Ст. 280. На отдох насести в оных лень* — т. е. насесты для отдыха, когда птицы захотят отдохнуть. *Ст. 290. Выделываем всяк вид из того мы цельно* — с определенной целью придаем любой вид. *Ст. 318—320. Во все себя он виды* и т. д. — т. е. вода, не имея собственной формы, принимает форму любого вместилища. *Ст. 329. Густо сотворил толь равномерно воду* — сотворил воду равномерной густоты. *Ст. 330. Кто жидких в свете двух составов сих* — т. е. воздуха и воды. *Ст. 332. Конец намерный* — намеченная цель. *Ст. 342—343. Кто, твердости в себе* и т. д. — кто создал воду так, что она, не будучи твердой, может выносить на себе огромные тяжести? *Ст. 351. Разводя концы* — разделяя струи воды. *Ст. 357. Есть человеку так, как собственна своя* — т. е. так, как будто она является собственной силой человека. *Ст. 380. Сделался высок* — остался бы выше, чем размытая водой площадь. *Ст. 406. Великий Океан* — собирательное название для всех морей и океанов, омывающих материки. *Ст. 413. По свой... пай* — по своей надобности. *Ст. 416. Новый свет* — Америка. *Ст. 421. Богатим те нашими краи* — обогащаем

нашими товарами заокеанские страны. *Ст. 438. Чрез нагло быстры сопы* — через очень быстрые протоки. *Ст. 449. По кремням* — по каменистому руслу. *Ст. 455. Мы солию крепим сладя всех ядей роды* — мы солью делаем вкусней различную пищу. *Ст. 468. В мерность... приводить* — делать воздух умеренно влажным. *Ст. 479. Эфир* — по распространенному в середине XVIII в. мнению, есть тончайшее вещество, разлитое по всей вселенной и наполняющее безвоздушное пространство. *Ст. 483. Метéоры* — ветры, порождаемые скоплением газов. *Ст. 484. Элéктрических сил особо ль вещество* и т. д. До конца XVIII в. существовало представление об особой электрической жидкости, наличием которой объясняли различные проявления электрической энергии. *Ст. 503. От ее последства* — от последствий густоты. *Ст. 504. Кто ж воздух весь привел в умеренность сию?* — Кто придал воздуху умеренную густоту? *Ст. 522. По бéгам* — по орбитам. *Ст. 524. Влаги в знак* — из-за присутствия влаги. *Ст. 541. В тли* — тлея. *Ст. 549. К сферам выспрь огней* — т. е. ввысь к огненным сферам. *Ст. 590—591. Какое человек похитить выспрь возмог и в дол земный унесть.* Имеется в виду миф о Прометее, похитившем небесный огонь у богов. *Ст. 592. Баснь поганска прочь* — долой языческую выдумку. *Ст. 606. Как древний муж сказал.* Имеются в виду псалмы Давида, в которых часто повторяется эта мысль. *Ст. 613. Но сквозь и темноты видению ту взрачну* — доступная зрению и в темноте. *Ст. 630—631. Чудимся превесьма* и т. д. — удивляемся, видя это убранство, хотя и знаем, что он (Млечный Путь) состоит из сонма движущихся звезд. *Ст. 644—645. В собщение взаем приводит* и т. д. — т. е. день дает людям, имеющим в этом потребность, возможность взаимного общения. *Ст. 694. Что ж на четверо те эклиптику секут.* Эклиптика — большой круг небесной сферы, по которому совершается кажущееся годовое движение солнца, плоскость которого совпадает с плоскостью земной орбиты. Эклиптика пересекает экватор в точках весеннего и осеннего равноденствия. Наклон ее определяет положение на земном шаре тропиков и полярных кругов. *Ст. 707. Погод как старость тех* и т. д. — как пора старости, дряхлости в смене времен года. *Ст. 709. Покоен по большой есть части и в довольных* — большей частью доволен и покоен. *Ст. 718—719. Без скук чтоб были мы* и т. д. — чтобы не скучали от однообразия вечного света или вечной тьмы. *Ст. 732—737. Иль прикреплен к чему* и т. д. Изложение взглядов древнегреческого астронома Аристарха Самосского, считавшего, что солнце, как и звезды, неподвижно в пространстве. *Ст. 740—743. Но буде, напротúв, мы* и т. д. Изложение гелиоцентрической системы, впервые научно обоснованной Коперником. *Ст. 749. Ни в нагоны* — ни вдогонку. *Ст. 763. Бог зная восхотел, чтоб знать, не знать ли нам* — бог решил, что нам (людям) надо или не надо знать. *Ст. 787—789. Возмогла в себе чиновно весть* и т. д. — т. е. если бы это была жидкость, твердые тела не могли бы в ней плавать по постоянным орбитам. *Ст. 807. Вторые причины* — ближайшие, а не конечные причины данного явления. *Ст. 823. Чудеса творишь един в предлог* и т. д. — т. е. ты совершаешь чудеса лишь для того, чтобы дать людям повод к восхище-

нию. *Ст. 876—877. По одному с царем* и т. д. Имеются в виду слова из 18-го псалма Давидова: «Небеса проповедуют славу божию».

Эпистола III. *Весь свет есть разумное животное обоего пола.* Точку зрения на мир как на одушевленное существо поддерживали многие греческие философы. Так, Эмпедокл (ок. 490—430 до н. э.) во всей природе видел борьбу двух начал, ее одушевляющих, — любви и вражды. Стоическая школа древнегреческой философии считала вселенную живым телом, образующимся от сгущения жизненного духа или пневмы. Сходный взгляд развивал и Платон. *Ст. 149. При многих тьмах примет, сия будь в образ нам* — из многих тысяч примеров пусть этот будет нам образцом. *Ст. 159—162. Животным свойства дал* и т. д. — т. е. животные служат человеку примером поведения. *Ст. 239—243. Склепан как мир цепию своею* и т. д. Тредиаковский повторяет здесь следующую мысль из «Опыта о человеке» А. Попа, которая так выражена в переводе Н. Поповского: «Скажи, твоя или божественная сила Великую сию цепь в свете утвердила, Что вяжет меж собой все части и крепит, И сим согласием весь круг земной хранит?» *Ст. 246. Счетанный вкупе чин* — т. е. общий порядок. *Ст. 273. В пространствии* — здесь: в отдалении. *Ст. 275—276. В оке б разверстаться* — т. е. если б были способны предстать глазу в истинных размерах. *Ст. 313—314. Ни прямо для того* и т. д. — т. е. не совсем точно и исправно, хотя и не совсем ложно. *Ст. 399. Без рассуждений сущу* — которому не свойственно рассуждать. *Ст. 412. Тот разум крайний есть, ум мало наш удобен* — т. е. это высший разум, наш ум не способен понять его. *Ст. 429. Простых махин я действ хоть не даю скотам.* Имеется в виду точка зрения Декарта, объявившего животных машинами. *Ст. 431—434. Единственное скот* и т. д. Животное познает единичное, но не может вывести из него всеобщее; сила понимания в нем только от представления, а отвлеченного (чистого) разума у него нет. *Ст. 435—440. Не знаю как, скоты* и т. д. — т. е. если предположить, что животное, хоть и сложная, но только машина, непохожая на наше тело, то придется принять взгляд, согласно которому она сама собою движется, и т. д. *Ст. 449. Изнывша корма в ней* — переваренного в ней корма. *Ст. 463. Что пред четы́рьмя был конь некий где годами* — что было четырьмя годами ранее некоим конем. *Ст. 532. Как любопытна в нас уж началась примета* — т. е. когда появилась любознательность. *Ст. 577—578. Подвижностью — Декарт* и т. д. По Декарту, движение материальных частиц в пространстве — это акт передачи божественной силы из одной точки в другую; Ньютон склонялся иногда к объяснению всемирного тяготения воздействием какой-то нематериальной силы; Платон считал любовь (Эрос) силой, связывающей духовное и материальное. *Халдеи содержали* и т. д. Халдеями в XVIII в., по древней традиции, называли вавилонских жрецов, создателей мистического учения, в котором особенно важное значение имело влияние звезд на судьбы людей. *Ст. 611—613. Чрез тысящи веков чтоб кой искоренился* и т. д. В XVIII в. науке еще не было известно о существовании вымерших видов животных.

Ст. 703—705. Пусть уверяют нас и т. д. Физиологи XVII—XVIII вв. разрабатывали учение о преформизме, т. е. о том, что зародыш человека или животного содержит в себе в сжатом состоянии все органы тела. Одно из направлений преформизма, так называемая скатуляция, учила, что в яичниках Евы в сжатом виде уже существовал весь человеческий род. Виднейшим преформистом в середине XVIII в. был немецкий физиолог и поэт А. Галлер (1708—1777). *Ст. 771—772. Не ибисы ль летят* и т. д. В XVIII в. еще широко была распространена легенда о том, что ибисы истребляют змей, устремляющихся периодически из Ливийской пустыни в Египет. *Ст. 799. Он печень в нем, себе любимую, съедает.* Ихневмон, или фараонова мышь, небольшое хищное млекопитающее, считалось у древних египтян священным животным; ему приписывали, между прочим, вражду к крокодилам, которых он будто бы всячески преследовал и убивал. *Ст. 909. Картезий* — Декарт. *Ст. 919—920. Что с телом умирает* и т. д. Душа, хотя и умирает с телом, но не уничтожается. *Ст. 921—922. Против Декарта весь наш опыт* и т. д. Тредиаковский в споре Лейбница с Декартом придерживается взглядов первого, считавшего, что у животных есть и «душа», но особого рода, которой доступны только единичные чувственные впечатления и восприятия. *Ст. 952—953. Нижé и мыслить без придатка возможет та собой* — мыслить без привнесения чего-либо другого тело не может. *Ст. 963—964. Старались утвердить* и т. д. Философское учение стоиков в Древней Греции основывалось на представлении о логосе или божественном разуме, невидимо разлитом по всему миру, по всем вещам. *Ст. 986. А лебединый глас свой взнесши о пчелах.* В поэме Вергилия «Георгики» о пчелах говорится в начале четвертой книги. *Ст. 997—1001. Потом, что сущность в нем* и т. д. Платон считал основой мира идею, или мировую душу; философы стоической школы (Зенон, Хризипп, Эратосфен) считали вселенную живым существом, возникающим из сгущения огненного духа — пневмы; Джордано Бруно идею «мировой души», воспринятую им у европейских неоплатоников, переосмыслял материалистически, считая ее чем-то вроде разреженной материи.

Эпистола IV. *Санная кость* — грудная кость, соединяющая ребра. *Ст. 10. Быть земной подобным не благоволил нам тле* — не уподобил человека букашке. *Ст. 14. Всему в печать* — всему в пример. *Ст. 44. Не костей от слога в нем, что он упадает* — не от строения скелета, а по какой-либо другой причине человек падает. *Ст. 49. Становые жилы* — нервы. *Ст. 50. Духи жизненны* — понятие, введенное Декартом для того, чтобы найти соединительное звено между телом человека, которое он трактовал как сложную машину, и нематериальной душой. *Ст. 104. Что как тварь человек там ина* — человек там кажется совершенно иным существом. *Ст. 115—118. Зол, кого в знак естество* и т. д. По-видимому, имеется в виду внешность А. П. Сумарокова, над которой часто издевались его литературные враги. *Ст. 127. Водный сок и пресный.* Имеются в виду лимфатические железы и их содержимое. *Ст. 136. Ей боль-*

шою имя есть. Речь идет об аорте, выходящей из левого желудочка сердца. *Ст. 140. Что дуплястою враки иль зовут пустою* — т. е. вена, которую ошибочно называют пустой или дуплистой; по ней поступает кровь в правое предсердие. *Ст. 262. В мах* — быстро, мгновенно. *Ст. 279. Красна нет убору* — нет красоты. *Ст. 310. Без нужды* — без усилия. *Ст. 352. Всё сокровище* — мозг. *Ст. 402. Что зрим не двойные вещи, а двойный зреть уд* — видим не удвоенные предметы двойным органом зрения. *Ст. 423. Сеточка тонка вельми* — сетчатка глаза. *Ст. 425—426. В древних неки мнили* и т. д. Эвклид (III в. до н. э.), древнегреческий математик, полагал, что из глаз истекают «зрительные лучи», которые протягиваются к телам внешнего мира. Этого взгляда придерживался ранее Пифагор (582—500 до н. э.). *Ст. 430. А новейшим мудрым и неугоден стал всем.* В XVII в., благодаря работам ряда ученых, и особенно Декарта, было установлено, что глаз является не источником световых лучей, а их приемником. *Ст. 437—438. Некоторы мужи* и т. д. Имеется в виду волновая теория света, предложенная в 1690 г. X. Гюйгенсом, основанная на предположении об эфире как носителе световых волн. *Ст. 462. Пирамидных много шишечек в смесь разметать.* Язык человека покрыт вкусовыми сосочками пирамидальной формы. *Ст. 582. От доски заглавной до доски в ней задней зря* — т. е. просматривает от начала до конца. *Ст. 640—641. Винный и преступник* и т. д. — я умираю виновным и преступником, так как знаю, что наша смерть есть расплата за первородный грех, совершенный в раю Адамом и Евою. *Ст. 650. А прегнувшись весом, вопреки струю лиет* — согнутая собственным весом струя льется обратно, вниз.

Эпистола V. *Ст. 13. Страдательно, в себе действ тело не имеет* — т. е. тело только испытывает на себе внешние воздействия, оно не является причиной каких-либо действий человека. *Ст. 18. Одно не пустит всех в свое других пространство* — т. е. одно тело занимает в пространстве определенное место, в которое уж «не пускает» другое тело. *Ст. 24. Чего для много в нем внутрь о самóм вестей* — т. е. так как разум человека не делится на части, то он многое знает о себе. *Ст. 27. Умных свойств* — свойств ума. *Ст. 32. Ум камням и древам не придает их цел* — целостность камням и деревьям придает не их сознание. *Ст. 35—36. Всяк скот махина просто есть.* См. примечание к эпистоле III (ст. 429). *Ст. 38. И произнесшу то не выговорить пречно* — т. е. сказавшему это как не возразить. *Ст. 41—50. Встарь неки мудрецы, бесплотности не зная* и т. д. Тредиаковский излагает учение древнегреческого философа Анаксагора (ок. 500 — ок. 428 до н. э.), по мнению которого порядок в мировой хаос вносит мировой разум («самое тонкое и самое чистое из всех вещей»), материальный по своей природе. *Ст. 59—60. Он, словом, правит мысль* и т. д. — т. е. человеческий ум направляет мысль к привлекательной для него цели. *Ст. 71—72. Ум смысленный в себе* и т. д. — т. е. мыслящий ум содержит в себе двоякого рода свойства, составляющие некое единство, — разум и волю. *Ст. 74. Для дóбра чина* — для должного порядка. *Ст. 81—82. Что невозможно пречным быть вкупе по себе* — т. е. невоз-

можно единому сочетать в себе противоречивые качества. *Ст. 84. Так больше своея быть части долг всему* — т. е. целое должно всегда быть больше какой-либо своей части. *Ст. 100. Во взоре не простом* — т. е. не в непосредственном восприятии, а при помощи разума. *Ст. 113—117. В прибавок есть в уме* и т. д. — т. е. в уме человеческом есть свобода постижения явлений и оценки их, без всякого принуждения извне или изнутри. *Ст. 117. Неразнственна* — здесь: безразличная, не отдающая предпочтения. *Ст. 169. Но навыки так зрим, когда мы воли правы* — так мы понимаем свои навыки, привычки, когда наша воля направлена к добродетели. *Ст. 179—190. Пусть натекает сей естественно на то* и т. д. Тредиаковский излагает три взгляда на взаимоотношения души и тела, существовавшие в философии середины XVIII в.: последователи Декарта считали, что движения тела и понятия о них в душе производятся богом посредством случайных причин, но прямую связь между сознанием человека и процессами в его теле они отрицали; ученики Лейбница предполагали полное взаимопроникновение души и тела, полное согласие в их действиях; сам Декарт считал возможным слияние души с телом посредством особых жизненных духов. Тредиаковский отказывался решить этот вопрос. *Ст. 200. Безумнейший ли тот припадок* — бессмысленный случай. *Ст. 216. Есть тело каково и есть колико* — какое тело и сколько его, какова его величина. *Ст. 277—278. В сей мысли кое час* и т. д. — т. е. этой мысли пятьдесят лет тому назад не было нигде. *Ст. 634. Та действует всем им, не зная как, то странно* — странно представить, что душа действует на все части тела, сама не зная как. *Ст. 793. Предстать в явление* — стать явственным. *Ст. 802. Я следую затем всё естество делами* — т. е. я исследую материю в действии. *Ст. 821—828. Скажи: триангул есть собою* и т. д. Здесь доказательством от противного объясняется, что бесконечность не может иметь определенной геометрической формы. *Ст. 835—836. Число, которое затем единицами шло* — число, которое может быть выражено конечными значениями. *Ст. 837—838. Чрез бесконечность мы* и т. д. — т. е. мы познаем бесконечность через конечное; отсутствие вещи мы замечаем, когда знаем вещь. *Ст. 849—850. Единицы, в приклад* и т. д. — т. е. единиц, например, в десятке десять, и десяток не может быть десятком без единой единицы. *Ст. 870. Не вредны никогда пременою какою* — т. е. невредимы, не подвержены никаким переменам. *Ст. 904. Лишенного себя которых внутрь познал* — т. е. которых (совершенств) познал себя лишенным. *Ст. 917. А то* — слепой случай. *Ст. 925—926. Несовершенств в себе* и т. д. — не имея никаких несовершенств, ни вещественного тела, ни конечной границы. *Ст. 939. Пространством для вещей безмерность мы его* — т. е. его (бога) безмерность мы познаем, наблюдая бесконечность пространства. *Ст. 947—950. Поистине здесь всяк* и т. д. — поистине, всякий здесь усматривает божественную власть и если отрицает ее, то произвольно, из нежелания признавать бытие бога, одержимый стремлением к беспорядку. *Ст 1009. Сил многи тьмы* — бесчисленные небесные силы: ангелы, серафимы и т. п.

К стр. 303

Эпистола VI. *Един естественный закон не доволен... но надобен необходимо откровенный* — т. е. непосредственное, врожденное представление о боге должно быть дополнено учением церкви, так называемым откровением, изложенным в Евангелии. *Ст. 14—17. Что в произведённом есть* и т. д. — т. е. что есть в произведенном (душе), то, как известно, есть и в ее породившей причине, которая ее (душу) и превосходит и является богом. *Ст. 21. Не собой то извелось* — не само собой произошло. *Ст. 25—27. Но Ничто ль возможет* и т. д. — как может Ничто, в котором ничего нет, включить в себя самую совершенную вещь? *Ст. 38. Тем самодоволен бог быть себе в причину* — бог достаточен как причина самого себя. *Ст. 52—53. Ни начала, ни конца* и т. д. — ни начала, ни конца не имеет бытие бога, как не имеет начала и конца венец (представляющий собой окружность). *Ст. 69. Ни другою также распростерт есть болей вон* — ни другою частью простирается куда-либо вовне. *Ст. 84—85. Прежде вышний сей состав* и т. д. — бог прежде сам познал устройство мира, которым он показал человеку безграничную силу своего разума. *Ст. 93. В разуме возможным было токмо престоя* — т. е. в разуме (бога) весь мир находился уже в возможности, в заранее предусмотренном виде. *Ст. 107. Самостойных и того, с слогом что в коликих* — т. е. простых и сложных. *Ст. 117. Всё к концам свершенным разрядил и дал закон* — все направил к определенным целям по установленному им закону. *Ст. 123—127. Обществённейший конец* и т. д. — всеобщую цель связывает с частными, чтоб их представить кратчайшими средствами к достижению конечной цели, которая завершает всякое действие. *Ст. 134—149. Называется от всех* и т. д. Речь идет о том, что бог определяет судьбы мира наилучшим образом и, следовательно, все в мире развивается к лучшему. *Ст. 178—179. Но что всякородно* и т. д. — т. е. бог совершенен во всех отношениях и смыслах; он един все вмещает в себе. *Ст. 191. В пресвятой тройце пребывает.* Согласно христианским догматам, бог един в трех лицах: бог-отец, бог-сын, бог-дух святой. *Ст. 225. Так как Нинивии града он не погубил.* Согласно библейской легенде («Книга пророка Ионы»), бог хотел разрушить Ниневию, столицу Ассирии, за грехи ее жителей, но раскаяние ниневиян смягчило его, и город не был разрушен. *Ст. 260. Самый лучший есть из всех мир сей.* Основное положение философского оптимизма Лейбница — Попа. *Ст. 284—287. Есть произвол: побуждающему, цело к зданию, не впол* и т. д. — т. е. для божества, создающего мир целиком, а не вполовину, поводом является его доброта, его желание сделать всех счастливыми. *Ст. 324. Августин* Аврелий (354—430) — богослов и католический церковный деятель, один из видных авторитетов религиозной мысли. *Ст. 375. Теплы оны знаки* — знаки Зодиака, соответствующие летним месяцам: Дева, Весы, Скорпион. *Ст. 379. К хладнейшему кругу* — к Полярному кругу. *Ст. 415. Но взражает школа пусть трудностей доводы* — пусть школьная (университетская) наука выдвигает трудно оспоримые доводы в споре, занимавшем философскую мысль XVIII в., продолжает ли бог вмешиваться в дела мира после его сотворения или нет? *Ст. 508—509. Должного в кото-*

рой вещи и т. д. — можем удаляться от явления, которое несовершенно, видя зло, от него идущее. *Ст. 596. Человеком повелел* — повелел людям. *Ст. 628. Над человеки* — над людьми.

ИЗ «ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

Впервые — отдельное издание, СПб., 1749—1762.

«Падших за отчизну покрывает здесь земля...». В шестом томе «Древней истории» Ш. Роллень рассказывает о Филиппе и его сыне Александре Македонском. Тредиаковский перевел стихами текст надписи на могиле афинян, сражавшихся против Филиппа и павших в Херонейской битве (338 г. до н. э.). *От работы животом сих всех воспященна* — т. е. спасена от рабства жизнью всех, кто пал за отчизну.

ИЗ «РИМСКОЙ ИСТОРИИ»

Впервые — отдельное издание, СПб., 1761—1767.

«Уж требует того...». В «Предуведомлении от трудившегося в переводе» Тредиаковский рассуждает о «сообщности супружеской» и в связи с этим дает перевод стихотворения «Фомы Мория» (Томаса Мора), «сего славного и мудрого человека». Тредиаковский сообщает, что читал эти стихи «давно уже», «да и так я ими усладился, что тогда ж еще переложил их на наш язык стихами ж» (стр. XXIV). Томас Мор (1480—1535) — английский писатель-гуманист, государственный деятель, автор социально-фантастического романа «Утопия». Переведенное Тредиаковским стихотворение в латинском оригинале озаглавлено: «К Кандиду о выборе надлежащей жены». Тредиаковский добавил к стихотворению Т. Мора строфы 56—66, где говорится о выдающихся женщинах, еще не известных при жизни Мора. *Мнестéй* — условное имя (у Мора — Кандид). *Дарами украшéнны* — украшенную дарованиями, добродетелями. *Тебя б одной жещи́* и т. д. — т. е. пусть тебя жжет страсть к одной, к невесте, обрученной (оглашенной). *Милы чады* — милыми детьми. *О многом вене* — о большом приданом. *Не в тлене* — не в бренных земных богатствах. *Со взрачными цветочки* — с красивыми цветами. *Любовь, котору сей* и т. д. — т. е. исчезает любовь, которая держится только на красоте, если увядает красота одного из любящих. *Тем, в-первых, друг, она* и т. д. — прежде всего смотри, друг, кто родитель той, которую берешь в жены, чтобы после не попрекать ее. *Затем что дщери нравы* и т. д. — т. е. чтобы поведение дочери в любом деле было таким же правильным, благонравным. *Сникают до конца* — исчезают, сходят. *Стыдения красам* и т. д. — т. е. чтобы щеки румянились только красотой смущения, волосы же не должны бесстыдно черниться (краситься). *Обратность бы смела* — в обращении была бы смела. *Та* — обратность, т. е. обращение. *Вдруг Марфа и Мария* — т. е. одновременно и практичная, и думающая о душе своей. Марфа и Мария — по евангельской притче,

сестры Лазаря; когда Иисус пришел в дом их, Марфа заботилась об угощении, а Мария села у ног Иисуса и слушала слово его. Иисус сказал: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Евангелие от Луки, гл. 10). *Рачаща строить дом* и т. д. — заботящаяся об устроении дома и о духовном блаженстве. *От изданий* — из книг. *Сердечных созиданий* — наставлений, назиданий для души. *Смысл подая́* — наставляя уму. *Не поболишь* — тебе не придется заботиться. *Жене поверишь в них* — т. е. доверишь жене воспитывать детей. *Орфеева супруга* (греч. миф.) — Эвридика; погибла вскоре после свадьбы от укуса змеи. Певец Орфей отправился в загробный мир, чтобы вернуть Эвридику к жизни. *Да и́змет вспятно* — чтобы вернуть, взять обратно. *Дочь... Назона* — дочь древнеримского поэта Овидия Назона, поэтесса. *Стихов для звона* — для поэзии. *Последня... жена* — т. е. третья жена Овидия, которой посвящен ряд его элегий. *Дщерь Туллия* — дочь древнеримского оратора и государственного деятеля Марка Туллия Цицерона. *Ни мудрости его То время равну знало* — его время не знало мудрости, равной его собственной. *Корнелия* — мать братьев Гракхов, выдающихся политических деятелей Древнего Рима; отличалась высокой образованностью и добродетелью, ее письма ценились за красоту языка. *Квинтильян* (ок. 35—95) — древнеримский писатель, теоретик ораторского искусства. *Христина* (1626—1689) — шведская королева, знала много иностранных языков, покровительствовала наукам и искусствам; ее называли «новой Минервой». По преданию, отказалась от престола, чтобы посвятить себя наукам. *Шурманна* — Анна-Мария фон Шюрманн (1607—1678), писательница, художница, музыкантша, знаток иностранных языков. *Скудерия* — мадемуазель Мадлен де Скюдери (1607—1701), французская писательница, хозяйка известного литературного салона, где ее называли «новой Сафо». *Дасиера* — Анна Дасье (1651—1720), французская исследовательница и переводчица гомеровского эпоса и других произведений античной литературы. *Тот свергнуть в дол* — унизить женский пол. *Саблиера* — Маргарита де ла Саблиер (1636—1693), хозяйка литературного салона в Париже; ей посвящены лучшие басни Лафонтена. *Декарта* — Катрина Декарт (1634—1706), писательница, племянница философа. *Деласюза* — де ла Сюз (1618—1673), французская поэтесса. *Вильдьо* — французская романистка Мария-Катерина-Гортензия Дежарден (ок. 1640—1683), принявшая фамилию своего возлюбленного Вильдьо. *В образ* — в образец, в пример. *Подлых... и глумных* — низких и достойных осмеяния. *Ир* — нищий, описанный в «Одиссее» Гомера. *Крез* — лидийский царь (ок. 560—546 до н. э.), обладатель несметных сокровищ.

ИЗ «ТИЛЕМАХИДЫ»

Впервые — отдельное издание, СПб., 1766. Поэма Тредиаковского — вольный стихотворный перевод прозаического романа Фенелона «Похождения Телемака, сына Улисса». Франсуа де Салиньяк де ла Мот Фенелон (1651—1715) был одним из предшественников

французского Просвещения. Как сторонник идеи просвещенной монархии, он критиковал нравы, царившие при Людовике XIV, и по существу противопоставил знаменитой формуле короля «Государство — это я» свою точку зрения о монархе как слуге народа. Фенелон закончил свою жизнь в опале. Роман о Телемаке был опубликован в 1699 г. и в том же году выдержал 20 изданий. Тредиаковского привлекли в романе Фенелона его прогрессивные общественные идеи, весьма актуальные для России XVIII в. Сам Тредиаковский более всего подчеркивал в «Тилемахиде» ее позитивное нравственное содержание. В предисловии к «Тилемахиде» он писал: «Ироическая, инако эпическая, пиима и эпопиа есть крайний верх, венец и предел высоким произведениям разума человеческого»; высшее назначение героической поэмы — подавать «твердое наставление человеческому роду, научая сей любить добродетель...» («Предызъяснение об ироической пииме», стр. I и II). Тредиаковский резко полемизирует с политическими теориями Маккиавелли и Гоббса, которые «под суетным и ложным предлогом, что будто польза общества не имеет ничего общего с существенным добром человека, то есть с добродетелью, полагают за правила державствования одну только хитрость, коварство, обман, тиранию, неправду и злочестие. Но автор Тилемаха соединил самую совершенную политику с прекрайнею добродетелию («Предызъяснение...», стр. XXXI). Тредиаковский перевел роман дактило-хореическим гекзаметром и тем самым впервые ввел этот классический размер в русскую литературу. В предисловии поэт обращает особое внимание на то, что французский оригинал написан был «прóзою, за неспособностью французского языка к ироическому еллино-латинскому стиху; а так называемый на том языке александровский стих есть не стих, но прозаическая простая строчка, рифмою токмо на конце в лад гудущая, которая уже и всего нестройнее примешается к течению слова в пииме самоначальной. Что ж до нашего языка, то он столько ж благолепно воскриляется дактилем, сколько и сам еллинский и римский, и так же преизящно употребляет пренесение речей с места на другое, не пригвождаясь к одному определенному, как и оный еллинский с латинским: природа ему даровала все изобилие и сладость языка того еллинского, а всю важность и сановность латинского. На что ж нам претерпевать добровольно скудость и тесноту французского, имеющим всякородное богатство и пространство славенороссийское?» («Предызъяснение...», стр. LI). Уже в 1735 г., в «Эпистоле от российския поэзии к Аполлину» и других стихотворениях, Тредиаковский, как отмечалось выше, стал тщательно расставлять знаки ударения на всех иностранных словах, а нередко и на русских. Но до «Тилемахиды» Тредиаковский писал двухсложными размерами — хореем и ямбом. Трехсложные размеры, и тем более такой, как в «Тилемахиде», классический дактило-хореический гекзаметр, поставили еще более сложную задачу: правильно определить не только ударение в многосложном слове, но и силу ударения в односложном слове, иначе говоря, указать, какие односложные слова в стихотворной речи становятся слабоударяемыми или безударными. Пытаясь решить эту задачу, Тредиаковский

изобрел так называемые «единитные палочки», которые в русском стихосложении не удержались. «Единитной» в XVIII в. называлась черточка, употребляющаяся при переносе слова с одной строки на другую. Тредиаковский применил этот знак для соединения двух, трех или даже четырех слов в одну группу, в которой отмечается лишь один сильно ударяемый слог. Впервые это было предложено в 1755 г. (см. «О древнем, среднем и новом стихотворении российском»). В «Предызъяснении» к «Тилемахиде» Тредиаковский пишет: «Односложные речения (по естеству своему всегда долгие, как не могущие отнюдь произнестись без напряжения голоса, и следовательно без возвышения, или, по обычному имени, без ударения) надлежит почитать общими, то есть и долгими и краткими, смотря по надобности и нужде; инако превесьма трудное и едва возможное будет составление стиха нашего, тоническим хождением высящегося и низящегося. Ведомо сие довольно обращающимся в нашем стихосложении. Итак, при восприятых мною односложных речениях за краткие, на различение от положенных долгими, начертавал я здесь всюду ифен (единитную по нашему названию), то есть оризонтальную палочку, иногда справа, а иногда слева» («Предызъяснение...», стр. LVI—LVII). Расстановка ударений и единитные палочки в стихе Тредиаковского имеют сейчас лишь историческое значение, как попытки графически отразить некоторые закономерности живой речи.

«Древня размера стихом пою отцелюбного сына...». Из кн. 1, ст. 1—21. *Пою.* По канонам классицизма, героическая поэма должна была начинаться обращением к музе, призывающим воспеть героя и его подвиги. Прозаический роман Фенелона, естественно, такого вступления не имел. Тредиаковский создал его сам и ввел в свой перевод, который он рассматривал как героическую поэму. *Палладою Ментора в виде.* Афина Паллада сопровождала Телемака, приняв вид его наставника — Ментора. *За любострастных сея утех презор с омерзеньми* — за пренебрежение и отвращение к сладострастным утехам Афродиты. *Прикровенна премудрость* — Афина. *Рождшего* — т. е. Одиссея, отца Телемака. *Пыщ* — «дутик» (прим. Тредиаковского), т. е. надменный, надутый человек. *Вне постоянства превратен* — т. е. «вертушка» (прим. Тредиаковского)). *Слог «Одиссии»* — т. е. гекзаметр.

«Горе! чему цари бывают подвержены часто?..». Из кн. 2, ст. 231—244. Телемак рассказывает о кознях царедворца Метофия, который настраивал добросердечного египетского царя враждебно к пленникам — Телемаку и Ментору. *Пока не взыщутся* — пока их не станут искать. *Снискивать оных* — т. е. отыскивать, приобретать их.

«Все государи, всегда которы преспеющи были...». Из кн. 2, ст. 289—303. Телемак, находящийся в египетском плену, слышит из пещеры утешающий его божественный голос Паллады. *Счастия коль же тебе* и т. д. — как же ты будешь счаст-

лив, преодолев все несчастия и постоянно помня те беды. *Ифаку* — остров Итаку, где правил отец Телемака Одиссей.

«Вкупе тогда ж при ней усмотрил я сыночка Эрота...». Из кн. 4, ст. 165—192. Телемак рассказывает, что видел во сне, как Паллада защитила его от Афродиты и ее сына Эрота. *Без всяки содейности* — т. е. ничего не сделав. *То Эрот в досаду прияв воздохнул претяжко.* К этому стиху Тредиаковский делает на полях примечание: «трохейский». Античный гекзаметр состоит из шести стоп дактиля, причем пятая стопа дактиля (один долгий и два кратких слога) иногда заменяется двухсложной стопой спондея (два долгих слога). В русском стихосложении Тредиаковский заменял в таких случаях стопу спондея стопой хорея (трохея) и назвал трохейским такой стих гекзаметра, в котором пятая стопа дактиля заменена хореем.

«Буря внезапна вдруг возмутила небо и море...». Из кн. 4, ст. 234—259. Телемак рассказывает, что сон об Афродите и Палладе (см. предыдущий отрывок) был для него божественным наставлением. Поведение моряков во время бури явилось подтверждением того, что поклонники вина, любви и роскоши утрачивают бодрость в бедствиях. *Как млат приражались* — ударялись, как молот. *Ментор* — см. стр. 524. *Киприйцы* — жители о. Кипр, где особенно был распространен культ Афродиты (Киприды). *Прапоры сриньте* — спустите флаги.

«Я спросил у него, состоит в чем царска державность?..». Из кн. 5, ст. 102—131. Телемак задает вопрос Ментору. Ментор (т. е. Паллада) рассказывает об идеальном царе Миное (Миносе), некогда правившем на острове Крит. *Памятен быть о себе* — думать о себе.

«А потом председатель нам предложил три задачи...». Из кн. 5, ст. 451—512. Жители Крита изгнали недостойного царя Идоменея и выбирают нового царя согласно наставлениям покойного царя Миноя (см. предыдущий отрывок). Телемак, прибывший в это время на Крит и одержавший победу в спортивных состязаниях, также приглашен на собрание, хотя он и чужестранец. Телемак вернее всех, в духе Миноя, ответил на три поставленные председателем вопроса (два из них приводятся в данном отрывке). Собрание избирает его царем Крита, но Телемак отказывается от царствования, желая возвратиться на родину. *Первая сих* — первая из этих задач. *Лесвон* — Лесбос, остров в Эгейском море. *Улу́чил я то́лком* — т. е. точно попал в цель своим толкованием, ответом.

«Прежде ж всех иных, нечестивая та Астарвея...». Из кн. 8, ст. 113—242. Телемаку рассказывают историю жестокого и подозрительного царя Пигмалиона и его любовницы Астарвеи. Эта история служит в романе Фенелона для обличения

нравов, порождаемых деспотизмом. *Тир* — финикийский торговый город (ныне г. Сур) в Ливане. *Само́н* — Самос, остров в Эгейском море. *В самой же вещи* — по сути же дела. *Да не он согласится* — чтобы он не сговорился. *Пребывал корыстию* — т. е. был подвержен. *Упреждением смерти* — преждевременной смертью. *Начальных людей* — начальников. *День на всяк* — каждый день. *Коль ни являлся ж надежден быть* — сколь ни надеялся, ни полагался. *Злейша самы́я* — т. е. злее самой (Астарвеи). *Да увидит* — чтобы посмотреть. *Да не в память пришед повелит* — чтобы, придя в память, не повелел.

«Должно людей примечать прилежно, да оных познаешь...». Из кн. 24, ст. 25—168. Содержание этого отрывка Тредиаковский излагает следующим образом: «В плытие их морем Ментор изъясняет Телемаху многие трудности, как должно правительствовать народами; между прочими толкует ему способ познавать людей, дабы употреблять токмо добрых, а от злых не быть обмануту» (т. 2, стр. 201). *Отповедь... исправну* — правильный, точный ответ. *Добро́ты разнь в ваянных кумирах* — т. е. различные качества в «резных статуях» (прим. Тредиаковского). *С... человеки, мудрости и добродетелей вестных* — с людьми, известными мудростью и добродетелями. *Отобоюду тут говорятся средние вещи* — с обеих сторон тут говорятся общие вещи. *Достойность суща* — истинное достоинство. *Да различатся имущи сию от сея неимущих* — чтобы различать имеющих достоинство от не имеющих его. *Конец* — здесь: назначение. *Правяща бе́ги* — направляющего движение. *С возлюбления вяща* — из-за особенного пристрастия.

«Ме́нтор потом восхотел испытать, уже наостаток...». Из кн. 24, ст. 677—768. Телемак приходит в отчаяние, узнав, что незнакомец, с которым он разговаривал и который только что отплыл на корабле, это его отец Одиссей. Ментор внушает Телемаку, что это боги испытывают и укрепляют его терпение, и предлагает принести жертву Палладе. Телемак исполняет повеление, и тогда Ментор преображается в Палладу. Богиня дает Телемаку последнее наставление. Поэма оканчивается строками, в которых сообщается, что Телемак отплыл на родину и встретил отца. *Признаваяй... покров* — признающий покровительство. *Жертве едва совершившейся* — как только совершилось жертвоприношение. *Сановны, приятностьми ж нежными все срастворенны* — т. е. величавые и в то же время привлекательные. *Лицо жены велемощныя лепо* — прекрасное лицо величественной женщины. *Шипков* — «роз» (прим. Тредиаковского). *Вони́ амвросийны* — благоухания амброзии. *Мастей испещреньми* — разноцветными узорами. *Гради́в* — «Марс» (прим. Тредиаковского). *Нощная птица афинска* — «сова» (прим. Тредиаковского). *Эгид* — здесь: «броня» (прим. Тредиаковского). *Во бранех* — в сражениях. *Образ собой подая другим соделывать тожде* — подавая пример, чтобы другие делали то же.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В КНИГИ

Приветствие, сказанное на шутовской свадьбе. Впервые — «Сочинения Тредиаковского». СПб., 1849, т. 1, стр. 754, под заглавием: «Сказание, говоренное Васильем Тредьяковским при дурацкой свадьбе», и с купюрами. Печ. по изд. 1935 г., стр. 171, где впервые опубликовано полностью по рукописи начала XIX в. 6 февраля 1740 г. для потехи императрицы Анны была устроена шутовская свадьба: шута из рода князей Голицыных, по прозвищу Квасник (он подавал императрице квас) женили на придворной шутихе — калмычке, которую прозвали Бужениновой. По высочайшему повелению для празднования свадьбы было собрано в Петербург триста человек, представлявших разные народы России, одетых в национальные костюмы и с национальными музыкальными инструментами. Новобрачных после свадебного пира и маскарада отвезли на целую ночь в специально сооруженный ледяной дом. Всю эту дикую забаву подготавливал кабинет-министр Волынский, который насильно заставил Тредиаковского написать стихи к шутовской свадьбе (см. вступит. статью, стр. 13). Жестоко избитый, Тредиаковский был посажен под караул, где провел ночь, по его словам, твердя наизусть свои стихи. В день шутовской свадьбы Тредиаковский в маскарадном платье и в маске был приведен в потешную залу, прочел наизусть свои стихи, а затем был снова отведен под караул. Впоследствии, во время регентства Бирона, Тредиаковскому было выдано 360 рублей за увечье и бесчестье. История с шутовской свадьбой красочно описана в романе Лажечникова «Ледяной дом». Однако романист идеализировал Волынского и поэтому необъективно изобразил Тредиаковского. Пушкин писал по этому поводу Лажечникову 3 ноября 1835 г.: «За Василия Тредиаковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лицо мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя» (Пушкин. Полное собр. соч., т. 16. Изд. АН СССР, 1949, стр. 62).

В крайностях терпение пользует. Впервые — «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», 1755, февраль, стр. 139. Без заглавия и эпиграфа — «Римская история» Ш. Роллена, т. 13, СПб., 1765 г., стр. XXX. В «Предуведомлении» к 13 т. «Римской истории» Тредиаковский разъясняет смысл стихотворения. Рекомендуя читателям свой перевод «Слова о терпении и нетерпеливости» Фонтенеля, напечатанный в изд. 1752 г. (т. 2, стр. 153), Тредиаковский продолжает рассуждение о гражданских добродетелях: «Наконец, терпеливность разнится от бодренности тем, что когда надобно зло отвращать законными средствами, тогда действует бодренность крепкая... а когда сими средствами не можно отнюдь того сделать, тогда облегчается оно терпением, как то Гораций-пиит преосновательно любомудрствует в одной из самых красных своих од, признавая всякое зло, не могущее быть инако,

жестоким, однако ж терпеливностью умягчающееся несколько». Сия Горациева мысль расширена мною, ныне уже тому десять лет равно, следующими стихами, положенными в феврале месяце «Ежемесячных сочинений», 1755 года, кои сообщаю и здесь в приличнейшем еще месте» (стр. XXIX—XXX). В заключительных строках стихотворения Тредиаковский дает перевод эпиграфа. *Сократ* (ок. 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ. *Гиппократ* (ок. 460—377 до н. э.) — древнегреческий врач; имя его стало нарицательным. *Из пиита.* Речь идет о Горации. *Будь пользуяй пиит* — пусть врачует, исцеляет поэт. *Ничтожит... с презором* — унижает. *Страждет... навет поносный* — терпит от клеветы.

Вешнее Тепло. Впервые — «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», 1756, май, стр. 469. Тредиаковский, публикуя оду, скрывал свое имя из-за недружелюбного отношения к нему редактора журнала академика Миллера. Он упросил Андрея Нартова передать Миллеру оду «Вешнее Тепло» как принадлежащую ему, Нартову; в начальных же буквах названия было зашифровано имя подлинного автора. «Сочинил я оду, — рассказывал Тредиаковский, — назвав ее Вешнее Тепло и тем утаив мое имя в двух начальных буквах, да и вручил конференц-секретарю посторонними руками. Расхвалена сия ода и в книжках напечатана. Хотя ж мне и посчастилось в подставе чужого автора, однако сей самый успех низверг меня почитай в отчаяние: ибо увидел подлинно, что презрение стремится токмо на меня, а не на труды мои» (Пекарский, т. 2, стр. 198). *Соглядуема всеми есть* — всем видна. *Ту* — т. е. весну. *Пен с белью* — с белизною пены. *Кристалл свой разбутила* — здесь: разломала лед. *Помона* (римск. миф.) — богиня садов. *Надежду водит о плодах* — приносит надежду на урожай. *Пестрясь древ листвием непраздных* — пестро украшаясь листвой чреватых плодами деревьев. *Ме́двян не́ктар в грёзны льется* — гроздья наливаются медовым соком. *Цвести ж разверст* — приготовился (раскрыт), чтобы цвести. *Споспешность* — содействие. *Поя виновницу благ* — т. е. воспевая Цереру. *Да... устроит руки* — чтобы подготовить, укрепить руки, силы. *Страшит... игрой* — устрашает воинской игрой. *Вскрай располившуся* — по край (до берегов) освободившуюся ото льда. *В сень зарницы* — т. е. под вечер. *Безвинных... выго́д* — невинных удовольствий. *Вина, свет пишуща красами* — т. е. причина красоты мира (речь идет о солнце). *Расслабляющий вар* — зной. *А к лету пар отверз врата* — т. е. испарение, туманы уже предвещают лето. *Плугом К ярине бременить волов* — запрягать в плуг волов для вспашки яровых. *В предню* — в предстоящую. *Косным в шаг* — медлительным. *Не зная знают* — не зная, умеют. *В чин зодий сих* — под этими знаками зодиака, т. е. в это же время года. *В хврастинных скутавшись кустах* — скрывшись в кустарнике. *Возгласностию, коя сродна* — свойственным ему пением. *Что различает хлест обильно* — который разнообразит свое пение. *Кра́стель в обоéй заре* — коростель на утренней и вечерней заре. *Сего взывает* — т. е. зовет друга. *Добр тысящи суть вдруг* — тысячи благ соединены вместе, одновременно. *Угодность сладостей нам*

днешня Различествует тьмами — т. е. бесчисленно разнообразны теперешние (весенние) удовольствия. *Пределы Флоры* — царство растительности. *Слезы ссет Авроры* — сосет слезы зари, т. е. пьет утреннюю росу. *Во внутренность включает жалом* — проникает во внутренность цветка хоботком. *На урок* — на выполнение положенной работы. *Чванцы* — сосуды; здесь: соты. *Два чувствия сладящи* — услаждающие два чувства (зрение и обоняние). *Тот зря* — видя убор ваш. *Масть зерцая* — созерцая цвет. *Хоть пыл вноздряем крины сласти* — т. е. хоть мы вдыхаем сладкую пыльцу лилии. *Но обоё во всяком драго* — т. е. в каждом цветке нам дороги и цвет и аромат. *Ни Соломону было можно* — нельзя было даже Соломону (библейский царь, славившийся мудростью и великолепием своего дворца и храма). *Чем небо одарило их* — т. е. цветом и ароматом. *Чета ль есть в тех или безженство* — т. е. двуполы или однополы цветы. *От бессчастных доль* — т. е. от несчастной доли. *Непостижимыми советы* — непостижимыми советами. *Однак им долей, нежель мне* и т. д. — однако им (цветам) дано жить дольше, чем мне, хотя они и скоро гаснут: каждую весну они с торжеством воскресают к жизни. *Когда дубравно всё толь слично* — если все так прекрасно в лесах. *Отцом великим* — Петром I. *В земных богиня, как Минерва.* Речь идет о Елизавете, которая среди людей подобна богине мудрости Минерве.

Сонет. Из сея греческия речи: «Στέφει τιμῶντας αὐτὴν ἀρετή...», то есть: «Добродетель почитающих венчает...». Впервые — «Трудолюбивая пчела», 1759, март, стр. 187. С некоторыми изменениями и без заглавия — «Предуведомление» Тредиаковского к 12 т. «Римской истории» Ш. Ролленя (СПб., 1765, стр. XIX). В «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735) Тредиаковский приводил сонет «в пример героического нашего стиха» и далее определял его сущность следующим образом: «Сонет имеет свое начало от италиянцев и есть некоторый род французского и италиянского мадригала, а латинской эпиграммы. Состоит он всегда из четырнадцати стихов... имея всегда в последнем стихе некоторую мысль либо острую, либо важную, либо благородную...» (см. стр. 387 настоящего издания). В пример приводился перевод сонета Барро. В «Предуведомлении» к 12 т. «Римской истории» Ролленя сонет включен в рассуждение Тредиаковского о том, что считать «окончательным человеческим благом»: «Народ вообще, по различию господствующих в себе пристрастий, последним самым благом поставляет или гражданские чести и высокие степени, или роскоши и сладострастия, или богатство и сокровища; и в сих вещей самых стяжании ищет неосновательно себе блаженства. Не много тому лет назад, как я сонетом, родом превосходнейшим французския эпиграммы, состоящия в определенном числе стихов и сих расположении, утвердил, сколько позволил округ сонетный, что сие тройственное, и совокупно и пóрознь, не ублажает такою полнотою, чтоб сердцу человеческому быть прямо довольну и ничего уже себе не желать далее; что сих излишнее пожелание, превосходящее меру, еще и грешно; и что «одна токмо

добродетель есть истинное орудие к достижению того совершенного блага, полное довольство соделывающего сердцу» (стр. XVIII—XIX). Таким образом, сонет Тредиаковского выражал его понимание нравственного смысла «Римской истории» Ролленя, которая стала для русской общественной мысли XVIII в. своего рода кодексом гражданской морали. *Роскошствуя... сластями* — блаженствуя в наслаждениях. *Не видя ж, ослеплен, какая в оных лесть* — не видя, в слепоте своей, какой обман в них. *И их на всякий час стремится выше взнесть* — и всегда стремится умножить наслаждения. *И множество свое зрит малым без придатка* — т. е. и без новой добавки то многое, что имеет, считает малым.

СТАТЬИ О РУССКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ

НОВЫЙ И КРАТКИЙ СПОСОБ К СЛОЖЕНИЮ РОССИЙСКИХ СТИХОВ С ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ ДО СЕГО НАДЛЕЖАЩИХ ЗВАНИЙ

Впервые — отдельное издание, СПб., 1735. Вошло в переработанном виде в изд. 1752 г., под заглавием «Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 годе исправленный и дополненный». *Поэма о потерянии рая* — «Потерянный рай» (1667) Д. Мильтона (см. стр. 532). *Максимовская* — грамматика Мелетия Смотрицкого. В издании грамматики 1648 г. имя автора не упоминается, но в предисловии многократно повторяется имя Максима Грека, что и дало повод назвать грамматику Максимовской. *Количественную.* Мелетий Смотрицкий утверждал, будто славянским языкам свойственно различие гласных по долготе (одни гласные он называл долгими, другие краткими) и на этом основании пытался строить русский стих по закономерностям античного стихосложения. *Смеющимся Демокритом.* Так называли древнегреческого философа Демокрита из Абдеры (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) в противоположность якобы пессимистическому, «вечно плачущему» Гераклиту из Эфеса (ок. 530—470 до н. э.). *Меры и падения* — т. е. стихотворного размера. *Звание* — т. е. термин. *Двугласный.* Тредиаковский считал йотированные буквы дифтонгами (двугласными). *Звон* — здесь: звучание. *Разум* — здесь: мысль (предложения). *Стопа за стопу вяжется* — т. е. после одной стопы начинается в том же слове другая стопа. *Нечетку* — нечетное количество. *Речение, в котором находится пресечение* и т. д. Речь идет о том, что цезура не должна искусственно разрывать смысл и грамматические связи в предложении. *Ни в своем знаменовании, ни за возносительные* — т. е. ни в качестве союза, ни в качестве относительного местоимения. *Стиха, в сапфической строфе обще адоническим называемого.* Адонический пятисложный стих состоит из дактиля и хорея (или спондея), обычно употребляется как последний стих в сапфической разностопной строфе (названа так по имени греческой поэтессы Сапфо, VII—VI в. до н. э.). В русское стихосложение эту строфу вводил Симеон Полоцкий. *В тот образ* — ввиду того. *Некоторых правила* — правила некоторых (господ). *Нежно мудруя* — скудно рассуждая

(польск. nędznie — скудно, бедно). *Смешенная рифма* — соединение в строфе мужских и женских рифм (перекрестных или опоясанных).

Стихи, научающие добронравию человека. *Фенелон* — см. стр. 522. *Новым эксаметром* — т. е. шестистопным хореем (в соответствии с новым силлабо-тоническим принципом стихосложения). *Про́ста се́рдца быть тебя речь и всё б казало* — т. е. пусть речь и все остальное показывает тебя простым, чистосердечным. *Страждет... напасть* — переживает беду. *Барро* Жак Валле (1602—1673) — французский писатель. *Тем фениксом назваться* и т. д. Буало в своем «Поэтическом искусстве» говорит, что сонет чрезвычайно труден, и поэтому никому из поэтов не удалось еще создать в этом жанре феникса, т. е. нетленного произведения.

Сонет. Вошло в переработанном виде в изд. 1752 г., под названием «Сонет с славного французского де Барова «Grand Dieu! que tes jugements». *Тако... человек зол дольны* — т. е. такой грешный человек. *Довольны* — здесь: велики, многочисленны. *Ти славно* — послужит твоей славе. *Рази... противна противный* — т. е. рази непокорного как врага. *Христова кровь щедро покрывает.* По Евангелию, муки и смерть Христа были искуплением человеческих грехов. *Рифмы... непрерывные* — смежные рифмы. *В особливом разуме* — в особом, другом смысле. *Воатюр* — Венсан Вуатюр (1598—1648), французский поэт, представитель салонной, прециозной литературы.

Рондо. *Просто поздравлять тебя* и т. д. — т. е. думаю, что лучше просто, но от сердца и души поздравлять тебя, несравненная Анна, с днем рождения, так как я не умею сочинять пышных речей. *Что ж те больше говорят, здравствуй, как, рожденна?* — т. е. что те могут сказать больше, чем: «Здравствуй (процветай), рожденная» (т. е. та, чей день рождения празднуется). *Не без закрышек и не без отверниц* — т. е. полуприкрыто, иносказательно. *Аполлинствование* — здесь: возвышенный поэтический слог. *Projicit ampullas et sesquipedalia verba* — цитата из «Науки поэтики» Горация. *Дедикация* (в изд. 1735 г. опечатка «декация») — посвящение, *У Овидия в эпистолах от героинь.* Книга древнеримского поэта Овидия Назона (43 до н. э. — 17 н. э.) «Героиды» написана в форме элегических посланий, в которых женщины рассказывают о несчастной или утраченной любви.

Эпистола от Российския поэзии к Аполлину. *Аполлин* — Аполлон. *Девяти парнасских сестр* — девяти муз. *Геликон* — гора в Греции, посвященная Аполлону и музам. *Пермесска звона* — т. е. поэзии. Река Пермесс, текущая с горы Геликон, посвящена была Аполлону и музам. *Улиссов... поход* — странствия Одиссея. *Цирцеса* — волшебница Цирцея, пленившая Одиссея и препятствовавшая его возвращению на родину. *Эней* — герой поэмы Вергилия «Энеида». *Галл, Проперций* и *Тибулл* — римские поэты I века

до н. э., так называемого «золотого века» римской литературы. *Теренций, Плавт* (III—II в. до н. э.) — древнеримские комедиографы. *В сокке* — т. е. в комедии; у древних римлян сокк (soccus) — обувь комических актеров. *Сенека* — древнеримский драматург (между 6 и 3 до н. э. — 65 н. э.) — автор трагедий «Федра», «Медея» и др. *В котурне* — т. е. в трагедии; котурны — обувь трагических актеров. *Марциал* — древнеримский поэт (ок. 40 — ок. 102) — выдающийся мастер эпиграммы. *С тевтом, и́бером* — с германцем и испанцем. Имеется в виду Франция, расположенная между Германией и Испанией. *Варвары звалися.* Юлий Цезарь в «Записках о Галльской войне» называет варварами галлов, живших на территории теперешней Франции и враждовавших с Римом. *Два Корнелия* — Пьер Корнель (1606—1684), один из создателей французского классицизма, «отец французской трагедии», как его тогда называли, и его брат Тома Корнель (1625—1709), автор многих трагедий и комедий; оба члены французской Академии. *Рацин* — Расин. *Реньние́* — Матюрен Ренье (1573—1613), французский поэт-сатирик. *Молиер* — Мольер. *Был Виргилия Скарон осмеять шутливый.* Поль Скарон (1610—1660) — французский писатель; написал бурлескную поэму «Вергилий наизнанку». *Молодой... Волтер* — Вольтер; в его раннем творчестве (трагедия «Эдип», поэма «Генриада» и др.) были еще сильны традиции классицизма. *Де ла Фонтен* — Лафонтен. *Малгерб* — Франсуа де Малерб (1555—1628), французский поэт, прославился как автор панегирических произведений. *Фонтенель* Бернар ле Бовье (1657—1757) — французский поэт и ученый, с 1699 г. непременный секретарь Академии наук. *Воатюр* — см. стр. 531. *В ронде́* — в жанре рондо. *Русо* — Жан Батист Руссо (1670—1741), французский поэт-классицист. *Филиппики* — обличительные речи. Название происходит от выступлений древнегреческого оратора Демосфена против Филиппа II. *Были в том исправны* — т. е. были усердны, смелы в поэзии. *Сапфо* — см. стр. 530. *Девица Скудери́* — см. стр. 522. *Де ла Сюза* — см. стр. 522. *Воды... касталийски* (греч. миф.) — т. е. воды из Кастальского источника на Парнасе, источника вдохновения. *Тасс* — Торквато Тассо (1544—1595), итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим». *Милтон* — Джон Мильтон (1608—1674), английский поэт, автор поэм «Потерянный рай», «Возвращенный рай». *Лопе* — Лопе де Вега. *Юнкер* Готлоб-Фридрих-Вильгельм (1702—1746) — академик, профессор по кафедре поэзии, сочинитель стихов (на немецком языке) по случаю придворных праздников и т. п. Ода Тредиаковского на взятие Гданьска (1734), поднесенная Бирону, была напечатана на русском и немецком языках. Немецкий перевод был сделан Юнкером. В «Рассуждении об оде вообще», приложенном к оде о взятии Гданьска, Тредиаковский писал: «Оду, которую я сочинил... преискуснейший из лирических пиит немецкого народа, то есть господин Юнкер, в Санктпетербургской императорской Академии наук публичный профессор, благоволил перевесть на немецкий язык... Я не сомневаюся, чтоб перевод немецкий по всему краснее и осанковатее, ведая искусство, через пять-шесть од, господина Юнкера, не был моего подлинного сочинения...». Перепечатывая

оду в изд. 1752 г., Тредиаковский изъял эти отзывы. *Кениг* Иоганн Ульрих (1688—1744) — придворный поэт в Дрездене. *Амфионской* — т. е. поэзии Амфиона (см. стр. 486). *Каниц* Фридрих-Людвиг (1654—1699) — немецкий лирический поэт. *Бессер* Иоганн (1654—1729) — немецкий дипломат и придворный поэт. *Неймейстер* Эрман (1671 — 1756) — немецкий пастор и религиозный поэт. *Шмолк* — Веньямин Шмольк (1672—1737), немецкий писатель, автор духовных песен и проповедей. *Брокс* — Бартольд-Генрих Брокес (1680—1747), немецкий поэт. *Триллер* Даниэль-Гильом (1695—1782) — немецкий писатель. *Гинтер* — Иоганн-Христиан Гюнтер (1695—1723), немецкий поэт. *Нейкирх* Вениамин (1665—1729) — немецкий поэт. *Опиц* Мартин (1597—1639) — немецкий придворный поэт и теоретик классицизма. Опиц обосновал переход немецкой поэзии от силлабического стиха к тоническому, за что Тредиаковский и называет его обновителем и отцом стиха. Роль Опица особенно импонировала Тредиаковскому, автору «Нового и краткого способа. . .». *Не числ.* В основе силлабического стихосложения лежит количество слогов в стихе. *Новых! поистине так.* Здесь и далее Тредиаковский утверждает силлабо-тоническую систему стихосложения. *Падение. . . звон* — безударные и ударные слоги. *Обегая в них трудность всю афинску* и т. д. Древнегреческая поэзия опиралась в своей метрике на различие долгих и кратких слогов, что русскому языку несвойственно. *Выгнав мерзкий перенос.* Перенос, или enjambement, характерная черта силлабического стиха, в силлабо-тоническом стихе употребляется сравнительно редко. *Точно* — здесь: свойственно по природе. *Известный* — здесь: извещенный, осведомленный. *В сильнейший. . . пременится* — станет еще сильнее. *Менится. . . в преславно* — становится еще более славным. *Об Августе* — об императрице. Здесь Тредиаковский, упоминая о поэме Вергилия, сравнивает Анну с римским императором Августом, воспетым Вергилием. *Flebilis indignos Elegeia* — цитата из «Песен любви» Овидия (кн. 3, элегия 9, ст. 3—4). *Элегий Филетасовых.* Филетас (ум. ок. 290 до н. э.) — греческий поэт и критик.

Элегия I. Элегия развивает содержание более раннего стихотворения «Плач одного любовника, разлучившегося со своей милой, которую он видел во сне» (см. стр. 92). *Слезны. . . течи* — потоки слез. *Оныя о той* — т. е. памяти об Илидаре. *Любви в туке* — здесь: в избытке любви. *И связав в пучки пестря складны чрез затеи* — связывая в затейливо пестрые и красивые букеты. *Линточку* — возможно, опечатка, вместо: ленточку. *Чинит* — здесь: представляет. *Нет, чтоб ею возмогло всех в вещах быть власно* — невозможно, чтобы она сама была во всех вещах. *Думав правдою то быть* — думая, что это правда, явь. *Учинило. . . пробужденна* — пробудило.

Элегия II. *Мягкосердныя. . . сын богини* — Купидон (Купидин), сын Венеры. *Всяка без урону* — без всякого урона; т. е.: ничего не упустив.

Ода в похвалу цвету розе. Вошло в переработанном виде в изд. 1752 г., под заглавием: «Ода II. Похвалы цветку розе». *Тщалась искусить* — т. е. хотела попробовать (живопись). *Чрез свои кармины* — т. е. своими алыми красками. *Оку токмо в вид одному приметна* — т. е. воспринимается одним зрением (речь идет о живописи в противоположность розе). *Весь особный* — совсем не тот, другой. *Коль разный* — насколько различен. *Злат железна коль есть металл дражайший* — насколько золотой металл дороже железного.

Ода. Вымышлена в славу правды, побеждающия ложь и всегда торжествующия над нею. Вошло в переработанном виде в изд. 1752 г., где силлабический стих заменен силлабо-тоническим (четырехстопным ямбом). *Чудовище свирепо, мерзко* и т. д. Здесь ложь изображена в виде адского пса Цербера (греч. миф.). *Тоя сильняе* — т. е. сильнее той (правды). *Ра́за* — т. е. рана, от «разить», поражать; раз — удар. (В изд. 1752 г.: «О! язва, раз благополучный!») *Восклицаниями сипеют* — от восклицаний хрипнут. *Только одну имеет рифму* — отличается от прозы лишь рифмой (и не имеет стоп). *Дух человеческий.* Речь идет о дыхании при произношении стихов. *Стопа наша не может состоять, как токмо из двух слогов.* Впоследствии Тредиаковский признал возможность трехсложной стопы в русском стихосложении, в частности, его «Тилемахида» написана дактило-хореическим гекзаметром. *Гиперкаталектичеством* — т. е. наличием лишнего слога или слогов в конце последней стопы.

Песнь, сочиненная на голос и петая пред ее императорским величеством Анною Иоанновною, самодержицею всероссийскою. Вошло в переработанном виде в изд. 1752 г., где силлабический стих заменен силлабо-тоническим (четырехстопным хореем), произведены сокращения и дано новое заглавие: «Песнь на Новый 1732 год». Пекарский отмечает, что дата «Новый 1732 год» Тредиаковским была указана ошибочно, так как «только в половине января этого года императрица Анна и двор переехали из Москвы в Петербург» (т. 2, стр. 38). Очевидно, следует считать правильным другое указание Тредиаковского. В отдельном издании «Оды торжественной о сдаче города Гданска» (1734 г.) Тредиаковский сообщал: «„Строфы", песнию от меня названные, сочинил я поздравительные новым годом, на голос положенные и петые пред ее императорским величеством Анною Иоанновною, самодержицею всероссийскою, всемилостивейшею нашею государынею, в самый первый день 1733 года, которые начинаются чрез: „Новый год начинаем, Радость все ощущаем"». *Богом данны* — данной богом. *В первых здравие цело* и т. д. — т. е. желаем прежде всего здоровья на много лет. *Худо явится грубо* — т. е. зло, порок станут всем явны. *Жить имеет в нас тая* — т. е. в нас будет жить любовь. *Трона... одесную* — справа от трона. *Смыслу... подсудна* — подчиняющаяся разуму. *Тверда церковь* — ортодоксальная православная церковь. *Министры советны* — т. е.

кабинет-министры. При Петре I верховным государственным учреждением был Сенат, после смерти Петра I — Верховный тайный совет. Вступив на престол на условиях, предложенных «верховниками», Анна Иоанновна разорвала кондиции (условия) «верховников» и уничтожила Верховный тайный совет. Слова Тредиаковского «министры советны» надо понимать в смысле «советники». После дворцового переворота 1741 г. Сенату были возвращены все права, установленные при Петре I. Поэтому в издании 1752 г. Тредиаковский заменил строки о министрах следующими неопределенными словами:

И синклита тверд совет,
Дивен чрез великий свет...

Дело чище, неж в Хинах. Богатые подарки, полученные императрицей Анной из Китая в 1731 г. и 1732 г., поразили всех тонкостью и искусностью работы. В ответ были посланы в Китай русские дары. *Американски роды.* Речь идет о начале торговли России с Америкой. *Счастие будет вечно Счастливей непресечно* — т. е. счастье будет вечно и непрерывно возрастать. *Короткая поэма* — короткое стихотворение.

Мадригал. Воспевая новую императорскую аудиенц-залу, Тредиаковский сравнивает ее с прославленными сооружениями древности. Цифры 1—7, поставленные Тредиаковским, напоминают, что это и есть «семь чудес света». М. В. Ломоносов, уезжая за границу, взял с собою книгу Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» и, как показывают пометки на полях книги, внимательно изучил ее (об этом свидетельствует и знаменитое «Письмо о правилах российского стихотворства», присланное Ломоносовым из Фрейбурга в 1739 г.). Относительно «Мадригала» Ломоносов заметил на полях: «Переведен из Марцияла, только персона и вещь переменена. Martialis lib 1, ep. 1». (М. В. Ломоносов. Соч., т. 3. М., 1895, примеч., стр. 10). *Мемфийски* — египетские. *Стены ассирийски* — т. е. «висячие сады Семирамиды» в Вавилоне. *Царя томб высок Мавзола* — гробница царя Мавзола в г. Галикарнасе (Малая Азия), разрушенная землетрясением и средневековыми завоевателями. Позже название «мавзолей» стало нарицательным. Томб (франц. tombe) — надгробный камень, могила. *Честь... Диане.* Имеется в виду знаменитый храм Артемиды (Дианы) в Эфесе. *Фарос светящий* — Александрийский маяк на о. Фаросе около устья Нила. *Делск... кумир... Аммонов* — статуя Зевса в Олимпии работы Фидия (V в. до н. э.). Делск — т. е. относящийся к периоду Делосского союза, который объединял в V в. до н. э. большинство греческих городов под руководством Афин. Аммон — верховное божество в Египте, отождествленное греками с Зевсом. *Родского... Колосса* — Колосса Родосского, гигантской статуи бога солнца Гелиоса на о. Родосе. *Света но всего* — но всего света, т. е. всемирная.

Эпиграмма на человека, который, вышед в честь, так начал бы гордиться, что прежних своих равных другов пренебрегал бы. *Будь вин жаль* — если (тебе) жалко вина.

Умереть не имеющему автору. Тредиаковский называет здесь бессмертным поэта А. Д. Кантемира. *При дворе великобританском.* Кантемир был в это время русским послом в Лондоне.

ДЛЯ ИЗВЕСТИЯ

Впервые — «Три оды». Вошло в переработанном виде в изд. 1752 г., где исключены последние три абзаца, расшифровывается авторство Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, отсутствует заглавие. *Довольный* — большой, обстоятельный. *Некоторый.* В изд. 1752 г. Тредиаковский дает к этому слову примечание: «Сего ода есть третия парафрастическая». Следовательно, слово «некоторый» относится к Ломоносову, написавшему «Оду третию, иамбическую» («Благословен господь бог мой...»). *Другой.* В изд. 1752 г. это слово, а также соответствующие ему слова «он» и «сей второй» в следующих абзацах Тредиаковский заменил местоимением «я». *Гомеровой Илиаде.* В изд. 1752 г. к этому месту Тредиаковский дает примечание: «Некто из знающих людей, как то я объявил в первом томе в предисловии, чувствуя, что сие мое доказательство есть непреодолеемое, попытался привесть его в слабость тем, что у них количество слогов есть не тоническое; чего ради, по его, их стихи сверху на низ не падают. Но сия попытка есть безуспешная: ибо всеконечно и необходимо их стихи падают сверху на низ, для того что самый первый слог в их стихах как всегда и непременно есть долгий, так и всегда ударяемый; разве превесьма редко когда неударяемый, а сие не мешает, чтоб ему и в сем случае не быть на верхней степени, как всегда долгому. Следовательно, невозможно их стопам не падать сверху на низ. Сие докажется лучше образцом, музыкальными нотами изображенным. В нем такт означает слог долгий, а полтактом означается краткий. Притом все ударяемые слоги стоят на верхней степени, а неударяемые на нижней.

Torua leae ńa lupum fequitur lupusipsecapellam.

Текст для образца взят Тредиаковским из «Буколик» Вергилия (эклога 2, стих 63): «Львица за волком бежит свирепая; волк за козою...» *Вскок смешенный с скоком* — т. е. подъем чередуется с падением. *Третий.* В изд. 1752 г. Тредиаковский дает к этому слову примечание: «Сего есть самая первая местом парафрастическая ода. Удивительно, что он токмо первое мнение иными повторяет словами, а отражения моего ни словечком не возражает. Мог бы он многое

привесть из Горация в подтверждение первому мнению, а именно, что Архилохова ярость иамбом была **вооружена,** что иамб способен к преодолению народного **шума** и что он как рожден на представляемые **вещи,** и подобное» (стр. 95). Слово «третий» относится к Сумарокову, написавшему «Оду первую, иамбическую» («Благословен творец вселенны...»). *Находящему.* В изд. 1752 г. после этого слова добавлено: «то есть мне». *Защитник хорея, как прочие оба его называли.* В изд. 1752 г. эти слова заменены местоимением «я», и далее соответствующие местоимения 3-го лица заменены местоимениями 1-го лица. *Прерывный разум* — прерывистая мысль. *Не относятся* — не отдаляются. *Неугодность* — здесь: неудобство.

О ДРЕВНЕМ, СРЕДНЕМ И НОВОМ СТИХОТВОРЕНИИ РОССИЙСКОМ

Впервые — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755, июнь, стр. 467. *Предложили мы уже наше мнение.* Речь идет о статье Тредиаковского «Мнение о начале поэзии и стихов вообще». *Гагакание* — растягивание на «а» мелодии (см.: Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века. Том 1. М., 1952, стр. 54). *Сырная неделя* — масленица. *Суббота Ваий* — вербная суббота. *Одни пишут* и т. д. Крещение Руси произошло около 988—989 г. *Григорий Назианзин* (328—390) — христианский богослов, оратор, поэт. *С готических времен* — со средневековья. *Медическия салернитанския школы.* Речь идет о медицинском факультете Салернского университета. *Исократ* (436—338 до н. э.) — древнегреческий публицист. *В «Эвагоре»* — в панегирике Евагору, саламинскому царю на Кипре. *Гален* (ок. 130 — ок. 200) — римский врач и естествоиспытатель, автор многих сочинений по философии и логике. *Аристофан, Эвполид* и *Кратин* — древнегреческие комедиографы (V—IV вв. до н. э.). *Скалигер* (1540—1609) — французский филолог и историк. *Фабриций* — Иоганн-Альберт Фабрициус (1668—1736), немецкий филолог, автор многотомных книг «Греческая библиотека», «Латинская библиотека» и др. *Палатина* — Бартоломео де Сакки (ок. 1421—1481) — итальянский гуманист, автор биографий римских пап. Его прозвище Платина, под которым он главным образом и известен, происходит от латинского названия Пьядены, или Планины, родины писателя. *Бенедиктинский чин* — монашеский орден бенедиктинцев. *Мелетий Смотрицкий* (ок. 1578 — 1633) — выдающийся филолог и общественный деятель Юго-Западной Руси. В грамматике Смотрицкого давались сведения о стихосложении. *Стриковский* — Матвей Стрыйковский (р. 1547), польский историк, автор «Кроники польской, литовской, жмудской и др.» (1580), исследования о сарматах и других трудов. Его «Кроника» широко использовалась в киевской хронике Феодосия Софоновича и в «Синопсисе». *По-гетически* и *По-сарматски.* На берегах Черного моря, куда был сослан Овидий, жили геты (предки западных славян) и сарматы — кочевые персоязычные племена. *Обоящáющая* — согласная буква в начале слога (перед гласной). *Тáемая* — согласная буква в конце слога (после гласной). *Спондей, пиррихий, тро-*

хей, или *хорей, иамб* (ямб), *анапест, амфибрахий.* В античной, метрической, системе стихосложения все эти размеры (названия которых были перенесены в силлабо-тоническую систему) основаны на чередовании долгих и кратких слогов (в силлабо-тонической системе — соответственно ударных и безударных). Тредиаковский, видимо случайно, пропустил в этом перечне дактиль. Схема *амфи́макра:* — ◡ —; *ба́кхия:* ◡ — —; *палимба́кхия:* — — ◡; *трибра́хия:* ◡ ◡ ◡; *три́макра: Гексаметры,* — — — *или героические.* Мелетий. Смотрицкий насчитывает одиннадцать родов стихов, из них семь «изряднейших» характеризует в своей «Грамматике»: 1) гекзаметр, или героический, 2) пентаметр, или элегический, 3) ямбический, 4) сафический, 5) фалевтический, 6) гликонический, 7) хориамбический, или асклепиадический. О первом говорится: «Иройский стих состоит шестми степенми, их же пятый дактил есть, шестый спондий; прочии дактили или спондии». В качестве примера приводятся стихи, цитируемые Тредиаковским: «Сарматски новорастныя мусы. . .» и т. д. О дактило-хореическом гекзаметре см. также примечания на стр. 523. *Пентаметры, или элегические.* Пентаметр — пятистопный дактило-хореический стих. М. Смотрицкий называет его элегическим и приводит пример: «Истинны даждь ми присну Иисусе любовь. . .». Двустишие из строки гекзаметра («иройского») и строки пентаметра («елегийского») М. Смотрицкий называет «ироелегийским» (Тредиаковский — *героэлегиаческим*) и приводит пример, цитируемый Тредиаковским: «Христе, елико просят. . .» и т. д. Точнее говоря, это и есть элегический дистих в античном стихосложении, в котором пентаметр не считался самостоятельным, а употреблялся только в сочетании с гекзаметром (первая строка — гекзаметр, вторая — пентаметр). *Ямбические.* Из 13 видов ямбических стихов М. Смотрицкий считает 12 малоупотребительными и предлагает лишь ямбический гекзаметр, которым Иоанн Дамаскин составил многие каноны (церковные песнопения). «Состоит же екзаметр иамбийский шестма степенми, оттуду и шестомерен наречен, иже чист сый и совершен во всех степенех самый приемлет иамб». Если же в шестой стопе оказывается спондей, то такой стих называют холиямбом, или хромым ямбом. *Сафические.* «Стих сапфийский пятма степенми состоит, первым трохеем, вторым спондием, третиим дактилем, четвертым и пятым трохеем. Ему же стихов родови по коемждо третием стисе прилагается стих адонский, двома степенми состоящ, первым дактилем, вторым спондием» (М. Смотрицкий). О сафическом и адонийском (адонском) стихе см. также примечания на стр. 530. *Фалевтические.* Стих фалевский, или одиннадцатисложный, по М. Смотрицкому, «состоит степенми пятма, первым спондием и изряднее: или трохеем, либо иамбом; вторым дактилем; третиим, четвертым и пятым трохеем». *Гликонические.* Гликонский стих, по М. Смотрицкому, «состоит степенми трема: во первом приемля спондиа, во втором и третием дактила». Название стиха происходит от имени древнегреческого поэта Гликонея. *Хориамбические, или асклепиадические.* «Асклепиадский стих четыри содержит степени, во первом приемля спондиа, во втором и третием хориамба, в четвертом пиррихиа, или, еже тожде есть:

первым состоя спондием, вторым дактилем, и слогом долгим, пресечение латински coesura рекомым, третий степень заемлющим; четвертым и пятым дактилем» (М. Смотрицкий). Хориямбом в античном стихосложении называлась шестидольная стопа из четырех слогов: долгого, двух кратких и долгого. Термин «асклепиадовы» стихи происходит от имени древнегреческого поэта Асклепиада Самосского (III в. до н. э.). *Меры* — здесь: размерами. *Христе царю.* Здесь звательный падеж. *Изменяемых... обоящающих, таемых, сугубых, сугубствующих и странных* — классификация согласных в грамматике Смотрицкого. *Петр Могила* (1596—1647) — митрополит киевский и галицкий, организатор Киевской коллегии, впоследствии названной Киево-Могилянской академией. *Смешенная рифма* — см. стр. 531; *непрерывная* — смежная. *Симеон Полоцкий* (1629—1680) — русский писатель, зачинатель русской силлабической поэзии и драматургии. *Гомеотелéвтон* — т. е. подобнооканчивающийся; ритмическая фигура, состоящая из нескольких слов, одинаково оканчивающихся. *Кириил Транквиллион* — проповедник, автор церковных книг. *Иоанн Максимович* (1651—1715) — архиепископ черниговский, автор ряда церковных книг, написанных силлабическими стихами. *Медведев* Сильвестр (1641—1691) — настоятель Заиконоспасского монастыря, придворный стихотворец. *Истомин* Карион (середина XVII в. — 1717) — переводчик и стихотворец, автор педагогических сочинений. *Справщик* — здесь: корректор. *Поликарпов* Феодор (ум. 1731) — директор московской типографии, автор учебных книг. *Магницкий* Леонтий (1669—1739) — автор знаменитой «Арифметики», представлявшей собою учебную энциклопедию математических наук. *Иоанн Илинский* — Ильинский Иван Иванович (ум. 1737), писатель и переводчик, воспитатель А. Д. Кантемира, автор своего рода путеводителя по священному писанию «Симфония, или Согласие на священное Четвероевангелие и деяния святых апостол». *Письменные только обносятся* — т. е. распространяются в рукописях. *Петр Буслаев* — московский дьякон, автор поэмы «Умозрительство душевное описанное стихами о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгановой» (1734).

Из «Лексикона». *Не бых труд подъял, аще б в деле бысте* — я не предпринял бы (этого) труда, если бы (вы) в деле были. *Дел в корысть бе строитель* — устраивал дела с пользою. *Аще же ни сих* — т. е. если же не из тех, кто знает лучше.

Из «Симфонии». *Прочтохом елика* — прочитали сколько-нибудь. *По главам бо и стихам всяку речь являет.* В «Симфонии» указывается глава и стих, где можно найти то или иное изречение из священного писания. *Мом* (греч. миф.) — бог насмешки.

Из поэмы Буслаевы. *Красн, человеков паче* — более прекрасный, чем люди. *Нань зрети* — смотреть на него. *Небесные силы* — ангелы. *Страстей инструменты* — т. е. орудия мучений Христа. *Света элементы* — земля, вода, воздух, огонь.

Аббат Гваско — Октавиан де Гуаско (1712—1781), итальянский аббат, друг А. Д. Кантемира (в бытность его русским послом в Париже), переводчик сатир Кантемира на французский язык. *Иллирических народов* — здесь: южных славян. В древнем

Риме Иллирией называлась область северо-восточнее Адриатического моря. *Хореические тетраметры* — четырехстопный хорей. *Пользуются... целою жизнью* — здравствуют. *Далматскую книжку* — драматическую поэму о блудном сыне, сочиненную поэтом Иваном Гундуличем (1588—1638). *Но к предлежащему* — т. е. вернемся к находящемуся перед нами (вопросу). *Гексаметры, пентаметры, тетраметры, триметры* и *диметры* — стихи шестистопные, пятистопные, четырехстопные, трехстопные и двухстопные. *Катахрестически* — здесь: неправильно, незакономерно (от греческого «катахрезис» — злоупотребление). *Новейшей системы нашему стихосложению.* Речь идет о «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» (1744). Харитон Макентин — это неточная анаграмма (перестановка букв подлинного имени) Антиоха Кантемира. В этом «Письме» Кантемира, приложенном к его стихотворному переводу десяти посланий Горация («Квинта Горация Флакка десять писем первой книги переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов». СПб., 1744), делалась попытка примирить старую силлабическую систему с новой, тонической системой стихосложения. Вступительная часть показывает, что «Письмо» было вызвано книгой «Новый и краткий способ» Тредиаковского, которой Кантемир дает следующую оценку: «Приложенный от остроумного ее сочинителя труд столь больше хвален, что в самом деле народ наш до сих пор лишаяся некаким образом предводителя в стихотворном течении, многие часто с прямой дороги сбивалися. Наипаче же хвален, что с необыкновенною стихотворцам умеренностию представляет опыт свой к испытанию и исправлению тех, кои из нас имеют какое-либо искусство в стихотворстве. Тем данным от него позволением пользуяся, больше же еще ревности его споспешествуя, отважился я некакие примечанийцы составить, которые к тому ж концу, то есть к установлению правил стихосложения русского, служить могут, и притом меня окажут послушным к приказам вашим». *Чужестранным человеком.* Намек на молдавское происхождение А. Кантемира и его жизнь за границей (с 22 лет и до смерти в 1744 г. Кантемир был русским послом в Лондоне и Париже).

Приложения

Ода I. Торжественная о сдаче города Гданска. Силлабо-тоническая редакция «Оды торжественной о сдаче города Гданска» (см. стр. 129 и стр. 485). В изд. 1752 г. впервые отмечено, что ода написана в подражание оде Буало о взятии французами бельгийского города Намюра: «Признаваюсь необиновенно, сия самая ода подала мне весь план к сочинению моей о сдаче города Гданска; а много я в той взял и изображений; да и не весьма тщался, чтоб мою так отличить, дабы никто не узнал: я еще ставлю себе в некоторый род чести, что возмог не-

сколько уподобиться в моей толь громкому и великолепному произведению...» (т. 2, стр. 32—33). И в то же время Тредиаковский отмечает свою собственную заслугу: «Я впрочем и не даю моей оды за совершенный образец в сем роде сочинения; но при важности в материи и при имени похваляемой и воспеваемой в ней, она нечто имеет в себе, как мнится, несколько небесславное, а именно, самая первая есть на нашем языке» (стр. 34). Первая, надо полагать, по времени появления. Отчасти с этим, видимо, связано то, что из «Рассуждения» устранены восторженные воспоминания об оде Феофана Прокоповича на коронование Петра II. (Впрочем, последняя хотя была написана и ранее оды Тредиаковского, но не на русском, а на латинском языке.) В «Рассуждение» введен новый абзац о псалмах как разновидности оды (см. стр. 505). Это связано с работой Тредиаковского над стихотворным переводом Псалтыря, начавшейся еще в 1750 г. (сочинение осталось неопубликованным). *Меру* — здесь: гармонию. *Флакк* — Гораций. *От горних лиц* — из числа небожителей. *Кажда... В воех* — каждого из воинов. *Венчать об Анне* — завершить во имя Анны. *От сердец* — т. е. усердно, искренне. *От конец* — от концов. *Противны роды* — враждебные народы. *Зрят челом* — т. е. обращены лицом (к крепости). *Как леть* — как полагается.

<Императрице Елизавете Петровне в день ее коронования>. Силлабо-тоническая редакция оды на коронование Елизаветы Петровны 1742 г. (см. стр. 135 и 487). Название в изд. 1752 г.: «Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, государыне всемилостивейшей, всеподданнейшее поздравление в высочайший день коронования в царствующем граде Москве апреля 25 дня 1742 года, в приветственной оде изображенное и ее священнейшему величеству усерднейше посвященное и в самый тот день в Грановитой палате поднесенное рабо-лепно от всеподданнейшего раба В. Т.». *Тобою если б было вольно* — если бы была твоя воля. *Благородство* — здесь: дворянство. *Быть коснела без венца* — оставалась без венца. *Чужих* — чужеземцев, т. е. немецкого засилья во время царствования Анны Иоанновны. *Восставил скипетр твой его* — т. е. правление Елизаветы возродило российский народ. *К единым казнем лютым косна.* Совершая дворцовый переворот, Елизавета дала клятву не применять смертную казнь.

СЛОВАРЬ

Авзонские — итальянские.
Агнец — ягненок.
Адамант — алмаз.
Адамлих — адамовых.
Аквилон — северный, северо-восточный ветер у римлян.
Алкать — голодать.
Амврозия (греч. миф.) — амброзия, пища богов.
Аспид — ядовитая змея.
Аще — если.

Багрецы — красные, багряные краски.
Балсам — бальзам.
Басня — легенда.
Батавский — голландский.
Безвеста — безвестно.
Безгода — бедствие, несчастие.
Бездельный — малоценный, не стоящий внимания.
Безденна — не знающая дня, дневного света.
Безместный — неуместный, нелепый.
Безызъятно — не делая исключения.
Бель — белизна.
Бемоль — нотный знак, указывающий на понижение тона.
Бесный — бесноватый, бесовский, одержимый бесом.
Беспраздный — деятельный.
Беспрестани — непрестанно.
Бесприкладный — беспримерный.
Бесчастны — бездольные, несчастные.
Бесчастный — неудачный, безуспешный.
Бесчиние — беспорядок.
Благодейство — совершение доброго дела.
Благолепно — великолепно, красиво.
Благостыня — награда.
Благоучрежденный — правильно устроенный.

Благочастна — счастлива, удачлива.
Блажайший — всеблагий.
Блажить — ублажать, величать, прославлять.
Блед — бледный.
Блещащи — блещущий.
Богатно — изобильно.
Бодец — шпора.
Боля́ — болея.
Ботать — метаться, шататься.
Брань — война, сражение, битва.
Бремена — тяготы.
Бразды — борозды.
Буде — если.
Быт — существование.
Бытство — бытие, существование.

Вакханта — вакханка.
Вар — зной, жар.
Вдать — вручить, вверить.
Велелепно — великолепно, прекрасно.
Велигласный — громкий.
Велий — великий.
Вельми — весьма, сильно, очень.
Вем — знаю.
Вервь — канат, снасть.
Вертеп — пещера.
Вертоград — сад.
Вертоградарь — садовник.
Веси — знаешь, умеешь.
Вестно — ведомо, известно.
Весть — знать.
Вещба — прорицание.
Вещество — материя.
Взаем — взаимно.
Взносный — похвальный.
Взнять — поднять.
Взорать — вспахать.
Взражать — возражать.
Взрачность — приятный вид, пригожесть, нарядность.
Взрачный — нарядный, пригожий, видный.
Виждь — смотри.
Вина — начало, причина, повод.
Вкупе — вместе, совместно, заодно.
Влаг — влажный.
Владычествуяй — владычествующий.
Власно (польск. właśnie) — именно, точь-в-точь, собственно.
Власный (польск.) — собственный.
Вмале — недолго, мало.
Внезапу — внезапно.
Внушить — услышать.
Возбожду — возведу.
Воздоить — вскормить, воспитать.

Воздыхаяй — воздыхающий.
Возмогший — преодолевший.
Возновлять — возобновлять.
Возносительный — относительный.
Вои — воины.
Волна — овечья шерсть.
Волочайка — потаскушка.
Волчец — сорняк, колючка.
Вонми — услышь.
Вонность — запах, аромат.
Воскрилять — возносить, возноситься.
Восписывать — приносить похвалы.
Воспященный — обращенный вспять, остановленный, мешающий.
Восхищаться — восторгаться; подниматься (кем-либо), увлекаться.
Вось — авось.
Вотще — напрасно, тщетно.
Вполы, впол — вполовину, наполовину.
Впреде — впереди.
Впредки — впредь.
Впреки — наоборот, вопреки.
Вразнь — порознь.
Врачевство — лечение.
Вредный — поврежденный.
Вреть — кипеть, вздыматься.
Вринуть — ввергнуть.
Всевать — внушать, внедрять.
Всеверный — тот, в кого все верят.
Всевещность — материальность.
Вседетельный — всегда деятельный, все создавший.
Всеконечно — до конца, совершенно.
Всекрайний — всеконечный, досягающий до всех пределов.
Всельшийся — вселившийся.
Вси — все.
Вскую — почему, для чего.
Вспятно — обратно.
Встая́ — вставая.
Всток — восток, восход.
Всуе — напрасно.
Всчинает — начинает.
Всякородно — разнообразно, всячески.
Всяку — всякому.
Втай — тайком, тайно.
Вточь — точно, в точности.
Втуне — бесполезно, напрасно, без внимания.
Выну — всегда, во всякое время, непрестанно.
Выспренный — возвышенный, всевышний, поднятый высоко над землей.
Выспрь — вверх.
Вычернить — исключить, вычеркнуть.
Вышния — высшей, небесной.
Выя — шея.
Вящий — больший.

Гарфа — арфа.
Гинуть — погибать.
Глагол — слово.
Глад — голод.
Глазолюбность — кокетство, флирт, волокитство.
Гласно — громким голосом.
Глоб — мир, земной шар.
Глум — издевка, шутка.
Гонзнуть — убегать, спасаться бегством.
Гонить — гнать.
Гоньба — гонение, преследование.
Горнейшие — высочайшие, небесные.
Господственный — владеющий.
Гребло — гребля, запруда, плотина.
Грунт — основание.
Грядеть — идти, приходить.
Грядеши — идешь, приходишь.

Далить — отдалять.
Данны — данной.
Даровася — даровался, достался.
Двиг — движение, жест, толчок.
Двизатель — движущая сила, двигатель.
Дворен — домашний, ручной.
Двусоставный — двойной.
Деловец — способный к делам, работам, художествам.
Дельность — основательность, справедливость.
Деля — для, по причине, ради.
Денница — утренняя заря.
Держава — золотой шар с крестом наверху, символ власти монарха.
Десница — правая рука.
Десть — мера писчей бумаги, 24 листа.
Диадима — диадема, царский венец.
Дивность — удивительность.
Дира — дыра.
Длань — ладонь.
Днесь — ныне.
Доброзрачный — пригожий, приятный, благообразный.
Добро́ты — достоинства, качества, красо́ты.
Доброхотный — желающий добра.
Доводный — доказательный.
Довольный — достаточно большой.
Доднесь — доныне.
Дол — долина, низина.
Долбня — деревянный молот.
Долг — должно.
Доле — низко.
Должность — обязанность, долг.
Долу — вниз, внизу.
Дольный — нижний, земной.
Домочься — добиться.

Достолепный — пристойный, приличный.
Досужество — умение, способность.
Дотык (польск. dotyk) — осязание.
Дотычка — прикосновение.
Древле — издавна.
Другиня — подруга.
Дур — музыкальный термин, обозначающий мажорное повышение тона.
Дхнуть — повеять.
Дышание — дыхание.

Ей — истинно.
Елень — олень.
Есень — осень.
Есмы — мы есть.
Ести — быть.

Жаль — грусть, скорбь.
Жвака — жвачка.
Жватая — жеванная.
Желвъ — черепаха.
Женоличны — женственный.
Жестота — жестокость.
Живот — жизнь.
Жита — хлеба.
Жребий — счастье, участь, доля, судьба.

Забытность — забвение, беспамятство.
Завсе — всегда, часто.
Заде — позади.
Заживать — наживать.
Зазирать — считать зазорным, презирать.
Заклепы — запоры, оковы.
Заключать — запирать, замыкать.
Запад — закат.
Зарница — утренняя и вечерняя звезда (Венера).
Затела — затеяла.
Заяти — занять.
Збойство — коварство.
Звон — звук.
Здание — создание.
Здать — строить, создавать.
Зде — тут, здесь.
Здор — вздор, брань, распря.
Зельно — весьма.
Зельный — большой.
Зеница — зрачок.
Зиждитель — создатель, творец, основатель.
Зияет — разверзает рот.
Злачный — обильный, урожайный, отличающийся достатком.
Зле — дурно, плохо.

Злобожный — безбожный, ненавистный богу.
Злопророчны — зловещие.
Знатно — известно, видно.
Зоблить — набивать зоб, есть.
Зограф — живописец.
Зрак — лицо, образ, вид; глаз.
Зря — видя.
Зык — звук, гул, звон.
Зычна — громкая.

Иже — которые.
Извести — привести.
Известно — несомненно, подлинно.
Извол — желание, хотение.
Изволение — желание, наклонность воли.
Извольный — добровольный.
Изныть — развалиться, распадаться.
Изобрящешь — изыщешь, найдешь.
Изращать — выращивать.
Изрядный — изящный, особенный.
Изрядство — изящество, превосходство.
Илектровы — из сплава золота и серебра (электрона); сверкающий.
Имать — брать, взять.
Имеяй — имеющий.
Имны — гимны.
Имство — свойство.
Имуще — имеющее.
Ин — иной; ладно, в таком случае.
Ина — иная.
Инак — иначе.
Инде — в другом месте, где-нибудь, местами.
Иногда — некогда.
Инославный — чужеземный.
Иск — поиск.
Испарь — испарение.
Исперва — сначала.
Испещренный — пестро, ярко украшенный.
Исполнь — наполненный, полный.
Исправен — быть в полном порядке, в состоянии.
Испытно — на опыте, исследуя.
Исто — подлинно, искренне.
Исходяй — исходящий.

Кадь — кладка.
Казать — показывать.
Каравод — хоровод.
Кая — какая.
Кимвалы — музыкальный ударный инструмент.
Клавитур — ножная педаль в органе.
Клал — складывал, сочинял.
Клас — колос.

Клеврет — товарищ, соучастник.
Князю — князь (форма звательного падежа).
Ков — умысел, коварство, хитрость.
Колико — сколь много.
Коль — сколько, как.
Комит — сбивает в комья.
Конец — цель.
Конечно — окончательно, полностью.
Конче — верно, точно.
Королларий — добавление к логической аргументации.
Корысть — богатство, добыча, выгода.
Косно — медленно.
Косный — медлительный.
Котлик — котелок.
Кою — какую.
Крава — корова.
Крайка (польск. krajka) — кромка.
Крайно — крайне, весьма.
Краситься — украшать себя.
Краснейше — прекраснее.
Краснозарные — прекрасные; румяные, как заря.
Красный — красивый, прекрасный.
Красовули — братины, большие чаши для вина.
Крепость — сила, твердость, защита, верность.
Кринна — лилейная.
Крины — лилии.
Кротит — укрощает, смиряет.
Крушец — руда металлическая.
Кумир — статуя.
Купно — вместе, одновременно.

Ланиты — щеки.
Ласкательство — лесть, обман.
Ласкать — льстить, обманывать.
Ластовица — ласточка.
Леп — хорош, красив.
Лепота — красота.
Лестец — обманщик, обольститель.
Лестный — ложный, коварный, обольщающий.
Лесть — обман, коварство.
Летобытный — летний.
Лик — лицо, облик; хор, сонм.
Ликовство — ликование.
Ликовствовать — веселиться.
Лимфы — воды (лат. limpha — чистая вода, влага).
Лих — лишь только.
Ловитва — ловля, охота, преследование.
Ложсь — ложь.
Лысть — голень.
Льгота — облегчение.
Льготна — отрадная, облегчающая.
Льготный — легкий.

Льзя — можно.
Льститися — обманываться.
Льстить — обманывать.
Лья — наливая.
Любимство — волокитство.
Любительность — привязанность.
Люботщатели — любители.

Масть — масло, мазь; цвет, качество.
Мах — движение.
Махина — машина, орудие.
Мена — превращение, обмен.
Мерен — умерен.
Мерно — умеренно, в меру.
Мерность — умеренность.
Меск — мул, лошак.
Метно — метко.
Мечтание — фантазия.
Мешкота — нерешительность, медлительность.
Мзда — плата, награда.
Мнее — меньше.
Мнейший (польск. mniejszy) — меньший, малейший.
Мнить — думать, полагать.
Мног — многий.
Могутство — сила, крепость, власть.
Мóлча — молчаливость.
Моргослепый — подслеповатый.
Мощно — можно; мощное.
Мраз — мороз.
Мусики — музыканты.
Мусикийский — музыкальный.
Мусикия — музыка.
Мшица — мошка.
Мышица — мышка.
Мя — меня.
Мятеж — смятение, волнение.

Навет — клевета, козни.
Наглый (польск. nagły) — внезапный, порывистый.
Наглость — порыв, стремительность.
Нагонить — нагнать.
Надея — надежда.
Надхнуть — повеять.
Найпаче — особенно, всего более.
Налог — бремя, гнет.
Налящи — налечь, совершить натиск.
Намало — немного.
Намащен — умащен благовониями.
Намер — цель, намерение.
Наперсница — задушевная подруга, особо доверенное лицо.
Наполы — наполовину, пополам.
Напольный — полевой.

Нарок — определение, название.
Нарока — умысел.
Наслек (наслег) — ночлег.
Натечение — внедрение.
Начаток — зависть.
Небытность — отсутствие.
Невегласно — невежественно.
Невещественный — бестелесный, духовный.
Невишной — невидящий, слепой.
Невреден — неповрежден, невредим.
Негде — где-то.
Неглумность — серьезность.
Недоброхотство — недоброжелательство.
Недоверка — недоверие.
Неж — нежели, разве, будто.
Незапный — внезапный.
Некак — каким-то образом.
Некакое — какое-то.
Некогда — иногда.
Некошный — дурной, негодный.
Нелестный — без обмана, искренний, непритворный.
Неначайный — нечаянный, неожиданный.
Необиновенный — откровенный, искренний.
Необходный — неизвестный.
Неотменны (польск. nieodmienny) — неизменный, постоянный.
Непременность — непреложность, неизменность.
Непременный — неизменяющийся.
Непреречно — беспрекословно, бесспорно.
Несловна — несказанная.
Нетщание — небрежность, отсутствие старания.
Нечестен — не пользующийся уважением, почетом.
Нижé — ни даже.
Новорастныя — новорастущей.
Нощеденство — сутки.
Ноя — изгнивая.
Нудить — принуждать.
Нужден — нуждающийся; нужен.
Нуждно — необходимо, поневоле.

Обесчадить — лишить детей, наследников.
Обжирцы — прожорливые.
Облежать — окружать.
Облещись — облечься, облачиться.
Облистать — озарить.
Обóженный — почитаемый богом.
Обóжить — приблизить к богу.
Оболчен — облачен.
Образование — представление.
Обрат — возвращение, обращение.
Оброчно — обязательно.
Обыд — весь день.
Обычайны — обычные.

Огиб — дуга, колено.
Одноличность — одинаковость, единообразие.
Оки — очи.
Округ — окружность.
Олтарь — алтарь.
Ольеты (франц. oeillets) — гвоздики.
Омрак — обморок.
Опочинуть — отдохнуть.
Оправлять — оправдывать.
Оратай — пахарь.
Орющий — пашущий.
Осенять — благословлять.
Осклабляться — улыбаться.
Оскуда — бедность, нищета, скудость.
Осмый — восьмой.
Основа — продольные нити ткани.
Отвергся — отпал от веры.
Отвращать — отвлекать.
Отжени — отгони.
Отмененные — отличающиеся.
Отменито — отменное, выдающееся.
Отмет — отрог горной цепи.
Отмещевать — отмстить.
Отнеле — с тех пор как.
Отобоюду — с обеих сторон.
Отревать — отвергать.
Отчасу — час от часу.

Пад — упав.
Пажить — пастбище.
Пазногти — последние суставы пальцев с когтями.
Паки — снова, опять.
Панегирический — восторженный, хвалебный.
Пасет — стережет, хранит, наставляет.
Паства — стадо; пастбище.
Паче — более.
Пелынь — полынь, горечь.
Перси — грудь.
Персты — пальцы.
Персть — прах.
Пещись — заботиться.
Пиима — поэма.
Письмена — буквы.
Письмя — буква.
Питаяйся — питающийся.
Пластический — округлый, выпуклый.
Плевы — плевелы, сорняки.
Плетни — завязки.
Плешница — потаскушка.
Плотный — телесный.
Плынь (польск. płynąć — плыть) — плыви, поплыви.
Побудок — инстинкт, побуждение.

Повеждь — поведай.
Поверенность — вера, доверчивость.
Повсемственный — повсеместный.
Повсягодно — ежегодно.
Поганский — языческий, нечестивый.
Подая — давая, предоставляя.
Подзор — подозрение, наблюдение.
Подкрепа — опора.
Подлога — подкладка.
Подлый — низкий, незнатный, простонародный.
Поезжане — гости, участвующие в свадебном поезде.
Поемлю — принимаю.
Пожерли — принесли в жертву.
Пожерты — принесены в жертву.
Поздо — поздно.
Позорище — зрелище.
Показ — наставление.
Полнить — исполнять.
Полудень — юг.
Поне — хотя бы.
Понеже — поскольку.
Понимаяй — понимающий.
Понт — море.
Понтак — род французского вина.
Поправа — исправление.
По превосходству — по преимуществу.
Попремногу — многократно, во много раз.
Попуститься — позволить себе что-либо, решиться на что-либо.
Поражавший — победивший.
Пореваться — стремиться, стараться.
Порфира — парадная мантия, символ власти монарха.
Поряда — установленный порядок, обычай.
Последство — последствие.
Пота — до тех пор, дотоле.
Потребить — погубить.
Потщиться — постараться.
Правительство — власть.
Право — истинно, верно, справедливо.
Праздный — пустой, инертный, бездеятельный.
Прах — пыль.
Преблещаще — сверкающее.
Пребогатее — еще более.
Пребываяй — пребывающий.
Превечный — предвечный, т. е. существовавший «до сотворения мира».
Превыспренный — всевышний.
Предел — предопределение, предначертание, судьба.
Предельность — ограниченность, конечность.
Предлог — причина, повод, побуждение.
Предняя — передняя.
Предпоставленный — поставленный впереди других.
Председеть — сидеть на почетном первом месте, возглавлять.

Председящий — занимающий первое место, возглавляющий.
Предсутствовать — существовать ранее.
Преду — впереди.
Презельный — превеликий.
Презор — презрение, высокомерие, гордость.
Преиспещренно — изукрашенно.
Преки — вопреки, наперекор.
Прекий — противоположный.
Прекословно — вопреки.
Прелестный — обольщающий, обманчивый.
Премирный — находящийся над миром.
Премогать — брать верх, побеждать.
Препроводницы — спутницы.
Препятно — мешая.
Преречно — противореча, споря.
Пресечение — цезура.
Пресечный — останавливающий, пресекающий.
Прескок — перебежчик.
Преспеющи — преуспевающие.
Престая — переставая.
Престольно — возглавляя.
Престудно — очень стыдно.
Претить — воспрещать.
Пречно — наперекор.
Прибытность — полезность, прибыльность.
Прибыток — польза, корысть.
Пригода — польза, надобность.
Призор — присмотр, уход.
Приклад — пример.
Прилежать — принадлежать.
Прилог — пример, применение, прибавление.
Прилучиться — случиться.
Примена — сравнение.
Примрачный — темный, помраченный, сумрачный.
Примышление — художественный вымысел.
Припадок — случай.
Приписать — посвятить (произведение кому-нибудь).
Приражение — прикасание.
Присно — постоянно, всегда.
Присносущий — всегда существующий.
Присный — постоянный, истинный, вечный.
Приспевает — настает, прибывает.
Приставник — наставник, воспитатель.
Притон — убежище; местонахождение, положение.
Прицел — мета, цель.
Причесть — причислить.
Причитать — приписывать.
Причтение — предпочтение.
Приятство — доброжелательство.
Приятый — взятый.
Проведение — проход.
Прозябшу — произросшую, выросшую.

Произвед — сделав.
Произвол — добрая воля, свободное желание.
Произыти — произойти, родиться.
Происход — происхождение.
Промежка — расстояние.
Проповедят — провозгласят, объявят.
Проповеждь — проповедуй, провозглашай.
Просодия — слогоударение.
Проста — глупа.
Противность — сопротивление, враждебность.
Противный — вражеский, противоположный.
Пря — спор, борьба.
Пчак — юноша.

Работный — раб, порабощенный.
Разженеши — рассеешь, разгонишь.
Разженшая — разогнавшая, рассеявшая.
Разлог — глубокий овраг.
Разлогий — развалистый, отлогий на обе стороны.
Разнота — различие, несходство.
Разнь — разнообразие, различие.
Разрешить — развязать.
Разрядить — упорядочить.
Рало — плуг.
Рамена — плечи.
Рамо — плечо.
Раскаты — насыпи или помосты для пушек.
Распещрять — украшать, узорить.
Рассудна — рассудительная.
Рассуждаяй — рассуждающий.
Раст — рост; пора быстрого роста зелени, хлеба, плодов.
Растлить — сгноить.
Рачаща — заботящаяся, старающаяся.
Ревнительный — ревностный, исполненный рвения.
Ремез — птичка из семейства синиц.
Ремжет — спешит.
Решить — управлять.
Рог — сила, власть, могущество, гордость.
Род — рождение, образование.
Рождший — родивший, т. е. отец, предок.
Розги — ветви, лозы.
Роки — судьбы.
Роскошь — наслаждение, блаженство.
Руно — овечья шерсть.
Рцет — скажет.
Рцы — скажи.

Сайдак — чехол для лука.
Самодовольный — достаточный сам по себе, самодовлеющий.
Самоизвольный — действующий по собственной воле.
Самоиздельно — произвольно.

Сброд — сборище, сходбище.
Свар, свара — ссора, распря, спор.
Свед — сведя, низведя.
Сведомый — знающий, умеющий.
Сверсный — равного возраста.
Свне — извне.
Своевольно — добровольно.
Свойство — признак.
Сдатель — создатель.
Сдобна — утяжелена, сдобрена примесями.
Седша — севшего, севшая.
Сельба — населенность.
Семо — сюда.
Сень — тень.
Сиесть — то есть.
Синаксарь — книга для христианского чтения в определенные дни недели, праздники, содержащая житие святых, великомучеников.
Синетá — синий цвет.
Сипко — хрипло.
Сице — так, таким образом.
Скимен — львенок.
Скорить — спешить.
Скучить — томить.
Славий — соловей.
Славится — похваляется.
Сласная — сладкая.
Сластех — сластях, наслаждениях.
Сласть — наслаждение.
Слепотствовать — страдать слепотою.
Слина — слюна.
Сличный (польск. śliczny) — прекрасный, прелестный, достойный.
Сличье — красота, прелесть.
Слог — сложный.
Смак — вкус.
Сматить — истомить, сморить.
Смятно — смущенно.
Смяться — смягчиться.
Снабдевать — кормить, питать, снабжать.
Собный — особый, собственный.
Совестно — честно, искренне.
Совокуплять — соединять.
Содевать — свершать, исполнять.
Содетельный — зиждительный.
Сокровенный — спрятанный, скрытый.
Сопрящи — сочетать.
Сопы — порубы, жёлобы.
Состав — сустав.
Сотворшем — сотворившем.
Сотью — стократ.
Союзить — соединять.
Споны — помехи, препятствия.

Способна — удобная.
Споспешатель — пособник, помощник.
Спречь — соединить.
Спрягся — женился.
Срасно — сросшись, соединившись.
Среда — середина.
Сретать — встречать.
Срога, срогий (польск. sroga) — свирепая (—ый), жестокая (—ий).
Срядный — обычный.
Срящем — найдем, обретем.
Ссачить — отыскать.
Статки — достатки.
Статок — имение, достаток.
Стегно — бедро.
Стенет — стонет.
Стень — тень.
Стихиры — духовные песнопения.
Стещись — стечься, собраться.
Стомах — желудок.
Стомить — сморить.
Стратив — утратив.
Стремительство — стремление.
Стремлять — стремить.
Стяжать — приобретать.
Сугубить — удваивать, усиливать.
Сугубый — двойной, двоякий.
Суды — сосуды.
Супостат — противник.
Сухота — горечь, печаль, тоска.
Сущий — существующий.
Сцептик — скептик.
Счетание — комбинация.
Счетанность — соединение.
Сый — сущий, вездесущий.

Тай — тайно.
Такожде — также, равно.
Тать — вор.
Тая — та.
Тварь — творение, создание, все сущее на земле.
Твористи — творите, создаете.
Тельный — вещественный, тленный, материальный.
Тем что — потому что.
Тещи — течь, протекать.
Ти — тебе.
Тимпан — литавр; барабанная перепонка в ухе.
Тлить — разрушать, превращать в тлен.
Тля — прах, тлен, гниль.
Ток — поток.
Токмо — только.
Толикий — такой.
Толочить — вытаптывать.

Толь — столь.
Тоне — тоньше.
Точить — источать.
Точно — только.
Треба — необходимо, следует.
Третично — в третий раз.
Триангул — треугольник.
Тристат — военачальник.
Трудник — труженик.
Трудоположник — наставник.
Трус — сотрясение, землетрясение, волнение стихий.
Туга — печаль.
Тук — жир, перегной.
Тул — колчан.
Тучный — обильный.
Тщание — усердие.
Тщащуюся — старающуюся.
Тщета — напрасное, бесплодное занятие.
Тщиться — стремиться, стараться.
Тыя — те.
Тьма — множество (буквально: десять тысяч).
Тюлипы (франц. tulipe) — тюльпаны.
Тя — тебя.

Убо — следовательно.
Убор — наряд.
Убранство — украшение.
Увенчанны — увенчанной.
Увет — увещание.
Углебнуть — увязнуть.
Угобженный — изобильный.
Угобзить — одарить, наделить.
Уд — член, тело.
Удивительная — восклицательный знак.
Удобно — легко, нетрудно.
Удоволить — удовлетворить, снабдить.
Ужа — узы.
Узорочность — украшенность.
Узорочный — испещренный, украшенный узорами.
Укоснить — уклониться, миновать.
Украшенны — украшенные.
Укрух — кусок, ломоть.
Уме — ум (форма звательного падежа).
Умильный — приятный, привлекательный.
Умство — теория.
Упоевать — опьянять.
Услужный — полезный, готовый к услугам.
Усретать — встречать.
Уставить — учредить.
Устне — уста.
Усугублять — удваивать.
Утыл — стал тучным.

Уханьми — благоуханиями.
Уясняя — освещая.

Ферт — название буквы «Ф».
Флейдузы — флейты.
Фразис — фраза, предложение.

Хвально — похвальное, достойное хвалы.
Хинский — китайский.
Хитить — красть.
Хлест — соловьиный свист.
Хлубь — хлябь, простор, глубь; бездна, наполненная влагой; здесь: небо.
Хорошство — изящество, красота.
Хоть — страстность, похоть, желание.
Худогий — искусный, умелый.
Художный — искусный.

Цевница — дудка.
Целый — полный.
Цельба — исцеление.
Цельно — метко, точно, правильно, здраво.
Цосно — вероятно: честно, т. е. почетно, хорошо.

Чада — дети.
Чадь — дружина.
Часка, частка — частица.
Часть — доля, удел, участь.
Чезнуть — хиреть, разрушаться, исчезнуть.
Червленеть — становиться багряным, краснеть.
Четверть — четвертая часть аршина.
Чив, чивый — щедрый.
Чин — порядок.
Чинить — делать.
Чредить — учреждать, приводить в порядок.
Чрепокожные — панцирные животные.
Чресла — внутренности, лоно; поясница, бедра.
Чудясь — дивясь.

Шед — идя.
Шлемый — посылаемый.
Шлется — посылается, направляется, ссылается.
Шумный — беспокойный.

Щеглик — щегленок.
Щититься — защищаться, обороняться.

Элементы — по представлениям древних, четыре стихии: земля, вода, воздух, огонь.
Эпистола — письмо, послание.
Эпиталама — поздравительная песнь новобрачным.

Ю — её.

Яве — явно.
Явленнейший — самый явный.
Ядь — пища.
Язва — рана, болезнь.
Язвить — ранить.
Языки — народы.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Портрет В. К. Тредиаковского работы Ф. Рокотова (?). Масло. (ГПБ).

2. *Между стр. 96 и 97.* Ноты к стихам В. К. Тредиаковского.

3. *Между стр. 320 и 321.* Портрет В. К. Тредиаковского со стихотворной подписью, помещенный в «Деидамии» (М., 1775). Гравюра А. Колпашникова.

4. *На стр. 443.* Страница из корректурного экземпляра книги В. К. Тредиаковского «Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой...». СПб., 1748, стр. 384. (ПД).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

ИЗ РОМАНА «ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ»

СТАТЬИ О РУССКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ

Приложения

Тредиаковский Василий Кириллович

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редактор *З. И. Гершкович*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 19/VII 1963 г. Подписано в печать 6/XI 1963 г. Бумага $84 \times 108/_{32}$. Печ. л. $18^1/_8$ + 3 вкл. (30,03). Уч.-изд. л. 30,71. Тираж 10 000 экз. Зак. № 964.
Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УЦБиПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3